

РИМ ФИКТОР

ЧЕБАЧОК К ПИВУ

история одной мести

УДК 882.3
ББК 84
Ф 50

Фиктор, Рим

Ф 50 Чебачок к пиву. История одной мести. – Екатеринбург: самиздат, 2013.
– 400 с.

ISBN 978-5-9902644-1-0

Первое в мире художественное произведение о чарующей и одурманивающей фасцинации и ее захватывающем и шокирующем воздействии на психику.

Ученый-подвижник Юлиан Арбелин, основатель фасцинетики, новой науки о чарующей и устрашающей фасцинации и коммуникации, предлагает ФСБ проект создания секретного научно-практического антитеррористического Центра. И у него закручиваются сложные отношения с язвительным полковником ФСБ Станиславом Гаргалиным. В обойме у Гаргалина эксперты – противники фасцинетики, известные политологи, социологи, пиартехнологи, журналисты. Все они мечтают размазать фасцинетику и Арбелина по стенке.

У Арбелина – только небольшая команда молодых одержимых помощников: талантливый кулинар Денис Захаров и студентка факультета психологии Альфа Истомина с отцом. И ему удастся экспериментально показать неодолимую мощь фасцинации и фасцинетики, превратив уральский мегаполис Бург на целую неделю в ликующее и пляшущее братство на празднике пива.

Мсть свершилась...

УДК 882.3
ББК 84
Ф 50

© Фиктор, Рим. 2013

ISBN 978-5-9902644-1-0

К ЧИТАТЕЛЮ

История эта случилась в одном из мегаполисов Урала в недавние годы тотальной коррупции, массовой пивомании и всплеска дедовщины в легендарной российской армии.

Когда я дал прочитать рукопись мэру города, он нахмурился и пообещал надрать всем задницы и расплющить. «Но ведь они невиновны, Михаил Аркадьевич! – убедил я мэра. – Люди как люди, жертвы иллюзий. Попали под чары чебачка к пиву».

Мэр нехотя согласился, он и сам баловался пивком, я это знал. И чебачка попробовал с удовольствием, даже песни пел под его воздействием. Отодвинув мысли о репрессиях, он попросил парочку экземпляров книги, как только она выйдет.

– Там у тебя... мэр толстый в Колизее сексом занимается...это не я? – с хитровой усмешкой спросил он.

Габариты мэра внушали почтение.

– Что Вы, что Вы! – замахал я руками – Как бы я Вам рукопись принёс, если бы Вы! Это сон такой приснился моему чокнутому герою!

– Ладно, ладно, – добродушно рассмеялся мэр, – чего только вы, писатели, не выдумаете... Только название города перемени.

За что и кому мэр намеревался надрать задницы я так и не понял. И пообещал ему скрыть имя города.

Так что, уважаемый читатель, всё нижеописанное произошло в реальном уральском мегаполисе, расположенном по обе стороны всё ещё полноводной, но надёжно загаженной всяческим дерьмом реки, в окружении невысоких гор и изрядно поредевших лесов...

А назвал я этот нелепый и холодный мегаполис просто – Бург.

Рим Фиктор

...не прошло ни одного дня, чтоб я не
думал о мщении. Ныне час мой настал...
А. Пушкин. Выстрел

Часть первая

ФАСЦИНАЦИЯ МЕСТИ

Им было весело. Деды радостно ржали как жеребцы, гоготали как гуси, хрюкали как свиньи.

Такого ни в одной части не увидят. Обхохочешься. Ну и выдумщик, этот Санька Дубичев! Кроме него никому и в голову не пришло бы так поучить салагу. Всё стандартное, из архивов дедовщины, они уже испробовали. Малость возбуждало, но, в общем-то, было скучновато, приелось. А тут такой поворот! «Класс!», – восхищённо оценил Тимоха Сорокин, первый дружок и подручный Саньки Дуба.

Салага Денис Захаров по кличке Скелет к девятнадцати годам был всё ещё наивен как дитя. Не думая о последствиях, он едко посмеялся над любимым питием солдат орденоносной Н-ской мотострелковой дивизии – над пивом «Бургское Улётное». «Мочу я не пью», – небрежно отмахнулся он, когда уже поднабравшиеся парни протянули ему банку пива: «Выпей, расслабься». Пиво было дармовое, поставлял его парням за тайные услуги Ромка Кукуев со своего пивзавода в Бурге, сегодня привёз – хоть упейся, отчего ж не поделиться. Пей, салага!

Хоть и наивен был Денис, но и резковат, весь в отца, что не раз уже портило ему в жизни. Санька Дуб, услышав слова Дениса, промолчал, только сузил маленькие свои сальные глазки.

Надо сказать, что Санька при всей его дубоголовости знал толк в анекдотах, любил их и в памяти держал несметное количество. В основном похабных. Про Анку-пулемётчицу, про Сару и Абрама, про лису и медведя. Про поручика Ржевского и Наташу Ростову не любил, но помнил. Память на анекдоты была у него какая-то невероятная, как у мутанта, – он помнил их все, разве только те выпадали из памяти, смысл которых до его интеллекта, – если то, чем он мыслил, можно было назвать интеллектом, – не доходил. Проще говоря, он не запоминал анекдоты, требующие некоторого умственного напряжения для расшифровки смысла. Он так и не понял любимого анекдота Фрейда, который, вообще-то, изумительно прост: стареющий муж говорит стареющей жене: «Если кто-то из нас раньше умрёт, я уеду жить в Париж». Санька Дуб юмора не просёк, но ввиду краткости анекдота всё же его машинально запомнил. Ну, а если учесть, что девяносто процентов анекдотов в той или иной мере похабные, а похабность примитивна, то, стало быть, Санька Дуб помнил их девяносто процентов. И уж

анекдот про беседу Брежнева со своим соратником по Политбюро Сусловым о лечении от всех болезней уриной помнил слово в слово, особенно хорошо копировал причмокивающее произношение постаревшего Брежнева: «Запомни, Миша, я мочу не пил, не пью и пить не буду». Вполне приличный анекдот. Но про мочу. Это Саньку Дуба и забавляло. И вот выискался салага, который сравнил с мочой пиво. Этого Санька не мог ни понять, ни стерпеть. Пиво – моча?! Глаза его злобно сощурились. Чёткие пацаны, обожающие пиво во стократ пуше колы и прочих шипучек, тоже были ущемлены в романтических чувствах и готовы были тут же превратить Дениса в фарш. Но Санька остановил:

– Ша! Ну не любит человек мочу, значит не любит. Брежнев тоже не любил.

Причём тут Брежнев, пацаны не поняли, но утихли.

На том и расстались с Денисом.

И вот теперь, когда повалили обидчика на кафельный пол в душевой, а Санька наполнял пустые банки из-под «Бургского Улётного» из своего пузыря, поняли замысел жожака и, развеселившись, ржали как жеребцы.

Их было пятеро, сподвижников гнусного Дуба. «Щас я тебя порадуя, щас ты у нас хлебнешь пивка», – весело приговаривал Санька, и подельники дружно гоготали.

Мочу вливали надёжно. Денису не давали трепыхнуться и крепко зажали нос, чтобы рот открывал. Так вливали в древние времена расплавленное олово в горло еретикам.

«Фирма!», «Плиз!», – упражнялись в плоском остроумии деды.

О, юные ранимые существа, ещё детские души, но уже испытывавшие на своей шкуре так много пакостных издевательств, что дойдя до планки дедов, не могли сдерживать сладостного садистского удовольствия и давали выход накопленной мстительной энергии на салагах. Дотошные социологи открыли, что самыми ретивыми дедами становятся сыновья тех, кто в свои армейские годы был жертвой особенно низменных издевательств. Они-то и учат сыновей: бей первым, стреляй первым. Их сыновья тоже попадали под стандартные жернова дедовщины, но, как только переходили в разряд дедов, отыгрывались на салагах по полной программе. Через них отцы мстили за поруганную когда-то юную плоть; сыновья становились орудиями отсроченной мести отцов. Таким сыном униженного двумя прапорами отца был здоровенный, килограммов под девяносто, квадратный детина Санька Дубичев по прозвищу Дуб, ставший у дедов непрекращаемым лидером и заводилой. Никто никогда не узнал о низком поругании прапоров, но затаенная злоба к армейским годам у отца Саньки вылилась в две реакции: он крепко пил и сына воспитывал зверем. При Санькиных габаритах и силе это было легко. Он бил всех, бил первым, бил безжалостно и надёжно. Благодаря силе и богатырским габаритам Санька почти избежал «учёбы» дедов, выдержав две схватки с ними, после чего те оставили его в покое, отыгрываясь на других. А как только Санька сам перешел в разряд дедов, он тотчас захватил лидерство и стал первым авторитетом при верной свите из пятерых подельников, которые и держали Дениса. Санька любил поглумиться над салагами и соратники с наслаждением внедряли его дополнительные «штучки» к привычным приемам дедовщины. А тут такой случай! Денис сам нарвался и подсказал казнь. Вот и захлебывался. Деды считали, что выдумка Дуба была для салаги, оскорбив-

шего их любимое пиво, заслуженной карой. И потому были безжалостны. Влили ему одну банку, хотели и вторую, но больше ни в какую не лезло. «Посторонись, пацаны!» – приказал Санька и вылил мочу из другой банки Денису на голову.

Дениса вырвало.

– Чо, не нравится? – ехидно бросил Санька и сплюнул. – В следующий раз вольтём другое, послаще. Подотри тут свою блевотину! – Он смачно выругался.

Деды ушли, оставив Дениса наедине со следами позора.

Почти теряя сознание от бессилия и ненависти, сжав зубы, машинально и покорно подтёр Денис кафельный пол душевой, у него хватило сил обдать себя ледяной водой, но добравшись до своей койки, он потерял сознание.

Когда очнулся, его била дрожь. В голове гудело. Денис прошептал: «Отомщу!».

Жизнь в одно мгновение развернула то, о чём он мечтал, уходя добровольно и с желанием на службу в славную российскую армию, на сто восемьдесят грядусов, окрасив всё в чёрный цвет. Ещё вчера Денис неотвязно прикидывал, как бы получше накормить парней; теперь мозг всё отодвинул в сторону и в нём факелом вспыхнула неутолимая жажда мщения.

Наутро в части все уже знали о подлой экзекуции, проделанной Дубом над Скелетом. К выходам дедов привыкли и все были их жертвами, в том числе и сами деды, когда были в разряде салаг. Школу унижений прошли все поголовно, даже Дуб, которого деды били табуреткой по задку и ставили в позу петуха. Силен был Санька, а все-таки и его деды сумели сломать пару раз. Но то, что Дуб придумал для Дениса, выходило за все рамки, хотя физически ему не причинили почти никакого вреда, разве что синяки на руках и ногах – крепко держали. Способ был похож на опускание у эков и это всех покорило. Одно дело ходить с синяками на заднице от ударов табуреткой или бляхой и при этом испытывать удовольствие от того, что выдержал и получил пропуск в разряд настоящих мужчин, и совсем иное дело быть опущенным. Денису сочувствовали, и никто не посмел над ним подтрунивать. Его в части успели полюбить, и любовь шла от самого что ни на есть солдатского нутра – от живота, от святого места, при скудной армейской кухне постоянно сигналившего о первичной биологической потребности.

Дело в том, что Денису пришлось помочь поварам, он солдат кормил и кор-мёжка его им очень полюбилась.

Служить в армию Денис пошел добровольно и даже с воодушевлением, хотя мог запросто остаться дома. С четырнадцати лет, после смерти родителей в автотрагедии, жил он один с бабушкой, и её старость была для него вернейшим поводом просить отсрочки – ей исполнилось уже девяносто лет. Худой как грабли, почему всегда и везде мгновенно приклеивалось к нему прозвище Скелет, он решил, что в армии нарастит мяса. И бабушка не стала отговаривать, напротив, благословила. Знала его фанатичный характер, раз задумал, не свернёт, весь в отца, её единственного любимого сына. «Иди, Денисушко, иди. За меня не беспокойся, выдержу», – согласилась она с его решением. Бабушка ещё довольно

бойко ходила, правда с тросточкой, сама готовила еду, и даже потихоньку-помаленьку прибиралась по дому, и Денис был уверен, что она выдержит. А кроме того, рядом были хорошие соседки, они всегда помогут.

Тут надо отметить ещё и наивно-романтический настрой парня. Каким же надо быть простодушным, чтобы с открытой душой и страстным желанием стремиться в ряды славной армии, от службы в которой почему-то любимыми способами отмазываются тысячи и тысячи его сверстников! Это «почему-то» ум Дениса совершенно не волновало. Он мог поступить на химфак и с его грамотами и дипломами призёра химических олимпиад любой университет взял бы его без разговоров. Он мог отбояриться, прикрывшись бабушкой. Никого, кто бы за ней ухаживал, не было на всём свете, только Денис, её единственный любимый внук. Денис оба варианта оттолкнул от себя. Утопающий хватается и за соломинку: армия грезилась ему как надежда, как та последняя щепочка, которая должна была в его воображении спасти от уродливой худобы. Окрепших и нагулявших телесную упитанность парней, вернувшихся со службы, он видел не раз. Особенно возбудило его воображение появление Кольки Вахрушева из соседнего дома. До армии Колька был доходягой, а вернулся розовощёким мордоворотом. Вид Кольки укрепил желание. Всё уже перепробовал, оставалась армия. Таков он был, упёртый, как звала его бабушка, когда сердилась.

– Да не упёртый я, а упорный, бабуля, – отшучивался Денис.

– И упёртый! – повторяла бабушка. – Весь в отца.

– Ладно, пусть упёртый и упорный. – соглашался Денис, обнимая бабушку. Сравнение с отцом ему было слаще мёда.

Сын её, Пётр Захаров, добился всего именно благодаря своему целеустремленному до фанатизма характеру. Внук получил эти отцовские гены настойчивости и непоколебимости в принятых решениях. Добавила своё и беда — непостижимая уродливая худоба. Родители провели Дениса по всем врачам, и все они с удивлением фиксировали абсолютное здоровье тощего мальчугана, гормональную норму и разводили руками, не понимая, в чём источник такой аномалии. Природа задала и родителям, и Денису загадку.

Как только Денис подросток стал сознавать своё уродство, все силы своей души он устремил на избавление от него: занимался зарядкой, турник и гантели стали его страстью, ел до отвала всё, что должно было бы дать увеличение телесной массы, а в девятом классе попробовал и анаболики, но от них его стошнило и он бросил.

– Ты, Денис, особенно-то не напрягайся. – говорил суровый отец. – Были бы кости, мясо нарастет.

Сам он был тоже сухой и жилистый, но всё же далеко не скелет, скорее спортсмен-марафонец. Денис любил отца самозабвенно, старался во всём на него походить, гордился, что он один из самых талантливых в городе, лауреат и главный конструктор авиазавода. А после того, как подросток узнал от бабули, что это благодаря отцу он живёт на белом свете, то отец стал его божеством.

Родился Денис семимесячным с весом в один килограмм — буханка хлеба, и таким слабеньким, что едва улавливалось дыхание. В роддоме посоветовали писать отказную, объясняя впавшей в панику мамочке, что такие живут недолго, а если и выживают, то вырастают слабоумными инвалидами. Мать рыдала, но

отец, стиснув зубы и послав эскулапов ко всем чертям, сказал: «Нина, он наш, родной. Будем спасать». И они спасли сына! Мать держала его у груди, не давала замерзнуть, прикладывала к соску, как только Дениска сопел и открывал ротик. Выходили. И ни о какой неполноценности никто уже не заикался. Ни в чём Дениска не уступал сверстникам, был даже в числе первых. В школе учился на «хорошо» и «отлично». По физкультуре – в первых рядах. И только худоба не отпускала, не исчезала, а с взрослением всё сильнее бросалась в глаза. К прозвищу Скелет Денис привык и не обращал внимания. Жил он углубленным в себя, отстранённым, и ловил каждый рефлекс своего уродливого тела, надеясь на поправку. Армия и была его последней надеждой, а фанатизм отметал любые возражения и уловки.

– Иди, иди, – напутствовала бабушка, – соседки помогут.

– Это по-нашему! – напутствовал его и дядя Асхат, друг отца со школы, мэр города Асхат Галиаскаров. – За бабулю не беспокойся, последим и поможем.

И случился для Дениса в армии совсем непредвиденный поворот. Через четыре месяца службы в части заболел повар и помощнику повара нужна была подмога. Командир кликнул клич, кто умеет варить кашу и суп. И наш чисто-сердечный новобранец поднял руку. А как он мог не поднять, если он был честен и действительно умел управляться с готовкой, а кухня без повара могла оставить солдат без горячего. Да так выручил Денис, так помог повару, что у солдат разыгрывался аппетит и они просили добавки.

Готовить еду заставила Дениса жизнь, а научила бабушка. После гибели родителей в аварии остались они стар да мал. Приходилось крутиться по хозяйству, помочь было некому. Денис и полы мыл, и стирал, и еду готовил, когда бабушка прихварывала, а это случалось все чаще. Он готовил, она руководила. Так он выучился всему, что она умела, от салатов до пирожков с мясом. К десятому классу Денис мог и тесто замесить, и квас поставить, и курицу в духовке запечь. А суп да кашу сварить – это было и вовсе сущим пустяком. Надо сказать, что в самом начале он приобщался к кухонным делам без особой охоты, по суровой необходимости, но постепенно увлёкся и стал даже кое-что выдумывать, чем удивлял старушку. А увлёкся поварским делом ещё и потому, что пробовал с помощью еды нарастить мяса на свои кости. И стал искать способы для усиленного белкового насыщения организма. Ничего не помогало. А пригодилось. Но оказал он себе медвежью услугу: вместо упражнений на плацу командир, восхищённый его поварскими умениями, определил его на кухню.

Первое блюдо, которым Денис очаровал солдат, была гречневая каша. Срочно надо было что-то придумать на утреннюю кормёжку, и оставшийся помощник повара, теперь главный, приказал Денису, недоверчиво его оглядывая:

– Сварим гречневую кашу. Крупы – завались. Сможешь?

– Без проблем, – ответил Денис, – надо только замочить крупу на ночь.

Повар усмехнулся:

– Зачем?! И так слопают.

Денис знал, что слопают, но он знал и то, что после ночного намокания крупы в воде, она набухает, легко варится и отдаёт всё, что в ней есть хорошего. Спорить он не стал, а только попросил позволения замочить крупу.

Повар был снисходителен и ироничен:

– Валяй, если тебе делать нечего.

Денис просмотрел крупу. Ничего, можно готовить, определил он, но чистить от чёрных крупинок не стал, слишком большая масса, не дома на кухне.

А утром попросил разрешения самому сварить кашу.

Тут уж повар совсем подобрел. Как профессионал он понял: раз парень знает, что лучше крупу замочить, значит, знает и как варить. Ему стало даже любопытно, что из этого выйдет.

А вышло объеденье! Солдаты просили добавки.

Появился и командир части, заботливый отец. Решил проконтролировать, риск всё же. Взял миску с кашей, и после двух ложек удивлённо возрился на Дениса.

– Как это у тебя получилось?

– Да просто, – улыбнулся Денис, – бабушка научила.

– Расскажи. Я жене дам рецепт.

– Замочить крупу на ночь. Всю шелуху надо убрать, я вот не смог, слишком много. Утром можно варить. Залить хорошей водой, закрыть крышкой плотнее и варить полчаса, не открывая крышку и не перемешивая. Потом выключить плиту и пускай минут десять-пятнадцать попреет. После этого можно крышку открывать и посолить по вкусу, добавить, что нравится, и на стол.

– Очень просто. – согласился командир. – А почему не перемешивать?

– Она сама дойдёт. А перемешивание приведёт к улёту запаха, всяческой внутренней пропитки. Пусть попреет. Тогда она всё полезное и отдаст.

– Молодец! Будешь при кухне. Это приказ.

Командир понял – Денис знает ещё много чего про приготовление вкусной и полезной пищи.

А помощнику повара приказал, строго на него посмотрев:

– Дай парню свободу.

– Пусть варит, мне легче. – кивнул тот.

Он был покладист и не завистлив.

Так Денис стал любимым солдатами армейским поваром. Да и Дуб ничего против Дениса не имел и вместе со всеми уплетал щи, каши, макароны по-флотски и прочую еду, приготовленную Денисом.

Но всему есть мера и предел в армейском казарменном мире: надругательства над любимым пивом легкоранимая солдатская психика не могла спокойно вынести. Не пьёшь пиво и не пей, хотя и это уже не по-мужски, но помалкивай в тряпочку, не выступай с дурацкими замечаниями. Денис сам нарвался на то, чтобы его поучили. И деды поучили. На то они и деды, чтобы учить салаг уму-разуму и правилам настоящего мужского поведения. На то она и существует солдатская правка, чтобы деды вколачивали солдатскую мудрость в хлипкие, неопытные мозги салажат. В изобретении Дуба деды ничего страшного не увидели, а усмотрели только юмор и веселье. Не били же прикладами, не пинали, не подвешивали, не заставляли стоять на одной ноге по два часа и кукарекать, а

всего-то заправили мочой, чтобы знал, как и что о пиве не говорить. На всю оставшуюся жизнь. Если ты настоящий солдат и мужик, кури, пей водку и пиво. Как все. И не выпендривайся типа «Ой, я такой особенный, я пиво не пью, это же моча». Мочи от пива бывает много, это точно, но само-то пиво – не моча, а кайф! Лучше всякой там колы и пепси. Ах, моча?! На, получи мочу! Не вкусно? Будешь знать, как настоящих мужиков оскорблять! Железная логика солдата, ставшего дедом, учителем и повелителем для желторотых салаг.

Но для Дениса, выросшего в мире романтических мечтаний и фантазий о благородстве и чести, навеванных чтением художественной литературы, которую читал он запоем, сутками, все было по-иному. То, что проделал Санька с собутыльниками, было для него унижением, страшнее которого трудно было что-либо придумать.

Мелькнула даже мысль о самоубийстве, но только на долю секунды, и тут же отлетела. Отбросил он и мысль расстрелять обидчиков, как только случится взять в руки заряженный карабин. Так делали и делают униженные солдаты-салаги по всей России. Как он отомстит, он ещё не знал. Знал твердо только одно – достанет его хоть на краю света и найдет такой способ мщения, который заставит Дуба завывать воем побитой собаки.

Дошла весть о проделке Дуба и до Романа Кукуева, приятеля Саньки, авторитета, которому все служили с радостью, приправленной страхом, трепетом и содроганием, а могучий Санька перед Романом трясся как мышь перед котом. Этот тихий и неказистый двадцатитрехлетний парень сумел подчинить себе всю часть от салаг до офицеров и даже самого командира, крупногабаритного добродушного полковника, очень полюбившего «зелененькие», которыми Роман его исправно снабжал.

Появление Романа Кукуева, сына всесильного финансового воротилы Абрама Кукуева, в рядах славной российской армии стало неожиданным для всех, кто его знал, и окутано было мрачной тайной.

Неожиданным уже хотя бы потому, что защищён был Роман от службы «белым билетом», отец постарался: выдумали купленные им врачи какую-то странную редкую болезнь Менъера, медициной ещё до конца не разгаданную, с внезапными страшными головокружениями, потерей равновесия и рвотой. И вдруг полное выздоровление и добровольное изъявление пойти служить.

А ушёл Роман Кукуев служить в армию через месяц после того, как не стало отца, Кукуева-старшего, олигарха и жизнелюба.

Тайна исчезновения Кукуева-старшего состояла в страшном, потрясшем весь город преступлении, об исполнителе которого так и не докопались, а догадалась только мать Кукуева, тихая, верная и терпеливая жена и мать, как и положено истинной иудейке.

А непревзойденного Абрама Кукуева уважал и боялся весь город. И вот он исчез. Случайно отыскалась от его могучего тела только кисть левой руки с татуировкой, по которой и поняли, что Кукуев-старший убит и расчленён. Кисть была вытащена собакой должно быть из мусорного бака на окраине Кургана, за

сотни километров от Бурга, и не будь татуировки, никто никогда и не узнал бы, чья она. Остальных частей тела, как ни старались, так нигде и не обнаружили.

Когда Роману с матерью для опознания предъявили руку отца, мать упала без чувств, а Роман зарыдал: отцовскую татуировку ни с какой другой спутать было невозможно, и мать, и все друзья Кукуева-старшего тотчас опознали его руку. Татуировка была оригинальной и выполнена филигранно: чуть выше того места, где располагаются наручные часы, смотрел удивительно красивый, небесного цвета женский глаз. Это был глаз его жены, матери Романа, поразительно точно скопированный неизвестным художником.

Но многие знали, что у Абрама Кукуева точно такой же глаз был вытатуирован и на правой руке. И если руки соединить, то получался необыкновенно впечатляющий образ, будто чьи-то живые глаза на тебя нежно смотрят. И это были глаза его любимой жены. Они были с ним всегда и всюду, и даже когда жизнелюб Абрам Кукуев, изрядно подвыпив в компании, обнаруживал, что на его шее повисла какая-нибудь шмара из певичек или журналисток, он смотрел в глаза жены и отбрасывал прилипчивые руки.

Своей мощью Абрам Кукуев подавлял всех, кто с ним имел дело. Природой наделён был он неодолимой властной харизмой, парализующей волю к сопротивлению, как когда-то сотни тысяч лет назад огромные палеоантропы вгоняли зарождающихся гомо сапиенсов в столбняк покорного оцепенения магией грозного взгляда в упор и леденящего мозг жуткого яростного крика. Абрам Кукуев и был палеоантропом, а сын тщедушным гомо сапиенсом, восхищавшимся его мощью и авторитетом.

И лучше бы не было того дня, когда он увидел то, что перечеркнуло любовь к отцу и ввергло его в ненависть Эдипа. Он увидел то, чего не надо было ему, подростку, любившему мать и отца, видеть и знать. А увидел двенадцатилетний мальчуган страшную для него картину: огромной тушей медведя навалился отец на миниатюрную мать и давал, давил, давил её. Она только постанывала, всплакивала, сжимала его и царапала. «Чего мычишь, как корова!», – радостно ржал Абрам Кукуев, грубо и ловко переворачивал её на живот, хлопал ладонью по ягодицам, и снова наваливался всем стокилограммовым туловищем медведя.

Какой подросток не мечтает подсмотреть, что делают мама с папой в спальне. Проснувшись среди ночи по нужде, Роман услышал тихие возгласы, доносившиеся из спальни мамы, и инстинкт детского вауэризма потянул его подсмотреть, что там. Дверь в спальню закрыта была не плотно, образовалась щель. В неё-то Роман и заглянул. И то, что он увидел, потрясло его. Взмолванный, оцепеневший, Роман смотрел, не отрываясь, на открывшуюся его подростковому взору срамную сексуальную картину. Неопытный глаз ребёнка, к двенадцати годам уже втянутого в охвативший страну маразм видеопорнухи, насмотревшегося всякого и пристрастившегося к мастурбации, не мог оценить увиденное в щель приоткрытой двери при полумраке от двух свечей иначе, как истязание.

Что мог сделать подросток? Вернувшись в свою комнату, Роман заплакал. И возненавидел отца. Злоба на отца накапливалась, росла, превращаясь с годами в лютую ненависть.

Не знал сын мать свою и отца своего. Он увидел в отце изувера и истязателя, а тот любил его мать, и мать отвечала ему беззаветной и страстной любовью. Но

любовь их выливалась в столь непривычные формы, что увидев их интимные игры со стороны, можно было принять их чуть ли не за садомазохизм.

А это была странная, редкая любовь, которая в запредельном наслаждении удовлетворяла обоих. Откуда же мог знать подросток Роман, что его мать с отцом соединяет такая любовь, которую, возможно, какой-нибудь дотошный сексолог и назвал бы сексуальным извращением.

Тихая красавица, мать Романа, была миниатюрного телосложения и ростом доходила огромному отцу только до подмышек. Мышка и кот. Став девушкой, её захватили мазохистские сексуальные фантазии и сны. И это были вовсе не мучительные, а сладостные грёзы и сновидения, от которых по её телу проходили волны блаженства и томления. Но она мечтала о насилии от возлюбленного, а не от какого-то скота. Встретив огромного детину с магнетическими дерзкими глазами, она тотчас поняла, что он-то и есть тот, о ком она мечтала. И в него влюбилась. И так умело и тонко повела себя, что он её заметил, выделил и завис навсегда.

В ночь после свадьбы, она прижалась к нему и страстно прошептала «Возьми меня, Абрам, изнасилуй как последнюю б...дь». Могучий еврей Абрам Кукуев опешил. И начал было бережно исполнять каприз невесты, но она в бешеном порыве расцарапала ему спину и простонала «Я же сказала – изнасилуй!». Боль от царапин и её животный стон вышибли разум, превратили его в зверя, и свершилось первое их сексуальное, необычайно сладостное для обоих, крещение. Так у них и повелось с нескончаемыми вариациями нежности и насилия. Мать после таких ночей изнемогала и ходила по квартире, как сомнамбула.

Вот и в этот раз, после ночи, Роман с утра увидел на кухне, как она воркует вокруг отца, а тот блаженно улыбаясь, отвешивает ей грубоватые комплименты.

Роман принял это поведение матери за вынужденное притворство от страха перед отцом. Он понял её воркование по-своему: мать терпит унижения и живёт с грубым скотом только ради него, любимого сына, иначе невозможно уяснить, как можно то, что увидел он ночью, выносить. И он ещё крепче возлюбил мать и возненавидел отца.

А на самом деле это были трели влюблённых. Мать и отец жили в пленительном узле нерасторжимой любви, который их сын, не поняв и не разобравшись, жестоко разрубил.

Время шло, Роман рос и мужал, копившаяся ненависть выплеснулась в жажду мести за поруганную, горячо им любимую мать. Хитроумно спланировал и убил отца своего сын Роман Кукуев, хладнокровный, расчётливый, молчаливый наследник огромного состояния и власти.

После похорон, когда они остались одни, мать, горько плача, приникла к Роману.

Сын обнял ее, прижал к себе и тихо сказал:

– Мама, теперь он не будет тебя мучить.

Мать внимательно посмотрела на сына. И тихо зарыдала.

– Так надо, мама. – сказал Рома, и снова прижал плачущую мать к груди. Дороже мамы не было для него никого на всём свете.

Сына мать любила беззаветной, чистой и фанатичной любовью, какая только может быть у матери к родному ребёнку. Поэтому услышав от него «Он тебя не будет мучить», она всё поняла, зарыдала и приняла, как судьбу. Без единого сло-

ва и без осуждения она лишь горько-горько покачала головой и заплакала вновь, и это уже были слёзы сострадания и горечи.

Но жить с сыном она уже не могла. Спустя два месяца, сославшись на горе, она уехала к родной сестре в Израиль.

Следователь, который вел дело об убийстве Кукуева-старшего, перебирал все возможные версии. В их число он включил и версию убийства отца сыном. Но эта версия рассматривалась им исключительно «до кучи». Роман добавил ему уверенности в своей невинности. Он сказал: «Найдите убийцу и я зажарю ему яйца». И выложил следователю сто тысяч долларов: «Применяйте любые средства, если надо будет, я добавлю». Следователь деньги взял – искать легче, когда деньги не считаешь. И отчитываться не надо. Но тем самым и связал себя негласным соглашением – искать тотально, но... кроме Кукуева-младшего.

Чутьё на управление людскими помыслами и влечениями у Кукуева-младшего было гениальным.

Через месяц он ушел от греха подальше в армию, под крыло Отечества, которое надо от кого угодно защищать.

Непрошибаемую броню от службы в армии, придуманную врачами под наркозом долларов Абрама Кукуева, Роман снял: придя в военкомат, объявил, что полностью самоизлечился по методу голодания Брэгга и чувствует вину, что не служит, как все сыны Отечества. Военком почесал затылок, пытаясь проникнуть в тайны психики парня, и организовал комиссию. Роман хоть и не блистал телом, но был вполне годен для службы. Его даже повертели на центрифуге, проверяя вестибулярку. Всё было в норме. Зафиксировали пригодность к строевой, удивились настойчивости Кукуева-младшего (весь в отца!) и благословили на службу в мотострелковых войсках в том городе, который Роман выбрал сам. Это был город Ш-ск, небольшой, тысяч в двести жителей, но в нём было нужное Роману сочетание: мотострелковая часть и все современные услуги, типичные для города – от проституток и банков до подпольного казино и братвы. Братва в этом городе была организована в «филиал» отцовского бизнеса, потому-то Роман и выбрал этот город. Филиал Роман предварительно посетил в сопровождении дяди Коли, криминального авторитета по кличке Шива, зафиксировав свой перешедший по наследству от отца патронаж и уважение. Братва под присмотром Шивы присягнула сыну всесильного Абрама. Роман увеличил им процент в общак.

Собственно, идти в армию и выбрать город под службу и подсказал ему Николай Иванович Шиунов, криминальный авторитет, которого отец, как когда-то Генри Форд бандита Гарри Беннета, сумел привлечь в свою службу безопасности со всей его подконтрольной братвой, разветвлённой по городам, в которых находились филиалы могущественной корпорации «Кукуев и К*». После похорон патрона Кукуева-старшего вопрос оставаться ли ему у Кукуева-младшего или уходить, для Шивы не стоял. Он знал, и не раз бывал свидетелем, что те хитроумные финансовые ходы, которые надёжно приумножали капиталы Абрама Кукуева, часто придумывал гениальный финансовый ум его сына. Отец диву дивился – откуда в его сыне эта гениальность? И всё чаще обращался к нему за советом.

Учёба в школе с финансово-экономическим уклоном, книги, интернет к выпуску из школы сформировали в Романе удивительный сплав финансово-

коммерческой гениальности. Не упустил Роман заглянуть даже в «Капитал» Карла Маркса и навсегда уяснил суровую истину, что нет ничего более жестокого на планете, чем погоня за богатством и властью. В Академию финансов и права Роман поступить наотрез отказался, несмотря на увещевания отца и матери. Уровень академии он знал, всё, что там можно получить, и многое сверх того, он самостоятельно почерпнул в Интернете и книгах, и тратить время на нудятину было ему противно. «Сын, – учил отец, – академия спасёт от армии». Роман только хмыкнул в ответ: «Я лучше в армию пойду, чем штаны протирать в этой долбанной академии!» Пришлось отцу потратить сотню тысяч зелёных на «отмазку» строптивого сынка от армейской службы.

Лучшей школой экономики и бизнеса была для Романа корпорация отца. Как ни ненавидел его Роман, но корпорация была превосходной площадкой для экспериментирования, и Роман преподносил отцу и его компаньонам одну финансовую находку за другой, разоряющую конкурентов и приумножающую капитал корпорации.

– Ну и сынок у тебя, Абрам! – восхищались подельники, радуясь приумножению капиталов от всё более и более изощрённых приёмов Романа.

Одно банкротство и рейдерский захват фирмы конкурентов Роман спланировал так аккуратно, что привёл бывшего Шиву в восторг. Ну, а там где большие деньги, там и дружба. Шива присягнул Кукуеву-младшему, как десять лет назад его отцу.

– Ты вот что, Роман Абрамович, – с почтением обратился к Роману бывалый вор, – смотайся в армию, мы часто так делаем, спасаясь от тюрьмы. И Дуба с собой прихвати.

Железобетонный Санька у Абрама Кукуева выполнял любые задания, связанные с устрашением и мордобоем. Спрятаться в армии ему тоже не мешало – он как раз в ночном клубе сломал челюсть сынку какого-то депутата.

Поблагодарив Николая Ивановича, – так стал теперь звать его Роман, а не как прежде «дядя Коля», – Роман выполнил его совет: вызвался служить, прихватил с собой Саньку и уехал из Бурга подальше с глаз.

Воинскую часть Кукуев-младший быстро причесал. Одним приёмом он привёл солдат в положение ниц. Какой-то недалёковидный из дедов решил Кукуева поучить. Поучил табуреткой по задку. Кукуев, как положено салаге, стерпел и даже поймал себя на некотором удовольствии от сознания, что и он приобщился к солдатской массе. Но дед во втором заходе «учёбы» переборщил: поставив Романа в позу петуха, с ехидной усмешкой и словами «Ты же еврей», приказал ему петь гимн Израиля. Роман ответил тихим голосом «Слов не знаю» и просто-ял положенное с другой песней, которую знал. А потом приключилась с тем дедом неожиданная беда: нашли его привязанным голяком к дереву на опушке деревни, расползённой неподалёку от военного городка. Насекомые уже занялись его вкусным телом, он обезумел и истошно орал. Психиатрам не стоило труда диагностировать помешательство, дело замяли и глупого деда куда-то сплывили – не то в психушку, не то отпустили к маме с папой. Часть пришла в нужное Роману Кукуеву покорное состояние, а для надзора принял пост квадратный Санька Дуб, который тут же сколотил боевую дружину и держал остальных солдатиков в ежовых рукавицах.

Спустя пару месяцев, осмотревшись и изучив внимательнейшим образом часть, преподнеся ослепительный подарок жене командира части, пообщавшись с народом, Кукуев придумал бизнес, который устраивал всех – от солдат до офицеров и тучного полковника. Не мог же изобретательный мозг Романа простаивать от безделья!

Включившись в бизнес отца ещё в годы учёбы в школе, Роман чётко вывел для себя простейшую, как теорема Пифагора про штаны, формулу влияния на людей: деньги, жратва до отвала с каким-нибудь любимым алкоголем и животный секс (именно животный, а не какой-то культурный). А вот как привести в движение эти пружины человеческих инстинктов, чтобы десятки людей покорно служили тебе верой и правдой, уважали и боялись, составляло секрет его ранней не по годам коммерческой и психологической гениальности.

Схема, придуманная им, была незамысловата, как теория относительности, и надёжна, как полет мух к навозной куче. В мотострелковой дивизии был бензин. Не так много, как хотелось бы командиру, но бензин был настоящий. Потребность в бензине была болезненной для офицеров части с их «Жигулями» и прочей дешевой железкой. Задача решалась легко: часть бензина из баков военной мототехники следовало перелить в баки офицерских легковушек. Способ перекачки бензина Роман придумал лихой: недалеко от части он создал бензоколонку, в которой бензин для офицеров продавался по цене в полтора раза дешевле рыночной. Нищие офицеры такому подарку были счастливы. Оставалось наладить бесперебойную поставку бензина.

Способ же был только один – воровать. Роман с помощью Саньки сколотил группу солдат, которые по ночам сливали из баков бронемашин и грузовиков по несколько литров в канистры. Затем канистры переносили в укромное место в лесочке рядом с частью. Оттуда другая команда, уже из «филиала», переправляла канистры на бензоколонку.

Изобрел Роман и технику ублажающего поощрения для солдат-исполнителей «ручейка». Дабы все были довольны и стремились служить ему с радостью, Роман часть дохода пускал на групповой подкуп. Солдаты-сообщники получали добавку к своему нищенскому пайку: курево, жвачки и главное – пиво. Пива было залейся, хоть бочками завози – в Бурге Абрам Кукуев имел свой пивзавод с великолепным мастером пива, варившим ещё в советские времена замечательное, славившееся на всю округу «Жигулёвское», названное теперь Кукуевым патристически – «Бургское Улётное». Но и здесь Роман проявил свой организаторский талант. Пиво он поставлял парням в полутора литровых пластиковых бутылках, чтобы упивались до кайфа, и лишь иногда, для куража, привозил им в банках.

Придумал Роман и третью составляющую надёжного управления психикой вовлечённых в бензиновый бизнес солдат – регулярный секс. Пиво и баба – что ещё нужно солдату! Шлюх он поставлял им по субботам. Отряд проституток набирала нанятая «мама», содержательница одного из подпольных притонов, и их привозили в лесок возле части в автобусе с шестью лежанками. С двенадцати ночи до пяти утра автобус сотрясался под напором накачанных пивом солдат и взвизгивание шлюх. Летом водитель в это время посапывал неподалеку на полянке, а зимой уходил в казарму. Кукуев звал шлюх «мои курочки».

– Ну как там мои курочки? – спрашивал он время от времени Саньку, – Не разочарованы парни?

Санька на это гоготал как сытый похотливый гусак:

– Парни в кайфе! Звереют от курочек.

Роман подбирал неумолимых и покорных провинциальных девиц, что подешевле. Для солдат годились любые.

С восходом солнца автобус отчаливал, а солдатики, освободившись от перенапряжения, расслаблялись дармовым пивком.

Пиво и бабы! Где, в какой воинской части по всей России можно было найти такое счастье? Рай небесный, а не служба. Славил Ромку Кукуева и готовы были носить его на руках.

Офицеры догадывались об источнике дешевого бензина, но закрывали на это глаза: бедность и потребность побеждали долг и честь. Ну, а полковник получал от Романа в конвертике «на текущие расходы». Потребности у полковника были, а финансового подкрепления ждать ему было неоткуда. Выручал Роман Кукуев. Бог с ним, пусть привороживает, вся Россия воровством живет, успокаивал себя дряхлеющий офицер, так и не дослужившийся до генерала и обиженный за это на министерство обороны и на всех на свете.

В сравнении с тем бизнесом, какой был у него в руках, придуманный бензиновый ручеек был всего лишь забавой, игрой, маленьким бизнес-тренингом. Но Кукуев-младший помнил заповедь Кукуева-старшего, основателя огромной корпорации: настоящий бизнесмен обязан превращать в прибыль абсолютно всё, что попадает в сферу его внимания и лежит рядом, даже экскременты. А тут бензин. Не пропадать же ему даром!

Жизнь текла, Роман, забавляясь, сколачивал маленькую добавку к огромному капиталу, доставшемуся ему в наследство! И тут на тебе, эта пакость, да ещё преподнесённая его правой рукой – Санькой.

На другой день после экзекуции Санька был вызван и предстал пред очи Романа Кукуева в комнате отдыха. У двери вырос страж, чтобы никто не мог мешать общению закадычных приятелей.

Вся часть уже прознала, что Санька вызван к Роману, и парни, затаив дыхание, ждали, чем кончится их встреча. Так просто Ромка не вызвал бы и у двери часового не поставил.

Надо сказать, что при всём даруемом им счастье, парни страшно боялись Романа. Все помнили тот случай с сошедшим с ума дедом на первых месяцах его службы.

Имел Роман ещё одну особенность, странную и удивлявшую всех: был он на вид застенчиво тих, даже как-то покорно молчалив. Говорил мало и совсем негромко. Возможно потому и дали ему солдаты кличку Ромка Х...ев, в смысле х... его знает, что у него на уме. И знали: если Ромка уж совсем тихо-тихо заговорил, почти шёпотом, значит лучше не высовываться, а покорно ждать развязки. Впрочем, это бывало редко. А ещё Ромка умел так виртуозно выражаться ненормативными оборотами, – это тоже редко бывало и всегда тихим монотон-

ным голосом! – что солдаты покатывались от хохота. Хохотать не воспрещалось, так как Ромка матюгался хоть и осерчав изрядно, но с добродушием и для юмора, такая у него была слабость. Но бывало, хоть и редко, что эта матерная эквилибристика сопровождала гнев, от которого несло смертельным холодом и пробирало до костей. Этому и наступил момент.

Санька шёл к Роману с опаской, не понимая однако, что такого могло случиться на ночь глядя.

Роман сидел, закинув ногу на ногу, и смотрел мимо Саньки.

Санька замёрз и не осмелился сесть, остановился перед Романом как перед маршалом.

– Ты – х... моржовый, – ругнулся тихим голосом Роман Кукуев. И Санька, мгновенно учуяв настрой друга, вспотел.

– Ты чо?! – только и смог вымолвить остолебеневший детина. Он мог бы размазать Ромку по стенке мизинцем, но страх был сильнее и он знал, что пальцем не пошевелит.

Только сейчас Роман посмотрел Саньке в глаза и от этого взгляда Саньку пошатнуло.

– Не понял?

– Не. – некнул Санька.

– Ты, олигофрен с примесью идиота и бараньего дерьма, уверен, что Скелет нас не заложит?

Все знали, и Санька в первую очередь, что Скелет в их проделках не участвовал и вообще считался не от мира сего. Тем более, он при кухне.

Только теперь Санька понял причину гнева Ромки, хоть и не до конца.

– Да ты чо! Никогда! – поспешил он уверить своего повелителя в надёжности ситуации.

– А вот я не уверен. Я даже в самом себе не уверен... Вот пойду и заложу себя. И всех вас. – сощурил глаза Роман Кукуев.

Санькины мозги подобных интеллектуальных зигзагов не выдерживали. Он растерялся:

– Ты?!

– И я, и любой. Кто угодно. Скелет ведь ни тебе, ни мне ничем не обязан. Верно?

– Ну-у...

– Он чист, как вымытая тарелка. А ты его мочой накачал. Обидел.

– А чо он...

– Молчи, бабун! – приказал Роман. – Подумаешь, кто-то пиво мочой обозвал. Оно и есть моча, самая настоящая моча, на моём заводе его делают. Поэтому вы и сыте с него как коровы после водопоя.

Санька и такого интеллектуального подвоха не мог выдержать совершенно.

– Обидно Скелету мочу пить или радостно? – продолжал почти шёпотом Роман.

– Ну...

– То-то и оно. Обидно даже не то слово. Представь, что тебе вместо «Бургского» мочу влили. А?

Санька позеленел.

Роман бесстрастно продолжал.

– Вот возьму и залью тебе пару банок.

Санька сломался, у него что-то ручейком потекло по ногам.

– Захочешь отомстить? – неумолимо продолжал Роман.

Санька молчал.

– Конечно, захочешь, ты же не баба. Только не сможешь. И будешь всю жизнь видеть страшные сны, как я в тебя закачиваю мочу, а ты, как овца, её глотаешь. Догадываешься, что у Скелета на душе?

– Да я ему...

– Ты ему, а он тебе. А хуже того – мне. И все мы загремим, как пустые канистры из-под бензина. И что с тобой сделают ребята? Догадываешься?

Могучее тело Саньки и штаны стали совсем мокрыми. Санька вспомнил о привязанном к березе бедолаге.

– Да не расскажет он никому. Он честный. – дрожащим неуверенным голосом произнес Санька.

– Это верно, он не то, что мы. Мы с тобой – воры и скоты, а он – честный. Значит не доносчик. Это тебя спасает. Больше к нему не подходи на пушечный выстрел.

Саньке полегчало:

– Может извиниться?

Роман хихикнул, и стало Саньке жутко, поскольку смеялся он неслышно, крайне редко и только язвительно.

– Человеку мочу в глотку влили, а потом извинились. Черный юмор. – он оборвал смех. – На пушечный выстрел. Я сам с ним разберусь... А тебя надо наказать. Как наказать?

– Рома, прости. – загнусавил Санька.

– За всё надо платить. Это закон эволюции. Чарльз Дарвин так сказал и никто этого приговора не отменял. Даже христиане и мусульмане. Сейчас придумаю, что тебе положено.

Роман потёр лоб, размышляя. Санька ощутил влагу уже и в ботинках.

– Так... Месяц тебе не будет ни пива, ни Людки.

Ошеломленный Санька рухнул на стул.

– Рома, ты чо! – произнес он, чуть не плача.

– Не ной! – брезгливо поморщился Роман. – Потерпишь и осознаешь всю глубину своей дебильности.

На этом их встреча закончилась.

Солдаты между собой шутили, что когда Санька вышел от Романа, то от него исходил весьма неприятный запах.

Роман знал, куда бил. Таких, как Санька, надо учить, лишая удовлетворения базовых, как определяют их биологи, потребностей. Тоже древний способ, истинно человеческий. Пиво. И Людка, Санькина рыжая шельма, жена бравого, похожего на гусара, старшего лейтенанта Юрия Дружинкина, обслуживавшая ночами бензиновых воров, самая желанная для квадратного идиота услада, без

которой он уже не мог себе представить существования и недели. Месяц – это был жестокий удар ниже пояса. Что ж, за все надо платить, покорно сломался Санька, превращаясь в собственных глазах в святого великомученика. И он знал, что послушаться и нарушить наказание, наложенное на него Романом, невозможно – донесут. И тогда будет... Лучше было не фантазировать. Скрежеща зубами, Санька терпел, несказанно мучаясь, когда парни у него на глазах начинали поглощать «Бургское». Он куда-нибудь уходил, скрывался.

Муж Людки, Людмилы Бородиной в девичестве, был к тому времени импотент и лудоман, просаживавший в рулетку всё, что зарабатывал и ухитрялся занять, хотя займы давали ему уже только неосведомленные о его грехе. Бравый, похожий на гусара времен Дениса Давыдова, начиненный сексуальной энергией офицер превратился в тряпку, в азартного игрока подпольного казино. Ничего на свете его уже не радовало, кроме трепета от крутящегося колеса и юркого шарика. И ожидания выигрыша. А началось всё от другой жажды – купить хорошую импортную тачку. «Вольво» или, на худой конец, «Пежо». На половину цены он уже скопил. И тут сманил его в казино сослуживец, прапор Сутягин. И лейтенанту Юре Дружинкину повезло с первого же захода, редчайший случай. И крупно повезло, отхватил тысячу зеленых. И пошло-поехало. Через месяц он был уже пуст как банка из-под пива. И втянулся в игру безвозвратно. Мысли крутились только вокруг «где достать денег» и «вот сегодня уж точно повезет». Юрий Дружинкин опускался стремительно и надежно, достигая того азартного дна, на котором в былые времена князья закладывали жен и дочерей. Поэтому идея запродать жену Роману Кукуеву была для Дружинина закономерным патологическим итогом.

Людочка была верной любящей женой, воспитанной в самых строгих принципах женской скромности. И как порядочная современная жена офицера тоже хотела «Вольво», почему нет, чем она хуже жены Леонтьева, этой жирной кобылы. Может поэтому она не только не остановила мужа, а прыгала от радости, когда он показал ей выигранную тысячу долларов. И даже сходила с ним дважды поиграть. Но не повезло, муж проиграл и эту тысячу, и в свои запасы залез. Причину проигрыша становящееся больным сознание нашло в жене – не приносит игрокам удачу присутствие в игре женщин. Людмиле было запрещено ходить с ним. Она покорилась, хотя азарт охватил и её. Но дальше сценарий развивался совсем противоположным образом, чем мечталось обоим. Бюджет их затрещал по швам. Но это было бы ничего, в конце концов таковы законы игры, когда-то же крупно повезёт и все проигрыши останутся позади. Так и думала терпеливая и верная жена офицера.

Но случилось совсем уж непредвиденное и ужасное. Любимый бравый Юричек перестал с Людочкой, со своим солнышком... спать. Редко-редко удавалось ей подвигнуть мужа на утехы, да и утехами это назвать было уже большой натяжкой. Только благодаря её природному чутью и приобретённому в замужестве и просмотре порнофильмов искусству, удавалось Людочке завести его настолько, чтобы насладиться хоть чуточку. А потом и вовсе произошла беда, муж превратился в хронического импотента, по которому плакала реклама сексологов и знахарей. Наступила эпоха страданий, Людмила подумывала о психотерапевте, а

мужа лихорадило от ожидания дня, когда он снова сядет к рулетке. В промежутках все его мысли заняты были поиском денег. Людмила мучилась. Ей страшно хотелось помочь мужу, она стала занимать у подруг, и, в конце концов, тоже превратилась в попрошайку без возврата долга. Она нервничала, злилась, и не выдержала, бросила как-то в сердцах:

– Так и будем жить в долгах? Или мне на панель пойти?

Муж проглотил, ибо был с ног до головы в дерьме. Но проговорка жены о панели запала в подсознание и это стало ему мерещиться как некое избавление. Припомнилось ещё со школы, что кто-то из великих, тоже азартный игрок, кажется поэт Некрасов, отправлял влюблённую в него женщину на панель.

А у верной жены рядом со стремлением как-то помочь мужу росла обыкновенная бабья жажда полноценной мужской ласки. Куда деться молодой женщине от призывов биологии в скучном военном городке!

Тут-то и возникла у мужа спасительная идея отдать жену Кукуеву. О том, что Роман привозит солдатам проституток, Дружинкин знал. Почему бы не Людочка? Сразу двух зайцев удастся пристрелить. И жене нужна сексуальная разрядка, и деньги нужны позарез. Почему бы ей не зарабатывать? Ведь сидит у него на шее, на скудном офицерском жаловании, да ещё в стервозу превращается.

То, что Кукуев согласится, Дружинкин был уверен. Шлюха под рукой удобнее, чем привозная из-за пределов военного городка. Надо было как-то склонить к шекотливому заработку жену.

Страсть победила, Дружинкин с дрожью от страха и нетерпения завел с женой разговор о том, что ждать притока денег неоткуда, они самые настоящие нищие и придётся продавать «Жигулёнок».

– Продавать?! А как же ты? – всполошилась Людочка и была права – без машины её Юричек жить не мог.

– Придётся. – играл сволочную игру Дружинкин.

Людмиле так стало жалко мужа, что не сдержала слёз и заплакала.

– Ну... не плачь, не плачь. – обнял он жену, и сам чуть не пустил слезу от жалости к себе. – Я вот подумал... может нам с тобой наступить на собственные сердца...

Людмила встрепелась, не понимая, о чём это.

– Как это наступить?!

– Можно. Но все зависит от тебя.

– Я готова на всё! – Людмила снова пролила слезу.

Она действительно было готова на всё, только бы помочь мужу и себе, но она не могла предвидеть того, что предложит муж.

А он предложил ей стать проституткой.

Дружинкин рассказал жене, как Кукуев ублажает солдат, что это верный заработок, что в трудные времена так поступали жёны великих людей, того же народного поэта Некрасова. Он пел, ублажая слух, и отзывчивое сердце жены, – а она, слушая и высыхая, сначала оглушенная мерзостью предложения мужа, а потом проникаясь все больше и больше безысходностью и необходимостью жертвы, – начала примерять к себе предложенную роль, и вдруг озарёно поняла – это не просто выход, это то, что ей нужно и на что она пойдет. Она вспомнила свои эротические сны со сценами самых грязных групповух и волнения при

просмотре порнофильмов, которыми её пичкал в свое время муж. При муже импотенте и игроке этот поворот был, можно сказать, тревожно сладок.

Людмила зажала рот мужа ладошкой, уткнулась ему в грудь и тихо-тихо промолвила:

– Только ради тебя.

У Дружинкина отлегло. Мудрая у него жена, чёрт подери, не дура какая-нибудь. Дело было сделано. Оставалось договориться с Романом об условиях включения Людмилы в секс-бригаду.

«Ну и скотина», – холодно определил предложение офицера Кукуев, целиком и сразу его принимая.

Жену Дружинкина он не раз встречал и не мог не отметить обжигающую сексуальность, которую источало её рыжее в веснушках лицо и женственная фигура с мягкими округлостями.

– Годится. – дал он согласие. И назвал гонорар. – Сто долларов за ночь.

– Сто пятьдесят! – твердо сказал Дружинкин. – За удобство.

Удобство действительно было налицо – вызывай в любой момент и без сбоев. Роман признал правоту офицера.

– Сто двадцать пять.

На этом сговорились. И Роман тут же выдал Дружинкину аванс – сотню долларов, но в рублях. Дружинкину было всё равно в какой валюте.

Кукуев и предположить не мог, насколько удачным окажется подключение в его бизнес жены лейтенанта.

– Нужна проверка?

– Пожалуй. – согласился Роман.

– Завтра зайди к нам часа в четыре.

На следующий день Роман не без некоторого смущения пришел к Дружинкиным. Людмила была приветлива и заметно волновалась. Муж предупредил, что придется пройти проверку, маленький экзамен, как в любом деле.

– Ты уж, Людок, не подкачай, покажи класс. – попросил он, зная точно, что если уж Людмила покажет класс, то любой землянин мужеска пола взлетит на небеса блаженства.

Людочка зарделась, что такое класс она, конечно, знала, но пока что в жизни ей приходилось показывать его только мужу; она выросла в семье заведующего кафедрой этики и религиоведения Анатолия Бородина в строгих правилах и была надёжной верной супругой. А то, что свершалось в её эротических снах не в счёт, так как было сознанию неподвластно, Фрейда она немножко читала. И вот надо было сны претворить в реальность. Это и возбуждало, и бросало в стыдливую краску греха.

– Как скажешь. – буркнула она, отводя глаза.

– Надо, Людка, надо. Такова наша с тобой горькая планида.

Высокий стиль утешил обоих.

– Надо – значит надо. Отчего ж не показать, раз от этого заработок зависит. – в тон мужу и с нотками едкой иронии проворковала заклинание Людмила.

При первом же взгляде по-женски зорких глаз Роман Людмиле не понравился. «Хлюпик какой-то», – подумала она, мгновенно оценив неважные физические параметры Романа в сравнении с атлетическим мужем. Удивило то, что такой невзрачный солдатик мог держать в узде всех, даже её могучего мужегусара. Это вызвало уважение. Складывалась затейливая ассоциация – «могущественный хлюпик». Роман становился чуть-чуть симпатичным. Уж я покажу этому мальчику класс, задорно подумала Людмила, и откровенно улыбнулась, прогнав Романа вызывающим взглядом опытной самки – прямо в упор, в зрачки.

Роман порозовел, что случалось с ним крайне редко.

Познакомились, сели за стол, выпили по рюмочке. Дружинкин деланно засуетился.

– Ладно, оставайтесь без меня, мне надо ехать по делам. – произнес он нужную формулу.

Уходя, улучил момент и шепнул Роману на ухо:

– Проверь, вдруг не то.

А жену, когда она в прихожей закрывала за ним дверь, шлёпнул ладонью по задку:

– Покажи класс этому жулику!

И Людмила показала, ох, как показала!

Только остались вдвоем и Роман не находил ещё слов, как приступить к «проверке», – смущало то, что Людмила была всё же постарше его года на два, – Людмила взяла инициативу на себя:

– Рома, не стесняйтесь. Мы ведь не девочки, а партнеры. Правильно я поняла? Я у вас буду вольнонаемной. Сколько я буду стоить?

– Сто двадцать пять долларов за ночь.

– За целую ночь? – озорно округлила глаза Людмила, и трудно было понять, обрадовало это её или обидело.

– За четыре часа. Раз в неделю, в ночь с субботы на воскресенье. – уточнил Роман.

– Это другое дело. – засмеялась Людмила. – Что мне надо будет делать?

Роман уже пришёл в себя. Деловой разговор – это была его стихия:

– Удовлетворять...

– А сколько их за четыре часа? – задала Людмила вполне деловой вопрос, как будто была профессионалкой, хотя слово «сколько» могло бы относиться опять же только к её снам.

– До пяти. – уточнил Роман.

Откровенность разговора её неожиданно приятно взволновала. Людмила зажмурила глаза, почувствовав увлажнение в соответствующем месте своего роскошного тела, как будто специально созданного для нужных Роману утех.

– Многовато. – задорно сказала она и заливисто, сексуально засмеялась, отодвигая в сторону заторможенность Романа. – Надо значит надо. Задаром не платят, верно? Выдую как-нибудь.

– Это точно, – подтвердил Роман, – работа.

– Давай я покажу тебе, что я умею. – прищурила глаза Людмила, смело, как уверенная в себе самка, переходя на «ты». – Вдруг не сгожусь.

Роман уже видел, что показывать ничего не надо, всё и так ясно – лучше не бывает. Но взыграло любопытство. Таких женщин, как Людмила, он не встречал за свою нелепую и небогатую сексуальную жизнь. Людмила была натуральной

рыжей бестией, редкостной в роде человеческом. К тому же усыпана была веснушками так обильно, что они светились звездочками на всех частях телесной поверхности, видимых глазу Романа: на шее, плечах и руках. «А дальше?», — прикинул Роман, и зажёгся.

Людмила возбуждение Романа чутко уловила, подошла к нему, призывно прикинула и поцеловала в губы.

Романа обдало рыжим пожаром.

В закрутившейся сексуальной круговерти он с удивлением зафиксировал, что у Людмилы веснушки сияют даже и на роскошно упругой груди, и на не менее роскошных упругих ягодицах. «Ух ты!», только и смог выдохнуть восхищение совершенно неопытный по женской части гениальный бизнесмен.

Родись эта рыжая бестия в средние века, пылать бы ей на костре. Но она родилась в конце двадцатого века и воспитана была в строгих правилах девической воздержанности и стыдливости, вышла замуж девственницей, вопреки бьющей в её организме ведьмовской биохимии, за версту привлекавшей внимание мужчин всех возрастов и профессий. Со всех сторон устремлены были на неё жадные взгляды, она к этому привыкла и жила в некоем полувозбужденном состоянии хорошо стимулированной самки, ждущей сексуального раздолья. Строгое воспитание, однако же, держало в узде, была она, несмотря на сладострастную биохимию, стыдлива и скромна, замуж вышла по любви и мужу своему, бравому жгучему брюнету цыганского типа, стала верной супругой. И потрясающей любовницей.

Людмила оказалась лучшим кадром в сексбригаде Романа Кукуева. Более того — она стала не только его верной помощницей, но ещё и возлюбленной Саньки Дуба.

Санька, первым получив в первый же заход её пульсирующее тело, очумел. Его могучая биология была сражена навсегда. Раз за разом, в каждую их ночную порочную встречу, вся её роскошно-рыжая архитектура содрогалась под могучим натиском Санькиной неумолимо-скотской телесности, а её ритмичные легкие взвизгивания сводили Саньку с ума. Своим ошалевшим мозгом он вдруг понял, что больше ему никто и никогда в жизни не будет нужен. Он втрескался в жену офицера сразу и навеки. Его звериное существо провалилось в биологическую готовность и смачность Людмилы. Самец и самка, предназначенные друг для друга, встретились. Такое бывает редко, но бывает. Это была та любовь, самая низменная и порочная из всех человеческих, какая замешана исключительно на инстинкте и сладострастии, получаемом при абсолютном биологическом взаимном соответствии, но, возможно, и самая крепкая. Им повезло.

Удивительно ли, что месячный запрет на обладание Людмилой привел Саньку в ужас. При сознании, что этот месяц его любимая будет ублажать сотоварищей, — ведь она была при службе, получала гонорары и руководила целой женской бригадой из столь же порочных жён, которую она сама для Кукуева и солдат сколотила! — приводила его в безумие. В эту минуту Санька и принял решение: он женится на Людмиле, что бы ему это ни стоило, вырвет её от мужа, от

Ромки и от всех мужиков на свете, увезёт домой, в родной Бург, заведёт с ней крепкую семью с рыжими ребятишками. И как только родилась в его голове эта нежная фантазия, стало ему легко и светло.

А его любимая утешала остальных участников шайки, вздыхая и ожидая окончания Санькиного срока. Она тоже влюбилась в этого неутомимого самца, того самого, которого слал ей раз за разом навязчивый срамной сон, приходивший к ней последний год жизни с мужем, сон, которого она сначала стыдилась и ходила после него разбитая целый день, а потом долгожданный, удовлетворяющий её потаённую страсть.

Первый раз, когда этот странный сон нагрянул из её подсознания, впечатление от него было столь ужасным, а наслаждение столь оглушающим, сотрясшим все её чресла и вывернувшим её буквально наизнанку, что застрял в глубинных древних структурах мозга и стал навещать время от времени и всегда неожиданно, внезапно. Этот громадный самец в снах, поросший шерстью, не то человек, не то зверь, похожий на медведя, всегда был один и тот же, хотя и неузнаваемый, и всегда грубо схватив её и разворачивая, как ему было удобно, натягивал на себя нежную её плоть, и ей казалось, что разорвет на части, отчего она покрывалась потом, но трудный этот тягучий процесс заканчивался благополучно, все свершалось и тело её взрывалось таким бурным содроганием, что она, вывернутая наизнанку в пароксизме вселенского наслаждения, была опустошенно счастлива. Но тут-то она, вся мокрая от пота, в паническом страхе просыпалась. Муж мирно посапывал и она, разбитая, оглушенная и выжатая, долго лежала с открытыми глазами, переживая сон. Сон она мужу не рассказывала. Так и жила с этой тайной порочной неверностью, ожидая очередного сеанса. Сон приходил не часто и всегда внезапно, как вихрь.

Именно так всё и произошло с Санькой, только наяву. О таком она и мечтала в своих грёзах и фантазиях, пребывая в безысходном сексуальном простом с импотентным мужем, заменившим секс на рулетку. Иногда Людочка думала: вот бы её муж был как Санька. И ничего на свете ей не было бы нужно. Оргазмы были её высшим желанием. Потому служила она в бригаде у Романа Кукуева верой и правдой, и не за гонорары, а за это привалившее ей, да ещё и с позволения мужа, счастье, украшением которого стал пришедший из сна могучий и грубый солдат Санька Дубичев, гроза всех салаг воинской части.

Людмила мало того, что скрепила, сама того не предвидя и не замышляя, союз с Романом через Саньку, она ещё и организовала для Романа новую, более удобную и надёжную секс-команду, за что и получила добавку, от которой муж Людмилы пришёл в неописуемый восторг. После десятка ночей и встречи с неутомимым Санькой Людмила настолько вошла в роль, что пришла к поразительной по простоте и порочности инициативе: заменить городских шлюх истомившимися от воздержания офицерскими жёнами.

О чём только не поведают друг другу женщины при разговорах в состоянии томительного безделья. За три года жизни в военном городке Людмила знала о всех сексуальных секретах почти всех офицерских жён. Часть из них имела проблемы, похожие на её собственные: вынужденное воздержание при слабосильных или импотентных мужьях-пьяницах, истомленное от воздержания и безде-

ля тело и безудержные сексуальные фантазии. Одна из них поделилась, похотливо хихикая, что регулярно видит во сне случку с догом и при этом кончает.

– Дог наш, Петя, огромный, такой милый, домашний, добрый. Я когда мужу сдуру про сон рассказала, он так внимательно на Петю посмотрел, а Петя отвёл глаза. На другой день прихожу вечером домой, а Пети нет. Я в панике. А муж мне и говорит: «Не ищи, я его продал – от греха подальше». Ну не осёл? А Петя мне снится, бедняга.

Это признание подружки и её компетентный, вычитанный у психоаналитика Карла Юнга, рассказ о врождённых сексуальных архетипах, всплывающих у женщин в снах в виде группового секса или половых актов с братьями мужа и свёкром, успокоило Людмилу. Добавлялось ещё и то, что абсолютно все жёны, в отличие от верной Людмилы, готовы были лечь под любого солдата, что изредка время от времени и проделывали. Втайне от Романа, под видом фантазии на тему сексуальных удовольствий, рассказав о приходящих по ночам к солдатам проститутках, в кошельки которых уплывают приличные денежки, она склонила к участию в бригаде четырех самых любвеобильных и порочных жён. И когда секс-команда была сколочена и готова к атаке, преподнесла разработанный план Роману. Хитроумный Роман обалдел от талантливости замысла.

– Гениально! – одобрил он и повысил Людмиле гонорар на сотню зелёных.

Они отработали план во всех деталях, вплоть до практической проверки Романом лично каждой из предложенных Людмилой секс-кандидаток. Нюх у Людмилы был идеален – все офицерские жёны годились в высшей степени, все горели желанием и все жаждали пополнить свой скудный семейный бюджет. Не ждать же безнадежно добавки мужу от министра обороны.

Технология сексобслуживания воровской солдатской команды была проста, а офицерские путаны и вовсе её упростили: ведь теперь не надо было завозить шлюх из города, секс-товар был под рукой, тут же, в военном городке. А уж о конспирации жёны позаботились отменно – ни одной не хотелось попадать под тяжёлые мужнины кулаки.

За ночь двадцать вороватых, развращённых Кукуевым молодца получали свою сладкую порцию, мысленно прославляя благодетеля. К утру процесс заканчивался, автобус отбывал, чтобы спустя неделю появиться снова на том же месте. Если раньше на нём привозили шлюх, то теперь он был нужен только как удобное место с лежанками для утех с офицерскими жёнами...

Первые же ночные проверки боем команда прошла блестяще. Молодые офицерши, как застоявшиеся в стойлах лошадки, набросились на солдатиков с лихостью истомленных одалисок гарема, и солдатики только испуганно пыхтели, услаждая их опытные чресла. Бригада была всегда под рукой, рядышком. В торговле были и солдаты. Неопытные, но уже кое-что начинавшие понимать в тонкостях секса, они враз и все как один отличили новых от прежних. Прежние пыхтели и отрабатывали как заводные куклы, новенькие же, услаждаясь сами,

что не проходило мимо обостренного внимания юнцов и заводило их, услаждали и мальчиков, как они звали их между собой, а это опытные жены умели гораздо лучше грубоватых и циничных шлюшек, которых Роман им завозил. Для солдат, участвующих в краже бензина, эти ночи превратились в праздник плоти, в удовольствие, за которое они пошли бы и не на такой грех; а для жён греховные улады подкреплялись гонорарами. При такой связке все были довольны, как коты и кошки при сметане, и сверхнадёжны, как члены масонской ложи. Проект Романа и Людмилы работал точнее швейцарских часов. Эта маленькая частица бизнеса Романа стала его творческой вершиной. Но без Людмилы она была бы невозможна. Людмила была подарком небес и муж её млел от растущих гонораров жены, регулярно проигрывая их в казино.

В отлаженный Романом процесс с приходом Людмилы и офицерских жён пришло и одно весёлое изменение. Санька так втрескался в Людмилу, а она настолько упивалась его долгожданной выстраданной в эротических снах мощью, что Роману, скрепя сердце, пришлось дать им послабление. Саньке с Людмилой позволялось завершать ночное пиршество плоти отдельно от всех ещё раз. И им позволялось проделывать друг с другом всё, на что была способна их фантазия, что воспрещалось всем остальным. Фантазия зашкаливала, Людмила была безудержна как Мессалина. Роман подарил ей небольшую крепкую подушечку, в которую она впивалась зубами, чтобы не оглушать окрестности своим пронзительным визгом. Этот её поросячий визг сводил Саньку с ума, но был запрещён Романом под страхом отлучения влюбленных друг от друга.

И в этот расцвет бизнес-тренинга Романа Кукуева ворвался своей идиотской разрушительной флуктуацией, как сказал бы какой-нибудь синэргетик и последователь великого Ивана Пригожина, Санька с товарищами, долбанные пивоманы.

Когда месяц истязания миновал и Санька вновь неудержимо соединился со своей рыжей бестией, он тотчас же сделал ей предложение бросить мужа и стать его женой. На всю жизнь, до гроба. Так он и сказал дрожащим голосом, скромно побледнев от возможного отказа. Людмила и не думала отказать, захохотала от счастья и тут же согласилась. Стали ждать демобилизации. Ждать оставалось недолго.

Роман организовал встречу с Денисом так, будто она произошла случайно. Он отвел его в сторонку и без предисловий спросил:

— Как ты после позавчерашнего?

— Хреново. — буркнул Денис.

— Покарать?

— Зачем?

— За такое — надо. Я так считаю.

— Я тоже так считаю. Только это моя проблема. Ты-то тут причём?

— Я за справедливость.

Денис понимал, что слова Романа не пустой звук. Но расправа над Санькой чужими руками — это было не по его правилам.

– Я тоже за справедливость. Только сам.
– Как же ты с таким бугаем справишься!? – удивился Роман.
– Ничего, как-нибудь... – усмехнулся Денис, будто имел какой-то план, хотя совершенно ещё не представлял, как это произойдёт.

Роман не стал выяснять. Нет – значит нет. Он был реалист и дальше не лез:

– Если нужно будет, скажи. Я превращу его в пищевые отходы.

– Ладно, – кивнул Денис, чтобы обрубить неприятный разговор.

Романа он уважал, но вовсе не по тем мотивам, что остальные солдаты. Когда открылся кулинарный талант Дениса, Роман где-то раздобыл и подарил Денису две книги Похлёбкина о кулинарии, которые Денис знал и дома они у него были, но подарочный жест Романа оценил.

Было это в молодом Кукуеве – одаривать чем-нибудь приятным, вдруг человек пригодится. Великая хитрость опытных знатоков человеческих душ.

К тому же, Денис Кукуеву нравился, его чёрствая рациональная душа вдруг засветилась симпатией, тёплым чувством, какой-то странной тягой к этому уродливому парню, открытому и прямому. Всю жизнь Кукуева окружало одно дерьмо. Солнцем была только мама. И Денис был тем, о ком он мечтал как о друге, о настоящем друге, не приятеле или подельнике, вроде Саньки.

Кукуев понимал, что Денис честен, горд и наивен. Как он сможет отомстить за унижение? Роман сомневался, но не долго на эту тему размышлял. Никакого иного способа отомстить Саньке, кроме как превращения его в омлет, он не видел. Отказ Дениса снимал с него заботу о защите налаженного бизнеса. Роман убедился, что Денис не продаст, даже если и знает о воровстве. Но, скорее всего, он и не догадывается ни о чём, так как живёт в другом измерении. И пусть себе живёт.

– Помни, Денис. Если я тебе понадоблюсь в жизни, только скажи.

Они дружески пожали друг другу руки.

Кукуев любил сверхнадёжность. Чтобы закрепить достигнутую с Денисом дружбу, он стал ему помогать в его поварских заботах: то съездит с ним на местный рынок для закупки овощей, то привезёт на кухню пару мешков хорошей картошки, а то и подбросит какой-нибудь деликатес для солдат.

Общее дело усиливает симпатию людей друг другу. Сам того не подозревая, крутой рационалист и циник Роман Кукуев сердечно привязался к Денису, понимая, что нет лучше и чище сверстника в части, да и во всем его окружении. И Денису Роман понравился, отзывчивость его он видел и принимал за чистую монету. А то, что Романа все боялись и держали в уме за криминального авторитета, как-то прошло мимо Дениса с его романтизмом и доверчивостью. То, как Роман ему помогал, не делал никто даже и попытки. Так они и сдружились.

Длились их совместные поездки на «Ниве» на рынок или на продуктовые склады недолго, всего месяца два. Часть и служба Денису опостытели.

Со своей бедой Денис оставался один на один и никто на всём свете не мог ему помочь. Теперь он жил, будто вымазанный дёгтем с головы до пяток. Так он воспринимал себя. Запах и вкус мочи сводили его с ума, превращали в ничтожество, в раздавленную мокрицу. Как хороши были времена, думал он, когда существовали дуэли и можно было бы всадить пулю в бараний лоб Саньки. Он обязан был придумать нечто равноценное пуле в лоб. Голова гудела, мозг зашкаливало, боль не ути-

хала. Денис мучился, жизнь становилась невыносимой. Все мысли и фантазии, даже сны, крутились вокруг способа мести, которого он никак не находил.

Увы, армия оказалась для Дениса злой мачехой. Он понял, что ничего хорошего от службы уже не будет и, расставшись с мечтами о выправлении тела, решил возвращаться домой.

Попросил у Романа мобильник, чтобы позвонить бабушке.

Роман всё понял и оценил верно:

– Домой решил? Правильно.

Вслед за звонком отправил Денис бабушке и письмо, чтобы она скорее шла в военкомат и вызволяла его.

Бабушка была мудрой старушкой. Получив отчаянные сигналы любимого внука, тотчас поспешила к Асхату Галиаскарову. Тот вызвал военкома.

– Что ж Вы раньше-то думали?! – ворчал военком, когда бабушка стала ссылаться на старость и нездоровье, и, не мешкая, позвонил в часть, где служил Денис.

Командир части препятствовать комиссованию Дениса не стал. Был он хорошим отцом своим двум сыновьям и от всей души сочувствовал Денису. Увы, с дедовщиной бороться он давно потерял волю и желание, она представлялась ему эпидемией чумы, и он ждал, когда же эпидемия эта сама собой закончится.

Расставаясь с Романом, обменялись адресами и телефонами.

– Будешь в Бурге – сразу ко мне. В любое время дня и ночи. – сказал Роман. – Ты мне друг на всю жизнь, запомни.

Обнялись.

Так начало взрослой самостоятельной жизни печально срослось у гражданина России Дениса Захарова с поруганием чести и жадой мщенья. Невеселое начало. Теперь всё, что бы ни делал Денис, о чём бы ни думал и ни мечтал, было окрашено страстным желанием мести. Подельников он отбросил как отребье, как животные орудия в руках Саньки. Месь Саньке накрывала в его представлении и тупых его сотоварищей.

Спустя месяц Денис вернулся домой. Это был уже другой Денис. У него развилась пивофобия. По ночам снились унижительные кошмары, при упоминании о пиве его корбило и тошнило, долгое время он не мог без тошноты видеть даже рекламу пива. Если раньше к пиву был он просто безразличен и никогда не тянулся к нему даже при жажде, то теперь ненавидел и любое упоминание о пиве будило в нем картину унижения и ненависть к Саньке Дубу и его собутыльникам, каждый из которых навсегда застрял в памяти.

А спустя полгода из части демобилизовались Кукуев с Санькой. И часть получила печальные изменения в своей монотонной жизни. Исчез бензиновый бизнес. Это ввергло офицеров в легкую депрессию – заправлять свои тачки за полцены обломилось. Закончилось недолгое сексуальное счастье для жён офицеров. Они вновь перешли на индивидуальное случайное обслуживание своих истомленных тел, вспоминая бывшие бурные ночи. Исчезла Людмила, бросившая мужа на произвол иссушающего душу азарта и нищеты ради могучего солдатики Саньки Дубичева. В его родном Бурге она стала верной супругой, отбросив и перечеркнув шальное прошлое в бизнесе Кукуева. Кроме Саньки ей никто не был нужен.

Через год у них появился первый рыженький малыш.

Часть вторая

ДЕНИС СТАНОВИТСЯ КУЛИНАРОМ

Надо было устраивать жизнь. Бабушка дряхлая, пенсия её была мизерна, накопления, что остались от предусмотрительных родителей, хоть и приличные, да ещё и в долларах, подходили к концу.

Асхат Галиаскаров был негласным опекуном Дениса, помогал во всём. Когда появились жаждущие отобрать у Дениса с бабушкой оставшуюся им от отца с матерью роскошную четырёхкомнатную квартиру в центре, дядя Асхат быстро злодеев усмирил. От армии Дениса, как и бабушка, не отговаривал, даже обрадовался, что парень весь в Петра и способен к самостоятельным серьёзным решениям и поступкам. Но теперь пришла пора Денису определяться, выбирать жизненный путь. Тут дядя Асхат мог быть только советчиком. А если путь найден, вот тогда и помощником.

Внезапно Денис принял резкое решение – не поступать на химфак, а стать поваром. Армейский кулинарный опыт не прошёл даром, увлёк, и кроме того показал, что профессия повара народом уважаема и без хлеба с маслом никогда не оставит.

И решил он стать не просто поваром, а мастером самого высокого класса.

Денис пошёл, как всегда, к дяде Асхату сказать о решении и посоветоваться насчёт учёбы.

Дядя Асхат смотрел на Дениса прищурившись. Прикидывал в уме, куда бы приладить Дениса в городе, а он на тебе – в повара! Такого поворота Галиаскаров не ожидал. Это был, конечно, не тот путь, который, как он думал, нужен бы сыну Петра Захарова, талантливого авиационного инженера, но раз выбор сделан, значит надо помочь. Он давно понял отцовский характер Дениса и знал, что отговаривать бесполезно.

– Давай-ка устроим тебя в кулинарное училище. Завтра позвоню директору. – предложил он.

Кулинарное училище! Точно! Как это Денис не подумал. Корочки-то нужны.

– Спасибо, дядя Асхат. Только я сам.

Это было опять по-захаровски и Галиаскаров потёр руки от удовольствия.

– Ну, сам так сам. Главное – вперёд! Будь всегда и во всём как отец – первым и лучшим. Гениальный кулинар – тоже неплохо. Попотчуеть меня каким-нибудь деликатесом.

И всё же тайком от Дениса позвонил директору училища. На всякий случай.

Однако никакого звонка и не надо было, Денис сразу удивил маститых кулинаров в приемной комиссии своими поварскими познаниями.

– Что ты умеешь? – спросили в комиссии.

– Показать? – растерялся Денис.

– Просто перечисли, что умеешь готовить.

Денис начал перечисление с салатов, потом перешел к кашам, за ними последовали супы, мясные блюда, десерты, напитки...

Члены комиссии переглядывались, веселясь.

– Погоди, погоди. – остановил Дениса председатель. – У кого всему научился?

– У бабушки. И по книгам.

Такого абитуриента в училище ещё не бывало.

Потом Денис завоевывал первые призы на всех кулинарных конкурсах, куда бы его не посылали влюбленная в него администрация училища. Уже через год Денис стал вполне профессиональным поваром.

Закончив училище, работать поваром начал в столовой завода, на котором работали отец с матерью. Решил осваивать практику с массовой кормёжки, продолжая армейский опыт.

Но не только училище делало его мастером.

Как губка впитывал теперь Денис всё, что касалось кулинарии. К книгам Похлёбкина добавились десятки других, самых разнообразных, быстро скопилась целая библиотечка. Наведывался в кафе и рестораны города, особенно с заморской кухней, японской, итальянской и китайской. Просился помогать и учился. Ему редко отказывали, потому как часто он и оплаты не просил, удовольствием ему была учёба, освоение профессионализма.

Слава – сестра успеха и мастерства, приласкала Дениса ещё во время учебы, когда он на кулинарных конкурсах блеснул мастерством и выдумкой. Его выпечки, торты, пирожки необычностью и оригинальными придуманными им формами привлекали внимание публики и не оставляли равнодушными преподавателей и жюри. После учебы он уже имел уйму предложений работы и индивидуальных заказов на поварское обслуживание юбилеев, званых вечеров и посиделок вип-персон.

Как и положено при успехе, подкрепленном истинным профессионализмом, слава обгоняла Дениса. Появились статьи в прессе, а после очередной его победы в региональном кулинарном конкурсе булочек и ватрушек для детей показали его выпечку по местному телеканалу с небольшим интервью. Денис становился в городе кулинарной знаменитостью. При его честном и твердом характере это не вскружило ему голову и не опрокинуло в объятия профессиональной суеты. Уж кто-кто, а он-то знал, что ему ещё надо учиться и учиться. И продолжал перенимать опыт у всех, у кого можно было хоть что-нибудь стоящее взять: у поваров элитных ресторанов и кафе, и, конечно же, в Интернете у мастеров кулинарии всего света. Перенимал секреты, пробовал, экспериментировал, придумывал новенькое, необычное. Кулинария захватила его своими необъятными возможностями творчества целиком и полностью.

Спустя два года Денис окреп, обрёл уверенность в своём жизненном выборе и перспективах. И разгорелся с новой силой никогда не затухавший в нём факел мщения. Мечь позвала в дорогу – Денис решил съездить в Бург на разведку. Созвонился с Романом.

Тот обрадовался:

– Денис, давай, жду. У меня и остановишься.

Не откладывая, Денис купил билет на поезд. Ехать было всего-то десять часов: поздно вечером сел в вагон, в семь утра был в Бурге. Роман встретил и повёз его на элитном внедорожнике, сопровождаемом охраной, в свой загородный дворец.

– Позавтракаем, поплещемся, а потом я тебя по городу повезу. Ты же в Бурге впервые?

Роман кивнул.

– Посмотришь. Город будь здоров, за день не объедешь.

Денис решил соединить полезное с приятным: не только город посмотреть, но и приглядеться к его кулинарному потенциалу.

– Чую нюх профессионала! – засмеялся Кукуев.

И повёз его по городу. В глазах замелькало! Денис был поражён изобилием ресторанов и кафе на любой вкус. Купили пачку рекламных газет и журналов. Полистав, Денис с радостью открыл, что Бург богат необычайно на кулинарию во всех её проявлениях и форматах. Есть в нём и всевозможные учебные курсы и заведения по кулинарному образованию, вплоть до специализаций на факультетах в экономической академии, есть даже кулинарный колледж, проводятся всеческие кулинарные конкурсы, наезжают в город заморские гуру-повара с мастер-классами и семинарами. Есть где разгуляться. Сделал для себя вывод: надо ещё поднабраться мастерства и перебираться в Бург, чтобы стать в пространстве его кулинарного изобилия не последней пешкой на шахматной доске.

Показал Роман Денису и свою империю.

– Денис, перебирайся сюда, хватит в провинции киснуть. Здесь для твоего таланта простор. Я под тебя могу открыть хоть кафе, хоть ресторан, что захочешь. А?

Знал Роман, чем соблазнить, но не таков был стойкий характер Дениса.

– Не готов я ещё, Рома, надо набраться опыта. Может через год.

– Ну, тебе решать, только помни – я всегда в твоём распоряжении.

Великий знаток человеческих инстинктов, Кукуев хитро сощурил глаза:

– А с Дубом не хочешь повидаться? Он же у меня в охране служит. Живёт с Людкой, помнишь ту рыжую сучку, жену лейтенанта? Она мужа бросила, с Дубом поженились. У них уже и пацан растёт. Рыжий. Давай съездим к ним?

– Ты же знаешь, чего спрашивать. – скривился Денис.

Роман понял настроение друга.

– Не отошло?

– Такое не отходит, Рома.

– Понял. Чёрт подери, но как ты сможешь ему отомстить, как! Он же бугай, потому и держу его при себе.

Денис усмехнулся:

– Ничего, как-нибудь... Посмотрим, жизнь ещё не закончена.

– Фанатик ты, Денис, одержимый. Но я на твоей стороне, так и знай. Я за такое тоже отомстил бы. Это по-мужски, по-настоящему. Мешать не буду, он заслужил. Но учти, и помогать не буду.

Вернулся из Бурга домой Денис в некоторой растерянности. Бург открывал безграничные возможности, ни в какое сравнение с родным городишком. Уверенность несколько снизилась. Он понял – чтобы наверняка вписаться в кулинарное пространство Бурга, надо ещё поднапрячься.

Обзавёлся самой лучшей электроникой. Каждодневно заходил в Интернет, отыскивая один за другим кулинарные сайты и порталы, скачивая книги, статьи и рецепты. Он превратился не просто в повара, но и в кулинарного исследователя. Обожаемая в школе химия пригодилась как нельзя кстати. С помощью Интернета он потихоньку, шажками, стал осваивать биохимические тайны пищеварения и продуктов питания.

Начал проникать и в молекулярную кулинарию, о которой в городе ещё никто и не ведал. Это открывало дорогу к изобретательству, к созданию новых кулинарных сочетаний и блюд. Потребовалась домашняя химическая лаборатория. Она была ещё примитивна, на уровне его школьных знаний и чтения электронных публикаций, отыскиваемых на сайтах в Интернете, но это было начало пути в подлинно профессиональное будущее, в настоящее кулинарное творчество.

Его мастерство оттачивалось и не было ни одного кулинарного конкурса, показа или фестиваля, в которых он не участвовал бы и не завоевывал первые призы. Популярность его разрасталась, появились заказы от VIP-персон и солидных корпораций, а значит приличные гонорары.

Первые же гонорары пробудили мысль о собственном автомобиле и небольшом автохолодильнике – клиенты бывали капризны и требовательно придирчивы, им нужна была скорость и свежесть. А кроме того, надо было упростить процедуру приготовления самых разнообразных блюд по прихотям клиентов – за это они хорошо платили. Значит нужно было надёжно привязать себя к рынку, продуктовым складам и магазинам. Без колёс и холодильника достичь такой мобильности было невозможно. Он вспомнил то удобство, которое предоставил ему в армии Роман с «Нивой».

Пошёл советоваться к дяде Асхату.

– У меня, дядя Асхат, на руках три тысячи долларов. Может нашу квартиру продать, купить поменьше, добавить и какую-то тачку приобрести? Машина для работы позарез нужна.

– Ты, Денис, просто провидец! – улыбнулся Галиаскаров. – Я думал свою «Оку» на свалку выбросить. Стоит года три у меня на даче, нетронутая. Старенькая по возрасту, а как новая, я на ней с год всего ездил, руку набивал за рулем. Потом иномарка, за ней другая. В общем, в воскресенье съездим, заведём старушку, посмотрим, что в ней заменить, и езди на здоровье.

– А за сколько, дядя Асхат, ты мне её отдашь?

– Ну ты даёшь! За сколько! Да я же тебе сказал – спасаешь меня от греха, выбрасывать я её собрался, место только занимает. Дарю. Понял?

Так у Дениса появилась какая-никакая, а тачка, и он её полюбил, ездила не лихо, но безотказно, чему все знакомые дивились. А ему была райская жизнь.

Водил Денис классно, лет двенадцать ему было, когда отец за руль посадил. Как на дачу, так за руль, на тех участках дороги, которые не опасны. А потом и

на всю дорогу до дачи. В армии освоил и армейские машины. Когда с Романом на рынок ездили на «Ниве», садился за руль.

Ласточкой пролетели три года.

И вот грянул день, когда колокольчик судьбы прозвенел – пора! В этот день, уже около часу ночи, на поисковый вызов в Интернете об опасностях чревоугодия – эту тему он недавно включил в круг своего интереса – среди других адресов получил Денис и отсылку к материалу о разврате пище-вкусовой фасцинации. Что такое пище-вкусовая фасцинация Денис не знал и ни разу нигде не встречал ни в книгах, ни в Интернете. Это была новинка. С волнующим предчувствием чего-то неведомого он открыл страницу и увидел, что она размещена на сайте некоего Юлиана Юрьевича Арбелина о созданной им науке фасцинетике.

И провалился Денис, просидел до утра, прочитав не только статью о пище-вкусовом разврате, но и весь сайт. Не всё понял с первого захода, но главное дошло до сознания и ошеломило: в мире наряду с информацией существует также фасцинация, и она-то управляет инстинктами и эмоциями, ввергая животных и человека в очарование и страхи, волнуя, ошеломяя, увлекая и предостерегая, завораживая и ужасая. И кулинария, как он мгновенно понял мысль Арбелина, представляет собой профессию, на сто процентов играющую на поле пище-вкусовой, базовой для всего живого на планете, фасцинации. И эта фасцинация может потащить человека в чревоугодие, как оно и происходит с людьми чуть ли не с каменного века. И повара, как особую профессию, взрастила именно пище-вкусовая фасцинация, тяга человека к вкуснятине, очарование наслаждением от вкусной пищи, которую и стали готовить самые искусные люди, ставшие со временем особой профессией – кулинарами, поварами. Они-то и ублажали аппетиты, изобретая одну вкуснятину за другой. Это и стало шагом к чревоугодию, превратило многих людей в пищевых наркоманов. Он-то, тощий от природы, прекрасно знал, как это происходит и как делается, иначе не получал бы первые призы на конкурсах тортов, пирожных, всяческой выпечки и прочих улаждающих блюд.

И вдруг среди статей сайта, которые он с жадностью проглатывал одну за другой, вышла на экран статья, ещё более ошеломившая его – о фасцинации мести.

Денис похолодел от предчувствия чего-то сокровенного, мучившего его все эти годы.

Статья Арбелина начиналась с пушкинской строки из письма к другу Петру Вяземскому: «Почитаю мщение одной из первых христианских добродетелей».

Арбелин убеждал, что месть задана эволюцией всему живущему на планете как способ дисциплинирования агрессии и эффективный способ самообороны. Проглотил статью Денис на одном дыхании. И стало как-то тревожно-легко и свободно на душе, даже сладко-радостно: его месть превращалась в необходимый поступок, в долг оскорблённого сознания, в приказ эволюции.

Судьба прошептала: «Там тебя ждёт избавление», и голос этот Денис услышал. Это был голос учёного Юлиана Юрьевича Арбелина.

И снилась уставшему за ночь мозгу Дениса в утренней дрёме фасцинация – престелная девушка, похожая на древнюю богиню правосудия, с весами, на чашах которых возвышались два огромных торта, на каждом из которых была написана кремом фраза «Мщение воздам», на одном чёрным, на другом алым. И сопровождался сон какой-то волнующей тревогой и озарением: здесь, в могущественной власти фасцинации над человеческим телом и психикой и находится орудие мщения.

Проснувшись и стряхнув наваждение, Денис уже думал о том, как ему с бабушкой перебраться в Бург, поближе к Арбелину, тем более в этом городе жил и Роман Кукуев, и ненавистный Санька Дуб. Создавался какой-то мистический узел, в который и вплетался Денис. Он интуитивно уверовал, что учёный Арбелин даст ему ключ к орудию мести, без него Денису этот ключ отыскать будет трудно.

В этот же день решительная натура Дениса вошла в режим переезда в Бург.

Первое, что он предпринял, это убеждение бабули. И удивительное дело, уговаривать её не пришлось, более того, мудрая старушка выдала ему свой убедительный аргумент:

– Денисушко, родной мой! Так и надо сделать. Здесь тебе уже тесно, а там огромный город, там ты найдёшь всё, что тебя ждёт в жизни. Там твой простор. А я – с тобой хоть на край света. Жить мне осталось совсем мало, все мои сверстники уже отошли в мир иной. Возьмёшь меня с собой?

Денис обнял старушку:

– Бабуля, ну что ты. Поедем?

– Поедем, Денисушко!

Вечером он двинулся на «Окушке» к дяде Асхату советоваться.

Галиаскаров с ходу желание Дениса перебраться в Бург не понял и даже обиделся. С чего это вдруг?! Разве в родном городе плохо? Всё есть, всё под рукой, заработки приличные, известность, уважение, его поддержка, а он мэр города как-никак.

Эх, рассказать бы дяде Асхату об армии и мести, но Денис этого сделать не мог. И без благословения самого близкого ему человека после бабушки, друга его отца, оторваться от города тоже не мог, чувствовал бы вину перед ним. Оставалось убедить.

– Понимаешь, дядя Асхат, я здесь достиг уровня, за которым пойдёт только повторение. А мне уже 22 года, хочу двигаться дальше. Тут я всё испробовал. А в Бурге открывается перспектива. И там есть друг, который поможет, у него там громадный бизнес.

Всю жизнь проживший в Н-ске, Асхат Галиаскаров вспомнил молодость. И он мечтал тогда куда-то на просторы рвануть, было такое желание. Наверное это свойство молодости, подумал он, и смирился. Ну, не препятствовать же своим настроением парню, раз он так рвётся в цивилизацию! Да и недалеко ведь Бург, всего-то пять часов езды по тракту на внедорожнике.

– Хорошо. Дерзай, Денис. – обнял он Дениса. – И помни – пока я здесь, ты всегда можешь вернуться.

И предложил план переезда:

– Квартира у вас с бабулей роскошная, в центре. Приобретём её для муниципалитета. Оценим по максимуму. Сгоняем в Бург, я посмотрю, что можно приличного купить для тебя. Купим и перевезём. Фуру всегда найдём, вещей-то у вас не так много. Всё лишнее оставишь, нужное заберёшь. Делов-то!

Через два дня поехали в Бург на разведку. Денис созвонился с Романом. Рационалист обрадовался, встретил их, и разведка обернулась приятным путешествием.

Роман мгновенно оценил план Дениса, принял его с удовольствием – такой друг будет рядом! – и ринулся помогать. Объехали агентства недвижимости, присмотрелись к ценам. Получалось совсем неплохо: за те деньги, которые называл дядя Асхат, в Бурге высечивалась Денису двухкомнатная квартира улучшенной планировки.

– Хватит такую? – спросил дядя Асхат.

– Вполне. – подтвердил Денис. – Главное, чтобы комнаты изолированные и кухня большая.

Роман предложил вариант и вовсе приятный: он добавит и можно купить трёхкомнатную. Но Денис отказался.

– Роман, спасибо, нам с бабушкой будет отлично и в двухкомнатной. А там посмотрим. Обжиться сначала надо, привыкнуть к городу.

– Замётано. – согласился Роман. – Всегда успеется.

Повёз их по своим владениям. И завязался у него с Галиаскаровым деловой разговор. Слушая их, Денис понял, что всё складывается как нельзя лучше, дядя Асхат совсем оттаял, увидев из разговора с Романом Кукуевым пользу от переезда Дениса не только себе, но и городу.

Через две недели квартира в Бурге была куплена и дядя Асхат с Романом филигранно перевезли в фуре и своих внедорожниках весь скarb Дениса, не разбив ни одной тарелочки.

Так Денис стал гражданином Бурга, города, где его ждали беды, счастье и мщенье.

Часть третья

БЕЗУМНЫЙ ПРОЕКТ УЧЁНОГО ЮЛИАНА АРБЕЛИНА

В тот самый день, как Денис принял решение переехать в Бург, учёного и пенсионера Юлиана Юрьевича Арбелина посетила светлая, будто заглянувшее в окно ласковое апрельское солнце, мысль, необычайно его взбодрившая.

То, что постоянно последнее время беспокоило, мучило и порой ввергало его в апатию, как-то очень легко и просто отодвинулось, отлетело. Толчком для гнетущего настроения послужила передача по телевидению об астрономах, сумевших зафиксировать сигналы вселенной многих миллиардов световых лет отдалённости и гипотеза о взаимопереплетении галактик. На Арбелина вдруг нахлынула мысль, что с точки зрения вечности, в которую, как в прорву, засосет и нашу чудную планету, и нашу солнечную систему, и даже нашу галактику, теряется смысл любых его творческих напряжений и негодования по поводу непонимания или медленного распространения родных и любимых идей и гипотез. Всё уйдёт в невозвратную даль, рас-

творится в метаморфозах безграничного Космоса. Сколько там осталось существовать человечеству? Светлые умы предрекают скорый крах, если человечество не образумится, не перейдёт к экологическому аскетизму и не отыщет способа рассеяния в Космосе. Наивная иллюзия! А сколько осталось Земле и Солнцу? Миллиард, пять миллиардов или двадцать? Любая цифра лишь обозначает конец. Рано или поздно солнечная система просто-напросто исчезнет в вечном космическом круговороте вместе с человечеством, каким бы оно распрекрасным ни стало благодаря научному и технологическому прогрессу и даже экологическому аскетизму. Потухнет ли солнце, заморозив всё живое, или взорвётся и поглотит в огненном смерче все свои планеты, какое это имеет значение, кроме единственного – придёт конец. Конец всему! В том числе и разуму, науке, будь то теория относительности или технологии продления жизни человека лет до пятисот. Конец человечества уничтожает смысл любого научного поиска и самой научной деятельности. Сознающий свою конечность разум – разум трагический. Получается, что эволюция породила трагедию разума, его бессмысленность перед лицом вечности, как некую игрушку, эксперимент ради эксперимента, жестокий розыгрыш. А каково разуму это осознать и погрузиться в свой будущий апокалипсис? Вот и ему, создавшему новую науку, каково знать, что век её будет хоть и долог, но не вечен? Лев Толстой горестно вздыхал, представляя, как всё безвозвратно исчезнет в тартарары: «Только музыку жалко». Что жалко ему, Юлиану Арбелину? Жалко свою музыку – фасцинетiku.

Да, сгинет всё без надежд на продолжение, исчезнет, будто и не бывало, но ведь где-то, в каком-то уголке или закоулке Вселенной, возможно, опять начнётся такой же космический эксперимент и зародится жизнь, а значит и обслуживающая её коммуникация, и непременно будет коммуникация снабжена своими главными инструментами – информацией и fascinaцией с их функцией повышать организацию и адаптацию живых существ. И в результате появятся разумные существа, и вместе с ними наука и, как неизбежность её развития, открытие fascinaции и создание фасцинетики. А потом снова всё исчезнет спустя миллиарды лет, и вновь где-то возродится. А быть может вот сейчас на другой планете, отдалённой от Земли расстоянием в миллион или миллиард световых лет, фасцинетика уже давным-давно существует и продвинулась так далеко в понимании механизмов fascinaции, что ему, Юлиану Юрьевичу Арбелину и не снилось. Какие они, эти инопланетяне, знающие fascinaцию?

Арбелин прикрыл глаза, включив трансовое воображение, метод, каким он пользовался десятилетиями в своём творчестве и который ему замечательно помогал видеть сокровенные связи, и оно тут же выплеснуло удивительную по красочности и необычности картину: два существа вели беседу, но как они были не похожи на землян! Вместо одежды у них была не то блестящая кожа, не то обтягивающий тело эластичный панцирь, но что бы это ни было, оно ежесекундно меняло окраску, пульсировало цветосветовыми эффектами, а вместо лбов светились небольшие экранчики, на которых столь же пластично и ежесекундно менялись некие фрактальные динамичные картинки. «Это они так разговаривают, – подумал Арбелин, – у них, стало быть, фрактальная речь, а цветовые переливы по телу – интонации!». А что если им fascinaция неизвестна? Значит человечество могло бы им теорию fascinaции подарить и они её к своей фрактальной комму-

никации приладили бы. Как только до них добраться... А что если человечество всё же преодолеет все барьеры и сумеет вырваться за пределы родной галактики? Тогда его труды не бессмысленны, они послужат будущему Разуму во Вселенной.

Э, размечтался! Этот свой замечательный способ погружения в мир воображения Арбелин использовал в художественном творчестве, особенно при сочинении песен: в воображении создавался сюжет из живых сценок и часто он проваливался в эту картиночную захваченность настолько, что становился участником воображаемых действий героев и ему стоило порой некоторого усилия оторваться от этого фантазийного мира. Вот и сейчас, представив себе необыкновенных инопланетян, он поймал себя на желании с ними «поговорить», и они, словно уловив его желание, повернулись к нему своими экранами и запустили немислимо красочные фракталы, будто пытаясь что-то ему сказать.

И его охватила какая-то детская весёлость: вдруг и они там, эти фрактально мыслящие инопланетяне, думают о том же – об этой апокалипсической бессмысленности смысла, о науке, которая растворится в небытии. И тут же исследовательский его интеллект выдал идею: а что если в прогнозируемый им психотерапевтический фациносинтезатор ввести заворачивающую фрактальную цветомузыку, перечёркивающую в мозге любую угнетённость и заикленность и порождающую радостную успокоенность и блаженство...

Арбелин обычным тормозным приёмом остановил разыгравшееся воображение и выдернул себя из транса. «Ладно, пора возвращаться на землю, – пробурчал он, – оставим общение с инопланетянами нам будущее».

Да, да, вполне возможно, что не один он во Вселенной творец столь необходимой Разуму науки. И так будет вечно. Если дни человечества сочтены и через год или через 4-5 миллиардов лет придёт ему конец, есть ли какой-нибудь смысл в этой бессмысленности печального финала кроме погружения в параксизмы заложенных в тело наслаждений, фацинаций своей заглушающих абстракции разума. Ведь моему эгоистичному гению придёт конец, как и эгоистичным генам всех живых существ на планете. И что же остаётся делать ему, сейчас, здесь, в этом закоулке Вселенной, которому придёт конец и в котором он рождён и ещё жив? Сколько песочка осталось в песочных часах его жизни? Выхода из этого тупика только два: либо в занудный пофигизм, отбрасывающий к чертям собачьим всё на свете, кроме своего сегодняшнего нутра, либо в весёлую игру со всем белым светом, захватывающую и отвлекающую от мыслей о неизбежности конца. Не закидать в безволии, не погружаться в апатию, что равносильно смерти. В наличии есть у него миг между прошлым и будущим, существование здесь-и-сейчас со всеми его удовольствиями и радостями, с потрохами и испражнениями. Вот вчера что-то в животе забурчало, слава небесам, прошло. Испражнения испражнениями, куда от них деться, но остаётся всё же и смысл, и это смысл творческих озарений, радости творчества здесь-и-сейчас. Чем он занят в этой жизни вот уже почти полсотни лет? Суесть, как и все грешные, это верно. Но также и не прекращающимися ни на один день размышлениями о тайнах психики и общения. Это его стержень жизни. Ему повезло дважды. В двадцать пять лет встретил он истинного учёного, ставшего его научным руководителем и подарившего ему тему для диссертации, которую он интуитивно не только принял,

но буквально сросся с ней навсегда. Это была тема о глубинных тайнах и механизмах человеческого общения. И вот на седьмом десятке лет пришло второе везение – он создал новую неожиданную науку, фасцинетику. Зачем он, семидесятилетний, ещё существует? Исключительно ради фасцинетики. Она, милая, дала стимул и смысл жизни в старости. В эти годы большинство живет прошлым: воспоминаниями и заслугами. И страданиями от разных геморроев. А он жив будущим: исследованиями, книгами, открытиями. Огромная задача! Хоть двести лет живи. Счастливую старость подарила ему фасцинетика.

Не остаётся ли, раз уж родился и жив на этой грешной планете, насладиться её красотой и создать для себя некую весёлую жизнь-игру, захватывающий трикстерский спектакль, наполненный фасцинацией радости. Да, да, игру, ведь фасцинация по эволюционной природе своей пронизана чарующими волнами эйфории, любованием и жутью, фейерверками, молниями, озарениями, блеском, поэзией романтики и трагедии, не прекращаемой игрой в бисер. Значит надо погрузить фасцинетику в радостную возню, увлекательную драматургию, продолжать по мере сил встраивать её в человечество, хоть оно и исчезнет в тартарары, но не так, как он делал до сих пор, опираясь в основном на информацию и убеждение, а с весёлостью и юмором Сократа. Вечности всё это до фонаря, она бездушна и неумолима. Что ж, какое мне дело до того, будут ли знать фасцинетику через пять или десять тысяч лет, как египетскую Книгу мёртвых или ту же Библию, или канет она в космическую бездну вместе с галактикой. Осталось жить не так уж много и обрётённый от создания фасцинетики энтузиазм этот срок продлит лет на десять, а возможно и больше. Значит надо жить, напроочь отменяя все ненужное, суетное, мелочное и пакостное. Воплотить принципы фасцинации в собственную жизнь, провести своеобразный эксперимент над собой любимым. И написать книгу «Фасцинацией живи человеке!», лейтмотивом которой будет конструирование каждым человеком своей системы фасцинирующей жизни – жизни с радостью, бодрым тонусом и хорошим настроением. Это будет новая философия человеческого бытия, очищающая человека от скверны озлобленности, агрессии, нездоровья и ненужных страданий. Ведь я, – размышлял Арбелин, – после создания фасцинетики уже начал это осваивать, хоть и стихийно. Теперь надо всё делать точно и умело. С сегодняшнего дня и начнем, сукин ты сын, Арбелин! И ничто не свернёт тебя с избранного пути! Начнем организацию весёлости и радости, как учил мудрый Сократ. Всё важно! Всё необходимо связать в узел бодрого эмоционального тонуса. Чтобы тело пело и играло, а мозг взволновался и возрадовался. Так возвеселимся же!

В приподнятом настроении Арбелин ринулся в ванную навстречу контрастному душу – тонизировать и возвеселить тело. Но его коварно поджидало огорчение – вот она нестабильная стабильность Пригожина! – из крана с холодной водой лилась только тоненькая струйка. Какой же тут контрастный душ. Но тотчас же пришла подсказка, обновлённый фасцинацией мозг мгновенно выдал решение, развеселившее Арбелина: терпеливо набрать ведро холодной воды и после горячего душа, – а горячая вода в кране шла превосходно и нужной нагретости, – окатиться с головы до ног из ведра. Решено – сделано. Через пятнадцать минут Арбелин вытирался махровым полотенцем и с удовольствием наблюдал,

как тело охватывает волна эйфории. Вот она, соматическая радость по Павлову!

«А теперь выпьем кофейку!» – воскликнул наш неофит философии радости. И надо купить сегодня эту бодрящую корейскую морковь-ча. Неделью назад он взял её на пробу и был приятно очарован. А кроме того была и несомненная польза: сырая морковь с красным перцем – мощный удар против вероятности рака. Морковь-ча стала ещё одним постоянным блюдом в его аскетическом рационе. Вкусным лекарством, как он назвал свою теорию фасцинирующей кулинарии.

Уже на другой день Арбелин поймал себя на том, что изменилось его восприятие мира. Эпоха аскетического и несколько неуютного, хоть и надежного, отшельничества закончилась. Депрессия от мучительного разрыва с последней женой почти улеглась. Он вдруг вновь возжаждал публичности, встреч с людьми, разговоров, дискуссий.

Начинался новый этап жизни – выстраивание драматургии радости и увлекательного общения на завершающем этапе биографии, который может продлиться всего-навсего год или месяц, – ведь человек внезапно смертен! – а возможно и лет тридцать. Арбелин намеревался жить до ста лет и истово верил в такую свою судьбу. А жить лет тридцать надо было позарез, поздновато мозг его выдал на свет божий фасцинетику: для её развития и распространения потребуется немало лет и каждодневный труд.

Как-то сама собой созрела и волнующе захватила его идея зацепить фасцинетикой государственную машину, и не какое-нибудь нищее министерство образования или покрытую плесенью академию наук, которые наверняка отмахнутся от него из-за скудности своих бюджетов и кислой консервативности мозгов, а могущественную и всегда денежную госбезопасность, ФСБ. Все службы безопасности и разведки мира создавали секретные центры и лаборатории по разработке психотропных воздействий на человеческую психику, и даже на исследования такой чепухи, как ясновидение, телепатия и телекинез. Фасцинетика выходит на пути такого управления психикой масс, какие и не снились ни науке, ни разведкам. Ведь в основе всех страстных, доминантных, оглушающих и гипнотических воздействий на психику лежат сигналы и нейрофизиологические процессы фасциации. Во всём живом мире. Уже вирус, не то живое, не то ещё неживое, мизерное агрессивное устройство, фасцинирует живую клетку, усыпляя её бдительность, чтобы проникнуть в неё и превратить в рабыню. Любое зомбирование, включая знаменитое вуду, без фасциации пустой звук. Значит фасциацию можно поставить на службу обществу, сделать огромной силы оружием против любых экстремистских трансформаций психики, против любого тоталитарного и агрессивного умопомрачения. Создать фасцинативную систему, обеспечивающую безопасность государства на уровне вредоносных изменений психики. Профилактировать и лечить массовую психику, а не ждать её провалов в массовую психопатию. Информационные технологии в этом мало пригодны. Фасцинативные могут стать всесильными как магия и религия, эти великие фасцинирующие изобретения человечества, уводящие его в бездны массовой шизофрении и психопатии.

И снова, как с контрастным душем, Арбелин не стал откладывать, а собрал воедино всё, что писал уже целый год, обдумывая и оттачивая формулировки, и

принялся за обращение в ФСБ с идеей создания в её системе научно-практического центра антиэкстремистской фасцинетики.

Относился Юлиан Арбелин к странной и, казалось бы, давно вымершей категории учёных-одиночек, даже, можно сказать, учёных-отшельников. Причём удивительным было то, что это исследовательское одиночество соединялось в нём с гиперактивностью, с выдумкой и попытками реализовать самые разные социально-инженерные проекты. И к тому добавлялся ещё отточенный профессионализм по части технологий избирательных кампаний, на которых он и прирабатывал на кусок хлеба с маслом. А иначе хоть на хлеб с квасом переходи, заработной платы не было у него тридцать лет – юдоль свободного художника! Потому и пенсия была минимальная, ниже прожиточного минимума. Хоть бутылки собирай.

Всё это в нём сочеталось и переплеталось, не мешая, а даже, в конечном счете, образуя некую замысловатую, но продуктивную систему. Правда, приходилось и жертвовать, и для исследовательской кабинетной, тихой и усидчивой работы времени порой катастрофически не хватало. Те же избирательные баталии требовали порой круглых суток, до изнеможения и стресса. Выдерживал. И как только освобождался от всей этой чумной суеты, с головой уходил в сокровенное – в свои исследования.

На седьмом десятке осенило – фасцинация, это она-голубушка содержит в себе те многие тайны и секреты, которые делают живое существо устремлённым в жизнь, энергичным, эмоциональным и непредсказуемым, гибким и настырным, похотливым и возвышенным. В том числе и человека. Так он создал фасцинетику, науку оглушительную, внезапную, вызывающую к преобразованию всего биосоциального знания. И не признаваемую с самого первого дня, как только он о ней оповестил мир. Это его огорчило, но не настолько, чтобы впасть в отчаяние. Что-то, а советско-российский учёный мир с его групповым тупоумием, консерватизмом и трусостью, при которых только и возможно было шельмование генетики, кибернетики и проч. и проч., он прекрасно знал. И знал – ему надо радоваться, что открытие сделано в век, когда шельмование сгнуло как средневековый инквизиторский кошмар, а непризнание он уж как-нибудь выдержит. Дел невпроворот, годы поджимают, надо трудиться. И, как мудро учил великий физик Пётр Капица, лучшим качеством учёного является многолетнее терпение. «Ничего, потерпим!», – шутил про себя Арбелин, только для долготерпения нужна долгая жизнь. И двигался дальше.

И вот родилась мысль альянса с ФСБ. Только в голове российского учёного-безумца могла родиться такая идея. Но Арбелин и был безумцем! Мысль его была проста и чиста: как учёный он обязан был проинформировать родное государство о своём открытии, поскольку оно проникало в некие тайны человеческой психики, знание которых укрепило бы безопасность страны. Фасцинетика должна была, как он считал, служить человечеству и родному Отечеству.

С приподнятым настроением он конструировал общение с всесильной государственной структурой. Что он терял, что может ему грозить? Безразличие и отвергнутость? Ничего страшного! Но вдруг, пусть величиной в один процент из ста, структура эта заинтересуется. И завертится-закрутится. Что? Одному аллаху известно. Но уж точно будет не скучно. Будет общение, будет распространение

идей фасцинетики, будут люди. Мерзких отбросим. С интересными поговорим. Под лежащий камень и вода не течет. У меня в руках тема. А человек – это тема. Не предлагая тему, человек обрекает себя на вакуум. Я предлагаю тему. В том числе для ФСБ. Способно ли оно понять тему и подключиться к ней? Посмотрим.

Через три дня Арбелин шёл на главпочтамт с отпечатанным обращением в ФСБ. Сердце взволнованно и тревожно выстукивало повышенный ритм.

Это и было волнение «здесь-и-сейчас». Целый год оно поджидало толчка и толчок свершился.

Отправив послание в Москву, Арбелин почувствовал облегчение. Он сделал то, что обязан был сделать. Остальное зависело уже не от него.

Так началась замысловатая драма отношений учёного Юлиана Арбелина с зоркой, хотя часто и подслеповатой, всесильной организацией.

При медлительности российской почты послание Арбелина через неделю достигло первопрестольной и всесильного адресата.

Инициатива в России наказуема, и кому-кому, а Арбелину следовало бы это учитывать, когда он направлял свой проект в ФСБ. Там, как и всюду в государственных структурах, на девяносто девять процентов преобладают чиновники с законсервированной, как маринованные огурцы в банке, чиновничьей психологией, усталые и давно потерявшие вкус к живой жизни и её метаморфозам, за исключением сытной жратвы и утех. Всё, что происходило, они давно уложили в прокрустово ложе привычных схем и классификаций. В предложении Арбелина не было усмотрено ничего интересного, зато сразу закралось подозрение в утке очередного невежды или того хуже – параноика с навязчивой идеей-фикс. Возиться с подобными проектами было до ужаса скучно, но необходимо – того требовал закон демократии, предписывающий давать мотивированный ответ на каждое заявление и обращение гражданина в государственные органы. Чёрт те что придумали! И в региональное отделение по месту жительства заявителя был спущен наказ – «Проверить!». Проверить означало: а) на предмет паранойяльного бреда спасения России; б) на предмет мошеннического замысла заполучить от государства источник доходов; в) на предмет провокации.

В региональном отделении отреагировали, как и положено: поручили проверить и доложить. Московская приписка «тщательно» создавала некоторую установку на особую серьёзность.

Лицом, которого подключили к предложенному Арбелиным проекту, чтобы «проверить и доложить», мог быть только уставший от параноиков-изобретателей полковник ФСБ Гаргалин Stanislaw Анатольевич, главный специалист по надзору за опасными вывихами в мозгах высоколобых интеллектуалов региона, которых было в Бурге с его научными центрами, университетами, академиями и доморощенными кулибиными пруд пруди. И вот свалился на его голову еще один креатин, как обзывал своих клиентов циничный служака секретного отдела. На одном ведомственном совещании генерал обратился к нему с

вопросом, как обстоят дела в его сфере, много ли в разработке креативщиков. Вопрос был иронический, потому генерал и подпустил входившее в моду словечко для обозначения творческих интеллектуалов. Гаргалин в ответ буркнул «Креатины они, а не креативщики», чем вызвал дружный смех коллег.

Кто-то отреагировал на мрачную реплику Гаргалина:

– Весёлая у тебя клиентура, Станислав Анатольевич.

Гаргалин едко парировал:

– Это вам со стороны она весёлая, а мне иной раз такое запетрят, что у меня мозги плавятся. Один такой креатин выдумал живую воду. Дистиллирует артезианскую воду, добавляет в неё мочу месячных младенцев, причём только мужского пола, и добывается клинических испытаний на предмет чуть ли не бессмертия. Ну не весело? Того и гляди травить начнут народ, он прёт как танк. Прозомбирует чиновников в минздраве или какого-нибудь депутата Госдумы.

Так и закрепилось словечко «креатин» у служителей тайного фронта, не знакомых с терминами химии, среди которых есть и вещество по этим названием. «Как твои креатины проживают?», – шутят с тех пор сослуживцы в перекурах.

Генерал призвал к себе Гаргалина, хотя и знал, что тот уходит в отпуск.

– Вот тебе, Стас, прелюбопытное задание. Звонили из Москвы, просили подключить именно тебя. Доверяют твоему нюху на гнилую интеллигенцию.

Были они давние друзья, не один пуд соли съели в госбезопасности, потому и общение у них наедине было запросто: Гаргалин звал начальника чаще «генерал» и изредка Ник, – сокращённо от Николай – а тот Гаргалина – Стас.

Ещё не заглянув в бумаги, Гаргалин оказал вялое сопротивление. С университетских времён он следовал мудрому совету ироничного профессора Иеронима Галесника. «Какое первое следственное действие должен совершитьследователь, когда ему вручают уголовное дело?» – хитро шурясь, спрашивал студентов профессор на семинаре по уголовному процессу. Студенты выкладывали свои познания, он выслушивал всех, а потом со смехом говорил: «Запомните на всю оставшуюся жизнь. Первое действие таково: надо, не мешкая ни секунды, прикинуть, кому бы спихнуть это дело!» Обескураженные студенты смеялись, довольный розыгрышем Галесник потирал ладони.

Эх, если бы была возможность кому-то спихнуть это треклятое предложение очередного креатина.

– Ник, дорогой, я же через два дня в отпуск. Меня месяц не будет.

– После отпуска и раскрутишь. А перед отпуском прочти. Долго ли три странички прочитать. Какой-то ученый по фамилии Арбелин создал целую науку и предлагает нам открыть секретный центр. Давненько ведь ничего подобного не было. Разве не любопытно? Поразмышляй. Дай своей агентуре парочку заданий и кати в отпуск. Вернёшься, а тебя уже будет ждать целая биография этого креатина. Помощники-то у тебя ушлые.

Гаргалин, крепко про себя выругавшись, принял папку к исполнению.

В кабинете он повертел её в руках и лениво открыл. Чёрт подери, никому не спихнешь, придется заниматься.

И начал читать послание Арбелина в ФСБ России.

Обращение в Федеральную Службу Безопасности РФ

Арбелина Юлиана Юрьевича,
исследователя проблем фасцинации, создателя фасцинетики

Основания для этого обращения мне кажутся достаточно серьезными. Именно поэтому я осмеливаюсь потревожить внимание столь высокого государственного органа.

Суть их сводится к следующему:

1. Человечество в своём стремительном развитии за последние 100 лет достигло точки бифуркации. Точка бифуркации – это такое критическое состояние системы, при котором система становится неустойчивой и возникает неопределенность: станет ли состояние системы хаотическим или она перейдет на более высокий уровень организованной упорядоченности. И заранее невозможно предсказать, каким станет вектор развития. Оптимальными воздействиями на системы в точке бифуркации, как я считаю, являются фасцинирующие флуктуации. Фасцинация либо спасет человечество, либо погрузит его в самоуничтожающий хаос. И куда качнется маятник – непредсказуемо. Фасцинация тотальной зависти в обнимку со злобой и местью, неутолимая жажда наживы, массовое невежество и тотальное снижение интеллекта, массовый наркотизм психики, социальный экстремизм, доходящий до уровня жесточайшего терроризма, все эти фасцинирующие флуктуации, вероятнее всего, и качнут человечество к хаосу и самоуничтожению, если только не будут найдены профилактические гасящие средства.

2. Социальной науке давно известен так называемый «чарующий дьяволизм» в экстремальном поведении людей, что и делает его в эпохи социальной напряженности и «социальной чумы» весьма распространенным, а иногда и массовым феноменом. Этот «чарующий дьяволизм» толкает одних людей в «демоническо-театральное» и психопатическо-истероидное поведение, других – в суггестивное, то есть подсознательно-внушенное преклонение перед «авторитетами» такого поведения (Гуру, Учителями, Спасителями, Великими Магами, Магистрами и т. п.). Это характерно для так называемых «нетрадиционных религиозных сект», молодежных экстремистских группировок, разного рода агрессивных «неформалов и экстремалов», а также экстремистских и террористических организаций. А иногда охватывает целые народы. Именно поэтому для всех названных человеческих сообществ, в том числе преступных, характерна сценичность, театральность, фасцинативный ритуализм и «колдовская» обрядовость. Более того, без мощной фасцинативной составляющей такого поведения попросту не бывает, оно рассыпается, так как только фасцинативные механизмы способны придавать ему синэргетику и магическое групповое сцепление.

Точно так же давно отмечено существование феномена «очарования экстремально-ужасного», что выливалось во все времена в тягу к «смертельно-ужасному»: участию в ритуалах человеческих жертвоприношений в древние времена, страстному созерцанию экстремальных зрелищ (боев гладиаторов, корриды, собачьих боев и т. п.), публичных смертных казней и расстрелов, сцен реального насилия (драк, экзекуций и т. п.) и экстремального спорта. Свидетельст-

вом такой массовой «тяги созерцания ужасного» может служить огромное количество «любопытствующих зевак» при расстреле из танков Дома Правительства в 1991 году, а также толпы «любопытных» (множества к тому же ещё и пьяных!) в дни трагедии «Норд-Оста». Кстати, действие именно фасцинативных закономерностей приводит и к так называемому «стокгольмскому синдрому», когда заложники начинают вдруг симпатизировать террористам, наделяют их качествами благородства, справедливости и «высокой идейности», и «сердятся» на «непонятливое» правительство и органы правопорядка.

Всё это происходит отнюдь не случайно и вовсе не из-за «бескультуры и невежества масс», как часто преподносят это политологи и пропагандисты. Глубинные фасцинативные механизмы «очарования» экстремального девиантного поведения во многом еще не раскрыты. Тем не менее они существуют и лежат, в частности, в основе многих непривлекательных явлений «массовой культуры». И управление ими может быть поставлено на службу борьбы с экстремистами и террористами.

3. Накоплен не только фактический материал об особенностях внутреннего структурирования молодежных, религиозных и социально-экстремистских групп, но и описание технологий и техник такого структурирования (специальная обрядовость, использование особого языка и особых коммуникативных знаков и символов, выстраивание подчеркнуто знаковой внутренней иерархии и т.д.)

Основу всех технологий и техник структурирования, а, следовательно, организованности и спаянности экстремистских групп составляют фасцинативные элементы: «красота Идеи», театрализованно-чарующее обрамление ритуалов и обрядов, знаково-символическое одевание и пластика движений членов групп, и многое, многое другое, что обладает признаками фасцинации, действует на эмоционально-мотивационную сферу личности, выключая критику и сомнения, создавая настрой вдохновения, почитания Лидера, радостное ощущение «братства», растворения себя в «могучем и всепобеждающем родном единстве». Таких людей и такие группы после цементирования их фасцинативными техниками можно вести куда угодно и провоцировать на что угодно.

Я называю подобные техники и технологии, когда они приобретают тщательно продуманный системный характер, **фасцинофикацией**, то есть направленным изменением психики и сознания отдельных лиц, групп лиц и населения в целом средствами и методами фасцинации и фасцинирования.

Наглядным примером фасцинофикации может служить доведение человека и группы лиц до самоубийства, что, как известно, нашло отражение в уголовном кодексе в выделение в особое преступление и уголовное наказание за него. Покончить с собой может только человек с изменённым сознанием и такое изменение сознания может совершаться либо самим человеком, либо фасцинофикационным воздействием на него других лиц.

Особенно следует отметить в этом плане на доведение до самоубийства групп лиц в тоталитарных религиозных сектах и идеологизированных сообществах. Вот один из примеров: 18 ноября 1978 года на участке вырубленного леса в джунглях Гайаны лидер созданного им религиозного сообщества преподобный Джим Джонс приказал 911 членам своей паствы покончить с собой, выпив препарат цианида, и они это сделали. Джим Джонс увел своих последователей в

удаленный район джунглей Гайаны, где они создали общину, изолированную от остального человеческого общества. Эта община жила в постоянном страхе перед неким безымянным врагом и разрушителем. Этот враг должен был нагрянуть на их общину и безжалостно убить их всех. Джим Джонс внушал: «Они будут истязать кого-то из наших детей. Они будут истязать наших людей. Они будут истязать наших стариков. Мы не можем этого допустить. Мы должны умереть». Стратегема, внушённая Джимом Джонсом своей пастве фасцинирующими средствами (нагнетанием ужаса, страстной ритмизованной речью, личной харизмой), произвела эффект отупения, снижения интеллекта, группового заражения и 911 человек как один бросились в смерть.

Такова сила умело реализуемой фасцинофикации. На ней основано, как я считаю, изменение психики и сознания в террористических сообществах и группах: интердиктивы обособления, фасцинирующие иллюзии (рай, уважение социума, героизм), страх перед осуждением группы за отступничество от навязанного фасцинофикацией идеала приводят индивида в состояние перманентного транса. Пробыть этот каркас, спаянный фасцинацией, и достучаться до разума почти невозможно.

Примеров такого рода в человеческой цивилизации множество и всех их объединяет применение технологий фасцинофикационного изменения психики до уровня жажды покончить с жизнью как единственного выхода из сфасцинированной ситуации.

4. В свете происходящих в мире и России трагических событий необходимы развернутые экспериментальные исследования фасцинативных сторон экстремальности и экстремизма. Чарующие фасцинативные механизмы очень эффективны, способны отключать критическое сознание и могут быть крайне опасны в преступных руках. Экстремистской и преступной фасцинации необходимо противопоставить систему антиэкстремистских фасцинофикационных технологий.

Серьезная и эффективная профилактика экстремистского поведения во всех формах его проявления, вплоть до террористического, может осуществляться только методами тонко организованных атак на фасцинативные элементы организующихся или уже организованных девиантно-экстремистских групп. Любой другой путь ведет исключительно к банальным методам «устрашения» или «агитации и пропаганды» в эфире и газетах, которые, как это показывает действительность, мало эффективны. Необходимо создание научно-исследовательского и практического Центра антиэкстремистской фасцинетики, в задачи которого входили бы не только научные экспериментальные исследования, но и разработка практических технологий профилактики и разрушения экстремистского сознания и психологии. Это может осуществить в полной и адекватной мере только научно-исследовательская структура, организованная государством в системе органов госбезопасности.

То, что фасцинетика как наука создана и оформилась в России и есть в стране научные и социально-технологические кадры, способные осуществлять исследования и практические разработки, приводит меня к выводу, что создание Центра антиэкстремистской фасцинетики вполне реализуемо и даже в самое ближайшее время. При одном условии – включении его в систему ФСБ в качестве закрытой научно-исследовательской структуры. Ибо задача, которая будет поставлена перед

таким Центром, государственная, обеспечивающая безопасность России, и утечка результатов исследований и практических разработок крайне нежелательна.

При положительном отношении к этому моему обращению готов дать более подробные обоснования проекту.

Приложение

Фасцинация не прощает невежества и ошибок

Насколько опасным может быть невежественное отношение к фасцинации показали трагические события в Нигерии 22-23 ноября 2005 года вокруг конкурса красоты «Мисс Мира».

Что такое фасцинация? В самом общем определении – это всё, что вызывает удивление, очарование, радостный подъем в душе, восхищение, восторженность, умиление, захваченность, одержимость и, в том числе, – эмоциональный шок. Великая сила влияния фасцинации заключается в том, что она минует критическое сознание, отключает цензуру разума, и, преодолевая любые преграды на пути восприятия, действует напрямую на глубинные нейрофизиологические, гормональные и эмоциональные структуры организма и личности.

Среди множества фасцинаций особое место занимают фасцинации этнические и религиозные: образ «истинного человека своего народа», идеалы мужчины и женщины, идеалы достойного социального поведения, святыне символы племени и веры. Всё это вплетено в психику каждого члена социума и вызывает прилив фасцинативных чувств, создавая тёплую психологическую атмосферу единения, сплоченности, радости. Удары по системе этнических и религиозных сигналов и систем фасцинации воспринимаются как самое низменное оскорбление, вызывают массовый гнев. Так и произошло в Нигерии. Уже решение о проведении в стране с более чем 200 племенами и преобладанием населения с мусульманским вероисповеданием конкурса «Мисс Мира» содержало огромный риск. И как только население Нигерии узнало об этом, оно отреагировало возмущением. Это был явный сигнал предостережения и следовало сразу отказаться от проведения конкурса в Нигерии, даже если именно её представительница и завоевала звание «Мисс Мира» в предшествующем конкурсе.

У нигерийцев были по крайней мере две веские причины испытывать гнев.

Во-первых, им навязывали чуждое их родной фасцинативной системе американско-европейское представление о женской красоте. У большинства нигерийских племен фасцинативной, то есть сексуально-очаровательной, девушкой считается девушка полная, достигшая внушительных габаритов. Девочек даже очень хорошо кормят, чтобы они к возрасту невест достигали «очаровательной полноты». Так сложилось столетиями и стало этнической фасцинацией этих племен. А им навязчиво внушают, что обворожительны девушки ростом под 180 см. худосочного вида. Это ли не надругательство над их фасцинативным чувством красоты?!

Второе, не менее сильное оскорбление – навязывание в качестве идеала сексуально-демонстрационного женского поведения, то есть выставленной напоказ кокетливой пластики движений, эксгибиционистского оголения на сцене перед

мужскими взорами. А в это время идеал поведения женщины для правоверного мусульманина Нигерии диаметрально противоположен!

И когда последовал совершенно «дикий» удар по психике нигерийцев, они не выдержали и превратились в яростную толпу, крушащую все подряд. Я имею в виду опус 20-летней журналистки Ишиомы Даниэл, в котором она, восхищаясь прелестными (с точки зрения европейцев!) конкурсантками, провозгласила на всю Нигерию, что сам пророк Магомет с удовольствием выбрал бы любую в жены, а то и всех сразу. Подобного надругательства над этнической и религиозной fascinaцией нигерийцев мог бы придумать только провокатор, которому поручили «взорвать» Нигерию. Журналистка, конечно же, не провокатор, а просто невежественный в социальной психологии и fascINETике человек, но это не меняет положения вещей – взрыв народного возмущения произошёл.

Итог его печален: несколько сот человек убиты, тысячи покалечены, разрушено множество христианских церквей, тысячи домов. Одним словом, произошло национальное бедствие, последствия которого будут залечиваться десятилетиями. Правительство Нигерии оказалось не на высоте: конкурсом «Мисс Мира» оно хотело привлечь внимание к своей стране и заработать на туристах. А «заработало» проблемы и огромный материальный ущерб.

Когда речь идет о социальных решениях, которые касаются наций и религиозных конфессий, следует тысячу раз отмерить, в том числе с учетом знаний о религиозной и этнической fascinaции. Ибо fascinaция не прощает циничного или даже всего лишь неумышленно-неосторожного, но «грязноватого», вторжения в свою глубинную «чарующую сферу». Какими бы благими целями такие вторжения ни прикрывались.

Горе-журналистку нигерийцы-мусульмане приговорили к казни и она, сбежав из Нигерии, где-то скрывалась. Конкурс перенесли в Лондон и прошёл он без обычного блеска и фанфар. А в Нигерии – сотни убитых и тысячи искалеченных. Такова цена цивилизованного невежества.

В последние годы проявил себя ещё один способ невежественно-агрессивного использования fascinaции. Я имею в виду запуск в СМИ карикатур на пророка Мухаммеда.

Карикатура представляет собой, как правило, художественно выполненную сатирическую зарисовку, едко и ярко высмеивающую личность или социальную группу. В ситуациях войн между государствами и нациями карикатура становится эффективным средством сокрушительно действующей массовой издевательской сатиры, усиливающей ненависть к вражеской стороне. Именно из-за эффективности воздействия карикатурной насмешки ненавидели и боялись карикатуры Наполеон, Гитлер и почти все диктаторы всех времён и народов. Карикатура бьёт и попадает напрямую в эмоциональный мозг, в лимбическую систему мозга, вызывая эмоции отвержения, брезгливости, уничижения и ярости. Опаснее всего такое её воздействие, когда целью является поругание святых, то есть высших fascinaций этноса, религии, государства. Карикатура на Мухаммеда, изображающая его в иронично неприглядном виде, бьёт крайне болезненно по психике верующих-мусульман, для которых Мухаммед – святой пророк, символ прямой связи с Аллахом. Это удар по самому ядру мировоззрения мусульмани-

на. Результатом такого удара может быть только ответная ненависть, злоба, активная массовая агрессивность. Что и произошло во всех странах, где проживают мусульмане, в том числе в США и странах Европы. Нет нужды приводить факты насилий и убийств. За авторами карикатур началась охота мусульман с целью покарать их, уничтожить.

Вывод: невежество в сфере не только психологии народов, но прежде всего в сфере этнической фасцинации, оборачивается конфликтами мирового масштаба, подогреванием межрелигиозной и этнической вражды, облегчения экстремистским группировкам в вербовке смертников. Именно потому, что фасцинация – это тот эмоционально-чарующий цемент, который скрепляет любое человеческое сообщество, от государств и политических партий до подростковых девиантно-экстремистских групп, её следует учитывать в конструировании любых социальных воздействий, в том числе и в борьбе с экстремизмом. Во всяком случае, знание закономерностей фасцинации может значительно помочь в профилактике любых видов и форм экстремистского поведения и «кучкования» в агрессивные сообщества и толпы.

Ничего не скажешь, всё составлено чётко и аргументированно. И во многом совершенно непонятно. Какая-то фасцинация. Гаргалин никогда не слышал и нигде не встречал такого слова. Какие-то фасцинативные способы массового внушения. Какая-то фасцинетика. Фу, господи боже мой, только этого ему не хватало! Возиться с ученой братией он не любил. И во всё это придется вгрызаться, изучать, осознать. То ли дело политики или бизнесмены. Все с ними ясно и понятно, одни хватательные и сексуальные инстинкты без всякой там фасцинации и массовых внушений.

И всё же что-то сразу насторожило пытливым ум бывалого оперативника, гордившегося своей интуицией. Интуиция прозвенела тревожным звоночком: «А не психотроника ли всё это?»

Гаргалин привычно полез в энциклопедический словарь. Убедился, что о фасцинации и фасцинетике там пусто.

Внёс запись в свой оперативный дневничок: «О фасцинации узнать побольше». Это означало, что он будет теперь интересоваться у всех, что они знают про фасцинацию. Первым делом спросит, как только придёт домой, у жены, кандидата искусствоведения, директора местного музея изобразительных искусств, красавицы и его гордости.

Масла в огонь подлила недавняя статья бывшего генерала КГБ Миклашевского, рассказывавшего в Интернете, что в недрах КГБ работали секретные лаборатории, задачей которых было изобретение психотронного оружия, и убежденного, что оно было создано, но потом с развалом СССР и КГБ утрачено. В подтексте у Арбелина психотроника маячила, во всяком случае для Гаргалина она высветилась, возможно как раз под влиянием прочитанной недавно статьи бывшего коллеги-кэбээшника.

«Ладно, – решил Гаргалин, – посмотрим, нет ли на этого фрукта какой-нибудь информации в наших досье, не попадал ли он в поле зрения КГБ и милиции».

Он вызвал своих самых надёжных помощников, двух капитанов, Никшанова и Ляушина, решив дать им на месяц, пока его не будет, задание собрать об Арбелине всю возможную информацию от рождения до сегодняшнего дня. Это был азбучный профессиональный принцип – знать о фигуранте всю подноготную с правдой и неправдой. Рассказал им о новом задании генерала, присовокупив, что Москва взяла его под особый контроль, обрисовал проект Арбелина и его замысел насчёт научно-практического центра при ФСБ.

– Ты, Виталий Кутайсович, первым делом скачай его электронную почту, нет ли там контактов с границей. Загляни на сайт, должен быть у него, сейчас все учёные мужи сайты шлёпают. Ну и всё остальное, по программе, ты не хуже меня знаешь.

Ляушину задание было иного рода, в соответствии с его специализацией «подглядывать-высматривать».

– Последни, Петрович, куда он ходит, с кем встречается, кто его навещает. – напутствовал он Ляушина. – К моему возвращению чтоб был он передо мной как анатомированный инопланетянин. Ты это умеешь.

Отдав привычные для его помощников распоряжения, Гаргалин несколько успокоился. «Ничего, разберёмся и с этим креатином», – сказал он себе, закрывая папку с проектом Арбелина в сейф, и двинулся из кабинета домой собирать в запланированный вояж по Европе. Однако у самой двери остановился, почесал затылок и решил всё же сделать пару звонков, поинтересоваться об Арбелине у знакомого учёного люда.

Первый звонок запустил профессору Миринкову, социологу, с которым давно сотрудничал и получал от него нужные социологические компиляции и отчёты.

– Скажи, уважаемый Василий Анатольевич, не знаешь ли ты учёного по фамилии Арбелин. Интерес у меня по его адресу возник.

– Какой он к чёрту учёный! – раздался в трубке фальцет Миринкова. – Тупой фантазёр он, а не учёный. Только и делает, что всякую чушь выдумывает.

«Ого, – подумал несколько опешивший Гаргалин, – Прожектёр?». Это сразу как-то успокоило, синхронно укладываясь в его предположения.

– А где он служит, в каком вузе?

– Да ни в каком. Вольная птица. Лентяй. – посыпались колкие характеристики Миринкова.

Пока было достаточно, Гаргалин поблагодарил профессора.

Решил сделать ещё один разведывательный звонок и выбрал хорошо им с женой знакомого, доктора философии Цукермана.

– Самуил Владимирович, удели пару минут. Что ты можешь сказать об Арбелине Юлиане Юрьевиче?

– А что он натворил? – замялся изворотливый Цукерман.

– Да ничего, ничего. Просто возник о нём разговор в одном тесном кругу, а я его не знаю. Даже неловко было. Он чем-то знаменит?

– Знаменит, это точно. В диссидентах пребывал в те годы, когда их как мышей ловило ваше ведомство.

– В диссидентах?! Был посажен?

Цукерман иронично захихикал:

– Увы, плохо работало ваше ведомство, Станислав Анатольевич.

– А откуда же Вы узнали?

– Так об этом весь философский факультет судачил. А мне профессор Коган рассказал о нём, они были дружны. Только вот не донёс почему-то никто. И это меня удивляет, потому как время было мажорно доносчивое. Загадка. – он рассмеялся, довольный возникшим образом эпохи.

– Спасибо, Самуил Владимирович, буду иметь в виду. Благодарю за подсказку.

Гаргалин был озадачен. Возникал новый неожиданный сюжет – диссидентство.

«Ладно, – отмахнулся он, – не убежит, через месяц разберёмся».

Так с обращения Арбелина в ФСБ и двух нелицеприятных суждений о нём коллег завязалась хитроумная драматургия отношений ФСБ и Арбелина.

На другой день, выбросив из головы Арбелина и фасцинацию, выяснив у жены, что она о фасцинации не слыхивала, Гаргалин с супругой летел в Рим.

Захотелось ему в этом году исполнить давнюю мечту – побывать в Париже, Риме, Вене, Лондоне, пройти по древним площадям, не спеша поглазеть в музеях на шедевры. Собственно инициатором такого вояжа была жена, а он не был против, интеллектуальные замашки были ему свойственны, недаром сослуживцы прозвали его Умником, он знал это. Особенно хотелось Гаргалину ступить на древние камни Колизея.

Время для экскурсий выбрали весеннее, майское, когда в Европе уже всё цветёт, но нет ещё летнего зноя.

Часть четвёртая

МИСТИКА ВСТРЕЧ

В потоке человеческих судеб бывают особые дни, как будто им придана какой-то неведомой высшей силой задача переплести, как в замысловатой игре, линии жизни незнакомых друг другу лиц и оставить в их душах яркие, незабываемые и несмыаемые следы, впечатать их друг в друга накрепко и неразрывно. Такие дни запоминаются и даже наделяются каким-нибудь мистическим смыслом, как бывает с внезапно нагрянувшей любовью, про которую даже задушевную песню сочинили со словами «любовь нечаянно нагрянет, когда её совсем не ждёшь».

Этот майский, уже по-летнему тёплый день нечаянно-негаданно сплёл в узел сразу пять человек, свёл всех их в одну точку – в пространство двора, дома и квартиры Арбелина, всех показал друг другу, у всех вызвал волнующие впечатления и возбудил во всех мысли, думы, эмоции, мечты, сожаления и желания. Ни один не остался равнодушным, все восторгались, злились, завидовали, размышляли, и долго не могли успокоиться и отойти от захвативших впечатлений. Все взволновались в этот день, хоть и по-разному.

Подручные, нацеленные Умником на собирание подробностей о жизни и личности Арбелина, взялись исполнять задание вразвалочку. Собственно, всё пошло по наезженной десятки раз колее: кто он такой, откуда взялся, какие у него примечательные даты и каковы грешки, связи и друзья, нет ли какого-нибудь компромата. И первым делом – нет ли досье в недрах ФСБ и милиции. Этим с утра и занялся спец по сбору информации о подопечных креатинах капитан Виталий Кутайсович Никшанов.

Сутулый и тихий астматик с бегающими белесыми глазками Никшанов производил впечатление придавленного червячка, но это была только видимость, приобретенная им маска, помогающая быть неприметным, никаким, вызывать тем самым снисхождение, а то и высокомерную жалость. Под этим камуфляжем скрыт был дотошный пронира и подлый иезуит, выуживающий о людях всё, что есть и что ещё только намечается. Его сокровенной страстью было вскрывать и скачивать сайты и почтовые ящики творческих работников, учёных, писателей, изобретателей. И политиков. Копаясь в них, он с наслаждением смаковал сальные подробности.

Сослуживцы его побаивались как ядовитую змею, настолько искусно плёл он хитрые интриги и распускал уничтожающие для выбранных им жертв слухи. И никогда не был пойман, а не пойман – не вор. Потому все ему заученно-дружелюбно улыбались и... сторонились. Приятелей у него не было.

Был капитан Никшанов ко всему прочему отличным программистом, и, как все уважающие себя программисты, имел замашки хакера. В век Интернета, когда даже доярка может занять свой сайт и включиться во всякие чаты, форумы и сети, информация, можно сказать, лезла из всех щелей – знай скачивай. С интеллектуалами дело было посложнее. Но для Никшанова преград не существовало, он взламывал пароли, проникал в самые секретные архивы, а если надо было Гаргалину, то приносил ему переписку и целые сайты креатинов со всеми потрохами. Об электронной почте и говорить не приходилось, это было наипервейшее, что Никшанов преподносил Гаргалину в распечатках. Особое удовольствие приносило дотошному астматiku разоблачение преступных коллег-программистов, превративших себя в хакеров. Он мастерски раскрывал их, вытаскивая как жуков из кучи навоза. Для него это было высшей формой самоутверждения, возносившего его на вершину самолюбования. И коль уж он раскалывал хакеров, то все остальное было как семечки пощелкать. Улетая в отпуск, Гаргалин был уверен – через месяц Арбелин будет подан ему как солёный огурчик на блюдечке к стопке водочки.

Ещё на заре своей службы в КГБ Гаргалин усвоил непреложное правило: успех в их деле определяется хорошей агентурой, а хороший агент должен быть способен на всё, должен быть профессионалом и одновременно законченным циником, иначе сойдёт с дистанции при первой же встрече с настоящим шпионом или предателем Родины, которые все, как известно, циники и подлецы, они-то церемониться не станут. Такова уж служба госбезопасности, что приходится работать с самыми порой отвратительными мерзавцами и они-то являются часто лучшими агентами. Так что и Никшанов, и Ляушин его более чем устраивали, хотя за пределами службы он ни с тем, ни с другим не сел бы даже за один столик в вонючей забегаловке.

У другого подчинённого Гаргалина капитана Гедалия Ляушина была иная специализация – он работал «по живому»: выслеживал, фотографировал, залезал в квартиры фигурантов и в их офисы, подсматривал, подслушивал, ставил жучки, одним словом, прилипал к человеку как пиявка и высасывал всю его тайную жизнь. В этом качестве он был лучшим и приносил порой такие подробности, что многоопытный Гаргалин оторопело хлопал глазами. А Ляушину доставляло наивысшую радость выудить у подброшенного ему креатина такие тайные гадости и проделки, от которых сам бы он ужаснулся, выстави их на обозрение. Особенное же удовольствие испытывал Ляушин, когда обнаруживал сексуальные отклонения и аномалии, вроде какого-нибудь фетишизма типа коллекционирования женских трусиков или порнооткрыток. Голубизна его давно уже не возбуждала, он её лишь фиксировал и преподносил Гаргалину как скучный факт. Зато фетишизм выкладывал будто тортик на золотом подносе, смаковал каждую деталь, подробно описывая Гаргалину и доводя его иногда до отвращения или хохота в зависимости от фактуры фетиша. И тут Гаргалин уверен был на сто процентов: уж кто-кто, а Ляушин выкопает всё и явное, и скрытое от глаз, и Арбелин будет разрисован всеми красками подлинного художника тайного сыска.

Странное имя Ляушина всегда всех настораживало, скрыто было в нём что-то нехорошее. В семье звали его Геда и Гедик, но сверстники всегда переделывали на Гадика. Сослуживцы в армии сразу решили, что он будет Гад. Он и был гадом: доносил, клеветал, запускал низменные слухи, ябедничал. Пробовали учить, устраивая «темную», не помогало, только усиливало его пакостные наклонности. Стали просто сторониться, держаться от него подальше. Зато у начальства был он незаменим как информатор.

Тем, что попал служить в конвойные войска, Ляушин был рад. Не просился, так ему определили, и это оказалось его сладкой судьбой. Он испытывал нечто близкое к блаженству, когда конвоировал эзков. Вот они, подонки, отребье рода человеческого, а он над ними царь и жрец, можно и подстрелить при попытке к бегству.

Из конвоиров исправительно-трудовых лагерей он был вытаскен служившей в милиции хромоногой великаншей Анфисой Синютиной, ставшей его супругой, и ею же запущен был потом в ФСБ. Циничный опыт конвойной службы сыграл свою роль: везде и всюду Ляушин подозревал грехи и зорко их выискивал. «Нет человека без греха» – было его философией и профессиональным кредо. А вот откопать грех бывает трудно, люди грехи прячут, камуфлируют, выпускают над ними дымовые высоконравственные завесы. Если он где-нибудь слышал слова о чьей-то чистоте помыслов и идеализме, то язвительно кривил рот в усмешке, говоря про себя: «Хорошо притворяется, скотина!» И это определило для Ляушина не только трудовую судьбу, но было азартом, увлечением, в котором раскрытый чей-то грех или грешок вызывал радостное чувство открытия и победы. И чем омерзительнее был вскрытый грех, тем сладостнее он смаковал его в своем воображении, а потом выкладывал Гаргалину.

Знал, знал Гаргалин грязную душонку Ляушина, знал кому бросить, как кость голодной собаке, учёного-пенсионера с идеей фикс. Этому самому надёжному и дотошному агенту, в последнее время заскучавшему от отсутствия интересных креативов, Гаргалин и передал под наблюдение Арбелина.

Первое, что сразу же обнаружил Никшанов, было досье на Арбелина тридцатилетней давности, причём в недрах родной организации. Из досье следовало, что Арбелин бросил служить на ниве высшего образования и занялся домашними заботами, окружённый престарелой матерью и детьми. Проверку произвели масштабную, собрали сведения по всей стране, где были у Арбелина друзья или родные. Увы, с точки зрения госбезопасности он оказался ничем не запятнан, ни в каких заварухах и тайных сборищах не участвовал, не пил и не курил, был, можно сказать абсолютным одиночкой и сам себе на уме, просто-напросто нетипичный тунеядец. Вот и перебросили его в милицию на предмет привлечения за тунеядство.

Никшанов начал увлекаться – история получалась с загадкой. Человек оставил блестящую карьеру и ушёл от сытого звёздного существования на самое дно. С чего бы? Никшанов созвонился с управлением МВД, попросил срочно разыскать досье на Арбелина. В том, что в руках милиции Арбелин побывал, Никшанов был уверен, ведь информацию из КГБ перебросили туда. Но как и чем закончился его контакт с милицией?

Пока милиция искала досье в своих архивах, Никшанов полез в Интернет, этот великий с недавних пор помощник всех и всяких сыщиков земного шара. Здесь, в сетях добывал Никшанов львиную долю информации о клиентах, тут было всё от высокого до низменного, а если у клиента был свой сайт и ящик электронной почты, то Никшанову оставалось только, потирая руки от удовольствия, пускать в ход свои способности бывалого хакера, которыми он гордился и частенько сожалел, что не может и не имеет права похвалиться своим профессионализмом перед обычными хакерами, за которыми, кстати сказать, сам же и охотился по долгу службы и на его счету было не одно раскрытое преступление по криминальному взлому баз данных. А ему взламывать сам бог велел, то есть недремлющее око родной организации.

Сайт у Арбелина был, были и два почтовых ящика. Опытным глазом Никшанов просмотрел сайт. Сконструирован сайт был тят-ляп, любительская самоделка, Никшанов поморщился. Зато материалы, выложенные Арбелиным, внушали почтение: то были его статьи, интервью, проекты, мастер-классы и семинары. Всё это проходило под флагом созданной им науки, названной «фасцинетика», социально-инженерная наука о сигналах и коммуникации очаровывания и устраниения. При всём нигилистическом настрое ума Никшанов не мог не уловить серьёзности замысла Арбелина и почти понял, зачем он двинул проект о создании научно-исследовательского центра не в университет или Академию наук, а именно к ним, в ФСБ. Сигналы, о которых писал Арбелин, лежали, как он сообщал на сайте, в основе любого манипулирования людьми, вроде политической пропаганды или мошенничества, а тем более в процессах зомбирования масс, в рекрутировании слабых внушаемых лиц в тоталитарные секты, экстремистские организации и террористические банды. «Круто!» – причмокнул языком Никшанов, и немного зауважал креатина. Оставалось только проверить предложенное Арбелиным на истинность и прагматизм. Критический настрой ума подсказывал

Никшанову, что хоть и лихо закрутил Арбелин, но пахивало прожектёрством «спасителя Отечества». Прав Умник, стоило с ним разобраться.

Была на сайте и фотография Арбелина. Никшанов скачал и распечатал её, а Ляушину тотчас передал на мобильник.

Минула пара часов и Никшанову привезли папку из милиции с уголовным делом о привлечении Арбелина к ответственности за тунеядство. Точнее – о несостоявшемся привлечении. Из бумаг следовало, что проверку на предмет тунеядства произвели тщательно, опер, взявшийся расколоть Арбелина, оказался дотошным, но состава преступления не нашли, так как у Арбелина семья, дети, только что родился сын, матери под восемьдесят и он загородился тем, что выполнял функции домохозяйки. Получалось, как понял Никшанов, что Арбелин умело схитрил и прикрылся семьёй. Дотошный ум бывшего сыщика мгновенно ухватил в досье из милиции новую неожиданную информацию: молодая жена, родившийся ребёночек, кроме того ещё двое детей девяти и пятнадцати лет. Стало быть, уже дважды, а то и трижды женат. Никшанов, муж единственной жены и строгий семьянин, заёрзал – блудоманов он терпеть не мог. Интуиция не подвела, проверка по паспортным службам и ЗАГСам, тотчас им запущенная, выдала ему информацию на четырёх жён Арбелина. Это было уже слишком круто. Никшанов не на шутку осерчал. Ну и фрукт, этот старикан! Учёный со степенью, тунеядец, четыре жены, куча детей, создание какой-то странной науки, скорее всего с приставкой «лже», лихой проект в ФСБ. Интрига закручивалась, Никшанова охватило страстное любопытство, и уже не только служебно-сыское, но обычное обывательское. Что за тип к ним свалился?

И надо же такой подмоге случиться! Он наткнулся на форум, на котором Арбелину промывали косточки. Ах, какое это великое изобретение Интернет с его сетями и форумами! Свечку надо ставить изобретателям! Вот она, подноготная, которую так любил и смаковал Никшанов в креатинах, подбрасываемых ему для просвечивания вдоль и поперёк Умником. Псевдоучёный, пиарщик, прелюбодей и т. д. и т. д. Никшанов успевал только глотать сладкие подробности. Особенно весело позабавило запущенное каким-то анонимом остроумное уничижительное сравнение Арбелина с профессором Выбегалло из «Понедельника начинается в субботу» братьев Стругацких. Стругацких Никшанов любил.

Вдруг наткнулся на пост Кисельчука, известного в Бурге политтехнолога и их тайного агента, подбрасывавшего Умнику информацию о городских политгруппировках. Странно, зачем это он засветился под своим именем, а не использовал «ник». Запись Кисельчука была короткой, как боксёрский удар, и едкой, как укус осы: «Не устраивай балаган, старый дурак. В твоём возрасте о душе пора думать, а не о пиаре». Крепко взрезал!

А вот и на каком-то московском форуме проехали по креатину. Некто под ником *Alex* исторгнул на креатина сарказм: «Конечно, сейчас ему уже ничем не поможешь, он застрял в своей системе представлений, но ведь когда-то давно ему можно было объяснить про вероятность, информацию, энтропию и логарифмы». Уничижительно. А вот ещё сарказм какого-то поэта Ефима Румянцева о сайте креатина: «нормальным дизайном, впрочем, как и настоящей наукой там и не пахнет». А вот совсем уж сатирическое: «Корневым словом в названии но-

вой «науки» является частица ФАС. А «ФАС» – это не Федеральная Авиационная Служба, как вы могли подумать невзначай, а вполне конкретная команда, отдаваемая проводником сторожевой собаке».

Посмеялся от души Никшанов. И вдруг оглушило его ещё более ошеломительным известием: не четыре, а пять жён у динозавра Арбелина-Выбегалло, причём каждая следующая моложе предыдущей, а последняя и того страшнее – аж на сорок лет его моложе!

Астматик Никшанов задохнулся и полез за эфедрином. Чёрт подери, этот старик совсем сумасшедший, мало того, что провокаторские проекты подбрасывает, он ещё и сексуальный маньяк! Это был перебор для строгих супружеских принципов Никшанова, ни разу не изменившему своей жене за все десять лет жизни с ней.

И ему до нервного зуда захотелось увидеть этого старикашку-маньяка. Просто увидеть, каков он этот человек, живущий по адресу такому-то, как он выглядит, какие у него глаза. Что это за экземпляр такой рода человеческого. И он наметил съездить и посмотреть на Арбелина.

Глянул на часы. Три часа всего, успеет. Быстро закрыл бумаги в сейф, выключил компьютер и чуть не бегом двинулся к своему «Форду». Он даже не подумал ещё, как же сможет увидеть Арбелина. А пока ехал, придумал самое простое проверенное средство – позвонить в его квартиру, притворившись кем-то ищущим какого-нибудь Иванова-Сидорова. Если Арбелин дома и откроет дверь, то и явит Никшанову своё обличье в самом обычном домашнем виде, в абсолютной естественности и непритворстве. А ему, опытному физиогномисту, достаточно двух секунд, чтобы понять, кто он и чем дышит. Только бы оказался дома.

Руки астматика вспотели от волнения. Никшанов остановился и вдохнул ещё одну порцию эфедрина.

Приехал к дому Арбелина он в четыре часа. И ему повезло – Арбелин оказался дома и открыл дверь.

– Прошу прощения, – как можно проникновеннее произнес Никшанов, – мне нужен Шустиков Сережа, квартира 77.

– Шустикова Сережи по этому адресу нет, ошибка, – вяло отреагировал Арбелин, пронзив Никшанова гипнотическим взглядом глаз необычайного, чуть ли не антрацитового цвета, – номер дома какой?

Растерявшийся от острого взгляда Никшанов всё же сумел прикинуться и добавил к номеру дома Арбелина букву «б»:

– Репина, 12–б?

– Это рядом, здесь 12–а. Извините.

Арбелин закрыл дверь.

Мельком, буквально в долю секунды, когда Арбелин, закрывая дверь, чуть-чуть повернулся,хватило Никшанову, чтобы зафиксировать горб. «Старик-то ещё и горбат!» – пронеслось в мозгу. Это было уж совсем чересчур. Пять жён горбатого превратились в яркую образную метафору, в кинокадры в богатом воображении Никшанова, привыкшего представлять пороки клиентов в картинках. Пять красавиц одна другой моложе, горб и Шехерезада.

Оставалось перевести дух и переварить увиденный образ.

У Никшанова горба не было и была у него одна-единственная жена Зинаида, курица, как звал он её по-свойски, и ей это почему-то нравилось. А про себя в минуты злости, узнавая об очередных наставляемых ему родимой курицей рогах с очередным спортсменом, – курица работала медсестрой в спортивном меддиспансере и была сексуально ненасытна, – называл её сукой. Но терпел, знал, что другой такой жены ему не сыскать, да и сынишку, Гарика, любил больше жизни. Зина, похотливо и грубо насыщая плоть со спортсменами, была с ним нежна и заботлива, как мать, а ему с астмой и кучей комплексов только такая жена и была нужна. Да, курица и сука, но родная, мать Гарика, и заботливая подруга. Её сексуальную похотливость он прощал, такой уж она уродилась, гены, ничего не поделаешь, тем более сознавал и признавал Никшанов свою в этом отношении ущербность. И было в курице ещё одно магическое свойство – её нежная бархатистая кожа источала целительный запах, от которого астма отступала и, уткнувшись в её грудь, вдыхая этот целительный аромат, Никшанов засыпал крепким беспробудным сном ребёнка. Ему постоянно нужно было лекарство от изнуряющей болезни и лучшим лекарством было тело курицы. Но как он завидовал и как неистово ненавидел мужиков-жеребцов, этих биологических тупых самцов, трясущих гениталиями! До скрежета зубового. И вот Арбелин, горбатый старикан с пятью жёнами и кучей детишек. И вовсе не тупой, скорее наоборот, хоть и сумасшедший. Нишанову захотелось его уничтожить, размазать по стенке, стереть в порошок и пустить по ветру. Он люто его возненавидел.

Гедалий Ляушин со своей специализацией выслеживать, подглядывать, подслушивать тоже наметил в плане своём на этот день увидеть фигуранта вживе, желательно в движении, посмотреть, где живёт, заснять на всегда бывшую при нём миниатюрную видеокамеру или сфотографировать, если удастся приклеиться, и соединить всё это с информацией, которую выдаст червяк, как звал он про себя Никшанова, которого всегда опасался, зная его изощрённость в доносах и распускании порочных слухов. Не раз бывал его жертвой.

Но план Ляушина затрещал по швам и был разрушен самым неожиданным образом, ввергнув его в панику и стресс.

Он приехал к дому Арбелина гораздо раньше Никшанова, в начале одиннадцатого. Поставил свои дряхлые «Жигули» у подъезда с квартирой Арбелина, осмотрелся, готовясь усидчиво поджидать, когда выйдет Арбелин. Фотографию его, присланную Никшановым, внимательно просмотрел и впечатал в память.

Грело солнце, день выдался почти летний, деревья уже покрылись зелеными листочками, чирикали воробьи, порхали первые бабочки. Рай!

Однако не сиделось. Он решил посмотреть, на каком этаже квартира креатина.

Поднялся на лифте на самый верхний этаж и, спускаясь по лестнице, оглядывал номера квартир. Дом был шестнадцатизэтажный и устроен так, что на лестничную площадку выходили по три двери. Номер квартиры Арбелина «77» Ляушин увидел на восьмом этаже.

Спустился, уселся ждать. Терпение у него было натренировано годами высиживания, мог и сутки просидеть. Всегда запасал пару бутербродов с колбасой или какой-нибудь другой еды и литровую бутылку кока-колы. Устроился поудобнее и устремил глаза на дверь подъезда, приготовив камеру.

И вот тут произошло то, чего он никак не мог ожидать и что его пробрало дрожью до пяток.

Во двор въехала «Опель-Астра» нежно розового цвета, что сразу бросилось в глаза. Хороша тачка, отметил Ляушин с завистью. Умник на его приставания обновить ему «Жигули» на что-то поприличнее, вразумлял, скотина, что секретный агент не должен ничем привлекать внимание, а машиной тем более, и отказывал. Свой «жигулёнок» Ляушин терпеть не мог, ехидно называл «мерседесом», а куда денешься, служба требовала жертв. Подумывал даже устроить ДТП, чтобы расколотить эту рухлядь.

Но что это? Ляушин не сразу осознал оглушающую невероятность того, что предстало его взору. Шок опередил сознание и перечеркнул трезвый разум. Из «опеля» выскользнула нимфа, достала с сидения тросточку, закрыла дверцу и, прихрамывая, пошла к подъезду Арбелина.

В глазах у Ляушина потемнело. Он увидел свою мечту. Боже мой, откуда она такая! Девушка с мальчишеской стрижкой была спортивно стройна и изящна, прихрамывание не только не портило пластику её тела, но даже добавляло шарма, а для Ляушина было священным символом высочайшей сексуальности, какую только он мог представить и о какой мечтал всю жизнь. В ладно сидящих брючках, в белой кофточке и тёмносиней, под цвет брюк, жилетке, к подъезду, опираясь на тросточку и прихрамывая, двигался Идеал Ляушина.

Женщин Ляушин любил по-своему, по-особенному. Обычные и даже красотищи, на которых мужчины глаза пялили, не вызывали у него никакого интереса, он был к ним равнодушен. Зато когда на глаза попадалась хромоножка или какая-нибудь искривленная телом, особенно полиомиелитом, он трепетал. Началась и закрепилась эта его особенность в армии. Взвод конвоиров посещал всем составом одну хромоногую, тихую и необычайно похотливую девицу лет под тридцать. То, что она хромоногая и с каким-то странным вывертом левой ноги, их не смущало. Как сказал один известный драматург, длина и красота женских ног в постели теряет значение. Кривизну её ног солдаты игнорировали, они получали в наивысшей степени отдачи то, что ждали, — хромоножка своё дело знала превосходно, иначе у неё не было бы клиентов. Ляушин, совсем неопытный по женской части юнец, получил от хромоножки первый раз в своей жизни настоящее мужское наслаждение, которое его изумило, так как не шло ни в какое сравнение с тем, что он получал от онанизма, которым утешался с двенадцати лет. И он в беспутную хромоножку втрескался по уши. И во второй раз ощутил ещё большее наслаждение, когда провёл рукой по её искривленной, странно подёргивающейся ноге. С тех пор он в очереди к её прелестям пристраивался последним и это давало ему то преимущество, что он подолгу страстно смаковал свою физическую сплетённость с хромоножкой. Та это его особенное отношение к ней сразу учуяла, её это увлекло, и она дарила ему самые разнообразные повороты туловищем и ногами. Солдат уже ничего не интересовало, каждый излил на-

копленное за неделю, а то и за две, и Ляушину доставалось пиршество никем не подгоняемого гурмана. И хромоножка уже не напрягалась, а только расслабленно извивалась, что Ляушина и подхлестывало.

Но он не был ещё тем изощрённым психологом, каким стал спустя десять лет, когда был внедрён женой к Гаргалину, начитался нужных книг и прошёл всяческие курсы и тренинги. Он не знал, что первый оглушительный сексуальный опыт и закрепление его повторением формирует зависимость. Он, быть может, остановился бы, поискал бы что-то другое, нормальное, как у всех парней. Но он ничего ещё не понимал и потому превратился в сексуального фетишиста, фетишем же для него стали женщины хромые и искривлённые, только с ними он получал то, что донжуаны имели с красавицами.

А став зрелым мужчиной, Ляушин открыл буквально охоту на хромоножек. И он их всегда находил и приманивал, так как его страсть не укрывалась от них и они пылко шли ему навстречу. Он их любил, а что женщине надо, кроме истинного трепетного чувства обожания её такой, какая она есть.

Тяга к хромоножкам некоторое время его все же несколько комплексовала, ведь понятно же, что она отличала его от всех нормальных мужиков. Но избавиться от этого некомфортного застревания помог Альберт Эйнштейн. Вычитав случайно в каком-то журнале, что Эйнштейн был женат на хромоногой сербке и страстно её любил, Ляушин не только успокоился, но даже возгордился своим сексуальным пристрастием: он такой же, как сам Эйнштейн!

Гаргалин об этой тайной аномалии своего подчинённого узнал от первого интригана и доносчика Никшанова. Секретная квартира-явка, которая была в их владении и служила для тайных встреч с завербованной агентурой и рядовыми сексотидами, была снабжена Никшановым прослушкой и видеонаблюдением. Вот как-то Гаргалин и увидел, что проделывает его верный кадр с какой-то зачуханной бомжеватой хромой, которую приволок в эту квартиру. «Что ж, – сказал себе Гаргалин фразой из популярного кинофильма, – у каждого свои недостатки, лишь бы работал хорошо». А Ляушин работал не хорошо, а отменно.

Кровь отлила, Ляушин побледнел, мобилизовался. Мелькнуло: «А что если она к креатину?»

Нимфа прошла половину расстояния от машины до подъезда. Ляушин пришёл в себя, мгновенно выскочил из своего «мерседеса», собранно, стараясь не суетиться, широко шагая, пошёл вслед и поравнялся с девушкой прямо у двери в подъезд, ощутив дурманяще нежный запах её тела.

Девушка набрала номер квартиры на домофоне – 77. Увидев это, Ляушин впал в животную ярость и если ничем это не выказал, то только благодаря профессиональной натренированности психики – быть всегда невозмутимым как самурай. Но внутри, внутри всё клокотало. Мечта, идеал и старикан!

– Юлиан Юрьевич, это я, Альфа. – произнесла нимфа грудным бархатистым голосом, удивительно мелодичным и волнующим, что добавило Ляушину восхищения. Тело, хромота, запах, голос... С ума сойти!

Дверь в подъезд открылась.

И Ляушина понесло, профессионализм дал сбой, пошёл насмарку. Разве недостаточно было того, что он узнал? Надо вернуться в свой драндулет и ждать, что будет. Выйдет ли она одна или с ним. Или надолго задержится. Так нет, опытный агент ФСБ сорвался и решил пойти на риск.

Ляушин вошёл в подъезд и двинулся к лифту вместе с мечтой.

Вошли. Он скромно отодвинулся, давая девушке простор в кабине лифта и вдыхая её божественный аромат.

– Вам на какой этаж? – вежливо спросила мечта.

Оглушённый Ляушин растерялся. На какой ему надо, чтобы следить? выше или ниже? – лихорадочно соображал отупевший мозг.

– Н..н.на седьмой. – не своим голосом вымолвил, наконец, опытный сыщик.

– А мне на восьмой. – сообщила девушка, улыбнувшись мягкой обворожительной улыбкой, и нажала на кнопку «7».

На седьмом этаже Ляушин вышел и, пока лифт поднимался выше, взбежал на полтора пролёта и затаился, прислушиваясь.

Звонить девушке не пришлось, креатин её уже ждал.

– Милости прошу, Альфа. – услышал Ляушин мужской и вовсе не стариковский, а молодо энергичный голос. – Какое у Вас впечатляющее имя.

«Донжуан хренов», – ругнулся злобно Ляушин про себя. Что ему оставалось делать? Только спускаться в «мерседес» и ждать.

Такого томительного ожидания не было у него во всю жизнь. Время медленно тянулось и чем дольше идеал не появлялся в двери подъезда, тем похабнее крутились в воображении извращенца возможные сценки общения в квартире 77. Там могло происходить всё то, о чём он мечтал! Ляушин стонал, изнемогая.

Прошло почти два часа. Он готов был мчаться с пистолетом в квартиру 77 и пристрелить старика.

Но вот появилась новая картинка. Подъехала невзрачная темно синяя «Ока» и из неё вышел худой, как палка, парень. Раскалённый мозг Ляушина зафиксировал «тощий как скелет», и проследил, куда скелет двинулся. А двинулся он к подъезду креатина. И вот когда скелет готов был набирать номер на домофоне, дверь открылась и появилась она, его мечта. Лицо её сияло, а щёки горели румянцем. О, Боже! Значит всё, что выплёскивало его воображение, там и происходило. Ляушин стиснул зубы.

Парень с нимфой разминулись как незнакомые.

Девушка пошагала к своему «Опелю», открыла дверцу, забросила тросточку и скрылась от взора.

Что делать, что делать? Ехать за ней? Или ждать старца?

Ляушин вдруг опомнился, вспомнил, что он на службе и надо выполнять задание Умника. Решил ждать. Записал номер «опеля», к вечеру у него будет о нимфе вся информация. Он связался по мобильнику со своими службами, чтобы разузнали всё возможное по такому-то номеру автомобиля «Опель-Астра».

Через два часа из подъезда вышел скелет.

Ляушин решил, что на сегодня хватит, отследит креатина завтра, и отчалил в подавленных чувствах, ругая себя последними словами за то, что не сумел занять нимфу.

А через час появился Никшанов; вот ему-то посчастливилось лицезреть горбатого креатина в этот день.

Часть пятая

ДОЛГОЖДАННЫЕ УЧЕНИКИ

Арбелин назначил встречи двум, накануне запросившим по телефону его консультации: девушке с оригинальным именем Альфа – в одиннадцать дня, а юноше, Денису, – в час.

Не успела Альфа войти в прихожую, как профессионально зоркий Арбелин мгновенно оценил её прелестную телесную статью и поместил в высший разряд разработанной им теории фасцинации женских тел. А когда она вошла, то тросточка и прихрамывание не помешали Арбелину определить её еще более точно: тоненькая, а всего в ней было ровно столько, сколько надо, как сказал один известный философ о прелестях лечившей его медсестры. А когда Альфа проходила в кабинет, то диагноз Арбелина ещё более повысил её ранг – она обнаружила редкостное в прекрасной половине человечества качество так гибко и грациозно держать имеющееся при ней «сколько надо», что создавалось изумительное обаяние сдержанно-скромной сексапильности – высшее обаяние, каким может обладать женщина.

Девушка, которую так профессионально оценивал Арбелин с точки зрения созданной им науки, была совсем юной, не больше двадцати лет с небольшой разве что прибавкой. Ах, как изумительно держится, тайком оглядывал её с ног до макушки Арбелин, как стройна и пластична. И в голове его по привычке замелькали ассоциации с известными звёздами, заполнившими много лет создаваемый им банк тел красавиц, по которым он искал секрет телесного женского очарования, своеобразный индекс фасцинации тела. Сальма Хайек... нет, эта повыше и потоньше... Мэрилин Монро... но та несколько вальяжна, эта построжее... Роми Шнайдер... Николь Кидман... Брижит Бардо... да, пожалуй, вот этого типа! Арбелин ею восхищался. Но вдруг мелькнула в голове ещё одна ассоциация – струнка. В меру высокая, тоненькая, но не тощая, тростинка, но всё на месте, ножки как у газели, талия осиная, ягодички – мячики, походка – упруго-грациозная, вся в тонусе, формировал он анатомический образ. И лицо необыкновенно запоминающееся, притом скромное, мягкое. Статуэтка Родена! Довольный найденными сравнениями, Арбелин улыбался.

– Присаживайтесь вот сюда, в кресло. – показал он девушке.

Альфа, войдя в кабинет, была поражена интерьером. Такого она ещё не встречала. Широкое, почти во всю стену окно было скрыто прозрачными беже-

вого цвета шторами с изумительно красивым лёгким рисунком. Они гармонировали со светлоореховым цветом книжных полок и нежно кремовой окраской стен. Книжные полки были составлены в стеллажи от пола до потолка и занимали полторы стены, а стена при входе в кабинет была полностью увешана фотографиями, образующими своеобразную фотогалерею. В этот светящийся энергией, сияющий ансамбль лёгким яркожёлтым контрастом врезался натюрморт «Подсолнухов» Ван-Гога, копия, исполненная маслом, в изящной рамке. Он на секунду приковал внимание Альфы. От Арбелина взгляд Альфы не ускользнул.

– Нравится? – спросил он.

– Очень. Я Ван-Гога люблю, а «Подсолнухи» особенно. И «Звёздное небо в Арле».

– О, «Звёздное небо» бесподобно. Абсолютная fascinация! Но у меня не получилось скопировать, никак не мог поймать настроение. Жуткая энергетика! А вот с «Подсолнухами» удалось, кажется.

– Замечательно удалось! Вы, Юлиан Юрьевич, ещё и художник?

– Мечтал, но не дано. Туповат. А копировать умудрился. – Арбелин гордо подбоченился. – Над «Подсолнухами» целую неделю трудился. Теперь не расстаюсь. С ними и умру.

Альфа перевела взгляд на стену с фотографиями:

– И фотографии сами делаете?

В голосе её звучало восхищение.

– А как же. – снова шуточно горделиво произнёс Арбелин. – С девятого класса увлёкся. Начинать с примитивнейшего «Любителя», теперь такой разве что в музее увидишь, а теперь у меня вполне приличная камера, «Nicon». Одно удовольствие.

– А почему вся стена?

Альфа спросила, поскольку видела такое обилие фотографий на стене в квартире тоже впервые. У неё с отцом было значительно меньше.

– Рекомендую мой опыт перенять. Если стен в квартире достаточно, хотя бы одну надо освободить для фотогалереи. Это можно сказать, реализация на самом себе экологической fascinетики, которую я создаю. Если коротко – организация оптимизма и радости в собственной среде обитания. В среду обитания человека входит ведь не только ландшафт, поселение, дворы, но и квартира. Вот кабинет я и сформировал в стиле экологической fascinетики, чтобы абсолютно всё в нём от пола до потолка, от цвето-световой гаммы до художественных образов настраивало на радость и бодрый эмоциональный тонус. Тем более мы живём на Севере, солнечного света маловато, а мало солнца – меньше серотонина, возникает тоска и сонливость. В интерьер надо запускать побольше белого и светлого. И окна пошире – для солнца. Громадная помощь организму. А фотогалерея – это моя биография в картинках, мои мама с папой, я, любимый, в разном возрасте, начиная с младенчества, мои ребята.

– Я вижу ещё Пушкина, Эйнштейна... А с кошечкой – это Юрий Кнорозов?

– Он самый. Вы его знаете?

– На Вашем сайте увидела. И прочитала о нём.

– Молодчина! Он – гений. Правда, никто этого ещё не знает. Я о его гениальности первый сказал. Не было бы его, я, пожалуй, не додумался бы до fascinетики. Да, и заметьте, все фотографии жизнерадостные, с улыбками, со смехом, с

иронией. Просыпаюсь утром, а они все мне подмигивают. Так хорошо на душе! Такое поднимается настроение!

Альфа воскликнула в восторге:

– Это же целительная фасцинетика!

Арбелин выразил удивление:

– Верно. И это знаете?

– Юлиан Юрьевич, я же Ваш сайт наизусть выучила. А страницу о целительной фасцинетике особенно. Я на психфаке учусь и выбрала специализацию «клиническая психология».

– Вон оно что! Ну, ну, давайте ближе к делу. Какие вопросы возникли ко мне у столь очаровательной современницы с клинической психологии?

– Юлиан Юрьевич, у меня вопросов много. Можно я сразу за два часа заплачу?

Альфа достала из сумочки деньги.

Арбелин взял деньги и отодвинул на край журнального столика, разделявшего их кресла:

– А кто Вам придумал такое эффектное имя?

Доверительность и мягкость голоса ученого, сняли напряжение, Альфа чувствовала себя так легко, будто пришла к давно и хорошо знакомому человеку.

– Мама придумала. Она любительница всего оригинального, вот и выдумала. По отцу она башкирка. Родственники её настаивали назвать по-башкирски Альфией, а мама им назло и назвала меня Альфой.

– И прекрасно назвала! – воскликнул Арбелин. – Альфа – первая, лучшая. Вам это имя очень идет, Вы выглядите лучше всяких похвал, а если у Вас ещё и с интеллектом всё в порядке, то имя в самый раз.

Комплименты ученого были бесхитростны и искренни, и Альфа не без смущения подтвердила его догадку:

– Я всегда и была первой.

– Отличница, спортсменка и просто красавица? – Арбелин засмеялся, цитируя известный фильм.

– Вот только хромая.

– Ну и расскажите. Что за беда случилась?

И столько было в интонации Арбелина сочувствия и тепла, что Альфе не пришлось искать повода, чтобы поведать, с чем и зачем она пришла. Ведь именно несчастье и привело её к Арбелину. Несчастье и неожиданное, словно с неба, избавление от него.

– Нас в горах лавиной накрыло. Сломало мне ребро, кучу синяков и ссадин по всему телу, сотрясение, и вот – раздробило коленную чашечку. Это я сейчас хожу сама, а год назад была в инвалидной коляске. Потом перешла на костыли. Папа меня вытащил, иначе так и осталась бы при костылях.

– А в горы-то Вас зачем понесло? Альпинистка? – ворчливо произнёс Арбелин.

– Увлекалась. Командой поехали на Тянь-Шань, в Киргизию. Там и накрыло.

– Ну что ж, бывает ведь и хуже, верно? А Вы только с тросточкой. Да она у вас еще и прекрасной работы. Очень красивая.

– Папа смастерил.

– И вытаскивал из коляски... Какой он у Вас молодец! Я потому спрашиваю, Альфа, что сам из поломанных. Вы ведь заметили, что у меня горб. Увы, родился я вовсе не горбат, был красив и строен как Аполлон. Попал в страшное землетрясение, в Армении. Угораздило меня туда поехать как раз в те дни. Ещё бы несколько секунд и нависшая надо мной балка раздавила бы череп. Успели вытащить. Перелом позвоночника и вот горб. И ничего, жив. Главное – череп и мозг не повредило. Но срастался долго и нудно.

– Папа меня в Германию возил на операцию. Сделали удачно, поставили искусственную чашечку, пластиковый имплантант. Так что я девушка с искусственным шарниром. Остальное – постоянные упражнения.

– Сейчас больно?

– Чутьочку еще отдает. Приходится на тросточку опираться.

– Значит и это преодолеете!

– Постараюсь.

– Итак, встретились два покалеченных. Кстати, у нас не только по травмам, но и по именам совпадение. Люблю совпадения. Как Юнг. Мне имя тоже мама отстояла. Отец хотел назвать Ульянов. Я даже каламбур на это потом сочинил: мой папа, самых чётких правил, был русофил и хулиган, хотел назвать меня Ульяновом, но ма сказала: «Юлиан!». Вот и стал я Юлианом.

– Благозвучно, – улыбнулась Альфа, – Юлиан Юрьевич – эвфония и ассонанс.

– Но я ведь не хирург. – Арбелин посерьёзшел. – Что же привело Вас ко мне?

– Вы, Юлиан Юрьевич, лучше, чем хирург. Вы меня спасли. Чуть ли не с того света вытащили.

Такого поворота Арбелин не ожидал и потому округлил в удивлении глаза:

– С того света!? От смерти спас!?

– Ну... не от смерти, но почти. Я зависла в жутком хроническом стрессе. Знаете, когда от отчаяния жить не хочется.

И Альфа поведала ему о своих бедах всё-всё как на духу.

О том, как предал её жених, объявивший, что не хватало ему только жены инвалидки, а она-то переломы получила, прикрыв его от лавины; как папа увёз её в Германию на операцию, потом возил в коляске, добился, что она встала на костыли, а потом и их отбросила и стала ходить с тросточкой; как всё это сплелось с полным разочарованием в своём факультете и ввергло её в жутчайшую депрессию, пришлось взять академотпуск. Охватила такая апатия ко всему, что не хотелось жить. Случайно вышла на сайт Арбелина и он её буквально потряс и вернул к жизни.

– Я искала поддержки у единомышленников, которые, как и я, отчаялись жить, и поставила в поиск слова из песни Окуджавы «когда мне невмочь пересилить беду». И среди кучи ссылок гугл выдал страницу с Вашего сайта «Покажи смерти язык!». И она начинается как раз с этой строки из Окуджавы! Такое совпадение! Я вздрогнула от неожиданности и принялась читать. Юлиан Юрьевич, поверьте, после этой страницы я словно живой воды глотнула. И набросилась на сайт. И от первого до последнего слова прочитала все страницы. До утра, не отрываясь. Если бы Вы знали, как внутри все перевернулось и встало на место!

Искрой отрезвляющего озарения стали для неё те строки из страницы «Покажи смерти язык», где Арбелин писал о выходе из гнетущего отчаяния в фас-

цинацию служения. Альфа наизусть помнила эти строки и повторила их Арбелину: «Когда человек волею обстоятельств своей жизни, часто неожиданных и разрушающе ошеломительных, погружается в смертоносное отчаяние и ему ничто на свете не мило, шепчет на ухо соблазняющий выход Смерть: «Ведь ты потерял смысл жизни, зачем же жить в беспросветной тоске и скуке? Сделай решительный шаг, я тебя встречу». Да, это исход, один из возможных вариантов выхода. Выхода достаточно лёгких всего два, к ним и прибегают сплошь и рядом: удавка и погружение в отключающий разум транс с помощью алкоголя и всяческой одурманивающей химии, когда становишься живым трупом. Но есть третий путь выхода, трудный, но истинно человеческий, – это Служение. Уйти от мыслей о смерти и опьянении, показать смерти язык, погрузить себя в Служение добру и свету, помогать обездоленным и слабым, просвещать непросвещённых, служить истине, защищать униженных. Служение трудно даётся, но оно постепенно захватывает, прерастая в спасительную и желанную фасцинацию духа. Ищите фасцинацию своего Служения в этом мире, раз вы в нём появились на свет и живёте, она наполнит вашу душу высоким смыслом и одарит вас радостью жизни».

– Прочитав это, я обо всем забыла, всё вытеснила фасцинация оптимизма и Ваша наука. Я влюбилась в фасцинетику. На факультете я ничего подобного не слышала ни от кого. Я выбрала специальность клинического психолога, чтобы папу вытащить из депрессии и в самой себе как следует разобраться. И ничего не получила за два года учебы, кроме нудятины и разочарования. А Вы меня привели в норму за одну ночь. И я просто обалдела от целительной фасцинетики. Это же то, о чём только может мечтать любой клинический психолог. Разве не так?

Альфа говорила все это без пауз, спутано, взхлеб, будто боялась, что Арбелин остановит.

Но он и не думал останавливать, а, напротив, проникся ритмом и интонациями страстного грудного голоса девушки, вникая в её беду.

– Когда я утром пришла на кухню и папа меня увидел, он рот раскрыл от удивления. Я вновь была прежней. Я ожила. Я даже пустилась танцевать!

Она рассказала отцу о сайте Арбелина и своём счастье, и о том, что приняла решение стать фасцинетиком, проситься к Арбелину в ученицы. Отец знал свою дочь и понял – произошло чудо и решение её бесповоротно. На сайте был указан телефон Арбелина, автор фасцинетики давал платные консультации. Альфа было бросилась звонить, но отец удержал:

– Не торопись, Альфуша, потерпи день-два, а то наломаешь дров. Решение твоё – это твоя судьба, я это понял. Значит надо так с учёным поговорить, чтобы он тебя принял. А ты от волнения начнёшь заикаться и мычать. Через пару дней и созовишься. Будь умницей.

Альфа была умницей. Отец был прав.

Он просмотрел сайт Арбелина и тоже увлёкся. И сказал Альфе:

– Я в этом чукча, но скажу – это покруче, чем Фрейд.

Фрейда и многое из того, что изучала Альфа на факультете, отец вдумчиво читал.

Альфа ещё дважды проштудировала сайт и выучила его чуть ли не назубок.

Через два дня позвонила Арбелину.

И вот сидит перед ним и трепещет от волнения и надежды.

Альфа поделилась с Арбелиным и оценкой отца, прибавив с горячностью но-вообращённой верующей:

– Фасцинетика круче и Фрейда, и всех психоаналитиков, включая Фромма!

– Ну, ну, не горячитесь. – приструнил её Арбелин. – У них своё, у меня своё. Главное, чтобы была истина, она всего дороже. Фрейд велик.

Он помолчал, раздумывая.

Пристыженная Альфа ждала.

– Что я могу сказать. – задумчиво произнёс Арбелин. – Рад, что помог Вам откинуть случайное. У Александра Блока строки есть «Сотри случайные черты и ты увидишь: мир прекрасен!» Я часто в своей жизни вспоминаю этот стих. Так много к нам прилипает такого, что больно ранит, а разберёшься – чаще всего чепуха, случайное. Ваш неудавшийся жених – это случайное. И хорошо, что спаслись, нашли решимость оторваться. Было бы хуже. Моя дочь вот за такого паранойяльного идиота вышла, мается, не знает как вырваться... А у них ребёнок, мой внук, прелестный мальчуган... – Арбелин помолчал. – А слабость... у кого её не бывает в такие минуты... Хорошо, что так кончилось. Но Вы ведь не всё ещё сказали мне, так ведь? – прозорливо заключил Арбелин.

– Не всё. Главное теперь для меня не это. Главное в другом.

– В чем же?

– Я хочу стать фасцинетиком. Я хочу освоить целительную фасцинетику.

Арбелин повеселел.

– Но пока ещё ни один университет во всём мире фасцинетиков не выпускает. Нет даже ни одной кафедры фасцинетики!

Альфа посмотрела на Арбелина колдовскими серозелёными глазами и улыбнулась мягко и нежно.

– Я это поняла, Юлиан Юрьевич. Но ведь Вы же и есть университет.

Польщённый Арбелин почесал затылок.

– Пожалуй, – согласился он, – пока что всё только в этой башке.

Он ткнул указательным пальцем себя в лоб.

– Вот я и пришла попросить Вас взять меня в ученицы. – сказала Альфа. – Я буду самой прилежной и послушной ученицей на свете. Когда я закончила изучать Ваш сайт, я поняла, что фасцинетика – это моя судьба. Не могу же я ждать, когда университет раскачается!

– Университет ещё долго не раскачается. Да у них и денег нет на новую специальность. – рассмеялся Арбелин.

– Потому что они олухи! – воскликнула и зарделась Альфа. – Нам на клинической психологии лекции читают чуть ли тридцатилетней давности. Я из Интернета больше узнавала, чем из лекций.

Арбелин уровень преподавания на российских психологических факультетах знал и потому согласился:

– Вы правы, мякины хватает, знаю кое-кого лично... И раз за разом встречаю психологов, которые термина «фасцинация» не слыхивали. Даже выпускники МГУ! Удивительно, но факт. Понятие и термин Юрий Кнорозов запустил в 1960 году, а они и в начале третьего тысячелетия не знают...

– Юлиан Юрьевич, – по-девичьи артистично надула губки Альфа, – если Вы откажетесь меня учить, я застрелюсь!

– Ну, вот опять про смерть! Застряло в Вас. Фрейдовская проговорка. Пистолет-то есть ли? Оставьте про смерть даже в шутку. Язык показали ей и живите, будто её для вас нет. – проворчал Арбелин, но тут же засмеялся. – Вижу, придётся Вас вторично спасать, а то ещё действительно застрелитесь. Буду, буду учить. Но как Вы себе это представляете?

Он с иронией смотрел на Альфу.

Альфа закрыла лицо ладонями от нахлынувшей радости. А когда отняла ладони, Арбелин увидел слезинки и радостно сверкающие глаза:

– Юлиан Юрьевич, как скажете, так и буду учиться. Сайт я изучила и поняла, что такое фасцинация и что это не просто очарование, как переводят это слово с английского все словари и на том останавливаются, а что это универсальный код чарующей и устрашающей связи всего живого на планете, а может и во всей Вселенной. И ещё я поняла, что только в содружестве с фасцинацией можно наполнить жизнь человека высоким смыслом и радостной энергией. Тогда и все напасти отступят.

Это было так точно и ёмко сформулировано, что Арбелин удивлённо смотрел на девушку, осознавая, что перед ним существо хоть и молодое, но ума изрядного. Она схватила самую суть его науки. Значит и всю её освоит.

Он задумался. Альфа молча смотрела в его лицо. Она видела, что Арбелин её принял, взял к себе, приблизил, значит стал её покровителем и учителем. Уже стал, потому что принял решение, сделал первый важнейший шаг. Она поблела от серьёзности нахлынувшего на неё чувства соединения с тем великим начинанием, которое создал этот человек. Теперь она с ним навсегда.

Арбелин встряхнулся от дум:

– То, как Вы сказали, это главное. Мир пронизан фасцинацией как волнующей музыкой. Остальное будем осваивать. Я и сам ещё многого не знаю. Всё только начинается. Но раз уж с этого момента Вы моя студентка, прошу убедительно и категорично выполнять некоторые правила и принципы, которые я назову. Без следования им ученицы из Вас не получится. И я откажусь от Вас.

– Повинуюсь. – Альфа вовсе не для артистизма, а вполне серьезно склонила голову. И тут же достала из сумки блокнот и ручку.

– Записывать не надо, Вы всё и так запомните. – остановил её Арбелин. – Первое – никаких гор и прочих экстремальных кардебалетов. Главное в мыслящем человеке – мозг. Его надо беречь. Знаете, как я обрадовался, когда после перелома позвоночника и рёбер врач сказал мне, что мозг цел? Я готов был гимны петь. Никаких лазаний по горам, горных лыж, фристайлов, велосипедных кувырканий, прыжков с парашютом, и прочих душещипательных экспериментов с телом. Экстрима Вы в науке получите выше крыши.

Альфа расцвела в лучезарной улыбке.

– Юлиан Юрьевич, я отпрыгалась! – она показала на коленку. – Да и неинтересно мне уже всё это, насытилась, всё перепробовала.

– Всё – это что?

– Всё что Вы перечислили, и много ещё чего.

– Ещё чего? Уж не боксом ли занимались? Кулаками по черепу! Или единоборствами? Мухамеда Али, великого боксёра, по черепу били, так он Паркинсона заработал.

– Я росла во дворе. Маме с папой было не до меня. Дралась отчаянно. А каратэ я освоила как следует в 14 лет. Надо было с парнем одним разобраться. Я и сейчас могу кого хочешь уложить. Учителем моим был чемпион мира в карате кекусинкай. Папин друг.

– И с парашютом прыгали?

– Даже у самой земли раскрывала.

– Он же мог не раскрыться! – Арбелин встряхнул головой, изобразив ужас.

– Но я же вот она, сижу, живая. – Альфа озорно засмеялась. – И обещаю – никогда в жизни ничего такого. Буду череп беречь.

– Вот именно. А то ведь как может случиться: в Ваш мозг будет вложено громадной важности знание, а Вы трах-бах и о какой-нибудь пень лбом. И всё, что накоплено ценного, вылетело. Так не годится. Если Вы освоите фасчинетику, то Вы станете транслятором её для множества людей. Нас будет мало, посвящённых. Надо будет людей учить. Станете профессором. Пусть другие лбы расшибают. Запомните на всю жизнь, если животное – это тело и мозг, у многих совсем крошечный, то человек – это мозг и тело. Только нормальный неповреждённый мозг делает человека человеком. Тот же инсульт чем ужасен? А тем, что превращает человека в растение. Прошедшие через автомобильные катастрофы писатели, поэты, актёры, учёные вызывают после травм мозга, если выжили, жалость и содрогание. Берегите мозг! В нём заключен и смысл, и счастье жизни. Остальное – животное-растительное. Даже секс, на котором человечество от дурости помешалось. Автомобиль у Вас есть?

– Да, папа «Опель» мне купил, отличная машина.

– Осторожнее будьте. Столько жизней уносят эти тачки! Тысячи! Как можно осторожнее. Ведь какой-нибудь нализавшийся олух может врезаться.

– Да, обещаю.

Арбелин помолчал.

– Ладненько, первое правило я Вам сказал и Вы дали слово. Теперь слушайте второе. В гневе я страшен. Это на вид я добренький горбун. Но если будет Вами проявлено надругательство над истиной или начнёте зевать от скуки, я буду гневлив и неводержан. Придётся испытать на своей шкуре. Так что надо сразу это Вам знать и дать мне разрешение, быть с Вами построже, если набедокурите.

Альфа улыбнулась:

– А плётка у Вас есть?

– Это зачем!?

– Ну, набедокуру, Вы меня плёточкой, плёточкой.

– Это уже мазохизм. Да и как может подняться мужская рука с плёткой на такое прелестное создание. Я не Заратустра.

– А что тогда?

– Нехорошие слова говорю. У меня их несколько.

– Ой, скажите! Чтобы я заранее была готова. Я их запишу и выучу.

– Ну... чаще всего я употребляю такие ругательства, как «охлопус», «балда»

и «дубина». В разных интонациях. От лёгкого порицания до яростного гнева. И ещё «хмырь». Но это ко всем пакостникам и недоумкам.

О том, что в арсенале есть ещё унаследованное от отца словечко «мудак», Арбелин не сказал, так как применял его исключительно к презренным мужским типам.

– Охлопус? Первый раз слышу. Что это?

– Это я придумал. Выдвинул, для себя пока, гипотезу, что гомо сапиенсом наш далёкий обезьяноподобный предок стал благодаря сплочённости в гипервнушаемую стаю. Охлоантропoid – массовый внушаемый человек. Таким он остаётся в большинстве своём и по сей день. Француз Лебон его прекрасно описал. Читали Лебона?

– Да.

– Вот такой человек, толпогенный, орущий, готовый рушить всё подряд, в большинстве своём невежественный и туповатый и есть охлоантропос сапиенс. В наиболее законченном виде – это толпы футбольных фанатов или мародёров. И эти сексоманы чёртовы, запрудившие Интернет и шоубизнес. Куда ни глянь – толпа. Мародеры – толпа. Революция – толпа. Война – толпа. Беспорядки – толпа. Я не могу без содрогания смотреть документальные кадры, как немецкая армия в июне 41-го двинулась в нашу страну. С губными гармошками, радостные, хохочущие, словно на прогулку. А ведь они ехали на танках, грузовиках и мотоциклах убивать. Убивать! Готовность охлопуса убивать – самое в нём гадкое и страшное. В 1914 году, как рассказывают очевидцы тех лет, миллионы так же радостно и с песнями шли убивать с обеих сторон, будто наступил вселенский праздник. Закончилась вся эта охлопусная вакханалия миллионами трупов и революциями. Охлопусная массовость – это стадная регрессия. От охлоантропоса я и произвёл ругательство охлопус. Назову охлопусом – значит вы стали как все, подладились, потеряли своё мнение и перестали быть разумным скептиком.

– Я не такая! – воскликнула Альфа. – Такого гнева я не заслужу, Юлиан Юрьевич, вот увидите.

– И славно. Но кое-кого я так называть буду. Без этого не могу, так много этих охлопусов. Как тараканов. И даже в науку пролезли, паразиты!

– И я вместе с Вами буду ругаться.

– Значит договорились? Охлопусом Вы не станете, а на балду и дубину особенно не сердчайте. Я отходчив. Разрешаете?

– Да, да, да. Я и плётку бы Вам разрешила.

– Обойдёмся без плетки.

Арбелин встал с кресла:

– И вот Вам первое задание. Срочно восстанавливайтесь на факультете, чтобы с сентября продолжить учёбу по всей форме. Корочки в России надо иметь обязательно. Без университетских корочек вас на пушечный выстрел никуда не пустят. Поняли? А клиническая фасцинетика станет тогда Вашим коньком и новой специализацией.

– Да. Завтра же съезжу в универ.

– Юлиан Юрьевич, скажите, сколько я должна буду платить за обучение? – Альфа несколько сконфуженно посмотрела на Арбелина.

Арбелин почесал затылок:

– Даже не знаю, Альфа. Но много не возьму. Насколько вы с папой богаты?

– Ну... папу можно назвать бизнесменом средней руки, у него небольшой заводик. Нам вполне хватает на всё, так что какую сумму назовёте, ту и будем платить.

– Хорошо. С папой мне надо будет повидаться и финансовые дела обсудить.

– Ой, Юлиан Юрьевич! Папа будет так рад. Знаете, как он сейчас меня ждёт и волнуется. Вдруг Вы мне откажете. Он фасцинетикой уже проникся. В тот же день, как я с утра вышла к нему, он открыл Ваш сайт. И не оторвался.

– Приезжайте с ним. Позвоните и приезжайте. Поговорим, обсудим всё. Дело мы с Вами затеяли серьёзное, не хухры-мухры. Вы должны будете стать первым клиническим фасцинетиком в мире, возглавить целительную фасцинетику. На это уйдёт вся Ваша жизнь.

Альфа побледнела. Она услышала голос пророка.

Только ушла Альфа – появился Денис. У подъезда они и столкнулись на глазах у Ляушина.

Под волнующим впечатлением от общения с Альфой Арбелин был настроен романтично.

Худоба парня его поразила.

Усадив Дениса в то же кресло, где минуту назад сидела Альфа, приняв от него оговорённый гонорар, Арбелин приступил к расспросам:

– Как Вас звать и кто Вы, расскажите. Мне будет легче Вас консультировать. Денис отрекомендовался.

– Вы повар? Это замечательно! Впервые буду консультировать повара. И с огромным удовольствием. У Вас самая что ни на есть фасцинативная профессия, скажу я Вам. Правда, грек по имени Сократ называл поваров сладкими убийцами. Аскет был. И не знал он, что сладкими убийцами повара становятся под неотразимым влиянием пище-вкусовой фасцинации.

Денис, как и только что Альфа, почувствовал прилив лёгкости от слов и интонаций учёного:

– Я ваш сайт смотрел и понял это.

– А раньше знали?

– Ноль.

– Вот и прекрасно. Каждый кулинар обязан знать как можно больше о пище-вкусовой фасцинации, о её чудодейственности и коварстве. Она для всего живущего на планете основная, базовая. Не будь её, все перемерли бы от голода и лени. А с ней изо всех сил все бегают, выслеживают друг друга и стремятся сожрать. С аппетитом сожрать кого-нибудь – это великий закон жизни. Жестокий, но и необходимый, как закон всемирного тяготения.

Арбелин весело рассмеялся. И вдруг с ходу придумал тест для повара:

– Раз Вы – повар, скажите мне, насколько я правильно поступаю в питании своём. Я, как и Сократ, аскет, в питании непритязателен, для меня главное заправить организм всем необходимым. Но всё же чтобы и вкусно было. И вот я выдумал

блюдо, которое назвал «салат во рту». Совсем несложно. Но сначала позвольте задать Вам, как повару, вопрос. С чего начинается пищеварение? Что скажет повар?

– С тщательного пережёвывания.

– Верно. Но не совсем. Пищеварение начинается с носа, с губ и с кончика языка. Животные нюхают, потом касаются языком, а затем осторожно кусают. Бабуины всё новое таким способом исследуют по несколько минут. Пробуют вкус и пригодность. Тончайший инструмент эволюции. Для безопасности. И только потом кусают и жуют или проглатывают. Но пока нюхали и пробовали языком, то уже во рту началось выделение всех ферментов для усвоения пищи. Продолжение – в пищеводе и желудке. Так?

Денис утвердительно кивнул.

Арбелин продолжал:

– Но современный цивилизованный человек делает всё наперекосы. Он пропускает через приборы, которые измельчают продукт, выжимают, кромсают, потом перемешивают друг с другом, добавляют сметаны, майонеза и прочие добавки, получается силос. И только после изготовления этого силоса запускают его в рот. И тут же глотают. Его же не надо жевать, всё готово. Вырубает из пищеварения рот, делают его только перевалочным местом. Я поступаю иначе. Самое большее, это режу на кусочки, если твердое. И то только потому, что зубы уже слабоваты, возраст. А для молодого и резать не надо, нужно кусать. Откусил сырую морковку, кусочек чеснока или лука, добавил на кончике чайной ложки мёда и пережёвывай, не спеша. Вот и салат во рту. А сколько сочетаний, сколько экспериментов! Я смешиваю всё со всем. Добавляю и мёд, и шоколад, и ложку оливкового масла. В ход идет свёкла, её я, правда, варю, и лук с чесноком, и морковь, и капуста, яблоки, груши, баклажаны, всяческая зелень. Всё это в разных сочетаниях. Экспериментирую, как бабуин. Нахожу для себя наивкуснейшее. И никаких инструментов. Только изредка тёрка. Всё во рту. Как вам нравится?

– Круто! – оценил Денис.

– Конечно! В деревнях всю зелень так ели во все времена. Кусали и жевали. Особенно ребятишки. И архаичные племена так едят. Польза ещё ведь какая – работают челюсти и зубы. Рот и зубы обязаны трудиться, это их эволюционная функция. А потом уже красить губы и вставлять фиксы или казать язык. Кусать и жевать. Усилия. Десны станут здоровыми, никаких кариесов и парадонтозов, эмаль крепкая. Кусание и жевание для рта как упражнения с гантелями для рук. Салат во рту – это мое аскетическое изобретение. Эволюция! И никакого пищевкусового разврата. Польза, вкусное лекарство от всех болезней и укрепление иммунитета. И долой дисбактериоз, геморрой и прочие пакости. Салат во рту!

Арбелин закончил эмоциональный экспромт.

Денис улыбнулся:

– Принимаю на вооружение.

– И правильно сделаете. А трудов Александра Уголева о питании не читали?

– Нет.

– Это восполним, я дам Вам ссылочку, скачаете его книгу. Компьютер и Интернет есть?

– Конечно.

– Прекрасно. Уголев – великий учёный. Он открыл пристеночное пищеварение, основательнейшая штука, его даже на Нобелевскую выдвигали за это открытие, да не получилось по причине советского гражданства. Так вот, он создал также теорию адекватного питания. Показал, что надо говорить не о правильном питании, как все подряд долдонят, а об адекватном, то есть таком, какое необходимо по количеству и качеству конкретному человеку. А все люди разные. Скажем, гранатовый сок полезен? Ещё как! Но человеку с высокой кислотностью или язвой – нельзя. Уголев совсем не шутя сказал, что великим законом существования живого на планете является закон пожирания: все кого-то едят, нет нежрущих. И это верно на сто процентов. Когда-нибудь кто-нибудь напишет про Землю книгу «Планета жрущих». А едят все со страстью и аппетитом. И если голодны, с ума сходят, до ярости. Это и есть закон пище-вкусовой фасцинации – возжелеть и предвкушать наслаждение от жратвы. Там, в животе нашем, целый космос, несколько не менее сложный, чем в черепе. Там и желудочный мозг, да-да, именно мозг, по всему кишечному тракту выделение нейромедиаторов, эндорфинов, дофамина, глутамата и так далее. Всё это и руководит питанием, вызывает либо неудовольствие, либо удовольствие, сравнимое с оргазмом. Отсюда и наслаждение от сытости, поглаживание живота от блаженства. Люди от этой пище-вкусовой фасцинации размягчаются, добреют. Или не так?

Денис кивнул:

– Точно. Я это каждый день вижу.

– Но и тревоугодничают! Вот ведь беда какая! А как спасти человечество от тревоугодия и ожирения при союзе пище-вкусовой фасцинации с услаждающей кулинарией? Тупик! Как сделать правилом для всех, что еда не только насыщение и удовольствие, но также и лекарство. Ещё Гиппократ это понял. Лучшее лекарство. А я добавляю к Гиппократу: еда должна быть вкусным лекарством. Но именно профилактическим лекарством! А как решить эту задачу, если пищевая фасцинация тащит человека к пищевому оргазму и тревоугодию, а не к лекарственной умеренности? Вот ведь парадокс! Фасцинация столь коварна и могуча, что может завести человечество к биологическому вырождению. Это одна из ошибок, если такое можно сказать, эволюции, как я считаю. Вообще говоря, подлинной науки о питании ещё не создано. Сплошная каша. Вчера ещё с пылом-гневом убеждали человечество, что нитраты – страшный яд и источник всех хворей, теперь, как оказалось, нитраты позарез организму необходимы и без них куча болезней и преждевременная смерть. А в адрес ДДТ сколько ерунды наговорили! Яд и так далее. И так во всём. Одна только медицинская эквилибристика с холестерином чего стоит! Подступы к науке о питании заложены Уголевым в его теории адекватного питания. Есть над чем поработать фасцинетике.

Этот эмоциональный монолог учёный выплеснул на Дениса именно потому, что перед ним сидел повар, профессионал тревоугодия.

Ум Дениса уже давно был настроен на улавливание всего нового и полезного, он был в постоянном поиске информации, потому не только много читал, но в последние два года приучил себя ежедневно часа два посвящать рысканию по Интернету. Эта приобретенная привычка и привела его к неожиданному знаком-

ству с сайтом Арбелина. Акцент об опасности профессии кулинара для будущего человечества оказался для Дениса неожиданным, он запомнил его.

Но Денис шёл к Арбелину с другим мучившим его душу вопросом.

Арбелин настолько проник своей искренней эмоциональностью в его душу сразу, с первых же минут встречи, что защемило сердце от нахлынувшей памяти об отце. Арбелин напоминал папу, строгостью и мягкостью лица и взгляда, чёткими формулировками и эстетикой сухошавой спортивной фигуры. Дениса прорвало, таившееся все эти годы сокровенное в душе выплеснулось в исповедь:

– Юлиан Юрьевич, можно я задам ещё один вопрос? Очень для меня важный.

– Конечно, конечно! Говорите.

И Денис рассказал то, о чём ни единому человеку не рассказывал, держал три года в себе как сокровенную горькую тайну, обжигающую память, её-то и нёс к этому человеку, хотя не знал его.

– Надо ли мне мстить?– спросил он в конце своей исповеди.

Вопрос был, конечно же, риторический, для него месть была решена в тот же миг, как над ним надругались Санька с подельниками. Но все эти три года не оставляла и мысль, не погружает ли он себя жаждой мщения в безумие, как это происходит с фанатиками-террористами или религиозными экстремистами. Безумцем быть не хотелось:

– Ведь даже в библии говорится, что мстить не надо.

Арбелин всё понял. Он и сам был мстителем и знал, как захватывает ум и душу фасцинация мести. А в последнее время даже серьёзно задумался не создать ли науку о мести, виндиктологии. Он мягко, чуть грустно улыбнулся Денису:

– Вы Библию отбросьте, Денис. Это выдуманный древними иудеями свод правил для своего народа и только для него. «Возлюби ближнего своего, как самого себя», «подставь щёку» и прочие максимы – это они записали для сплочения иудеев в единое незыблемое целое. Зато всех остальных предписывалось жечь и уничтожать. Жестокая книга Библия, если её внимательно прочитать, садистская. Полсотни городов иудеи стёрли с лица земли, семь народов вырезали под корень вместе с младенцами. Геноцид! А что проделали с медианетянами – уму непостижимо! Читать не советую, зачем мозги засорять... Вообще с древних времён человек невообразимо агрессивен и мстителен. До садизма. Вспомнить хотя бы, как отомстили греки троянцам за то, что Парис умыкнул Елену, жену Менелая. Десять лет осаждали и добились своего – сравнивали Трои с землёй и всё население вырезали. А как Ахиллес отомстил Гектору за смерть Патрокла? Не только убил, а ещё привязал за ноги к колеснице и протасил несколько кругов вокруг стен Трои на глазах у его отца и жены. У греков той эпохи было заведено убитого врага обезображивать до неузнаваемости, чтобы в его глазах не запечатлелся убийца, иначе будет мщение. Убивали и мести боялись! – Арбелин потер переносицу, улыбнулся. – А на самом деле, месть эволюцией дана. И сладка потому она. – и засмеялся от удовольствия, что получилось в рифму. Любил рифмовать и когда получалась в разговоре рифма или каламбур, радовался, как ребёнок. – Шестеро гомо охлупусов унизили одного гомо сапиенса. Мщение для гомо сапиенса дело святое и необходимое. Мстите беспощадно. Такое нельзя оставлять безнаказанным.

– Охлопусы? Они деды. – не совсем понял Денис.

– Деды и есть охлопусы. – подтвердил Арбелин и разъяснил, как сделал это для Альфы, кого он имеет в виду, называя охлопусами.

Денис понял:

– Точно, вшестером как стая охлопусов.

Арбелин продолжил со всей серьёзностью, которой и ждал Денис:

– Мсть, Денис, действительно является находкой эволюции для охлаждения чрезмерной агрессивности и безнаказанности убийц и обидчиков. Это – отсроченная ответная агрессия. Тебя ударили, ты не смог сразу ответить, но запомнил обиду и ждёшь, а то и ищешь, когда представится случай нанести ответный удар. Бывает годами ждут, как Сильвио у Пушкина в повести «Выстрел», – шесть лет ждал. А бывает всю жизнь ждут и потомкам завешают отомстить. Ведь что такое обида? Это ваша реакция на произведённую по отношению к вам несправедливость, поправная справедливость. А чувство справедливости наидревнейшее, оно присуще даже обезьянам. Выходит, логично сделать вывод, что мсть – это взывание к справедливости, наказание за несправедливость, эволюционный способ восстановления справедливости. Без мести и её охлаждающего душа наступил бы на земле хаос и жизнь была бы загублена, так и не начавшись. Для дисциплинирования родилась мсть. Каждое существо на планете нутром знает, что обижать опасно, может аукнуться в самый неожиданный момент жизни. Любой нанесённый ущерб или обида запоминается и взывает к сдаче. Обиженные, униженные, оскорблённые уходят в сторону, убегают, спасаются, раздавленные, но с затаённой в самом сердце психики, в нервной лимбической системе, жаждой мстящего ответа, снимающего тягость памяти обиды. И как только мсть состоялась, лимбическая система облегчённо вздыхает и освобождает психику от томящего груза. Становится легко и сладостно. Поэтому и говорят, что мсть сладка. И это не выдумка, этому есть уже и экспериментальные подтверждения нейрофизиологов. Поэтому-то мстящий вызывает сочувствие и одобрение. Он всегда прав. Если сам не переходит в садизм.

Арбелин продолжал:

– А чтобы исчезла мсть из человеческих отношений, надо удалять всем людям при рождении амигдалу, небольшой, величиной с миндальный орешек, древнейший участок мозга, стоящий на страже от любых опасностей. Но тогда люди перестанут опасаться всяческих напастей, не будут иметь страха и не будут реагировать на фасцинацию устрашающих сигналов. И погибнут в благостном состоянии. А с амигдалой, пожалуйста – все охранительные рефлексy, сопровождаемые яростью и злопамятством на объект опасности, значит и на человека, нанесшего обиду, вогнавшего в страх или унижение. А тут рядышком и свито гнездышко мщения. Не пройдет и дня, чтобы не лелеять думы о возмездии. В этом гнездышке снятся мстительные сны и будоражат воображение красочные картины мести – до истязания и физического уничтожения обидчика. И ни один человек не в состоянии унять амигдалу и память. Ни один. Если отрицают – притворяются. Я вот, к примеру, последнее время ловлю себя на том, что расправляюсь с мужем моей старшей дочери. Она с ним света белого не видит, мучается. И я на днях во сне заколол его кортиком. У меня есть замечательный

морской кортик, от старшего брата память. Холодное оружие. Вот им во сне я обидчика дочери и проткнул с огромным удовольствием. Кровожадность проснулась во мне откуда-то. Сны ведь неподконтрольны. Или вот такая забавная месть случилась у меня. Тоже во сне. Был у меня знакомый, бывший комсомольский функционер Сергей Ризников, этакий щербатый и коммуникабельный хлыщ. Мошенники все замечательно коммуникабельны, это их профессиональное оружие, чтобы доверие вызывать и в душу влезать. Да, так вот, мой Ризников так умело изобразил из себя несчастную жертву, которую могут спасти только деньги, что я не смог устоять и дал ему в долг восемь тысяч долларов. Было это пятнадцать лет назад. Расписка лежит в моём архиве. До сих пор жду возврата.

– И Вы, Юлиан Юрьевич, его не вычислили?

– Да всё у меня было – и адрес его, и телефон. Но он постоянно скрывался. Неуловим, как пуганая мышь. Я попытался достучаться до него через его друга Диметрука, а друг меня и спрашивает «Сколько он вам должен?». Я назвал цифру. Он засмеялся и говорит «А мне 20 тысяч» и добавляет: «Он же теперь не человек, он кидала-подонок и под бандитской крышей, наймёт за тысячу киллера и мне башку прострелят. И никаких долгов». Вразумил меня. Да я бы наверняка вытеснил из себя этот долг, но обида оказалась слишком уж острой, засела. Эти деньги были у меня неприкосновенным запасом, я тогда был без квартиры и в проблемах с ног до головы. И он это знал. Получается, нанёс мне свинский удар ниже пояса. Много было у меня про него мстительных снов. А однажды выплеснулась забавность. Будто я его раздел догола и фломастером нарисовал на ягодицах большие красные звёзды, а на груди и спине вывел клеймо «Вор». И пустил его в таком виде по городу. Потеха, а не месть. Вот что сновидения выделяют. Да что там говорить, бывает мечты о мести до психушки доводят. Юнг лечил одну добродетельную супругу, свихнувшуюся от снов, в которых она изменяла любимому мужу с его братьями.

Денис побледнел: сны и грёзы, в которых он садистски уничтожал Саньку с подельниками, были кошмарны и вгоняли его в пот.

Арбелин твёрдо и в упор посмотрел в глаза напрягшегося как струна Дениса:

– Подонкам и мудакам надо мстить. Не отмщённый тупой охлопус превращается в воинствующего хама и садиста. Отомстить необходимо. И я Вас вовсе не побуждаю к этому, Вы ведь сами давно приняли решение мстить. И не можете жить без мыслей о мщении, так ведь?

Денис молча кивнул.

– Значит и мстите.

Денис смущённо улыбнулся:

– Но не могу придумать как...

– Понятно, – подтвердил Арбелин, размышляя, – проблема Ваша не из простых, не убивать же...

– Нет, нет, только не это! – воскликнул Денис. – Но как? Не знаю.

– Месть должна быть адекватной. Не менее, но и не более. Зуб за зуб. Как в уголовном кодексе – не превышая необходимой обороны... Проблема эта, конечно, Ваша, тут я ничем помочь не могу. Разве что подсказать варианты, испробованные человечеством. Пушкин мстил обидчикам эпиграммами. Нанизы-

вал обидчиков на шпильки своих эпиграмм как жуков. Помните «в академии наук заседает князь Дундук»? Князь Корсаков-Дундуков был всё же не такой уж дундук, а в историю вошёл как кретин с тяжёлым задом. Литература и поэзия, пожалуй и живопись, прекрасные сферы для мщения. Прототипов героев-негодяев всегда легко вычисляют критики и литературоведы. У Пушкина, кстати, была заведена записная книжка, в которую он прилежно записывал врагов и нанесённые обиды. Я по его примеру тоже обидчиков записываю и все они уже или отмщены, или ожидают мести. – Арбелин рассмеялся. – А вот есть такой любопытный совет древнего философа-раба Эпиктета, которого очень полюбил в старости Лев Толстой. Эпиктет сказал так: обидчику делайте то, что он любит. Очень оригинально, на мой взгляд.

Денису стало жарко от неожиданной ассоциации:

– Он любит пиво.

– Вот и поите его пивом! – весело воскликнул Арбелин. – До безудержного мочеиспускания. Пиво же прекрасное мочегонное.

Это была шутка. Но не для рационального Дениса. В его мозгу мгновенно сплелось в некий образ мщения пиво, мания, мочеиспускание, как выразился Арбелин, фасцинация, мстящий плачевный для Саньки исход. Это был образ, расплывчатый пока, но одновременно и указующий направление удара.

Денис высказал то, что заплескалось в уме:

– Нужна фасцинация, доводящая этого идиота до максимума пивомании?

– Причём с любовью! – подтвердил Арбелин, поймав ход мышления Дениса.

– Значит надо выдумать для него такую пивную фасцинацию, от которой он будет счастлив как животное...

– Воистину любопытно Вы поняли Эпиктета... Впрочем, возможно Эпиктет имел в виду нечто другое. Неважно. Вы нащупали только что путь к мести. Дерзайте.

– Но как придумать такую фасцинацию? – несколько растерянно и умоляюще посмотрел Денис ему в глаза. – Можно я буду с Вами советоваться?

– Можно. Но я предлагаю иной путь, раз уж Вы у меня, да к тому же Вы ещё и кулинар. И, как я предполагаю, кулинар божией милостью. Значит выдумщик, изобретатель пище-вкусовой фасциации. А мне в помощники нужен кулинар, потому как сам я всего лишь потребитель. Хотя и знакомый с учением Уголева и придумал даже салат во рту. А Вы профессионал, но стихийный, от природы получивший этот дар. Вам надо становиться профессионалом пище-вкусовой фасциации. Это для наивысшего мастерства. Лучшие кулинары планеты не случайно погрузились в так называемую молекулярную гастрономию с привлечением химии и биохимического экспериментирования. Там, в недрах пищевых ингредиентов, таятся тайны вкуса и полезных для человеческого организма вкусовых и химических сочетаний. Человечество навывдумывало за сотни тысяч лет такого, что порой можно в прямом смысле укоротить жизнь вдвое, а то и отправиться на тот свет. Много точного, полезного, и много невероятно вредоносного, смертельно опасного. И в конце концов погрузили человечество в эпидемию ожирения, в биологическую деградацию. Достаточно посмотреть на улицах на этих жирных мастодонтов, туловища которых вздрагивают при ходьбе как ступень. А мужики с животами величиной с арбуз? Пора создавать научную фасци-

нирующую кулинарию. Тут вам и карты в руки, потому что без искусного кулинара-практика её не создать. Эксперименты, поиск, выдумка, проникновение в глубины химии питания. Вот если Вы ступите на этот путь, будет вам и мастерство высочайшего класса, и путь к мщению.

Щёки Арбелина порозовели от нахлынувшего вдохновения и мысли приобщить Дениса к только что сформулированному проекту. Он рисовал Денису то, о чём давно размышлял, анализируя пище-вкусовую фасцинацию и всё более проникаясь идеей, что в фасцинетике это направление, объединенное с трофологией Александра Уголева, может стать одним из практически важнейших способов обуздания пищевой человеческой чрезмерности. Идея спасения населения от катастрофической пандемии ожирения, охватившей всю планету, его волновала, он искал способы создания практических технологий профилактики ожирения и способов снижения излишнего веса.

Денис тоже взволновался. Образованность его была достаточна, чтобы понять мысль Арбелина, но также достаточна и для того, чтобы понимать свою малозначительность в такого рода проекте:

– Без Вас это неосуществимо. – сказал он убеждённо.

– Конечно! Но Вы ведь попросили возможность советоваться. Вот я и предлагаю Вам стать соавтором проекта, будете учиться по ходу дела, осваивать азы фасцинетики. И проводить кулинарные эксперименты. С моим теоретическим участием. Создавали ядерное оружие физики-экспериментаторы, но без физиков-теоретиков результат был невозможен. Поэтому Лев Ландау, гениальный физик-теоретик, производил расчеты и выдвигал идеи, не прикасаясь к индустрии. И получал Сталинские премии. Союз теории и практики только и может создать научную fasciniрующую кулинарию будущего, одновременно и лекарственную, и вкусную. И избавляющую человечество от ожирения.

Доверие, высказанное Арбелиным, бросило Дениса в жар и он мгновенно осознал, что учёный говорит ему то, что может стать его судьбой. Мысль о мщении несколько отодвинулась, погрузилась в предлагаемый Арбелиным проект и Денису от этого стало легче, будто он уже отомстил. Он понял, что на предложенном Арбелиным пути месть обязательно состоится, а, значит, она вроде бы уже и состоялась – там, в глубинах мстительного воображения.

– Говорите, Юлиан Юрьевич, что я должен делать. – сказал он.

Арбелин удовлетворенно и ласково посмотрел на Дениса. Мечта о сотрудничестве-кулинаре реализуется столько неожиданно и приятно, что лучшего и не придумать. Он сразу поверил, что Денис станет настоящим помощником и первооткрывателем. Но придётся над ним поработать, ведь у него нет основательного образования, особенно в науках, которые потребуются – в биологии, химии. Зато он получит из первых рук фасцинетику, чего пока нет ни у одного кулинара в мире. Симбиоз теории и практики обещал быть не просто успешным, а захватывающим.

– Давайте договоримся о форме нашего сотрудничества. Во-первых, связь. Мобильник у нас есть. Электронная почта есть?

– Да.

– Интернет – само собой. Тексты, которые Вам понадобятся, я дам... Дальше, надо подумать о Вашей экспериментаторской экипировке. Это сложновато, но я

придумаю. У меня есть давний приятель, со школы ещё, доктор биохимии Дима Петров. Он подскажет. Биохимия наука потрясающая. Я достаточно далек от неё, но наблюдая за её открытиями, уверен, что ближайшие годы будут расцветом именно биохимии, молекулярной биологии и всего с ними связанного. Но поговорим об этом чуть позже. На сегодня хватит, поразмышляйте, прикиньте Ваши возможности. Вы ещё не женаты?

– Нет.

– Квартира есть? С кем живете? С родителями?

– Квартира двухкомнатная, хватает. Живу с бабушкой. Родители мои погибли в автомобильной аварии, когда мне было четырнадцать. Моя семья – это я и бабушка.

– Значит, пока свободен. И если надумаете, идите ко мне и будем создавать кулинарную фацинеттику с лейтмотивом «еда как вкусное лекарство».

Окрыленный Денис уходил от Арбелина с желанием переделать себя в повара-фасцинетика и с укрепившейся мыслью о мести Саньке Дубу с помощью фасцинации. Он торопился на своей «Окушке» в новую свою обитель с мыслью ещё раз погрузиться в сайт Арбелина.

Встреча с Альфой и Денисом оказались для Юлиана Арбелина неожиданно долгожданной, о такой встрече он мечтал, но совершенно не надеялся, что это когда-нибудь произойдёт. Общения с новыми людьми хватало, приходили на консультирование, иногда случались беседы со специалистами, которым хотелось ознакомиться с его открытием, наведывались время от времени и дотошные журналисты, в большинстве своём невежественные и спесивые, но всё это было не то. И даже когда приходили те, кто вызывался сотрудничать на ниве развития фасцинетики, порывался в последователи-ученики, Арбелин очень скоро убеждался в их ничтожности, желании подзаработать, поживиться, а поскольку никакими финансовыми ресурсами для этого он не обладал, встречи эти заканчивались полным разочарованием с обеих сторон: Арбелин иронично усмехался, а кандидаты в последователи и адепты бесследно и навсегда исчезали. Один из таких ничтожеств особенно запомнился. Вы, говорит, сколько мне будете давать на бензин? А сам богатенький и ездит на внедорожнике.

У Арбелина был единственный ресурс, которым он владел надёжно и филигранно, ресурс необыкновенной мощи и продуктивности – его мозг. Но мозг этот никому не был нужен, в этом Арбелин давно убедился, и романтические мечты первых двух лет после создания фасцинетики постепенно угасли. Он без устали по десять-двенадцать часов ежедневно трудился, дел с развитием фасцинетики было непочатый край, его жизни, сколько бы она ещё ни продлилась, не хватит. Потому и мечтал о последователях, которым можно было бы передать эстафету.

Чёрт дёрнул послать проект в ФСБ! Думал откликнутся, завертится проект, появятся творческие люди. Спустя пару недель он остыл и уже клял себя за эту неуклюжую романтику.

И вот появились два молодых человека, в глазах которых он прочитал чистые чувства, увидел искорки энтузиазма и редкостной в людях захваченности, энергии любо-

пытства, так ценимой Арбелиным. Разговор с ними был своеобразным тестом на определение их ума и способности понимания. Оба тест выдержали на «отлично».

И он возрадовался, как может возрадоваться любой первооткрыватель, встретив понимание его создания. А тот, кто понял и принял в свой ум и в свою душу, понесет это знание дальше, будет пахарем и сеятелем. Теперь их трое, он, Денис и Альфа. Остается передать им всё, что он знает, и открывать вместе с ними новые горизонты. Их пусть ещё и незначительные знания, возраст и чистота помыслов были залогом успеха, уж он постарается дать им интеллектуальный и творческий взлёт, создать из них подлинных профессионалов. И реализует свой давний замысел так встряхнуть публику, чтобы взорвать барьеры невнимания и вывести новое знание на пик творческого прорыва науки, на спайку информации и фасцинации, без чего человечеству уже не жить. Для этого нужен яркий социальный эксперимент, социальная вспышка такой силы, как бывает у праздничного салюта или фейерверка. Одному такой эксперимент не под силу. Втроем он возможен, только надо теперь как следует поразмыслить над техникой, в полной мере используя потенциал Альфы с её отцом и Дениса. То, что Денис оказался кулинаром, было подарком судьбы. Используя его дар, Арбелин получал возможность экспериментировать в направлении фасцинофикации и профилактики пищевых зависимостей, и через этот мощный эволюционный инструмент повлиять на резкое ограничение, а возможно и полное вытеснение ожирения человечества. Альфа годилась для создания фасцинотерапевтического синтеза, изобретения фасциносинтезатора, о котором Арбелин задумался ещё пять лет назад, проникая в секреты психотерапии методами и инструментами музыки, живописи, ландшафтной, танцевально-двигательной и цветосветовой экспансии. В основе всех этих видов и форм психотерапии лежит фасцинация и свести их в целостный синтез, создать клиническую фасцинетiku было сверхзадачей. Альфа обнаружила не только способности к аналитике, но и бесценный для такого замысла художественный дар.

Было о чём задуматься и мечтать Арбелину в конце этого дня, раскинувшись на своей суворовской лежанке, подруге всех его творческих достижений.

Приятно взволновала своей загадочностью и синхронность появления Альфы и Дениса в один день, будто был выполнен неведомыми силами мистический заказ. К мистике Арбелин относился осторожно, воспринимая невероятные совпадения, пророческие знаки и предсказания как некую художественную фантастику человеческого бытия, однако несколько фактов такого рода, случившиеся в разное время в его уже достаточно продолжительной жизни, будоражили ум и воображение. Буквально за неделю до появления Альфы и Дениса просигналило ему мистическое странное совпадение. От матери, умершей пять лет назад, остался небольшой электронный будильничек, который она любила. Часы он прибрал, стояли они в книжном шкафу. И вот неделю назад наткнулся взглядом на них, достал, вспомнил маму, повертел и решил включить. Поставил батарейку, убедился, что часы работают, но попытки перевести и поставить стрелки на текущее время закончились неудачей: колёсика прокрутки стрелок не было, а торчащий миниатюрный стержёнок для колёсика на усилия пальцев не поддавался. Прикинув, что колёсико где-нибудь да отыщется, он оставил попытки, вынул

батарейку и поставил будильничек на столик рядом с компьютерным монитором впритык к своему такому же маленькому рабочему будильничку. И вечером, когда привычно улёгся на лежанку и включил компьютер, вдруг молнией сверкнуло в глазах: на мамином будильничке и на его верном рабочем стрелки показывали абсолютно одно и то же время – 18 часов тридцать пять минут! Посмотрел на другие часы – везде то же время. Оставалось вставить в мамин будильник батарейку. Как такое совпадение могло произойти? Будто мама из небытия передвинула стрелки. Мурашки по позвоночнику пробежали. Мистика!

И был ещё один врезавшийся в память совершенно мистический случай в Москве, тридцать лет назад, так им и не разгаданный. В Москву прилетел он тогда на научную конференцию, на которой ему дали возможность выступить с сообщением. Стоял солнечный сентябрь, он радовался, как всегда, когда бывал в столице. Часов в семь вечера поехал в Тёплый Стан навестить профессора Архангельского, с которым был дружен. И вот в метро, войдя в вагон, чуть не оштолбенел: прямо напротив входа сидела великолепная Танечка Жданова, давняя его приятельница ещё с аспирантских лет, она тогда была студенткой филфака. Десять лет прошло с той поры как последний раз с ней виделись! И вот она – в московском метро мило улыбается, мгновенно его узнав. Как могло такое случиться? Оказалось, она уже пять лет живет в Москве, он об этом не мог и предполагать, да и, откровенно говоря, память о ней вовсе стерлась. Мистическое пересечение! Было чему подивиться.

И вот новое необъяснимое, загадочное совпадение: незнакомые ему и друг другу Альфа и Денис появляются у него в один день, да ещё и оба становятся его учениками. Совпадение это было воспринято Арбелиным как мистическая юнговская синхронистичность, как подарок небес или судьбы, как хочешь называй. В один день он получил то, о чём давно мечтал – двух последователей и будущих соратников в развитии созданной им науки.

После посещения Арбелина весь день пребывала в радостном настроении Альфа. О чём угодно думала она, собираясь на встречу с Арбелиным, но только не о таком потрясающем впечатлении, которое он на неё произвёл, и не о таком неожиданном и ошеломляющем итоге. Это был дар небес, она сразу всё оценила и поняла своим рациональным умом и художественной интуицией, которые в ней так благодатно сочетались и делали её необыкновенной, чего не мог не уловить чуткий Арбелин.

Первой жертвой её эйфории стал папа. Альфа обрушила на него восторги, передала и изобразила в мельчайших деталях весь разговор с Арбелиным, закончив словами:

– Папочка, милый мой папулёк, это то, о чём я даже мечтать не могла! Я теперь от него не отлипну, хоть убивай меня, я просто обязана взять от него всё-всё, чем он обладает, я прилипну к нему как пиявка! Ты меня знаешь.

Отец знал, отец понял и радовался, что дочь его ожила, отторгнув отчаяние. Что ж, он весь в её распоряжении:

– Альфунча, говори, что мне нужно делать для пиявки.

Они, отец и дочь, давно образовали тот нерасторжимый родной по крови и духу союз, в котором были друг другу опорой, поддержкой и защитой. Это Альфа спасла отца, когда он был на краю гибели. Это он старался всеми силами вытащить её из угасания вот уже больше года. Он понял – дочь спасена, ни о какой беде уже не может быть и речи, глаза её сияли, вся она светилась радостью и энергией, он любовался ею, тяжесть из сердца ушла и он был бесконечно благодарен незнакомому человеку, влившему в дочь эликсир жизни:

– Я хочу увидеть этого человека. Я хочу с ним поговорить.

– Да-да-да, папочка! Обязательно! Юлиан Юрьевич тоже сказал, что хочет с тобой поговорить. Просил приехать. Надо только созвониться.

Рациональна и прагматична была девушка Альфа Истомина. Мгновенно, ещё при разговоре с Арбелиным, она прикинула в уме, что ей и Учителю, – так она сразу окрестила про себя Арбелина, – понадобятся финансовые средства.

– Папа, надо будет договориться о плате за учёбу. Ведь я теперь буду у Юлиана Юрьевича студенткой, ученицей. Пивка пивкой, но лучше если пивка будет ученицей, правда?

Отец засмеялся и это был радостный смех освобожденного от душевной тяжести человека:

– Ты как всегда права, дочура.

– Папа, только знаешь что, пообщайся с ним наедине. Как мужчина с мужчиной. Вы поймёте друг друга. Он ведь тоже одинокий. Я не буду вам мешать.

– Одинокий!?

– Да, он живёт один. Совершенно один. Подробностей я пока не знаю, но один. Давай созвонимся?

Она набрала номер Арбелина.

Арбелин назначил время: завтра в 17–00.

Не спалось и Денису. Мысли о том, что месть его наконец начинает вырисовываться в нечто осуществимое, заслонила идея Арбелина стать ему первым в мире фасцино-кулинаром. Уже достаточно знакомый с достижениями молекулярной кулинарии, он сразу вник и понял замысел Арбелина. Не эксперименты над молекулярной экзотикой, а поиск молекулярных основ пищи как вкусного лекарства. Это было неожиданно, просто и гениально. И Денис прикидывал, что потребуется ему на этом пути. Понятно, что без Арбелина эту идею ему не поднять и не осилить. Значит учёба. Он станет его учеником. Затем понадобится основательное изучение биохимии. Значит университет. И понадобятся эксперименты. Кое-какая аппаратура у него уже есть, но придётся создать по-современному оснащённую лабораторию на дому. Это не так уж сложно, завтра же и начнёт, спрашивает, посмотрит, где и что можно достать.

Уже под утро вернулась мысль о мщении. Он создаст fasciniрующее оружие мести – пиво, от которого Санька изойдёт мочой. Возник образ: стоящий по колено в океане мочи Санька Дуб. От этого образа Денису стало даже весело,

будто месть уже свершилась. Моча? На, получай её в избытке и наслаждайся. Моча под видом вкуснейшего пива! Он отомстит ему тем же, чем был унижен, — мочой, безмерным потоком мочи. Моча перестала быть для него сигналом фобии, превратившись в смешной гадкий образ.

И пришёл к Денису во сне отец.

— Ну, сынок, расскажи, как живёшь, что делаешь? — спросил он суровым тоном.

Испугался было Денис строгости отца. А тот улыбнулся, подошёл, обнял:

— Иди, Денис, иди, не останавливайся.

И растворился, будто и не было...

Ворочался рядом с похотливой своей курицей Виталий Никшанов. Пять жён горбатого старца будоражили воображение. Не помогало на этот раз даже успокоительное благоухание тела супруги, трижды вдыхал бедняга эфедрин, сдерживая расшатавшиеся нервишки. А когда под утро заснул, в тяжелом сне приснилась ему обнажённая обольстительная Шехерезада, гладившая его по головке как ребёнка.

Замер рядом со своей хромоногой великаншей извращенец Гедалий Ляушин. Почему, ну почему горбуну досталась эта небесная хромоножка, а не ему, опытному мужчине в расцвете сил? По-че-му??? Он готов был орать, но держался, чтобы не разбудить храпящую строгую Анфису Синютину, хитроумную начальницу райотдела милиции, неукротимую взяточницу, с которой сошёлся ещё когда работал надзирателем к колонии; она-то и пристроила его в юридический институт, вывела в люди, впаяла в ФСБ. Обычно в такие дни, когда был чем-нибудь расстроен, он вливал в себя два стакана водки, вышибая плохое настроение как пробку из бутылки, а сегодня не потянуло, даже отрезало, как только мелькнуло в голове залить. Образ стройной прихрамывающей нимфы с тросточкой оттеснил всё на свете, даже водку. Нимфа потрясла его воображение, уставшее от хромых рыхлых и грязных кляч, жертв его охотничьего сексуального азарта.

Гедалий Ляушин, как и его сослуживец Виталий Никшанов, готов был прикончить и размазать старого горбуна, хоть и по другим основаниям.

Так к утру все, утомлённые и перевозбуждённые, провалились в сны.

И сны их были разные...

Ляушин зафиксировал и заснял Арбелина на фото на следующий день, приехав к подъезду к восьми утра, чтобы наверняка не пропустить выхода креатина из подъезда, когда бы это ни случилось. Выход произошёл удачно — в половине девятого. Ляушин выскочил из своей рухляди и осторожно, прилично отстав, приклеился к Арбелину. Идти пришлось совсем недолго, как вдруг Ляушин был удивлён неожиданностью в поведении креатина. Арбелин завернул на близлежащую мусорную площадку, хотя ничего такого, чтобы бросить в мусорный бак, в руках не держал: через плечо висела небольшая сумка вот и всё, что было при нём. Завернув к мусорной площадке, Арбелин внимательно её осмотрел и загля-

нул в пару баков, задав тем самым Ляушину новую загадку. Дальше загадок становилось больше. Арбелин пошёл дворами к ещё одной площадке и снова заглянул в баки. «Что это он, – удивился Ляушин, – банки и бутылки ищет что ли?» Сам заглянул в те же баки, когда Арбелин пошагал дальше. В одном из них на виду, рукой можно дотянуться, валялись поверх всякого дерьма четыре пивные банки. Значит не банки высматривает. Тогда что же?

Поход продолжался от одной мусорки к другой. На седьмой случилось совсем невероятное! Креатин увидел стопку книг, перевязанную бечёвкой и аккуратно кем-то поставленную в сторонке от мусорных баков. Он поднял книги. Ляушин издалека не смог рассмотреть на корешках имя автора, зафиксировал только коричневый цвет обложек. Быстро достал фотокамеру, закамуфлированную под зажигалку, начал съёмку, имитируя прикуривание, чтобы не привлечь внимание фигуранта. Дома, рассматривая снимки в увеличенном формате, был поражён – это было собрание сочинений Иосифа Виссарионовича Сталина в восьми томах. Все восемь томов и были перевязаны бечёвкой.

Ляушин Сталина уважал и даже думал про себя, что неплохо было бы для России иметь Сталина, а не этих либердалов-дерьмократов, разваливших СССР. Сталин несколько ослабил неприязнь к горбуну. Неужто и он Сталина ценит, раз понёс его домой.

Но загадки похода Арбелина по десяти мусорным площадкам Ляушин в этот день не разгадал.

Не разгадал и в следующие три дня, всё так же приклеиваясь к Арбелину по утрам, а дважды ещё и вечерами; оказалось, что учёный ходит по мусоркам и утром, а иногда и вечером.

Но зачем, если не собирает банки, бутылки или металл, как делают другие, а других, как зафиксировал удивлённый этим фактом Ляушин, было предостаточно и с некоторыми креатин останавливался и разговаривал, значит они были знакомые, свои. Вот Умнику будет над чем поразмышлять! Сам же Ляушин загадки эти разгадать пока не мог ни в какую. Только надёжно фиксировал.

Отец Альфы был высок и атлетичен. Вот в кого Альфа, сразу оценил Арбелин, как только тот переступил порог, вот откуда струнка и энергия. И глаза те же – светлые, серозелёные с внутренней умной энергией.

Представившись и назвав имя, отец Альфы обрушил на Арбелина благодарности:

– Юлиан Юрьевич, я не знаю какими словами Вас благодарить за дочь. Вы её спасли. Она ведь в бездну провалилась.

– Да, она рассказала... Это была действительно бездна.

– Юлиан Юрьевич, она ведь у меня не хлюпик какой-нибудь, а наоборот. Стойкая, сильная, боец. И вдруг провалилась. Как она сама сказала мне три дня назад: «Папа, я зависла, как последняя дура». Видели бы Вы её, как она прыгала от радости, после встречи с Вами. Я просто счастлив.

– Расскажите, если можно, вкратце о ней. Мне Ваша дочь интересна, я дал согласие учить её, хочется побольше о ней знать. Она рассказала основное. Мне хочется в деталях. Характер, поступки... Какая она?

– Она замечательная! Таких сейчас раз-два и обчёлся.

– Это я уже уловил. – улыбнулся Арбелин.

– Она у меня особенная, не такая как все, красивая, отчаянная, дерзкая. – продолжил отец сентиментально. – И себе на уме. Сама принимает решения, сама добивается. Целеустремлённость просто сумасшедшая. Вы заметили, какая у неё причёска?

– Очень милая причёска. Редкая в наш век. Даже и не припомню, с кем бы сравнить, кто из звёзд носит такую короткую.

– У неё же роскошные волосы. Цвет изумительный. Не рыжий и не платиновый. Посередине. Густые, выющиеся. Распутить их – загляденье. Возвращаюсь с работы, это ещё до перелома ноги было, смотрю – волосы обрезаны и стоит передо мной этакий отчаянный мальчуган. Не сердись, говорит, папая, некогда мне волосами заниматься. Вот такая она во всём. Себе на уме.

– Ерунда, Леонид Леонидович! – улыбнулся Арбелин – Она и с этой причёской прелестна. Встал, расчесал и готов к труду и обороне. Была бы дурнушка или рвалась на подиумы, другое дело, занимайся причёсками. А она у Вас красавица.

– Так я это к тому, что всё у неё не так, как у всех, всё по-своему.

– И прекрасно! – горячо сказал Арбелин. – Инкубаторских девиц хватает. А она у Вас – оригинальная, не инкубаторская. Это же прекрасно! Как это получилось у Вас с дочерью, что она такая выросла?

– Сам удивляюсь. Она до четырнадцати лет росла чуть ли не как беспризорница. Сорванец, а не девочка. Отчаянная, почище парней. Я до сих пор диву дивлюсь, что из неё выросла такая рассудительная и рациональная девушка. Она же росла во дворе, в основном в мальчишеской компании, домой прибегала только поесть и ночевать. И так до четырнадцати лет!

– Почему так?

– Нам с женой до неё не было дела. Я пил по чёрному, жена предавалась амурным утехам и пропадала в элитных тусовках. Страшно вспоминать.

Арбелин молчал, ожидая продолжения. Он видел – отцу надо выговорить, что наболело.

– Я из однолюбков. – продолжал Истомин. – А мать Альфы жутко красива. Я влюбился в неё без памяти и навсегда. В ней такое удивительное сочетание башкирской и славянской кровей, жгучая брюнетка с голубыми глазами. А тело – хоть на выставку. Она и пошла в фотомодели. И закрутилась в модельном бизнесе. На первых ролях. Потом фирму свою организовала. Ну и любовники пачками. Как перчатки их меняла. Я запил. Крепко подсел. Опустился. Представляете, что это было для Альфы? Как она при таких родителях сохранила чистоту и разум, ума не приложу.

– Да, условия для провала, что называется, идеальные вы с женой ей создали. Не курила?

– Абсолютно ничего, Юлиан Юрьевич. Не курила. Наркотики не пробовала. Даже пивом не баловалась. Какой-то в ней сидит запрет на всё.

– Такое бывает. Как реакция на поведение родителей. Большинство ребят родителям подражают. А редко – делают наоборот. Альфа видимо из таких. Защитная реакция на маразм, прошу меня простить за это слово, который она от вас видела ежедневно.

– Правильно Юлиан Юрьевич, хуже, чем маразм. Мать – шлюха, отец – пропойца. Ладно ещё в доме всё же не бедно, всё, что необходимо современному ребёнку, покупали. С едой проблем не было, с одеждой, спортивным разным инвентарём. Потом и компьютер ей купили, она его мгновенно освоила. Жена в гонорарах и подачках от любовников купалась. Да и я время от времени прирабатывал. Я же, Юлиан Юрьевич, инженер, изобретатель. У меня двадцать патентов на изобретения. Кое-что умею. На своих изобретениях потом предприятие организовал, можно сказать держу в руках бизнес среднего масштаба, на жизнь нам с Альфой хватает.

– А на чём у Вас бизнес, если не секрет?

– На замках и электронной автоматике и сигнализации. Замки делаю такие, что один домошник меня замучил с просьбами дать ему секрет. Такие замки всем нужны, клиенты богатые. А сигнализацию делаю для охраны, для разного рода «открой-закрой». Скажем, в гостиницах входные двери при подходе сами раскрываются. И прочая современная электронная автоматика. Заказов хватает, и у меня подешевле, чем заморское.

– А бандитской крыши нет? В России бизнес без крыши, говорят, не бывает.

– Меня клиенты спасают: милиция, охранные фирмы...

– О, Вам повезло. Светлая у Вас голова, мозг кормит. Редкость сейчас в России.

– Это и спасло. И Альфа.

– Как она Вас спасла, расскажите.

– Когда ей исполнилось четырнадцать, на неё позарился один из дворовых хулиганов, дебил и мордоворот. Лет семнадцати. Чуть не изнасиловал, но она сумела отбиться. Девчонка крепкая, цепкая, драчунья. Вырвалась. Пришла вся в синяках и царапинах. Не стала запирается, рассказала. У нас с ней всё без утайки. Я взбесился, хотел этого дебила укоротить. Форму я не потерял, хоть и пил как сапожник. У меня мастерский пояс каратэ.

– Вот как? То-то мне Альфа сказала, что умеет хорошо драться.

– Так из-за этого случая всё и пошло. Она мне запретила расправляться с дебилом. Нет, говорит, я сама должна ему яйца всмятку превратить. И попросила определить в клуб каратэ к моему давнему другу Андрею, у которого я в своё время тренировался. Привёл её к нему, рассказал, в чём дело, Андрей принял и пообещал, что через год она сможет кого угодно превращать в нечто нечленораздельное. Так и вышло. Даже скорее. Она же фанатик. Месяцев семь прошло, она поймала этого урода, а он на две головы её выше, и при всех пацанах прямо во дворе превратила его в тренировочную грушу. Мне рассказала соседка, которая с внуком гуляла во дворе и всё видела. Был театр, хоть кино снимай. Альфа поймала момент, когда во дворе собралась мальчишеская компания с этим уродом. Подошла к ним метров на пять и крикнула «Эй, ты, дебил, иди сюда, я тебе яйца отоблю». Мальчишки засмеялись, урод был унижен. Он в раскачку двинулся на Альфу. И тут начался спектакль. Альфа нанесла ему два молниеносных

удара – в живот ногой и в челюсть кулаком. А реакция у неё, Юлиан Юрьевич, как молния. Парень сложился, но выпрямился и хотел её схватить, она увернулась, и он получил новую серию ударов ногой и кулаками. В общем, превратила его в тренировочный мешок с опилками. В конце концов верзила завыл «Мама!». Мать его ко мне вечером пришла разбираться. Ну, я ей всё объяснил и сказал, чтобы приглядывали за сынком, сексуальные у него аппетиты, может и в тюрьму загреть. Для закрепления авторитета Альфы привёз на следующий день Андрея. Его вся шпана в городе знает. Мы во дворе с часок посидели, Альфа с нами немного покрутилась. Этого оказалось достаточно, чтобы её стали бояться как огня, а тот верзила обходил за версту. Но закончилось всё это совершенно поразительно, Юлиан Юрьевич. Альфу как отрезало от двора и всех прежних тусовок. Стала домоседкой, пошла в творческие кружки, на гитаре она ещё в двенадцать лет выучилась, теперь пошла в танцевальный клуб, в литературный кружок, на английский налегла. Она ведь теперь по-английски шпарит как англичанка. Талантище! Всё даётся легко, всё усваивает с лёта. Глядя на это её преобразование, я начал трезветь. Дочь может собраться, выстоять, возродиться, а я как червяк. И к этому моменту преподносит сюрприз моя жёнушка-блудница. Исчезает с каким-то богатеньким буратино, и ни слуху, ни духу. Я было опять за бутылку, а Альфа посадила меня в кухне за стол, сама села напротив, и говорит мне: «Папа, пора остановиться. Завязывай. Будем жить вдвоём и докажем этой суке, кто мы есть. Ты же гений. И я тоже не индюшка какая-нибудь. Дай мне слово». И это всё произносит твёрдо – как приказ. У меня аж мороз по коже. И я дал ей слово. Поверите, Юлиан Юрьевич, с того дня у меня во рту не было ни капли алкоголя. Разве что бутылочка пива иногда. Она у меня, Юлиан Юрьевич, особенная, необыкновенная. И настойчивая. Что решила, то и будет. Стену прошибёт, а достигнет.

– Ай, как Вам повезло с дочкой! – воскликнул поражённый рассказом Арбелин.

– Она же меня спасла, моя Альфунча, я её так зову. Говорит мне: «Разводись. Квартиру мы приватизируем, чтобы её духу не было». Нашла мать через её подруг. Принудила подписать заявление о разводе и выписаться из квартиры. Мы потом её продали и купили теперешнюю, в элитном доме в центре города. Денежку я заработал... Да, и говорит: «Начнём свою жизнь. Мне такая мать не нужна. И ты её выкинь из сердца».

Истомин грустно улыбнулся:

– Легко сказать выкинь. Мне эта тварь до сих пор снится, я так и не женился, хотя желающих хватает. Как выкинуть из головы, не знаю. – он рассмеялся. – Может Вы поможете? Я, изучая Ваш сайт, понял, что сексуальную фасцинацию можно вытеснить.

– Сложновато, она же биологическая. Впечатывается намертво. А если на неё наслаивается ещё и фасцинация захваченности любовью, то можно только посоветовать. Древние римляне поэтому боялись любви. С Вами видимо подобная история и произошла. Тут уж ничего не поделаешь, только ждать и терпеть, пока не погаснет. – он озорно прищурил глаза. – А то попробуйте, Леонид Леонидович, делать, как советовал остроумный француз Ларошфуко. Если, говорил

он, вас разлюбили, побыстрее влюбляйтесь в другую. Или бегите к шлюхам. Народ, кстати, без Ларошфуко так и поступает.

Истомин усмехнулся:

– Пробовал. Не получается. Застряло.

Арбелин сочувственно покачал головой:

– Никто так Вас в этой драме не поймёт как я. Тоже такое пережил. Мы с вами относимся к племени мужчин-моногамов, нам подавай одну-единственную на всю жизнь. Опасная штука. Полигамам-бабникам легче, к ним-то и относится совет Ларошфуко. Я так же, как Вы, втрескался в красавицу. И был счастлив до потери пульса. Целых пять лет, сынишку родили. А через пять лет у неё разыграло либидо, она ринулась в блуд и бросила меня. Ничем не смог её удержать. На колени перед ней встал. Она только самодовольно ухмыльнулась. – Арбелин помолчал, потом встряхнул головой. – Шесть лет мучился. Потом как-то само собой наваждение исчезло. Вытеснилось, очистилась психика. Потерпите. Вы человек сильный. Авось перетерпится. К проституткам ходить не советую – они все без исключения больны всяческой заразой. Заведите любовницу.

– Пока во всяком случае никто не нужен. Обхожусь. А как с сердцем бывает, Альфа на своём опыте узнала. Провалилась и зависла.

– Она мне сказала, что её жених от неё отказался. Расскажите подробнее.

– Она втрескалась в парня, каких сейчас называют мачо. Красавец, франт, самоуверен, спортивен, душа компании и так далее. Да ещё и альфонист. А она ему под стать. Вы же видели, какая она. Спортивная, гибкая. Чудо!

Арбелин вставил:

– Выше всяких похвал! Струнка! Газель!

– Вот-вот. И она умнее этого мачо. Но старорежимная. Юлиан Юрьевич, ей уже двадцать второй год, а она – старая дева. До сих пор девственница! Невероятно в наш век!

– При её-то данных!? – поразился Арбелин.

– Я от жениха и узнал. Как-то по-мужски разоткровенничались после их помолвки, он мне и говорит «Она у вас как Татьяна Ларина у Пушкина. Постель только после ЗАГСа». Помолвка – год. Постель у них и не состоялась. После переломов она в инвалидную коляску переместилась. Я её к хирургам в Германию увёз, её собрали, коленную чашечку искусственную вмонтировали, и начал я её вытаскивать. А воля у неё героическая. В общем, коляску довольно быстро одолели, перешли на костыли. И тут-то произошло для неё страшное, что её и сломало. Случайно услышала она, у подружки на вечеринке, как он другу говорит «Не хватало, чтобы я на инвалидке женился». Всё в один миг рухнуло, отрезало. Надо знать её характер. Без разговоров ему вlepила: «Пошёл – откуда пришёл!» И провалилась. Да ко всему ещё и в своём факультете разочаровалась. И я никак не мог ей помочь. Замкнулась, ушла в себя, таяла на глазах. И вот неделю назад сижу утром на кухне, кофе пью, заходит она и вся сияет от радости. Поразительное зрелище. Вчера была поникшая, вялая, а утром смеётся и пылает. У меня челюсть отвисла. Это Вы её спасли. И меня вместе с ней. Я ведь оказался бессилен, хоть волком вой. А в ней у меня весь смысл жизни. Только бы она была счастлива.

Отец замолчал.

Арбелин переживал его рассказ, будто это была беда родного ему человека. Удивительных людей привела к нему судьба. И не подумал опытный учёный и мыслитель, что судьбой-то как раз и был для них он сам. Это он, его интеллект, открытая им и так глубоко понятая Альфой наука, притянули отца и дочь к нему. И спасла их.

Отец это понимал лучше Арбелина, как любой спасённый понимает лучше спасителя.

– Всё, что Вы рассказали, Леонид Леонидович, грустно и замечательно. Прекрасно, что вы с Альфой ожили. Приятно мне сознавать, что я вам помог. Остаётся мне только подтвердить, что беру Альфу в ученицы. С Вашего разрешения.

– О чём Вы, Юлиан Юрьевич! Какое разрешение? Я счастлив. Понимаете – я как отец счастлив, что она встретила Вас и будет учиться у Вас. Это просто чудо.

Истомин захлебывался от охватившего его чувства благодарности.

Арбелин остановил его:

– Ну, будет, будет меня благодарить. Первый шаг сделан – мы вместе. Рад, что Вы в нашей связке. Начнём работать. Делать великое дело – учиться и развивать новую науку. В Альфе я после Вашего рассказа полностью теперь уверен – потянет, и вполне возможно достигнет высот. Мне это греет душу как исследователю, мечтающему об учениках и соратниках. Женщины, кстати говоря, часто бывают в науке последователями лучше мужчин. Те так и норовят отпочковаться. Инстинкт доминирования. А женщины вернее, точнее. Будем надеяться, что с Альфой так и произойдёт.

– А я абсолютно уверен в ней. Она страшно целеустремлённая и рациональная. Не отстанет теперь от Вас веками веков. Вот увидите.

Арбелин улыбнулся:

– Буду только рад. Вспомнил случай на тему «не отстанет». Из истории древней Греции. Жил-был такой странный грек по имени Диоген. Это тот, который всему миру известен, как живший в бочке и искавший днем с огнём человека. Приехал из родного Синопа в Афины искать смысл жизни. Начал посещать одного за другим мудрецов-философов. И добрался до Антисфена-киника, учившего жизни умеренной, суровой, без излишеств и зависимостей, жизни свободной от роскоши, зависти, чревоугодия и прочих пакостей, унижающих свободный человеческий дух. Ужасно это Диогену понравилось, синхронизировало его душу с Антисфеном. Говорит ему: «Хочу быть твоим учеником, Антисфен!» Тот его послал подальше. Диоген не отстает. Тогда Антисфен схватил палку и давай Диогена лупить. Тот не сопротивляется, только говорит: «Лупи меня сколько угодно, всё равно не отстану!». Тот понял, что к нему пришёл настоящий последователь и принял его. Диоген стал не только его любимым учеником, но и превзошёл учителя в образе жизни и учении. Случается такое, Леонид Леонидович, что даже одна фраза переворачивает жизнь и делает человека верным учеником и соратником. Редко, но бывает такое. Хоть палкой бей.

– Вы Альфу хоть палкой, хоть плетью – не уйдёт от Вас. Она для себя поняла, что фасцинетика – это её судьба. А от судьбы уклоняться глупо. И судьбу в руках держите Вы. Так что она, как Диоген, теперь только с Вами.

– А мне вдвойне приятно учить такого очаровательного Диогена. – рассмеялся Арбелин. – Чего доброго меня обгонит, как Диоген Антисфена.

– Вас уже никому не обогнать. Вы – основоположник. А вот в соратниках она будет первая.

– Она уже альфа. После неё появился у меня ещё один последователь, Денис. Но он – второй. Альфа его опередила на два часа.

– Она у меня альфа во всём! – рассмеялся польщённый отец.

– И на гитаре, Вы сказали, умеет? И стихи сочиняет?

– Сочиняет! Она не только рационалистка, но и художественная, творческая девочка. Всё в ней есть.

– И это прекрасно. Всё сходится в Вашей дочери. Фасцинетику могут по-настоящему развивать только красивые и наделённые художественным воображением люди. Тот парень, что после неё пришёл ко мне на консультацию, талантливый повар. Я его присоединяю к нашему дуэту. Будет трио. Причём очень системное, дополняющее друг друга.

– Повар!?! – не удержался выразить удивление Истомин.

– Вот именно! И это тоже замечательно! У него в руках пище-вкусовая фасцинация, а она для всего живого на планете чуть ли не более важная, чем сексуальная. Сначала ведь надо быть сытым и не умереть, прежде чем сексом и продолжением рода заниматься, верно?

– Да уж. – рассмеялся Истомин.

– Мы с ним создадим новое направление в кулинарии, спасающее человечество от ожирения. Жирных-то, Леонид Леонидович, по всему миру полтора миллиарда уже. Зашкаливает.

– На каждом шагу. – поддакнул Истомин. – Иногда между животами не протиснуться.

– Вот мы и создадим кулинарию вкусной, но не провоцирующей ожирение еды. А Альфа возьмётся за клиническую фасцинетику, я её называю целительной. Спасающей от ожирения души. Ну, а я, грешный, буду их направлять.

Истомин был изобретателем, человеком творческим, выдумщиком. Того, что рассказала ему Альфа, что узнал он из сайта Арбелина, который, как и дочь, проштудировал полностью, что сейчас услышал от Арбелина, было ему достаточно, чтобы оценить грандиозность идей и проектов Арбелина:

– Юлиан Юрьевич, то, что Вы создаёте, гениально. Я других слов не нахожу.

– Возможно и так, – не стал отнекиваться Арбелин, – только, к великому сожалению, это в России-матушке всем по барабану.

– Неужели за эти годы никто не вызвался стать спонсором или оказать благотворительность!?

– Не будьте романтиком, Леонид Леонидович! Мой отец в подобных случаях говаривал: дадут, догонят, и ещё раз поддадут. Под зад. Миллиардер Болтанин что ли даст? Он тут как-то по ящику выступал, учил молодых уму-разуму. Я, говорит, денег никому не даю, я даю более ценное – учу, как их заработать. Ухотаться! Будучи министром, прихватил себе пару элитных заводов, стал олигархом и учит, как деньги зарабатывать. Каков наглец? Это меня-то он научит!? А кто тогда наукой заниматься будет? Пушкин? На проституткок миллион зелёных угрохают, свозят их в Альпы, а на науку гроша не дадут.

Глаза Арбелина пылали гневом.

– Да, они такие. – согласился Истомин. – Пальцем не пошевелят без выгоды.
– Теперь ведь как живут? По принципу «А что я с этого буду иметь?» Принцип духовного маразма...

Он вдруг вспомнил что-то, рассмеялся:

– Ладно, пошли все эти Болтанины с их яхтами и футбольными клубами в задницу, где им с их душонками и положено находиться. Я вот Вам смешную историю на эту тему расскажу. Пришлось участвовать мне года два назад в книжной ярмарке в Москве. Книгу свою о партнёрском общении привёз. Её одно слабенькое московское издательство в свой показ включило, знакомый устроил. И прилепился ко мне, с его же подачи, один хмырь, с забавной фамилией Мурдашкин. Не просыхал ни дня. Но чуточку богатырский. И всё вычислял, сколько на мне можно зарабатывать. По его пьяным подсчётам выходило, что миллионы. Пообещал организовать мне рекламу на выставке, небольшой буклетик запустить. Стоило бы это ему всего-то от силы тысяч пять, в рублях. Рожа блудливая, мурдашливая, но я человек внушаемый, поверил в его пробивные способности. И вот в один из дней, к вечеру, когда выставка уже закрылась, зовёт меня в кафе. Там же, на бывшем ВДНХ, сейчас, кажется, ВВЦ называют. И вижу, тащит с собой двух крупногабаритных дам, как выяснилось, библиотекарей. Одна всё же в форме, на неё он и положил глаз, а подруга её размерами с дирижабль. Понятно, что меня он не имел в виду в её ухажёры, просто за компанию. Посидели часа три, он наклюкался, дамы напились-наелись и – улизули. А он просадил на весь этот пошлый спектакль пятьсот долларов. На три буклета хватило бы. А буклета я так и не увидел. Да он ещё и пачку моих книг, которые я привёз, утянул безвозвратно! Вот она психология российского бизнесмена. От мелкого «купи-продай» до олигарха. Какую тут ждать помощь науке!? Друзья богатенькие и те копейки на издание журнала не подбросят. Глухота! А российских благотворителей я боюсь, откровенно говоря. Был у меня очень поучительный опыт общения с одним мелким благотворителем. Благотворитель мелкий, а урок дал мне на всю жизнь. Адольф Поллюк звать. Выложил таким широким жестом щедрого бизнесмена тысячу долларов на издание журнала. У меня как раз затруднения с изданием были. Ну я, дурень, и поверил в его романтизм и чистоту, обрадовался такой выручке, взял. Через три года появляется у меня этот Подлюк и говорит: «Я на мели, верни мне ту тысячу». Каков гусь, а, Леонид Леонидович? Расплакался, как ему трудно и так далее. Одним словом, мудак обанкротился и забыл о чести и достоинстве.

– И Вы ему вернули?

– Жалко стало. Наскрёб, что было, выложил ему и попросил никогда в жизни ко мне на порог не показываться. Пришлось несколько месяцев пояс подтянуть. С тех пор благотворителей сторонюсь. Да и нет их.

– Добрый Вы человек, Юлиан Юрьевич. Таких благотворителей с лестницы надо спускать.

– Не умею. Да чёрт с ним, где-то он с такой душонкой сам башку свернёт.

Денежные темы напомнили Истомину, что надо бы обговорить сумму гоноара за Альфу. И прикинуть, чем он при его скромных ресурсах мог бы помочь в развитии фасцинетики. Она уже вошла в его сердце.

– Юлиан Юрьевич, скажите, чем я мог бы Вам помочь. По мере моих возможностей.

Арбелин почесал переносицу, озорно глянул на Истомина:

– Ну, томограф за миллион долларов, как я понимаю, Вы не сможете купить. А он нужен в первую очередь для экспериментов. Нейрофизиологов ещё ждать да ждать, пока обратят внимание на феномен фасцинации. А время не ждёт. Без нейрофизиологических экспериментов фасцинетику не продвинуть. Нужен томограф. И не просто томограф, каких теперь в медицине завались, а наисовременнейший, с помощью которого можно наблюдать нейронные изменения в глубинных структурах мозга при восприятии сигналов фасцинации. Это дорогая штукавина.

Истомина реплика Арбелина, вовсе не ехидная, несколько встряхнула. Реальное развитие фасцинетики он мало себе представлял:

– Не потяну. Не та планка у меня.

– Не принимайте, Леонид Леонидович, мои слова как упрёк. Это я к тому говорю, что дела никому нет. А мне нужна хотя бы лаборатория, небольшой штат исследователей, томографы и прочая аппаратура, издание журнала, проведение симпозиумов, и так далее. А пока я – один. И вот теперь Альфа и тот паренёк, повар, о котором я сказал.

– И я, Юлиан Юрьевич. Примите и меня в свою команду. Будет квартет. Я буду полезен своим небольшим материальным ресурсом. Не как благотворитель, а как участник всех ваших дел. Примете?

– Считайте, что Вы в команде. Только мне как-то неловко насчёт материального ресурса. Я-то чем смогу Вас отблагодарить?

– Юлиан Юрьевич, Вы спасли дочь и меня. Мы у Вас на всю жизнь в долгу. И никаких неловкостей. Вот Вы сказали про помещение. Может снять в аренду? Можно будет проводить встречи, семинары, организовать какую-то научную фирму.

Разговор перешёл в деловое русло. Арбелин к нему не был готов:

– Леонид Леонидович, всё это надо обдумать. Помещение сейчас не нужно, сначала интеллектуально потрудимся, войдём в режим творчества. А если что-то понадобится, то встретимся, обсудим. Пока достаточно гонорара за Альфу. Что если Вы будете давать мне за её обучение триста долларов в месяц?

– Всего триста!? – поразился Истомин. – Да Вы что, Юлиан Юрьевич! Нет, нет, этого мало. Хотя бы тысячу. То, что Вы будете ей давать, бесценно!

– Триста и закончим. А, возможно, я и копейки брать не буду. Посмотрю на её таланты. Ни слова больше об этом!

– Понял. Но если будет нужна машина, оплата журнала, мобильного и так далее, только скажите, я всё это обеспечу.

Расставались дружески.

Арбелин был доволен. Отец добавил уверенности, что в лице Альфы судьба привела к нему соратника и работать теперь будет и легче, и веселее. Он красивых людей любил, а некрасивых сторонился.

Уже уходя, у двери, Истомин осмотрел замок. И сказал со всей уверенностью профессионала:

– Юлиан Юрьевич, замок у Вас никудышный. Пара пустяков открыть любому домушнику. Я советовал бы поставить новый, мой. Его никто не откроет. А ещё лучше поставить и другую дверь вместе с замком. Я сделаю это часа за три. Хоть завтра.

Арбелин совету Истомина тотчас внял.

Позавчера, на прогулке, вспомнил он об ответе Анны Ахматовой на вопрос кого-то из друзей, как узнать, не приклеился ли к вам шпик. «Когда приклеится, – сказала Ахматова, – сразу почувствуете». Арбелин во время своего утреннего исследовательско-оздоравливающего моциона, как он его окрестил, ежедневного похода по мусорным площадкам округа, заметил невзрачного вида мужичка, который шагал вслед за ним, причём на завсегдатаев мусорок, ходунов, как он их называл, мужичок не походил. Да и знал Арбелин всех ходунов наперечёт, со многими был знаком. Этот был посторонний. И вчера вновь увидел его. Причём мужичок в мусорные баки, как делают все ходуны, и сам Арбелин изредка, не заглядывал. Значит шпик, подумал Арбелин, и снова выругал себя за то, что чёрт дёрнул его писать в ФСБ. Начали, видимо, проверять его на всхожесть.

Мужичок, которого заметил Арбелин, был Ляушин. Опытный агент не мог и предположить, что так запросто будет разоблачён. Но ведь по мусоркам-то ему никогда не приходилось ходить!

– Хорошо, поставьте. – согласился Арбелин. – Завтра с утра и приступайте. Во сколько приедете?

– Если Вас устроит, утром, часиков в девять.

– Годится. Сколько это будет стоить?

– Обижаете, Юлиан Юрьевич. Это мой вклад в безопасность фасцинетики. – улынулся Истомин.

На следующий день у Арбелина стояла непробиваемая дверь с секретным замком, неподвластным ни одному домушнику и тайному агенту. Установка жучков исключалась. Правда, оставались незащищёнными ещё окна и лоджия...

Часть шестая

ВЕСЁЛОСТЬ ДУХА, ВЕСЁЛАЯ КУХНЯ И МУСОРКИ

Прошёл уже почти месяц, как Денис перебрался в Бург. Денежный запас таил, надо было устраиваться на работу. Теперь, после встречи с Арбелиным, он совсем по-другому смотрел на жизнь, на свою профессию, на будущее. Работа нужна была для заработка, остальное время будет посвящено целиком и полностью учёбе и экспериментам. Так он решил.

Роман Кукуев еще раз предложил работать у него, даже кафе под него учредить, но Денис отказался – не хотел попадать в зависимость, хотя бы и дружескую, ценил полную свободу. Значит надо что-нибудь подыскать, для начала

может и не столь уж превосходное. В газете объявлений о работе наткнулся на приглашение из колледжа культуры: нужен был помощник повара.

На следующий день поехал в колледж и спустя час был уже зачислен в штат студенческой столовой. Директриса сначала несколько оторопела от тощего вида Дениса, но когда он показал кипу грамот и дипломов о победах в разных кулинарных конкурсах, обрадовалась и тут же выразила готовность принять его без всякой проверки.

Денис вышел на работу и в первый же день поразил коллектив столовой своей поварской сноровкой.

Вид его был столь необычен для образа повара, что студенты колледжа, — а ими были в основном девушки, — приходили стайками на него поглазеть и хихикали, делись между собой ироническими впечатлениями о его телосложении.

Закончив первый трудовой день, Денис в прекрасном расположении духа колесил на своей милой «Окушке» по городу, решив прокатиться, без спешки поглазеть на город, к которому надо теперь привыкать. Город начинал нравиться. Столько приятных сердцу впечатлений! Отличная квартира. Дружелюбный и готовый помочь Роман. Поразительная встреча и разговор с Юлианом Юрьевичем. Открывающиеся неожиданные и потрясающие перспективы на будущее. Лёгкость поступления на работу в хорошую столовую. Голова кружилась и город начинал светиться радужно, не так, как в первые дни после переезда, когда он казался огромным, нелепым и мрачноватым.

Приехав часа через два домой, достал из почтового ящика рекламную газетку. Уже перед сном просмотрел её по диагонали. Но так уж, видимо, задано было судьбой, что глаз наткнулся и не пропустил взволновавшее его рекламное объявление. Это было приглашение к кулинарам участвовать в городском празднике-конкурсе тортов, объявленном местным Министерством торговли и кондитерской фабрикой.

В кондитерских конкурсах Денис участвовал не раз и получал призы. Объявление он воспринял как подсказку идти и приобщаться к кулинарному сообществу Бурга. По опыту знал, что участие в кулинарных конкурсах, особенно завоевание призов, сразу увеличивает во много раз и знакомства, и профессиональные контакты, и внимание тех, кому услуги кулинаров нужны, а значит последуют заказы и гонорары. «Завтра же съезжу в оргкомитет, может допустят, — решил он. — а если допустят, надо взять приз». И только он принял решение, как вспомнил о Юлиане Юрьевиче и фасцинетике. Через два дня у них намечена встреча. И он попросит его помочь придумать такой торт, который окажется вне конкуренции.

И сон Дениса в эту ночь был сладок, как торт, и без примеси мстительных сюжетов.

На следующий день с волнением шел Денис в оргкомитет, прихватив дипломы и награды. Дамы, принимавшие заявки, были удивлены не столько его

призами, сколько внешностью: таких поваров никто из них не видывал. Тощий как щепка и при этом вовсе не вялый, а жилистый и натянутый как тетива, Денис мгновенно впечатывался в память, вызывая любопытство, причем любопытство это всегда соединялось с симпатией. Толстые упитанные повара настолько приелись, что не вызывали никаких эмоций, кроме ассоциации «и этот жирненький... как повар». Денис был тощий и высокий, он выделялся. Без всяких возражений дамы из оргкомитета, пошутив между собой, что он со своей внешностью станет на конкурсе фишкой, приняли его заявку.

Оставалось, как решил для себя Денис, за немногим – не просто участвовать в конкурсе, но победить. Победа нужна была во всех смыслах. Да и чем лучше всего входить в новый кулинарный дом как не с призовым успехом. Но как победить? Участники конкурса, в этом Денис был уверен, будут не какие-нибудь тят-ляп повара-рёнки из провинции, которых он запросто укладывал на лопатки, а мастера, возможно из когорты победителей, как и он, и победителей масштаба покрупче.

И снова мысль обернулась к Арбелину: как применить фасцинацию к торту, как придумать торт неотразимо взволнующий публику и жюри...

Железо куётся пока горячо. Арбелин дал молодым своим адептами всего неделю на то, чтобы основательно поразмышляли над присоединением к нему и фасцинетике, а затем позвонил им и призвал обоих на первую учебную встречу.

Альфа с Денисом были точны, приехали как и условились в субботу ровно в два часа. Арбелин наметил поработать с ними часа три, не меньше.

Представил их друг другу:

– Коль вы оба становитесь моими учениками, то почему бы вас не познакомиться. Будем работать вместе.

Альфа с Денисом дружелюбно переглянулись, назвали себя, пожали руки.

– Что ж, сядем рядком, да поговорим ладком. – Арбелин усадил их в кресла у журнального столика. Встал и произнёс торжественным тоном: – Позвольте вас поздравить, дамы и господа! Сегодня у нас знаменательный день. Мы открываем новый и единственный в мире университет фасцинетики. Бурные аплодисменты.

Озадаченные столь необычным началом, Альфа с Денисом встали и зааплодировали.

Исполнив импровизированный ритуал, Арбелин сел, приглашая и учеников сесть поудобнее.

– Поработаем сегодня долго, часа три, а то и больше. Заложим фундамент нашего университета. Потерпите?

– Да, да! – в голос ответили Денис с Альфой.

– Чудесно. А начнём с правил, которые я попрошу вас запомнить и будем им следовать неукоснительно. – он улыбнулся. – Первым и самым важным правилом нашего общения будет **весёлость духа**. Заметьте, не веселье, а именно весёлость. Веселье – производное от весёлости. Веселиться не всегда уместно, а вот терять весёлость духа не стоит даже перед смертью. Так учил великий мудрец

Сократ. Перед тем, как по приговору суда выпить яд, он внушал окружающим его родным, ученикам и друзьям, которые погрузились в печаль, не расставаться с весёлостью духа. Замечательный наш учёный Любичев предполагал, что в человеке заложен ген весёлости, он называл его геном гилляризма. И рекомендовал всем, как и Сократ, не расставаться с весёлостью. По-другому, это можно назвать оптимизмом с прибавкой иронии и юмора. Жить надо с настроением, с улавливанием всего, что вызывает радость и подъём. Щебет птиц, мигание звёзд, детский смех. Плохого хватает, опасностей выше крыши, уродство, как верно сказал Жюль Ренар, в жизни преобладает, но акцент надо делать на весёлость и тогда можно жить, и горы можно свернуть. Сократ интуицией мудреца понял: всё, что вызывает активность человека и особенно его мышления, зависит от хорошего настроения, а им можно руководить только установкой на весёлость духа. Это первейшее правило дисциплины ума.

Я потому ещё нацеливаю вас на весёлость, что эта абсолютная как музыка фасцинация создала человечество. Это моя гипотеза, возможно антропологи её высмеют. Но ведь они ничего пока не знают о фасцинации. Ни в одном антропологическом труде о ней нет ни звука! Борис Поршневу в своей безумной гипотезе происхождения человека заикнулся на интердикции, на запретах и подавлении, и полностью игнорировал чарующую коммуникацию и радостное общение. И меня крайне удивило то, что к тому времени, когда он разрабатывал свою теорию и публиковал её, было уже известно открытие Юрием Кнорозовым фасцинации.

А суть моей гипотезы вот в чём. Миллион, а скорее всего даже более миллиона лет назад, наши обезьяноподобные предки стали приплясывать, отбивать ритмы ладонями, палками, примитивными трещотками и бубнами и, наверняка, мелодично мычать, пытаться модулировать свои радостные эмоции. Как только в ход пошёл весь этот синкретичный арсенал весёлости, доводящий до неистовства и экстаза, так предок наш превратился в существо социальное и говорящее. Именно неистовая весёлость и её фасцинирующие средства создавали дух единения, дружелюбия, сплочённости в единое «мы», сформировали дружеское и любовное общезнание, мышление, воображение и речь. Предок превратился в жизнерадостного экстраверта, а это и есть уже человек. Так что в основе происхождения гомо сапиенса лежит не только совместный труд, но также и фасцинация с её огромным и мощнейшим потенциалом эмоционального притяжения и объединения. Великий закон биосоциального притяжения – это закон фасцинирующей коммуникации. Запуганный интердикциями, депрессирующий предок не смог бы дорасти до разума, интердикция и депрессия тормозят креативность и воображение, вгоняют в угнетённость и уныние духа. Более того, как показали последние исследования нейробиологов, пессимизм и угнетённость тормозят восстановление нейронов мозга и разрастание их продуктивных связей, значит тормозят интеллект и креативность мышления. Без совместной радости и весёлости наш предок не мог бы оторваться от своих обезьян-собратьев, выстоять и выйти победителем в беспощадном окружении хищников. Там, где весёлость духа, там человек и жизнь, а там, где угрюмость и мрачность – злобно-агрессивное животное и патология. Единение, спаянность удешевляла энергию и мощь небольших групп предков. Фасцинация смеха и весёлости привела их к

доброжелательной социальности и закрепила единство и сплочённость. И первым настоящим гомо сапиенсом стал в каменном веке экстраверт-трикстер с его необузданным воображением и пассионарностью, весельчак, заводила, комедик и авантюрист. Это от него пошли все мыслящие выдумщики, шаманы и колдуны, эти первые в истории человечества философы и учёные, а потом политики, вожди-харизматики и социальные реформаторы.

– А знаете, что меня подтолкнуло на такую гипотезу? – вдруг весело засмеялся Арбелин. – Наблюдение за детьми и собаками. Моя младшенькая дочь, Дашенька, подвижная, веселая, буквально с годика, как только начала ходить, пристрастилась к игре, которую я придумал. Изображаю из себя тигра, рычу и догоняю её, а она спасается, визжит и носится по квартире, а я за ней. Удовольствие испытывает неопишемое, аж вспотеет. До сих пор у нас эта игра продолжается, а ей уже 9 лет. Мы с ней после развода с её матерью в разлуке, приезжает ко мне в каникулы, два раза в год – в январе и летом. И как приедет, просит: «Папа, побегай за мной». Веселье, страсть, азарт, подвижность. А в один из приездов рассказала: «Папа, я тебя во сне видела, как ты за мной гонялся. Погоняйся». В подсознание впаялась весёлая игра. А ещё зацепило мой мозг, что и дома, а особенно на улице, она часто ходит вприпрыжку, прыг-скок, прыг-скок. Весело! Обратил внимание, что и другие дети прыг-скок любят, особенно девочки.

– Да, да, я тоже любила вприпрыжку. – встала Альфа.

– А когда у неё радость, она прыгает, подскакивает и смеётся.

– А я и сейчас от радости прыгаю и кручусь.

– Вот видите, рефлекс веселья и радости проявляется физически в движениях, напоминающих пляску.

– А я, Юлиан Юрьевич, когда у меня прекрасное настроение, ещё и танцую. – засмеялась Альфа.

– Прекрасно! А ещё я обратил внимание, как ведут себя собаки. Люблю из окна смотреть, как они носятся друг за другом. Выведут соседи гулять, а собаки разных пород и размеров, но тут же между ними начинается дружелюбие и игра, бегают, кувыркаются, одно удовольствие смотреть, как они веселятся. Вот дети и собаки подтолкнули на идею, что наши первобытные предки не могли пройти мимо этого эволюционного механизма радостного реагирования и оно закрепилось в пляске. Какое-то радостное событие, скажем, успешная охота или отпугивание опасного хищника, тут же радостные возгласы и прыжки, а когда группой прыгают, тотчас стихийно создаётся подлаживание и синергетический ритм, вот вам и совместная пляска радости. Заводила этой стайной радости – самый весёлый и гибкий предок, он-то и стал массовиком-затейником, трикстером. А пляска, танец, групповой ритм удивительным образом сближают участников групповой радости, создают психологию добродушия и весёлой доброжелательности, любовного единства. Все игры в детских садах на такой вот синергетике строятся. И совершенно правильно. А взрослых, которые умеют завести детей на веселое прыгание, догонялки и припрыжки, дети очень любят. Педагогика вообще должна быть fasciniрующей, весёлой. Весёлось развивает мозг и психику. Одним словом, вот так у меня и родилась гипотеза fascиногенного антропогенеза. В подтверждение идеи убедительный материал подтянулся со всех сто-

рон. Особенно из этнографии, я ею увлечён ещё с аспирантских лет. Абсолютно все архаичные племена нашей планеты пляшут и танцуют до упаду, до экстаза и транса, и по любому случаю: от удачной охоты и сытого застолья до тотемных и траурных ритуалов. Танцевальная коммуникация, сопровождаемая ритмическими прихлопываниями-постукиваниями и вокальными возгласами, эволюционно самая древняя у человечества. Она уходит корнями в животный мир. Некое подобие танца обнаружено у шимпанзе! Что уж говорить о наших смыслённых предках. Более того, массовая радостная фасцинация пляски и стала, как я предполагаю, чуть ли не главным инструментом социальности и появления дружелюбного смыслового общения и разума. Она скрепляла всё позитивное в единый узел эмоциональной креативности, воображения и выдумки.

– Я точно первобытная! – восторженно выдохнула Альфа. – Люблю скакать, танцевать и петь. Я заводная.

– Трикстер! – улыбаясь, вставил Денис.

– Да, да, я трикстер в юбке! – засмеялась Альфа.

Арбелин подвёл черту под первым правилом:

– Так что, друзья мои, побольше иронии, шуток, смеха, веселья, энергичного тонуса и настроения. Фасцинетика – наука весёлая, она в первую очередь для трикстеров всех мастей. Понятное правило?

Начало продолжало быть неожиданным и волнующим, сдержанный Денис улыбался, а эмоциональная Альфа засмеялась:

– Вот бы во всех университетах такое правило. А то ходят кислые да хмурые, смотреть тошно.

– Я потому в университеты и не заглядываю. – улыбнулся Арбелин. И продолжил: – Правило второе – о нашей осторожности и безопасности. Весёлость духа должна быть всё же бдительной, а не беспечной. Народонаселение российское кишит шпионами, доносчиками, хакерами, мошенниками, завистниками, параноиками и прочим скучным и злонамеренным людом. Возможна агрессия. Нужна конспирация, обособление, секретность. Я вот говорю эти слова и подумываю, а нет ли у меня жучков, не подключён ли я уже к прослушке.

– Вы – к прослушке?! – опешил Денис. – Кому это надо?

– Опыт печальный имею и запомнил его навсегда. Лет семь назад на Севере, в Ноябрьске, славном граде нефтяников, был я чуть не убит по заказу тамошнего мэра. Я обеспечивал выборную кампанию его конкурента и он страшно боялся проиграть. А кампанию его вела московская фирма политехнологов, составленная из вышедших в отставку кэзгбешников. Грамотные ребята. Они меня прослушивали дистанционно, из дома напротив. Прослушиванию дистанционно по вибрации оконных стёкол российских чекистов ещё Лев Термен научил в тридцатые годы. Сталин ему сталинскую премию первой степени дал за это изобретение. И вот ко мне пришёл один из наших информаторов и рассказал, что у мэра сын и дочь наркоманы. И принялся долдонить, как это можно против мэра использовать. Мол, у мэра дети наркоманы, какой же он мэр. Хотя город-то небольшой, тысяч сто, многие и без того знали о семейной трагедии мэра. Я от мысли этой напрочь отказался, не признаю метода бить ниже пояса. Но у страха глаза велики, мэр был подловатый мужичок, бывший секретарь парткома при

советской власти. Кэгэбешники ему донесли и приукрасили. И нанесли по моему черепу упреждающий удар, чтобы не успел запустить агитку. На следующий день два амбала в подъезде мне башку расколотили железяками. Я был простофилей, ходил без охраны. Цель была у мэра банальная – уложить меня в больницу, исключить из выборной кампании. На моё счастье, били удачно, кровищи было море, а отделался только рваными ранами и лёгким сотрясением. В больницу даже не лёг, выстоял. Вот она прослушка!

Альфа оцепенела:

– Звери!

– Жизнь, Альфа, занятие не для слабонервных. Всегда надо быть начеку. Поэтому эволюция и снабдила все живое системами осторожности и чуткого наблюдения за опасностями. Устрашающей фасцинацией. Запомните этот термин, его нигде пока нет. Радость и страх – родные братец с сестрёнкой. Фасцинация – это очарование, но и страх тоже. Будем осмотрительны. Должен вам признаться, что я совершил поступок, как теперь думаю, поспешный и неосторожный. Обратился в ФСБ с проектом создания научно-практического центра антиэкстремистской фасцинетики. Чуете замысел? Я вам дам копии моего послания, дома почтаете. Вполне вероятно, что сейчас установили за мной слежку. Для профилактики. Я под слежкой всю жизнь живу, с тех пор, как забросил карьеру и ушёл в свободные художники, по советским понятиям стал тунеядцем. Чуть не загремел в места неуютные. Очень тогда мной интересовались. Весело было.

От свалившейся информации Альфа с Денисом притихли.

– Что, напугал? – рассмеялся Арбелин.

Альфа встрепенулась:

– Это так неожиданно...

– Продолжаем? Или расходимся, вежливо пожав друг другу руки?

Арбелин зорко глянул в глаза Дениса:

– Юлиан Юрьевич, говорите, что нам нужно для конспирации. – ответил Денис.

– Да, да, что? – подхватила Альфа.

– Когда будете приходить ко мне, оглядывайтесь, нет ли хвоста. Звонить только по делу и никаких обсуждений по телефону. Россия – страна зоркая, на Тимуре и его команде возвращена. Значит, оглядка, молчок, чок-чок – зубы на крючок. Никому, только мы и больше никто ничего не должен знать. Академик Сергей Лихачёв, земля ему пухом, рассказывал с юмором, как они с друзьями в юношеском возрасте создали шутивную «Космическую академию наук». Их выявили и причислили к разряду английских шпионов. И он загремел в Соловки на десять лет. Чудом остался жив.

– Но ведь сейчас это уже позади, времена другие! – воскликнула Альфа.

– Согласен. Но Россия – страна с непредсказуемым прошлым. Лучше поостеречься. Мало ли какому невежественному охлопусу померещится в фасцинации государственная опасность. Он помолчал. Затем показал на компьютеры: – Видите у меня два компьютера? Я один, а компа у меня два. Что это значит? Догадайтесь.

Альфа потеряла лоб:

– Один для игр?

– Денис, а Вы как думаете?
– Ну... может один для архива?
– Это ближе. А играми я не увлекаюсь, некогда... Разгадка в конспирации. Один у меня подключён к Интернету, качай с него, что хочешь. А второй не подключён. И на нём вся моя творческая мастерская. Вся осмысленная жизнь моя на нём. Тысячи файлов. А почти и всё остальное интернетовское, вот на том, что слева от моей рабочей лежанки. Я работаю лёжа, привык и по-другому не могу.

– Как здорово! – Альфа смотрела на Арбелина восторженно. – Ведь действительно, хакеры могут скачать что угодно, хоть весь комп.

– И скачивали. Я это давно обнаружил. И тогда отделил творческие свои дела от выхода в Интернет. И вам советую так сделать. Творчества у вас теперь будет по возрастающей, и много такого, что не для чужих глаз. Сможете второй компьютер купить?

– Я завтра же куплю. – кивнула Альфа.

Денис почесал затылок:

– Пока не смогу. Ещё не заработал.

– Ну, это ведь не к спеху. – успокоил Арбелин. – Заработаете, работы у Вас будет в этом городе сколько угодно, хорошие кулинары на вес золота.

Он с мягкой улыбкой, будто извиняясь, сказал:

– Ещё вот что попрошу вас. Всё, что будет между нами, – никому. Только вы и я. И больше никто.

– А моему папе, Юлиан Юрьевич?

– Папе можно, он в нашей команде. Но его нужно предупредить. Ну что, друзья, невесело?

– Наоборот, Юлиан Юрьевич! – улыбнулся Денис. – Аж мурашки. Вроде тайная организация.

– Орден фасцинетики! – подхватила Альфа. – Масоны. Розенкрейцеры.

Она картинно надула щёки.

– Вон куда вас понесло! – рассмеялся Арбелин. – Орден, организация, масоны... – и вдруг прервал смех: – Постойте, постойте... Прекрасно, друзья мои. Почему бы и нет? У нас получается действительно нечто особенное. Первое в мире маленькое сообщество фасцинетики, причём ещё и конспиративное. Один великий выдумщик, Алик Однокашников по прозвищу Альберт Эйнштейн, с двумя закадычными друзьями в молодости создали академию под названием «Олимпия». Перед смертью Эйнштейн говорил, что это лучшая из академий, в каких ему приходилось участвовать. Трое. Триумвират. Академия... Давайте и мы создадим сегодня нашу академию – академию фасцинетики!

– Академия, академия! – захлопала в ладоши Альфа. – Правда, Денис?

– Мы же, Юлиан Юрьевич, желторотые. – улыбнулся Денис. – Какие мы академики, нас ещё учить надо.

– Денис, не боги горшки обжигают. В твоём возрасте юноша Исаак Ньютон закон всемирного тяготения открыл. Без всяких академий. А учиться мы уже начали. И будем решать проблемы, экспериментировать, придумывать. Как и положено в Академии. Платон с друзьями и учениками прогуливался, беседуя, по саду грека Академика. Оттуда и название. Академия – это же не здание, а

свободные беседы о познании мира. Платон был учеником Сократа. Сократ весь пронизан иронией и выдумкой, таким стал и Платон. Знаете, какое он придумал определение человеку? Это существо, лишённое шерсти и перьев. На что другой весёлый выдумщик, Диоген, что жил в бочке, поймал петуха, ощипал его под нулевку, выставил на торговой площади афинскому народу и провозгласил: «Вот он – человек!» Радостный народ был древнегреческие философы, знали толк в весёлости и игре. Вот и мы будем познавать фасцинацию, непринуждённо беседуя в нашей Академии. Авось что-то дельное и придумаем.

– Надо название и эмблему. – проворковала Альфа.

– Только жизнерадостную, не чопорную... Олимпия уже была, не подойдёт...

– Может «Эврика»? – предложил Денис.

– Красиво, но приелось. Чего только эвриками после Архимеда не называют. – возразил Арбелин.

– Я придумала! Академия «Альфа»! – воскликнула Альфа, и мгновенно прикрыла рот ладошкой.

Арбелин метнул на неё восторженный взгляд:

– Альфа. Академия фасцинетики «Альфа». Оригинально. А, Денис?

– Красиво. Я «за»! – улыбнулся Денис Альфе.

Альфа сияла, она была счастлива.

– В академии «Альфа» объявляется перерыв. – Арбелин встал с кресла. – Идём на кухню, я сварю кофейку, посплетничаем.

Кухня была небольшая и экипирована строго функционально – ничего лишнего. Гурманством, роскошью и кучей кухонных современных наворотов и не пахло. Всё просто, чисто, эстетично. Денис, как кулинар, сразу отметил, что у Арбелина только самое необходимое и экологичное – нигде синтетики, пластмассы, алюминия, только эмалированное, стеклянное, фарфоровое.

– У Вас, Юлиан Юрьевич, кухня экологическая. – поделился он своим впечатлением.

– И эстетическая. – добавила Альфа.

Арбелин польщено улыбнулся:

– Фасцинирующая?

– Очень, – подтвердила Альфа, – образец простоты и дизайна.

– Сам выдумал. Я же создаю сейчас экологическую фасцинетiku. Это будет наука о конструировании человеком своей среды обитания по законам фасцинации. Включая жилище и кухню. Раньше много лишнего было. Когда был женат. Как только жена бросила, так потянуло заняться кухней. Всё ненужное выбросил. Вы заметили, какая у меня посуда?

– Приятная. – оценила Альфа.

– И удобная. – добавил Денис.

– И весёлая! – воскликнул радостно Арбелин. – Посуда обязана создавать хорошее настроение, быть не чёрной и коричневой, а белой или нежно кремовой

любых светлых оттенков, с весёлыми рисунками или орнаментом. Особенно это необходимо для детей в детских садах и школах. Сейчас я вам покажу разницу. – Арбелин достал из посудного шкафа две небольших тарелочки, поставил их на стол рядышком. – Всё познаётся в сравнении. Ну как, есть разница?

– О, ещё какая! – воскликнула Альфа. – Я стала бы есть вот из этой.

Она показала на белую тарелочку, украшенную радующими глаз рисуночками земляники с зелёными листиками.

– Я тоже. – высказался Денис.

– Это моя тарелочка. Люблю её. – пояснил Арбелин. – А вторая – из детского сада. Какая-то невыразительная, не то жёлтая, не то светлокоричневая, грубоватая, и ни единого рисунка или орнамента. В этот детсадик моя младшая дочурка ходила. И я с разрешения заведующей эксперимент провёл. Выложил на стол в кучу тарелочки вот такие, как эта, скучная, и мои весёлые, купил их пятнадцать штук. И говорю детям: «Выберите себе тарелочки, из которых вы хотите кушать». И детки выбрали все до единого весёлые тарелочки. Заведующая все старые выбросила и закупила весёлые. Ну как из хмурой тарелочки ребёнку есть? Скука. А нужна посуда весёлая, побуждающая к хорошему настрою на еду. Это элемент жизнеутверждающей среды, фасцинации настроения. И аппетит повысится. И запомните навсегда, вам обоим ещё долго жить: наполняйте свою жизнь фасцинацией везде и всюду. В еде, в жилище, в одежде, в общении, в обиходных предметах – везде. Жизнь желательно делать радостной, это вроде все знают, а о том, что радость создают и стимулируют сигналы фасцинации, мало кто осведомлён. Без них радости и хорошего настроения не бывает. Эволюция ведь создала фасцинацию не для потехи. Её эволюционная функция серьёзнейшая – надёжно управлять защитным и чарующим поведением живых существ. Сигналы фасцинации обладают только им присущим свойством мгновенно мобилизовать поведенческие реакции. А мгновенные реакции как раз и нужны для защиты, сохранения жизни. И для эффективного привлекающего поведения, в первую очередь пищевого и сексуального. Многие психологи советуют управлять настроением и радостью с помощью самовнушения. Это неплохо, но мало кто этим пользуется. Сложновато самому себе что-то внушать. В хмурой антифасцинативной обстановке хоть тресни, ничего радостного себе не внушишь. А гораздо проще подключать стимулятор, созданный эволюцией, только и всего. Сигналы фасцинации – вот стимулятор радостных эмоций. Но этому следует научиться, мало кто владеет таким инструментом. А он вовсе не труден. Приведу пример. На себе испытал и отлично действует. Я сова, а совы утром просыпаются поздно и тяжело, вялость и лень обуревают.

– Точно! Я тоже сова. – встала Альфа. – Люблю поваляться утром.

– Что я придумал и много лет применяю? Проснувшись, начинаю ловить и создавать сигналы фасцинации. Солнце для меня – лучший помощник, оно и есть наипервейший для жизни сигнал оптимистической фасцинации. Связь самая что ни на есть прямая. Выглядывает солнышко, влетает в кабинет солнечный свет, тут же в организме всплеск серотонина, на душе веселее, радостнее. Смотрю на свою фотогалерею – душа поёт. Включаю какой-нибудь оптимистический марш Дунаевского с его потрясающе фасцинирующими ритмами, уже совсем

хорошо, вялость исчезает стремительно. Встаю и потягиваюсь на турнике. Не подтягиваюсь, а потягиваюсь. Телесная радость. А потом заглядываю в почту, в статистику своего сайта, опять приятно, смотрит народ по нарастающей. Так по клеточкам, по подключению разных сигналов фасцинации организм начинает входить в бодрый тонус и хорошее настроение. Ну и, непременно, творчество. Чем лучше настроение и бодрее тонус, тем продуктивнее и креативнее работает мозг, а это тоже радость. Так что, друзья мои, ловите и насыщайте жизнь сигналами фасцинации, и никакого самовнушения не понадобится. И даже кухня должна быть преобразована в систему сигналов фасцинации. Тарелочки должны тоже петь и плясать!

Альфа с Денисом восторженно переглянулись.

– Сегодня же пересмотрю и преобразую кухню. Кое-что надо выбросить, уже сообразила что именно. – сказала Альфа.

– И я тоже. – засмеялся Денис.

– И правильно сделаете. Запомните четыре правила фасциноэкологии жилища, они просты. Первое правило – окружить себя только предметами из безвредных материалов. Исключить всяческую вредоносную химию, чтобы не отравлять организм, дышать легко и свободно. Второе – создать в жилище своё сияние, дарящее радость глазу, а значит и душе. Тут светлые цвета и солнечный свет – главные элементы. Третье – точная и эффективная функциональность всех предметов обихода, будь то кухонные приборы или орудия умственного труда в кабинете творческого человека. Четвёртое – простота. Как можно меньше всяческих наворотов и припампасов. От них только хаос, суeta, лишние движения. Ну и, как я уже сказал, побольше весёлой эстетики. Безвредность, безопасность, простота, изящество, эстетика и функциональность – вот набор признаков для всего, чем человек себя должен окружать и вооружать. Я бы советовал каждому человеку учиться формировать свою жизненную среду по законам фасцинации. Тогда и мозг будет отлично работать, без сбоев. Причём надо учитывать даже мельчайшие детали среды, оптимизируя их под фасцинацию, убирая вредные или неприятные составляющие. Скажем, какое освещение лучше всего выбрать для квартиры: обычные электрические лампочки накаливания или неоновые светильники с бледным светом. Вроде неоновое освещение красиво. Но не спешите. Оно угнетает глаз мертвенным светом. А вот лампочки накаливания радуют, потому как их свет близок солнечному, а что может быть приятнее глазу и душе солнечного света. Одним словом, друзья мои, не себя надо подгонять под интерьер и всяческие припампасы, как это делают сейчас многие в погоне за евро-стандартами, а прилаживать жилище, интерьер, кухню под себя. С девизом «Ничего лишнего!» И в том числе общение своё лучше всего фасцинировать, отрезая всякий хлам и белиберду. Я вот для себя избобрёл коммуникативную бритву Оккама.

– Бритву Оккама? – удивилась Альфа. – Но это же принцип логики и мышления.

– И общения! – категорично воскликнул Арбелин. – Отсекать ненужное и пустое. Изгонять из своего круга общения пустомель и кретинов, избегать глупой говорильни. Всё это – антифасцинация, создающая негативные стрессы и отвращение. Круг общения, безусловно, от этого сужается, зато обретает качество истинной роскоши. Я назвал этот способ достижения минимакса в общении бритвой нарровинга. От английского *narrowing of the range of communication*, сужение кру-

га общения до необходимого и полезного. Я, к примеру, давным-давно религию для себя отрезал. Какой смысл тратить драгоценное и невосполнимое время жизни на чтение, скажем, той же Библии, Корана, Талмуда и прочих религиозных фолиантов? Если и заглядываю, то исключительно в исследовательских целях. Религия ведь пример уникальной фасцинативной выдумки невежественного и всего страшашегося первобытного гомо сапиенса. И грандиозное шоу, разыгрываемое на протяжении тысячелетий, как показал Ричард Докинз. Почитайте его.

– Как здорово! Бритва нарровинга. Ничего лишнего, долой мусор и тараканов! Это ведь тоже целительная фасцинетика! – воскликнула восторженно Альфа.

– Воистину. – подтвердил Арбелин. – Рекомендую. Хорошо фильтрует и разгружает мозг от белиберды. Возможно, вам с Денисом удастся очистить средствами фасцинетики психику многих и многих от той же иллюзии рая и ада. А ведь этой иллюзией зомбируют убийц, террористов. Федаинов-смертников в одиннадцатом веке фасцинировали, накачивая наркотиками и создавая им на одну ночь рай с вином, музыкой, девочками и райскими пташками. Очнувшись от дурмана, кандидат в смертники верил, что побывал в раю и готов был снести голову любому, на кого его нацелят. Превращался в живую бомбу. Одному исламисту не так давно попеняли, что от его теракта – он бомбу взорвал на площади – погибло много невинных. И знаете, что он ответил? Если, говорит, погибли невинные, они сразу попадут в рай к ногам Аллаха. Какова отмазка? Абсолютное вытеснение вины личной доминантной иллюзией! Любая религия под маской любви формирует в психике верующего нелюбовь, а то и ненависть к инаковерующему. В этом и состояла главная цель выдумки у первобытного человека: мы – свои, настоящие, и мы должны друг друга любить, а все другие – не-мы, не люди, их надо презирать, можно убивать и кушать за милую душу. Библия – книга садистская, в ней древним иудеям предписывалось уничтожать целые народы. И уничтожали.

Арбелин удовлетворённо смотрел на учеников, внимательно вбирающих в себя его знания и опыт.

– К тому же, заметьте, ко всему прочему, я не только фома неверующий, но также аскет и почти вегетарианец. Основная пища – овощи и фрукты. Салаты во рту. Вот сегодня у меня день свёклы. Завтра будет день квашеной капусты. Потом – день морковки, и так далее. Это я придумал для вегетарианского разнообразия и фасцинации. День свёклы – это значит в этот день основной овощ в еде свёкла, два блюда из неё, варёная и немного на тёрке сырой, столовую ложку, больше нельзя, вред будет. И к ней всё остальное, что в рот попросится. Я своё питание тоже организовал по принципу экологической функциональной простоты и экономии времени. Супы-борщи не ем, ни к чему этот варёный силос – уже экономия; сметану и майонез исключаю, как и картошку и всё мучное, кроме ржаного хлеба; каши – гречневую, овсяную, пшённую, перловую люблю – праздник для кишечника; яйцо варёное вкрутую одно в день – полезный холестерин. И так далее. Трапезы мои непродолжительны, насыщены всем натуральным и максимально полезны организму. Мы с Денисом об аскетической кухне ещё поразмышляем. Целительная вещь. Я уже троих знакомых толстяков от ожирения вылечил с помощью моей технологии аскетизма.

– Аскетизма?! – удивилась Альфа: – Аскеза же изнурительна, Юлиан Юрьевич. А Вы, кстати, на вид вовсе не аскет.

– Благодарю, Альфа, за комплимент. Но я ведь и не толстяк, верно?

– Вы...Вы на все сто! – кокетливо хлопнула ресницами Альфа.

Денис, хорошо запомнивший страницу о светском аскетизме на сайте Арбелина, решил её просветить:

– Альфа, Юлиан Юрьевич светский аскет, мирской, а не религиозный. Религиозные, вот те себя изнуряют, а светские держат в хорошей форме и отличном тоне.

– Ясненько. – сконфуженно улыбнулась Альфа. – Меня надо просвещать на этот счёт. Но я, кажется, тоже аскетка? Ничего лишнего во мне нет, к сладостям равнодушна, форму держу...

– Истинная светская аскетка. – улыбнулся ей Арбелин. – Причём обаятельная, да ещё и жутко смышлёная. Большая редкость.

– И очень красивая. – поддакнул Денис.

– Ой, как приятно это слышать от вас! – залиvisto засмеялась Альфа.

Арбелин уже крутанул в кофемолке зерна и сварил кофе, разлил на три чашечки.

– Не по-турецки, но лучше, чем растворимый. Покрепче и ароматнее. Мучного и сладкого не ем, поэтому извините, нет ничего, кроме чёрного шоколада.

Он выложил и разломил на кирпичики плитку.

– Меня ещё что радует в моём аскетизме и вегетарианстве. Почти ежедневно я спасаю жизнь одной маленькой курочке! За год – 300 курочек. Пусть бегают и клюют зёрнышки.

Денис Альфой переглянулись недоумённо.

– Не поняла. – сконфуженно произнесла Альфа, подозревая какую-нибудь весёлую шутку или розыгрыш.

– Вполне серьёзно, друзья мои. Если бы я был мясоедом, как абсолютное большинство землян, то съедал бы в день граммов триста-четыреста мяса. Это как раз курочка. А раз я мясо почти не ем, то, стало быть, даю возможность жить пяти-шести курочкам в неделю. Правда, их всё равно съедят мясные обжоры. Вот соседи у меня, толстые, как хряки на свиноферме, из их квартиры постоянно исходит запах жареного мяса. Ужас!

Произведённый Арбелиным подсчёт спасённых курочек встряхнул Альфу и Дениса.

– Ну что вы! – рассмеялся Арбелин. – Я же сказал вам не для того, чтобы вы переходили в вегетарианство. Это для каждого вопрос интимный, сокровенный. Животный белок организму, видимо, все-таки нужен, это же эволюцией внедрено, будь она неладна. Это она предписала всем живым существам на планете сожрать кого-нибудь. А раз жрать, значит уничтожить, попросту говоря – убить. Я вот каждое утро грушу или яблоко съедаю. Ножиком срезаю кожуру. Сегодня подумал – а не больно ли яблоку? Проблема! Вот и убивают все всех. А человек – самый страшный и изощрённый убийца. Стал животных тиражировать и убивать на скотобойнях. Миллионы убийств ежедневно. Страшно думать. Большинство людей и не думает об этом. Знай себе убивают и жрут братьев меньших.

Тонко чувственная Альфа от картины, нарисованной Арбелиным, содрогнулась и побледнела:

– Всё, Юлиан Юрьевич, я тоже начну спасать курочек! Перехожу в вегетарианство. А ты, Денис?

– Надо подумать, смогу ли жить без мяса. – смутился Денис. – Попробую.

Ему, перепробовавшему ещё со школьных лет всяческие варианты еды в попытках избавиться от аномальной худобы, отказаться от чего угодно в питании не составляло труда.

– Если говорить со всей серьёзностью, то вегетарианство пока что самый верный путь к спасению человечества и от ожирения, и от самоистребления. Эйнштейн так считал, и вполне справедливо. – улыбнулся Арбелин. – А ещё оптимальнее – союз вегетарианства с экологическим аскетизмом. Ну не сможет же планета выстоять от миллиардов человеческих и поедаемых человеком организмов! Если нас под семь миллиардов, то сколько же надо для еды куриц, коров, свиней и прочей живности! Сергей Капица прогнозирует, что людей на планете нашей может и должно жить десять миллиардов. Уму непостижимо сколько им понадобится выращивать и убивать скота. Миллиарды голов!

Это дополнение Арбелина было столь убедительным, что Денис воскликнул:

– Всё, я ухожу в вегетарианство! Запросто!

– Что ж, если у вас получится, то почему бы в нашей академии не образовать ещё некое сообщество экологического вегетарианства. – рассмеялся Арбелин. – Попробуем?

– Да, да, попробуем! – в голос ответили Альфа с Денисом.

Кухня в России всегда душевно сближала. Лёгкая эйфория, в которую погрузили его Альфа с Денисом, подогретая кофейком, размягчили давно не знавшего задушевного общения Арбелина. У юных его adeптов горели щёки от волнения. Атмосфера какой-то глубинной радости единения захватила всех троих.

Арбелину захотелось обнять ребят и прижать к себе как родных:

– Вот что, если не возражаете. Буду звать вас на «ты», мы ведь стали соратниками, товарищами. Правда, я постарше вас втрое, придётся, видимо, со мной всё же на «Вы» общаться. Согласны?

С искренней радостью Альфа с Денисом закивали головами.

– Ладненько, перерыв закончен. – Арбелин встал из-за стола. – Запомните на всю оставшуюся жизнь: весёлость духа и фасцинация радости продлевают жизнь на 10-15 лет! А то и больше. Даже у горилл, как показало недавнее исследование группы учёных из Шотландии и США, экстраверты живут значительно дольше. Эволюция отыскала весёлость и экстравертивность как надёжный путь для социальности и выживания. Так что весёлость духа очень выгодная жизненная установка и правило общения. Вот тебе, Альфа, и первый закон в целительную фасцинетику.

Вернулись в кабинет.

Арбелин показал на ковёр:

– Кстати, ковёр мой тоже пора ликвидировать как антиэкологичную ненадобность. На мусорку его!

– Очень ведь красивый, Юлиан Юрьевич! – выразила сожаление Альфа.

– Верно, потому и держу. Фасцинирует. И одновременно вредит. Мне 19 декабря семьдесят стукнет, пора иммунитет укреплять, а не расшатывать. А ковёр пыль как губка собирает и в своих ворсинках содержит миллионы ковровых клещей. Риск огромный для лёгких и кожи. Так что ещё чутьочку потерплю, настраюсь и совершу акт реципрокности – на мусорку.

– У нас с папой тоже в гостиной ковёр. Вынесу! – тотчас отреагировала Альфа.

– А у меня ни одного ковра. – улыбнулся Денис. – Только у бабули коврики на стенке у кровати.

– И прекрасно! – одобрил Арбелин. – Но продолжим. Правило третье – безопасность мозга. Альфа уже знает, я её предупредил, чтобы мозг берегла как единственное и оптимальное орудие труда учёного. Она у нас, Денис, экстремалка. С нераскрытым парашютом прыгала с самолёта.

Денис уставился на Альфу:

– Ты? Ужас! Недавно в Германии парашютистка грохнулась на землю. Стропы запутались.

– Вот и я говорю! – назидательно проворчал Арбелин. – В экстриме ошибаются один раз. На Эвересте десятки трупов альпинистов-неудачников в расщелинах валяются. Она, Денис, ведь и ногу поломала в горах. Наверняка песню Высоцкого пели?

– Пели. – Альфа картинно понурила голову.

– Хорошо ещё, что с мостов вниз головой не прыгала. – сердито продолжал ворчать Арбелин.

Денис посмотрел на Альфу:

– Среди моих одноклассников уже двое на тот свет отправились. Один с гигантского трамплина прыгал. Шею сломал. А другой на мотоцикле гонял, как бешеный. За грузовиком гнался, тот трубы вёз. Не успел затормозить – череп трубой как бритвой срезало. Жуть.

– Слышала? – улыбнулся Арбелин, пронзив Альфу гипнотическим своим взглядом, от которого у неё пробежали мурашки по позвоночнику. – То-то же! Пусть боксёры и футболисты черепами рискуют, у них работа такая. – он прошёлся по кабинету. – Что ж, думаю пришло время небольшой вступительной лекции. Но не буду вас мучить теорией. Вы сайт проштудировали, что такое фасцинация усвоили. Поэтому напомним вкратце её важнейшие качества.

Что такое фасцинация? Первое – это сигнал, концентрирующий внимание, интерес, вызывающий волнение, возбуждённость. Второе – сигнал этот всегда яркий, впечатляющий, какой невозможно не заметить, как блеск стёклышка, оперение райских птиц или раскраска цветов. Третье – сигнал настырный, повторяющийся чаще всего ритмично, как стрекотание сверчков, барабанная дробь или пение птиц. Четвёртое – сигнал избыточный, навороченный всяческими дополняющими припарасмами, чтобы уж точно привлечь внимание. Этаким сверкающим гламур. Пятое – сигнал часто театральный, драматургичный, как танцы птиц и насекомых или экстремальные пируэты птиц. Шестое – вызываемый такими сигналами процесс взволнованности, захваченности, заворожённости. Седьмое – стирание всего того в психике, что предшествовало восприятию сигнала фасцинации, буквально отшибание разума и памяти. Восьмое – сужение психики до уровня, возбуждаемо-

го сигналом фасцинации, всё остальное становится нипочём, хоть голыми руками бери. Девятое, как итог всего: возникновение состояния очарованности до эйфории или страха до шока и оцепенения, фасцинативной доминанты. В зависимости от значения сигнала. Зафиксировали?

Денис и Альфа кивнули утвердительно.

– А можно вопрос? – обратилась Альфа.

– Конечно, конечно.

– Как соединена чарующая фасцинация с удовольствием, с наслаждением?

– Отличный вопрос! Действительно, может показаться, что о фасцинации не стоит и говорить, раз есть наслаждение. Скажем, удовольствие от пищевого насыщения. Где тут фасцинация. А дело всё в том, что границу трудно провести, на финише фасцинирующего процесса фасцинация сливается с подкрепляющим её наслаждением от удовлетворения потребности. Хорошее тому подтверждение даёт пристрастие детей к шоколаду. Первый же опыт услаждения шоколадом приводит к тому, что ребёнок радостно и с вожделением реагирует на вид шоколадки. Увидев шоколадку, он тотчас взвинчивается, просит её, требует, порой до истерики. Вид шоколадки – сигнал фасцинации, который приводит в движение волнующий, сулящий наслаждением психофизиологический процесс. Так что фасцинация – это не само наслаждение, а очарованность предстоящим наслаждением, чарующий путь к наслаждению, предвкушение наслаждения, волнующая страстность заполучить наслаждение. А само полученное в результате этой страстности наслаждение закрепляет фасцинацию, впаивает её как страстное желание. Вид шоколадки, сигнал фасцинации, таким образом, становится началом наслаждения. И так обстоит дело со всеми без исключения удовольствиями и уладами. В этом и заключается великое эволюционное назначение фасцинации – пробуждать живое существо к страстной тяге и активности к удовлетворению потребностей.

– Получается, что фасцинация становится сама удовольствием ещё до удовлетворения? Так я поняла?

– Молодчина! – похвалил Арбелин. – Ты даже лучше меня сформулировала. Поэтому ведь человек может наслаждаться даже в воображении. Фасцинацией становится услаждающее воображение. Сексуальные фантазии приводят некоторых людей к самому натуральному оргазму. Натуры нет, а оргазм – вот он, из собственного мозга выплеснулся. Тема связи фасцинации и наслаждения огромная, её ещё предстоит понять.

Арбелин помолчал некоторое время, решая, стоит ли сегодня погружать ребят в нейрофизиологические механизмы удовольствий. Решил, что ещё рано, надо подробнее рассмотреть процесс фасцинирования.

– А теперь расскажу вам, что сегодня подбросила мне жизнь в качестве иллюстрации чарующей фасцинации. Будто на заказ. Поразительное совпадение. Иду утром по своему прогулочно-исследовательскому маршруту по мусорным площадкам. С собой фотоаппарат – на случай запечатлеть что-нибудь интересное, если встретится. И вот у одного из домов вижу в траве присел кот. Большой, лохматый и рыжий. Готовится к прыжку, ну просто леопард. А над травой порхает большая белая бабочка, с черными крапинками. Сцена из спектакля. Я потихонечку навел фотоаппарат, поджидая прыжка. А кот на меня ноль внимания,

у него сужение психики, заикнулся на бабочке. Бросился за бабочкой, я щёлкнул. Покажу вам сейчас фотографию на экране.

Арбелин включил ноутбук. Во весь экран высветилась великолепная живая картинка рыжего кота в прыжке.

– Жаль не было видеокамеры, можно было бы просмотреть всю операцию кота в динамике. Бабочка ускользнула. Но и не улетела, продолжала порхать как ни в чём не бывало. Кот опять прижался к земле, поёрзал и снова прыгнул, молотя лапами. И на этот раз бабочка увернулась, но опять не улетела. Будто вступила с котом в игру. Кот прыгнул в третий раз и вновь промазал. На этот раз бабочка опомнилась и полетела прочь от смерти. Видели бы вы, с какой досадой проводил взглядом улетающую бабочку рыжий разбойник. Давайте разберем сцену с точки зрения fascinетики. Что такое бабочка для кота?

– Как птичка, можно поймать и слопать. – высказала свое мнение Альфа.

– Игрушка. – сказал Денис. – Кошки за комочком из газеты, прикрепленном к нитке, гоняются. Даже за солнечным зайчиком. Все ребята это знают.

– Значит и птичка и игрушка? Верно. Но ведь не птичка всё же. И не газетный комочек, и не зайчик солнечный. Думаю, что бабочка, во-первых, яркий сигнал, который кота впечатлил. Уже fascinация. Затем, бабочка в полёте, в движении. А кот – хищник, ему всё живое движущееся сигнализирует – хватай! Эволюционная fascinация. Может и съедобное, ассоциация с птичкой верна. А ещё – бабочку не так просто поймать, срабатывает охотничий инстинкт, азарт. Всё это вместе приводит кота в состояние мотивации, захваченности, целеустремлённой активности. Вот вам наглядный простенький пример воздействия fascinирующего сигнала и процесса fascinации.

– Как здорово! – воскликнула Альфа. – Ведь это fascinативный театр.

Арбелин вошёл в ритм доверительного рассказа. Денис с Альфой устремлённо внимали.

– Заметьте, кот бабочку ловил, забыв обо всем на свете. В этом огромном и полифоничном океане fascinирующих сигналов, волнений и впечатываний-впечатлений, есть волнения и впечатления особого рода, на которые я и хочу обратить ваше внимание. Это захваченность и заворожённость. Можно сказать, что они являются апофеозом fascinации. Высшим проявлением захваченности предстают перед людьми фанатики и одержимые. Подозреваю, что доминанта одержимости есть в каждом человеке. Это, по сути, страсть-пристрастие к чему-то своему, личному, особенному. Она есть даже у аутиста или олигофрена. Ею упиваются все коллекционеры и фетишисты, а ведь многие из них свой фетиш, свою одержимость таят и охраняют от всех.

Но почему этот закон захваченности создан эволюцией? Зачем? Неужели нельзя было обойтись простым способом передачи информации? А всё дело в том, что живое существо, будь то вирус, бактерия, амёба, ящерица, шимпанзе или человек, не может не действовать. Движение и действие – вот истинный двигатель жизни. Но не всякое действие, не абы какое, такой неэкономичной растраты эволюция позволить не может, а нужное, актуальное: захотелось перекусить, стало быть надо кого-то найти и сожрать, захотелось привлечь к себе, значит очаровать или насильно принудить, сохранить жизнь себе любимому,

значит что ни на есть сопротивляться или уничтожить. А для того, чтобы действовать оптимально, иначе сожрут-изнасилуют-уничтожат, нужна энергия, страсть, устремлённость к достижению успеха. Вот тут-то и заявляет о себе в полную силу фасцинация захваченности – страстная, исключительно субъективная и актуальная нацеленность. Всё остальное – по боку! Иначе проиграешь. Проигрыш же – это исчезновение в тартарары. Кому же хочется. Иначе говоря, актуальное действие всегда содержит в себе фасцинацию захваченности. Охота гепарда на газель не может быть вялой и бесстрастной. А фасцинация захваченности всегда объединена с актуальным действием, стимулируя его эффективность, иначе нет ни того, ни другого.

У феномена захваченности есть две составляющие. Первая – полёт, целеустремлённость, восторг. Вторая – сужение мира вне и мира внутри себя, особенно сознания, до размеров пятачка, овчинки, комнатной форточки. Влюблённый не видит ничего вокруг, кроме того, кого любит, не замечает даже его уродства, чаще всего душевного, и ненавидит любого, кто осмеливается возлюбленного шельмовать.

Захваченный фасцинацией человек интенсивен и он не соображает зачастую, что вытворяет, он пронизан аффектацией. Именно поэтому так опасны фанатики, фетишисты, параноики, наркозависимые и даже депрессивные лица, провалившиеся в какую-нибудь фобию. И гении, само собой.

Совсем иначе выглядит заворожённость, очарованность. Лучше всего её наблюдать в концертном зале филармонии – как воспринимают любимую музыку. Глаза затуманены, иногда прикрыты, и покачивание в такт музыки. Полнейшая отрешённость от всего, только мелодия, волшебство гармонии, ритма, звучания. Это и есть зачарованность. В её основе – тихое восторженное любование с всплесками громкого восторга при массовом восприятии, как это можно видеть при восприятии салютов и фейерверков тысячными толпами.

А что объединяет заворожённость с захваченностью? Максимальная нацеленность и отстранение от всего иного, кроме сигнала-образа фасцинации, то есть то, что открыл великий физиолог Ухтомский и назвал доминантой. В анекдоте о Робинзоне и кенгуру доминанта замечательно отражена. Не слышали такого анекдота?

Денис с Альфой не слышали.

– Послушайте, анекдот поучителен. Истомился бедный Робинзон на острове от одиночества. И вот однажды заметил на горизонте кенгуру. «Наконец-то!» – вскричал Робинзон и бросился за кенгуру. Но когда был от неё в двух метрах и готов был ухватить за хвост, поскользнулся в невесть откуда взявшейся луже и растянулся в грязи. А открыв заляпанные глаза, увидел перед самым носом лягушку. «Поцелуй меня, Робинзон, – произнесла человеческим голосом лягушка, – и я исполню любое твоё желание». Не долго думая, Робинзон чмокнул лягушку и перед ним встала во всей красе ослепительная царевна. «Чего же ты хочешь, Робинзон?» – спрашивает царевна чарующим голосом. «Сделай же поскорее, чтобы я догнал кенгуру!» – нервно приказывает ей Робинзон. Каков анекдот?

– Просто прелесть! – засмеялась Альфа.

– И очень точный. – подтвердил Арбелин. – Анекдоты – это же фольклор, народная смысловая фасцинация. Выходит, народ прекрасно осведомлён о феноменах захваченности и сужения сознания при захлестывающей доминанте. Но

по Ухтомскому доминантой может стать и некий принцип, кредо жизни. Например, мы можем возвести в смысловую доминанту весёлость. — Арбелин задумался. Потом продолжил: — Но вообще-то надо помнить, что фасцинация столь же и опасна, сколь прекрасна. При её разрастании до переизбытка она является фатальной первоосновой и первопричиной всех без исключения зависимостей, которыми страдает человек. От курения, пива и чревоугодия до педофилии, блуда и властолюбия. Это возьми себе на заметку, Альфа, как стержень клинической фасцинетики. Потом мы с тобой над нейромеханизмами образования зависимостей как следует поработаем.

Альфа быстро достала блокнот и записала. И спросила: — Я так поняла, что заворожённость, захваченность и одержимость тащат человека в воронку привычек и зависимостей? Правильно?

— Умница. Очень верно сформулировала. Именно так, в общем и целом, и происходит. Начинается с удовольствия и не заметишь, как уже в воронке очутился. Так наркоманами и становятся. Начинают с «попробую» и не заметят, как уже затянуло. А вот из воронки попробуй-ка выбраться! Часто просто невозможно. Те же педофилы, они же обречены. Спасти может от порочной зависимости, раз уж они в неё провалились, только кастрация.

— Или электрический стул. — буркнул Денис.

— Это надёжнее. — рассмеялся Арбелин.

Заворожённые Альфа с Денисом ждали продолжения.

Арбелин достал из секретера текст обращения в ФСБ и дал по экземпляру Альфе и Денису:

— Вот моё обращение в ФСБ. Никому, как договорились.

— А папе можно? — спросила Альфа.

— Ему даже нужно... Так вот, повторю ещё раз — наша задача не просто учиться и осваивать фасцинетiku, а создавать такие эксперименты массовой захваченности-завороженности, которые будут всем раскрывать глаза на феномен фасцинации и необходимость развития фасцинетики. И создания в университетах выпуска фасцинетиков. И при всем этом, нам самим нельзя впасть в воронку фанатизма и одержимости, то есть в безумие. Весёлость от этого спасёт.

— Можно я расскажу весёлую историю? — подняла руку Альфа.

— Ещё бы!

— Юлиан Юрьевич, я без Вашего разрешения дерзнула провести маленький эксперимент у нас на факультете. Пошла, как Вы велели, восстанавливаться, и решила провести блиц-опрос. Стала выспрашивать у всех подряд преподавателей, кого увидела, что такое фасцинация. Сплошной улёт. Половина вовсе этого слова не знает. Один даже рассердился на меня. Что ещё за фасцинация, Истомина? Откуда ты выкопала эту ерунду? А половина всё же отреагировала. Но как! «А, фасцинация... это очарование». И всё! А как это работает на психологическом уровне, интересуюсь, мне, говорю, в курсовую надо будет включить. Ступор. Ноль.

– Альфа, милая! Они не виноваты. Откуда же им знать про фасцинацию? Только из психологического словаря, а в нём про фасцинацию написано, что это специально организованное вербальное сообщение плюс пара примеров. И нет ни одного учебника психологии, в котором фасцинации был бы уделён хотя бы заухудленный параграф. Ни одного! Иногда куцый абзац и всё. Вот никто и не знает. И сердятся потому, что встречаются люди, вроде тебя, которые задают вопросы.

– Можно я напишу курсовую и запущу её на факультете? Сделаю компиляцию из Вашего сайта. Пусть подавятся, невежды.

Арбелин засмеялся:

– Только проделай этот эксперимент изящно, с доброжелательной лучезарной улыбкой. А то врагов наживёшь.

– Я же студентка, Юлиан Юрьевич! Студентам положено проявлять любознательность. У меня есть знакомая, она университет уже закончила и даже диссертацию написала. Тему нашла про репутацию как политический фактор. Сначала на неё обозлились. А на защите по одному доцентики и профессора подходили и выпрашивали у неё файл с текстом. Всем вдруг захотелось просветиться насчёт репутации.

– Дремучий у Вас факультет, немудрено, что Вы разочаровались.

Арбелин помолчал. И добавил:

– А ведь закон фасцинирования в общем-то прост: где потребность, там и особая обслуживающая её фасцинация. Базовые потребности – базовые фасциации. Огромно значение пище-вкусовой и сексуальной фасциации. С сексуальной всё понятно, говорить не буду, на сайте о ней много и вы всё освоили. Основной инстинкт, никуда от него не скроешься. Сигналы сексуальной фасциации: кокетство, оголение, сексапильная телесность, наряды прекрасно обслуживают инстинкт, возбуждая желания и бросая мужчин и женщин в объятия друг друга. А вот с пище-вкусовой нам придётся хорошенько поработать. О ней и Юрий Кнорозов ничего не сказал. Вроде как её и нет. Тогда как питание – главная база жизни и за пищевой ресурс идёт непрестанная борьба биологических видов. Всё живое только и занято поеданием друг друга, и причем, заметьте, с аппетитом и вкусом. Опять же и ожирение человечества – тоже дань пище-вкусовой фасциации. Одной толстеющей учительнице я посоветовал воздерживаться от тортиков и пирожного. А она мне и говорит, не могу удержаться, выше сил. У неё уже не просто страсть к сладостям, а пище-вкусовая зависимость. Королева Мария-Антуанетта удивлялась, почему парижане бунтуют от хлебного дефицита. Ведь есть же пирожное, восклицала проказница. Мы с Денисом на поле пище-вкусовой фасциации как следует потрудимся. Надо создать кулинарную фасцинеттику и фасцинативную кулинарию. Спасительную кулинарию.

– Её же можно будет включить как раздел в клиническую целительную фасцинеттику? – мгновенно отреагировала Альфа.

– Не можно, а нужно. – подтвердил Арбелин. – Целительное питание без пище-вкусовой фасциации невозможно. Не приживётся. Слишком крепко подсело человечество на услаждении сахаром, тортиками да жареным мясом. А тут ещё на него как алчущие хищники накинудись всяческие гамбургеры. Чем вытеснить эту зависимость? Только новой пище-вкусовой фасциацией.

– Ну, господа академики, на сегодня достаточно. – Арбелин встал. – Переваживайте. Введение в специальность закончено. Можно поговорить обо всём, что у вас возникло в связи с фасцинацией.

– Юлиан Юрьевич, скажите нам напоследок, зачем Вам мусорки. Это же неспроста. – смущённо улыбнувшись, спросила Альфа.

– О, это особая статья! – засветился Арбелин. – Провожу уже второй год включённое социологическое исследование под названием «Реципрокность и мусорки России». Знаете, что такое реципрокность?

– Абсолютно ничего. – ответила Альфа.

– Я тоже. – присоединился Денис.

– Ре-цип-рок-ность. – по слогам произнёс Арбелин. – Запишите и выучите, очень пригодится.

Денис с Альфой дружно записали в блокноты.

Арбелин разъяснил:

– Реципрокность – это добровольный, от души и по велению сердца сделанный дар одним человеком другому или одной группой людей другой. Самым ярким примером является обычай поклача у индейцев Северной Америки. У них веками практиковались дни поклача, когда одно племя устраивало праздник и одаривало всем, что у них есть, другое племя. Чем щедрее, тем лучше. Особого уважения заслуживали те, кто одаривал столь щедро, что сам оставался гол как сокол. Потом такой же праздник устраивало другое племя. Этакое соревнование, кто щедрее одарит другого. Отдавали без утайки и жадности, всё, что есть. Каково?

– И это веками?! – удивилась Альфа.

– Многими веками! Это же способ дружелюбия и миролюбия, устранение войн и агрессивности. Но реципрокность несколько мягче, потлач – это, можно сказать, максимальная реципрокность. А рядовая реципрокность вот такая. Я её воочию распознал благодаря исследованию мусорок. Но расскажу по порядку, с самого начала, как пришла мне в голову идея провести такое социологическое и антропологическое исследование. Думаю, что первое в России. Ну, по той простой причине, что никому пока в голову не пришло посвящать себя походам по мусоркам. Их же сторонятся, брезгливо морща носы. И есть от чего морщить. Ну, а я не брезглив. Выглянул как-то в январе в окно, а из окна видна мусорная площадка – как на ладони. Подойдите к окну, посмотрите вниз.

Арбелин подошел к окну, отодвинул штору. Внизу, метрах в пятидесяти от дома красовалась площадка с железными баками для мусора и бытовых отходов.

– Сто раз смотрел на эту антифасцинацию и не фиксировал, а на тот раз обратил внимание, потому как очень уж занимательная картина предстала взору. Вижу, мужик разворачивает на снегу вынесенный кем-то на мусорку ковёр. Ковёр 3х4 метра, большущий, как вот этот мой. Расцветка замечательная, на чистом снегу при солнце смотрится как произведение живописи. Покумекал мужик, потом свернул ковёр в рулон, закинул на плечо и ушагал. А меня пронзила идея – это же сетевая реципрокность! Кому-то ковёр стал не нужен. Он его свернул и куда? На мусорную площадку, в сторонку от баков для пищевых отходов. Вдруг

кому-нибудь пригодится. И пригодилось тому мужику, который на ковёр случайно наткнулся. Ковёр, таким образом, не пропал, а только перешёл из одних рук в другие. Дар, подарок, только без конкретных лиц и адреса. Кто-то кому-то. Чистейшая реципрокность, дарение от чистого сердца и без возмездности. Так многие семьи передают друг другу вполне пригодные детские вещи и игрушки, коляски, детские кроватки, одеяльца. Вырос свой ребёнок, а у подруги появился на свет. Или у соседки. Тоже реципрокность, причём народная, распространённая по всей России, по всему земному шару.

– И детские книжки отдают, игры, – вставила Альфа

– И еду! – присоединился Денис. – Я вот люблю соседке Насте тортики печь. Она бабушке помогает. Они подружились. Это рециприокность?

– Ре-цип-рок-ность, – поправил, смеясь, Арбелин. – Конечно. Ты же от души и симпатии. А Настя помогает безвозмездно?

– Абсолютно, она добрая, отзывчивая, медсестрой работает.

– А ты её благодаришь тортиками. Обмен пирожками, тортами, коржиками своего изготовления между соседями и сослуживцами на чаепитиях в офисах очень распространён. А мне как-то женщина в полиэтиленовом мешочке пирожки предложила. Вынесла на мусорку, а я как раз подошёл. Она, видимо, подумала, что я вроде бомжа, и протягивает пирожки, возьмите, говорит, свеженькие, остались от застолья, дочка с мужем в гости приезжала. Я хотел было обидеться, да вовремя вспомнил о реципрокности. Взял. И отдал своим знакомым дворникам, я с ним дружу. А им закуска всегда нужна, квасят ежедневно. С удовольствием взяли. С мусорок, вообще говоря, многие кормятся. Нищие, старики, инвалиды. Или животных кормят... – Арбелин подошёл к книжному стеллажу, снял томик Сталина. – Вот на днях иду и у одной из мусорок аккуратно перевязанная крест накрест пачка книг. А я древний охотник за книгами. Вижу – «Иосиф Сталин». Собрание сочинений вождя в темно коричневых переплётах. Такое же было у меня сорок лет назад. Я его лишился под давлением суровой жизни. Жил в развалюхе, и весной вдруг похолодание, а уголь закончился, печку нечем топить. Сжёг Иосифа Виссарионовича. Это уже после развенчания его культа личности Хрущёвым. И вот оно, целенькое во всей красе. Не мог отказать себе в столь мистическом подарке, прихватил, принёс.

Арбелин с удовольствием показал на полку, где в ряд расположились все восемь томов сочинений Сталина:

– С книгами в теперешние времена презабавные происходят метаморфозы. Раньше за книгами гонялись, редкие издания по разнарядке добывали. Помню, издали в библиотеке поэта томик Мандельштама. Тираж кажется 15 тысяч. На всю страну. Так его разобрали себе только партийные и номенклатурные чиновники. Я заполучил лишь благодаря знакомству с директором горкниготорга. Теперь Мандельштама, Цветаеву, Ахматову, Булгакова запросто можно подобрать на мусорных площадках. И вот, расскажу я вам, какой книжный курьёз со мной приключился два месяца назад. Смотрю, на крышке мусорного бака книжка в яркой обложке. «Ледокол» Виктора Суворова. А я о нём только краем уха слышал, прошёл он мимо меня. Это мне большой минус. Но факт есть факт. И вот он передо мной. Взял полюбопытствовать. И, придя домой, не оторвался, прочи-

тал от корки до корки запоем. Ошеломительная книга. Представляете, Суворов убедительнейшим образом доказал, что Сталин готовил нападение на Германию 6 июля 1941 года. Гитлер его перехитрил и нанёс удар 22 июня, чем поверг Сталина в ступор. И только благодаря опережающему удару произвёл кошмарный разгром нашей армии. С трудом, громадной кровью и жертвами удалось выправить положение и в конечном счёте одержать победу. Почитайте, если не читали. Поучительнейший исторический труд, открытие, научный подвиг. И вот юмор: раньше надо было бы идти в библиотеку, а теперь можно первостатейное чтиво обнаружить на мусорке. После прочтения полез в Интернет и увидел, что «Ледокол» выложен почти во всех электронных библиотеках. Вот какие времена, друзья мои. Так что моя библиотека в пять тысяч книг – это уже анахронизм. Надо от неё избавляться. Зачем держать в доме пять тысяч, если их можно иметь в виде файлов. Того же Сталина. Унесу обратно. «Ледокол» пока оставлю. Библиотеку надо крепко почистить.

– Жалко ведь, Юлиан Юрьевич. – улыбнулась Альфа.

– Жалко. Люблю книгу в руках держать. Но пора. Другие времена. Электроника прекрасна, а работать над текстами на компьютере – для меня одно удовольствие. И подчёркивать удобно, и выбирать текст для цитирования. А кроме всего прочего, столько места в квартире освободится! Пыли меньше. Экология... Вот видите, мы и въехали в тему. Ре-цип-рок-ность. Я уже год изучаю мусорки. Потрясающе интересная проблема! Потрясающе! Но случается и грустное. Недавно вижу рядом с площадкой – куча макулатуры: тетради, рукописи, отчеты и так далее. И сверху красуется книга «Маркиз де Сад». Порылся в куче немного, любопытство зыграло. Ничего интересного для меня, все техническое. Открыл несколько папок, увидел дипломы и грамоты какого-то учёного мужа. В это время подходит стареющая, лет шестидесяти женщина с двухколёсной тележкой. И из сумки начинает вываливать то же, что и в куче. Значит, она и первую кучу привезла. Лицо страдальческое, должно быть расстанется с архивом умершего мужа. Вижу ещё книжку – «Исповедь» Толстого. Отмечаю забавность: Де Сад и Толстой. И прихватываю две роскошные папки. Дома рассмотрел: в одной из них диплом академика Международной академии научных открытий и изобретений Силина Всеволода Ивановича. Вот так, господа, заканчивается жизнь академиков – их архив на мусорку! И вывозит супруга! Горько. Подумал, вот и мои рукописи после смерти кто-то из детей, скорее всего Юлечка, старшая дочь, вывезет на мусорку. А куда ещё? Раньше в макулатуру сдавали. И набредёт на эту кучу моего архива какой-нибудь хмырь, вроде меня, и скажет: «Что это за Арбелин?»

Альфа с Денисом переглянулись. Взгляды их говорили: «Вот это да!».

– Возьмите нас с собой как-нибудь на утреннюю прогулку. Хочется посмотреть. – попросилась Альфа.

– Да хоть завтра проведём экскурсию! У меня же утренний обход как ежедневный моцион. Часа полтора на свежем воздухе, пешочком километра три, а то и четыре. Как раз то, что надо организму. Покажу и расскажу.

Альфа прикрыла глаза от охватившего её волнения. Мусорки – и вдруг совершенно гениальный исследовательский проект. Сердце учащённо колотилось. Непредсказуемый Учитель вызывал в ней слёзы умиления. Она смотрела на его

лицо и ловила нюансы мимики, артистичной и точной, всегда предельно искренней, без притворств и лукавства.

Часть седьмая

КАК ТОРТ «АДАМ И ЕВА» ОЧАРОВАЛ БУРТ

Денис решил, что настало время поделиться своим конкурсом:

– Юлиан Юрьевич, у меня как раз с пищевой fascinaцией возникла проблема. Можно я расскажу?

– Конечно, говори.

– Я наткнулся на объявление о кулинарном конкурсе тортов. Решил участвовать.

– Как здорово! – воскликнула Альфа. – Прямо в точку!

– Рассказывай, рассказывай. – Арбелин воодушевился от неожиданной новости.

– Я сходил в оргкомитет, показал им свои дипломы и награды. Разрешили участвовать... Юлиан Юрьевич, но мне же надо победить. Я в городе новичок, победа поможет вписаться.

– Очень точно. Fascинация победы – великая штука. Говори дальше.

– Надо придумать такой торт, чтобы жюри ахнуло.

– Fascинирующий торт! – подхватила Альфа.

Денис сконфуженно кивнул.

Арбелин улыбнулся Денису:

– Ну, торт по определению уже fascинация, на то и придуман. Красивый, сладкий до блаженства. Это же из-за сладостей Сократ называл поваров сладкими убийцами. Значит тебе нужна суперfascинация. Закон fascинации жесток: лучшее перечеркивает хорошее. Пусть у всех торты получатся хорошие, даже очень хорошие. Твой должен стать лучшим, удивить, взбудоражить жюри. И что же ты придумал?

– Ещё не придумал. Решил с академией посоветоваться.

– А что советовать? – Арбелин рассмеялся. – Мы сейчас сядем и придумаем. Вот вам и конкретная тренинговая ситуация – придумать победоносную тортовую fascинацию. Альфа, включай художественное воображение. Представь себе торт и лепи его образ. И ты, Денис. И я, грешный, попробую что-нибудь этакое выдумать, хотя тортов не люблю и не ем.

– Юлиан Юрьевич, бумага есть, чтобы рисовать?

– Найдём.

Арбелин открыл створку шкафа и достал листы чертёжной бумаги:

– Годится?

– Отличная бумага. – одобрил Денис. – Я сейчас набросаю, как я вижу.

Арбелин удовлетворённо потёр руки:

– Так ты, Денис, и рисовать умеешь? Очень похвально.

– Юлиан Юрьевич, и я умею. – Альфа подняла руку.

– Ишь ты, два художника. А я так и не научился, лапоть уральский.
– А ещё лучше на компьютере. – добавила Альфа.
– Вот и давайте включайте воображение. Придумаем тему. Предложения.
– Может что-то русское народное? – сказала Альфа.
– Только не матрёшек. Это не проймёт. – отреагировал Арбелин. – И всякие цветочки-розочки, завитушки, башенки, заборчики, по-моему, приелись. Надо что-то оглушительно необычное.

Сказать просто, а попробуй выдумать. Принялись ломать голову.

– А можно вылепить фигуру «Мыслителя» Родена, сидящего на пне или на табуретке. – со смехом предложила Альфа.

Смех смехом, но это было толчком к новому поиску.

Смешливая и задорная Альфа придумала даже торт-фигу, однако, посмеявшись, и его отвергли.

– В жюри могут быть консерваторы, оценят как кощунство над потребителем. Нужны поэзия и добрый юмор. – отреагировал Арбелин.

Пролетел час, Денис с Альфой нарисовали кучу эскизов – ничего толкового не придумали. На одном из них Альфа и изобразила «Мыслителя» Родена, но пришли к заключению, что для торта он слишком серьёзен.

– А знаете что, ребятаки, – встрепенулся Арбелин, – полезем-ка мы в живопись, полистаем альбомы.

Он достал из книжного шкафа, в котором находилась большая подборка альбомов, три огромных альбома мировой живописи. Начали листать, присматриваясь то к одному, то к другому сюжету.

И тут Арбелина осенило. Он хлопнул себя по лбу и произнёс торжественно:

– Адам и Ева! Вот что проймёт всех.

Денис с Альфой переглянулись, а Арбелин быстро пролистал и нашёл репродукцию Адама и Евы Рубенса.

– Смотрите, какая пластика и какая тонкая ирония! Смог бы ты такое вылепить? – обратился он к Денису.

Денис внимательно присмотрелся к репродукции:

– Смогу. Хотя надо потренироваться. Человеческие фигуры довольно трудно лепить.

– Как здорово! – захлопала в ладоши Альфа. – Адам туповатый, хитрая сексуальная Ева и коварный змий-искуситель с яблоком. А вокруг деревца и зверушки. Роскошнейший торт, целый театр. Денис, если надо помогать, подключай меня.

– Да, пожалуй. Мы макет сначала смастерим из пластилина. Умеешь из пластилина лепить фигурки?

– Денис, какая же девчонка не умеет с пластилином работать!

– Значит завтра с утра приезжай ко мне и начнём лепить. К вечеру будет готово и покажем Юлиану Юрьевичу.

Денис продиктовал Альфе свой адрес.

– А на конкурсе ведь не из пластилина, а, Денис? Сумеешь? – спросил Арбелин.

– Без проблем. У меня все инструменты для кулинарного дизайна. А продукты закуплю, только и всего.

Воскресенье было посвящено лепке макета. Подыскивали белую коробку и на её крышке принялись лепить Адама, Еву, змия, деревца, кустарники, зверюшек. Альфа в мастерстве лепки не уступала Денису. Выдумывали, меняли формы и цвета, веселились. В смехе и творческой захваченности к вечеру макет был создан. Показали бабушке. Бабушка ахнула, всплеснув руками:

– Да что же это такое! Невиданное чудо!

Повезли свой шедевр на показ к Арбелину.

Арбелин, волнуясь, ждал.

Денис поставил картонную коробку на стол, открыл, вынул макет и расположил его на блюде, уже ждавшем этого момента.

И Арбелин, как и бабушка, ахнул от изумления. Ему предстала, как живая, картина из Рая, яркая, многоцветная, с персонажами, в каждом из которых буквально высвечивался библейский смысл. Адама Денис вылепил кряжистого, мужиковатого, загорелого. Ева сияла белизной и крутыми формами. Змий свисал с дерева, держа в зубах яблоко, передавая его Еве. Фон представлял собой несколько деревьев и кустиков по краям торта, за каждым из которых прятался какой-нибудь зверёк. Всё исходило радость, весёлость, иронию.

Арбелин развеселился:

– Моцарт, а не торт!

Альфа восхищённо смотрела на Дениса.

– Пусть только не дадут главный приз!

– Ещё надо поработать, – смущённо улыбался Денис, – может Адама сделать постройнее? – спросил он Арбелина.

– Нет, нет! Ты попал в точку. Он и должен быть похож на неандертальца. А Ева – кроманьонка, роскошная сексапильная обольстительница. Её наверняка бог такой и создал. Кстати, неандертальцы и кроманьонцы частенько дружили и детей наживали, так что ты близок к истине. Ай, как славно ты всё придумал.

– Это же Вы, Юлиан Юрьевич, придумали, мы с Альфой только вылепили.

– Ты, Денис, скульптор, не занижай свою роль. Без скульптора художественного произведения быть не может, какую бы гениальную идею кто-то не высказал. Конкурс через три дня? Успеешь отшлифовать?

– Успею, раз проект академией принят. Дело техники. И надо будет закупить все необходимые продукты. И тут твоя помощь понадобится. – обратился он к Альфе.

– Я всегда готова! – радостно отпартовала Альфа.

И через три дня произошло то, в чём Арбелин был уверен, хотя и ждал с волнением. Торт, который Денис создавал на глазах у публики и жюри, по мере формовки приковал внимание абсолютно всех, а журналисты уже строчили в блокноты свои восторги и снимали на фото и видеокамеры.

И вот настал момент явления готового, выпеченного в печи произведения.

И был шок удивления и восторга.

Главный приз присудили Денису без единого возражения.

После награждения к нему ринулись газетчики и телевизионщики.

Посыпались забавные вопросы:

– Кто вкуснее, Адам или Ева?

– А Ева съедобна или только для красоты?

– А змий-искуситель вкусный или горький?

– Почему Адам как штангист, а Ева стройная?

У Альфы, наблюдавшей всё это, навернулись на глаза слёзы. Она воспринимала победу Дениса не просто как успех соратника, а как торжество идеи фанатизма и образец её воздействия на людей.

Денис в один миг стал знаменитостью. В вечерних новостях все телеканалы показали его торт. Город был изумлён. А худой как скелет повар запомнился всеми и навсегда – он был не только автором чудесного торта, он сам был художественным образом. Он и торт слились для города в единый образ.

Арбелин ликовал. И радовался, что судьба подарила ему такого помощника. Пище-вкусовая кулинарная фанатика на глазах начала формироваться. Хотя торт и не подходил под определение лекарства. Зато всех заворожил.

Подошла к Денису и директор кондитерской фабрики. Предложила:

– Переходите к нам работать. Создам Вам все условия.

Денис поблагодарил, но отказался.

– Я не хотел бы на чём-то одном работать, мне нравится всё сразу.

– Тогда давайте договоримся, что будете у нас консультантом. А я Вам предоставлю возможность пользоваться нашими печами, когда Вам понадобится.

Это Дениса устраивало и он согласился.

Но частенько бывает, что к мёду кто-то да подкинет ложку дёгтя. Таков уж гомо сапиенс. На другой день в одной из желтых газетёнок была опубликована стёбовая статейка под заголовком «Расистский торт завоевал первый приз». Лихая и циничная журналистка Аида Гаврилова расписала торт Дениса как расистскую карикатуру, в которой белокожая красавица Ева была насмешливо противопоставлена туповатому коричневому Адаму.

Газету обнаружил отец Альфы, показал, свирепо ругаясь.

Альфа привезла её Арбелину, заехав за Денисом.

– Вот! – рассмеялся Арбелин, прочитав пасквиль. – Вот она журналистика! И вот вам, мои ребятки, пример и предупреждение. Я журналистов не случайно сторонюсь. Мать родную вываляют в навозе ради сенсации. Исковеркают любые слова. Денис пошутил насчёт неандертальца Адама и кроманьонки Евы, пожалуйста – исказили и вымазали. На будущее: сторонитесь контактов с газетами и телевидением. Со временем они к вам будут слетаться как мухи на мёд. Бегите от них стремглав и подальше.

Арбелин порывисто ходил по кабинету.

– За три дня до вашего ко мне прихода, дорвался-таки до меня один журналист, Гурин его фамилия, запомните. Согласился я дать ему интервью для «Вечёрки», газета вроде приличная и очень уж он напрашивался. Целую неделю надоедал. Приходит. Возраста уже пенсионного, выглядит скромно. Ну, думаю,

ладно, поговорим. Два часа отвечал на его вопросы, очень дотошно расспрашивал он про фасцинетику. И что же? Когда закончили, он мне и говорит: «А хотите я Вам ещё тему подброшу?» Я опешил. После двух часов расспросов он уже больше меня знает о фасцинетике и даже тему готов мне подбросить. «И какую же?» – спрашиваю его. Он ноль внимания на мою ироническую интонацию. Произносит важно, этак победно меня окинув взглядом: «Фанатизм!». Каков хмырь? Ему и невдомёк, что создатель фасцинетики уж фанатизм-то никак не мог обойти вниманием в своих исследованиях.

– И что Вы ему сказали на это, Юлиан Юрьевич? – спросила Альфа.

– Я у него блокнот из рук выдернул, листки с его записями оторвал и выпроводил. А когда закрыл дверь за ним, обозвал себя всякими нехорошими словами за свою глупость. Никогда не доверяйтесь журналистам. У них комплекс всезнательства при абсолютном невежестве. За небольшими исключениями.

Разрастанию популярности жёлтая статейка Денису однако нисколько не повредила.

Посыпались телефонные звонки.

Одним из первых позвонил Роман Кукуев:

– Ну ты даёшь, Денис! Сварганишь мне что-нибудь этакое на день рождения?

И вдруг совершенно неожиданно раздался в телефонной трубке мерзкий голос, который был впаян в память Дениса навсегда. Звонил Санька Дуб, должно быть Роман дал ему телефон.

– Денис, ёма-ёма, поздравляю! Ты супер! Людка от твоего торта в отпаде. Чо прячешься, заехал бы к нам, а?

Денис сжался, кровь прилила к голове, чуть не послал Дуба куда следует, но рационализм и приобретенная выучка пресекли гнев. Мгновенно подумал: «А ведь когда-то надо же с этим охлопусом встретиться».

– Давай запишу адрес и телефон. Как-нибудь загляну.

Так состоялся первый после армии контакт с Дубом. Он был нужен и сам Дуб проложил дорожку к мести.

Через два дня раздался ещё один неожиданный звонок. Позвонившая представилась Виолеттой Аркадьевой, диетологом, кандидатом медицинских наук. Попросила встретиться лично и сделать Денису деловое предложение. Назвала адрес, где можно увидеться и переговорить подробнее.

Завтра Денис был у неё на кафедре в медицинской академии.

Предложение было заманчивое. Виолетту Аркадьеву районная администрация попросила собрать творческую группу для разработки проекта питания для школ района.

– Понимаете, Денис, школы наши пребывают в пищевом хаосе. Да плюс вся эта заморская отравка, батончики, чипсы, сникерсы. Администрация решила создать какой-то научно обоснованный стандарт для школьных пищеблоков. А я-то думаю, что надо бы не только пищевую правильную основу им дать, но и ди-

зайн, чтобы ребятки с удовольствием набрасывались на еду. Отрава-то ведь красиво сделана, потому и рвутся к ней ребятишки. Сможете мне помочь создать увлекательную кухню?

Предложение диетолога было в точку, оно взывало к фасцинации.

Денис поделился с Виолеттой Аркадьевной идеей:

– Я предлагаю включить в проект пище-вкусовую фасцинацию. Это чтобы питание для детей было и полезно, и вкусно, и завлекательно.

Диетолог о пище-вкусовой фасцинации не слыхивала, но как только Денис начал её просвещать, тотчас ухватила суть и зажглась. Денис дал ей адрес сайта Арбелина. И согласился участвовать в проекте. Детской кулинарией он в своём родном городе удивлял всех.

– Прекрасно! – удовлетворённо воскликнула Виолетта Аркадьевна. – Поедем завтра в районную администрацию, я Вас представлю нашему начальнику.

Начальником оказался упитанный розовощёкий детина лет сорока с хвостиком Лажаков Юрий Александрович, заместитель главы администрации района. Увидев тощего Дениса, он с ходу выпалил:

– Повар, а худой как грабли! Ты что, мало кушаешь?

Виолетта Аркадьевна от такой хамовитости вспыхнула, но Денису было не привыкать к охлопусным реакциям на его внешность, всю жизнь в них купался, и потому отреагировал с юмором:

– Не в коня корм, Юрий Александрович.

Лажаков оценил ответ и весело заржал:

– А вот мы и придумаем такой корм, что раздашься как конь. А, Виолетта Аркадьевна? Придумаем?

– Придумаем, придумаем. – с улыбкой кивнула Виолетта Аркадьевна. – Я предлагаю Дениса в нашу группу, он будет создавать дизайн детского питания.

– Он? Дизайн? – Лажаков удивлённо посмотрел на Виолетту Аркадьевну.

Оказалось, что дремучий Лажаков о торте «Адам и Ева» не был осведомлён.

Виолетта Аркадьевна рассказала.

Лажаков снова заржал:

– Адам и Ева в виде торта? Первый приз завоевал? Ухохотаться! – и помрачнел. – Только в детском питании чтоб таких штукечки ни-ни!

Лажаков строго посмотрел на Виолетту Аркадьевну и Дениса, исполняя начальственную функцию, как он её понимал.

Получив позволение включить Дениса в творческую группу и договорившись о гонораре в сто тысяч рублей в две выдачи по пятьдесят тысяч, – аванс сразу и после сдачи проекта расчёт, – отбыли из администрации.

– Вы уж, Денис, не обращайтесь на это хамло. – извиняющимся тоном сказала Виолетта Аркадьевна. – Таковы чиновники, к сожалению. Но в нашу работу он встречать не будет, увидим его только при сдаче проекта. А денежку будем получать у кассира. Я закончу формировать группу дня через два-

три, позвоню Вам. Получите аванс и начнем трудиться на благо объедающихся отравой ребятишек.

Проект был интересен. Денис поделился столь неожиданным заказом с Арбелиным и Альфой.

– Это то, что надо! – оценил проект Арбелин. – Вот вам и практическое приложение фасцинетики сразу в двух направлениях: целительном и эстетическом. Детей в первую очередь надо спасать от массового ожирения. Неплохо бы поработать тебе, Денис, не только над дизайном, но и предложить диетологу какие-то рецепты под лейтмотивом вкусного лекарства. Но над этим надо работать и работать. Не сразу.

– Можно и мне подключиться? – попросила Альфа. – Вкусное лекарство для целительной фасцинетики ведь необходимо, так я понимаю, Юлиан Юрьевич?

– Ещё как! Это основа целительства.

На том и порешили: негласно академия подключается к проекту детского школьного питания.

Часть восьмая

ЭКСКУРСИЯ ПО МУСОРКАМ И УСТРАШАЮЩАЯ ФАСЦИНАЦИЯ

Июнь наполнялся теплом, по утрам погода установилась райская.

Арбелин решил не тянуть и поскорее устроить ученикам обещанную экскурсию по мусорным площадкам, чтобы наглядно приобщить их к проблеме реципрокности.

Позвонил обоим:

– Завтра в 8-30 жду у моего подъезда. Форма – как можно проще, шагать пешком придётся три километра. Пройдёмся по моему утреннему маршруту, по дороге и побеседуем.

Ученики созвонились и подъехали на своих машинах вместе.

– Молодцы, одежда как раз. – похвалил Арбелин. – Тачки оставляем и шагаем. Что сегодня увидим особенного – не ведаю. Но ни одного обхода моего не бывало без чего-нибудь интересного, а то и просто удивительного. Ни одного! Вот и сегодня что-то да выкинут реципрокты. Я уже к своим походам отношусь как к охоте. Азарт иной раз охватывает. Фасцинация. Не исследование, а конфетка. И отличная мотивация для ходьбы. Без мотивации 3-4 километра шагать ежедневно скучновато, а с мотивацией время мигом пролетает и интересно.

Для Альфы с Денисом прогулка с Учителем оказалась в высшей степени поучительной: они увидели совершенно в ином свете всю палитру того, что люди обыкновенно с брезгливостью избегают.

Арбелин по ходу показывал, разъяснял, рассказывал о необычайных случаях.

– Чего только не выносит народ наш на мусорки, чего только не бросает в баки! В феврале я обнаружил барсетку с паспортом. Денежку барсеточники, по

всей видимости, выпотрошили, а барсетку бросили в мусорный бак. Аккуратненько сверху лежала. Раскрыл, а там паспорт.

– И куда Вы его? – спросила Альфа.

– Отнёс вместе с барсеткой в стол находок.

– А почему не в милицию?

– Не хотелось процедурой себя отягощать. Им же надо подробно расписать что, где и почему. А в стол находок отдал и – прощайте.

На каждой площадке кто-нибудь из ходунов да копошился. В основном собиратели бутылок и банок из-под пива. Банки они все как один бросали на землю и ловким ударом ноги расплющивали.

– Тут своя технология. – пояснил Арбелин: – Расплющивают, чтобы побольше в сумку уместилось. И в пункте приема такие принимают – удобнее складывать. Видели, как бутылки собирают? Чаще всего люди забрасывают их в баки. Оттуда их и выживают бомжи, инвалиды, пенсионеры. А дальше куда их? В пункты приёма. Таксу все знают, стараются набрать бутылок побольше. Некоторые в день собирают по сотне. Труд, да ещё какой! Целый день на ногах. И однажды вот какую забавную картину я наблюдал. Вижу, навстречу идёт старушка с двумя большими пакетами. Несёт бутылки. Поравнялась со мной, поставила пакеты на асфальт и быстро бежит назад. Куда? А к двум таким же пакетам, которые шагах в двадцати оставила! Я остановился поглазеть. Она прихватила пакеты и понесла к тем, что оставила возле меня, но не остановилась, а прошла дальше метров на двадцать. Поставила, вернулась за оставленными. И вот так маятниковым способом она несла четыре пакета. До пункта приема идти ей с полкилометра. Представляете? Труд!

Подходя к четвёртой площадке, Арбелин увидел издалека величественную фигуру с тростью.

– Видите старца с тростью? – обратился он к Альфе с Денисом. – Я его называю профессором. Он в горной академии доцентом служил. Ему уже под восемьдесят. Величественный, с чеховской седой бородкой, с тростью. Красавец. Образ – хоть в кино снимай! Собирает в основном металл. К пенсии добавку прибавляет.

Арбелин поравнялся со старцем, перекинулся коротким разговором. И оба двинулись каждый в своём направлении.

– Он почти точь-в-точь повторяет мой маршрут, обходит тринадцать площадок. А может и больше. Иногда в сопровождении жены. Ежедневно! Тоже труд. Походи-ка целый день.

– Целый день ходит? – удивился Денис.

– Вот именно. Я часто летом прогуливаюсь ещё и вечерами, дополняю моцион. И встречаю его. Интереснейший человек. Но немногословный. А бывают забавности просто анекдотические. Как-то встречаю знакомого ходуна, мужичка лет сорока. Идёт в кожаном костюме! Брюки кожаные, куртка, будто из глянцевого журнала. Мачо! С месяц щеголял. Потом вижу – уже без кожи. Коля, – спрашиваю его, – почему свой роскошный костюм снял? Смеётся. Говорит, жарко в нём и неудобно. Одним словом, хоть дорогая и классная, но нефункциональная для ходуна одежда. Не рабочая.

Как и предсказал Арбелин, появилась реципрокная неожиданность, особенно удивившая Альфу: кто-то, как на заказ, подкинул показательную новинку. Альфа первой увидела, должно быть потому, что картина была, что называется, из женского гардероба. На ограждении вокруг мусорных баков красовалась женская одежда. А подойдя ближе, увидели и две пары модельных туфель на шпильках.

Альфа не постеснялась снять с ограждения, развернуть и осмотреть добро. Всё было почти как новенькое, чистое.

– Может уже не модное? – предположил Арбелин. – Женскую одежду, всякую, и летнюю и зимнюю, очень часто выносят. Дублёнки, шубы, куртки.

Альфа засмеялась:

– В нас, Юлиан Юрьевич, в женщинах вирус такой сидит – почаще обновлять прикид. Надоедает одно и то же. Ну, а у тех, у кого деньжата водятся, первое дело покупать новое, а старое выбрасывать.

– И, слава богу, что не в баки выбрасывают. Висеть это добро будет час или от силы два. Кто-то непременно возьмёт. Бесплатно ведь. Почисти и носи на здоровье. Чистейшая реципрокность. Я и сам недавно вынес два пиджака, великоваты стали, надоели. Через час их уже кто-то взял. А вот эту безрукавку, в которой я сейчас, прошлым летом подобрал. Вижу, кто-то вынес целый магазин мужской одежды, да ещё и на плечиках. Моего размера причём. Вот эту жилетку я и взял. Принёс домой, давай осматривать, какой же в ней дефект, раз её вынесли. Оказалось, бегунок у молнии сорван. Для меня устранить это пара пустяков, я же портной. Порылся в своих портняжных архивах, нашёл отличную молнию, прежнюю отпорол, свою прострочил, получилась не безрукавка, а чудо. Смотрите: фирменная, уйма карманов и кармашков, хлопок, цвет замечательный, сидит как влитая. Для уральского лета в самый раз. Спасибо неведомому реципрокту. В магазине такую редко встретишь.

– Вы и шить умеете?! – удивилась Альфа.

– А как же! Я ведь из племени стилиг. Стилиги в шестидесятых годах прошедшего века стали узенькие брюки носить. А откуда же их взять, если швейная промышленность не выпускала, а достояжная мода была диаметрально противоположная: брюки молодёжь носила морской клёш – магазинное распарывали и клинья вставляли. А стилиги наоборот – начали распарывать и зауживать. Мама меня научила машинкой швейной управлять. Она до сих пор отлично функционирует, электрическая «Тула», ни на какую не променяю. С тех пор и пошло-поехало. Дорос до того, что запросто шил себе джинсы и куртки. Не хуже фирменных.

– Как здорово! – Альфа с восхищением смотрела на Учителя. – Вы просто универсал!

– Ну, это ты перехватила! Но некоторую независимость от капризов рынка и моды я приобрёл. Где убавить, где прибавить, где укрепить или какую-то изюминку приладить, это запросто. Ту же молнию заменить или бегунок, никаких проблем. А люди выбрасывают. У тебя есть швейная машинка?

– Да, заморская, с наворотами. Шьёт замечательно.

– И прекрасно. А у меня к моей «Туле» точно такая же прошлым летом добавилась. Реципрокная. Взял для резерва. Я вам скажу – здесь можно обзавестись

чем угодно, разве что автомобиль не вынесут. Как-то иду и вижу рядышком с площадкой пакет. Подхожу, заглядываю и глазам не верю – новенький плеер «Rolsen». С проводами и пультом, нет только инструкции. Принёс домой, включил – не раскрывает диск и на табло выбрасывает канделябры. Из-за этого, видимо, и вынесли. Я, недолго думая, полез в Интернет, нашёл инструкцию к этому плееру, распечатал, ознакомился, и в пять минут наладил. И подарил его младшему сыну, у него как раз не было плеера. Вот так из рук в руки плеер нашёл нового хозяина и выполняет предназначенную ему роль. А видеоманитофонов сейчас выносят пачками! Избавляются, переходит народ на DVD и плееры.

– А у меня и то, и другое, много ценных записей на видеокассетах, жалко выбрасывать. – поделился Денис.

Арбелин поддакнул:

– Я тоже пока держу видеомаг и кассеты. Целый архив. Оцифровать весь этот архив – долгая морока. Но придётся.

Через одну площадку ждала экскурсию новая картина: мужчина и женщина грузили на тачку деревянные оконные блоки. Арбелин пояснил смысл:

– Сейчас многие ставят окна по-европейски, пластиковые, а наши деревянные российские стандарты выбрасывают. А дерево-то хорошее, сухое, вот его и подбирают владельцы частных домов или те, у кого есть дачи, увозят для своих надобностей. Польза несомненная. Эти на тачке приехали, а чаще ездят и подбирают на автомобилях с прицепными тележками.

И это было ещё не всё в этот день. На последней мусорке блистала на солнце неплохая, абсолютно целая, хоть и старого образца, стенка для гостиной, даже со стёклами.

– Вот это да! – восхитился Денис. – Это же и в мебельный магазин не надо идти.

Арбелин рассмеялся:

– И вполне возможно простоит она здесь до завтрашнего утра, а утром её погрузят на машину, которая проезжает по площадкам и подбирает выброшенный хлам. Так что можешь нанять машину и увезти домой.

– Много места займёт. Да и не современно.

– Вот это точно. – согласился Арбелин. – В Ноябрьске, где меня чуть не укололи, в те годы на мусорки выносили целые гостиные и спальные гарнитуры. Лучше этого. Нефтяники, денег много, как только хлынул в Россию поток заморской бытовой прелести, начался буквально массовый выброс на улицу прежней чешской и гедезеровской мебели. А она была престижной в советские времена, в очередь записывались за ней. Начал народ менять на итальянскую.

Денис поделился своим наблюдением:

– Я наткнулся как-то в Инете на интервью с актрисой Ольгой Аросевой. Она обставила свой дачный дом мебелью с мусорки. Кто-то из богатых соседей переустривал свою фазенду на европейский лад и вынес старую мебель. А там антикварные стулья и кресла. Она их принесла, почистила и они засияли. Это она журналистке рассказала, когда та восхитилась её креслами.

– Вот видите! Такова картина реципрокности, впаянной в обычную технологию городской санитарии, по всей стране. И по всему земному шару. Тот ходун, который в коже месяц красовался, с увлечением рассказывал мне, что в Америке

есть среди ходунов по мусоркам даже миллионеры. Где-то вычитал. Но главное не это. Я в своём исследовании пришёл к выводу, что человек ещё не утратил реципрокную доброту и бережливость. Достаточно много людей, которые думают не только о себе, готовы поделиться, отдать своё кому-нибудь, кому оно может пригодиться и помочь в жизни. На днях наткнулся на пакет детских вещей. Сверху записка «Все чистое и выстиранное». Разве не по-человечески?

Так, переходя из одного квадрата домов в другой, осматривая площадки и тупажи ходунов, беседуя, не спеша обошла экскурсионная троица тринадцать площадок, завершив своеобразный круговой маршрут радиусом с полкилометра вокруг дома Арбелина. К концу обхода у Альфы с Денисом прибавился в их сознании замечательно поучительный и полезный кирпичик знания и понимания жизни.

Экскурсию прилежно заснял на видеокамеру приклеившийся к «шайке-лейке» Ляушин. Для себя он с наслаждением брал в фокус соблазнительную Альфу.

Через три дня Арбелин призвал учеников на следующий семинар и начал как всегда с весёлого, но несколько шокирующего.

– Сейчас я покажу вам, что происходит с яйцами у человека, захваченного творческой fascinations. Вчера со мной случилось. Пойдем на кухню, покажу.

Альфа с Денисом растерянно переглянулись. Фраза смутила обоих.

Арбелин растерянность учеников не заметил, позвал:

– Идёмте, идёмте, покажу картину сюрреалистического искусства.

Они вошли на кухню.

– Смотрите на потолок над плитой. Что вы видите?

Потолок, словно дробью, был заляпан какими-то непонятными ошмётками.

– Сюрреализм! Или абстрактное полотно? – Арбелин весело рассмеялся.

Денис с Альфой недоумевали.

– Это следы от взрыва куриного яйца! – со смехом расшифровал Арбелин.

Только тут дошла до Альфы и Дениса двусмысленность фразы о яйцах.

Оба рассмеялись.

– А как это получилось? – спросила Альфа.

– Я варю яйца вот в этой небольшой кастрюльке. – он взял в руки почерневшую кастрюльку литра на полтора из нержавеющей стали. – Заливаю яйцо водой и ставлю на огонь. Варить надо 15–20 минут. Я уйду в кабинет к компьютеру. И если только что-нибудь меня увлекло, скажем статью пишу или в Интернете рыскаю, то часто вырубаясь и забываю о яйце. Вдруг слышу сильный хлопок. Иногда буквально как взрыв. Бывает так, что не понимаю сразу, в чём дело. Наконец вспоминаю – это же яйцо! Мчусь на кухню и лицезрею следы взрыва. Чем крепче яйцо, тем мощнее взрыв. Яйца с коричневой скорлупой взрываются сильнее. Проверено годами. Первый взрыв произошел сорок лет назад. С тех пор регулярно яйца мои взрываются. И ничего поделать не могу. Если захватит творческий процесс, взрыв обеспечен, хотя вроде бы я намеревался отслеживать. Всё равно вырубаясь. Вот вам живой пример сужения психики при творческой захваченности. Все побоку, хоть стреляй. Результат – на потолке. Придётся закрашивать. – он весело смотрел

на учеников. – Не варите яйца, если задумали что-нибудь увлекательное. Но это присказка. Сегодня темой семинара будет устрашающая фасцинация.

Они вернулись в кабинет.

– Юрий Кнорозов об устрашающей фасцинации не обмолвился. Впрочем, как и о пище-вкусовой. Это всё уже я выдумал. Древние римляне подсказали. Они страшно боялись фасцинации одурманивания и глаза, выдумали даже оберегающего от дурного глаза бога Фасцинуса, символом которого был фаллос. Утыкали фаллосами, прошу прощения у дам, – Арбелин смешливо посмотрел на Альфу, – не только Рим, но и всю империю. Вот от них я и взял магическую и устрашающую фасцинацию.

– Фаллос – и магия? – смущаясь, спросила Альфа.

– О, ещё какая! У всех древних народов. У римлян фундаментальная. Выдумали, что фаллос может быть самым мощно действующим амулетом против злых сил... Но сегодня не об этом. О магической фасцинации будет у нас отдельный семинар. Сегодня освоим устрашающую фасцинацию.

– Помните театр с рыжим котом и бабочкой? – Арбелин улыбнулся: – А вот другой театр. Возвращаюсь вчера с утреннего своего моциона, подхожу к подъезду и вздрагиваю от яростного собачьего лая. Так меня встречает такса, со второго этажа, как раз над входом в подъезд. Стоит на подоконнике и остервенелое лает. Продолжается это уже года два. И, скажу я вам, всегда, если я забываю про неё и вдруг раздаётся её лай, я цепенею, волосы дыбом и мурашки по спине. Аж сердце замирает. Когда это было впервые, я чуть ли не оледенел. Лай у нее сумасшедший. А сама маленькая. Вот она эволюция, реакция на хищный лай, на сигнал устрашающей фасцинации. Оцепенение и мурашки по коже. И привыкнуть не могу. Автоматизм страха. Есть в природе маленькие лягушки, которые издают кваканье как огромные жабы, басом. Нагоняют страх на всех, кто намеревается зайти на их территорию. Меня такая же маленькая собачонка, как такса, дворняжка, когда мне было 19 лет, цапнула за лодыжку, да так умело, что кровь из ранки долго не останавливалась. Пришлось идти в поликлинику. Там мне ранку качественно заклеили и запустили на уколы от бешенства, жутко болезненные, в живот. Я не выдержал курса чуть ли не в сорок уколов и мне не оформили справку о травме, а я несколько дней учёбу прогулял. Был я тогда студентом геолого-разведочного техникума в Новочеркасске. И меня сняли со стипендии на целый семестр. Дворняга меня со стипендии скинула. Я два месяца без стипендии выдержал, а больше не смог, помогать некому было. Бросил техникум и вернулся в родной город на Урал, поступил на завод. Так что у меня к эволюционному страху от агрессивного собачьего лая прикрепилась ещё и фобия. С тех пор собак боюсь. Все понимаю, а боюсь, и когда эта стервозная собачонка лает, цепенею как ребёнок. Вот вам пример действия устрашающей фасцинации. Лев Толстой собак не боялся, а лай собачий жутко не любил. Разбивало он творческую сосредоточенность. Понятно почему? Устрашающая фасцинация происходит от собачьего лая, стирание в мозгу как ластиком.

– Юлиан Юрьевич, спасибо дворняжке! – весело рассмеялась Альфа. – Ей надо памятник в Новочеркасске поставить! Она лишила Вас стипендии, зато спасла для науки.

– Точно! – засмеялся и Арбелин. – А то бы я геологом стал. Неведомы пути господни, как говорят христиане. Судьба.

Денис подхватил тему:

– Я вот поваром стал, а хотел на химфак после армии поступить. В части повар заболел и меня на кухню определили. Не заболеет повар, учился бы на химфаке.

– Химфак от тебя не уйдёт. Теперь для тебя биохимия должна стать родной наукой. У меня давний приятель, Дмитрий Петров, в университете заведует кафедрой биохимии, мы как-нибудь к нему сгоняем. Он поможет определиться.

– Мне, Юлиан Юрьевич, тоже биохимия не помешает? – задала вопрос Альфа.

– Не только не помешает, а необходима. Все вместе к нему и съездим. Он нам нужен позарез.

Арбелин продолжил разъяснение об устрашающей фасцинации:

– Вот такой поразительный пример в журнале «Вокруг света» я нашёл. В рассказе одного из полярников с острова Шпицберген. Там обитает популяция овцебыков, завезённая из Гренландии. Условия для выживания ужасные, скудные, но всё же овцебыки прижились. А врагов у них там нет. Обладают они нравом не столь уж свирепым, но лучше их не беспокоить. Одна особенность в их поведении поразительна. Они невозмутимы и способны впадать в некий транс, стоять на одном месте сутками. И вот как-то приехали на остров туристы, я возле базы вахтовиков такой вот овцебык вторые сутки торчит. Туристы бросились к нему, щёлкают фотоаппаратами, чуть ли не трогают его, а он – ноль внимания. И тут из домика вместе с туристкой, которая её с собой привезла, выскочила лайка и напрямик кинулась к овцебыку. В долю секунды овцебык ожил, мотнул головой, чуть не подцепив на рог собаку, и рванул наутёк. Кто его учил, что собак надо бояться? На Шпицбергене их нет. Эволюция! Скорее всего, на Гренландии у овцебыков был печальный опыт встреч с собаками и охотниками-викингами, вот оно и закрепилось в генах. Одна-единственная моська, которую могучее животное с рогами могло бы, как говорится, размазать по снегу, привела его своим лаем в ужас и он бросился драпала. Шерсть дыбом от страха. Как у меня волосы дыбом на голове и мурашки по позвоночнику от лая таксы. Собачьего лая, кажется, бояться все животные, он является сигналом о появлении самого страшного животного – человека. – Арбелин рассмеялся собственному сравнению с овцебыком. – Но я ведь кое-что про собак и хищников знаю, не то, что овцебык. Вот сегодня и провёл эксперимент. Приготовился, ожидая, что такса появится, поэтому её лай хоть и воздействовал, но не так сильно. Я остановился и поднял голову. Такса остервенела. Я устремил взгляд прямо ей в глаза, в упор. Видели бы вы её реакцию. Лай её стал тише, тише, потом она как-то вяло заскулила, попятилась задом и исчезла с подоконника. Взгляд в упор – это тоже устрашающий сигнал, звери от него приходят в ярость или ломаются. Вот вам примеры устрашающей фасцинации. Яростный лай и взгляд в упор. Предполагаю, что первобытные люди владели двумя супер-фасцинациями, которые помогали им выжить. Первая – это неистовая весёлость, с плясками до экстаза и транса. Это воодушевляло и объединяло. А вторая – неистовый взгляд в упор, бешенство, яростный крик, тот, что культивируют в восточных единоборствах как крик ки-ай. Такой мощи и концентрации крик, что может выключить сознание, ввергнуть в панику и ступор. Все древние народы

умели так орать, что наводили ужас. Кельты перед битвой вопили как сумасшедшие и трубили в трубы, наводя страх на противника. Ясно, что этот приём использовался первобытными людьми и при загонной охоте или при отражении опасного хищника. А ещё свист. Не случайно же в фольклор вошёл свист, от которого деревья ломаются и конь на колени падает. Наводившего ужас свистом Соловья-разбойника смог победить только такой богатырь, как Илья Муромец. Наверняка первобытные люди обладали этими двумя жуткими для всех животных способами устрашения и отпугивания – неистовым яростным криком ки-ай и разбойничьим свистом. Умели нагонять страх. А при жутком страхе в мозгу происходит стирание всего иного и устрашающая фацинация захватывает весь мозг целиком, вгоняя его в панику или ступор.

Арбелин помолчал.

– Всё, что завлекает и увлекает – радостно поёт, а всё, что страшит и отпугивает – яростно орёт и рычит. Вот два полюса сигналов фасцинации. Орнитологи открыли, что устрашающе умеют рычать даже воробьи. Видов «рычания» громадное множество. Это и акустическое рычание как таковое, и всяческие обжигающие брызги, и электрические удары, и невероятная вонь, и парализующие вещества. Живой мир обороняется и устрашает, как только может, порой до невероятно жестокой изощрённости. Причём одно и то же существо умеет и замечательно очаровывать и не менее замечательно устрашать и пугать. Мощнейшая полифония сигналов фасцинации. Приманки и страшилки. Наблюдайте. И будьте всегда начеку.

Часть девятая

ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЙ ОЗОРНОЙ ПИНГВИНЧИК

Колледж культуры от победы Дениса в конкурсе торгов был в восторге. Все, от директора и коллег по столовой до студентов, поздравляли Дениса. Девчонки смотрели на него влюблёнными глазами: успех и популярность – первые сигналы чарующей фасцинации для женщины. Денис купался в этой атмосфере всеобщего обожания.

А спустя неделю после победы произошло то, о чём Денис мечтал, но при своём уродстве боялся думать. Он влюбился. Это была его первая любовь и была она любовью с первого взгляда. Нейропсихологи открыли, что любовь с первого взгляда возгорается за 0,2 секунды. У Дениса она вспыхнула ещё стремительнее!

А поразила его молнией восхищения студентка последнего года обучения Альбина Арипова.

Невысокого роста, удивительно гибкая, гуттаперчивая, Альбина относилась к тем чудесным созданиям женского пола, которых трудно не заметить, а заметив, не очароваться, если мужчина, или озлобиться, если женщина. «Сальма Хайек!», – мгновенно оценил её Арбелин, как только увидел спустя несколько месяцев, и отнёс к этому выдающемуся обаянием и гибкостью типу в своей классификации женских

тел. Природа подарила Альбине ту редкостную fascinaцию тела, которая действует на мужчину, отшибая цензуру разума и превращая его в вожделяющего самца.

И это было бы совсем неплохо, — о таком подарке небес мечтает любая женщина, — если бы в роскошно вылепленном для обожания и любви теле Альбины не застрял вирус порока, введённый в него хирургом и патологоанатомом Александром Федоренко, соседом по дому, мерзостным умелым педофилом. Это он превратил милую соседскую девчонку в нимфоманку, начав развращать её с десятилетнего возраста. Как зверька, приручил хирург и патологоанатом девчущку конфетками, шоколадными батончиками и сникерсами, всем тем, что обрушилось на головы мальчишек и девчонок, страстно любящих сладости, с приходом рыночной свободы. Но изобилие это коснулось не всех. Альбина росла в семье полунимфоманки матери-одиночки с двумя братишками младше её; мать крутилась как белка в колесе, и Альбина росла без строгого материнского присмотра, часто предоставленная сама себе, и при их бедности заморские сладости были для неё недостижимой мечтой. Этим-то и воспользовался зоркий и гнусный сосед, приманивая девочку чарующими сладостями, — испытанным веками средством совращения малолетних. Действовал врач умело, осторожно, добиваясь задуманного маленькими шажками, пока не приручил девочку настолько, что его руки, ласкающие тело, уже её не смущали, а стали желанной потребностью. Затем последовали и всё более и более услаждающие, превращавшиеся в неодолимую жажду, эротические манипуляции. К четырнадцати годам Альбина превратилась в нимфоманку.

Только в семнадцать лет она одумалась и осознала, что ввергнута растлителем в порок, который взял её в клещи и не выпускает. И возненавидела себя, жила в тревоге, что если порок будет обнаружен, она превратится в посмешище. С этим пороком, с трудом с ним справляясь, страдая и проваливаясь в него как в роковую бездну безудержного гиперсексуального гнёта, Альбина с тех пор и жила, постепенно с взрослением осознавая всю пропасть свершившегося с ней растления.

Альбина стала стараться выйти из схватившей её за горло зависимости, обуздать вожделение силой воли, однако скоро убедилась, что тело побеждает разум и волю: вожделение настолько властно захлёстывало всё тело, что она теряла твёрдость к сопротивлению, а вместо рационального сознания необходимости воздержания появлялась какой-то невероятно блудливый пофигистский приказ «Хватит выдрючиваться, иди и совокупись!». И она срывалась. А как только тело получало желанное и расслабленно приходило в норму, вновь появлялась рациональность, чёткое понимание порока и разум произносил приговор: «Ну и свишня же ты, блудливое ничтожество!».

Эти мучительные броски в похоть, а потом в совестливое осуждение, становились всё мучительнее, и избавления она не находила. Самое страшное, что она поняла, это то, что тело впадало в истерию вожделения и полностью отключало разум и волю, заменяя их каким-то животным побуждением «делай, что я хочу!» Ничего не помогало. Разум сражался с её телом, пытаясь обуздать похоть, и проигрывал, подчиняясь её приказам. Только после ублажения тело отступало, освобождая поле действия разуму, и разум начинал свою разрушительную работу осуждающей критики. И это было мучением, от которого появлялось отчаяние и мысли о самоубийстве. Она презирала и ненавидела себя: и срам тела, и ничтожность разума.

Альбина приучила себя к предельной осторожности, избрав защитный способ удовлетворения захлёстывающей тело сексуальности. Как только гормональная атака ввергала её в вожделение, она садилась в трамвай или автобус и ехала на окраину Бурга, и только вдали от колледжа выбирала какого-нибудь чистоплотного на вид самца и набрасывалась на него как хищница, ввергая его в блаженство, какого он не ожидал. Насытив животный позыв, она возвращалась в общагу и засыпала мёртвым сном, а проснувшись, готова была повеситься. И с ненавистью к себе ждала очередного пароксизма плоти, приказывающего ловить самца. Более всего она стремилась отыскать какого-нибудь военного, особенно выискивая прапорщиков, полагая, что военные всё же здоровее и чище. Ей везло, — должно быть интуиция на чистоплотность спасала, — ни разу не подцепила никакой заразы.

Не до любви было Альбине с её пороком, и потому, поймав влюблённый взгляд Дениса, она всегда принимала строгий вид и рассерженно отводила глаза. Он ей понравился, она сразу поняла, что он настоящий, честный и скромный парень без модной в современной молодёжной среде похотливо циничной закладки, но представить его рядом с собой при её неконтролируемом пороке она не могла и не позволила бы себе. На смешки и намеки сокурсниц о влюблённости Дениса, отшучивалась, как могла. А сама о нём часто думала. И это усиливало ненависть к своему пороку. Избавления от него она не видела и не знала. Добавил ненависти психотерапевт, к которому она обратилась полгода назад. На первой же встрече с ним она увидела раздевающие её масляные похотливые глаза и, вскочив, выбежала из кабинета, хлопнув дверью. Перечитав уйму книг и порыскав по Интернету, убедилась, что порок её неизлечим, и если уж от него избавляться, то только одним способом — бросившись под поезд или в петлю.

Ничего этого Денис не знал и ежедневно с нетерпением ждал появления Альбины в столовой, чтобы наглядеться. Сделать попытку познакомиться не решался, а она ни разу на это его не подтолкнула, держалась холодно и отстранённо, будто его и не было на свете.

Комплексами телесной неполноценности два молодых существа были бесысходно разделены.

Сразу же после победы в конкурсе на Дениса обрушились заказы. Первым чисто кулинарным, если не считать предложения Виолетты Аркальевны, был забавный заказ торта на юбилей пенсионера-футболиста.

Обратились к Денису сыновья пенсионера, их отцу исполнялось семьдесят лет. Возжелали сыновья преподнести отцу сюрприз и придумали, что сюрпризом мог бы стать торт с футбольным полем и футболистами, среди которых забьёт гол их отец, в молодые годы игравший нападающим в местной команде.

Заказ был хоть и трудно исполнимый, — вылепи-ка двадцать две фигурки футболистов! — но весёлый и увлекательный. Денис согласился. Времени на исполнение заказа дали два дня. Попросил у сыновей фотографию отца, каким он был в годы футбольных баталий. Они принесли. Нашёл в Интернете отличную фотографию какого-то футбольного матча, с яркой динамикой всех двадцати двух футбо-

листов. И принялся лепить. Всё зависело от фантазии и мастерства. Денис работал с воодушевлением и это передалось лепке фигур – они выходили как живые.

Торт получился размера внушительного, пришлось выпекать его на кондитерской фабрике. Сбежались посмотреть на необычную лепку все кондитеры во главе с директрисой.

И надо было видеть восторг и умиление ветерана, когда на юбилейном торжестве внесли торт! Все сразу опознали в футболисте, бывшем по мячу, юбиляра, раздались восторженные возгласы и аплодисменты. Ветеран не сдержал слёз. Это был его триумф. Его и Дениса.

После таких кулинарных успехов на Дениса в буквальном смысле хлынул поток заказов. Жлобом Денис не был, цены назначал невысокие, но и их хватало бы ему, чтобы распрощаться со столовой в колледже и стать свободным художником. И это было бы удобно во всех смыслах, но тогда он не мог бы видеть почти ежедневно Альбину. Нагрузка получалась огромная: столовая, проект детского питания, заказы. А тут и Арбелин призвал к новому эксперименту, в котором Денису отводилась главная роль.

Спустя неделю после триумфа торта, поразмыслив над продолжением, Арбелин выпестовал в своём воображении новый эксперимент.

– Ну-с, господа академики, двинемся дальше. Победа Дениса меня окрылила. Мы, оказывается, уже способны вполне надёжно фасцинировать народные массы. А посему предлагаю провести кулинарный эксперимент более крутого масштаба. Он будет проверкой наших возможностей. И учёбой в действии. Это будет первый по-настоящему научный практический эксперимент Академии «Альфа». И одновременно тренинг. Поработаем в согласии с Карлом Марксом. Он сформулировал основной экономический закон, который безостановочно тащит человечество вперёд. Как я полагаю, в конечном счёте – в пропасть. Это закон возрастания потребностей. Разрастающиеся потребности – это всё новые и новые вещи, возбуждающие тягу их приобрести и пустить в ход, новые услуги, новые улады и удовольствия. Новая вещь – новая потребность. Во всём, от игрушек до пищи и жилья. Так ведь и велосипед с автомобилем появились. Или тот же кубик-рубик, знаете такую завлекательную игрушку? Умопомрачительный к ней интерес был у всего человечества. Соревнования на скорость проводят до сих пор. Вот нам бы и надо попробовать изобрести какую-нибудь штучку, на которую население набросится. Увеличить потребность по Марксу. Очаровать какой-нибудь небольшой, тысяч в пятьдесят, городок. Велосипед и кубик-рубик мы вряд ли сможем придумать, а вот что-нибудь пищевое сумеем. Торт «Адам и Ева» тому подтверждение. Изобретём продукт, который жителей очарует и они ринутся потреблять его с радостью и наслаждением. Я буду за главного конструктора, Денис станет главным технологом, а ты, Альфа, возглавишь изобретение фасцинирующего дизайнера и рекламы того продукта, который мы общими усилиями с весельем и захваченностью сконструируем.

– Какой, какой проект, Юлиан Юрьевич? – не скрывая нетерпения воскликнула Альфа.

– Ещё не знаю. Сначала даю вам задание. Всего на один день. Оно лёгкое, одного дня достаточно. Слушайте внимательно. Готовы?

Альфа с Денисом кивнули.

– Продукт должен быть легко исполняемый, съедобный, недорогой, популярный. Это всё.

Денис с Альфой переглянулись.

– Вроде пряников? – удивлённо спросила Альфа.

– Что угодно. Мы сделаем нечто необыкновенное, то, что станет мощным, неотразимым сигналом-образом пище-вкусовой fascinации. Завтра приходите ко мне вечером, часов в восемь. Проведём мозговой штурм. Выберем. И начнём конструировать.

– Всё что угодно? – спросил Денис.

– Абсолютно. Что придёт в голову. Хоть сотню названий.

Арбелин был хитёр, он провоцировал своих соратников, продукт-то он уже придумал, но хотел посмотреть, что выложат перед ним Альфа с Денисом. Если среди их предложений окажется то, что он придумал, замечательно. Не окажется – будет им уроком.

А придумал Арбелин штуковину и для самой неожиданной. Прогуливаясь вчера, он заметил, что у киоска с мороженым стояла небольшая очередь, человек семь-восемь. Был жаркий вечер. Мелькнуло в голове – надо попробовать. Пока передвигался в очереди, осмотрел витрину, насчитал тридцать шесть марок мороженого. Самые разных – от популярных «Морозко», «Пломбира» и «Эскимо» до современных фирменных с красочными упаковками, подороже. А одно звалось даже «Трали-вали». Купил «Морозко» и «Трали-вали» – для сравнения. Мороженым Арбелин никогда не увлекался и ел его только за компанию, редко. Сейчас интерес у него был не пищевой, а исследовательский: насколько оно увлечёт его, очарует ли или оставит равнодушным.

То и другое съел с удовольствием. Духота подстегнула аппетит. Была очередь, значит продукт популярный, раскупаемый, особенно летом.

Так зародилась идея изобрести необыкновенное мороженое, создать новый образ, который взвинтит потребность и разогреет предвкушение удовольствия.

Что это будет за образ, он ещё не представлял. Знал пока только одно – надо сконструировать некий сигнал-образ вкусовой fascinации, самой популярной и базовой для человечества.

Ученики его тем временем выдумывали и составляли список. Расставшись, продолжали каждый у себя дома.

Вечером на следующий день состоялся импровизированный мозговой штурм.

– Читай свой список, Альфа, а ты, Денис, вычёркивай из своего те названия, которые повторяются. Оставшиеся потом скажешь.

Чего только не было в списках Альфы и Дениса!

Все сладости от леденцов и конфет до пирожных и тортов. Чипсы, коржики, сухарики, и так далее. Потом шли напитки. Потом всяческая молочная вкусяттина. Затем пирожки с разной начинкой, от повидла до мяса.

Арбелин ждал мороженого. И когда список был исчерпан, то был поражён – мороженого у его соратников в нём не оказалось. Это была загадка. Возможно, и он пропустил бы его, если бы не увидел вчера киоска и очереди. А ребята уехали на машинах, нацелены были на составление списка и не встретили по пути ни киоска, ни очереди. Вот и пролетело мимо, так бывает.

Удовлетворённый анализом, он потёр руки, встал и торжественно произнёс по слогам:

– Мо–ро–же–но–е!

И рассмеялся.

Денис с Альфой мгновенно оценили предложение Учителя и поняли, что оно перекрывает их списки. Мороженое явно было в стороне от всего того вкусного и сладкого, что они перебрали. Оно и продавалось отдельно, как правило – в киосках. И было безусловным деликатесом, причём популярным и недорогим.

– Сдаюсь! – засмеялась заливисто и весело Альфа. – Мороженое! Правда, Денис?

Денис сконфуженно кивнул головой. Как он не догадался?

Арбелин сел.

– Остаётся выяснить, умеет ли Денис делать мороженое.

– Приходилось. – улыбнулся Денис. – Ничего сложного, было бы молоко хорошее.

– Прекрасно. – Арбелин облегчённо вздохнул. – Вот нам всем и задание – сконструировать необычное, из ряда вон выходящее мороженое, на которое народ набросится, как на манну небесную. Старт дан. Срок – три дня. Я тоже выдумываю.

Все трое провалились в омут творческой захваченности – самый сладостный и опасный в жизни человека.

Пролетел отпуск, полковник Гаргалин вернулся к службе.

Европа и музеи подействовали на него как бальзам, привели в жизнерадостный тонус.

– Ну-с, как обстоят дела с нашим креатином и спасителем Отечества? – весело обратился он к подручным, явившимся к нему с информацией. – Докладывай сначала ты, Виталий Кутайсович.

Как Гаргалин и предполагал, досье на Арбелина было. А кроме этого была довольно любопытная информация и из милиции. Оказывается, на заре перестройки Арбелин чуть не загремел в места не столь отдаленные за тунеядство.

– Вот это да! – удивился Гаргалин. – Учёный и тунеядец!?

– Он к тому времени не работал, уволился и жил вольной птицей. – пояснил Никшанов. – Семья, жёны, дети.

– Жёны? – не пропустило чуткое ухо Гаргалина множественного числа.

– У него, Станислав Анатольевич, было пять жён! – не то с восхищением, не то с возмущением выпалил Никшанов.

– Было? А сейчас сколько? – засмеялся Гаргалин собственной шутке, ещё не ввехав в смысл сообщения.

– Сейчас ни одной.

– Рассказывай подробнее. – наморщил лоб Гаргалин. – Пять жён. А потом ни одной. Он что у нас, маньяк?

Никшанову реплика Умника понравилась:

– Маньяк, это точно.

Гаргалин вспомнил о подсказке профессора Цукермана.

– А про его диссидентство выкопал?

Вопрос Гаргалина несколько обескуражил Никшанова. Он-то думал, что преподнесёт Умнику сенсацию о диссидентстве креатина, а Умник уже знает. Ну и Умник!

– Есть и об этом. – кивнул он.

И он выложил всё, что накопал за месяц, в подробностях. Выложил и распечатку мнений о фасцинетике и Арбелине, которые собрал с форумов в Интернете.

Гаргалин по мере продвижения по страницам проделанного Никшановым розыска мрачнел, думал. Учёный ставил ему вопросы и загадки.

– Что думаешь Виталий Кутайсович?

– Мочить в сортире таких, вот что я думаю. – пробурчал астматик.

Шутка была не смешная.

– Тебе, Кутайсович, только бы мочить. – усмехнулся Гаргалин. – Нам источник нужен, а замочить мы всегда успеем. Ну, а ты что откопал, Петрович? – он посмотрел на Ляушина.

Ляушин был дотошен и его донесение вопросы и загадки умножило:

– Станислав Анатольевич, наш креатин – горбатый. Увидите, я на камеру заснял. И каждый день ходит по мусоркам. Но банки и бутылки не собирает.

– А что собирает?

– Всякую дребедень, а недавно подобрал собрание сочинений Сталина. Восьмитомник, в коричневых корочках.

– Заснял?

– А как же! Только на фото.

– Давай посмотрим.

Он включил компьютер, вставил флэшку.

Горб креатина он пропустил без особого интереса. А вот сюжеты, представшие пред очи Умника, вызвали удивление.

– Ишь ты. Мусороподборщик, значит. – Гаргалин почесал переносицу. – А банки пивные, значит, не собирает? Прямо ребус какой-то. Горбатый ученый ходит по мусоркам. Ещё что выкопал?

– Консультирует. За деньги. Занимается незарегистрированным предпринимательством. Думаю, можно в налоговую сдать. – сделал Леушин подлый намёк, полагая, что получит одобрение Умника.

– Забудь и выброси из башки! – Гаргалин бросил на презренного агента злой взгляд. – Он пенсионер, подрабатывает. Ты в налоговую не собираешься на работу переходить? Посоветуйся с женой.

О коррумпированном супружеском союзе Ляушина и Синютиной Гаргалин знал.

– Никак нет. – ответил тотчас сникший Ляушин.

– Вот и прижми хвост. Не спугни креатина. Засёк, кто приходит на консультации?

– Засёк.

– Ну, и кто?

– Самые первые, буквально после Вашего ухода в отпуск, трое. – Он перевернул страницы блокнота. – Вот. Первая – девушка, инвалидка, хромота на левую ногу. Ходит с тросточкой.

Голос Ляушина дрогнул. Гаргалин с Никшановым переглянулись понимающе, догадываясь о страданиях сослуживца. И они были недалеко от истины. Кадры с Альфой стали для Ляушина ежедневной музыкой счастья и горя, он подолгу любовался хромоножкой, а заканчивал рукоблудием.

– Заснял её? Красивая? – спросил Гаргалин, не скрывая улыбки.

– А как же. – подтвердил Ляушин, не уловив иронии. – Вот флэшка, посмотрите... Красиво, чертовка, хромота. На своей тачке приехала. Я её вычислил. Двадцать два года, студентка психологического факультета университета. Не замужем. Живёт с отцом. Отец разведён. Я и автомобиль её тоже заснял. Приезжает к креатину часто. Второй – парень, лет двадцати двух-трех. Худой как жердь. Сфотографировал, посмотрите. Я не сразу его засёк. Только когда он с хромоножкой приехал и они пошли к подъезду как знакомые, я понял, что и он к креатину ездит. Отследил его. Звать Денис Захаров. Переехал два месяца назад из города Н-ска. Живёт с престарелой бабушкой. Недавно устроился работать поваром в колледж культуры и искусства. Третий – отец хромоножки. Два раза приезжал на внедорожнике «Субару». Бизнесмен, владелец заводика по выпуску охранной сигнализации. Лицензия есть, налоги платит исправно.

Клиенты Арбелина были необычны и заинтересовали Гаргалина.

– Вычислил, где живут?

– Адреса, квартиры, всё как положено.

– Отлично. – похвалил Гаргалин. – А креатин-то, мужики, прелюбопытный.

А? Не ожидал.

– Может мне к нему на консультацию сходить? У него на сайте объявление. Жучок поставлю. – предложил Ляушин.

– Пока не надо. Не такая уж птица, чтобы сразу и жучок ставить. А контакт с ним я и сам устрою. Приглашу, познакомлюсь, в глаза посмотрю. Очень любопытный фрукт. Бутылки не собирает, а по мусоркам ходит. Неужели каждый день?

– Как штык. С раннего утра, а бывает и вечером. Два захода в день. – Ляушин с иронической улыбкой добавил. – А тощий клиент креатина что отмочил, Станислав Анатольевич, пока Вы по Европам разъезжали! Посмотрите сюжетец. В теленовостях по всем каналам показывали.

Он дал Гаргалину другую флэшку.

Гаргалин был поражён. Удивление у него вызвало то, что Арбелин дружит с юным поваром. С чего бы это? Зачем ему повар, пусть и высокого класса? Ниче-

го случайного в этом мире нет, значит поварёнок с Арбелиным в какой-то непонятной пока Гаргалину связке.

В кадре мелькнула и хромая девушка.

– И хромоножка тут же?

Гаргалин поднял глаза на Ляушина:

– Вот и я говорю – какая-то шайка-лейка...

– Что-нибудь ещё? – недовольным тоном пробурчал Гаргалин.

– Недавно креатин провёл по своему мусорному маршруту девушку со скелетом. Я заснял.

Он дал флэшку.

Экскурсия предстала перед взором Гаргалина как некий видео-репортаж: вот троица разглядывает мусорные площадки, встретили знакомого старца, Арбелин с ним о чём-то переговорил и разминулись, вот перебирают выброшенное на мусорку барахло. Если и было во всём этом репортаже что-то привлекательное, то только изящная хромоножка. Ею Гаргалин залюбовался.

– Девочка-то, Петрович, как из Голливуда!

Ляушин побагровел:

– Слов нет!

– Нда... фрукт.. Пять жён... Мусорки.. – перечислял Гаргалин отстранённо. Встряхнулся. – Хорошо потрудились. Завтра ко мне. Я поработаю над информацией.

Гаргалин пролистал оставленные отчёты, ещё раз внимательно посмотрел фотографии и видеозаписи. Девушка вновь остановила его придиричивый взгляд. Эх, хороша! К нам бы такую завербовать...

Странная связка Арбелина с поваром и студенткой психфака задавала задачу.

Гаргалин размышлял: «Как мог отшельник, одиночка, нигде не служивший, создать какую-то фасцинетiku и выдумать грамотно составленный проект секретного центра? Не является ли он чьим-то ретранслятором, который сейчас наблюдает за разворотом событий? Какая и чья хитрость может быть скрыта за всем этим? Надо его увидеть вживе, услышать, посмотреть в глаза. Повода для встречи искать нечего – его проект сам собой взывает к свиданию. Но надо крепко подготовиться, встреча непростая». И Гаргалин записал в дневник призвать к себе Арбелина через три дня. Трёх дней на подготовку к беседе с креатином достаточно, решил он. Кроме того ещё что-нибудь Никшанов с Ляушиным накопают.

И как в воду смотрел. Ляушин добавил ему новый факт: вчера креатин снова остановился и разговаривал с тем странным стариком, который фигурировал в «репортаже».

– Что за старик? Выяснил?

– А как же! Приклеился к нему и дошёл до квартиры. По адресу его поднял о нём всю информацию. Пенсионёр, 76 лет. Работал в горной академии доцентом. Я за ним несколько раз прошёлся. Собирает по мусоркам в основном металл, сдаёт в пункты металлолома. Наверняка, добавку к пенсии прирабатывает.

– Вот дожили! Учёные по мусоркам ходят. – ругнулся Гаргалин.

К встрече с соратниками Арбелин заготовил сюрприз: купил в ближайшем киоске по две штуки всех марок мороженого, какие были выставлены на витрине, чем удивил и обрадовал киоскёршу.

– Для детей? – полюбопытствовала она.

– Для сорванцов. – засмеялся Арбелин, укладывая в заготовленную коробку шестьдесят шесть мороженок.

Как только появились Альфа с Денисом, он достал из холодильника и аккуратно в шеренгу выстроил все тридцать три образца:

– Вот они, милые, во всей рыночной красе.

– Ой, как здорово! Никогда столько разных сразу не видела. – отреагировала восторженно Альфа.

Арбелин обратился к ним:

– Присмотритесь и, не долго раздумывая, выберите каждый по пять штук тех, какие вам понравились больше всего.

Глаза академиков загорелись и они ринулись исполнять тест.

Через минуту наборы были готовы. Сравнили. Оказалось, что у Альфы и Дениса по три штуки совпали и среди них «Трали-вали». Ещё две были «Морозко» в вафельном стаканчике и «Эскимо» в шоколаде на палочке.

– Прекрасно, – констатировал итог теста Арбелин. – Почему эти три совпали, как вы думаете?

Как всегда, первой откликнулась стремительная Альфа:

– «Трали-вали» необычное, а «Морозко» с «Эскимо» – привычные, любимые всеми ребятами с детства.

– Точно, я тоже по этому принципу отобрал. – согласился Денис.

– Видите, как даже в простейшем случае управляет поведением фасцинация: необычное и любимое-привычное. Мы же должны придумать не привычное, тут нам «Морозко», «Эскимо» или «Пломбир» не переплунуть, проиграем. Значит надо идти в сторону к необычному, новому, вылетающему из ряда привычного. Изобретатели «Трали-вали» и пошли по этому пути. И добились своего. Но, мне кажется, изобретение их несколько неточное. «Трали-вали» слишком фривольно и ассоциируется с таким пустым легкомыслием. Нам надо это учесть и придумать гораздо более сильный для очарования образ. О вкусе я пока не говорю. Давайте испробуем на язык «Трали-вали» и «Морозко». Что вам понравится больше.

Принялись за дегустацию. Остальные марки мороженого Арбелин собрал в коробку и отнёс в холодильник:

– Будем потом смаковать.

Минут через пять, когда распробовали, обсудили.

И Денис, и Альфа никаких весомых преимуществ во вкусе не выделили. Отличие во рту фиксировалось, но не настолько, чтобы отдать безусловное предпочтение какому-то из мороженок.

– Я вчера распробовал и тоже пришел к выводу, что фифти-фифти. Денис, сумеешь сделать вкуснее?

– Юлиан Юрьевич, запросто. Я знаю добавку, которая точно перебьёт эти мороженки. Главное – это пропорции. Из одних и тех же ингредиентов в разных пропорциях получится разный вкус.

– Отлично, это то, что надо. Если вкус будет очаровательнее, останется создать образ. Как вы это видите? Как назовём? В какой обёртке подадим? Какие заветушки запусим? Учитувая, друзья мои, что основные потребители – дети и женщины.

Денис с Альфой сконфуженно смотрели на Арбелина. Они поняли, что всё, что за три дня придумали, не годится.

– Что, трудновато? – весело засмеялся Арбелин. – Не получилось?

– Не получилось, Юлиан Юрьевич. «Трали-вали» и то лучше, чем мы придумали.

– Ну, ничего, ничего, не расстраивайтесь. Потрудились и хорошо, не сразу Москва строилась. Слушайте и внимайте. Мы создадим мороженое, которое назовём «Пингвинчик» и оформим его как юморного, весёлого пингвинёнка на фоне ослепительных ледников Антарктиды. Ко всему прочему, пингвины ужасно фотогеничны, это давно замечено фотогравами. Нам с ними работать будет легко, а на покупателей они будут воздействовать впечатляюще и магнетически. Белое, чёрное и оранжевое в комплексе – самые фасцинирующие цвета.

Альфа задохнулась от восторга, её воображение мгновенно выдало ей милую, светлую и весёлую картинку пингвинёнка с двумя пингвинами – мамой и папой.

Денис порозовел от неожиданного и точного образа, предложенного Арбелиным. Арбелин удовлетворенно поглаживал ладони:

– Годится?

– Ещё как! Правда, Денис? – откликнулась Альфа, с восхищением взирая на Учителя: «Вот он, Мастер и Гений!»

– Значит за работу. Дерзайте, рисуйте, создавайте образ и упаковку. Чтобы максимум фасцинирования при минимуме и простоте средств. И ты, Денис, дай нам завтра же попробовать своего мороженого, из которого мы и вылепим пингвинчика.

Расстались до завтра.

Альфа с Денисом договорились: он поработает над мороженым, она создаст картинку и модель упаковки.

На следующий день у Арбелина в руках было уже практическое воплощение идеи, которое требовало доработки разве что в деталях. В целом образ и вкус получились, что называется, в десятку.

Арбелин достал из холодильника две современные мороженки подороже, чтобы сравнить вкус с принесёнными Денисом.

Распробовали.

Мороженое Дениса вызвало вкусовой восторг даже у Арбелина, в мороженом плохо разбиравшегося.

– Вот это пингвинчик! – Альфа сияла от удовольствия.

И выложила рисунки для оформления стаканчиков, наклеек и рекламных листов. Всюду фигурировал забавный озорной пингвинёнок. Выполнила она и

варианты, где он был с мамой и папой, и рекламу типа «Папа, мама, я – вместе дружная семья». Всё получилось превосходно и неотразимо било в цель – «Пингвинчик – ваше прохладное счастье!»

Обсуждая проект, решили, что надо запустить два варианта: вафельный и в бумажном или пластиковом стаканчике. А при продажах выявятся и покупательские предпочтения.

– Можно будет, – предлагала Альфа, – создать семейного пингвинчика: три стаканчика в одной красочно оформленной коробочке.

Это особенно понравилось Арбелину:

– Дополняющая fascinация – семья, мама с папой, тут и взрослые не удержатся.

Уже к ночи, перебрав и обсудив все детали, решили проект внедрять.

Арбелин наставлял:

– Создайте небольшую партию и поезжайте по ближним городкам, предлагая местным молокозаводам, у них всегда есть линия мороженого. Кто-то да клюнет. И посмотрим, насколько наш проект реалистичен.

– Сможете с папой заказать стаканчики и наклейки? – обратился он к Альфе

– Запросто. Сколько надо будет?

– Я думаю штук полсотни для показа, коробку. В холодильник и в путь. Как, Денис?

– Да, так и сделаем. Холодильник у меня есть.

– А поедем на моем «Опеле», чтобы презентабельнее выглядеть. – сказала Альфа. – «Окушка» пусть отдохнёт.

Так начался эксперимент, открывший академию дорогу к изобретению продукта массового, сводящего с ума увеселения Бурга.

В разведку Денис с Альфой поехали через неделю. Один за другим объехали они шесть городов, где к их предложению отнеслись кто с прохладцей, кто с нескрываемой насмешкой. Проблем с продажами привычных марок мороженого ни у кого не было, стоило ли возиться с каким-то «Пингвинчиком».

Денис с Альфой было скисли, но на пятый день в седьмом по счету небольшом городке, которым была Тагда, их ждала удача.

Доехав до центра города, они наткнулись на киоск с простенькой вывеской «Тагдинское мороженое». Очереди не было. Подошли посмотреть ассортимент. Выставлено было всего два сорта: традиционные «Морозко» и «Эскимо».

– Что-то очереди не видно к вам. – сказала продавцу Альфа, покупая мороженое для пробы.

Продавица, явно пенсионного возраста, оказалась словоохотливой.

– А то и нет, что у конкурентов дешевле и красивше. Скоро вообще закроемся.

– А где конкуренты, что-то их не видно. – подхватила тему Альфа.

– Поедете дальше, за углом увидите. У них и киоск шикарный, не то что у меня. – не скрывая досады и обиды поделилась пенсионерка – Выживают нас подчистую.

Альфа сразу смекнула, что возможен успех, раз в конкуренции необходима подмога. Узнала у продавщицы, где молочный завод и поехали к директору. По дороге посмотрели на киоск конкурентов. Это был киоск бургского хладокомбината и мороженого в нём было как раз то изобилие, какое продемонстрировал им Арбелин.

Директор на просьбу переговорить насчёт мороженого откликнулся, принял. Вид у него был далеко не праздничный, на Альфу с Денисом смотрели глаза утомлённого пятидесятилетнего мужчины, одетого хоть и современно, но мешковато. Это был Марвиц Альберт Иванович, владелец и директор молочного заводика, параллельно с основной продукцией выпускающего и мороженое.

Альфа представила себя и Дениса как экспериментальную творческую группу по разработке молочных инноваций. Её ослепительная внешность, обаяние, трюстка и уверенность произвели на Марвица магическое действие, тусклые глаза оживились.

– И что же вы предлагаете? – спросил он.

– Новинку, которая привлечёт уйму покупателей. Сейчас покажем.

Денис открыл коробку и выставил на обозрение десяток пингвинчиков.

Глаза Марвица зажглись. Как профессионал молочной продукции, он не мог не увидеть необычности и красоты предложенного варианта: пингвинчик сиял оптимизмом и задором.

– Альберт Иванович, попробуйте на язык, оцените. – зорко наблюдавшая за реакциями Марвица, предложила Альфа.

Марвиц взял пингвинчика, облизал верхушку, откусил, осторожно покатал на языке, дегустируя. Глаза его уже заблестели.

– Кто делал? – спросил он.

– Я. – ответил Денис.

– Сам?

– Конечно. Я кулинар.

Денис достал заготовленную для показа папку со своими грамотами и призами – своё бронебойное пиар-оружие.

Увидев их, Марвиц посмотрел на Дениса с одобрением:

– Мастер, это хорошо.

Марвиц был не только профессионалом по молочной части, но и деловым человеком. Через полчаса пришли к согласию: выпустить партию, посмотреть, как пойдёт продажа. Альфа взяла на себя обеспечение первой партии этикетками с изображением пингвинёнка, стаканчики решили использовать заводские, функцией Дениса было выпустить массу мороженого по своему рецепту. Если всё пройдёт удачно, Марвиц оформит с Денисом договор на технологию, а с Альфой на дизайн и рекламу.

Двадцать пингвинчиков оставили Марвицу для смакования.

Как только Денис с Альфой уехали, Марвиц съел пингвинчика, убедившись в его отменном вкусовом качестве, повертел в руках стаканчики и чуть не пустил-

ся в пляс. Его, поставленного конкурентами из Бурга на колени, охватила уверенность, что пингвинчик послан ему небесами во спасение.

Он немедленно вызвал главного технолога, дал ему распробовать пингвинчика, и приказал разворачивать линию на производство нового мороженого.

– Завтра с утра приедет автор этой штуковины, – он показал на пингвинчика, – и начнёте.

Технолог, увидев необычного, бросающегося в глаза пингвинчика и с удовольствием и удивлением оценив его вкус, всё понял.

– Альберт Иванович, если я только не олух, это нас спасает.

– И я так думаю.

На следующий день работа по выпуску пингвинчика закипела. Денис рассказывал бригаде, что и как надо делать, какие пропорции выдержать. Но добавку свою никому в руки не дал. Её запустил в получившуюся массу в самом конце.

Мороженое вышло на славу, рабочие, попробовав, единодушно его одобрили.

Привезённых Альфой наклеек хватило только на пятьсот штук.

– Ничего, – успокоил Марвиц, – этого достаточно для пробы.

К двенадцати часам пингвинчик развезли по трём своим киоскам. Альфа с заводскими помощниками оклеила киоски красочными плакатами со слоганами «Пингвинчик из Антарктиды» и «Пингвинчик – прохладная сказка!»

Цену Марвиц поставил пингвинчику чутьчку дешевле популярного в провинции «Морозко».

К вечеру пятьсот пингвинчиков город раскупил до единого и появились покупатели, спрашивающие «А пингвинчика нету?».

Успех был стопроцентный.

Марвиц сиял. И тут же заключил с Денисом и Альфой договор, оформив его по их просьбе на Дениса. Обрадовало его и то, что гонорар запросили небольшой, всего сто тысяч в рублях. А для Дениса и Альфы радость была не в рублях, а в реализации эксперимента.

Часть десятая

УЧЁНЫЙ АРБЕЛИН И ПОЛКОВНИК ФСБ ГАРГАЛИН

Через неделю Ляушин принёс Гаргалину ещё одну неожиданную новость: хромоножка с тощим поваром ездили в Тагду на молокозавод. После их посещения директор молокозавода запустил новое мороженое под названием «Пингвинчик», которое стремительно горожанами раскупается. Рецепт, как он разузнал, дали директору хромоножка с поварёнком.

– Привези мороженого десять штук, проведём экспертизу. – приказал Гаргалин.

Сюжет приобретал новые нюансы.

«Всё, встречу с Арбелиным надо провести не откладывая», – решил Гаргалин.

Он набрал номер телефона Арбелина, представился:

– Гаргалин Станислав Анатольевич, сотрудник ФСБ. Юлиан Юрьевич, мне передали Ваш проект для анализа и заключения. Проект очень интересный. Хотелось бы с Вами встретиться, побеседовать. Не могли бы Вы заглянуть к нам?

Арбелин этого приглашения ждал. Понял, что фээсбэшная карусель закрутилась.

– Когда и во сколько?

– Сможете завтра в одиннадцать ноль-ноль?

– Завтра в одиннадцать ноль-ноль буду у Вас.

Арбелин был точен.

Сухощавый, порывистый, горбатый он поразил Гаргалина энергетикой и стремительностью, с которой прошел от входа к столу, пока он поднимался из-за стола ему навстречу. Зоркие пронзительные глаза были не стариковскими, какого странного ярко карего с фиолетовым отливом цвета, и не содержали даже намека на какую бы то ни было аномалию, чего с надеждой ждал Гаргалин. Адекватные были глаза. И Гаргалин понял – непростой будет разговор.

Обменялись формальными фразами и Арбелин взял инициативу в свои руки, спросил, смеясь:

– Надеюсь, наш разговор не будет допросом?

– Как Вы могли подумать! – деланно-вежливо возмутился Гаргалин, уколотый репликой Арбелина. – Ваше предложение серьезное, а я, простите, в том, что Вы предлагаете, совершеннейший профан. Фасцинация, я и слова-то такого не слыхивал.

Гаргалин к разговору подготовился, разыграл в воображении варианты. Главной задачей поставил вывести, кто ещё знает о фасцинетике и нет ли у Арбелина мыслей связаться с Западом. Последнее, случись оно, вносило бы в разбирательство ненужную суету, а возможно и шумиху. Только этого не хватало.

Арбелин был психологом и знал, что говорить надо на опережение. Пошутил:

– Не напугал своими записками? Не показались ли они Вам ещё одним проектёрством на тему спасения Отечества?

– Помилуйте, Юлиан Юрьевич, наша организация не привыкла пугаться. – Гаргалин усмехнулся. – Это нас обычно боятся. А спасителей хватает, это Вы точно заметили.

– Вот, вот! – подхватил Арбелин. – Я потому и спрашиваю. Я ведь тоже по линии спасения. От террористов и экстремистов.

– Мне бы понять, что такое фасцинация и какое отношение она имеет к террору.

– Скажем мягче – к экстремизму. – попробовал снизить планку Арбелин. – К тоталитарным потенциям людей. К массовой психопатии. К массовому зомбированию, как сейчас принято выражаться. А я называю это фасцинофикацией.

– Созвучно с электрофикацией. – вставил, шутя, Гаргалин. – Коммунизм – это советская власть плюс электрофикация всей страны. Так?

– И очень верно, кстати сказать. Без электрофикации вышел бы у Ленина со Сталиным вообще один пшик. А фасцинофикация – это сведение с ума, некая массовая шизофренизация населения.

Обо всем этом у Арбелина было написано в обращении и Гаргалин мог бы это усвоить, но Арбелин решил усилить формулировки. Устная беседа к этому располагала, позволяла делать акценты и уточнения.

И начал внушение со смешной истории.

– Я Вам, Станислав Анатольевич, презабавную байку расскажу. Вроде анекдота, хотя это исторический факт. Мне очевидец рассказал, он как раз в те годы служил пограничником на границе с Китаем. Это когда у нас с Китаем конфликт случился из-за острова Даманского. Помните такое?

– Помню. – подтвердил Гаргалин.

– Река в том месте не очень широкая, с берега на берег всё отлично просматривается. Китайские солдаты утром бегут к берегу, поворачиваются к нашей стороне задом, снимают штаны, садятся и хором опорожняются. Юмор такой придумали. Представляют, две сотни гавриков зад нам показывают. Унижают. И вот кто-то из наших сообразил, как с этим унижением сладить. Нарисовали огромный портрет Мао Цзедуну, и как только китайцы утром скинули штаны, подняли Мао. С китайцами чуть ли не паралич случился. Некоторые попадали прямо в своё дерьмо. Быстренько все оделись и смотались, как ветром сдуло. И ни единого бойца больше на берег по нужде не появлялось.

Гаргалину история понравилась, рассмеялся и размяк:

– Знай наших! Но я не совсем понял, где же в этой истории фасцинация?

– Как где? А Мао? Он же для китайцев святой, как Мухаммед или Иисус Христос. Не может же православный голую задницу иконе богородицы показывать, верно? Так и китаец Мао Цзедуну. В миг окультурились.

– Значит иконы и портреты вождей – это фасцинация? – спросил Гаргалин.

– Разумеется. Это сигналы, знаки, символы фасцинации. Для того и создаются, чтобы очаровывать, вселять восторг и уважение. Плачут люди от умиления. А издевательства над этими святынями вызывают ненависть и вражду.

– Но Вы же, Юлиан Юрьевич, предлагаете сражаться с террористами. Им хоть что покажи – взорвут.

Арбелин терпеливо начал разъяснять суть своего проекта.

– Вот смертницы. Вы, Станислав Анатольевич, в своей организации изучили, откуда и из чего появляются женщины-террористки, с готовностью опоясывающие себя поясами джахидок? Ведь смерть, конец земного существования.

– Откуда, откуда. Да от религиозного фанатизма! – сердито пробурчал Гаргалин азбучную истину.

Для Арбелина азбучной истиной это не было, потому он спросил:

– Отлично. Ну, а этот самый фанатизм до степени готовности и даже страстного желания умереть откуда?

Гаргалин и вовсе осерчал, хотел ошпарить ученого фразой «от верблюда», но сдержался.

– Корни. Ислам, агрессия к иноверцам. Воспитание...

– Ну, а у японских камикадзе? Они же не мусульмане. А на самолетах авианосцы американские взрывали. Тоже воспитание?

– Тоже. Самураи.

– А согласитесь, если бы найти такой инструмент, чтобы в мозгах этот фанатизм снижать до бессмертного уровня, до некоего только щекотания, было бы легче человечеству?

Гаргалин несколько насторожился неожиданному повороту мысли.

– Как же его снизишь, если зашкалило.
– Вот-вот, хорошее Вы определение нашли – зашкалило. Значит надо такой инструмент применить, чтобы не зашкаливало. Пусть себе матюгается среди единоверцев, только не обматывает себя взрывчаткой.

– И Вы знаете такой инструмент? – язвительно усмехнулся Гаргалин.

– Прошу меня извинить, я спросил, есть ли у ФСБ такой инструмент?

– В ФСБ пока нету.

– А раз нету, надо же искать!

– И Вы его нашли?

– Я предлагаю гипотезу, как найти. Я предлагаю действовать, а не размышлять. Этого разве мало?

– Это мечты. Нам нужны конкретные результаты.

Арбелин понял, что натолкнулся на стену – им подавай готовенькое. Все же попытался стукнуться лбом о стену еще раз.

– Исследовательская лаборатория – это и есть поиск результата. Не с неба же результат упадет! Гитлер с Геббельсом нашли же способ фасцинофицировать нацию. Ведь что придумал и реализовал Гитлер? Надо внимательно, а не наскоком, прочитать «Майн кампф», там все чёрным по белому расписано. Кстати сказать, знаете как Гитлер себя называл в «Майн кампф»?

– Не читал и не знаю. – буркнул Гаргалин.

– Он назвал себя социальным инженером. И действительно, всё то страшное, что связано с его именем, он сконструировал тщательнейшим образом именно как инженер, подгоняя все шестеренки и винтики. Он ведь даже символику сам выдумал, цветовые сочетания ввёл в оборот, которые абсолютно фасцинативны: красное, чёрное, белое. А самое главное, сконструировал идеологию. Поставил точную цель – спасение фатерланда от коммунизма и коммунистов. Как этого достигнуть в стране, где половина населения ротфронту и левым социалистам симпатизирует? Надо вымести из мозгов эту чарующую дурь равенства и братства. Убеждать и разъяснять? Чёрта с два. Гитлер понял, что разговор с нацией – это не дискуссионный клуб интеллектуалов с высшим образованием, информация суха и бледна, она не способна вытеснить то, что застряло и нравится. Есть только один путь – вытеснить чем-то более чарующим. Лучшее – враг хорошего. Это закон фасцинации. На этом мир живёт и движется. Но чем вытеснить? И он додумался: тем же, что уже сидит в мозгах немцев, – коммунизмом! Только его надо перелицевать, как портные перелицовывали раньше износившееся, но родное пальто. И добавить чарующе-возвышающих фишек, туманящих разум. Так появился обновлённый социализм с приставкой «национал», подкреплённый возвеличиванием немца как лучшего образца рода человеческого. Униженным Версальским договором немцам очень понравилось быть арийцами и презирать всех не-арийцев. Вот вам и лучшее! А как это всобачить в мозги? Опять фасцинацией. Гитлер этого слова и феномена не знал. Но он понял и провозгласил как принцип действия и девиз: с немцами надо изъясняться не языком логики, а языком чувств. Как с женщиной. Даже для интеллигенции язык логики не годится, а про народ и говорить нечего. Массовый обыватель, в меру невежественный и значит туповатый, любит, как женщина, красочную силу и комплименты. Сила

внушает страх, а для слабого страх – ключ к покорному обожанию. И штурмовики стали бить коммунистов везде и всюду: на митингах, в уличных драках, из подворотни. Такую установку им дал Гитлер: бить, бить и так бить, чтобы всегда побеждать! А чтобы и вовсе показать силу, начали по всей Германии маршировать под музыку. Очень эффектно получалось. Мать Альберта Шпеера, гениального министра вооружений при Гитлере, призналась сыну, что когда увидела стройные бравые колонны марширующих нацистов, сказала себе «Эти наведут порядок» и тут же записалась в партию Гитлера. Вся Германия смотрела эти спектакли маршей и шествий. И умилялась. Вот она мощь массовой фaszинации. Результат известен – на выборах нацисты победили, народ добровольно, без насилия и черного пиара отдал руль управления страной нацистам и Гитлеру. Дальше уже технология фaszинофикации заработала как по маслу. Талантливая Рифеншталь создала гениальный фильм «Триумф воли», после которого немцы тысячами поперли в партию нацистов. И никаких тебе убеждений и логической эквилибристики. Бытует миф, что Сталин Рифеншталь приглашал поработать. Язык чувств самый мощный фaszинофикатор. Гениальный, злодейский, но и успешный эксперимент проделали Гитлер с Геббельсом.

– Правильно ли я понимаю, Юлиан Юрьевич, что современные пиарщики в чём-то сродни Геббельсу? Они же манипулируют сознанием людей.

– Очень верное сравнение. Те, что занимаются так называемым «чёрным пиаром», особенно в политике, могли бы запросто стать сотрудниками в ведомстве Геббельса. Наглядный пример Вам приведу. В одной книжице под авторством таких вот пиарщиков, чёрным по белому выложены совершенно дикие рекомендации о том, как расшатывать нервы у соперников и вставлять им палки в колёса на выборах. Можно, к примеру, купить на рынке бычьей крови и разлить её у входа в квартиру или дом соперника. Или послать в его штаб девицу с диском, будто на нём очень важная информация. Если олухи вставят диск полюбопытствовать, что на нём, то вирусы выведут компьютер из строя. И это только, можно сказать, ёрнические рекомендации. Можно себе представить, что они проделывают в реальности. Меня на Севере в Ноябрьске чуть на тот свет не отправили, башку в подъезде расколотили.

– Давно? Нашли кто?

– Было это десять лет назад. Ясное дело не нашли. Да и не искали, заказчиком был мэр города.

– Мэр?! Вы уверены?

– На сто процентов! Больше некому, он был главным соперником на выборах и жаждал выиграть. А пиарщики у него были из Москвы, ушлые ребята, без тормозов. Но не будем отвлекаться, Stanisław Анатольевич от нашей темы. Геббельс Геббельсом, но мощь фaszинирующей пропаганды понял и наш соотечественник, эмигрант Сергей Чахотин, яростный противник нацизма. В Германии его прозвали «красным Геббельсом». Он организовал на выборах противодействие нацистам по сходной технологии, и там, где он приводил её в действие, немецкий ротфронт побеждал. Но сил ему не хватило, не было финансов и организации, как у фашистов. Кстати, книга Чахотина была у всех европейских лидеров настольной, особенно у де Голля. А у нас её даже не перевели. Но в КГБ она наверняка была. Не знаете?

– Первый раз слышу. Наведу справки. А почему не перевели, если она против Гитлера?

– Потому что Чахотин показал технологии оболванивания народных масс и у фашистов, и у коммунистов. Гитлер многое переписал у Ленина и Троцкого.

– Понятно.

– Но её и теперь не переводят.

– Значит Ваш проект лаборатории что-то вроде чахотинского?

– Дальше чахотинского. Но с использованием его находок. И не только его. Человечество за тысячи лет напридумывало столько хитроумных способов массового оболванивания, что срочно нужна академия для их изучения. И какая-то исследовательская структура в ФСБ. Вот мы с Вами говорим о террористах-смертниках, а знаете ли Вы, профессионал государственной безопасности, как готовили ещё в далёком одиннадцатом веке смертников-ассасинов?

Это был вопрос, что называется, на засыпку. Гаргалин растерялся, ибо не знал. Не стал увиливать, признался:

– Не знаю, Юлиан Юрьевич, просветите. Кто такие ассасины?

– Я-то предполагал, что внутри вашего учреждения есть что-то вроде учебного курса истории терроризма. Жил в одиннадцатом веке такой разбойник, подстать Геббельсу, Хассан Ибн Сабах, предводитель исмаилитов-низаритов, основатель ордена ассасинов. Он, как истинный социальный инженер, а точнее, асоциальный, создал прекрасно работающую школу смертников, которые осуществляли по всему миру заказные убийства противников ислама и еретиков. Этот злодей придумал довольно простую, но чрезвычайно эффективную технологию подготовки воинов-смертников, фedaинов. Он назвал свой дом «храмом первой ступени на пути в Рай». Кандидата в фedaины приводили в этот «храм» и накачивали опиатами. Погруженного в глубокий наркотический сон его переносили затем в искусственно созданный «райский сад», где его уже ожидали девы, реки вина, чарующая музыка и обильное угощение. Окружая растерянного юношу ласками, девы нашептывали будущему смертнику, что он сможет сюда вернуться, как только убьёт неверных и погибнет. Спустя несколько часов ему опять давали наркотик и, после того как он вновь засыпал, уносили из «Рая». Проснувшись, будущий смертник искренне верил в то, что побывал в настоящем раю. Теперь все его мечты и помыслы были подчинены единственному желанию – вновь оказаться в «райском саду», среди прекрасных дев и угощений. Для бедняков фedaинов всё это было недостижимой роскошью и пределом мечтаний. И ассасины не только не боялись смерти, но страстно её желали, чтобы попасть к ногам аллаха и в рай. Вот вам и технология вербовки и технической подготовки. А это только крупица из сонма приёмов и методов террористической фaсцинофикации.

– Мда, техника изуверская.

– Так она в видоизменённом и ещё более изощрённом виде и сейчас применяется для подготовки смертников джихада! А фedaины не исчезли, они и сейчас есть в арабском мире, в том же Иране. Об этом можно даже в Интернете почитать.

– Интересно рассказываете Юлиан Юрьевич, увлекательно. У меня возник смешной вопросик, можно задам? Абстрактный вопросик.

– Спрашивайте, спрашивайте, Станислав Анатольевич. Бывает именно смешные и абстрактные вопросы-то и бывают самые важные.

– Вот Вы говорили о фасцинофикации, которой Гитлер с Геббельсом Германию свели с ума. А можно свести с ума, скажем, отдельно взятый населённый пункт?

Коротким, как выстрел, взглядом Арбелин пронзительно глянул в глаза Гаргалина и без задержки отпарировал:

– Непременно!

– Вы так в этом уверены?

– Если однажды было это реализовано человеком, пусть и разбойником, с целой нацией, стало быть возможно повторить и с любой группой людей в любой точке земного шара. Скажу Вам, Станислав Анатольевич по секрету, вид гомо сапиенс, к которому мы с вами принадлежим, имеет одно прескверное свойство, в первобытные времена выдернувшее его из животных и превратившее в человека. Тогда оно было прекрасным и позволило нашим предкам выжить. Это свойство – гипervнушаемость, чарующая стадность. Стоит только на нужные клавиши нажать, и гомо сапиенс превращается в радостно или яростно орущую толпу, готовую смести перед собой что и кого угодно. Человек вроде бы разумный превращается в обезумевшего стадного быка. Так что свести с ума его как дважды два четыре. Сводят же с ума невежественных людей тоталитарные секты. До такого умопомрачения доводят, что те совершают коллективные самоубийства. По тысяче человек сразу. А реклама сейчас что с людьми проделывает! В лохотронную пирамиду МММ десятки тысяч ринулись за иллюзией дармового обогащения. Исключительно по принципам фасцинофикации завлекал и сводил их с ума Мавроди. – Арбелин на мгновение смолк. И вдруг двусмысленно хмыкнул: – Если позволено будет, отчего же не свести с ума.

Попав под фасцинацию шутливой игры, сам того толком не сознавая, Гаргалин ляпнул сгорача:

– Будь моя власть, не раздумывая разрешил бы Вам. Ужасно интересно было бы посмотреть, удался бы Вам такой эксперимент или нет.

– Так и разрешите. – сказал Арбелин, зная, что и без всякого разрешения теперь сможет проделать подобный эксперимент, имея таких помощников, как Денис и Альфа с отцом.

– Если бы быть уверенным, что не произойдёт ничего опасного. А то получается как в Германии.

Всё это звучало довольно весело, однако Арбелин отреагировал со всей серьёзностью.

– Обидные слова говорите, Станислав Анатольевич. Если бы я был паранойяльным злодеем, разве ж послал бы предложение в ФСБ. Намерения мои чисты и безвредны. Напротив, они полезны.

– Ладно, пошутили и хватит. – отступил Гаргалин. – Но вот вопрос не смешной. Где гарантия того, что всё сказанное и предложенное Вами – истина?

– Но давайте рассуждать по-другому. Предположите на секунду, что это и есть истина. Что тогда следует?

– Ну-у... Надо не допустить опасного психотропного воздействия.

– Вот-вот! Только не психотропного, а фасциотропного. И надо как-то ему

противодействовать, поставить щит перед деструктивной fascinaцией. Сможем поставить — смертников не будет. Неоткуда будет их брать, невозможно будет зомбировать. А коль среды для набора смертников и вообще террористов не будет, они как явление исчезнут. Разве для такого благого дела не нужна научная база и создание технологий раззомбирования и профилактики фасцинотропики?

Чёрт подери, в чем в чём, а в логике этому горбуну не откажешь. Остаётся узнать, истина ли то, о чём он с такой пылкостью глаголет, или чушь крокодила.

Гаргалин ощутил неприятное посасывание в груди. Ему не хотелось, чтобы это было истиной. Ему очень захотелось, чтобы это было заблуждением.

Арбелин уловив некоторое начавшееся шатание в мозгах Гаргалина, решил включить другую технику беседы — вопросную. Знал, знал он великую магическую силу вопроса. Тот первобытный предок, у которого в башке возник вопрос, почему солнце всходит и заходит, и стал первым на планете учёным, исследователем. Вопрос побуждает к ответу. Задавать провокационные вопросы Арбелин умел.

— Станислав Анатольевич, как Вы полагаете, что общего между террористом-смертником и хроническим педофилом?

По глазам увидел Арбелин, что парадоксальность вопроса полковника крайне удивила — причём тут педофил? Но вопрос был услышан и Гаргалин лихорадочно искал ответ.

— Ну Вы и вопросыки задаёте, Юлиан Юрьевич! Террорист и педофил...эээ... оба преступники. — облегчённо выдохнул он ответ.

— Это с юридической точки зрения. А с психологической?

Гаргалин потёр переносицу. Раз вступил в игру, надо продолжать, а ответ не выплывает.

— Может то, что оба целеустремлённые.

— Ай, как хорошо Вы сказали! Конечно! Но отчего же они такие?

Гаргалин удовлетворённый, что ответ почти угадал, снисходительно отдал Арбелину вожжи:

— Подскажите, я ведь не психолог.

— Всё дело в том, Станислав Анатольевич, что у того и другого в мозге образовалась нерасторжимая и неумолимая спайка между мотивом и подкрепляющим его наслаждением, доходящим до экстаза. Террорист верит, что попадёт в рай прямо к ногам аллаха, он сладостно об этом мечтает, а педофил, однажды испробовав волнующее наслаждение от обладания непорочным детским телом и испытав при этом наисладчайшее сексуальное наслаждение, точно так же получает в своей нейропсихике впечатывание желанного поведения и уже не может отказаться от повторения. И террорист, и педофил фатально заиклены на услаждающей fascinaции. И потому неизлечимы. Педофила может выдернуть из педофилии только смерть или кастрация.

Гаргалин слушал внимательно и почти понял суть, потому что отреагировал довольно убедительно:

— Выходит и террориста можно выдернуть из райских фантазий кастрацией? А что у него кастрировать?

— Очень хорошо сформулировали. — Арбелин рассмеялся. — К сожалению, у террориста надо удалять часть мозга, точнее — часть крошечной амигдалы и ещё кое-

что. Сложнейшая операция, человек превращается в равнодушное пресмыкающееся.

– И ради бога!

– Так проще и дешевле электрический стул или пожизненное заключение! Операция дороже.

– У меня вопрос в связи с этим. Выходит, все зависимости являются такими же впечатываниями в мозг?

– Правильно поняли, Станислав Анатольевич. Я знал одного филателиста, в КГБ, кстати говоря, служил, следовательно, был членом КПСС. Знаете какая у него была зависимость? Никогда не угадаете, она уникальна. Он занимал раритетную почтовую марку третьего рейха с изображением Гитлера. И носил её в самом укромном и безопасном месте – в партбилете. Вот она сила фасцинации!

Гаргалин ошарашено смотрел на Арбелина, розовея.

– В партбилете?!

– Именно.

– Верится с трудом. Откуда узнали?

– Его соседка рассказала. Прелестнейшая девушка... я с ней очень тесно дружил в те времена... Филателисты славятся хвастовством, вот он не удержался и показал ей марку. А достал её из партбилета. Неосторожный был товарищ.

– Растяпа. – проворчал Гаргалин. – Могла же донести.

– Нет, не донесла бы. Очень хорошая девушка, он это знал. Видите, что вытворяет с человеком фасцинация, дай ей только волю. Порой до дикости доводит. Женатый и имеющий детей мужик ловит и насилует девочек и мальчиков. И вытворяет с ними жуткие непотребства. Маньяки, Чикатины. Верится с трудом, а юридический и медицинский факт. Стержень их вывиха – закрепившаяся в мозгу сексуальная фасцинация в извращённом виде. Так что в борьбе с экстремизмом надо бить по фасцинации, ставить ей барьеры. – ловко переключил Арбелин ход беседы на главную тему.

– Всё, что Вы рассказали, Юлиан Юрьевич, очень интересно. – как можно мягче заговорил Гаргалин, переходя к исполнению своего главного замысла, который застрял в его сером веществе как фасцинация. – Но кто кроме Вас обо всём этом знает?

«Вот оно! – воскликнул про себя Арбелин – Экспертиза им нужна».

– Вы имеете в виду, кто мог бы дать экспертное заключение на мои предложения? – спросил он холодным тоном.

Он понимал: перед ним обычный среднего ума и способностей чиновник, а у чиновника одна психология – как бы закончить дело ничем.

– Пожалуй и так. Есть, кто мог бы дать заключение? – Гаргалин отвел взгляд в сторону и про себя поморщился.

– Вам заключение какое нужно?

Гаргалин несколько растерялся:

– Обыкновенное, каклагается, то есть точное и объективное.

– Вообще говоря, объективных заключений не бывает. Все они субъективные и зависят от интеллектуального уровня и психологии экспертов. Гениальный физик Резерфорд о гениальном открытии Эйнштейна сделал глупейшее экспертное заключение, что это чушь собачья.

Арбелин обворожительно улыбнулся, посмотрев прямо в уставшие от интеллектуального перенапряжения глаза Гаргалина.

Реплика Арбелина Гаргалина обескуражила. Такого понимания экспертизы он никогда не предполагал.

Арбелин продолжил:

– Заключение Вам необходимо о сути дела или формальное? Как полагается при отписках.

Он не сдержался, чтобы не уколоть чиновника, но и не корил себя, так как знал уже, что ему можно ждать только отписку – Гаргалин так ничего и не понял до конца, остался на верхушках.

Гаргалина же ироничные реплики Арбелина обидели:

– Почему же непременно отписка?

Арбелина занесло:

– Ну хотя бы потому, что Вы чиновник, а чиновнику положено отписывать гражданам на письма и предложения. По закону. В течение месяца. А если дело сложное, то хоть и в полгода. Так ведь?

– Да, всё зависит от серьезности вопроса. Потому я и встретился с Вами. А Вы про отписку... обижаете. Разобраться надо. Значит, нужны серьезные эксперты, профессионалы.

– Да нет экспертов, нет их! Вот в чем загвоздка. – Арбелин мягко улыбнулся. – Если бы были...

– Но так не бывает. – удивленно взметнул глаза Гаргалин. – Всегда есть специалисты.

– А здесь тот случай, когда их нет. Был один. Юрий Кнорозов. Он и открыл фасцинацию. Но он, к сожалению, уже в другом измерении. С 1999 года.

– И что, кроме него никого нет? – не сдавался Гаргалин.

– Ну, те, кто может понять, о чём речь, конечно есть. Когда Эйнштейн опубликовал свою статейку об относительности пространства, на земном шаре было все же пять человек, которые его поняли. Правда, даже великий физик Макс Планк не до конца въехал. Специалисты по социальной психологии, нейрофизиологии, практической психологии в стране есть, и неплохие, но дать заключение они не смогут, ведь фасцинетика для них совершенно новое знание. Поспорить могут, возразить, подискутировать, поёрничать. Но не более того. Экспертиза предполагает обоснованное, со знанием глубин, заключение. А им ещё надо освоить новизну, которая им неизвестна. Так что нет пока экспертов. Представьте, что требуется дать заключение экспертов на теорию эволюции Дарвина в момент её опубликования. Кто смог бы? Некому, только сам Дарвин. Так и с фасцинетикой. Только один единственный пока эксперт есть – это я.

Попахивало манией. Гаргалину такой поворот не нравился. Без экспертизы никак нельзя было обойтись, а экспертов, видите ли, нету. Кроме этого горбуна.

– А вот, предположим кандидаты и доктора наук, Кисельчук, Цукерман, Миринков, Гарфункель, Матвеев, Скоробургатский, Франц? Разве не смогут они оценить?

– Оценить может даже продавец арбузов. – довольно резко отпарировал Арбелин, услышав перечисление лиц, незатейливый уровень которых прекрасно знал.

– Они ведь не продавцы арбузов, а кандидаты и доктора наук. – чуть ли не интонациями пиетета проинёс Гаргалин, уважающий экспертов.

Арбелин понял, что разговор заходит в тупик. Конфликт же ему не был нужен даже при отписке. В конце концов, он знал, на что шёл, когда посылал свое предложение в Москву, на девяносто процентов предполагая отшвыривание. Жизнь на этом не кончается. Есть земной шар. Первая попытка закончится неудачей, но он обязан был её предпринять, иначе жил бы с беспокойной совестью. Но конфликта не надо. Чиновник на то и чиновник, чтобы при обиде мстить и пакостить.

– Да, профессионалы, доктора и всё прочее. Попробуйте, может и скажут что-нибудь путное. Я не ведаю, что им придёт в голову. – примирительно забубнил он. – Пригласите.

– Но Вы-то их не считаете на уровне экспертов? Я правильно понял?

– Абсолютно! Я всех их знаю. Кое-кого, кто помоложе, учил уму-разуму. Им ещё надо осваивать начала фасцинетики. Вряд ли то, что Вы от них получите, можно назвать экспертным заключением. Даже если они всем коллективом подпишутся. Вы бы еще доктора психологии Асмолкяна из Москвы пригласили. Он с вашей организацией давненько сотрудничает. Вот он о фасцинации наверняка слышал. В МГУ её немножко знают. Но он же полуидиот.

– Как Вы назвали? Асмолкян? – переспросил Гагарин, взяв ручку, чтобы записать.

– Асмолкян Лев Цилиандрович. Психолог.

Гаргалин записал.

– Вы, Юлиан Юрьевич, извините великодушно, но я действительно обязан организовать экспертизу. Не могу же я в Москву свое личное умозаключение отправить. Кто я такой, чтобы на ученые вопросы отвечать? Моя задача организовать экспертизу.

– И проверку. – добавил Арбелин. – Вы ведь в ФСБ, а не в Академии Наук.

– Ну какую проверку?! – засмеялся Гаргалин. – Зачем Вас проверять? Вы всё сказали, всё предложили.

– Так ведь может я американский шпион. – в тон Гаргалину пошутил Арбелин.

– Эти времена миновали. Теперь только экспертиза.

– И ладно. Только если честно – никакой экспертизы не надо. Лабораторию надо открывать, работать. Безо всяких экспертиз. Они только запутают всё. Даже чекист Дзержинский это понимал и без всяких экспертиз в 1924 году создал при ВЧК лабораторию по изучению нейроэнергетики и телепатии. Засекреченную. А страна была в разрухе.

Гаргалин обрадовался возможности вставить провокационный вопросец:

– Запад интерес к Вашему сайту не проявляет?

– А кто его знает. Он же на русском. – отпаривал Арбелин.

– О, это сейчас не преграда, Вы же понимаете.

– Так ведь и там экспертов нет. Нет их на земном шарике пока. – успокоил Арбелин. – Но Вы правы, могут и разобраться, что к чему.

– Есть там коллеги? Не посылали им ничего?

– Коллеги есть, сайт мой читают. Восторгаются. Но они не из разведки.

Намёк на шпионаж Гаргалина кольнул и насторожил, но он не подал виду. Арбелин же не стал подливать масла в огонь, пошутил:

– В России с фасцинацией бы разобраться. А там как звёзды покажут. Наука ведь дело интернациональное. Иногда лет десять молчок, а потом такой бум начинается по всему шару, не остановишь. Так было и с теорией относительно-сти, и с психоанализом. У фасцинетики пока что инкубационный период. Накопление энергии. Я, кажется, немного поспешил со своим предложением, Вы уж, Станислав Анатольевич, извините меня. Беспокойства Вам доставил.

Примирительность слов и интонаций Арбелина Гаргалину пришлось по душе, разраставшаяся было антипатия поутихла.

– Я рад, что мы друг друга поняли. – встал он из-за стола. – Значит Вы не против, если я позвоню Вам об экспертизе?

Арбелин чуть не выпалил «рад, что мы не поняли друг друга», но сдержался:

– Конечно звоните. Хотя заключение мне уже известно.

– Вот как?! А вдруг Вы ошибаетесь?

– Был бы рад ошибиться. Очень любопытно было бы проследить ход рассуждений названных Вами лиц.

Он-то знал, что придумать они смогут только галиматью. Нет специалиста по фасцинетике, а психологи, политологи, пиарщики и информатчики такое нагородят, что свихнёшься. Многие из них даже слова «фасцинация» не слыхивали. И он понял, что проект его уже по сути похоронен.

И тут произошло то, о чём Гаргалин потом жалел, да было поздно. Беседуя с Арбелиным, он всё время думал, а что если отпустить вожжи и дать возможность этому фанатику проделать эксперимент с городом. Ведь не Гитлер же он в самом деле, вон с каким пылом жаждет найти способы противодействия терроризму, значит мыслит не вредно, значит эксперимент проведёт по принципу «не навреди». И вдруг да получится у него. Это же будет лучше всякой экспертизы, как факт, подлежащий осмыслению. И тогда можно будет ему, полковнику Гаргалину, писать в Москву о поддержке инициативы уральского гения-кулибина. И это ему будет хорошим плюсом в карьере. А параллельно, как и полагается, он организует экспертизу, чтобы отчитаться и отписаться. Два зайца будет у него в руках, если эксперимент даст результат.

– Я вот о чём подумал, Юлиан Юрьевич. – сказал он. – Очень Вы убедительны. Что если мы с вами примем негласное соглашение. Вы же работаете, как эскулап, по принципу «не навреди», правильно я понимаю?

– Именно так и никак иначе. – подтвердил Арбелин, ещё не улавливая, куда Гаргалин клонит.

– Вот и занимайтесь своими экспериментами. Как Вы себе представляете фасцинофикацию, скажем, населения Бурга?

До Арбелина дошло, оказывается полковник не такой уж тюфяк, соображает, что успех эксперимента – лучшая экспертиза.

– Ещё толком не знаю. Ну, предположим, превращу горожан в весёлых плясунов дня на два. Годится такое для подтверждения фасцинофикации?

– Вполне. Это же безопасно, пусть себе весело попляшут. Живём ведь скучновато, из кризисов не выползаем. Вот и продолжайте. Вдруг да получится. Я первым буду аплодировать. Но всё время буду следить, чтобы Вас не потащило куда-

то в опасном направлении. Мало ли какие ошибки не бывают. Вы ведь от них не застрахованы, верно? От весёлых плясок до плясок безумцев ведь один шаг.

– Не ошибается тот, кто на печке бока греет.

– Значит работайте, Москва подождёт, а я буду отслеживать. Это моя работа. Согласны?

Арбелин такому повороту был поражён. Как непредсказуемы люди! Кто бы мог ожидать от серого чиновника, да ещё в ФСБ, такой дерзости. И как его дерзость толкова, чёрт подери. Он же сразу двух зайцев убивает: и точное заключение получает, и когнитивный диссонанс со своей совестью снимает. Хотя риск тоже имеется. Вдруг в итоге я преподнесу нечто выходящее за пределы прогнозируемого.

– Не только согласен, но и восхищён Вами. Это неожиданно.

– Ну, не такие уж мы здесь динозавры. – польщённо улыбнулся Гаргалин. – Только о нашем соглашении никому, естественно.

– Могли бы этого и не говорить.

– А экспертизу я всё-таки организую. Самому любопытно, что учёный люд скажет о Вашем изобретении.

– Ваша воля, Станислав Анатольевич. Да Вам и положено так, понимаю. Только нагородят такого, что сам дьявол рехнётся и святым быть захочет. Вот увидите.

Он уходил от Гаргалина со странным ощущением удовлетворённости и тревожности.

По дороге домой Арбелин прокрутил в памяти всю беседу и дойдя до позволения Гаргалина экспериментально свести город с ума, вдруг осознал со всей отчётливостью, что Гаргалин, сам того не понимая, подсказал ему способ привлечь внимание к фасцинетике. Да, да, именно так – свести город с ума, погрузить его в ярчайшую сумасшедшую массовую фасцинацию. И тем самым привлечь внимание общества. Нужно устроить массовый шок. Весёлый шок. Фасцинирующий шок.

Он остановился от охватившего волнения.

Так, приняв решение споряча, Гаргалин дал Арбелину сигнал перейти Рубикон.

Арбелин сигнал услышал.

Вернувшись домой, Арбелин достал из портфеля диктофон, на который записал беседу с Гаргалиным, и внимательнейшим образом прослушал запись.

Вечером запись слушали втроем, сосредоточенно, молча. Когда запись закончилась, раскрасневшаяся Альфа выпалила:

– И после того, как Вы, Юлиан Юрьевич, ему все на блюдечке преподнесли яснее ясного, разве могут быть какие-то сомнения открывать или не открывать центр? У него что в голове мякина вместо мозгов?

– Мякина не мякина, а ведь разрешил же экспериментировать. Разве мало? – Арбелин весело посмотрел на ученицу.

– Так надо не ждать, а открывать центр! – не унималась Альфа.

– Стоп, стоп, стоп! Не горячись. Учись становиться на место другого «я», когда идёт спор или обмен мнениями. Он же чиновник, следовательно, а не учёный-исследователь. Откуда ему знать, что такое фасцинация и с чем её едят? А

ответственность громадная – безопасность страны. ФСБ ведь не клуб для игры в преферанс. Появился какой-то Арбелин с проектом спасения отечества от экстремистов. Да ещё и горбатый. А вдруг он параноик, изобретатель вечного двигателя? А может у него в руках нечто сверхопасное и он сам этого не понимает? Так что всё верно, полковник Гаргалин совершенно точно выполняет свою функцию сбережения родины.

– Но Вы же, Юлиан Юрьевич, не какой-то фанатик или параноик. Вы же ему всё по полочкам разложили и как манную кашку на ложечке поднесли.

– И что? Я так же вот своему давнему знакомому профессору Медведеву пять лет назад на пальцах всё показал. До сих пор, говорит он, не могу толком въехать. А тут чиновник и всего час беседы. К его чести, он все-таки понял, что надо внимательнее посмотреть.

– А я не понимаю! – не успокаивалась Альфа.

– Ай, какая ты гневливая! Но тебе это ужасно идёт. Пылают серозелёные глаза ведьмы священным огнём! Красиво! Правда, Денис?

– Альфа всегда и во всём красива. – улыбнулся Денис.

– Ладно, ладно, не успокаивайте. – кокетливо проворчала Альфа. – Я бы такого полковника метлой!

– А вот представь себе, вдруг перед Гаргалиным появляется этаким умный и хитрый провокатор Арбелин! А? Ведь сколько в истории было таких умников, влезающих в любые организации и государственные службы. Провокатор Малиновский Ленина объегорил, в друзьях у него был. А Азеф что вытворял! На этом разведка держится. Поверят мне, откроют под меня научно-практический центр, пустят к кормушке ФСБ, а я – иностранный шпион.

Альфа от такого парадокса опешила:

– Провокатор...

– Он так думает, он, Альфуша! Обязан так думать. Версия. Особенно, если учесть моё не очень-то симпатичное, с их точки зрения, прошлое. Они о нём наверняка знают. Сидеть не сидел, а в тунейдцах числился. Чуть не загремел в места не столь отдалённые.

– Вы?!

– О, ты ещё многое обо мне узнаешь нехорошего! Вот и осознай – не может полковник взять да поверить. Всё, что ты обозначаешь как «на блюдечке», для него может означать соловьиную охмуряющую песню провокатора. Так что нужна экспертиза, это уж как пить дать. Но можно и вожди отпустить, позволить экспериментировать. Вдруг эксперимент удачным окажется. Тогда аплодисменты и вперёд заре навстречу.

– Вы сейчас – это он, я всё поняла. – Альфа восхищённо смотрела на Учителя. – Уже не сержусь. У каждого своя планида. Гаргалин раб своего дела.

– Не только раб, но и профессионал. И будет за мной и за нами следить, не спуская глаз. Игра завязывается весёлая. Поиграем?

– Поиграем! А, Денис? – повернулась Альфа к Денису.

Денис всё это время молчал, как губка впитывая каждое слово Арбелина. Это была наука мышления расчётливого и точного ума. Было чему поучиться.

– Поиграем. – кивнул он.

Гаргалин, по привычке анализируя разговор в записи, отметил для себя два ключевых момента. Первый – это многозначительное «не из разведки». Оно насторожило. И навестило. На Западе уж точно не упустят, если что-то стоящее в этой фасцинетике есть. Подумал: а вдруг горбун – хитрец, провокатор, завербованный влезть со своим проектом в ФСБ. Проект-то подан как сладкая конфетка для спасения от экстремистов и террористов, которых стало пруд пруди. Надо будет действительно разобраться посерьезнее, копнуть поглубже. Не просмотреть бы чего. Второе, – это слова «проследить ход рассуждений». Это звучало подсказкой. Что если собрать профессионалов и проследить ход их рассуждений о фасцинетике? Как это организовать Гаргалин ещё не представлял, но мозг начал работать в заданном направлении.

Что если действительно собрать нечто вроде консилиума, как в медицине делается? Несколько специалистов разного профиля, которые выскажут свои соображения по отдельным аспектам, а в сумме получится истина?

И всё равно что-то на душе Гаргалина скребло, мешало, как изжога. Он думал: конечно, креатин сумасшедший, конечно биография заковыристая, конечно жил сам по себе и раздражал ученый мир. Но может быть в этой чёртовой фасцинации что-то такое сокрыто, до чего он, старый кэзэбешный волк, ещё не дорё? Это шатание внутри себя смущало и злило, мешало взять да отмахнуться от надоевшего старика, до которого на всём свете никому нет дела. Правильно ли он сделал, предложив негласное соглашение? А вдруг да занесёт его в что-нибудь безумное. Благими намерениями в ад дорога устлана. Оправдывайся потом, что недоглядел.

Он решил повстречаться с двумя-тремя учеными, возможно, от бесед с ними об Арбелине и его изобретении и выявится способ получить заключение. Вспомнил о своих коротких телефонных разговорах перед отбытием в Европу с профессорами Миринковым и Цукерманом.

И вдруг Гаргалина озарило: к чёрту трафаретные экспертизы, он организует консилиум, круглый стол, схватку, схлёстку мнений о фасцинетике, и проведет круглый стол в телеэфире, чтобы и Арбелин видел и слышал «ход рассуждений». Это будет публичная, записанная на видео экспертиза! Тема круглого стола пришла в голову быстро – «Наука и лженаука». В ходе обсуждения ведущий вытащит на свет божий фасцинетику, а ученый люд подвергнет её многомудрому препарированию на предмет истины. А то, видите ли, экспертов нету. Всеми всегда есть эксперты. Круглый стол и покажет «ху есть ху».

Гаргалин потирал руки от удовольствия. Такого финта ещё никто не делал. Отлегло, повеселел. Недаром же его ценили за интуицию и деловитость. Сказано – сделано. Он начал набрасывать список возможных участников круглого стола. Как-то само собой рука услужливо вписывала тех, от кого слышал нелицеприятные реплики в адрес Арбелина. Ещё раз обзвонил знакомых учёных мужей. И в первую очередь позвонил профессору Василию Миринкову, оценкам которого очень доверял.

Профессор Миринков прославился тем, что произвёл революцию в теории нравственного воспитания российской молодёжи, создав учение о перманентной нравственной коррекции детей и подростков. Учение его базировалось на формировании и коррекции у детей четырёх нравственных категорий: гордости, стыда, совести и долга. Гордость профессор называл стержнем нравственного развития человека и призывал родителей и педагогов развивать её у детей уже с 2 лет, а вслед за гордостью стыд – с 4-5-ти, потом совесть – с 6-ти, а долг – с 12-ти и далее. И чтобы все видели, как это должно происходить, он возглавил любезно предоставленную ему управлением образования администрации Бурга гимназию, которую и перепрофилировали под перманентную нравственную коррекцию с двух лет до самого выпуска. При гимназии профессор организовал детсад, в нём малышам корректировали не только гордость и стыд, но и учили избавляться от вредных привычек, приучали мыть посуду, подметать, стирать носочки, сервировать стол. Одна бабушка привела внука, который не умел правильно есть суп, он его пил из тарелки как чай. В гимназии внука быстро научили есть суп правильно, то есть ложкой, причём мальчику параллельно привили стыд и гордость: гордость – что он теперь умеет, а стыд – что был грязнулей. «И не надо стесняться постоянно в определенной мере на ребенка «давить», заставлять выполнять и закреплять полезные навыки. И иметь родительскую волю. Только так можно добиться чувств долга и ответственности», – учил родителей и педагогов профессор. А коронным аргументом Миринкова служил его собственный опыт, особенно то, как он приучил своего десятилетнего сына мыть посуду. Учение Миринкова бывшим апологетами нравственного совершенствования советского человека до уровня гармонической личности, сидящим ещё всюду в педагогических университетах и в системе образования, так пришлось по душе, что Миринков получил восторженные отзывы и сделал стремительную карьеру, став и заведующим университетской кафедрой, и даже академиком в Академии образования. Странно, однако, что родители правдами и неправдами принялись своих чад из гимназии Миринкова вытаскивать и переводить в другие школы и гимназии: у многих ребят от нравственной коррекции методами перманентного «давления» поехала крыша.

Гаргалину профессор Миринков служил как надёжный эксперт по всем нравственным проблемам, которые возникали при оценке тех или иных «спасающих Отчизну» проектов или расистских поползновений.

Миринков дополнил то, о чём поведал Гаргалину по телефону перед отпуском, обрушив на голову Арбелина каскад грозных эпитетов. По его мнению выходило, что Арбелин пустой прожектер, мнящий себя гением. Чего только он не навыдумывал: академию социальной инженерии, какое-то Вольное философское общество, и всё это с грандиозными провалами и под хохот общественности.

– Одни игры у него на уме, а не позитив. Слышать не могу об этом сумасшедшем! Не портите мне настроение, Станислав Анатольевич!

Другой доктор наук, искусствовед Леонид Сергеевич Кропоткин, декан университетского факультета, долго и нудно, пришепётывая, разъяснял, что фасцинацию можно конечно использовать, но только в рекламе и маркетинге – как

приём для увеличения продаж. Ну, а фасцинетика – это досужая выдумка умственно деградирующего динозавра, которого можно только пожалеть.

Доктор философии Олег Матвеев был ещё категоричнее и ехидствовал:

– Ему бы пора о душе думать, в церковь ходить, внуков нянчить.

Спустя неделю полный состав круглого стола определился – восемь человек, в том числе две учёные дамы, доктора политологии.

Недолго прикидывал Гаргалин и на каком телеканале закрутить мельницу. На самом бойком, рейтинговом, на 4-м канале. И ведущий мгновенно выскочил в памяти – Вьюгин, ему палец в рот не клади, юный, дерзкий, наглый. Договориться с таким кого-то размазать – раз плюнуть.

Затягивать с круглым столом не стоило, время шло, отчет в Москву рано или поздно надо было отправить.

Встреча с руководителем телеканала Эдуардом Королёвым прошла продуктивно и даже как-то весело.

Тот, как и положено маститому тележурналисту, мгновенно оценил замысел Гаргарина как суперсмотрибельный во всех смыслах.

– Все эти экстрасенсы, уфологи, колдуны, знахари осточертели! – подхватил он идею. – Запустим.

Увлекла его и мысль включить в сценарий детище Арбелина – фасцинетику. Арбелина Королёв, и не только он один, недолюбливал за острый язык и презрение к журналистам.

Пришли к варианту, который учитывал сразу всё, – круглый стол на тему «Наука и лженаука». По ходу дела, общипав перья ясновидению, уфологии и астрологии, ведущий подведёт участников круглого стола к фасцинетике, задав им вопрос, не лженаука ли это создание местного уральского ученого. В состав участников решили включить исключительно докторов наук, причем разных специальностей. Гаргалин взял это на себя.

Получалось нечто вроде дискуссии с элементами телешоу. Оживление всего процесса зависело от хватки и гибкости телеведущего.

Поискали, кто из журналистов мог бы быть ведущим.

– Может нашего волкодава Евгеньева? – предложил Королёв. – Он тему всегда схватывает за самое нутро.

Гаргалин поморщился:

– Он хорош для политических тем, на них собаку съел. Да и динамику потерял, ухмылочка кривая у него все та же, столетней давности, дряхлеет. Нужен познергичнее.

– Тогда предлагаю Иннокентьева. Этот по всем параметрам хват.

– Согласен, неплох, но для люмпенов и криминала, они его обожают. А у нас тема интеллектуальная. Я думаю, не запустить ли молодого, яростного Яшу Вьюгина. Этот и динамичен, и за словом в карман не полезет. Реакция у него просто огнестрельная.

На журналиста Яшу Вьюгина Гаргалин обратил внимание давно. Удивила его какая-то лихая в нём способность наносить удары по репутации выбранных им, или скорее всего заказанных, жертв под дых, этакое мастерство публичной подлости, выполненной в экстремальном стиле тёба и игры на обывательскую пуб-

лику. «Вот он-то мне и нужен», – сказал себе Гаргалин. Задуманный им проект требовал именно такой смекалки и лихости.

Королёв не стал отговаривать. Пусть будет Вьюгин, бойкий парень, находчив, телегеничен.

– Вы его запрограммируйте только, а то у него есть привычка выходить за пределы сценария. Любит похулиганить, экстремал.

– Конечно, конечно, – заверил Гаргалин, хотя с Вьюгиным ещё не встречался и предложения про круглый стол ему не делал. Уверен был, что юноша с радостью заглотит идею.

Наметили провести круглый стол через неделю, в субботу и в самое удобное для телезрителей вечернее время.

На том и расстались.

Гаргалин, ещё раз встретился с участниками предстоящего круглого стола лично, настроил на серьёзное обсуждение. Только физика, доктора наук Григория Невпопада, и биолога Аркадия Бубенчикова, предложенных «для объективности» главным редактором, не удалось повидать, но тот их прекрасно охарактеризовал.

Академия не могла даже в мечтах предвидеть, во что выльется эксперимент с пингвинчиком.

Через месяц город, что называется, подсел на пингвинчика, а Марвиц забыл о маячившем финансовом обвале. Ежедневно завод наращивал выпуск пингвинчика и линия уже не выдерживала, хоть ещё одну открывай.

Альфа выдавала варианты, дошло и до семейного пакета из трёх мороженок «Папа, мама и я», который раскупался мгновенно и большими партиями.

Добавки, которую использовал Денис и готовил у себя, уже не хватало.

– И не ломайте голову. – успокоил Арбелин, отслеживавший процесс. – Передайте заводчанам псевдодобавочку, как врачи делают, давая больным порошки и таблетки плацебо. И пусть себе добавляют. Город уже настолько свыкся с пингвинчиком, что один только вид его возбуждает в людях аппетит и программирует вкусовые ощущения. Чистейшая фасцинация.

Денис всё же сомневался и решил проверить. Три дня подряд он запускал псевдодобавку. И убедился, что спрос на пингвинчика нисколько не уменьшился.

Пингвинчик стремительно набирал обороты, увеличивая капитал Марвица и захватывая в свои чарующие сети всю Тагду. «Ещё хочу!», – кричали дети мамам, мамы покупали и себе по две-три штуки, не удержались от массового заражения весёлым пингвинчиком и суровые тагдинские мужчины. Город, что называется, вошёл от пингвинчика во вкусовую и веселящую зависимость. Другое мороженое тагдинцы покупать почти перестали.

Всеобщую любовь к пингвинчику подхлестывала установившаяся летняя жара.

Часть одиннадцатая

КРУГЛЫЙ СТОЛ БРОСИЛ АРБЕЛИНУ ПЕРЧАТКУ

Шёл к концу июнь, заканчивался деловой год, маячили для всех каникулы и отпуска. Оттягивать круглый стол не годилось.

Назначили с телеканалом дату.

Накануне Гаргалин позвонил Арбелину.

– Юлиан Юрьевич, Ваше предложение завтра будет исполнено.– замыслова-то начал Гаргалин.

Арбелин не понял, о чем речь, и задал ожидаемый Гаргалиным вопрос.

– Какое предложение?

– Вы сказали, что было бы любопытно проследить ход мыслей экспертов.

– Вон Вы о чем! Так ведь тех, кого Вы называли, ход мыслей я знаю наперед. Я это так, для приличия сказанул. Я о наличии качественного мышления в их нервных мозгах сильно сомневаюсь. У некоторых даже и количественного...

– Ну вот! Вы опять о мрачном! Кроме них есть ведь и другие. Семь-восемь специалистов. Доктора наук.

– С профессиональным идиотизмом.

Гаргалин поперхнулся.

– Ну, Вы уж сразу какие-то психиатрические ассоциации приводите. Я в том смысле, что соберутся профессионалы разных отраслей.

– Кроме фасцинетики. И как Вы предполагаете проследить ход их мыслей без главного специалиста? – все ещё не догадывался Арбелин.

Гаргалин наслаждался оригинальностью замысла и эффектом, который он произведёт на ученого:

– Завтра в девять вечера на четвертом телеканале смотрите. Будет круглый стол о науке.

Арбелин сжался. Он мгновенно понял, во что это выльется. Гаргалин или провокатор, или неумный перестраховщик, не понимающий, когда, во что и как надо играть. Хуже, чем круглый стол для дискуссии о новой науке с невеждами, трудно себе что-либо представить. Восточный базар и тот лучше. Это было во сто крат ничтожнее обычных экспертных заключений. Не мало-мальская хотя бы экспертиза, а публичный на весь эфир балаган, в котором его имя и фасцинетика будут полоскаться в куче жидкого навоза.

Молчание в трубке казалось Гаргалину шоком от неожиданной оригинальности предложенного вниманию учёного проекта:

– Что же Вы, Юлиан Юрьевич, молчите? Как идея?

Арбелин хмуро проворчал:

– Ваша воля. Посмотрю. – и повесил трубку.

Гаргалин побагровел и хотел было набрать номер Арбелина ещё раз. Что за хамство бросать трубку, не закончив разговора! Но остановился, понял, что Арбе-

лин его восхитительную идею напрочь отвергает. «Что ж, посмотрим, поглядим, — зло ругнулся Гаргалин, ещё более укрепляясь в необходимости круглого стола. — Завтра увидим, какой Вы, господин Арбелин, гений». Ему уже хотелось его поспрамливания. Какая такая к черту фасцинофикация! От чего угодно другого теряют люди разум, только не от каких-то сигналов и шума в мозгу. Выдумки всё это. Эксперимент, который он разрешил, уж точно закончится пшиком. И слава богу.

Так с подпрыгнувшим давлением и нетерпением азартного мстителя Гаргалин ждал телеэфира.

С некоторой злостью ждал и Арбелин. Предупредил Альфу с Денисом, чтобы посмотрели, а сам настроил видеомаг для записи предстоящего маразма.

И грянул круглый стол.

Словесный спор похож на фехтование на шпагах, цель его — нанести эффектный укол, одержать верх и сорвать аплодисменты. Это прекрасно удавалось Маяковскому. Лидерами в поединках на словесных шпагах являются острословы и софисты. Шоу, круглые столы, многоумные дискуссии содержанием своим имеют вовсе не поиск истины, а снискание победы своей идеи, а чаще всего тощей какой-нибудь, да ещё и содранной у кого-то, идейки, и самого себя, любимого, речемыслительное красование, щегольство плоского остроумия, мошенничество словесных уловок, софизмов и ловушек. Побеждает изворотливый, а не умный.

Гаргалин был прагматичен как иезуит, ему уже надо было вывернуть наизнанку идею фасцинации, да так, чтобы она предстала всему просвещённому миру как лежидея, интеллектуальный выверт ученого-одиночки, вознамерившегося подарить человечеству еще один вечный двигатель. Следовало создать образ смешного стареющего прожектёра. Те, кого он подобрал, не были отягощены интеллектуальной совестью пытливых умов, это были камуфляжные интеллектуальчики типа «чего изволите?», а кроме того, почти все они почему-то не любили Арбелина лично. А что может быть лучшим двигателем к разгрому, как не удар по антипатичному сопернику! Устроить публичное осмеяние было скрытым мотивом почти всех, кого Гаргалин и Вьюгин подыскивали для круглого стола. Кроме физика со странной фамилией Невпопад, славившегося своей наивной парадоксальностью вопросов и комментариев. Его задача, о которой сам он совершенно не догадывался, но которую вменил ему изощренный ум журналиста-пройдохи, заключалась в создании по ходу обсуждения атмосферы смеха своими вопросами и репликами невнопад: парадоксальность физика соответствовала его неординарной фамилии. Был в приглашённом составе и ещё один учёный, не знавший Арбелина, доктор биологии Аркадий Иванович Бубенчиков, но включён он был исключительно для разбавления гуманитариев естествоиспытателями. Его вытягивать на дискуссию не требовалось, так как не обладал он бойцовскими качествами и был даже несколько флегматичен и вряд ли мог выдать нечто основательное и удобоваримое. Одним словом, приглашён был он для камуфляжа объективности, должен был, по замыслу, промямлить нечто биологическое про *фасциацию* растений, что так же далеко от *фасцинации* как небо от земли. Ос-

новную мелодию должны были вести пятеро гуманитариев. Некоторое сомнение вызывал разве что доктор политологии Пётр Ильич Замошкин, изрядный скептик и язвительный острослов. Но такой для оживляжа тоже был нужен, тем более, по данным Вьюгина, и он Арбелина недолюбливал.

Начало круглого стола было оживлённым. Все дружно погрузились в астрологию, обменявшись репликами, какой у кого знак зодиака. Правда критики, как следовало ожидать по замыслу ведущего, не получилось, дамы, похоже, веровали в связь личности и знака Зодиака. Но доктор физико-математических наук Григорий Максимович Невпопад был материалистом и астрологические выверты вызывали у него только иронию. И он добавил юмора, объявив, что раз он стрелец, то должен был стать полководцем или диктатором, а его затянуло в тихую и скромную физику:

– Выходит я какой-то астрологический мутант. – засмеялся он непринуждённо.

– Я тоже мутант! – подхватил вдруг и биолог Бубенчиков – Весы, должен стать артистом, а заброшен судьбой в биологию.

Вьюгин зорко следил за настроением, чтобы перевести вовремя стрелку на фасцинетику. Прошло всего минут десять, оставалось ещё целых сорок минут. Все перешли на упражнения в остроумии по поводу псевдонаучного бреда знахарей, разного рода гуру-колдунов, экстрасенсов и уфологов. Невпопад со смехом рассказал об остроумной проделке своего отца, прожжённого атеиста и публициста. Лет тридцать назад отец его организовал разоблачение знаменитой Розы Кулешовой. Занесло его в город Фрунзе, в Киргизию как раз в те дни, когда там демонстрировала свои выдающиеся способности эта бойкая дама. У него были приятели среди журналистов. Он и научил их подменить то, что ясновидица собиралась видеть своими габаритными ягодицами. Был в её арсенале такой коронный номер: ей подкладывали на стул листок от настольного календаря с крупными цифрами, она садилась и называла цифру, вызывая неопишуемый восторг зрителей. Журналисты, наученные отцом, ловко подменяли листки от календаря в тот момент, когда ясновидица опускала свою филейную часть тела на стул. И она называла цифру предыдущего листка. Конфуз был грандиозный.

После весёлого рассказа Невпопада круглый стол был готов осмеивать всё что угодно, ловкий Яша Вьюгин уловил сатирическое настроение и продемонстрировал всем журнал Арбелина «Фасцинетика».

– А вот, господа, родилась новая наука и основал её наш земляк Юлиан Юрьевич Арбелин. В этом вот журнале он и объявил о ней в статье «Фасцинетика как наука». Видел ли кто из вас этот журнал, читал ли статью?

Все, кроме Невпопада и Бубенчикова, дружно утвердительно закивали.

– Читали, читали. – подтвердила доктор политологии Раиса Пантелеевна Дурандина. – Он этот журнал разносил лично по всем вузам и гуманитарным кафедрам.

– Прекрасно. – удовлетворённо произнёс Вьюгин. – Я прочитал такой пассаж: «Уже вирус чарует бактерию, как донжуан девушку, чтобы в неё проникнуть и подчинить своей репликации». Что-то мне не совсем ясно, как это вирус может быть донжуаном. Не вижу предмета науки, вижу только непонятную метафору. Каково ваше мнение?

Учёные несколько замешкались, переглядываясь и как бы спрашивая друг друга, кто выскажется первым.

В эту паузу вклинился биолог, обратившись к Вьюгину:

– Будьте добры, дайте мне журнальчик посмотреть. Я его не видел. И, кстати, вирусы весьма хитрые каналы.

Вьюгин передал ему журнал. Невпопад, сидевший рядом с биологом, тоже уткнулся в журнал.

Замешательство прервал Леонид Кропоткин.

– Занятная штука эта фасцинетика, что и говорить. Однако я считаю, что это всё же не стопроцентная наука, скорее фасцинетiku можно воспринимать как маркетингово-рекламную технологию для оптимизации продаж товаров... Ну, там колготок, парфюмерии, женского белья, лекарств и так далее. На науку не тянет. – повторил он почти слово в слово то, что говорил Гаргалину наедине.

Василий Миринков хмыкнул:

– Презервативов...

Это был как нельзя лучший старт к размазыванию фасцинетики.

Учёный люд, как и любой другой, подчиняется закону законсервированности интеллекта с возрастом и достигнутым уровнем невежества.

– Юлиан Юрьевич большой выдумщик. – пробасила с иронической улыбочкой Раиса Дурандина, дама внушительных габаритов и мужеподобного голоса. – Это его, можно сказать, психотроника с использованием чарующих сигналов. Фасцинация ведь переводится с английского как очарование, околдовывание. Согласно полностью с коллегой Леонидом Сергеевичем, в рекламе вполне применима. Да и в любом пиаре.

В это время наливался страстью и энергией ненавидевший Арбелина профессор Миринков.

– Господа, о какой такой науке и психотронике может идти речь. – громогласно объявил он, по очереди грозно оглядывая сидящих за столом. – Нулевой бред это, а не наука! Выдумал старец какую-то фасцинацию, какую-то фасцинативную коммуникацию. Есть информация, есть потребности и эмоции, зачем добавлять и примешивать ещё какое-то фасцинатирующее очаровывание? Разве эмоций для очаровывания недостаточно?

Встрял Пётр Замошкин, внимательнее остальных изучивший журнал Арбелина.

– А музыка? Где в ней информация? У Моцарта, к примеру.

Василий Миринков снисходительно рассмеялся:

– Так ведь музыку записывают нотами, вот вам и информация.

Профессора Замошкина реплика профессора Миринкова не убедила.

– А как же было с музыкой до нот? Была музыка до нот или её не было? Играли на дудочках и барабанах или не играли?

Ответ был очевиден. Все весело переглянулись.

– Музыку запоминали и воспроизводили по памяти, только и всего. – ловко парировал Миринков замечание Замошкина.

– Так ведь запоминали мелодию и ритм, а не информацию о мелодии и ритме. А нот не было.

– Ерунда! Память может запоминать только информацию и больше ничего. – категорично отрезал профессор Миринков и победоносно окинул своим гневным взором круглый стол.

Это Замошкина явно не удовлетворило, но он почему-то не стал дальше спорить, только пробурчал, однако слышно для всех:

– Оргазм запоминается и действует очень хорошо без всякой информации...

Миринков вспыхнул, однако сумел сдержаться – не спорить же на весь эфир об информации, завершающей сексуальный акт, хотя он мог бы это объяснить доходчиво и понятно для всех, что, бывало, и делал в интимном кругу.

Женщины, переглянувшись, кокетливо опустили глаза и тихо хихикнули.

Зато пылко выступил молодой политолог и лихой пиарщик, доктор философии Олег Онуфриевич Матвеев.

– О чём речь! Господин Арбелин хитрец, он выдумал под видом науки новый способ разводки политиков на бабки. Будет их зомбировать, что с фасцинацией они выиграют любые выборы. Хитрая выдумка хитрого старого лиса! Не наука, а политтехнология.

Тут все снова оживились.

– А я вот противник всех этих англоязычных терминов, – интеллигентно проворковала тоненьким голосочком другая докторша политологии Жанна Арнольдовна Траухтенберг. – Уж если так надо было объявлять о создании особой науки соблазнения и очарования, назвал бы её господин Арбелин по-русски флиртом, флиртацией, флиртологией что ли. И всем всё было бы ясно.

– Но, Жанна Арнольдовна, ведь «флирт» тоже слово не русское, а французское. – усмехнулся скептик Замошкин.

Траухтенберг сконфузилась было, но нашлась:

– Во всяком случае, оно уже так прижилось в нашем языке, что не требует разъяснений и всем понятно.

Матвеев вдруг ни с того ни с сего хохотнул и ошарашил коллег:

– Фас! Вспомнил, что кинологи учат собак команде «фас!» Фасцинетика – это и есть «фас!»

– Фас-фас-цинетика! – счастливо засмеялся Яша Вьюгин.

Тут вступил в тему доктор философии Иван Александрович Лукчанкин, славившийся тем, что увлекался живописью и создавал шизоидно сюрреалистические шедевры фиолетово-лилового цвета, нагонявшие тоску.

– Фасцинация хороша разве что в гламуре и техниках сексуального имиджирования. – произнёс он надменно. – Но это же не наука, это техники. Техники макияжа, к примеру. Или парикмахерское искусство. Или увеличение имплантатами груди у актрис и певиц. Чистая практическая манипуляция ради максимализации сексапильности. Знаменитая грудь Памелы Андерсон, к примеру.

Не смущаясь, Лукчанкин поднес свои ладони к груди и картинно продемонстрировал, каким может быть внушительной величины женский бюст.

Показ женских округлостей был эффектен, запахло сексуально порнографической темой.

Вьюгин ликовал.

Гаргалин, наблюдая за ходом круглого стола, потирал руки, хваля себя за придуманный ход. Получалось, что детище Арбелина было несерьёзным блефом вроде набора приёмов по оболыщению. Он напрочь забыл об аргументах Арбелина.

Всё их разогревавшееся удовольствие смешал Григорий Невпопад.

– Прошу у присутствующих и телезрителей заранее прощения, если мои вопросы и рассуждения будут наивными. – заговорил он извиняющимся тоном. – Я ведь физик, для меня тема фасцинации, как китайские иероглифы для эскимоса. Слушал я, в журнальчик посмотрел, и начал терзать меня вопрос, который, возможно, покажется всем совершенно неподходящим.

Эта вступительная тирада физика, произносимая очень скромно, настроила всех на сентиментально-иронический лад и все приготовились услышать некую очередную парадоксальность Невпопада к теме, предложенной Лукчанкиным.

– Мы все внимание. – с милой улыбочкой поощрил физика Яша Вьюгин.

– Мне важен научный факт. И его интерпретация. Вот у нас в институте служит лаборанткой Ниночка Чернавина. Не буду её описывать, потому что невозможно описать словами изумительную женскую внешность, движения тела и голос. Это надо только видеть и слышать. Действие её на мужчин просто магическое. Как-то я наблюдал такую картину. Обсуждаем в секторе у Ивана Сергеевича Никифорова одну проблему. Нас семеро, все со степенями и званиями, разговор профессиональный. Открывается дверь и входит Ниночка. И как по мановению волшебства все смешалось в кабинете Никифорова. О чем говорили? Все улетело. Немая сцена. Кто-то теребит галстук, кто-то поправляет причёску, хотя у него почти лысина. Никифоров непроизвольно встал, сел, опять встал. Аспирант Коля Шелунцов порозовел и остолбенел. Молодой, необстрелянный. Жутко было наблюдать. А она прошествовала своей изящной лёгкой походкой к столу Никифорова и передала ему папку с бумагами, проворковав «Иван Сергеевич, директор просил срочно передать вам». И, ни слова больше не говоря, повернулась как-то воздушно, и проплыла, словно лебедь белая, к выходу. И только дверь закрылась, раздался общий вздох и все стали приходить в себя. Никифоров говорит: «Так, на чём мы, коллеги, остановились?». А никто и не помнит на чём. Отшибло. Свернули обсуждение и разбежались по своим секторам. Вот, господа, скажите, что это такое? Что за эффект? Ведь Ниночка даже ни на кого не посмотрела, кроме Никифорова. Зашла, передала бумаги и вышла. А впечатление произвела ошеломляющее. Просто замерли все как лягушки перед удавом. И это продолжается у нас уже три года.

– А она замужем? – задал несуразный вопрос Вьюгин, ещё не сообразив, что начинается катастрофа.

– А не всё ли равно?! – удивленно воскликнул Невпопад.

Все хмыкнули. Становилось весело.

Вьюгину пришлось реабилитировать себя:

– Ну... может все в неё тайно влюблены, раз она такая красавица.

Ничего нелепее придумать было нельзя.

Физика это покорило.

– Я, господа, моногамен. И потом, я всё же исследователь, экспериментатор. Меня интересует все непонятное. Наука ведь как занятие криминальным рассле-

дованием. Проникновение в тайны. Для меня феномен Ниночки Чернавиной – тайна. Может фасцинетика и проникает в такие тайны? Вот и в журнале об этом написано. – Он показал на журнал, который листал биолог. – За раскрытие тайны воздействия на мужчин Ниночки Чернавиной я поклонился бы автору в ноги.

– Ну вот ещё не хватало нам обсуждать сексуальные проблемы. – взвилась дородная Дурандина. – Тысячи лет строят теории. Какие тут могут быть секреты? Межполовая коммуникация, сексуальные инстинкты. Что еще неясно? Зачем фасцинетика? Надо так честно и сказать – флиртология, верно Жанна Арнольдовна заметила.

Мужчин это категоричное заявление несколько обескуражило.

Тут в игру вступил молчавший до того биолог Бубенчиков:

– Всё дело, Григорий Максимович, в тестостероне. Ниночка забросила в вас гормон тестостерон, вот вы и повелись.

– Забросила?! – обратился к Бубенчикову недоумённое лицо Невпопад. – Она на нас даже взгляда не бросила. Только на Никифорова. Ничего не забрасывала.

– Это я на биологическом языке. – Бубенчиков снисходительно улыбнулся. – От появления красивой особи женского пола у особей мужского пола происходит мгновенный неконтролируемый выброс в организме тестостерона, гормона мужского возбуждения. Вот в этом смысле она забросила в вас всех сразу этот самый тестостерон. А реакция на него как раз такая, как вы и описали. – он многозначительно ухмыльнулся: – Бывает и хуже, вы как-никак интеллигентные мужчины. Другие чуть ли не в обезьян превращаются.

Невпопад был физиком, ему важно было понять процесс: раз произошёл некий выброс внутри организма, то благодаря какому внешнему физическому воздействию?

– Но от какого физического воздействия это происходит? – задал он вопрос Бубенчикову.

Бубенчиков показал на журнал:

– Автор очень точно описал – благодаря сигналу, и этим сигналом является тело.

– Так-так, – начал проникаться пониманием Невпопад, – значит, мы увидели тело Ниночки и оно через зрительное восприятие произвело в нас выброс тестостерона. Так?

– Очень верно. Мгновенно и неподконтрольно. Для выброса тестостерона нужен соответствующий сигнал, этим сигналом и явилось тело Ниночки.

– Хорошо. Но вот заходит, предположим, к Никифорову наша бухгалтерша Фаина Григорьевна весом килограммов под сто двадцать, и проходит к столу Никифорова походкой гиппопотама. Тоже тело и тоже женского рода. И ноль внимания, её как бы и не видят, на течение беседы несколько не влияет, разве что досада появляется. Потееет она изрядно. А ведь мы её тело все видим. Сигнал налицо, а волнения – ноль.

Невпопад отличался ещё одним шокирующим свойством: говорил напрямик и часто опускал дипломатические тонкости, что слушающих его вздёргивало. За круглым столом сидели две весьма габаритные особы и они тоже изрядно потели. От сравнения бухгалтерши с гиппопотамом они вздрогнули; походки у обеих были тяжеловаты и они об этом знали.

– Верно, тело у бухгалтерши тоже сигнал, да не тот, чтобы мощный вброс тестостерона спровоцировать, – рассмеялся Бубенчиков. – А у Ниночки тело красивое, такое, какое мужчинам нравится. Это сигнал очарования, фасцинация. У бухгалтерши тело лишено очарования, вот вы на него и не повелись. Хотя, ради истины, добавлю, как биолог, что даже и тело бухгалтерши вброс тестостерона создаёт, только в незначительной дозе. Она ведь тоже женщина, а реакция на вид женщины у мужчины – вброс тестостерона. Хоть чуточку, но непременно. Так эволюция устроила. Поэтому и говорят, нет некрасивых женщин. Возможно у кого-то вздёрнет тестостерон и от вида Фаины Григорьевны. – Бубенчиков обратился к Вьюгину: – Позволено ли будет рассказать коротенький анекдот на эту тему?

Теряющий связь Вьюгин растерянно кивнул:

– Если в тему...

– Анекдот из времён Древнего Рима. У римлянина Кадмуса была жена, от вида которой дети плакали в ужасе. Друзья ему и говорят: «Как ты можешь жить с такой уродиной?». А Кадмус был пропойца. Он им и отвечает: «С каждым стаканом вина она становится мне всё краше». Алкоголь блокирует критику разума, сигнал даже непривлекательного женского тела производит мощный вброс тестостерона и женщина превращается в красавицу.

– Так вот почему в народе говорят «Не бывает некрасивых женщин, бывает мало водки!» – ухмыльнулся профессор Пётр Замошкин.

– Конечно! – поддакнул Бубенчиков. – Но главное всё же – это бурная тестостероновая реакция мужчин на красивое женское тело. Тут уж пиши пропало.

– Точно! – воинственно оглядел всех Замошкин, и поделился своей осведомлённостью. – Вот исторический факт действия тестостерона на Альберта Эйнштейна. Я у главы нашей диверсионной разведки генерала Павла Судоплатова вычитал в его мемуарах. В КГБ узнали, что Эйнштейн очень падок на красивых женщин, и вывели на него нашу красавицу и умницу Маргариту Коненкову, жену знаменитого скульптора Коненкова. И она доверчивого гения запросто окрутила, он ей даже стихи посвящал. И добыла много полезной информации для нашего проекта атомной бомбы. Тестостерон на службе государственной потребности! – Замошкин рассмеялся своей удачной формулировке.

– Ну, знаете! – не выдержала Раиса Дурандина. – Вас, Пётр Ильич, послушать, так не было бы у нас атомной бомбы, не будь красоток в КГБ! Фасцинация, видите ли, из Эйнштейна все атомные секреты вытянула. Навыдумывали. Не хватает только ещё личным тестостероновым опытом поделиться.

Почти все сидящие за круглым столом знали, что профессор Замошкин втюрился по уши в студентку и ради неё оставил жену. Намёк Дурандиной был встречен вселым переглядом. Кто-то даже прыснул.

– А вот Арбелин всё подробно и объяснил. – сказал биолог, кивнув на журнал.

– Про атомную бомбу, что ли? – как-то странно хихикнула Траухтенберг.

– Фасцинация вполне как атомная бомба действует. С ума может свести! Так у Арбелина написано. – иронично усмехнулся Бубенчиков.

Григорий Невпопад, не знавший о грехе профессора Замошкина, всё ещё не унимался насчёт феномена Ниночки:

– У нас ведь в институте катастрофы начались. Директор наш, многоуважаемый академик Илья Владимирович Нуйкин перевёлся на Север от греха подальше.

– Что тестостерон взвыл, согрешил с Ниночкой? – не сдержал обывательского любопытства Лукчанкин.

– Да что вы! – отмахнулся Невпопад. – Задержалась она у него в кабинете дольше пяти минут. Он не выдержал и рухнул перед ней на колени и давай лепетать о любви. А тут бухгалтерша дверь открывает. Гоголевская сцена.

Все дружно расхохотались. Тема явно уходила в сторону и у Вьюгина началась паника.

– Так и уволили бы эту Ниночку. – зло бросила Дурандина.

– За что?! – возмутился Невпопад. – Она же ни единого повода не дала. И никому не давала все три года. Холодна, как сталь. Она какая-то ничья, отстранённая. Может поэтому все от неё и без ума? – он повернулся к Бубенчикову, как бы вопрошая его. – А работает просто отлично, в наш век поищи-ка такую лаборантку. У нас случай год назад был. Приехал на стажировку молодой специалист, этакий мачо. И, ясное дело, давай на Ниночку глаза пялить. Тестостерон взвыл. Да мало того, решил её охмурить и в коридоре, когда рядом никого не оказалось, за талию её обнял. Скорую пришлось вызывать.

– Скорую? – ахнула Жанна Арнольдовна. – Упала в обморок девочка?

Невпопад рассмеялся счастливым смехом:

– Она ему коленкой очень удачно в самое нужное место попала.

Студия замерла.

– А вы говорите влюбились и прочие намёки в её адрес нехорошие. – отрезал Невпопад, сердито посмотрев на Яшу. И добавил. – Психолога приглашали.

– Психолога? – удивилась Траухтенберг.

– Ну что-то надо же делать. Пригласили доктора психологии. Она тайно наблюдала за Ниночкой.

– И что?

– Дала заключение, чтобы дольше пяти минут ей возле мужчины не находиться. Гормональный фон в мужчинах максимально вздёргивает. Теперь мне понятно, как это происходит, Аркадий Иванович объяснил. Фасцинация женского тела. Психолог порекомендовала перейти с Ниночкой на короткий телеграфный стиль. А я даже эксперимент осмелился провести с Ниночкой, на свой страх и риск пригласил её в кино, на «Сталкера» Тарковского.

Уж лучше бы Невпопад эту фразу не произносил. В кино? Это прозвучало после всего, что он поведал о гипнотическом влиянии Ниночки, как затравка к детективной истории. Засветились азартным любопытством глаза у всех присутствующих мужчин.

Вьюгина уже никто не видел и не слышал, и когда он обратился к круглому столу «Но, господа...», под два метра ростом Пётр Замошкин встал, заслонил его от камер, вежливо отодвинул за пределы видеообзора и прошипел «Исчезни», забрав у него микрофон. Вернувшись на своё место, он взял на себя функцию ведущего:

– Нашего телеведущего срочно вызвали. Продолжим, господа.

В эмоциональной захваченности он начисто забыл, что всё происходит на глазах у тысяч телезрителей.

Круглый стол готов был слушать Невпопада о его киноэксперименте.

– Ну, ну, и что же? – подзадорил Замошкин Невпопада.

– Она согласилась. А я, надо сказать, самый в институте стойкий и её влияния на меня минимальны. У меня жена. А эксперимент задумал исключительно ради спасения института.

– Да рассказывайте же! – воскликнула Жанна Арнольдовна.

– Сели, свет погас. – как заправский колдун продолжал рассказ Невпопад. – Чувствую себя неуютно – флюиды какие-то пробрались до кожи. Ниночка меня за руку взяла. А потом вдруг этак легонько потянулась, приникла ко мне и прошептала: «Григорий Максимович, я посплю, а вы смотрите, что-то мне не очень вся эта нудятина с болотом». И нежно так головку на моё плечо положила. Я и обер. Мурашки по позвоночнику. Так до конца и просидел как столб, а она на плече посапывала.

Студия слушала, затаив дыхание.

– Фильм закончился, я сжал её руку и разбудил. Она произнесла «Уже? А я во сне плавала...плавала...»

– И всё? – произнесла Дурандина разочарованно.

– Не всё. Проводил я её домой на такси, чтобы пораньше отлипнуть. А она как-то странно на меня посмотрела, но ничего не сказала. Захожу домой ни жив ни мертв. А жена, только дверь открыла мне, ойкнула и на меня уставилась. Оказывается, я страшно изменился.

– Как? Как? – заговорили все сразу.

– Вот таким стал, как вы меня видите. А были только редкие седины. Стал крепко седым. Жена чуть в обморок не упала. Я ей рассказал. Она ходила смотреть на Ниночку.

Интрига продолжалась, но время передачи стремительно шло к концу.

– И чего вы все в ней нашли? – сказала мне жена. – Она-то думала, что Ниночка меня приворожила. Верит жена в магию, чёрных кошек боится. Тоже фасцинация?

Город стонал.

Тут биолог встал и произнёс:

– Господа, пролистав журнал, я понял, что изобретение господина Арбелина гениально. Оно и биологии касается на сто процентов. И психологии. И теории коммуникации. Извините, я дальше в маразме не участвую.

И пошёл из студии, на ходу швырнув журнал на столик.

Время эфира закончилось, операторы вырубili студию.

Круглый стол с треском провалился.

Редактор Королёв после такого конфуза вышвырнул Вьюгина со словами «Чтоб на порог нашего канала за версту не показывался!»

Гаргалина от злости трясло, коллективного мнения не получилось, помыслы опустить фасцинетику до банальных истин о флирте были посрамлены. На глазах у всего города! Никого уже не интересовала фасцинетика и её автор, все бросились с жаром в обсуждение феномена Ниночки Черनावиной. Возможно, даже и придуманной Невпопадом. Как-то очень уж весело оглядывал он гуманитариев, собравшихся в телестудии.

Итог организованной Гаргалиным экспертизы в форме круглого стола на телевидении Арбелин понял так: Гаргалин и участники круглого стола презрительно бросили ему и фасцинетике перчатку.

Арбелин перчатку поднял и вызов принял. Теперь оставалось только зарядить как следует фасцинетику и произвести ответный сокрушительный выстрел. Выстрел экспериментально организованным научным фактом.

Примчались разгневанные Альфа с Денисом.

Альфа пылала от ярости и с порога взвилась.

– Юлиан Юрьевич, они что, идиоты?

Денис бросил сдержанно:

– Охлопусы.

Арбелин остудил их гнев:

– Охлопусы, это точнее.

Альфа не унималась:

– Тогда уж шушера охлопусная!

Арбелин рассмеялся:

– И откуда только у тебя такие словосочетания берутся, Альфа!

– Плохие?

– Очень точные и фасцинативные. Но эта шушера всё же заслуживает снисхождения. Не будем слишком строги. Большинство из них почти не виновато. Их втянули и они, будучи внушаемыми охлопусами, вляпались.

Всем неблагоприятным поступкам людей Арбелин всегда искал объяснение и оправдание, пытался понять смысл и побудительные мотивы. Может быть человек хотел как раз добра, да запутался. А может попросту заблуждался от недостатка ума. Или кто-то его одурачил и одурманил, внушил, что так надо. Да мало ли какие могут быть причины для совершённых пакостей. Все ошибаются. Вот и увидев состав круглого стола и поймав тайну раскрутки сценария ведущим, он хоть и был разгневан, но быстро остыл и старался понять мотивы всех участников.

– Альфа, ты слишком к ним строга. Там все разные люди, не все идиоты. Тот же физик, ведь умница, он им все карты смешал. Или профессор Замошкин. Как он ведущего турнул, а?

– Но из большинства лезли просто какое-то шизоидные фекалии!

– Ну не любят они меня, пойми ты и это. На отношении ко мне и зацепил их на крючок Гаргалин. Там же политологи, философы, психологи, и у всех на меня руки чешутся. Замысел режиссера этой комедии прост – использовать их для шельмования фасцинетики. Режиссер спектакля – Гаргалин, ему это надо для отписки в Москву под видом коллективной оценки видными учеными и так далее. Ловко придумал, ничего не скажешь. А этот шпингалет, ведущий – его подручный. Ему главное – покрасоваться.

– Моська! – гневно вставила Альфа.

– Не моська, а мопс. Охлопик. – рассмеялся Арбелин. – Ну, возможно, еще Миринков посвящен был в сценарий, но вполне достаточно и его лютой ненависти ко мне. Так и не пойму до сих пор, с какого потолка он невзлюбил меня, мы с ним никогда нигде не пересекались. А остальные – самые натуральные наивные охлопусы. Их зацепили на искреннем и добросовестном заблуждении. Почти все они в той или иной мере ещё и профессиональные политпиарщики, политтехнологи выборных кампаний. И знают меня исключительно как политконсультанта, я ведь ни одних выборов не пропустил, всегда кто-нибудь меня нанимал. И всем им от меня доставалось. Иным крепко доставалось. Отсюда и нелюбовь. Кто же может спокойно отнестись к проигрышам? А обо мне как учёном-исследователе никто из них не знает, не удосужился. Они-то все в политбаталиях по уши, это их стихия. А для меня выборы – только заработок, второстепенное занятие. Но они же этого не знают, им неведомо, что я исследователь, а не пиарщик. Вот они и перепутали фасцинетику с политтехнологиями, превратив её в придуманный мной приём по разводке политиков на бабки, как выразился Матвеев. А он – прожжённый политпиарщик, плут, какого сам Геббельс взял бы на службу с удовольствием. Лет пять назад в Интернете на своём сайте хвастался, сколько он написал левых дипломов и кандидатских диссертаций. Ему и невдомёк, что хвалится преступлениями.

– Вот откуда напекли этих остепенённых охлопусов! – гневно воскликнула Альфа.

– Он как раз один из тех, кто их выпекал. Он и сейчас где-то там, при кремлёвских пиарструктурах ошивается. По сути, все они – жертвы профессионального идиотизма, всё и вся рассматривают и оценивают исключительно с позиций психиатрической профессии политтехнологов. Как в анекдоте. Девушка влюбилась в парня, встречаются, наступает момент, когда он говорит ей «Ниночка, я тебя люблю, выходи за меня замуж», а она ему – «Милый, это у тебя не пиар?» Среди психопатологических профессий политпиарщики – одна из основных.

– А ещё какие?

– Ну, на первом месте сами психиатры. Среди них нормальных нет по определению. Очень шизофреничны многие журналисты. Им же приходится постоянно перенастраиваться. То кукуруза на Севере – спасение Родины, то кукуруза на Севере – дерьмо собачье, придуманное Хрущёвым. Тут свихнёшься. И запьёшь. Они почти все хронические пропойцы... А вот физик, учёный, не пиарщик, сразу вошёл в предмет, сразу начал с феномена и его объективности. Надо ещё сказать, что пойманы были участники и на крючок комедийности темы. Помните, с чего начали? С летающих тарелок, с астрологии, с шаманов. А когда разгорячились и взвинтились, ловкий Яша Вьюгин им и подкинул фасцинетику: «А как вы, господа, относитесь к объявленной Арбелиным науке фасцинетике? Наука это или лженаука?» Да ещё и процитировал про донжуанство вируса. Всех и понесло по инерции! Да ещё этот недоумок доктор искусствоведения Кропоткин. Это, говорит, не стопроцентная наука. Ну не кретин? Где он видел стопроцентные и не стопроцентные науки? Вот дотошный физик и зацепился: что, влияние Ниночки на директора института Нуйкина, это стопроцентная или не стопроцентная наука? А? Так что, Альфа, не виноваты они по большому счёту. Пойманы были на крючок и

использованы по назначению. И погрузились в критическую захваченность. А если и есть какая-то всё же вина, так только изрядная их невежественность.

– Но разве не подлость обсуждать Ваше открытие без Вас?

– Конечно низость. Но им некогда было об этом думать, понесло их, сфасцинировал их ведущий, схлестнув с астрологией и колдунами, заузил сознание. Захваченность же ослепляет человека. Даже гениев.

Денис, внимательно слушавший оправдывающие доводы Арбелина, проговорил весело:

– А я от физика просто тащился. Как он всех их потрянул!

– Физик – это ошибка охлопика Вьюгина. И ещё биолог. Он их хотел вписать в свой сценарий, а они непредсказуемыми оказались. Физик их раздракони́л на достоверности феномена, вытатив на обсуждение очаровательнейшую фасцинацию – лаборантку Ниночку. Я с физиком непременно увижусь. И попрошу с Ниночкой познакомиться. Очень хочу попасть под её колдовские чары.

Альфа надула губки:

– Любите Вы, Юлиан Юрьевич, очаровательных красоток...

– Ого-го, ещё как! Но не всех. У меня половой отбор. Только каллипигистатуетки. Ни одной не пропущу! Всех препарирую. Профессия, Альфочка, такая у меня, фасцинетик я. И ты такой же станешь.

– Вы и меня препарировали? – Альфа засмеялась, озорно сверкнув глазами.

– В одно мгновение, в долю секунды, как только переступила порог. И занёс в высший разряд пирамиды женской фасцинации. Там, где у меня Мерилин Монро и потрясающая Кэтрин Зета-Джонс. Люблю её. Так бы и женился на такой.

– Но я же хромая!

– Ерунда. Это тебе даже идёт... шарма добавляет.

– Что же, мне значит хромой и оставаться?!

– Прости старика, Альфочка! Не надо оставаться. Но хромота-то тебя вовсе не портит, это я хотел сказать...

– Альфа, когда на тебя смотришь, никакой хромоты не замечаешь. – подтвердил Денис.

– Вот! Поняла? Точнее не скажешь. – подхватил Арбелин.

– Ладно, успокоили. А как быть с Гаргалиным? Он же провалился. Он наверняка в гневе на журналиста и физика. И отписку в Москву в таком варианте не даст. Уволят по профнепригодности. А Вы всех готовы простить.

– Верное замечание. Но прощаю я не всех. Когда явный злой умысел, я записываю человека в специальный список своих врагов для отмщения.

– И я хотела бы этим охлопусам отомстить. Возьмите меня в соучастники. – горячо прибавила Альфа.

– И меня тоже. – вставил Денис.

– И отомстим. – Арбелин рассмеялся: – Отомстим фасцинацией. Покажем им, какая она бывает. Надо придумать такую яркую, небывалую массовую фасцинацию, от которой у горожан крыша поедет и которую невозможно игнорировать. Как научный факт.

– Как здорово! Вы уже придумали?

– Думаю, Альфа, думаю. Мне Гаргалин разрешил произвести эксперимент и свести город с ума, надо заказ исполнить. Придумаю. А пока надо сообразить что-нибудь пробное, экспериментальное. Вроде торта и пингвинчика. Но покрепче.

Было уже поздно, заговорились, не заметили, что уже полночь.

– На сегодня хватит, – потёр лоб Арбелин. – Давайте отдыхать. Утро вечера мудренее.

Ребята уехали, а Арбелин ещё долго не мог успокоиться, всё прокручивал в памяти круглый стол. Заснул под утро.

Часть двенадцатая

САТУРНАЛИИ РИМА, ЕЛЕНА ТРОЯНСКАЯ И СЛЕЖКА ФСБ

И приснился Арбелину странный сон. И сон этот был вещий.

Природа сновидений не разгадана и по сей день. Какие таинственные нейронные процессы происходят в мозгу заснувшего, откуда в нём возникают эти фантастические калейдоскопы картин и лиц, замысловатых сюжетов и ужасов, воспоминаний из давно забытого и заглядывания в будущее вещими и пророческими предсказаниями – всё это науке пока неизвестно. И формула Сеченова о снах как небывалых комбинациях бывших впечатлений всего лишь указывает путь к разгадке, но не открывает двери в скрытый в глубинах мозга фантастический мир. Сны никогда не занимаются пустяками, говорил Фрейд. А чем же они непустячным занимаются?

Под воздействием ли трудной беседы с Гаргалиным, пошлых ли и анекдотических нюансов круглого стола или накопленного за последний месяц опыта фасцинирующих изобретений академии, мозг Арбелина выплеснул сон столь невероятной и, в то же время, переживаемой им чуть ли не как реальная фантазмагория, что как он ни сопротивлялся ему, никак не мог от него отлипнуть, пока психика не была буквально взорвана финальной парадоксально-шокирующей сценой.

Сон этот соединял сразу две загадочные ипостаси: он был эйдетический, воспроизводящий конкретных лиц, в точности повторяя их облик и движения, и одновременно галлюциногенный, выводящий всё происходящее в такую живую реальность, будто Арбелин в неё погружен вот тут, здесь и сейчас. За свою жизнь такого вида сны возникали в его подсознании всего раз десять, не больше, и они настолько впаялись в его память, что он мог воспроизвести, пересказать их в любую минуту, почти не теряя деталей. Не все они заканчивались чем-нибудь ужасным. В аспирантскую пору видел он галлюциногенный сон весёлый, в виде последовательной серии сюжетных кинофильмов, в которых действующими лицами были он, Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Был сон настолько галлюциногенного воплощения, что Маркс и Энгельс были буквально как живые, разговаривали, шутили, смеялись, общаясь с ним, молодым их учеником, которого они возлюбили. Сон этот был приятен, он проистекал из работы над главой дис-

сертации, в которой аспирант Арбелин анализировал их взгляды на общение. Не удовлетворенный существующими переводами с немецкого на русский их выдающегося произведения под названием «Немецкая идеология», дерзкий аспирант вознамерился при плохом знании немецкого языка перевести первую, самую нужную ему часть этого труда, где основоположники анализировали категорию *Verkehr*, с помощью словаря. И настолько захвачен был переводом и постижением сути этой категории, что отваливался ко сну под утро в изнеможении. А отвалившись ко сну, переходил во власть галлюциногенной виртуальности, в кинофильм, в котором Маркс и Энгельс обсуждали с ним нюансы *Verkehr*, подсказывали, спорили, шутили. И тут же, в кабинете Маркса или на веранде в саду, появлялись дочери Маркса, одна из них, прелестная Элеонора, волновала Арбелина, основоположники с улыбкой фиксировали его влюбленность, а Энгельс не уставал подшучивать над ним и советовал на Элеоноре не жениться, она-де взбалмошная и сведёт его с ума. А Маркс как-то очень серьёзно, наморщив могучий свой лоб, произнёс: «Мы с Фридрихом кое-что упустили при анализе *Verkehr*, великое изобретение человека разумного – интердиктивность, его способность сказать себе «Нет!», запретить сползание в потребительский и духовный маразм. Займись этим, нам уже некогда, мы диктатурой пролетариата занялись». Сон был чудесен, Арбелин рассказал его своему научному руководителю, а его жена, психиатр, настолько сном была очарована, что попросила разрешения его записать и использовать как пример в своих сноведческих изысканиях.

Сон, который увидел Арбелин этой ночью, был столь же красочен и галлюциногенно-реалистичен, но он был далеко не весёлый, хоть и карнавалный.

Уже внезапное впечатляющее начало сна зацепило Арбелина шокотом – он увидел толпы обнаженных и полубнаженных людей, причём почти всех толстых, распевających песни и спешащих по улицам к видневшемуся вдали огромному зданию, в котором секунду спустя узнал Колизей, но Колизей был не разрушенный теперешний, а тот, из глубин веков, величественный и великолепный. Ещё пару секунд спустя Арбелин слился с толпой, стал её молекулой и участником раскручивающегося действия. Присмотревшись, он был поражен видом людей, с восклицаниями и песнями шествующими к Колизею: кто шагом, а кто бегом. Все они были вымазаны глиной и нечистотами, на шеях у всех висели фигурки-амулеты в виде миниатюрных фаллосов, у многих болтались прицепленные к поясу искусственные фаллосы или вырезанные из животных гениталии, шагах в десяти от него на носилках обнаженные негры несли огромный метра в три высотой фаллос, непонятно из какого материала вылепленный, но не тяжёлый, потому что несли его всего четверо и почти бегом. Арбелин прислушался к песенному гаму, начал различать слова и фразы, и шок возрос – всё произносимое было в высшей степени похабным и матерным, причём произносилось со страстью и восторгом. Да это же римские сатурналии, пронзило Арбелина, он попал на праздник древнеримского Бога Сатурна! Но почему же все толстые, неужто в Древнем Риме человечество тоже ожирело, пронеслось в мозгу и тут же пропало, уступив место лицемерию выбежавшей из проулка стайки девушек, обнажённых и столь же невероятно разукрашенных и похабно кричащих в адрес мужчин оскорбительные непристойности, что вызвало их ответный гомериче-

ских хохот и мат. Но что это? Не переставал дивиться Арбелин: прислонив одну из белокожих женщин к стене, некий огромный эфиоп, явно раб, совершал с ней половой акт и она не только не сопротивлялась, а с визгом ему помогала.

Арбелин погрузился в массовое, весёлое безумство древнеримской сатурналии. С него сами собой спали одежды и он тоже превратился в хохочущего голого участника разнузданного спектакля, только что не вымазанного дерьмом и без срамных прицепок. Поразило его то, что вся эта несущаяся к Колизею толпа держала в руках бутылки и банки с пивом, прикикая к ним на ходу и обливая друг друга, а как только банка или бутылка опустошалась, каждый хватал новую, услужливо стоявшую на столах по обочинам. Сатурналиа слилась с пивным раздольем и Арбелин прихватил одну из банок, чтобы не отличаться от всех.

У входа в Колизей стояли два огромных эфиопа. Увидев хоть и обнаженного, но пока ещё не вымаранного Арбелина, они мгновенно окунули откуда ни возымись появившиеся ведра в расположенные рядом с ними бочки и вывалили на голову новоиспеченного участника сатурналии кучу дерьма. Арбелин стал как все.

Проскользнув в Колизей, он был потрясён его сияющим великолепием. Все, кто через множество входов вливались в Колизей, занимали места, продолжая петь и выкрикивать скабрезности. То тут, то там взгляд Арбелина натёкался на совокупляющиеся пары или небольшие группы. Промискуитет, мелькнуло в голове, вот она первозданная золотая эпоха Сатурна.

Спустя секунду, как по волшебству, Колизей уже заполнился до отказа. По рядам ходили обнажённые девушки в розовых фартучках и разносили пенистое пиво в кружках.

Стотысячная зрительская масса вдруг заорала хором «Сатурн! Сатурн!!»

И мгновенно воцарилась абсолютная тишина. Дверь на арену отворилась и два ряда голых, черных как смоль, нубийцев внесли огромные носилки, устланные роскошными коврами, со сверкающим золотом постаментом и царственным тронem с двумя внушительного размера фаллосами на спинке, на котором восседал в царских одеждах и в блистательной короне Бог Сатурн собственной персоной, и не манекен, а живой, подвижный, восторженно осматривающий трибуны.

«Слава Сатурну!» – вновь заорала стотысячная масса. Но что это? Арбелин не верил своим глазам – Сатурном был... Яша Вьюгин! Арбелин вспомнил: в сатурналиях выбирали кого-нибудь и наряжали богом Сатурном, все как один поклоняясь ему и оказывая царские почести, но в конце празднования его убивали и съедали. Арбелина ударила дрожь, Вьюгина стало жалко. Сатурна-Вьюгина вынесли на середину арены. Он встал и крикнул, и голос его был как раскат грома: «Прошу всех встать!»

И стотысячная масса встала и замерла.

«Внесите!» – приказал Сатурн.

Через ту же дверь и снова голые, на этот раз рабы-эфиопы, внесли огромный помост с необъятным ложем, на котором развалился крупногабаритный жирный толстяк.

Помост установили в самом центре арены.

Сатурн крикнул: «Внесите бл...дь!»

У Вовика была «Nikeja», он страдал от зависти ко всем, у кого внедорожники и мечтал о «Land Rover».

Услышав столь яркое одобрение мэра, Людочка вскрикнула «Иди сюда, котик!» и набросилась на мужа со всей пылкостью не растратившей энергию супруги, да не тут-то было! Застоявшиеся возле Сатурна эфиопы отбросили Вовика в сторону и принялись с африканской страстью за жену Вовика под животные её взвизгивания. Муж остолбенел, но два других огромных эфиопа схватили и его, решив на нём утолить свою страсть.

Вдруг сияющее небо, добавляющее своим светом радости стотысячной ритмически вздрагивающей массе, потемнело. Над Колизеем возвысилась чья-то громадина, заслоняя солнце. Глянул Арбелин и обмер. Это был Владимир Маяковский. Не менее громогласно, чем Вьюгин-Сатурн, он прогремел своими стихами:

*– Эй, кто тут жирные!
А ну слазь!
Кончилось ваше время!*

Толстый, как огромный боров на свиноферме, мэр пришёл в ярость:

– Уберите эту скотину в штанах!!! – заорал он фальцетом.

Сатурн взмахнул царским жезлом и Маяковского ветром сдуло.

Снова всё засверкало-засияло, празднество набирало обороты, толстяки и толстушки взмокли, но не останавливались, переходя из рук в руки.

И вдруг новый поворот! Насытившаяся плотскими утехами сверх меры масса в один миг разделилась надвое: одна сторона трибун оказалась занята только мужчинами, другая, напротив её, – женщинами.

Взмахнул жезлом Сатурн и понеслось! Обе половины Колизея обрушили друг на друга столь похабные куплеты, что Арбелин, помнивший из деревенского своего детства много такого рода песенок и частушек, распеваемых под гармонь сельчанами, был поражён искромётной скабрёзностью древних римлян.

Звонящими в высотах голосами женский хор выводил эротическую молитву:

*Мать пениса! Мать пениса!
Приди и совокупись, чтобы ушли болезни,
Посмотри сегодня на влажную вульву.
Это принесет тебе много удовольствия.
Широкая вульва, маленький пенис.
Смотри, вульва – как на лбу у льва,
Я потру твой пенис.
Мама, о мама!
Твоя налитая мошонка поистине возбуждает вульву.
Сильная вульва, и сильный пенис,
Щекочет, как травка! Соитие – сладкий мед.
Пенис делает меня сильной,
Ты что-то сделала, играя с моей вульвой...*

Громыхал и многотысячный мужской хор нечто несусветное и тоже про пенис и вульву.

«Да это же не римское! – вскричал Арбелин, вспомнив описание ритуального вышучивания мужчин и женщин у племени ндембу в книге Виктора Тэрнера. – Это не римское!»

Вмиг смолкли обе стороны. Наступила тишина.

«Услышали меня», – подумал польщённо Арбелин.

Но вдруг громыхнул хор с мужской стороны.

*Сидит милка на крыльце
С выраженьем на лице
Выражает то лицо
Чем садятся на крыльцо!*

И тотчас раздалось со стороны женской половины:

*Эти бургские ребята,
Не поют, а квакают.
Целоваться не умеют,
Только обмуслякают!*

И пошло-поехало родное с обеих сторон, русское, озорное, скабрёзное подначивание.

Громыхал мужской хор:

*Милка, це или не це?
Если це, пойдём к сараю,
А не це – то на крыльце.*

Отвечали озорно женщины:

*А какое твоё дело,
Це я или же не це?
Мы сперва пойдём к сараю,
А потом – и на крыльце.*

Сменяя друг друга, упражнялись мужчины и женщины в похабном остроумии.

*Собрался я на свиданье,
Съел виагру я заране.
Кончил только в семь утра, –
Жаль, подруга не пришла.*

*Ой, у этого мужчины,
Ой, какая красота –*

*Нос орлиный, член бычий
И усы, как у кота.*

А потом и вовсе непотребное понеслось с обеих сторон на тему «*Мы не сеём и не пашем, а валяем дурака...*»

Длилось скабрезное песнопение нескончаемо, раззадоривая обе стороны, а, передохнув в этом развесёлом шутовском песенном поединке, мужчины и женщины вновь бросились в объятия друг друга, насыщая тела сексуальным разнообразием на целый год – до следующего праздника Сатурна. Стотысячный по-вольный грех! Где такое можно увидеть, кроме как во сне.

Сатурну-Вьюгину всё это время, любезно кланяясь, подводили на случай одну за другой патрицианок и он прилежно их ублажал.

Вдруг снова появился Гаргалин, подскочил к Сатурну и вскричал:

– Ты, гад, почему от службы в армии отмазался?

Но его, не знавшего, что Сатурна надо уважать и любить, тут же куда-то уво-локли прочь с глаз.

Настала ночь, опустилась на Колизей тьма, но вдруг засверкали лампы и прожектора, заливая всё пространство волшебным электрическим светом. «Надо же, – удивился Арбелин, – в Древнем Риме и электричество. Чудеса!»

Праздник подходил однако же к завершению.

Защемило сердце Арбелина, он-то знал, что в финале Сатурна должны заре-зать и сожрать.

Но оказалось всё иначе.

Запели стотысячным хором гимн во славу Сатурна.

Сгинул куда-то мэр.

На то место, где он возлежал и тешил тело в объятиях десятков сменявших друг друга проституток, рабынь и патрицианок, воздвигли какое-то странное сооружение. Приглядываясь, что бы это могло быть, Арбелин узнал – гильотина!

Сатурн добровольно и горделиво двинулся к гильотине. А подойдя к ней, ловко просунул голову в нужное отверстие и палач вежливо сдвинул половинки ошейника вокруг его шеи. В следующий миг отсечённая лезвием гильотины голова Вьюгина отлетала от тела метров на десять и её, как футбольный мяч, на лету поймал один из нубийцев. Он поднял моргающую голову Вьюгина вверх и понёсся с ней по трибу-нам. Все, к кому он подбегал, целовали Сатурна-Вьюгина в губы. Тело же эфиопы подняли на ноги и держали стоймя рядом с помостом, не давая упасть.

Ужас объял Арбелина.

Но вот нубиец завершил бег и вернулся к гильотине. Тут откуда-то снова вы-прыгнул Гаргалин уже только с одной эполетой на левом плече, вырвал голову Вьюгина из рук нубийца и с силой нахлобучил её на стоящее туловище.

– Вы охренели что ли, охлопусы дерьмовые! – заорал он на трибуны. – Это же Яша Вьюгин!

Вьюгин заморгал и потрогал шею, тихо промолвив:

– Больно, однако.

И наступила тишина.

А в следующий миг раздалась, возносясь к небу, разливаясь ввысь и вширь, божественная песнь песней «Бесаме, бесаме мучо», исполняемая неведомым небесным хором.

И умиленно обнялись друг с другом все сто тысяч, и пролили слёзы радостного слияния в единую торжествующую, славящую любовь и жизнь, массу рабы и господ, чёрные и белые, эфиопы, иудеи и римляне, плебеи и патриции. И нежно обнялись друг друга Яша Вьюгин и Станислав Гаргалин. Всех объединил древний Бог золотого века Сатурн и гимн всеобщей человеческой любви «Бесаме мучо».

Арбелин, можно сказать, не проснулся, он как-то с трудом выдернулся, отлип ото сна, перелился, как по сообщающимся сосудам, из его галлюциногенной реальности в реальность сознания.

Спать он уже не мог, сон его потряс и раздавил. Ещё не осознав всю тайную его суть, он понял, что сон был какой-то подсказкой для дальнейшей его жизни. Под страстный гимн бесаме мучо...

Альфа в эту ночь тоже не могла уснуть до утра. Вспомнилась фраза Арбелина о том, что в науке экстрима будет выше крыши. Вот экстрим и пожаловал. Эпизод за эпизодом проходил в её растревоженном мозгу круглый стол и не унимался гнев, несмотря на успокаивавшие слова Учителя о том, что весь круглый стол только забава и охлопусная пустая канитель. Альфа продолжала думать иначе. Вот они – живые люди, наделённые сознанием и волей, увешанные учёными степенями и званиями, собрались не где-то на кухне под рюмку водки посудачить, а на телевидении, на виду у громадной многотысячной аудитории, и они хихикают и полощут науку, которая является прорывом в понимании поведения животных и человека, более глубоким проникновением в тайны жизни на планете. А раз хихикают, значит везде будут фасцинетике ставить палки в колёса, убеждать в её ложности, перекрывать кислород. И это неизбежно скажется негативно на развитии столь необходимого человечеству познания, сдержит его и замедлит. Об этом надо говорить, трубить, кричать. Надо бороться с этим оголтелым невежественным охлопулизмом. И надо обязательно всё записать, чтобы последующие поколения читали и знали, через какие колючие заросли прорывалась новая наука и как достойно вёл себя её основатель-подвижник Юлиан Арбелин.

И рассуждая так сама с собой, Альфа пришла к логическому выводу: она, – потому что больше некому! – и потому ещё, что ей это страстно хочется, будет писать историю фасцинетики и роль в её создании и продвижении своего гениального Учителя.

Приняв такое решение, она ощутила радостную лёгкость, даже весёлость. Да, да, она будет это делать теперь ежедневно и не пройдёт у неё ни дня без строчки. И вдруг возникла в просветлённом мозгу озорная идея. Вспомнила, что Арбелин высказал желание увидеть Ниночку Чернавину вживе, и пришла ей в голову мысль посмотреть на Ниночку раньше Учителя, увидеть, какая она эта сказочная колдунья, сводящая мужчин с ума.

На следующее утро после телепередачи о круглом столе у входа в институт физики металлов собралась толпа молодых мужчин, к которым примкнул и какой-то странный, бравого вида невысокий сухой старикашка. В сторонке от них и встала Альфа. Вычислить институт физики не составило труда, и она подъехала к входу к девяти утра. И была поражена собиравшейся группой юношей.

Ждать пришлось полчаса. В половине десятого, как всегда она и приходила на работу, на аллее, ведущей к институту, появилась Ниночка. В лёгком платице и кофточке, на шпильках, она своей походкой газели с гордо откинутой златокудрой головкой шествовала к входу, ни на кого не обращая внимания. Толпа расступилась, старичок артистично преклонил колено и молодые парни тотчас, как по команде, повторили его жест. Все зачарованно взирали на Богиню, никто не осмелился на что-нибудь пошлое, вроде «Девушка, а как вас зовут?». Ниночка этого группового коленопреклонения не могла не заметить, однако божественная, холодная и неприступная прошла сквозь толпу, вроде её для неё и не существовало, и ни один мускул на её лице не дрогнул.

Альфа замерла от изумления: девушка была будто из какого-нибудь культового фильма – максимальная телесная гармония и максимально fasciniрующая масть: златовласая с ярко синими глазами. И холодная строгая неприступность. Загляденье! Если это и есть Ниночка Чернавина, то оценить её действительно стоило по самому высшему разряду женственности и красоты, физик Невпопад нисколько не лукавил. Альфа улыбнулась про себя: «Любопытно было бы сейчас увидеть среди собравшихся юношей Учителя». Облик Ниночки она запомнила.

Двое юношей и загадочный старичок приходили лицезреть Ниночку ещё три дня, потом юноши отпали и остался только старичок. Его одновременно восхищённый и тоскливый взгляд сопровождал девушку, пока она появлялась на аллее и проплывала мимо него к входу в институт. Этим же взглядом сопровождал он её и в конце рабочего дня, когда Ниночка уходила с работы домой. Так когда-то часами, заморожено, не произнося ни слова, смотрел на божественную и неприступную Веру Холодную Александр Вертинский...

Длилось это тоскливо-восхищённое дежурство старца неделю, после чего он исчез. Но исчез, как оказалось, не по своей воле – его хватил инфаркт, не выдержало стареющее сердце. Трагичным оказался для него fascinatивный стресс от изумительной красоты Ниночки. Радость и восхищение бывают смертельными.

Старец был кинорежиссёром документальных фильмов Валерием Сафчуком. Творческой трагедией его жизни было опостылевшее ему создание документальных фильмов о сильных мира сего. А в тайниках души жила лучезарная мечта создать художественный фильм о прекрасной гречанке Елене, из-за которой древние греки Эллады десять лет сражались с Троей. Телефильм о Елене Троянской режиссёра Джона Харрисона его разочаровал, и ещё более – актриса, сыгравшая в нём Елену. «Не так, не так надо показать величие Елены Троянской!», – вскричал Валерий Сафчук и возмечтал создать о ней совсем другой сюжет и, конечно же, с другой актрисой. Мечта эта с годами не таяла, а, напротив, росла, и стимулятором её разрастания стала вера Сафчука в реинкарнацию,

в вечную жизнь душ и переселение их в новые и новые тела, так что Елена Троянская могла быть в человеческом калейдоскопе душ-тел где угодно, в любой точке земного шара. Проходили одно за другим десятилетия, вышел Сафчук на пенсию, дожил до семидесяти пяти, а всё страстно верил в реинкарнацию и искал глазами Елену Прекрасную. И вот, когда случайно, без всякого интереса, включил телевизор и наткнулся на круглый стол о лженауке фасцинетике некоего Арбелина, пронзило его описание физиком Невпопадом магического воздействия на мужчин Ниночки Чернавиной, лаборантки института физики металлов. Пять минут – и академик падает перед ней на колени и лепечет о любви! Это же Елена Троянская, вот она долгожданная – реинкарнировалась через тысячи лет в Бурге! И когда он увидел её, златокудрую и синеокою, шествующую по аллее, словно богиня Афродита, защемило сердце от восторга и горькой боли: это она, она, живая и прекрасная Елена Троянская; но фильма с её участием ему уже никогда не создать.

И сердце не выдержало восторженно-грустной fascinации – взорвалось.

Когда у Арбелина от усталости и пережитой встряски стали слипаться веки, раздался звонок Альфы. Условным кодом она коротко сказала:

– Надо.

По их шифровке это означало – надо встретиться и скорее.

– В десять. – ответил Арбелин, что означало «в двенадцать», решив, что до двенадцати отдохнёт и придёт в форму.

Альфа позвонила в дверь точно в двенадцать. К этому времени она продумала свой проект во всех деталях.

– Что-то стряслось? – обеспокоенно спросил Арбелин.

– Стряслось, – улыбнулась Альфа, – и сотряслось. Вот тут. – она постучала костяшкой по голове.

– Значит что-то интересное. Рассказывай.

– До утра не могла заснуть. Круглый стол прокручивался в башке. Юлиан Юрьевич, хотите ругайте, хотите смейтесь, но я приняла вот какое решение и прошу Вас его утвердить. Я буду писать историю фасцинетики.

Арбелин был ошарашен:

– Историю фасцинетики?! Не рано ли? – только так и смог он отреагировать на столь неожиданную идею Альфы.

– Не рано, Юлиан Юрьевич. Надо уже начинать и вписать этих охлопусов как отдельную страницу в историю фасцинетики. История любой науки – это же и борьба вот с такими идиотами. Разве не так? Разве есть хоть одна наука, избежавшая нападков охлопусов?

О небеса! Какую мудрую девчущку послали вы мне. Нечем ей возразить, права она. Арбелин растроганно смотрел на Альфу.

– Разрешаете? – растерянно прервала Альфа его молчание.

– Решение мудрое. Раз есть наука – нужна будет и её история. Ты умница.

– Но это не всё. – зарделась Альфа.

Арбелин удивлённо посмотрел на неё.

– Раз история, а историю фасцинетики делаете Вы, Юлиан Юрьевич, значит придётся мне вписывать в неё и Вас.

И тут она была права и нечего было возразить.

– Как ты себе это представляешь? Писать мою биографию? – сощурил он иронично глаза. – Но я ведь, голубушка, ещё жив. Да и биография штука беспощадная, жутко опасная.

– Я одолею. Так надо.

И снова Арбелин смотрел и молчал. Не знала девчонка, на что шла, покушаясь на самое трудное, что только можно придумать. Но не буду её пугать, всё равно уже не свернёт, решил Арбелин.

Он нежно улыбнулся, взяв её руки в свои ладони.

– Только давай договоримся об одном условии. Из моей невообразимой биографии брать только то, что касается фасцинетики. И непременно под знаком весёлости и иронии. Не люблю в биографиях занудства и умничания.

– Повинуюсь. И всё буду записывать только с Вашего одобрения.

– С биографиями вообще-то шутки плохи, Альфуша. Берегись. Фрейд все попытки писать его биографию пресекал на корню. Даже Цвейга выгнал. Не может быть правдивой биографии. Ложь или отсебятина получается. Вот как ты представляешь вписать в мою биографию, предположим, клопов, если они начнут меня поедом есть и отвлекать от исследований?

Арбелин хитро прищурил глаза, ожидая, что скажет чистенькая, отменно гигиеничная девушка.

– Откуда же у Вас могут быть клопы?! – удивленно взметнула ресницы Альфа.

– Позавчера обнаружил на дверях подъезда объявление «Надёжно выводим клопов». Значит у нас в городе клопы появились. На планете сейчас нашествие клопов. Тараканы почти исчезают, клопы плодятся. В гостиницах Нью-Йорка, Лондона, Москвы – всюду. Видимо и до Бурга добрались, коль объявления расклеивают. Причём клопы какие-то рыжие, мутанты, совершенно настырные. Из Средней Азии, должно быть, привезли гастарбайтеры. Попробуй-ка таких вывести. Боюсь их. В детстве в деревне поедом ели. На ваших подъездах нет таких объявлений?

– Не видела. Посмотрю сегодня же. Ужас какой.

– Ужас ужасом, а биография биографией. Биограф Льва Толстого врач Маковицкий написал в воспоминаниях, что снял с тела умирающего Толстого в доме начальника станции Астапово двух клопов. Вот такой факт биографии гения. А вообще в яснополянской усадьбе было видимо-невидимо всякой живности: мыши бегали, тараканов не могли вывести, ну и клопов – полчища. Знаешь, как Толстой от клопов спасался?

– Как?

– Он кровать летом выносил на ночь в сад. Дома заедали.

– А в саду же комары, Юлиан Юльевич.

– Ну, значит, комары были меньшим злом. Видишь, какие биографические подробности. Кстати, вот тебе пример фасцинации на службе охраны от кровососов. Зоологи изобрели ловушку для комаров. Принцип действия простейший: в ёмкость

помещают нечто, содержащее запах человеческого пота и других ингредиентов кожи, сигнал привлекающей фасцинации, обещающей комару лакомство. Залетает комар в ёмкость, а обратно хода нет, фасцинирующая ловушка. Остроумное изобретение. Но тем же способом ведь можно ведь и клопов уничтожить! Надо только создать для них чарующий сигнал, то, что они улавливают своими рецепторами, когда вычислят, где лакомство, где человечья кровь. Скорее всего, тоже запах особого рода. Запахи – наидревнейшие сигналы фасцинации в живом мире, как улаживающие, так и отпугивающие. Даже коммуникация растений на продуцировании и улавливании запахов закована эволюцией.

– Обещаю о клопах не писать. – засмеялась Альфа.

– Я клопов привёл как метафору. Много всяких тараканов в моей биографии. Так что будем отсекай ерунду, оставим забавности. Я их тебе целый ворох соберу. Веселее будет читателю.

Арбелин вспомнил про сон, и про то, как он размышлял, рассказывать ли о нём ребятам или промолчать. Теперь, когда Альфа взялась за историю и биографию, сама собой напрашивалась мысль поведать ей о столь необычайном сне.

– Вот ты ночь не спала, а я не только спал, но ещё и странный сон увидел. Как, по-твоему, сны укладываются в биографию?

– Ещё как укладываются! К тому же, Юлиан Юрьевич, я сны ужасно люблю разгадывать.

– Вот как? Ну, значит, надо рассказать. Но сон несколько, я бы сказал, неприличного содержания. Поэтому ответ сначала на два вопроса. Первый: читала ли ты Фрэзера «Золотую ветвь»?

– Да, но не всю. Только про обожествление солнца и ритуалы огня.

– Надо проштудировать его всего от корки до корки. Великая вещь и для фасцинетики первостатейная. А спросил я вот почему. В ней много о массовых сексуальных оргиях архаичных племен и народов древней Греции и Рима, в том числе о вакханалиях и сатурналиях. Обязательно прочитай. Второй вопрос: видел ли ты фильм «Калигула»?

– Начала смотреть. У друзей. Но не смогла, ушла.

– Понятно. Теперь, коль ты решила стать фасцинетиком, придётся не только этот фильм посмотреть, но и с видеопорнухой вплотную познакомиться. Как я понял, ты её не любишь?

– Противно.

– Согласен, ничего хорошего в ней нет, один животный срам. Однако же всё человечество в неё провалилось, причем приобщается чуть ли не с детского сада. И появилась порнопсихопатология. Страшная зависимость. Захватывает иных мужчин с потрохами, жена уже не нужна, дай только волю порносюжетам усладиться. И это всё укладывается стопроцентно в русло фасцинетики. Без эволюционной сексуальной фасцинации не было бы ни секса, ни порнофильмов, ни порнозависимости. Первобытные наши предки на скалах изображали зверей, охоту на них и много-много всякой весьма откровенной эротики. Выходит человек сросся с порнографией с незапамятных времён. Придётся изучать голубушка. Профессионально.

– Раз надо – значит буду. Противно только... – зарделась Альфа.

– Такова фасцинетика, Альфа. В ней исследуются и романтические высоты красоты и любви, и самые низменные пристрастия и мотивы – вплоть до наркоманий и сексуальных патологий. Всё, что пронизано fascinацией захваченности. – Арбелин помолчал, испытующе поглядывая на съёжившуюся Альфу. – Не знаю, стоит ли рассказывать сон. В нём... много весьма неприличного...

Альфа не дала закончить фразу, перебила:

– Я выдержу. Рассказывайте, Юлиан Юрьевич. Когда-то надо же мне ко всему привыкать. А неприличностей я наслушалась. Я же уличной девчонкой росла.

И Арбелин рассказал Альфе весь сон, не утаив ни единого штриха. А иначе, зачем было бы и рассказывать. Значение при толковании сна имеют все его детали.

Альфа пылала. Такого она ни разу в жизни ни от кого не слыхивала. Но она умела разгадывать, и, пылая от стыда, отводя глаза, вслушивалась и представляла себе каждую деталь, каждый нюанс сновидческого калейдоскопа. И когда Арбелин закончил рассказывать сон, тотчас выпалила:

– Юлиан Юрьевич, это же не сон, а просто подсказка! Соединить воедино секс, пиво и карнавал! И это будет весёлое массовое схождение с ума.

Арбелин во все глаза восторженно смотрел на Альфу. Ай да умница! Он сон свой разгадал почти так же, как и она.

– Гениально. Значит так тому и быть – соединим эти штуковины и устроим жизнерадостный массовый карнавал в отдельно взятом городе Бурге. Я Денису сам расскажу без тебя. Хорошо?

– Да, да, Юлиан Юрьевич. Обязательно ему расскажите. Я, честно говоря, абсолютно не представляю, как такое соединение выполнить. Ноль.

– Есть в этом черепае идеи. – Арбелин постучал себя по голове.

– Фантастика! Вот это будет драйв.

– Раз древние греки и римляне умели, почему бы и нам не суметь?

Так Альфа в один день стала не только прилежной студенткой и соратницей, а ещё и биографом и историком. И груз ответственности, который она на себя взвалила, её радовал.

Вспомнила, что хотела удивить Учителя тем, как увидела Ниночку Чернавину.

– Юлиан Юрьевич, а я ведь с утра похулиганила! – лукаво посмотрела она на него. – Увидела Ниночку Чернавину, вот!

– Ниночку Чернавину? О которой Невпопад рассказывал?

– Её. Выглядит, Юлиан Юрьевич, сногшибательно. У входа в институт физики мужчин штук с полсотни собралось посмотреть на неё. И я вместе с ними.

Альфа в красках рассказала, как происходил коллективный просмотр божественной Ниночки Чернавиной.

Арбелин был потрясён.

– Вот она чарующая fascinация женского тела! Жаль, не сфотографировала. Непременно схожу и я на неё посмотреть.

Альфа улыбнулась:

– И влюбитесь, вот увидите.

– Ну, это ещё надо посмотреть. Не такой уж я донжуан. – отшутился Арбелин, хотя сердце ёкнуло от волнующего желания увидеть красавицу.

Вернувшись домой, Альфа, не мешкая, записала сон Арбелина слово в слово, как запомнила. И неожиданно для себя позвонила Олегу, однокласснику, работавшему в киностудии и имевшему громадную видеотеку, и попросила у него диск с «Калигулой».

Олег прекрасно знал строгость Альфы, потому удивился:

– Ты – и Калигулу?!

– Олежек надо. Для дела. Противно, а надо. Я же на психфаке учусь. Порно-зависимости начали изучать.

Она съездила к нему за диском, закрылась в своей комнате и просмотрела сцену сатурналий, устроенных Калигулой на корабле. И сон Арбелина ожил для неё во всех смачных деталях и красках. Был он кинофильмом покруче «Калигулы».

Вечером Арбелин призвал Дениса и рассказал ему обо всём. Поделится и тем, что Альфа взвалила на себя ношу историка фасцинетики и его биографа.

– Видишь, как жизнь сама подсказывает нам, что делать. Связка пива, секса и весёлости получится просто сногшибательна.

Денис понял, но особенно остро воспринял идею о пиве. Если соединить пиво с сексуальным вождением и драйвом, Санька Дуб рехнётся. И это будет не месть, а праздник.

– Но как эту троицу связать? – задал он тот же вопрос, что и Альфа.

– Все древние народы переходили к массовым оргиям через коллективную трапезу, алкоголь и наркотики. Сначала ритуал, потом сытое застолье с вином или всяческим наркотическим воскурением, у кого как, затем пляски до упада и массовый повальный секс. Там, где много веселья и вина, однозначно разжигаются сексуальные страсти-мордасти. Карнавалы и в наши дни гиперсексуальны. По всему миру. Когда в Москве полвека назад устроили всемирный фестиваль молодёжи, через девять месяцев появилось на свет множество смуглых ребятешек. Их так и называли «дети фестиваля». Крепко повеселилась тогда советская молодёжь! Мы алкоголь и наркотики выведем за скобки. Это будет и не чистый эксперимент. Их надо заменить. Вот я и думаю, что заменой могут быть только нейропептиды веселья, радости и драйва.

– А где они?

– Не знаю, Денис, не знаю, дорогой мой. Уверен только, что они есть, иначе не было бы у человека ни веселья, ни радостной возбуждённости, ни хорошего настроения. Буду думать. А пока читай про пептиды, поройся в Интернете. Пептидономика зарождается, новая революция в физиологии. Приобщайся, это нам с тобой и для кулинарной фасцинетики понадобится. И Альфе скажи, чтобы просвещалась.

После катастрофического провала круглого стола на следующий день утром начальник регионального УФСБ вызвал Гаргалина.

Гаргалин ждал разгона, но не бывает худа без добра, вышло, к его удивлению, всё наоборот.

– Смотрел, смотрел круглый стол вчера. – добродушно улыбаясь, встретил Гаргалина начальник. – Хохотал до упада. Ты, Стас, придумал?

Отпираться было глупо.

– Я, генерал...

– Здорово! Превратил этого учёного в посмешище. Можно кассету в Москву отправить и закрыть его заявление. Только обрезать этого биолога, назвавшего его гением. Тут нестыковка. Можно обрезать?

Гаргалин опешил. Провалившийся в пух и прах круглый стол генерал оценил как успех. Было чему поразиться.

– Можно, разумеется... Только я не торопился бы и запись в Москву не посылал бы. Всё гораздо сложнее с этим креатином. Что-то он хитрит, и пока не могу понять.

Он предусмотрительно прихватил с собой аудиозапись своей беседы с Арбелиным, вырезав сегмент о негласном соглашении.

– Вот послушай, Ник, я с ним беседовал полмесяца назад. Почему и организовал круглый стол.

– Что ж, тебе виднее, ты у нас по интеллигенции спец. Давай послушаю.

Разговор с Арбелиным его поразил.

– Ты прав, – сказал он, прослушав до конца, – фрукт ещё тот. Гитлера изучил вдоль и поперёк. Повременим. Разбирайся, Стас, досконально.

Так неожиданно круглый стол зажёг Гаргалину зеленый свет и отодвинул сроки ответа в Москву. И это, к его радости, полностью укладывалось в негласное соглашение с Арбелиным. Пусть порезвится, а мы последим. И всё откроется и встанет на места без всяких экспертиз.

– Ты, генерал, сам в Москву позвони, чтобы не торопили.

Вернувшись в свой кабинет, Гаргалин вызвал Никшанова и Ляушина, верных своих слуг.

– Круглый стол вчера видели? – обратился к ним Гаргалин, как только они сели.

– Облажался телеведущий. – с ехидцей произнёс Никшанов.

Ляушин был осторожнее:

– Балаган устроили ...

Гаргалин не стал вправлять им мозги, не до того. Сказал коротко:

– Генерал приказал вывернуть этого горбуна наизнанку. Поняли?

Оба кивнули.

– Ты, Гедалий, покажи класс, впай жучки. А ты, Виталий Кутайсович, поставь на прослушку его домашний телефон и скачивай у оператора разговоры по мобильнику. Начинаем тотальную проверку.

Мечтавшие размазать старца по стенке помощники Гаргалина озирались мстительным сиянием глаз и самодовольными улыбками. Весь их вид говорил: «Уж мы ему вмажем!»

Обсудив все детали слежки, Гаргалин отпустил их и вызвал Ингу Мигачёву.

Сексагенты у Гагарина тоже были, а среди них лучшей была законченная сексуальная одалиска Инга Мигачева, красавица, к тому же наделённая врождённым вумбилдингом, безотказным броневойным оружием выживания подноготной у попавших в её сети мужичков: депутатов, бизнесменов, крупных чинов, погрязших в коррупции. И учёной мужской братии вкупе с изобретателями-кулибинами. Была она после университета учительницей русского языка и литературы, совращала влюблённых в неё старшеклассников, за что и была с треском вышвырнута из школы. Гаргалин подобрал её на одной из юбилейных тусовок какого-то олигарха, на которую, как принято, приводили девочек-фотомоделей из специализированного на такого рода услугах ателье. Инга была лучшей и самой бесшабашной. Её-то Гаргалин выделил и притянул в спецагенты, чему девушка несказанно обрадовалась. После шлифовки в спецсексшколе ФСБ она стала его лучшим сексагентом. Специализацией Инги было ловко залезть в постель к назначенному Гаргалиным «клиенту» и, играя на мужском тщеславии и мужском гиперсексуальном аппетите, скачать из его башки сокровенные сведения о нём самом и его опасных для государства связях. Инга проделывала это мастерски легко и даже с циничным весёлым хохотком, убеждаясь, раз за разом, что владеет безотказно броневойным оружием, перед которым не может устоять ни один самец, какие бы статусы у него ни были, будь он хоть самым президентом.

– Задание тебе, моя девочка, будет непростое, ни разу на такое тебя не посылал.

Инга засмеялась:

– Надеюсь не к крокодилу?

– Мужчина, мужчина, не крокодил, но, возможно, даже сексуальный маньяк.

В другой раз они с Ингой весело позубоскалили бы, как всегда и делали, но сегодня Гаргалин был суров и лапидарен. Выложил Инге всю информацию о креатине и сформулировал задание:

– Войди с ним в контакт и по ходу выведай две тайны. Первая, нет ли у него связей с Западом. Вторая, нет ли у него в руках психотропного средства, которым он мог бы свихнуть с ума целый город.

Он дал ей прослушать свою беседу с Арбелиным. Тот вариант, который давал генералу.

Инга слушала внимательно, запоминая все нюансы беседы. Слушал уже в который раз и Гаргалин, вникая в каждую фразу.

– Он, Станислав Анатольевич, точно не шизофреник. Он – одержимый.

– Это для нас, Инга, одно и то же. Главное – нет ли в нём опасных для государства завихрений в башке. Вот это тебе и надо выведать.

– А голос-то, Станислав Анатольевич, у него молодой. Красивый баритон. – поделилась женским впечатлением Инга.

– Вот и пообщайся с баритоном в своё удовольствие. Только в постель к нему с ходу не прыгай. – назидательно урезонил её Гаргалин.

– Когда приступать к выполнению, мой господин? – не скрывая иронии, произнесла Инга. Это ей позволялось, как-никак сексуальные услуги она изредка и Гаргалину оказывала.

– Вот посмотри его ещё в движении.

Гаргалин показал Инге то, что заснял Ляушин.

– Он ещё и горбат? – удивилась Инга. – Вот уж точно никогда не было у меня такого клиента. – она весело рассмеялась.

Гаргалин смех и весёлость не поддержал. Строго обрезал:

– И посмотри его сайт. Пригодится для разговора. Напросись к нему на консультацию. Вопросы придумай сама. Дня два-три на подготовку хватит. И приступай.

Ляушин ринулся ставить жучок.

И впервые за все годы вышла у него осечка. Проследив, как утром Арбелин ушел в обход по мусорным площадкам и, зная, что он будет отсутствовать не меньше часа, Ляушин поднялся к его квартире и принялся привычно манипулировать с замком. И не тут-то было! Замок никаким ухищрениям бывалого агента-домушника не поддавался.

И Ляушин вспомнил, что в окружении Арбелина есть отец хромоножки, известный всему городу и воровскому миру мастер по замкам. Значит, поставил секретный замок креатину, понял Ляушин и матерно выругался.

Гаргалин от этой новости тоже поскрипел зубами.

Решил поручить эту дополнительную операцию Инге. Она сумеет, не раз ставила. В спецшколе ФСБ, куда он её посылал на шлифовку, девушек учили всему на свете: «от минета до жучков и пистолета», как шутила Инга.

Дотошный Ляушин спустя пару дней добавил загадок.

– Станислав Анатольевич, в Тагде происходит невероятное. Пингвинчика раскупают напрочь, только его и никакого другого мороженого. Город на пингвинчика подсел.

Это была новость шокирующая, она зывала к проверке продукта по всем статьям. Предыдущий анализ в химлаборатории санитарной службы не выявил никаких отклонений от нормы, мороженое как мороженое. Но если такое мороженое скупают, перестав обращать внимание на любое другое, то это явно неспроста.

– Привези ещё штук двадцать. Отправим на экспертизу в университет на химфак. – приказал Гаргалин.

На другой день двадцать пингвинчиков всех вариантов предстали пред очи Умника.

Пингвинчики были очаровательны, Альфа постаралась, картинки сияли озорством и весельем. Гаргалин вспомнил Мао Цзедунa и у него непроизвольно вырвалось:

– Фасцинация!

Ляушин вздрогнул от неожиданной реакции Гаргалина и подражательно поддакнул:

– Фасцинация, точно.

Гаргалин сам повёз пингвинчика в университет, встретился с профессором Петровым, рассказал о чудодейственном влиянии пингвинчика на население Тагды и попросил как следует, самым дотошным образом проверить мороженое на предмет любой психотропики.

– Любой, какая только есть. – уточнил он.

Через два дня профессор Петров выдал Гаргалину заключение: всё в норме, никаких психотропных веществ нет и в помине.

Их и не могло быть. Только в первые партии Денис добавлял вкусовой усилитель, придуманный в родном городе старым мастером Егором Дурбажовым, двоюродным братом бабушки, поваром со стажем в полвека. А когда город, как выразился Ляушин, подсел, никаких добавок и не надо было, действовал эффект плацебо, который поддерживался замечательным дизайном с изображением восхитительно радующего глаз пингвинёнка с папой и мамой пингвинами.

– А есть ли в Тагде конкуренты? – спросил Гаргалин Ляушина.

– Только наш хладокомбинат. Но они в глубокой ж..... – ответил Ляушин.

– Хладокомбинат – это же Баранов и Кукуев!

– Так точно. – подтвердил Ляушин.

– Значит будем ждать последствий. Следи внимательно.

Часть тринадцатая

ПОКУШЕНИЕ НА ДЕНИСА И РАССЛЕДОВАНИЕ КУКУЕВА

Пока Арбелин погрузился в конструирование массовой весёлости, а Денис с Альфой отслеживали продвижение проекта «Пингвинчик» и изучали материалы в Интернете о нейропептидах, над головой Дениса сгустились тучи.

В эйфории успеха одного только не учли ни авторы проекта, ни третий предприниматель Альберт Марвиц. Забыли, что живут в России в эпоху национально-разбойного капитализма.

Конкуренты и бандиты в разбойной экономике никогда не дремлют. Как только у кого-то прибыли пошли в гору, тут как тут встревожено начинает расследование сильный конкурент, которому успех конкурента, который послабее, да вдруг начал накачивать капитал, поперёк горла. Или возникают, словно из тумана, мордовороты, вежливо предлагающие «крышу» под угрозой исчезновения в вечность. Такова обновлённая огайдаренно-очубайсованная Россия.

Марвиц, как бывалый предприниматель, это, конечно же, знал, но эйфория от негаданного спасения бизнеса и очарования пингвинчика, который буквально за месяц задвинул привозное мороженое из Бурга и начал приносить баснословный барыш, затмила осторожность; он забыл об этом непреложном законе российского рынка.

А собственники из Бурга не просто забеспокоились, они встали в стойку, как псы перед атакой на дичь. Проанализировали успех Марвица, попробовали на вкус пингвинчик, с завистью отметили его несомненно выигрышные вкус и дизайн, приводящие детей в восторг, и поняли – Марвиц их обошёл на повороте и тягаться с пингвинчиком им не по силам. Итог анализа был прост, как песня про ёлочку: Марвица срубить под корешок и подмять под себя, превратив в «филиал», рецепт пингвинчика купить или отобрать, смотря по поведению Марвица. Кто автор рецепта они ещё не знали.

Но там, где замышляется недоброе дело, всегда появляются услужливые гады, чующие свою выгоду. Предателем Марвица и Дениса стал увёртливый пиар-помощник Марвица, журналист Саша Щетинкин. Это ворон ворону глаз не выклюет, а человек человеку – за милую душу. Щетинкин за мзду и отцу родному выклевал бы. Оба глаза. Увидев, как засуетились бургские конкуренты, и смекнув, чем это Марвицу грозит, он встретился с лидером бургских пришельцев Игнатом Барановым и выложил ему подноготную появления в Тагде пингвинчика. Заложил Дениса. Баранов был тёртым коммерсантом и сразу понял, что это автор пингвинчика спас Марвица и приумножает ему капитал.

Можно было двинуться к автору, чтобы его соблазнить и перекупить. Но Баранов выбрал привычный для России путь – грубый и более точный: подмять бизнес Марвица под себя со всеми потрохами, в том числе и с автором пингвинчика. Лучше всего быть монополистом, чем терпеть рядом конкурента, даже если тот и слабее.

Он послал к Марвицу рейдерскую бригаду. Через час крутого разговора Марвиц подписал бумаги, введя в соучредители пару человек из окружения Баранова. Внешне он оставался тем, кем и был, но фактически превращался в наёмного директора. Это был типичный российский вариант «оргпреступной крыши».

После свершившегося, Баранов встретился с Марвицем лично и потребовал рецепт пингвинчика.

– Рецепт не мой, – ответил ему Марвиц, – он у автора... У Дениса Захарова.

– Разве Захаров тебе его не дал?! – удивился Баранов.

– Всё дело в технологии, а он ещё мою команду до конца не выучил. Договорились, что выполнит это через месяц.

– Значит ты с ним ещё не рассчитался по договору?

– Осталось 50 тысяч в рублях.

Баранов вызвал Щетинкина и, даже и не спрашивая его согласия, дал ему задание купить автора мороженого: коли пришёл как предатель и взял свои серебрянники, значит с этого дня ты – шестёрка, таков закон криминала, служи. Щетинкин и не думал отказываться, он полагал, что раз всё на свете продаётся и покупается, то Денис не станет кочевряжиться и перейдёт с пингвинчиком под крышу более могущественного производителя мороженого. Не всё ли равно автору рецепта, какая фирма выпускает его продукт. Главное, чтобы платили.

– Сколько ему пообещать за рецепт? – спросил он Баранова.

– А сколько он получил у Марвица?

– Точно не скажу, но в пределах сотни тысяч в рублях.

– Скажи ему, что дадим полмиллиона. – Баранов развеселился. Он понял – пингвинчик того стоит.

Эх, Щетинкин, Щетинкин, наивный Иуда! Неужто ты не знаешь, что бывают исключения.

Объяснив Денису ситуацию, Щетинкин призвал парня за полмиллиона перейти под крыло бургской фирмы.

– Но у меня же договор. – вежливо сказал Денис. – Я подписал и выполняю всё, как договорились.

– Тебе же дают полмиллиона! Какие могут быть договоры? – удивился Щетинкин.

Денис понял, что имеет дело с подонком. В этих случаях он был резок и категоричен.

– Пошёл в ж...! – сказал он Щетинкину.

Тот стерпел – не привыкать. И попытался урезонить наивного парня.

– Они же Марвица уже сломали и превратили в свой «филиал». Вместе с твоим договором.

– Договор мой и он с Марвицем. Уходи.

Щетинкин доложил.

Баранов набил ему морду – как шестёрке, не выполнившей задание.

Но с автором надо было что-то делать. Баранов соображал: если у него не будет рецепта, но будет фирма Марвица, то не всё ли равно, есть у него рецепт или нет. Линия работает, мороженое идёт в продажу, только и всего. Мешает автор – у него авторский рецепт и договор. Иосиф Виссарионович говорил в таких ситуациях: есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы. Раз автор не сговорчив, надо вышибить ему мозги, чтобы рецепт был навеки забыт. Нам он не нужен.

Он вызвал своего подручного по особым заданиям Мишу Вагжу, громадного толстяка с лицом семилетнего мальчика и маленькими бледно-голубыми глазками, и дал приказ вырубить Денису мозги.

Пока Вагжа готовил исполнение, вычислил адрес Дениса, увидел его за рулём «Оки», прикинул, где лучше всего его перехватить, Денис съездил в Тагду к Марвицу и узнал от него о случившемся.

– Я платить тебе не отказываюсь, – сказал Марвиц, но теперь я – не я, теперь твой договор у нового хозяина, он с тобой и будет рассчитываться. Пойми, у меня не было выхода. Голову бы оторвали.

– Жаль. – усмехнулся Денис язвительно. – А с ними я договор не заключал. Они уже меня попытались перекупить. За полмиллиона.

– Так и соглашайся, Денис! Не всё ли равно, кто выпускает пингвинчика. Выпускать-то будем на моей базе.

– Я так не договаривался. – отрезал Денис и распрощался.

Так из-за своей наследственной упёртости он лишился пятидесяти тысяч, которые запланировал на покупку оборудования для домашней химической лаборатории. И чуть не лишился жизни.

Беспокойство всё же мелькнуло в голове Дениса, он вспомнил о Романа и его совете, если что-то опасное замаячит, тут же обращаться к нему. Но решил подождать. А зря.

Спустя два дня Денису вышибали мозги.

Возвращался он от Арбелина поздно, в половине двенадцатого ночи. Поставил во дворе «Окушку», пошёл к подъезду и увидел двух мужчин: один, щуплый, нагнулся к домофону, другой, массивный громила, стоял в трёх шагах. Ничего не подозревая, Денис подошел и, доставая ключи, сказал: «Сейчас я открою». В этот момент щуплый нанёс ему удар кулаком в лицо. Ошеломлённый подлой неожиданностью, Денис только успел произнести «Ты что?», как сильнейший удар сзади по затылку, свалил его на площадку у двери.

Когда Денис очнулся, никого уже не было, он лежал весь в крови, правый глаз ничего не видел. Он сумел подняться, достал ключи, но никак не мог попасть пластиковым ключом в щель, рука дрожала, в правом глазу замелькало: то он видел, то вырубался. Зрение восстановилось, он сумел открыть дверь, пошатываясь, опираясь о стену подъезда, добрался до лифта, поднялся на свой этаж, открыл дверь и свалился в прихожей на пол.

На шум вышла бабушка. Увидев Дениса в крови, бросилась к нему.

– Бабуля, подожди. Набери номер скорой.

Бабушка мгновенно набрала номер скорой, объяснила, в чём дело, назвала адрес.

Денис собрался с силами, дошёл до дивана, лёг.

Нападение было сволочным и он сразу понял, кто организатор.

Звонить никому не стал, решил подождать скорой и что скажут врачи. Боялся перелома черепа. Да и сил не было звонить. Голова гудела.

На удивление, скорая приехала довольно быстро. Осмотрев и ощупав череп, врач констатировал:

– Ощущаемых переломов нет. Но надо проверить на рентгене. Повезём в травматологию.

Рентген показал, что череп цел. Но две раны, на лбу и затылке, были рваные, хирург их зашил.

– В рубашке родился. – улыбнулся хирург. – Только раны и лёгкое сотрясение. Повезло, удары вскользь. Останешься у нас?

– Нет, домой.

Дома его поджидали два оперативника из отдела милиции: скорая им сообщила о нападении и адрес.

Заполнили протоколы. Посочувствовали, спросили, кого подозревает. Денис решил пока не говорить. Кукуев, вот кто теперь ему был нужен. Роман выкопает сволочей, в этом он не сомневался.

Сил не было. Он заснул, оставив звонки на утро.

А утро преподнесло сюрпризы.

Бабушка не выдержала, позвонила часов в семь утра Альфе, та – Арбелину, и оба примчались.

Пока Денис рассказывал им, как на него напали, около восьми появился Роман. Оказалось, что по утренним радионовостям весь город уже знал, что совершено нападение на знаменитого повара Дениса Захарова, автора очаровавшего всех торта «Адам и Ева». Такое не замолчишь, случай неординарный, журналисты не оставили без внимания. Роман привык вставать рано. Услышав о нападении на Дениса, позвонил своему помощнику по безопасности и охране, и спустя полчаса в сопровождении эскорта мчался к Денису.

Когда в начале десятого появились телевизионщики с нескольких телеканалов сразу, у подъезда уже стояла охрана Кукуева и никого не пустила. Главный из бойцов поднялся и доложил Кукуеву, что приехали с телевидения.

Кукуев приказал:

– Скажи, что Денис спит и никого принять сейчас не сможет. И никого не пускайте.

Сюжет разворачивался нешуточный, Кукуев сразу понял, что на Дениса было совершено спланированное кем-то нападение, а не хулиганский наскок.

Познакомившись с Арбелиным и Альфой, Кукуев спросил:

– Денис, только давай начистоту, кого подозреваешь?

Денис и сам хотел созвониться с Романом и всё, что знает, рассказать ему. Обрадовался его приезду.

– Роман, всё дело в пингвинчике.

– Пингвинчике? – Роман удивлённо посмотрел на всех. – Первый раз слышу. Что это?

– Это мы с Юлианом Юрьевичем и Альфой изобрели такое мороженое. А называли «пингвинчик». И запустили его в Тагде, на молокозаводе. Проверить, как примет народ новинку. Собственник – Альберт Иванович Марвиц. Получилось объеденье. Народ набросился. Конкуренты не выдержали. Я их не видел. Они подослали ко мне журналиста, который работал у Марвица. Звать его Александр Щетинкин. Он мне передал, что Марвица конкурент сломал и что предлагают мне полмиллиона за рецепт. Я отказал. Вот результат.

Денис показал на перевязанную голову и стянул одеяло, обнажив синие по колено ноги. Ноги были целы, но били по ним крепко и они стали чуть ли не чёрными. Картинка не для слабонервных.

Альфа ахнула, из глаз брызнули слёзы.

Арбелин процедил:

– Подонки.

Кукуев уже почти вычислил организатора нападения. Конкурентом Марвица мог быть только его подопечный, управляющий хладокомбинатом Игнат Баранов по кличке Баран, мужик криминальный, крутой. Почему о своём подвиге в Тагде он не доложил, предстояло разобраться.

– Не вешай нос, Денис! Выживешь. Я разберусь, найдём злодеев. Обещаю.

– Их надо сдать в милицию. – негодовала Альфа.

Кукуев поинтересовался:

– Милиция приезжала? Рассказал им?

– Приезжали, сразу после травматологии. Сказал им, что не знаю кто. Хотел с тобой посоветоваться.

– Правильно сделал. Милицию купят, а меня невозможно. – он собрался уходить. – Денис, держись. Я тебя оставлю на пару часов, поеду разобраться. Пообщайтесь без меня.

И обратился к Арбелину с Альфой:

– Мы с Денисом служили в одной части. Такое не забывается. Я за него голову оторву.

Он ушёл.

– Денис, кто этот решительный парень? – полюбопытствовал Арбелин.

– Кукуев Роман, кажется, он в Бурге на первых ролях в бизнесе.

– О, вон это кто! – воскликнула Альфа. – Он же сын Абрама Кукуева. Это, Юлиан Юрьевич, не только крупный бизнес, но и крупная оргпреступная группа. Ничего себе!

– Я точно не интересовался, но скорее всего ты права. Мы с ним с армии дружим. Он не подведёт. – сказал Денис.

– Что ж, Россия – она всюду Россия. – улыбнулся Арбелин. – Вреда нам не принесёт Роман Кукуев?

– Нет, нет! Нам не принесёт. – заверил Денис.

– Отдыхай, поспи. Мы позже вернёмся. – сказал Арбелин.

Они уехали, наказав бабушке никому дверь не открывать.

Об охране позаботился предусмотрительный Роман. Выходя, Арбелин с Альфой обнаружили двух его бойцов, стоявших на страже у дверей.

– Надёжно. – поделилась впечатлением Альфа.

Кукуев знал всё уже через час. Как он и предполагал, услышав рассказ Дениса, нападение организовал Баранов. Подтвердить догадку не составило труда. Помощник Кукуева отыскал Щетинкина и тот после ударов под дых и в челюсть всё выложил.

Кукуев позвонил Баранову. Прежде чем отдать ему приказ, он запустил свой ритуальный нецензурный монолог. Баранов мгновенно похолодел, поняв, что раскрыт. Новости по радио он утром слышал.

– Ты вот что сделай, Баран, – почти шёпотом сказал по мобильнику Роман, – прихвати с собой того бабуина, который бил моего друга по голове и по ногам, и подъезжай к подъезду в пятнадцать ноль-ноль. И не вылезайте из тачки, спокойно ждите меня.

Расследование закрутилось и Баранов знал, что ему не скрыться от гнева Романа Кукуева даже за пределами галактики.

Он вызвал Вагжу:

– Ты бил повара?

Вагжа понял – заператься нет смысла:

– Я.

– Дурак! Бить должен был Дебил, он же у нас профессионал по этой части. Пожадничал, решил скрыситься? Знаешь, что парень живой и разговаривает?

– По телеку слышал.

– Кука знает.

У Вагжи отнялся язык.

– Будешь отвечать, кретин. За всё. Поедем к Куке.

Вагжа понял, что ситуация для него смертельна, и вырубился. Целый час приводили его в сознание. А через два часа они как два нашкодивших котёнка ждали Кукуева у подъезда.

Кукуев подъехал со своим охранным эскортом, приказал Баранову ждать и поднялся к Денису. До этого он съездил к начальнику райотдела милиции, которым была Анфиса Синютина, сказал ей, что сам во всём разберётся, и, оставив аккуратенький конверт с зелёными, попросил объявить журналистам, что совершено хулиганское нападение и злоумышленников ищут.

Синютина кивнула:

– Сделаем.

Денис расслабленно лежал, обдумывая сложившуюся ситуацию. Голова гудела, но не болела. Швы тревожили зудом.

Кукуев позвонил по мобильнику, чтобы ему открыли.

Бабушка открыла дверь.

Кукуев передал ей пакет: – Тут фрукты и соки.

– Ну как ты? – просил Роман, садясь к Денису поближе и взяв его руку. – Выживаем?

– Выживаем. – улыбнулся Денис. – Рассказывай, что накопал.

– Злодеев привёз. Они там, внизу. Я хочу их тебе показать, если не возражаешь.

– Я этих сволочей видеть не хочу.

– Ты меня послушай. Во-первых, милиция нам не нужна, так ведь? Её купят. Во-вторых, от них надо ещё узнать кое-что, а без тебя невозможно. В-третьих, я должен назначить им наказание. Вместе с тобой, ты же потерпевший. Лежи и говори только мне. С ними я буду разговаривать. Спокойно во всём разберёмся, расставим все точки. Договорились? Милиция тебе больше хлопот доставит, чем я.

Роман был прав.

– Давай, Рома, жми.

Кукуев позвонил своей охране, чтобы привели идиотов.

Принёс с кухни две табуретки, поставил в метре от ног Дениса. Пошёл открыть дверь. Бабушку попросил не мешать.

– Разговор будет очень серьёзный.

– Не буду, не буду мешать. Я еду приготовить.

Она ушла на кухню.

Вошли обвиняемые.

Денис их никогда не видел, посмотрел внимательно. Оба выглядели мерзко, Денис не сдержал презрения.

– Вот эти? – спросил он у Романа.

– Вот они, перед тобой, два бабуина. Что скажешь, то с ними и сделаю. Хоть головы оторвать, хоть в землю живьём закопать.

– Око за око. – усмехнулся Денис.

– Годится, по головам будем наносить точечные удары. – подтвердил Кукуев.

Баранов с Вагжей стояли как два истукана и бледность выдавала их невесёлое состояние духа.

– Чем били? – спросил Кукуев.

Баранов повернулся к Вагже.

– Чем?

У Вагжи язык прилип в нёбу. Спустя несколько секунд пролепетал:

– Трубой.

– Значит и тебя будем лупить трубой. Зуб за зуб. Как в Библии. – пообещал Кукуев. – Присаживайтесь, господа. Будет маленький допрос. Отвечать только правду и ничего кроме правды. Увижу ложь, отрежу головы, и их уже никогда не найдут.

Обвиняемые стояли.

– Садитесь, гады! – приказал Кукуев.

Сели осторожно, будто на раскалённые сковородки.

– Насчёт физической стороны мы договорились и кончим на этом. Будем бить железной трубой, пока мозги не вышибем. Продолжаю допрос. Ты, Денис, подключайся, когда считаешь нужным. Меня вот что интересует, Игнат, – обратился Кукуев к Баранову. – Ты хоть сейчас-то понял, как вляпался? Ты что, не знал, что Денис на весь Бург знаменит? Не видел его по телеку? Ты что, осёл, не понимаешь, что журналисты шум на всю страну поднимут? Утром уже рвались, я их не пустил. И упрятать концы не удастся. Это ж каким надо быть идиотом, чтобы нападать на знаменитого человека и бить его железной трубой! Тюряга стопроцентная.

Баранов молчал, зеленея.

Кукуев продолжал допрос:

– Ты же у меня вроде как подчинённый. Почему о своих проблемах в Тагде не доложил? Из-за чего сыр-бор в Тагде разгорелся? Что тебе от Дениса надо было?

– Рецепт.

– Рецепт чего?

– Мороженого «пингвинчик».

– Пингвинчик – звучит красиво. Уже хочется попробовать. Нету, Денис, у тебя в холодильнике?

– Нету. В Тагде может есть, позвони...

– Сколько готов был дать за рецепт? – обратился Кукуев к Баранову.

– Полмиллиона.

– А он отказался взять?

– Ну.

– И ты обиделся. И решил выбить мозги гениальному изобретателю нового мороженого?

Баранов молчал.

– Решил? И отдал приказ вот этому жирному бабуину?

Баранов кивнул.

– Ну ёма-ё! Два олигофрена покушаются на мозг гения! Это только в Бурге возможно. – пустился в нравоучительный стёб Кукуев. – Такое не прощается. Придётся, господа, платить компенсацию. Но не полмиллиона, а три миллиона. Ясно?

Баранов кивнул головой и кинул злой взгляд в сторону Вагжи. Тот сидел как древнеегипетское изваяние.

Денис посмотрел в глаза одуревшего Вагжи:

– А на хрена было машину курочить?

О том, что «Ока» его изувечена, сказала Альфа, сам Денис ещё не видел.

– Машину разбили?! Твою «Окушку»? – Кукуев вытаращил глаза на Вагжу: – На «Окушку» руку поднял?!

Тот опустил голову.

Кукуеву, похоже, становилось весело от раскрывающегося во всей красе ма-разма подельников.

– Игнат, твой бабуин из ума выжил. Придется и «Оку» компенсировать. Без тачки Денису никак нельзя. Нужна очень хорошая тачка...

Баранов уловил ход мысли Кукуева:

– Роман, у меня есть «Нива-Шевроле». Я сыну купил, а он отказался. Почти новая. Может сгодится, а?

– Как, Денис? Помнишь, мы в части на «Ниве» гоняли на рынок? Вроде ничего?

– Мне нравится. – кивнул Денис.

– Договорились. Завтра же пригонишь и поставишь на прикол на ближайшей автостоянке. Денис поднимется на ноги – оформишь на него.

– Сделаю. – кивнул Баранов.

Дениса потащивало. Роман уловил его состояние.

– Всё, господа, валите отсюда, не портите настроение. Ты, Игнат, боксом ведь занимаешься? Потренируйся на своём борове. А вечером часов в восемь – ко мне в офис. Приезжай на «Ниве», посмотрю её. И прихвати денежку, в долларах. – Кукуев повернулся к Денису. – В долларах лучше, чем в рублях.

Он спровадил обвиняемых, вернулся к Денису.

– Извини, дружище, за спектакль, – извинительно улыбнулся ему, – надо было. Ничего мы с тобой не упустили?

Денис тихо засмеялся:

– Круто ты закрутил. «Нива» и три лимона. Не переборщил?

– Да брось ты! У него же в руках хладокомбинат. Можно было и больше взять. Но я кое-что интересное придумал. Он нам понадобится, этот жук навозный.

Мозг Кукуева, услышав по ходу «расследования» о мороженом, за которое жук навозный готов был выложить полмиллиона, мгновенно вычислил, что пингвинчик – это крупный бизнес. А Баранов с хладокомбинатом входит в его, Кукуева, империю. Выходит, пингвинчик, изобретённый Денисом, может стать его продукцией. Хладокомбинат обслуживал весь Урал и Западную Сибирь. Пингвинчик может принести миллионы.

– Пингвинчиком меня попотчуеть?

– Да хоть завтра.

– Нет, нет, сначала отлежись. Я к тебе через пару часов замечательного эску-лапа привезу, он посмотрит и точно всё скажет. Вылечим, Денис, кажись ты в

рубашке родился, этот мордоворот мог тебя в инвалида превратить. А то и на тот свет отправить.

Кукуев уехал за своим доктором, оставив Дениса переваривать свалившиеся на него трофеи. «Нива» – это была его мечта, с ней хоть на край света гоняй. А три миллиона закрывали все материальные проблемы.

Не знал и не ведал Денис, что Кукуев готовит ему приятный сюрприз ещё интереснее.

Через два часа Кукуев приехал с врачом, доктором медицины.

Доктор внимательнейшим образом просмотрел заключение травматологов, снял бинт с головы, исследовал череп и осмотрел швы.

– Зашиито хорошо. – определил он.

В конце исследования поощрительно улыбнулся:

– Бывает хуже. Удары получились вскользь, поэтому раны рваные, но кость не раздробило. Затянется, не страшно. А лёгкое сотрясение пройдёт само собой, не напрягайся, лежи, по дому можно и пройтись, на кухню, в туалет. Ноотропил попьёшь.

Он выписал рецепт и передал Кукуеву. Тот кивнул:

– Сейчас съезжу в аптеку.

– Всё будет хорошо, дней через десять можно будет потихоньку продолжать нормальную жизнь. Но я заеду, посмотрю. Повязку я наложу не туго, череп цел и стягивать нет необходимости. Наоборот, пусть кровообращение будет свободнее. Если что-то неприятное возникнет, вот мой телефон, позвоните и я приеду.

Он дал Денису визитку.

Кукуев проводил врача.

– Будем считать, что отделался ты по минимуму. Пронесло. – успокоил Кукуев Дениса, вернувшись. – Ноотропил сейчас привезу. А завтра к вечеру я наведуюсь. Есть у меня деловое предложение к тебе, обсудим.

В восемь вечера Баран как нашкодивший воробей был у Кукуева.

Кукуев неожиданно сменил гнев на милость, поздоровался за руку и даже похлопал по плечу.

– Ты, Игнат, особенно не загружайся. Что получил – то получил. Вляпался – плати. Это закон. Я ведь на тебя сердит больше всего за то, что ты сплутовал, не поставил меня в известность ни о Тагде, ни о каком-то там Марвице. А главное – о пингвинчике. Это с твоей стороны предательство. Да ещё и моего кореша чуть на тот свет не отправил. Мы с Денисом служили в одной части, это святое, запиши в своей башке!

– Откуда ж мне знать, Роман.

– Ладно, проехали. Деньги привёз?

Борисов открыл дипломат.

– Хорошо. Теперь поговорим о пингвинчике. Ты его пробовал?

– Несколько штук за милую душу. Роман, это шик, а не мороженое. И обёртка – закачаешься! Я ж не случайно хотел полмиллиона выложить.

– Верю, у тебя нюх как у шакала. Значит с пингвином может быть хороший бизнес?

– А то!

– Хорошо, что моего кореша не прикончил. Считать будем, что рецепт у нас в кармане. Осталось мне попробовать, чтобы убедиться, и запустим на всю страну. Пойдёт?

– Роман, это будет бомба.

– Вот и взорвём.

– А со мной как?

– Раз ты вывел на пингвинчика, оставляю тебя при комбинате. Сволочь ты хорошая, но мне такой кадр нужен. Работай. Но без проколов. Второй твой прокол – это твоя смерть. Понял? И с тебя ещё пять штук, пришлось Синютиной пасть заткнуть.

– Роман! Никаких проколов!

– Этого своего борова упрячь куда-то подальше, чтоб его в городе духу не было. Отправь его в Тагду мороженым торговать. Пингвинчиком. – он засмеялся своим тихим страшным смехом, представив Вагжу в киоске. – У него физиономия как раз для продавца мороженого. Я проверю. Пойдём «Ниву» посмотрю.

«Нива» была совсем новенькая. Роман сел за руль, прокатился немного.

– Хороша. Денису в самый раз. Оформи всё как надо.

– Хоть завтра.

– И запомни – Денис мой друг. И он теперь будет нашим компаньоном. Технология будет в его руках. Ты будешь налаживать сеть на всю страну. Пингвинчик должен дать миллионы. Хотя я его ещё не пробовал и не видел. Тебе поверил.

– Роман, я же сказал – супер!

Скор был на решения Кукуев, когда надо.

– Вот что! Ещё светло. Давай катанём к Марвицу. Созвонись. Туда же всего час езды.

Ему хотелось посмотреть на пингвинчика, образ таинственного мороженого захватил воображение.

И ему повезло. На молокозаводе линия работала и пингвинчик шёл в конвейере как миленький. Марвиц был хитёр и решил, что партию и без Дениса можно выдать, народ проглотит. И он был сто раз прав – на привыкшего покупателя действовал уже сам вид пингвинчика, а не вкусовые тонкости, заложенные Денисом в рецепт и технологию. О том, что в мороженое уже давно добавлялось плацебо, а не вкусовая добавка, он и не догадывался. А эффект плацебо действовал безотказно.

Увидев пингвинчика вживе, Кукуев пришёл в восторг. Это был образ нового, жизнерадостного мороженого с очаровательной мордашкой пингвинёнка и красивыми айсбергами Антарктиды. Дизайн был отменный. Вкус его не очаровал, но Баранов успокоил.

– Вкус не тот, но это от автора зависит.

Кукуев понял – будет эффект атомной бомбы. Оставалось уладить всё с Денисом.

Ляушин следил дотошно. Ему нравилась эта слежка – он почти ежедневно видел свой идеал.

Покушение на Дениса не прошло мимо его внимания. Зафиксировал он и посещение Дениса Романом Кукуевым.

Жене доложил:

– Анфиса, в твоём районе покушение, к потерпевшему Роман Кукуев приезжал, значит он у него крыша. Тряханём?

Синютина причмокнула:

– Уже. Кука сам приезжал. Пять штук привёз.

– О'кей! – одобрительно воскликнул Ляушин.

А Гаргалин чесал затылок. Новая информация добавляла вопросов и вопросы были заковыристые. Если в связке с Арбелиным появился ещё и олигарх Роман Кукуев, дело принимало нешуточный оборот.

– Продолжай следить. – приказ он Ляушину.

Кукуев привёз Денису деньги: половину в долларах, другую в рублях.

– Половина в рублях, Денис. На оперативные расходы.

И перешёл к проекту. Он всё продумал до деталей и обрушил на голову Дениса такой грандиозный бизнес, что у того голова пошла кругом, мороз по коже пробрал. Проект был прост. Денис передаёт рецепт в распоряжение хладокомбината, оставаясь его автором с вытекающими из этого факта следствиями: процентом с прибыли и обозначением авторства. Кукуев организует лицензирование и сертифицирование пингвинчика как нового оригинального продукта. На выпуск переводят сначала одну из линий комбината и начинают продажи в Бурге и других городах, постепенно охватывая весь регион.

Денис был в шоке. Тогда в сравнении с проектом Романа выглядела каплей в океане. Такого разворота с пингвинчиком им и не снилось. Задумывая свой экспериментальный проект, они в академии мечтали посмотреть на пищу-вкусовую и визуально-рекламную фасцинацию в действии, только и всего, а Кукуев развернул его в крупный бизнес с миллионными прибылями. Было от чего впасть в шок и удивление.

Выслушав Кукуева и опомнившись, Денис спустился на землю.

– Роман, но учти, что пингвинчика придумал не я один, а наша команда. Идея принадлежит Юлиану Юрьевичу, ты его видел. Он гениальный учёный. А весь дизайн и рекламу выполнила Альфа. Моя часть изобретения – сама съедобная фактура, мороженое.

Кукуев быстро сообразил и просчитал:

– Группа ваша ведь нигде не зарегистрирована, так я понял?

– Ну, конечно.

– Значит надо оформлять либо коллективное авторство, либо на тебя одного, а ты уже с ними будешь свой процент делить. Как лучше? Между вами полное доверие?

– Абсолютно! Но всё равно надо с ними обсудить. Им это будет шоком, как и мне.

– Понял. Обсуди. Но в принципе мой проект одобряешь?

– Роман, слов нет, проект потрясающ. Я в твоём распоряжении.

– Что значит дружба! – растрогался Кукуев. – Денис, я рад. Раскрутимся. И красивый бизнес, чёрт подери! Без насилия и плутовства. Люблю красоту. Насилие отупляет.

– Фасцинация! – засмеялся Денис.

– Фасцинация? – переспросил Роман.

– Это новая наука. Фасцинетика называется. Юлиан Юрьевич создал. Мы пингвинчика по этой науке изобретали. Без фасцинации его не было бы.

Кукуев был озадачен:

– Хочу почитать. Дашь?

– Есть в интернете сайт Юлиана Юрьевича. Посмотри. Гениальное открытие, между прочим. Пингвинчик – подтверждение.

Кукуева молнией пронзила ассоциация.

– Так ты и торт с Адамом и Евой по этой науке слепил?

– Само собой! – рассмеялся Денис. – Без фасцинетики и Юлиана Юрьевича не было бы и такого торта.

– Давай сайт, сегодня же влзу.

Денис записал ему сайт.

– Значит так. – подвёл итог Кукуев. – Ты общаешься со своими и принимаешь окончательный вариант. Я смотрю сайт. Послезавтра вечером заеду. И обсудим твой процент.

На этом расстались.

Денис радовался. Раскрывались неожиданные приятные во всех смыслах перспективы.

Он созвонился с Арбелиным и Альфой, призывая их к себе и обещая шокирующе приятную новость.

Арбелин с Альфой приехали на следующий день, как и условились, утром в десять. Денис выложил им проект Кукуева.

Оба опешили от неожиданности.

Первой отреагировала Альфа:

– Юлиан Юрьевич, по-моему, потрясающий проект. Я, кстати, тоже подумывала о чём-то подобном, когда в Тагде народ на пингвинчика набросился.

– Неожиданный поворот. – Арбелин почесал затылок, добродушно улыбнулся. – Я от бизнеса далёк, но если это реалистично, решаются многие наши фи-

нансовые проблемы. Правда, я не представляю, в какие суммы выльется гонорар и как это будет оформлено.

– Роман предлагает запатентовать пингвинчика, оформить договор или на нас всех, как коллектив авторов, или на меня одного, чтобы я свой процент делил с вами. Надо нам решить, как лучше.

– Я так понимаю, – убеждённо сказал Арбелин, – что производство пингвинчика будет связано постоянно с тобой, Денис. Ты у них будешь, видимо, главным технологом. Значит на тебя и надо всё оформить. А дележ вы с Альфой решите, как лучше, я в этих делах как чукча в пальмах.

– Какая проблема, Юлиан Юрьевич! Хотя коллективно, хоть на меня – всем поровну. Правильно, Альфа?

– Мы же одно целое, Юлиан Юрьевич. – сказала Альфа. – А Денис – как стена. Пусть на него и оформляется пингвинчик. А сколько он получит у Кукуева, поровну и разделим. А ещё лучше, предлагаю часть складывать в общий котёл – на развитие фасцинетики.

– Вот это академия! – расчувствовался Арбелин.

– Я «за»! – поднял руку Денис.

Альфа подняла свою.

Поднял руку и Арбелин.

Решение было принято.

Начинался новый этап экспериментов. Нежданное обретение финансовых средств открывало волнующие горизонты.

На следующий день неожиданно для Дениса позвонила и приехала Виолетта Аркадьевна.

Охая и ахая, она излила на Дениса своё сочувствие, послала проклятия преступникам, убедилась, что Денис не превращён в инвалида и приходит в норму. И перешла к их проекту.

– Звонил Лажаков, обеспокоен, не задержит ли нашу работу твоя травма. Как ты на это смотришь?

– Так ведь почти всё, что на мне, я уже сделал, никакой задержки не будет. Предлагаю вот какое дополнение. Это из фасцинетики. Надо питание для школьников обставить жизнерадостным дизайном. Для аппетита и пищеварения. Не только интерьер в столовых выполнить в светлых красках и рисунках, но сменить тарелки, блюда, кружки, ложки, подносы. Всё сделать белым, нежно кремовым, с весёлыми орнаментами, цветочками. Чтобы абсолютно всё в столовой сияло и радовало глаз, а через глаз создавало радостное настроение и вытесняло апатию, повышало желание с аппетитом поесть. А с едой мы ведь определились. Тоже побольше увлекательного, поменьше вредного. А ещё я придумал знаете что? Рекомендовать включение в школах урока здорового питания, один час в неделю. Как профилактическое средство, fasciniрующее сознание подрастающего поколения. Чтобы оно поняло и отказалось от сникерсов-фикерсов и прочей опасной для здоровья ерунды. Всего час в неделю.

Виолетта Аркадьевна призадумалась, она была прагматична, диетологический опыт к тому приучил.

– Денис, я полностью «за». А с уроком и вообще было бы потрясающе. Но скорее всего мы получим отпор. Представляешь, в какие финансы выльется такая реорганизация? Сменить все тарелки! А где деньги на весёлые? Они же будут наверняка дороже.

– Так ведь наша задача дать оптимальный проект. А иначе зачем огород городить? – возразил Денис.

– Согласна. Надо будет только финансовую сторону обдумать и что-то реалистичное Лажакову предложить.

– Он же наверняка жук прожжённый, Виолетта Аркадьевна. Зацепите его на спонсорстве. Детям нужны счастье и радость. Для здоровья и аппетита. Спонсоры на покупку тарелок и чашек для детишек непременно найдутся. И он свои откаты получит, как пить дать.

– Ой, хитёр ты, Денис! Запустим. Уж спонсорство я ему выложу как конфетку. Может кого-то сразу и сама подыщу. Для детей олигархи не поскучают. Только посчитать надо как следует. Сколько столовых, сколько тарелок. Ведь уйма, миллионы надо собрать. А с уроком здорового питания с директорами школ побеседую. Может кто-то из них пойдёт на такой инновационный эксперимент. Я бы с удовольствием такой урок проводила.

Расстались в оптимистическом настроении, наивно веря в успех.

А к вечеру, часов в пять Дениса ждал приятнейший сюрпиз – появилась Альбина. Кого угодно мог он ждать, только не её. Хотя о ней вспоминал постоянно. И вот она собственной персоной.

Альбину, когда она услышала о покушении на Дениса, затрясло, она готова была тотчас бежать к нему. Но как, где он живёт, как ей одной появиться у него? Решила, что пойдёт не одна, а с подругой, так будет лучше. Адрес узнала у заведующей столовой, верную Ирину уговаривать не пришлось, она Дениса обожала и, узнав о его беде, сама готова была к нему ехать.

Бабушка открыла на их звонок и удивилась: надо же, к Денису и девочки, да какие красивые! Невиданное чудо!

Альбина назвалась, сказала, что пришли из колледжа, где Денис работал. Бабушка впустила их в прихожую и пошла сказать Денису.

Дениса неожиданная новость вогнала в краску. Он поднялся и вышел к девушкам.

Увидев Дениса с забинтованной головой, девушки притихли, у Альбины на вернулись слёзы.

Но молодо – весело! Денис пошутил про бандитские пули, провёл их в комнату и полился у них молодой, задорный разговор.

Так беда раскрыла сердце Альбины к Денису и они стали друзьями.

На следующий день, как и было оговорено, приехал Роман. Он предложил от слов переходить к делу, не останавливаясь: как только Денис входит в норму и оседлает «Ниву», начинать отладку производства пингвинчика на хладокомбинате, и продолжать на полную катушку в Тагде.

Процент от прибыли он определил по-дружески и по справедливости: 15% от чистой прибыли. По его подсчётам это выливалось для Дениса с соавторами минимум в полмиллиона долларов в первый же год и далее – по нарастающей.

Денис о таких доходах и не мечтал. Но главное – академия получала собственное финансирование для развития фасцинетики.

Заговорили и о фасцинетике.

Кукуев высказал своё мнение:

– Денис, ты прав. Это гениально. Но никому не нужно.

– И хрен с ними, Роман. Пингвинчик обеспечит кое-какую поддержку фасцинетике. Сможем книги издать, журнал. А время покажет. Юлиан Юрьевич ещё и не то изобретёт!

Кукуев потёр руки:

– Как что-то новенькое изобретёте, сразу ко мне. Заранее покупаю. Договорились?

– Без проблем. – улыбнулся Денис.

Они обнялись как друзья, которых соединяло уже не только славное армейское прошлое, но и общее сегодняшнее дело.

Часть четырнадцатая

НИНОЧКА ЧЕРНАВИНА И ПЕПТИДЫ ВЕСЁЛОСТИ

Пока Денис, отлёживаясь, выздоравливал, у Арбелина происходили важные события. Желание увидеть Невпопада и Ниночку не пропало и Арбелин, воспользовавшись паузой, решил их навестить. Отыскать телефон Невпопада не составило проблемы. Созвонился и двинулся к нему в институт.

Встреча, как и ожидалось, получилась весёлой. Арбелин восхищался тем, как выглядел Невпопад на круглом столе, Невпопад восхищался открытием Арбелина – он успел проникнуться его сайтом и журналом.

– Раздраконили Вы их крепко, Григорий Максимович. – хвалил Арбелин. – Великолепное шоу устроили.

– Так ведь явно не туда их понесло. Какую-то флиртологию выдумали. Я о фасцинетике не слыхивал, мельком журнал посмотрел и сразу понял – потрясающее изобретение. Преклоняюсь, Юлиан Юрьевич. Это как теория относительности.

Обменявшись восторгami, Арбелин, лукаво посмотрел на физика:

– А Ниночку Вы для веселья присочинили? Ужасно заинтриговали весь город.

– То-то и оно, Юлиан Юрьевич, что ничего не сочинял. Реальная и живая. Поменял только имя и фамилию. На самом деле она Наташенька Нестерова. Ну, некоторые детали, ясное дело, пришлось на ходу менять. Но в целом всё как есть. Она меня, кстати сказать, за моё шоу пожурила. Но без гнева.

– Ах, как хотел бы я её увидеть вживе! – воскликнул Арбелин.

– В чём же дело? – рассмеялся Невпопад. – Пойдёмте, покажу, она как раз на месте.

Он повёл Арбелина в лабораторию, где работала Наташа.

– Вы меня с ней наедине оставьте, хочу, чтобы эксперимент её влияния на меня как мужчину был в чистом виде. – попросил Арбелин

– Верно, – подтвердил Невпопад, – так и надо. И мне расскажете, очень интересно Ваше мнение.

Наташа в лаборатории была одна и это упростило эксперимент до оптимальности.

Перед Арбелиным предстала девушка ослепительной внешности – роста не выше метра семидесяти, златокудрая, как называли таких красавиц древние греки, блондинка с идеально скроенной фигурой, мягким овалом лица и поразительными распахнутыми большими глазами в обрамлении длинных неподкрашенных чёрных ресниц и редкостного для глаз чистейшего ярко синего цвета – фиалкового. Было от чего разыгаться волнению. «Елена златокудрая!» – воскликнул про себя Арбелин. Ассоциация выхватила из памяти божественную Елену из гомеровской Илиады, которая тысячи лет назад покорила своей красотой всю Грецию. Арбелин, читая Илиаду, был удивлён, что Гомер не дал описание её внешности, но все прекрасные женщины Эллады имели в древнегреческих мифах эпитеты «златокудрая» или «златовласая», ведь и богиня красоты Афродита была у греков златокудрая! Вот он и вылепил для себя именно такой образ Елены – златокудрой с фиалковыми глазами. И перед ним стояла современная божественная Елена Златокудрая!

Невпопад представил ей Арбелина как учёного, создавшего фасцинетику, ту самую науку, о которой была рассердившая её телепрограмма.

Наташа мягко улыбнулась.

Арбелин засёк время, помня о катастрофическом барьере в пять минут, включил всё своё обаяние и главное своё оружие – гипнотический взгляд.

Наташа взгляд его встретила и глаз не отвела, смотрела с холодным интересом.

Разговорились. Арбелин дал ей свой журнал, сделав дарственную надпись: *«Наташе, наделённой божественным очарованием».*

Невпопад, сославшись на спешку, оставил их вдвоём.

Арбелин более внимательно пригляделся к девушке и отнёс её к разряду соблазнительных скромниц, несколько не афиширующих свою сексапильность. Наташа её даже как бы намеренно отодвигала на задний план, затушёвывала, в то время как была не просто женски идеально скроена, но от неё исходило какое-то захватывающее биополе, приводящее в возбуждённость мужские сексуальные биоструктуры. Уже через пару минут, воспринимая к тому же и её фасцинирующий грудного тембра голос, Арбелин ощутил это на себе. «От такой вот Елены и началась Троянская война!», – прикинул он про себя, перемещая её в

своей теории fascinoсексуальности в категорию редкостных представительниц прекрасного пола, которые наделены от природы не только телом, предназначенным для эстетического восхищения, но и жадой сексуальных подвигов. На него холодно смотрела византийская «Елена» – императрица Феодора. Однако в Наташе не было ни на йоту того, что должно быть в Феодоре, Елене Троянской или Мессалине, – сексуального волнующего взгляда, трепетного приглашения и готовности к сексуальному контакту, той женской уверенности, при которой они смотрят на мужчину, как удав на кролика, подчиняя его своему повелительному гипнозу, неотвратимо затягивающему в пасть. Ноль. Всё было в наличии сверх меры, кроме самого главного – эротического пламени. И это была странность и загадка. Спустя пять минут Арбелин ощутил в себе прилив волнения, а Наташа была всё таким же холодным айсбергом. «Да она же лишена сексуального влечения, она асексуалка!» – пронзила Арбелина догадка.

– Извините, Наташенька, я задам Вам нескромный вопрос. Можно?

Девушка, словно понимая, о чём думает Арбелин, вежливо улыбнулась:

– Только не обидный.

– Нет, нет, – успокоил Арбелин, нисколько.

– Тогда задайте.

– Прав ли я, что Вы ещё ни разу в жизни никого из мужчин не полюбили.

Девушка побледнела. Арбелин попал в самое больное место её души.

Арбелин видел, как она сжалась, ждал, ответит ли.

Наташа справилась с нахлынувшим волнением. И ответила, с мягкой, извинительной улыбкой.

– Да, правда – никого.

Арбелин не удержался добавить:

– Но вам ведь уже лет двадцать?

– Мне двадцать три. И я девственница.

То, что произошло в следующую секунду, ошеломило Арбелина.

У Наташи брызнули слёзы и она, рыдая, произнесла:

– Я наверное с ума сойду.

Арбелин обнял и прижал её к себе. Она покорно прильнула к нему, пытаясь сдержать слёзы. Это ей удалось, она отодвинулась.

– Извините...

Арбелин понял – ей срочно нужна помощь, надо вывести её из этого гнетущего оледенения. Скорее всего, в её мозге есть какая-то атрофия, блокировка структур сексуального желания. Как её снять, ведь тело-то её роскошное природой предназначено совсем для иной жизни.

Его уже не встряхивало волнение, он вернулся в броню исследователя-профессионала и соображал, как помочь девушке.

– Вот что, Наташенька. Возьмите мою визитку и как-нибудь позвоните мне, если посчитаете нужным. Я ещё немножко и психотерапевт. У Вас выдающиеся данные, Вы красавица, я постараюсь помочь.

Как он может помочь, Арбелин не представлял, но задача была творческая и она его уже захватила. Мелькнули в голове два варианта: либо снять с неё чувство вины, оставив асексуалкой, немало таких на белом свете и они прекрасно живут, хотя, по

всей видимости, ей вряд ли это понравится; либо вывести из клинической асексуальной заторможенности в сексуальную эмоциональность, что, разумеется, гораздо труднее, но зато может превратить её в полноценную обворожительную женщину. Быть «Елене» асексуалкой не положено! Было над чем задуматься.

О том, как познакомился с Ниночкой Чернавиной, Арбелин рассказал при очередной встрече Альфе.

– Влюбиться, как ты предрекала, я не влюбился, но очарован был основательно. – сказал он ей. – И сравнил её с Еленой Троянской. Помнишь знаменитый сюжет из «Илиады» Гомера? Из-за неё десять лет вся Эллада под стенами Трои стояла. Десять лет, Альфа! Из-за женской красоты. Невпопад, оказывается девушку переименовал, на самом деле она Наташенька Нестерова. Ты права, от такой голову можно потерять. Но есть в ней червоточина, Альфа, и довольно странная. Не уверен окончательно, но подозреваю.

– В ней червоточина?! Что Вы, Юлиан Юрьевич, имеете в виду? – удивилась Альфа.

– Понимаешь, нет в ней того, что просто обязано быть в такой женской телесной конструкции. Нет сексуального огня, волнения. Холодна, как ледышка. Ни грамма сексуальной живинки.

Альфа вспомнила, как прошествовала девушка мимо коленопреклонённых мужчин и ни один мускул на её лице не дрогнул – будто их и не было.

– И что это такое? – спросила она Арбелина.

– Предполагаю, что она асексуалка. Но страдающая от этого, а не спокойно с этим живущая, как большинство асексуалок. Их ведь достаточно много, Альфа, что-то около двух процентов женщин. Этакая хроническая фригидность.

– Вот это да! – поразилась Альфа. – А это излечивается или на всю жизнь? При такой-то красоте.

– Не представляю, надо изучить проблему. Жаль, конечно, девчонку, если такая и останется. – он привычно потёр лоб, как делал всегда, когда не знал ответа. Улыбнулся: – Жаль. Но она нам помогла, спасибо ей. Благодаря ей Невпопад разнёс в пух и прах замысел Гаргалина утопить фасцинетику в дерьме публично.

– Слава Наташеньке Нестеровой! – воскликнула Альфа.

На другой день Арбелин созвонился и поехал к Дмитрию Петрову, своему старому приятелю Димке, биохимику божией милостью. Тот заведовал кафедрой биохимии в университете, а при кафедре была у него и неплохая, современно экипированная лаборатория – лучшая на Урале.

В десятом классе они подружились, но после окончания школы пути их разошлись и виделись редко, только по случаю и необходимости. Вот и сейчас у Арбелина появилась потребность проконсультироваться на предмет получения пептидов весёлости в каком-либо доступном для использования виде.

Встретились přátельски, обнялись.

Димка Петров, давнишний франт, был в отличной форме и чёрная лёгкая бородка, которую он прибавил в свой облик, его украшала, придавая законченно учёный вид.

– Не стареешь, старый ловелас! – восхитился Арбелин.

– Да и ты ещё вполне! – парировал Петров. – Рад, что вспомнил. Рассказывай, какая химия тебе понадобилась.

– Пептиды, Дима, пептиды меня волнуют. И только ты можешь мне помочь в них разобраться.

– Вон куда и тебя захлестнуло! Весь мир с ума сходит от них. Пептидономику уже выдумали. И я, грешным делом, немного ею загрузился. Выкладывай, посмотрим.

– Видишь ли, какое дело... Фасцинация – феномен волнующий, возбуждающий и даже захватывающий психику со всеми потрохами...

– Это точно. – перебил Петров. – Я твой сайт и журнал как дотошный студия проштудировал, стал даже за собой наблюдать. Потрясающе точно! Встречу какой-нибудь сигнал фасцинации и тут же ловлю себя на том, что испытываю соответствующее ему волнение.

– Благодарствую! Да, так вот, дорогой мой дружище, начал я копать в нейрофизиологических внутренностях фасцинации. Сначала докопался до лимбической системы мозга и структур удовольствия и наказания, особенно же до царицы эмоций амигдалы. Потом освоил доминанту Ухтомского. Затем открыл для себя мир управляющих страстями гормонов, а совсем недавно дополз до пептидной регуляции. В общем, зациклился я на понимании нейропептидов как регуляторов фасцинирующий аффектов, эйфории, экстаза, радости. Жутко интересно и совершенно ещё для меня непонятно. Александра Шульгина с его безумными экспериментами над фенилэтиламином проштудировал. И вот возьми да посети мой тщедушный мозг идея, что непременно имеются пептидики весёлости, такие смешливые коротенькие аминокепочки-кнопочки, которые включают смех, хохот, юмор и всяческое иное веселье, без чего жизни человеку нет и быть не может. Как ты смотришь на это моё безумие? Ведь смеются же даже обезьяны.

Петров, пока Арбелин произносил свою речь, становился всё серьезнее. А когда Арбелин закончил, сказал:

– Это, Юлиан, не безумие, это попадание в десятку. А если безумие, то по Нильсу Бору. Отыскать эти пептиды и синтезировать их – гениальное будет событие.

– А Хавинсон и Шестаков не отыскиали?

– Хавинсон с пептидами старения работает, бизнес на продлении жизни раскрутил, весёлость ему пофигу. А Шестаков вроде бы наткнулся. Но я о его исследованиях в точности не осведомлён. Кажется, он от импотенции вылечивал мужиков пептидами вождления. Из спермы хряков их вытягивал. Возможно, он и пептиды весёлости нашёл. Не знаю. И слава тогда ему!

– Дима, мне позарез нужна хотя бы щепотка пептидов весёлости. Сможешь?

Петров иронично посмотрел на друга.

– Из чего? Из крови хохочущих обывателей на концертах Петросяна?

– А неплохо бы взять из каждого хохочущего граммов по сто, а? – Арбелин рассмеялся.

– То-то и оно – где взять материал? Не представляю.

– Я думал над этим. И знаешь, какая мысль пришла в башку? Из пота веселящихся людей! Но не пьяных.

– Из пота? – Петров потёр переносицу. – Пот, конечно, много чего в себе содержит.

– Я почему подумал о поте? В Древнем Риме патрицианки знаешь что выдумали? Посылали рабов с полотенцами, чтобы они вытирали пропотевших на тренировках гладиаторов и бегом несли мокрые полотенца к ним. И натирали себя этим потом гладиаторов для сексуального возбуждения. В коже, я думаю, содержится всё, что есть в организме, она – главный индикатор всего, что творится в теле и с телом.

– Натерли тестостероном и норадреналином. Хитро! – подтвердил Петров.

– Ведь додумались же, а, Дим? Значит действовало. Выходит пот гладиаторов содержит кое-что возбуждающее. Ну, а пот весельчаков должен содержать пептиды весёлости, назовём их так. А ещё я наткнулся на любопытное исследование психолога Дениса Чена. Он умудрился собирать пот, выделенный мужчинами при просмотре фильмов ужасов. Потом химическими элементами из этого пота воздействовал на женщин. Как оказалось, запах пота с элементами страха действительно повлиял на восприятие женщин – они вполне нейтральные фотографии стали оценивать как страшные. Раз в поте откопали химические элементы страха, причем взяли их от людей, испытывших страх всего-то при просмотре фильмов ужасов, стало быть в поте от хохота при просмотре комедийных фильмов можно извлечь пептиды веселья. Логично?

Петров опять потёр переносицу своим привычным движением.

– Где-то, помнится, промелькнуло, что в поте есть окситоцин.

– Окситоцин? Проверь, пожалуйста, Дима. Окситоцин тоже мне нужен. Если его вместе с пептидами весёлости смешать, будет же всеобщая любовь и счастье!

– Так окситоцина завались, его в аптеках продают. И спреи уже есть. Распылил – и человек заулыбался, как чокнутый. Скоро все будут ходить на свидания надушенные духами с окситоцином или с баллончиками. Опрыскивать будут девиц. А те – парней.

– Отлично, значит с окситоцином проблем не будет. Но потребуется много.

– Сколько?

– Ну... надо ещё подумать... Цистерна.

Дмитрий Петров удивлённо воззрился на приятеля, мгновенно поняв суть идеи Арбелина.

– Цистерна? И распылять, как на плантациях? Это ж психотропная диверсия повышения либидо в массовом масштабе! Хочешь промискуитет в городе устроить? Ну ты и гений, Юлиан! – он расхохотался: – Кажется до этого ещё ни один психотронщик не допёр.

– Только никому, Дима. Секрет. Я ещё технологию не продумал. Мне пептид весёлости нужен. Из пота безудержно веселящегося, но трезвого народа. Окситоцин может стать только добавкой.

– С этим сложнее. Новаторская работа... Вдруг да отыщется весёлость в поте... А если смешать с окситоцином...

Говоря всё это, глаза Петрова блеснули. Он был замечательный биохимик и идея мгновенно его увлекла.

Арбелин уловил его взволнованность:

– Что если попробовать? Сможешь?

– Попробовать можно, Юлиан. Интересно. Хотя техническая база у меня и слабовата для такого исследования. Да и материал нужен, субстанция, весёлый пот, не трудовой какой-нибудь или от страха. Где его заполучить?

– Подумаем. У меня два помощника объявились. Девушка с психологического факультета, клиническим психологом хочет стать, и совершенно гениальный кулинар. Может видел его торт «Адам и Ева» в телевизионных новостях?

– Видел! Лихой торт! Ты что ли придумал?

– Я, он и студентка. Втроём. Это ещё что, Дима! Мы придумали новое мороженое. Назвали его «пингвинчик». В городе Тагде запустили. Народ раскупает подчистую.

Петров хлопнул ладонью по столу:

– Вот оно! А знаешь ли ты, мой дорогой друже, что этот ваш пингвинчик уже побывал в моих руках?

Он торжествующе взирал на удивлённого Арбелина.

– У тебя?!

– Двадцать штук! Прелесть, а не мороженое. Я попробовал.

– Откуда столько? – недоумевал Арбелин.

– От верблюда по имени полковник госбезопасности Станислав Анатольевич Гаргарин.

Арбелин рассмеялся:

– На экспертизу принёс?

– Именно! На предмет поиска в вашем пингвинчике психостимуляторов. Любых.

– И сколько ты их ему нашёл?

– Я же не знал, что пингвинчики твои. Искал прилежно и дотошно. И ничего не обнаружил. К досаде полковника. – Петров задорно захохотал. – Абсолютно ничего психотропного!

– А в них ничего и не могло быть. – подтвердил Арбелин. – На народ чарующе действует необыкновенный дизайн пингвинчика и эффект плацебо. Сначала мой помощник немного добавлял уникальной вкусовой добавки. А когда мороженое захватило психику покупателей, мы добавку перестали подсыпать.

– Гениальные у тебя помощники.

– Я хочу тебе их показать. Позволишь привезти?

– Какой разговор, вези, очень любопытно взглянуть на таких птенцов. А о слежке помни. Что-то очень уж загрузился полковник психотропикой. Следит за тобой. Иначе зачем бы ему двадцать мороженок мне на экспертизу везти? И я его понимаю после твоего проекта использования окситоцина. – Петров рассмеялся как ребёнок. – Едут по городу машины и распыляют из огромных пульверизаторов окситоцин. И разводов становится в разы меньше. Всеобщая любовь. Фантастика! Полковник чувствует в тебе громадную опасность для России. Всеобщая любовь для России нежелательна и даже опасна. Россия привыкла быть агрессивной и перманентно с кем-нибудь сражаться.

– Я вот ещё о каком источнике материала для пептидов весёлости думал, – поделился Арбелин. – О детях.

– О детях?!

– Об играющих веселящихся ребятишках дошкольного возраста. Ведь весёлые групповые игры для детей – это стержень их бытия.

Проанализировав со всех сторон проблему получения слюны от играющих детей, пришли к выводу, что процедура сложновата и даже рискованна. Пот взрослых – другое дело.

Распрощались на том, что Арбелин будет изобретать технологию получения пота и как только найдёт решение, приедет и прихватит с собой Альфу с Денисом. А Петров погрузится в исследование теоретических возможностей получения пептидов весёлости из пота веселящегося человека.

Часть пятнадцатая

АРБЕЛИН РАЗОБЛАЧАЕТ СЕКСАГЕНТА ФСБ ИНГУ МИГАЧЁВУ

Изучив как следует сайт Арбелина, Инга не долго прикидывала, с чем идти к автору. Была она не только сексагентом, но для прикрытия ещё и владелицей небольшого агентства фотомоделей. Её фотомодели обслуживали VIP-персон, помогая Инге и Гаргалину выуживать нужные сведения у нужных важных лиц местной политики и бизнеса. «Фасцинетика – наука о чарующей фасцинации, стало быть о красоте, обольщении, манипуляции, моим девочкам это надо, да и мне не мешает кое в чём поосновательнее разобраться, – подумала Инга, – задам-ка я автору вопрос о гламуре, пусть меня просветит, вдруг что-то новенькое узнаю».

Арбелин, словно чуя что-то увлекательно тайное в её голосе, не отказал в консультации, когда она позвонила, хотя и принял решение с консультациями завязывать. Назначил время – завтра в пять вечера.

Инга привела себя в надлежаще соблазнительный вид и с весёлым настроением удачливой охотницы поехала к горбатому старцу, предвкушая забавную драматургию разговора о гламуре и ловкую установку жучка.

Альфа подъехала к дому Арбелина в пять вечера вслед за тёмно-синим «Фордом». Приезжать без звонка по мобильнику разрешалось. А нужен был Арбелин Альфе для разговора о его биографии, о том, как связано всё то, что было в его жизни до создания фасцинетики, с вспыхнувшим озарением гениального открытия.

Пока она выходила из своего «Опеля», из «Форда» уже появилась и, эффектно покачивая бёдрами, направилась к подъезду Арбелина роскошная девица со стройными ножками и в мини. «Как у газели» – мелькнула в голове Альфы мета-

фора Арбелина. Что-то в уверенной походке девицы и её демонстративно сексуальном виде насторожило Альфу. Она шла чуть поотстав, и увидела, что девица набрала на домофоне цифры квартиры Арбелина. Обдало жаром. Входить за девицей Альфа не стала, отступила от двери, хотя к Арбелину надо было позарез.

И вдруг ощутила в себе какое-то никогда не испытываемое тошнотавое чувство, не то грусть, не то злость, а скорее смесь того и другого.

Остановила себя. «Он же свободен и одинок, что ты слюни распустила» – урезонила она себя. Но тошнотворная взволнованность не утихла.

Ладно, наверное на консультацию, подожду, когда выйдет, решила она, и села в машину.

Прошло два часа – девица не появлялась. Волнение обрастало нервной тревогой. Альфа закусил губу и решила ждать до упора. Её охватил озноб. Так она голодная и злая и просидела до семи часов утра, не смыкая глаз, пока на крыльцо не выскочила та самая девица, с удовольствием потянувшись и весело пошагала упругой походкой лошадки к своему «Форду».

«Вот тебе и биография», – грустно сказала себе Альфа и поехала домой. Отца она предупредила по мобильнику ещё в двенадцать ночи о том, что возможно задержится до утра. Так и вышло.

По тому, как Инга, войдя в прихожую, после первых же фраз приветствия ловко и непринужденно крутнулась возле зеркала, окидывая себя критическим взглядом, и, эффектно закинув руку, поправила волосы, сумела в этих движениях показать всю себя сзади – спину с глубоким прогибом в пояснице, упругую попку и гибкую шею, Арбелин понял, что к нему пришла опытная соблазнительница. Неужто ещё и наклонится, чтобы обнажить ягодички, хотя очень откровенная мини-юбочка и так почти ничего не скрывала. И словно в унисон с этой догадкой специалиста по женской фасцинации, Инга начала уже наклоняться, чтобы скинуть туфельки.

Арбелин торопливо остановил её:

– Нет, нет, не снимайте, проходите. Таким, как у Вас, ножкам шпильки просто необходимы.

Тогда Инга устроила другое представление, призванное оглушить старичка. Садясь в кресло, она эффектно взметнула левую ножку, чтобы закинуть её на правую, да так ловко это проделала, что только лапоть не заметил бы открывшийся пейзаж вплоть до розовых трусиков. Арбелин лаптем давно не был и чуть не причмокнул от восторга:

– Что ж, приступим. Зовите меня Юлиан Юрьевич. Вас как звать?

– Инга.

– Звучное имя, как мелодия. – ловко зацепил её внимание старый ловелас. – Что Вас особенно интересует, с какими вопросами пришли ко мне?

Поклонник женской привлекательности с симпатией разглядывал особу лет двадцати пяти или чуть больше, аппетитную и уверенную в своей эффектности, что свойственно большинству откровенно победоносных красавиц.

Давно привыкшая не только к вниманию, но к восторженным взорам мужчин, Инга тотчас поймала выражение мужского любования в глазах Арбелина, сказала себе «Один ноль в мою пользу» и приступила к запланированной «обработке» креатина.

Она достала из сумочки купюру в тысячу рублей, – оговорённый вчера по телефону гонорар, – положила её на столик и сказала:

– Юлиан Юрьевич, меня очень интересует гламур.

– Вот как? Что же Вас навело на такой интерес?

– Ну, я ведь вроде не уродка. А сейчас вокруг только и слышишь «гламур, гламур». А у меня агентство фотомоделей. Пятнадцать девочек, все как на подбор. Немного переживают насчёт гламурности. Им хочется, а кругом ругают гламур почём зря. Вот я и решила как следует разобраться и им рассказать. Ну-жен ли нам гламур или отодвинуть его куда подальше?

Вопрос был для консультирования интересный и для общения увлекательный.

Арбелин с удовольствием улыбнулся:

– Интеллектуальные у Вас девушки. Обычно такой вопрос фотомоделей и прочих красавиц не волнует, знай себе гламурят направо, кому как вздумается.

– А на моих что-то нашло, даже дискуссию между собой устроили. А я вроде как арбитром должна быть. Вооружите меня.

Инга импровизировала, с удовольствием и азартом погружаясь в роль. Никакой дискуссии между её подопечными не было, да и быть не могло, были они удачливыми шлюшками, довольными своим выбором и положением. Инга подбирала их в своё агентство со знанием дела, а не для позирования перед камерами. Позирование для рекламных журналов, впрочем, имело место, но в минимальной степени – исключительно для прикрытия.

– Вооружить? Чем же именно, как Вы это видите?

– Юлиан Юрьевич, хорошо быть гламурной или плохо? А если уж быть, то какую самую надёжную гламурную фасцинацию запускать?

– Отлично сформулировали! – похвалил Арбелин, убеждаясь, что перед ним особа не только физически эффектная, но весьма неглупая.

Для подтверждения своей серьёзности Инга, играя роль, достала из сумочки блокнотик и ручку.

– Я буду записывать. – очаровательно улыбнулась она, заглянув в глаза Арбелина тем чуточку томным взглядом, каким обольстительницы начинают обработку. – У женщины память короткая.

Это был сигнал к игре, Арбелин поймал его и ему стало приятно и легко. Любил старый дожуан общаться с игривыми умными прелестницами. Зажёлся.

– Да что записывать! Вы и так всё запомните. – засмеялся он. – Всё с гламуром довольно просто. Возник он миллион лет назад в эпоху наших предков гомо эректусов. Они уже соображали вполне разумно, а главное, обладали воображением. И доказательством тому являются находки археологов. Представьте себе такого похожего на гориллу дикаря с бусинкой на шее и перьями райских птиц в шевелюре. Бусинка и перья – вот вам и гламур. А иначе зачем бы дикарю такие яркие украшения? Представьте, этот вопрос задал себе даже такой глубокомысленный философ, каким был Гегель. И ответил, что первобытный дикарь желал

произвести впечатление, не только мышцы и меткость тренировал, но и красоту на свою внешность наводил. А там, где бусинка на бечёвочке, там и что-нибудь посложнее, ожерелье, к примеру. С тех пор и вошло всё это в моду. Вот и у Вас на шее прелестная цепочка и сапфир на ней. Очень изящно. Так что гламур возник вместе с мыслящим человеком и уже никогда не исчезнет, а будет вечно использоваться как эффектное средство выделиться, произвести выгодное впечатление, очаровать. Вот вам и фасцинация. Без неё гламура нет и быть не может.

Инга слушала внимательно. Миллион лет назад и на веки вечные – это произвело на неё впечатление, запомнилось.

Задала вопрос:

– Значит и мода возникла миллион лет назад?

– Конечно! Ведь что такое мода? Это демонстрирование какой-нибудь диковинки, которая есть только у некоторых. А другим обидно и они начинают подражать. Диковинка становится модной, массовой, а потом и вовсе обыденной, примелькавшейся. Тогда кто-то, наделённый воображением и вкусом, изобретает новую диковинку. Все бросаются вдогонку. И так эта погоня за щекочущими воображение диковинками продолжается от бусинки эректуса до наших дней. Вот вам и двигатель моды – опять фасцинация, неотразимое впечатление, очарование чем-то новеньким, оригинальным, необычным, как сейчас говорят, эксклюзивным. Жила-была такая озорная французская королева, большая выдумщица диковинок, Мария-Антуанетта. Не повезло ей, жила в эпоху потрясений. Якобинцы, будь они неладны, голову ей отсеки гильотиной. Ну, королю отсекали, ещё понятное дело, а милой красивой женщине-то к чему? Революционеры вообще большие и безжалостные сволочи и варвары по отношению к красивым женщинам. Наши такие же... Да, так вот, выдумывала Антунетта со своим парикмахером и портным разные чудеса. Причёску в виде корабля-парусника, к примеру. А однажды пришлось ей в головушить платье золотисто каштанового цвета. Вышла утром к придворным, король увидел, ахнул от изумления и произнёс знаменитую фразу «О, цвет блохи!» К вечеру и на следующий день весь Париж ринулся искать ткань цвета блохи и шить платья. Через месяц цвет блохи стал европейской модой, проскакала блоха по всем столицам. Позже и до России доскакала. Печорина у Лермонтова помните?

– Я же филфак закончила, в школе литературу преподавала.

– Вспомните – у княжны Мэри зоркий Печорин заметил ботиночки цвета блохи. Вот какой гламур выдумала Мария-Антуанетта! А ей голову с плеч. Мода – это fasciniрующий стимулятор демонстрационного поведения, игры на публику. Потому все и хотят выглядеть модными. А стимулирующий стержень в моде – гламур.

– Всё понятно, Юлиан Юрьевич. Раз гламуру миллион лет, он вечен и связан с модой, значит его надо моим девочкам и мне осваивать по максимуму. Вот так!

– Очень хорошо поняли. По максимуму – это для профессионализма. А по жизни гламурной надо бы быть хоть чуточку каждой женщине, это ей добавит привлекательности и шарма. Это же главное средство общения с нами грешными, с мужчинами.

– Я хочу по максимуму. И девочкам надо. Мы же профессионалки! И должны быть как шоколадки для клиентов. Шоколадка ведь фасцинация, я правильно поняла?

– О, ещё какая! Дети и женщины жить не могут без шоколадок.

– А у фотомодели тело обязано доставлять удовольствие. Та же шоколадка.

Инге ужасно понравилось, что она вовремя вспомнила о своём сравнении с шоколадкой, каким ввергла в своё время в ступор Гаргалина. Тот пожалничал ей денег на заморские косметические причандалы и дорогостоящий тайский массаж. Инга и вlepила ему неотразимый аргумент. Я, – сказала она оторопевшему Гаргалину, – работаю телом, а не мозгами, моё тело – это наслаждающаяся инъекция для клиента, от которой у него мозги отключаются, оно обязано быть как лучшая шоколадка. И Гаргалин безропотно утвердил дополнительные расходы на шоколадную шлифовку тела Инги.

Арбелин тоже клянул на «шоколадку».

– Вы, Инга, максимальная шоколадка. Куда уж лучше!

Это Ингу зацепило уже по-настоящему, и вовсе не в игровом смысле. Женщина она и в сексагентах женщина, удачный комплимент кружит голову.

– Но я же одета не гламурно. Разве чуточку.

– Вы одеты вполне современно и этого Вам достаточно, чтобы не выглядеть серой овечкой. Но дело-то не только в одеянии. Главный инструмент настоящего, сногшибательного гламура вовсе не в прикиде, а в теле и его пластике. Гламурное тело. А оно у вас как в кино – смотри и любуйся.

Сказанное соединяло знание и комплимент, такого Инга ни от кого не слышала во всю свою амурную жизнь. Это её взволновало.

– Я такая?

– Вы именно.

Арбелин улыбнулся, вспомнив вдруг по ассоциации тургеневскую Одиночку, в которую влюбился циник Базаров, и не мог не влюбиться, несмотря на весь свой нигилизм, потому как увидел роскошное женское тело – хоть сейчас его в анатомический театр. Вот и перед Арбелиным сидела особа такой же впечатляющей анатомической архитектуры.

Словно уловив скрытую ассоциацию Арбелина, Инга звонко рассмеялась:

– Юлиан Юрьевич, разложите меня по полочкам. Что такого в моём теле гламурного?

– Если бы я сейчас вёл практический семинар или мастер-класс по гламурному имиджу или фасцинации женского тела, а Вы дали бы согласие мне ассистировать, то я выставил бы Вас участникам семинара как образец. И устроил бы показ, некий стриптиз, постепенно, по ходу, раздевая Вас до...

– Полностью? – игриво ахнула Инга.

– ...до Ваших розовых трусиков. – засмеялся не менее игриво Арбелин. – Этого и мне, и им было бы вполне достаточно.

– А я бы и полностью согласилась. – нисколько не смущаясь, произнесла Инга уверенным тоном. – Мы же фотомодели. Нам положено обнажаться. Чего только фотографии не выдумывают с нашими телами. Даже на голову ставят. Я готова, – посмотрела Инга на Арбелина уже совсем томным взглядом, – препарируйте меня как на семинаре. Это так увлекательно!

Начался спектакль двух сексуально опытных актёров.

– Только учтите, что анатомирование будет подробным – от макушки до пальчиков на ножках. – сказал Арбелин с лукавой улыбкой.

– Да, да, всю меня по частичкам.

– Глядя на Вас, Инга, сразу бросаются в глаза, останавливают взгляд и вызывают приятное удивление Ваши сочные губы. Сколько мужчин они с ума свели, а?

– Не считала. – вновь непринуждённо засмеялась Инга, выказывая такой волнующий тембр и переливы, что Арбелин взметнул брови от удовольствия: что может быть приятнее женского заливистого, как моцартовская мелодия, смеха! Разве что смех детей. Но он не сексуален, а сексуальность как раз и добавляет в мелодику смеха свою эволюционную власть и прелесть.

– Вот видите, Вы, как женщина, точно знаете, что Ваши губы страшно привлекают мужчин. Они – Ваша визитная карточка, реклама, фишка. С точки зрения фасцинетики такие губы являются замечательно действующим фасцинирующим сигналом, приводящим мужчин в состояние, мягко говоря, некоторой паники и волнующего оцепенения. Ну, и Ваш удивительно приятный смех в дополнение к ним. Как музыка. Голосовые данные у Вас прекрасные.

– Это точно. Я даже певицей мечтала стать. – Инга картинно округлила глаза и кокетливо надула губки, подыгрывая Арбелину.

– Вот-вот, чудненько! Вы губки свои чуточку надули и стали еще неотразимее. Как умеете Вы ими пользоваться, как Вы ими играете! Мастерница. – Он поощрительно улыбнулся.

– Научилась в ходе эволюции. – снова звонко и радостно засмеялась, окрыленная похвалой Инга. – И всё же, в чём завораживающий секрет таких губ?

– Секрет прост: они сигналият о возможном прекрасном сексе. Припухлостью, величиной, яркостью, гармоничным сочетанием с овалом лица, и этой вот кокетливой, умопомрачительной подвижностью. В Англии как-то социологический опрос провели среди мужчин относительно их отношения к женским губам. Представляете, 80 процентов английских мужиков хотели бы целовать губы киноактрисы Анжелины Джоли. Видели в кино её губы?

– Конечно. Впечатляют.

– То-то и оно. И запоминаются, и впечатываются в эмоциональную память, и вызывают даже заочное желание. А у Вас губы того же класса, нисколько не хуже. А Вы их ещё и красите яркой влажной помадой, от этого мужчины буквально впадают глазами в них и пульсируют от желания к ним прикинуть.

– Они и без помады желают. – игриво пробурчала Инга и зачем-то достала платочек и тщательно стерла помаду. И встрепенулась. – О, я Вам расскажу, что однажды случилось с моими губами! Можно? – она вся засветилась озорством.

– С удовольствием.

– Это было, когда я насчет мужчин ещё мало соображала. Было мне восемнадцать и я была девушка скромная, не то что сейчас. Это произошло на юге, в городе Бишкеке, я туда приехала к другу. Идём мы вечером по центру, наслаждаемся теплом, разговариваем. И тут нас обгоняют два парня, оглядываются, а потом один другому говорит: «Рабочие губы». Я услышала и разозлилась. Какие ещё рабочие. Я тогда поняла это в смысле «рабоче-крестьянские». Говорю другу: «Идиоты! Что ещё

за рабочие?» А он так хитро на меня смотрит, как-то двусмысленно улыбается. Но мы были с ним не в тех отношениях, чтобы он мне разъяснил толком, что к чему. Сказал только: «Что с них возьмёшь, кретины они и в Африке кретины». Это набравшись жизненного опыта, я поняла, что имели в виду те кретины. Мужики ведь шагу не могут ступить без вульгарных намеков и причмокиваний.

– Очень верно. Мужчина – это эволюционно эротизированная скотина. И никуда от этого не скроешься. Иным он и быть не может, его эволюция снабдила такой гормональной насыщенностью. Для этой скотины, если женщина не вызывает причмокивания, записывай её в архив.

– Ой, как хорошо Вы сказали. В архив. Не хочу в архив. Буду терпеть причмокивания.

– Замечательный физик Лев Ландау был великий бабник, прошу прощения за грубое сравнение. И знаете, какую классификацию женщин он придумал?

– Нет, не знаю.

– Он делил женщин на пять категорий. Высший класс у него – это женщины, от которых глаз не оторвать. Такие как Вы.

Рациональная до мозга костей разведчица Инга, давно научившаяся владеть собой, однако же зарделась. От похвалы и лести, как говаривал старина Фрейд, у человека защиты нет, тем более если этот человек – женщина.

– Ну...не... – кокетливо залепетала было Инга, но Арбелин перебил:

– И не сопротивляйтесь. Я как-никак профессионал, фасцинетик. Как только Вы зашли в прихожую, за полсекунды увидел я и определил качество всех Ваших прелестей... Даже скрытых... Истинно говорю Вам – глаз не оторвать. Одни Ваши поэтические губки чего стоят! – пел обольстительную песню Арбелин и Инга с наслаждением внимала.

– Неужели я такая?! – притворно состроила она глазки.

– Такая, такая. Но вернемся к Ландау. Вторая категория в его классификации, это женщины, на которых приятно смотреть.

– Вот, – встрепенулась Инга, – может я такая?

– Не сердите меня, Инга, – картинно нахмурил брови Арбелин, – Вы в высшей категории и останетесь в ней до конца жизни. Если в какую-нибудь уродующую наркоманию не скатитесь. Так вот, третья категория – это женщины, на которых можно смотреть. Четвертая – те, на которых лучше не смотреть. А пятая совершенно жуткая – женщины, на которых противно смотреть.

– Он циник, – поморщилась Инга. – разве есть такие женщины? Говорят нет, каждая по-своему хороша.

– Притворяются, есть, и Ландау вовсе не циник, он прав. Приглядитесь повнимательнее, когда по городу идёте. И увидите иногда такое похожее на гиппопотам чудо топает, что глаза хочется зажмурить. Особенно когда жир колышется в такт шагам и эта туша переваливается с ноги на ногу.

– И Вы, Юлиан Юрьевич, такой же, как Ландау. – рассмеялась Инга.

– Куда денешься. Был, есть и буду. Зато и поэзию прекрасно определяю. У Вас, куда ни посмотри, глаз натывается на поэзию, на фасцинацию.

– Фасцинация – это знак качества?

– Да, признак высшего привлекающего внимание качества. Ну, те же губы. Они могут быть блёклые, узенькие, совершенно непривлекательные. А могут быть такие, как у Вас. Не случайно же вся молодая поросль прекрасной половины человечества ринулась к пластическим хирургам губы накачивать. Иногда жутко смотреть, как накачали бедняжке. С перекосом и диспропорцией. Все захотели вдруг иметь губы рабочие.

При этом слове Инга игриво и дерзко посмотрела на Арбелина. Он глаза не отвел. Искра пронеслась и тональность разговора взвинтилась, стала экстремальнее, появился подтекст, то качество общения, которое так властно сближает мужчину и женщину.

– Я же не виновата. – приглушенно и чуть взволнованно произнесла Инга.

– Конечно, не виноватая... Но такая...

– Это хорошо?

– Это прекрасно. Вот такие губы и есть признак высшего женского сексуального качества.

– Но почему это именно сексуальная fascinация?

– Инга, Вы ведь на консультацию пришли, верно?

– Да. – несколько растерялась Инга.

– Хотите знать всю подноготную, верно?

– Хочу. – кивнула она, ещё не понимая смысла вопросов Арбелина.

– Значит терпите, потому что придётся слушать очень откровенные описания.

– Буду терпеть.

– Есть такая наука, этология называется, наука о поведении животных и человека. В каких ситуациях кто и как себя ведет с точки зрения выживания и продолжения жизни. Так вот, этологи считают, что картинное демонстрирование женщинами своих губ и яркая их раскраска губной помадой – это аналог выставления обезьянами гениталий, набухших и покрасневших половых подушек в период полового возбуждения. Их невозможно не заметить, самки ими сигнализируют самцам «я готова!», самцы это видят издали, потому как они красные, а сам вид их возбуждает. И самка получает таким способом иногда целую очередь желающих. Великий зоопсихолог Джейн Гудолл это своими глазами наблюдала и описала.

Информация об очереди Ингу несколько смутила: очереди она не любила.

Арбелин продолжал:

– Эволюция привела наших предков к утере волосяного покрова, к укутыванию от холода и прикрыванию интимных мест. А привлекать-то надо. Вот губы и пошли в ход. Потому-то и ценятся эти самые рабочие губы. Как у Анжелины Джоли. – Арбелин хитро сузил глаза. – У Вас, Инга, вблизи даже лучше.

Инга изобразила скромность:

– Юлиан Юрьевич, не вгоняйте меня в краску. Продолжайте препарировать.

– Следующая гламурная и fascинирующая деталь женского тела – волосы на голове. Самые лучшие – густые, волнистые, как шёлк. Редкостное явление. У Вас, я мгновенно это отметил, прекрасные волосы, да ещё и очень тонкого пшеничного оттенка. От природы или подкрашиваете.

– От мамы. У неё такие же.

– Следующая деталь, с которой многие женщины мучаются всю жизнь, а у Вас она просто загляденье, это кожа. Везде, где видна. Некоторые женщины никогда не показывают плечи и спину, у них жирная кожа и прыщики. Не позавидуешь. Зато как пленяет глаз чистая бархатистая кожа! Поэзия. Так и хочется погладить. Воодушевляет.

– Вам хочется?

– Молчу.

– Я разрешаю.

Она артистично протянула обнаженную руку.

Абелин нежно провёл кончиками пальцев по руке от локтя к запястью.

Инга обладала столь тонкой кожей чувственностью, что невольно вздрогнула и ощутила электрические мурашки.

– Я же говорил – бархатистая. Одно удовольствие. – сказал Арбелин проникновенно. – Вот видите, какой у Вас притягательный комплекс: волосы, кожа, губы. Всё это соединяется с миловидным лицом. Эксперименты показали, что самым приятным для восприятия мужчины является лицо нежно овального, несколько детского вида, как у Мэрилин Монро. Присмотритесь к женским портретам художников всех времён. Почти исключительно такие лица у всех избранных ими дам. Канон женственности. Посмотрите в зеркало. У Вас лицо именно такого типа.

Инга встала и подошла к висевшему на стене у входа в кабинет небольшому зеркалу.

– Верно. – убедилась она. – А я и не знала.

– Теперь знайте и будьте счастливы. А ещё я заметил у Вас, и не мог не заметить, маленькую чёрную родинку над верхней губой ближе к уголку рта. Как у восхитительной актрисы Наталии Орейро. Очень мило посажена. Родинка – это очень fasciniрующий знак на лице. Он как бы разрушает симметрию, внося в лицо нежную драматургию. Впечатывается в восприятие как некий индивидуальный штришок. И есть у Вас ещё одна весьма привлекательная fascинация в лице. Ярко карие глаза ведьмы. Родись Вы этак в столетии шестнадцатом в Европе, сожгли бы Вас инквизиторы как пить дать. У вас все признаки, по которым они определяли женщину как ведьму. Волосы рыжеватого оттенка, пламенно карие глаза, родинка, гибкое сексуальное тело, источающее призыв к греху, гореть бы Вам на костре.

Ингу пробрала дрожь:

– Как хорошо, что я родилась в другие времена.

– От инквизиции спасена, это верно. Но сама начинка-то остаётся! И сводит с ума. Видите, сколько я узрел в Вас fasciniрующих признаков.

– Как здорово! И раз Вы всё это видите, то при искажениях можете корректировать?

– Это одна из прикладных задач фасцинетики. Можно. И я это делаю при консультировании.

– Подскажите и мне, что надо подшлифовать.

– Я же сказал – Вы в высшей категории. И не торопите меня. Мы ведь ещё только в самом начале препарирования. Пошагаем пониже? Нам ведь идти до пальчиков на ногах. Или достаточно?

– Ниже, ниже, Юлиан Юрьевич. Хочу до пальчиков. Ужасно интересно.

– Что ж, приступим в самом сладостном для мужчин месту – к груди. Грудь может быть всего лишь приятно фасцинирующим сигналом, как знак женского пола, об этом ещё Дарвин говорил, а может буквально оглушать мужчину. Это когда она выдающаяся, значительного размера, тогда она становится неотразимым сигналом для большинства мужчин.

– Ой, Юлиан Юрьевич, вот здесь-то у меня точно ничего интересного, всего третий размер.

– Так это же самое то, что надо! Весьма значительная, чтобы хорошо видеть, упругая, что весьма и весьма волнует мужчин, и хорошей торчащей формы, без отвисания. Радуйтесь. Чрезмерно грудастый гламур за пределами пятого размера привлекает разве что неотёсанных мужланов.

Инга удивлённо взирала на Арбелина:

– Но Вы же не видели, какая она у меня! Я ведь в кофточке.

– Не видел, но вообразил по некоторым приметам. Правильно?

– Как будто подсмотрели меня под душем.

– С такой грудью некоторые девушки летом ходят без бюстгалтеров. Очень эффектно и соблазнительно.

– Я тоже хожу.

– Прекрасная привычка! Двинемся ещё ниже?

– К животу? У меня его нет.

– К животу, талии и бёдрам. Но я несколько нарушу порядок и примусь сначала за ноги. От них зависит фасцинирующее свойство талии и бёдер. Ноги создают пропорцию тела. Есть ноги короткие, или, что реже, очень длинные, как у цапли. Те и другие не имеют качества фасцинации, так как разрушают красоту золотого сечения. Слышали о таком?

– Улавливала, но не разобралась толком.

– Золотое сечение – это великий закон гармонии в природе. Везде и всюду. В том числе и в строении человеческого тела. Пропорции фигуры при золотом сечении такие: тело от пальчиков на ногах до пупка должно быть в 1,62 раза длиннее, чем от пупка до макушки. И это зависит от длины ног. У женщин в точности такая пропорция редкость, ноги подводят, коротковаты. А вот наденет шпильки – и в самую точку. У Вас ножки в шпильках как у газели Томпсона в африканских саваннах.

– А без шпилек? Посмотрите.

Инга быстро вскочила с кресла и, сбросив туфли, крутнулась, правда, прижав на пальцы.

– Да Вы не крутитесь, встаньте как вкопанная, чтобы я определил пропорции. На ступни.

Инга подчинилась, вытянувшись по стойке смирно.

Арбелин пригляделся, попросил приподняться на носочках.

– Вполне и без шпилек! А на шпильках – идеально. Не ножки, а струнки. А размер обуви какой?

– Тридцать пятый.

– Чудесно. Как раз! Тридцать шестой ещё ничего. При тридцать седьмом уже чуточку многовато было бы для Вас. При Вашем росте, разумеется. Будь Вы под метр восемьдесят, как Николь Кидман, и сороковой не портил бы ноги. У Кидман кажется сорок первый. Но у Вас всё интереснее. И рост как раз, и всё остальное. Как у Мерилин Монро. И очень ценное качество – стройность ножек. Пушкин писал, что во всей России не найти и двух пар стройных ножек. Да к тому же маленьких. А Мопассан выразил своё отношение к маленьким ножкам очень остроумно, сказав, что маленькие женские ножки перевернули не одну страницу истории. Чуете, какова роль стройных маленьких женских ножек?

Инга уже плыла в море блаженства от сыпавшихся как из рога изобилия комплиментов Арбелина, хотя были они и не комплиментами вовсе, а точными формулами фасцинативного препарирования. Но каковы! Лучше всяких комплиментов.

– У меня даже голова закружилась.

Инга плюхнулась в кресло.

– Что ж, приступим к очень важной части тела, венчающей ноги сверху – к ягодичкам.

– Ландау эту часть тоже имел в виду? – шутливо засмеялась Инга.

– Без этой части, позволю вам заметить, уважаемая, женщины нет. Есть только существо якобы женского рода. Хорваты знаете как шутят? Женщина без хорошего зада, что грузовик без кузова. Крепко сказано.

– Это так важно?

– Не притворяйтесь пуританкой, Инга. Уж что-что, а это Вы точно знаете.

– Знаю... – Инга картинно потупила глазки.

– Меня вот сводят с ума женские ягодички, чёрт бы их побрал. – свирепо произнес Арбелин. – Спасу нет! И, кстати сказать, точно по этологии. Ягодицы, когда они упругие, соразмерные, как волейбольные мячики, да ещё посаженные на стройные сильные ножки – это же просто праздник восьмого марта. А сочетание стройных ножек, тоненькой талии и роскошных ягодиц вообще симфония Моцарта.

Инга, вошедшая во вкус комплиментов Арбелина, скромненько проворковала.

– У меня точно такие мячики, Юлиан Юрьевич. Могу показать.

– Такие, такие! – заверил ее Арбелин. – Кстати, зачем Вы мини-юбочку нацепили для встречи со мной?

Ох, уж этот учёный дед! Всё видит, всё знает, обо всём догадывается. Инга и не стала притворяться, решила, что не испортит выполнение задания Гаргалина, если будет со старцем абсолютно искренней и нежной.

– Хотела сразу же произвести на Вас впечатление.

– Сексуальное?

– Да.

Привыкли пользоваться этим своим неотразимым средством?

– Да.

– Но ведь оно для соблазна, милая моя. – пронзил её Арбелин своим магнетическим взглядом, который пускал в ход точно так же, как Инга пускала в ход все свои фасцинации.

Инга была ошеломлена и не могла отвести своих глаз от фасцинирующих глаз вошедшего в волнующий вкус игры Арбелина; она проваливалась.

Арбелин однако остановил воздействие, отвел взгляд.

– Дерзкая Вы, однако, девушка. Двинемся дальше?

– Да. – покорно прошептала Инга, приходя в себя и чувствуя волнующую пульсацию в низу живота.

Заискрившаяся у обоих симпатия и сексуальная игра принимала поворот ещё более откровенный и волнующий.

– А дальше – талия. Чтобы она имелась, а не заросла жирком. Но талии ещё мало. Надо, чтобы она была гармонична с пропорциями тела, с длиной ног и талии, с объемом бедер. Знак качества – это когда соотношение окружностей талии и бедер при золотом сечении корпуса дает коэффициент 0,7. Какие у Вас размеры талии и бедер, о несравненная?

– Н-не знаю... надо измерить.

– Это мы мигом. – улыбнулся Арбелин, встал, подошел к тумбочке со своими портняжными принадлежностями и достал сантиметр.

– Поднимайтесь на стройные ножки, посмотрим, какие у образцового тела талия и бедра.

Инга покорно встала.

Арбелин подошёл вплотную, чтобы охватить талию сантиметром.

Этого движения и мощно хлынувшего в ноздри мужского запаха было достаточно, чтобы Инга пришла в себя от охватившей гипнотической слабости и ринулась в атаку.

– Так будет не точно, Юлиан Юрьевич. Надо все снять. – властно произнесла она и, не ожидая возражений, расстегнула замок на поясе юбочки и ловко скинула её к ногам, а пока Арбелин, несколько опешив, хлопал глазами, скинула и трикотажную кофточку, оставшись в трусиках и без бюстгалтера, выставив красивые упругие грудки с розовыми сосочками.

Если допустил мужчина, что источающая сексуальность молодая особа начала перед ним обнажаться, пиши он пропал. Тело Инги сияло розовой белизной, обдало Арбелина жаром и чудным эротическим запахом, от которого уже не было спасения. И Арбелина понесло в омут неодолимого сексуального влечения.

– Тороплива Вы, однако, Инга. – попытался он устоять.

– Вы же участникам семинара уж точно показали бы меня в пропорциях, так ведь? А как же продемонстрируешь в юбке и кофточке?

Как ловко она его подцепила про семинар и образец! Сам напросился. Впрочем, Арбелин уже и не сопротивлялся, разве что несколько растерялся от решительной внезапности Инги и откровенной сексуальности создавшейся ситуации.

Инга трепетно пульсируя, ждала.

Надо было измерить талию.

Волнуясь, Арбелин охватил сантиметром тело Инги, но посмотреть на отмеченный пальцем размер не успел. Инга порывисто прильнула к нему и впиалась рабочими губами в его губы.

Ах, какой это был искренний и пылкий поцелуй, как обдало жаром истомлённого одиночеством Арбелина.

Не выпуская из руки сантиметра, Арбелин обнял Ингу.

Полыхая, Инга отникла и села в кресло.

Арбелин тоже сел. Сантиметр он всё так же зажал в руке.

Оба молчали, порывисто дыша и проваливаясь в ощущения.

– Так сколько же там? – первой пришла в себя Инга и кивнула на сантиметр.

Арбелин посмотрел на зажатую цифру.

– Шестьдеся два. Очень неплохо.

Инга счастливо засмеялась.

– Значит хорошо?

– Надо ещё бёдра... – Арбелин подал сантиметр Инге. – Это Вы сами, а то я, чего доброго, превращусь в варвара.

Инга совсем пришла в себя, как-никак была она обученный в спецшколе ФСБ сексагент.

Она встала и обхватила сантиметром бёдра.

– Девяносто два, Юлиан Юрьевич. А варварства никакого не надо. Я уже готова. – она ласково посмотрела на Арбелина. – Если Вы не оттолкнёте меня, вам уже соблазнённую.

– Не оттолкну. Но дайте немного придти в себя.

– Только не долго, а то я сама Вас изнасилую. – засмеялась Инга, встала, подошла к нему и поцеловала, но теперь уже коротким нежным поцелуем.

Арбелин ещё пытался взять себя в руки, соображая, как ему поступить. Впервые за долгую практику консультирование обернулось сексуальной идилией, да такой, о какой он и думать не мог.

Он медлил.

– Давайте сначала посчитаем. – отвёл он глаза от её огнедышащего тела. – 62 делим на 92 получаем...получаем... – Арбелин считал ручкой на листочке бумаги, – получается 0, 67 с хвостиком, даже меньше, чем 0,7. Идеально!

Он посмотрел на Ингу, не скрывая восхищения.

Инга засверкала глазами.

– А встань-ка и крутанись. – властно попросил Арбелин, не заметив, как перешёл на ты.

Инга не заставила себя уговаривать, озорно вытянулась на носочках, а потом лихо крутнулась, показывая прелесть своего гибкого тела. Смотреть было на что.

Арбелин причмокнул по-кавказки:

– Ай, какой женщина! Пэрсик. – ласково засмеялся он.

Истомлён был Арбелин в долгом одиночестве. Бурно, как оно и бывает частенько в отношениях мужчин и женщин и предусмотрено мудрой и циничной эволюцией, Арбелина захватило чувство оленя, то самое, какое знал в себе и ненавидел Лев Толстой, а гениальный Эйнштейн обозначил как «низ», определяющий судьбу.

Судьбу Инга не определяла, но волнение вызвала неодолимое.

Арбелин откинул все сомнения и преграды, отпустил вожжи и ринулся в волнующую круговорот, завещанную природой. Чуткая Инга тотчас подстроилась, призывно посмотрев в глаза Арбелина долгим дерзким взглядом разрастающегося вожделения.

И не надо было уже ничего говорить. Арбелин властно и нежно привлёк её к себе и приник к «рабочим» губам.

Откинув голову, она восхищённо посмотрела на Арбелина.

– Какой Вы стремительный, Юлиан Юрьевич!

Губы её в их естественном и ещё более сексуальном виде заворачивали Арбелина. Арбелин снова приник к ним поцелуем истомлённого «оленья».

Инга же упивалась волнением, какого никогда не испытывала. Задание Гаргалина превращалось в праздник, о каком она, многоопытная шлюха, прошедшая огни, воды и спецшколу ФСБ, не мечтала и во сне.

Инга не уступала в цинизме Умнику. Мужчин она делила на три класса по критерию готовности запрыгнуть на нее: сразу, спустя пять минут и спустя десять минут. Больше десяти минут не удерживался никто, для этого у нее был богатый опыт, чтобы в этом убедиться с уверенностью экспериментатора-естествоиспытателя. Главным индикатором её воздействия был, само собой понятно, фаллос, этот компас тестостерона в мужском организме. Удерживались только боязливые, им требовался как бы дополнительный стимулятор, отодвигающий в сторону комплекс неуверенности. У Инги был несметный набор стимуляторов для поднятия фаллоса в указующую на достаточный вброс тестостерона стрелку. Наитием самки она угадывала доминантное предпочтение жертвы и приводила в fasciniрующее движение именно ту часть своей сексуальной роскоши, которая жертву надёжно отключала от цензуры разума и превращала в похотливого самца. Филигранно и тонко до художественности она умела создавать из своего тела пластические этюды, образуя желанные изгибы, разжигающие воображение мужчины. Совершала все это она с такой непринужденной естественностью и грацией, что и самый набивший глаз профессиональный режиссер театра или кино не заподозрил бы преднамеренную и тонко спланированную игру.

С иронией Инга частенько ворчала сама на себя, вспоминая сведения о знаменитых сексшпионках, которые им преподнесли в спецшколе: агент императора Александра Первого княгиня Доротея Ливен ложилась по его заданию во благо России в постель к министрам иностранных дел Австрии, Франции и Англии, агент КГБ, жена скульптора Маргарита Коненкова спала с самим Эйнштейном, а ей приходится обнимать толстопуzych депутатов, рыхлых полубандитов-бизнесменов и наглых, туповатых, как еловые пеньки, высших чиновников. Обидно, чёрт подери. Арбелин на этом блёклом фоне воспринимался Ингой как Эйнштейн.

Глядя на явно одноместную лежанку Арбелина между компьютерами, Инга весело прикидывала, как же они на ней приступят к священному ритуалу.

Арбелин рассмеялся, поймав её недоумённый взгляд.

– Не здесь. – со смехом сказал он. – Тут только для интеллектуальных занятий.

Он достал из шкафа огромный надувной матрас, разместил это футбольное поле посреди кабинета на ковре и наполнил воздухом. Получилось восхитительно и необыкновенно.

– Поместимся?

Инга от души расхохоталась. Такого варианта в её богатой практике не случилось. Это добавило азарта.

– Какую музыку вы любите, о, несравненная? Можно я включу бесаме мучо?

«Ну и жук», – подумала Инга и мгновенно была очарована великой мелодией.

– Это как раз истинно твоё! – воскликнул горбун.

– Да, да, фасцинация. – подтвердила Инга, изогнув своё тело гибкой пантеры в истоме. – Целуйте меня крепче. – прошептала она в унисон мелодии, мягко прильнув к искусителю.

Инга теряла голову, это было для неё внове и ужасно приятно. «Вот дьявол-искуситель!» – нежно подумала она об Арбелине, предчувствуя необыкновенную ночь. Она уже знала, что не оставит его до утра.

Арбелин был нежен и многообразен.

Бесаме мучо не прекращалась, что приятно удивило Ингу. Это была любимая мелодия Арбелина и он записал в единый поток все варианты её исполнения, какие смог собрать за многие годы. Все исполнители пели по-разному и прекрасно – гениальная фасцинирующая мелодия и чудные точные слова, даже и произносимые на разных языках, зажигали и вытаскивали у каждого певца всё то талантливое, чем он обладал. Инга ловила варианты и они добавляли ей импульсы сексуального наслаждения. И это тоже было в её сексуально похабной жизни впервые.

Часа в два ночи Арбелин почувствовал зверский аппетит.

– Надо бы перекусить. Лежи, я сварю кофейку.

Он накинул халат и ушёл на кухню.

Инга тотчас сообразила, что момент для жучка в самый раз, быстренько поднялась, достала жучок из сумки, присмотрелась, куда бы его прилепить, и выбрала место под журнальным столиком, разделяющим два кресла. Она тихо произнесла «Готово», подавая сигнал Никшанову о подключении жучка.

Когда Арбелин вошел в кабинет с подносом и поставил его на журнальный столик, жучок уже функционировал и будь Гаргалин на работе, мог бы слышать всё, что дальше происходило между Ингой и Арбелиным. Но он давно был уже дома и крепко спал. А запись началась и ему предстояло всё услышать завтра, и убедиться, что Инга задание исполняла в точности.

Кофе взбудрило. Инга решила перейти к разведке. Преамбула была сладкой, но слишком затянулась.

– Юлиан Юрьевич, Вы же препарировали только меня. А как фасцинетику применить к моим девочкам? Все они до меня не выросли, у каждой есть недостатки.

– Я же не с потолка взял, что телесно ты типаж Мэрилин Монро. А она – идеал. Ты чуть выше, а бедра и грудь такие же. Это очень современно. Кстати, сама Мэрилин Монро себя считала толстушкой.

– Все бы такие толстушки были.

– Ты уж точно не толстушка.

Арбелин прижал Ингу к себе.

– Но учти, если начнёшь раздаваться вширь, гламур твой начнёт гаснуть.

– А какую пользу женщинам может принести фасцинетика?

Инга начала осторожно выезжать за пределы секретов сексуальной коррекции.

Арбелин опасности не почувял, продолжал по инерции:

– Кому нужна корректирующая фасцинетика? Понятно, что фото и топ-моделям. Опять же актрисам и певицам эстрады. Светским львицам уж точно. Но быть может более всех – сексагентам госбезопасности и сексразведчицам вроде танцовщицы Мата Хари. У них тело – первейшее оружие по добыванию государственных и военных секретов. Вот если бы ты была сексагентом ФСБ, а того лучше, руководила бы не студией фотомodelей, как сейчас, а спецшколой по подготовке сексагентуры, то я многому бы тебя научил.

Инга похолодела.

Но Арбелин упивался романтикой неожиданных наслаждений и логикой увлекательного разговора, только и всего. Инга не допустила ни одного промаха, чтобы он мог насторожиться и заподозрить неладное. И она решила подыграть:

– И как Вы, Юлиан Юрьевич, меня научили бы? Хотя в роли сексшпионки я себя не представляю. Да и опасно! Мату Хари ведь расстреляли.

– Точно. А научил бы вот чему. Это тебе, кстати, и с твоими фотомodelями пригодится. Открыл я существование простого и абсолютного критерия фасциации. Он прост, как солнечный зайчик. Качественно фасциации наделено для животного и человека всё то, что ему нравится. Нравится – и всё, больше ничего и не надо. Для сексшпионажа, и даже для обольщения мужчинами и женщинами друг друга в обычной жизни, надо делать то, что нравится тому, кого обольщают. Великая соблазнительница мужчин Лили Брик знала в этом толк. Она вывела первое и наиважнейшее правило для охмурения мужчины – мужчиной надо восхищаться, вознося его до небес. Это было её бронебойное оружие. Маяковский от него ошалел и в буквальном смысле голову потерял. Что нравится мужчине больше всего? Восхищение им как самцом и как умнейшим из смертных. Ведь чем глупее мужик, тем гениальнее он себя считает. Скажи ему восторженно, что он умён, как бог, и он поверит. Мало кто из женщин умеет понастоящему тонко нажимать на эти две мужские клавиши. Ехидничают, иронизируют – это сплошь и рядом. Глупышки. И вот представь, что надо выведать у министра иностранных дел Турции или Нигерии государственные секреты. А он мужчина в расцвете и как всякий доминантный самец по макушку набит сексуальным вождением, как итальянец Берлускони. Желания же у него индивидуальные, эксклюзивные. Лаврентия Берия, к примеру, приводили в сексуальный трепет молоденькие девушки с полными икрами. А турецкому министру на тебе, иностранная разведка подслала бы европейского типа красавицу 90–60–90. Жуткая ошибка! Ему же такая и при сексуальном голоде не очень. Он грезит женщиной пышной, габаритной, и в то же время гибкой и податливой. Уже в наши дни один турок подал на развод с женой, которая была ему в самый раз, но сдуру решила худеть и достигнуть европейского стандарта. И суд его мотивы для развода понял и удовлетворил. В Турции веками сексуально фасцинировали мужчин пышногрудые и широкобёдрые красавицы, а не тощие 90–60–90. Вывод: в спецшколах подготовки сексразведчиц обязаны готовить для Востока сексшпионов с роскошью габаритов и танцем живота.

Слушая с жаром произносимые банальные для неё истины, Инга не останавливала Арбелина. В сексшколе и не таким пичкали их опытные наставницы и

наставники. Чего только один вумбилдинг стоит, которому обучал их Муравьевский! Проверял он каждую на практике. Инга его изумила. «Откуда это у тебя, детка?» – спросил опытный педагог вумбилдинга. Он подумал, что кто-то её прежде него научил. Инга разуверила его, объяснив, что всегда была такая.

Она наслаждалась от мысли, что всё, произносимое сейчас Арбелиным, дойдёт через жучок до ушей Гаргалина и будет знаком точного исполнения задания. А что не всё желаемое Гаргалин получит уже сегодня, так ведь работа её не на час, терпение нужно. Возможно, учёный выдаст секреты гораздо позже, а пока пусть поговорит на тему о сексподготовке, тоже неплохо.

– И значит такая шоколадка, как я, турецкому министру не понравилась бы?

– Инга, он же турок! – хмыкнул Арбелин. – У него в голове другая сексуальная фантазия. Ясное дело от тебя было бы грех отказаться, но если бы, скажем, английская разведка заслала сексшпионку с роскошным бюстом и бедрами не 92 сантиметра, как у тебя, а под сто, то ты для него перестала бы существовать. Поняла принцип приладки под критерий фасцинации? Первое правило любого обольщения – знать, что нравится обольщаемому.

– Это же манипуляция!

– Конечно. Так ведь все мы, грешные, манипуляторы. Ежедневно и во веки веков. А лучшие манипуляторы те, кто выведывает, что нравится. Ты же вон как с порога подала мне себя в мини-юбочке. У меня в голове марш Дунаевского заиграл.

– А Вы, Юлиан Юрьевич, меня околдовали. У Вас глаза какие-то магнетические, трудно от них оторваться.

– Я и есть гипнотизёр. – ухмыльнулся Арбелин. – Владею фасцинативным гипнозом. Так что запомни: министра иностранных дел Турции надо сводить с ума только пышной сексрасоткой, тогда он забудет об осторожности и в пылу любовных страстей выболтает все секреты, похваляясь своей гениальностью и значительностью. А у меня, будь я министром, выведала бы всю подноготную такая сексшпионка, как ты.

И вот тут-то Инга прокололась. Угрозило её задать Арбелину вопрос, точь-в-точь повторяющий тот, что задал Гаргалин Арбелину при их встрече месяц назад. Откуда же она знала!

Играя свою двойную роль, она картинно приподнялась над Арбелиным, устремила на него озорной взгляд и произнесла фразы, которые ей не надо было произносить:

– Если бы я была сексшпионкой, знаете что я постаралась бы из Вас вытянуть?

Ох, уж это сослагательное наклонение, великое изобретение человеческого мышления, союзник фантазии и провокаций. Прикрываясь сослагательным наклонением можно провозгласить любую крамолу и любую фантазию. Прагматик Владимир Ленин это наклонение не любил, Арбелину же оно нравилось своими необъятными возможностями прогнозирования. Услышав «если бы я была сексшпионкой», он приятно наострился, готовясь услышать что-нибудь юмористическое по типу «если бы я был директором».

– Ну-ка, ну-ка, скажи!

– Я бы начала из Вас вытряхивать, обладаете ли Вы каким-то тайным фасцинирующим психотропным средством, способным сводить с ума народные массы. Предположим, город Бург.

Вздрогнул Арбелин от мгновенно опознанной фразы. Закрыв глаза, притворился, словно прикидывал в уме, смог бы или нет. Он тотчас понял, кто Инга на самом деле, и лихорадочно искал решение, как ему поступить.

Раскрыть и прогнать? Поговорить по душам, пристыдить? Нет, всё это не то, всё слишком банально и ни к чему хорошему не приведёт. Что толку, если она будет им разоблачена? Ну, а морализирование и тем более смешно. Выходит лучшее решение – оставить всё как есть. Он будет знать, кто она, она же пусть остаётся в уверенности, что он ни о чём не догадался.

– Ну и вопросец ты задала! Будто тебя в ФСБ научили. Мне там недавно случилось побывать. И именно такой вопрос задавал мне один полковник.

Инга сжалась. Вспомнила, что именно этому и наставлял её Гаргалин, поняла, что допустила промах, и ждала разоблачения. Но увидела, что Арбелин и бровью не повёл, будто пропустил мимо ушей. И, догадываясь о её смятении, Арбелин тотчас успокоил её насторожённость:

– Если постараться, можно свести. Причём как в безумие, ввергающее город в хаос, так и в безумие весёлое, жизнерадостное, в такую массовую эйфорию счастья и удовольствия. Какое безумие тебе больше нравится?

У Инги отлегло, и хотя ей хотелось бы узнать подробности о хаосе, она вовремя перевела стрелку на безопасные рельсы.

– Мне нравится веселье и радость.

– Это другое дело! – засмеялся Арбелин. – Этим я и занят сейчас. Хочу создать такую технологию, чтобы город радостно плясал и веселился целую неделю. Как мы с тобой сейчас.

Он привлек Ингу и опрокинул её в очередную волну наслаждения.

Обоих охватил азарт притворства.

Больше Инга опасных вопросов не задавала.

К утру изможденная и распята, она уже была влюблена в Арбелина. Он был для неё, холодной, расчётливой и циничной спецшлюхи, неожиданным потрясением. Пошлый сексотский визит её закончился ошеломительным открытием некоего настоящего, подлинного отношения мужчины и женщины в том искромсанном, изувеченном ложью и притворством мире, в который она была погружена все годы как шоколадка для чужих утех. Ни она, ни Арбелин не притворялись и не лгали – они приникли друг к другу, как будто иного у них в жизни и не было. Была пылкая трепетная чистота, когда отринуто в сторону всё на свете и есть только миг подлинно живой жизни, какой может дать только искреннее слияние тел и душ мужчины и женщины.

– Милый, милый, милый. – нежно и страстно шептала Инга слова, которых она никому никогда не говорила. Слова эти запрятаны были в ней так глубоко, что не прорывались наружу, – некому было их адресовать. Своих клиентов она озорно в шутку называла котиками и поросёночками, в зависимости от комплекции, и этого было вполне достаточно, чтобы они млели от удовольствия. Впервые она называла мужчину теми сокровенными словами, которые в ней таились

и ждали своего часа. И ей не хватало сил – она стремилась так прильнуть к Арбелину, чтобы раствориться в нём.

С ним Инга было до отказа такой, какой создала её природа. А он был ошеломлён тем редким даром, каким в наш век обладает быть может одна женщина из тысячи, тем, что ученые мужи-сексологи называют заумным словом «вумбилдинг». Арбелин тонул в наслаждении и так же, как Инга, вспыхивал желанием снова и снова. Только утро остановило их расслабленных и уставших.

– Ты – сплошной праздник. – говорил Арбелин, обнимая её.

Часов в шесть утра, на кухне за чашкой кофе Инга спросила:

– Можно мне хотя бы изредка к Вам приходиться?

Арбелин расчувствовался, отодвинул в уме в сторону её профессию. Перед ФСБ и государством он был чист как ангел, так что выведывать ей у него нечего, а о том, что он её раскрыл, она не знает, значит будет приходиться к нему как агент, но будет принадлежать ему со всей искренностью влюблённой. Совершенно непредсказуемо учёный и отшельник Юлиан Арбелин в семьдесят лет заполучил в любовницы сексагента ФСБ! Ситуация сплеталась столь замысловатой и весёлой, что Арбелин привлек её, поцеловал и сказал:

– Приходи, но не часто.

Этого она и хотела – пусть не частых, но встреч с ним, ставшим за одну ночь самым желанным и необходимым ей мужчиной на свете.

Те клиенты, которых ей предписывалось обрабатывать по заданию Гаргалина, не оставляли в её душе никаких следов, кроме безразличия и брезгливости. А два-три молодых мачо, которых она приблизила к себе, были нужны исключительно для сексуального насыщения её ненасытной плоти; особых чувств, даже отдалённо напоминавших любовь, она к ним не испытывала. Но видимо женская её природа ждала любви, и вот неожиданно-негаданно, да ещё и при исполнении служебных обязанностей, она столкнулась с мужчиной, который высек в ней искру не только сексуального вожделения, но сокровенного восхищения. Восхищение мужчиной женщине необходимо как воздух, без этого у неё любви быть не может. Инга не задумывалась, любовь ли в ней вспыхнула, но со всей ясностью осознала, что такого у неё никогда не было и это ей ужасно приятно. Она хотела быть рядом с этим старцем. Она точно знала теперь, что есть на свете желанный мужчина, и он не идёт ни в какое сравнение с теми жеребцами, которых она подбирала для сексуальных утех.

Радостная, готовая петь и плясать, выпорхнула она в семь утра из подъезда. Такой и увидела её утомлённая ожиданием Альфа.

О, как не хотелось Инге идти к Гаргалину с отчетом! Ей хотелось уткнуться в подушку, немного помечтать, а потом заснуть и спать, спать, спать. Но дисциплина!

Немного отдохнув, она позвонила Гаргалину:

– Станислав Анатольевич, задание выполнено. Но я сейчас не могу приехать. Страшно утомилась... с этим вашим креатином.

Гаргалин не осерчал, что ж, Инга ведь и существует в их ведомстве для такого утомления, для неё это не впервой.

– Жучок поставила?

– В лучшем виде.

– Куда именно?

– В его кабинете под журнальный столик.

– Отдыхай, а я послушаю, как ты выполняла задание.

Вызвал Никшанова:

– Принеси-ка, Виталий, что там Инга ночью с нашим креатином наколбасила.

Никшанов принёс запись. Арбелин принял за изучать.

Инга прибыла к Гаргалину уже к концу рабочего дня.

– Ну что ещё, выкладывай. – ворчливо встретил ее Гаргалин. – Наслушался я ваших мычаний. Нарисуй план, куда жучок поставила, а я Никшанова позову.

Посмотрев на план, Никшанов одобрил:

– В самое то место, лучше и не надо.

Гаргалин подобрел.

Ему нужна была информация. Отослав Никшанова, приступил к расспросам:

– Рассказывай.

– Вы же всё прослушали. Он думает о создании технологии, которая приводит людей в состояние дружелюбия и веселья.

– Это я услышал. Но как он это собирается делать?

– Станислав Анатольевич, ну не сразу же всё! Я и так промашку допустила, вопрос ему задала точь-в-точь такой, какой Вы ему задавали. Но пронесло, он не зацепился. Увлёкся.

– Ещё бы! Старикан и такая бестия как ты! Знал я кого ему подбросить. – самодовольно усмехаясь, бахвалился Гаргалин.

– Не такой уж он и старикашка. – скромненько вставила Инга.

– Ладно, ладно, слышал, что у вас там за любовь разгорелась до утра. И хорошо. Будешь к нему ходить как исправная влюблённая, расколется. Приклейся к нему, притворись влюблённой.

– Он многое знает и он надеется на открытие центра.

– А на кукиш с маслом он не надеется?

– В кукише он уверен.

Инга развеселилась. В самом деле, насколько же ученый-отшельник чище и выше этих вот полковников, определяющих быть или не быть центру, тогда как и ежу ясно, что центр нужен.

– Понимает, что безнадежно?

– Мне показалось, что понимает.

– Хорошо. Завтра ко мне, а я ещё раз послушаю, поразмышляю...

Инга вытянулась в струнку

– Слушаюсь и повинуюсь, мой господин!

Гаргалин обмяк. Вот такую, озорную и послушную, Гаргалин Ингу очень любил.

Разве ж мог он знать до конца эту хитрую свою бестию. Но Инга-то Гаргалина знала лучше, чем он её, она знала, что он перепроверит её, возможно даже заподозрит

в неверности, такой уж он жук и умник. Хорошо уже то, что ей позволено продолжать с Арбелиным встречи. Этого она и хотела, всё остальное её мало беспокоило.

Гаргалин внимательно вслушивался в слова Арбелина и даже соглашался со многим, но когда начались амурные ахи и охи, восторженные гимны похотливого старца и влюбленное щебетание Инги, злился. И это озлобление самца мгновенно перечеркивало возникшую было симпатию к арбелинскому прожектору. Примеры же сексуального жанра и вовсе казались ему какой-то эротической откровенностью бульварного толка. Учить он вздумал ФСБ, каких кому девиц подсылать! Ладно, пускай продолжает свой эксперимент, подождём, чем он кончится.

Часть шестнадцатая

АЛЬФА ПИШЕТ БИОГРАФИЮ АРБЕЛИНА И ОСВАИВАЕТ ФАСЦИНАЦИЮ ЖЕНСКОГО ТЕЛА

Уже днём, отдохнув, часа в три, Арбелин вдруг заподозрил, что раз Инга из ФСБ, то запросто могла поставить жучок, и принялся его искать. Обнаружить жучок не составило труда: Арбелин заглянул под столешницу журнального столика и нащупал его. Понял: всё, что ночью происходило у него с Ингой, станет фактом для Гаргалина. Сплеталась замысловатая комедия. Что ж, поиграем в кошки-мышки, прикинул в уме Арбелин, и обрывать жучок не стал, пусть какое-то время полковник радуется.

Альфа позвонила и появилась у Арбелина к вечеру.

Не успела она переступить порог, как Арбелин прижал палец к губам, про-сигналив, чтобы она молчала, и показал листок, на котором начертил: «ЖУЧОК».

Альфа поняла. Не говоря ни слова, прошла в кабинет и молча села в кресло.

Арбелин начал разыгрывать спектакль для Гаргалина.

– У меня сегодня чудесное настроение. Душа поёт. Давай-ка послушаем немножко Окуджаву. Знаешь Окуджаву?

Он заговорщески подмигнул Альфе.

Ещё не понимая Арбелина, но чувствуя игру, Альфа собралась подыгрывать. Впрочем, об Окуджаве игры никакой не могло быть.

– Я Окуджаву люблю, все его песни знаю.

– Давай немного послушаем, а потом поговорим.

Арбелин включил телевизор и поставил диск.

На экране возник Окуджава, поющий под аккорды гитары. Запись была отличная.

Арбелин подхватил:

*Ещё моя походка мне не была смешна,
ещё подошвы не поотрывались,
за каждым поворотом, где музыка слышна,
какие мне удачи открывались!*

Альфа тотчас присоединилась:

*Любовь такая штука: в ней так легко пропасть,
зарыться, закружиться, растеряться...
Нам всем знакома эта пленительная страсть,
поэтому не стоит повторяться*

Низкий грудной тембр голоса Альфы поразил Арбелина.

– Да ты настоящая певица! – воскликнул он в восторге.

– Я немножко вокалом занималась. Потом в фестивалях авторской песни участвовала. И Окуджаву пела.

– А я, представь себе, об Окуджаве узнал почти случайно, в аспирантские годы свои. Я же деревенский, лапоть. Вся страна Окуджаву тогда пела, а я о нём ничего не знал. Пришёл как-то к своему научному руководителю, а у него небольшой сабантуйчик, друзья собрались и на магнитофоне Окуджаву слушают. Мне понравилось, я и спрашиваю, кто это поёт. Компания захохотала. Вот так я к Окуджаве приобщился. Полюбил его, а позже даже на гитаре бренькать научился и пел его песни. И знаешь, что удивительно, судьба меня с Окуджавой свела, вот так, как ты сейчас сидишь, так он от меня на таком расстоянии сидел.

– Как здорово! Расскажите.

– Это случилось для меня совершенно неожиданно. Профессор Коган позволил и говорит «Юлиан, Окуджава приехал. Вечером встреча с интеллигенцией Бурга. Приглашаю». Он знал, что я Окуджаву люблю и пение моё слышал. Вот я и очутился на этой встрече и очень удачно сидел, буквально через три человека от него. У меня и запись этой встречи есть на видеокассете, как-нибудь покажу тебе. Это было за год до его смерти.

– Ой, сейчас покажите, Юлиан Юрьевич.

– Не сегодня, потерпи.

Кабинет заполняло пение Окуджавы.

Арбелин опустил на четвереньки, показывая под столик, и подал Альфе знак, чтобы она наклонилась.

Альфа тоже встала на четвереньки и, заглянув под столик, увидела жучок.

Арбелин поднялся и показал в направлении кухни.

Войдя в кухню, Арбелин плотно закрыл дверь, включил воду из крана.

– Видела? – почти шёпотом сказал он. – Теперь мы уж точно под колпаком, никаких сомнений. Вчера подарок Гаргалин прислал. Сексагент была у меня, премилая особа. На ночь осталась и умудрилась прилепить жучок.

Он подбоченился:

– Но я раскусил злодейку!

Альфа вздрогнула от неожиданной информации и чуть не вскричала:

– Так она сексагент?!

Арбелин не сразу понял удивление Альфы:

– А ты откуда знаешь?

Альфа залилась краской, дошло, что выдала себя. Выкручиваться было не в её характере.

– Я её видела, Юлиан Юрьевич.

– Где ты могла её видеть? – удивлённо посмотрел на неё Арбелин. – Она же была у меня, здесь.

– Я совершенно случайно подъехала к подъезду вместе с ней и увидела, как она набрала на домофоне Ваш номер.

– И что?

– Я решила подождать, когда она выйдет, не мешать. Подумала, что она пришла на консультацию.

Арбелин начал догадываться о дальнейшем:

– И что дальше?

– А то, Юлиан Юрьевич, что девица так и не вышла.

– И сколько же ты ждала?

– До семи утра. Пока она не выпорхнула. Извините меня, Юлиан Юрьевич, сама не пойму, что на меня нашло.

Арбелин молча уставился на Альфу.

Она сидела, сжавшись, и краснела от стыда.

– Вот оно что. – вяло пробормотал Арбелин, понимая, что свершившееся событие не из весёлых. По виду Альфы нетрудно было догадаться, что у неё совсем неважное настроение.

– Вот что, Альфа, – решительно заговорил Арбелин, прерывая молчание, – что было, то было. Рано или поздно ты с подобной ситуацией столкнулась бы. Давай начистоту, как положено друзьям, поговорим. Мы же соратники, Альфа. У нас великое общее дело – фасцинетика. И коль соратники и единомышленники, значит друзья. И тайн в дружбе не должно быть. К тому же ты стала историком фасцинетики и моим биографом. Ведь тебе сейчас, как-то придётся вписать сексагента в историю и биографию. Факт-то налицо и он не где-нибудь в сторонке, а в самой что ни на есть сердцевине наших замыслов. Гаргалин заслал её под видом консультации с целью выведать у меня сокровенные тайны, нет ли у меня какого-нибудь жуткого по действию психотропного средства. Не верит он мне, хоть и разрешил эксперимент. Разве это можно обойти в истории и биографии?

Альфа уже оправилась и подключилась:

– Да, Юлиан Юрьевич, это надо вписать. Рассказывайте дальше.

– А дальше произошло для Гаргалина непредвиденное. Я сексагента разоблачил! Но не подал и виду. Она так и осталась в уверенности, что прекрасно справилась с заданием.

– Как в кино! – Альфе стало весело. – Вы раскололи агента. И я догадываюсь, каким способом.

– Ну, и каким? – прищурился, сконфузившись, Арбелин.

– Вы её очаровали и она не выдержала Вашего гипнотического взгляда и магического голоса. Вы же колдун!

Отлегло у Арбелина. Какая славная девчонка, всё обернула в юмор. А юмор-то и в самом деле налицо!

Арбелин рассмеялся.

– Остаётся догадываться, как Вы её очаровывали до семи утра, что она вылетела из подъезда счастливой пчёлкой. – Альфа смотрела на него уже и с иронией.

– Не казни, а помилуй, Альфуша. – Арбелин как школьник потупил голову. – Не выдержало естество. Очень уж хороша оказалась бестия. Да к тому же и неглупа.

– Зачтётся Вам. Так и напишу: Юлиан Юрьевич раскрыл провокационный замысел с профессиональным блеском, лучше, чем агент 007.

– Смех смехом Альфа, а хорошо, что пронесло. Будем начеку. А сексагент, её Инга звать, будет время от времени нам сообщать о новинках Гаргалина. Вызвалась ко мне наведываться. И, значит, будет мне преподносить как на блюдецке их замыслы. Она же не догадывается, что я её раскусил.

– Приезжать будет к Вам?

Альфа как-то вновь сникла.

– Придётся потерпеть, Альфа! Она оказалась умнее и понятливее тех петухов и куриц, что кудахтали на круглом столе. Удивительно, но слушая меня, она прониклась фасцинетикой!

– Тактильной фасцинацией она прониклась. – вставила мастерица мгновенных реакций, картинно потупив глазки. И добавила, – Представляю.

Арбелин столь же искромётноотреагировал, улыбнувшись:

– Тактильной особенно, ты права. А иначе не было бы школ подготовки сексагентов во всех разведках мира. Тактильную фасцинацию эволюция создала в первую очередь. Осознание и запах, а потом уже все остальные фасцинации. Поэтому-то тактильная фасцинация самое коварное и грозное оружие соблазна. И сексшпионки – символы неодолимой притягательности тактильной фасцинации.

– Смотрите, не влюбитесь в неё. Она ведь ещё и как статуетка Родена. – поддела Альфа Арбелина ещё раз.

Арбелин добродушно улыбнулся:

– Знаешь, с чего начала консультирование эта статуетка? С гламура! Надо же было догадаться идти ко мне на консультацию с подобным вопросом! Прямо в точку! Не подкопаешься. Меня и повело. А раскрылась много позже и на уровне фрейдовской проговорки, когда от гламура перешли на практическое приложение фасцинетики. Проговоркой у неё был вопрос «А нельзя ли свести с ума целый город?». Как только это прозвучало, я тогда только понял, кто она. Это же вопросец, который задал мне Гаргалин, когда мы с ним беседовали, помнишь? Из неё и выскочила эта проговорка. И я её как птичку сцапал.

– Вы её очень нежно сцапали. – Альфа снова развеселилась.

– Ай, как красиво ты шутишь.

Арбелин пылливо и восхищённо смотрел на Альфу.

Альфа задорно усмехнулась:

– Гламура никакого я в ней не увидела. Разве мини-юбочка гламур, Юлиан Юрьевич?

– А тело? Разве возможен гламур без соответствующего тела? Вера Холодная, Мэрилин Монро, Марлен Дитрих, Кэтрин Зета-Джонс, Татьяна Шмыга – у всех превосходные тела. И без таких тел не было бы у них ни шарма, ни гламура. А тело у нашей шпионки, Альфа, в высшей степени гламурное. По всем показателям индекса женской телесной фасцинации. Она напросилась её проиндексировать, пришлось даже сантиметр в руки взять.

Альфа растерянно смотрела на Арбелина.

– Такого индекса я совершенно не знаю, Юлиан Юрьевич.

– Научу. Надо будет знать обязательно. Пойдём покажу.

Арбелин повёл Альфу в ту комнату, где у него была библиотека и изобретение. Отдёрнув шторы, подал ей висащие, как платья в гардеробе, пластиковые силуэты тел.

– Вот смотри, это силуэты выдающихся тел актрис, певец, фотомоделей, потрясавших в недалеком прошлом или потрясающих и сейчас человечество. Мэрилин Монро, Дженифер Лопес, Сальма Хайек, Лоллобриджита, Софи Лорен, Брижит Бардо, Роми Шнайдер, Николь Кидман, Натали Орейро и так далее. Тут у меня собрана сотня силуэтов и я постоянно пополняю коллекцию. Способ индексирования в общем-то не сложен. Вот на этот большой прозрачный экран, – он показал на конструкцию, напоминающую рентгеновский станок для флюорографии, – я прикрепляю силуэт, он отличается от экрана только розоватым оттенком. Модель, предположим ты, заходит за экран и становится вплотную к силуэту. Я фломастером обвожу твой силуэт на экране и можно воочию увидеть совпадения и несовпадения с исходником. И можно исходник менять, стараясь найти максимальное совпадение. И фиксировать отклонения. Это даёт возможность сравнения и поиска оптимальности и коррекции: где убрать, где добавить. Представь себе, что приводит ко мне мамаша свою субтильную дочку, мечтающую о подиуме. Яставляю её к силуэтам Натали Орейры или Николь Кидман, в зависимости от роста дочери. И мама с дочерью видят жуткое несоответствие. Я такой эксперимент проделываю редко, он немножко жестокий, от него возможна и депрессия, поэтому только когда отмечаю, что встречу понимание. А если сразу вижу, что дочь надо спасать, тогда выбираю другой путь.

– Какой, Юлиан Юрьевич? У неё же застревание.

– Правильно. Значит надо пойти по пути медленного, неопасного разочарования. Я делаю тогда простые замеры, показываю формулу гармонии, говорю, как её трудно достигнуть, что понадобится упорный и долгий тренинг тела и пластики, это займёт не меньше года и будет стоить дорого. Как правило, это маму с дочкой чрезвычайно охлаждает. А есть и такие, что никакими сравнениями и цифрами не проймёшь. Очень редко бывает, что девушка хороша и надо ей помочь. Несколько таких случаев в моей практике было. С замечательным результатом.

– Юлиан Юрьевич, а как Вы силуэты получаете? Они же должны точь-в-точь соответствовать выбранным Вами актрисам и топ-моделям.

– Дело простое, хотя и трудоёмкое. Ты ведь компьютерным дизайном владеешь, так что сразу смекнёшь. Пойдём покажу.

Арбелин вернулся в кабинет, включил творческий свой компьютер, открыл папки архива тел, нашёл Брижит Бардо.

– Смотри. Вот Брижит Бардо. Хороших фотографий той поры, когда она блистала в культовых фильмах, совсем немного, зато есть одна очень мне нужная – она стоит в рост фронтально. Вот она.

Арбелин открыл файл в фотошопе.

– Видишь, как славно она стоит для вырезки силуэта? Что я делаю дальше? Вырезаю её фигуру, перевожу на чистый прозрачный фон и сохраняю как файл. Дальше ставлю высоту её реального роста – 168 см. Фотошоп автоматом подгоняет пропорции и получается большой файл силуэта. Вычищаю, оставляя только абрис. Иду к знакомым в дизайнерскую рекламную фирму. Я их консультирую по смысловому дизайну. Такие ляпы порой допускают, что хоть в журнал «Крокодил» посылай, был такой сатирический журнал. Однажды даже от позора их спас.

– Расскажите.

– Конструировали они огромные щиты к Дню защитника Отечества, к 23 февраля. Показали мне, я давай хохотать. Они недоумевают. Я их спрашиваю: «Где вы такие танки взяли?» Показывают файлы. Я им и втолковываю: «Это же танки германского вермахта!» Представляешь, что могло получиться? Ветераны Великой Отечественной им устроили бы публичную порку. Так что мы взаимно полезно дружим. Я их от антифасциации уберігаю. А они мне силуэты бесплатно переводят на плёнку. Вот с Брижит Бардо всё просто, а с Дженнифер Лопез пришлось повозиться. Она в рост да ещё фронтально не то что в обнажённом виде, но даже в бикини не фотографируется. Фотографий её у меня две сотни, а такой, как Брижит Бардо, ни одной. Пришлось подбирать что-то близкое, где на ней одето что-нибудь в обтяжку, это она себе позволяет. Дальше кропотливая работа раздевания, очищения от деталей одежды, накладка других её изображений для коррекции силуэта ног, бёдер, талии. И вот результат, полюбуйся.

Арбелин вывел на экран фотографию актрисы в трико и созданный им силуэт.

– Сравни.

– Как здорово! – пришла в восторг Альфа.

– Для работы над индексом годится. Фигура у неё редкостная.

Альфа пылала от нетерпения.

– А я хочу за экран! Поставьте меня, Юлиан Юрьевич, хочу посмотреть, какая я.

– Не сегодня, Альфа. Я жутко устал... Повремени, прошу тебя.

Не хотелось Арбелину ассоциаций, ещё сутки не прошли, как он обнимал обольстительную шпионку, и смешивать в своём сегодняшнем сознании её образ с образом непорочной Альфы он никак не мог.

Альфа догадалась, о чём подумал Арбелин.

– А чей силуэт мне подойдёт, как Вы думаете? – спросила она.

– Рост у тебя какой?

– Сто шестьдесят шесть.

– Отлично. – Арбелин достал сантиметр, которым вчера измерял Ингу. – Вот тебе сантиметр, измерь талию, грудь и бёдра. Научу, как производить вычисление.

Альфа прилежно измерила: грудь – 90 сантиметров, талия – 57, бедра – 91.

– Замечательно! Отнимаем всюду по одному сантиметру, ты ведь одета. Получаем 89–56–90. Брижит Бардо! Символ Франции! Талия, правда, у неё ещё тоньше была в молодые годы, 50 сантиметров, и ростом она на два сантиметра повыше.

– Это хорошо?

– Альфа, это изумительно! Смотри, как вычисляется индекс телесной привлекательности. Талию делим на бедра, 56 на 90. Так, так... получается 0, 62. Блеск. Идеальным считается 0,7. А 0,62 – фантастика. Ты не просто статуэтка, ты суперстатуэтка.

– Вот это да! – зарделась Альфа.

– Но это не всё. Для гламурного тела требуется ещё золотое сечение в пропорциях тела и стройные ноги. Представь девушку с талией как у тебя, а ноги короткие и толстые или как у цыплёнка. Жуть! А ещё нужны гибкость и упругость. Пушкину нравилось, что его Натали делала каучук. Знаешь, что такое каучук?

– Первый раз слышу.

– Это такая гибкость, какой славятся акробатки. Мостик умеешь делать?

– Запросто.

– А шпагат?

– Тоже.

– Значит ты каучуковая. Теперь поняла?

– Вроде.

– Пропорции плюс каучуковая пластика. Это и есть то, что называют породой. Породистое тело, то есть образцовое для продолжения рода.

– Сексшпионка такая?

– То-то и оно! Но ты ещё лучше.

– Только хромая...

– Это ты преодолеешь. Запомни: тело, тело и ещё раз тело! Вот где зарыта вся коммуникация и общение. Для всех живых существ на планете. Главный сигнал демонстраирования, презентации себя родного, рекламирования, воздействия, охмурения, соблазнения. Закон актуального фасцинирующего демонстраирования тела и внешнего облика, великий закон биосоциального притяжения. Я вам с Денисом его раскрою во всей красе. Клиническая фасцинетика – твой стержень, но надо освоить всю фасцинацию во всех её проявлениях, а они необозримы. И в первую очередь телесную фасцинацию. С неё всё начинается и на ней базируется, начиная с щекотания пяток и вылизывания кожи, а потом всё выше и выше, до артистизма, а у человека и до творческой захваченности. Всему живому, начиная от вирусов, дано тело, дискретная структура, одетая в оболочку, в «кожух», в корпус. В корпусе и заключена изначальная для всего живого на планете коммуникация и общение. Как покажешь свой кожух, то и будет происходить с тобой как живым существом. Сумеешь оптимально красиво и фасцинирующе показать, отлично и жить будешь. Сможешь покрасоваться, как это делает павлин, раскрывая свой роскошный хвост, получишь в награду самку, не сможешь – прощай. От хвоста зависит ни много ни мало передача своих генов в следующее поколение. Оптимизация эволюции, чёрт подери, зависит от хвоста! Сможешь так изменить кожух, что сольёшься с окружением и хищник, готовый тебя сожрать, пролетит, проплывёт или пробежит мимо, спасёшь свою драго-

ценную жизнь. Не сумеешь мимикрировать – превратишься во вкусный обед. Помнишь, я рассказывал вам с Денисом о способе, каким вирус усыпляет бдительность бактерии и проникает в неё, чтобы превратить в инструмент размножения? Он прилаживает свой кожих, белковую оболочку к потребности бактерии в жратве. На, говорит, жри меня, я твоя любимая пища. Жутчайшее коварство! И оно заложено в кожихе. Поэтому древние греки были сто раз точны, когда сочинили и пели гимн: здоровье – первое благо для всех смертных, второе – быть красивого сложения. Красивое сложенье – это победоносная фасцинация в завоевании лучшего партнёра для продолжения рода и успеха в жизни. Это особенно хорошо знали всегда женщины. Разве не так?

– Да, мы с двух лет начинаем наряжаться и кокетничать.

– Вот именно. Ведь прикид, наряды – это всего лишь продолжение кожиха. Но основное всё же не в прикиде, а в теле. Красавицу хоть в дерюгу одень, она будет звездой. Вот я вчера и сексшпионке на её вопрос о гламуре, прочитал мини-лекцию о гламурном теле, какое было у всех звёздных красавиц в мире. Все великие писатели и художники выводили тело на авансцену в своём творчестве, Толстой, Тургенев, Набоков, Леонардо да Винчи, Поль Валери и многие, многие другие во всём мире. Без тела нет ни живописи, ни литературы. Скучно без тела.

– Можно я завтра приду под экран?

– Приходи. И подключайся. Будем вместе искать сопряжения всех параметров в единой формуле. Сложнейшая задача для фасцинетики. Поверить алгеброй гармонии. Но и страшно полезная для телесной коррекции всех профессий, в которых стержнем является публичное демонстрирование тела, от стриптизёрш до актёров.

– Коррекция телесного кожиха. – добавила Альфа со смехом.

Арбелин смотрел на повеселевшую Альфу, любуясь её светлым чувственным лицом и лучистыми серозелёными глазами.

Надо, пожалуй, просветить её и насчёт моей особы, решил Арбелин, пусть знает и разумеет, раз биографом стала.

Встал и пошёл на кухню. На кухне снова включил кран.

– Альфа, а теперь послушай, что я тебе расскажу о человеке по имени Арбелин Юлиан Юрьевич. – начал он. – Пригодится для истории и биографии.

Альфа встрепенулась, тон, каким Арбелин заговорил, свидетельствовал о серьёзности того, что она услышит.

– Мне 19 декабря стукнет семьдесят лет. В эти годы многие уже уходят в мир иной. Как эти семьдесят появились, не пойму до сих пор. Вижу цифру и не верю. Но семьдесят, Альфа, и от них никуда не скроешься. Петля жизни стягивается. И я одинок аки перст. Было у меня пять жён. Все ушли.

– Как ушли, куда ушли? – удивлённо смотрела Альфа, не осознав сразу ошеломительной для неё цифры.

– Точнее сказать, все они меня бросили. Это долгий разговор, не буду вдаваться в подробности, всё, слава небесам, вот здесь, – он ткнул в себя в грудь, –

перегорело и улеглось. Точь-в-точь по Льву Толстому. Помните начало Анны Карениной? Каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Так и со мной случилось, да не один, а пять раз. Удивительно. Взаимность и её отсутствие – вот роковая связка человеческого общения, любви, дружбы и даже смысла жизни. Жизнь каждого из нас – это непрекращающийся сокровенный поиск взаимности. Везёт далеко не всем. Мне не повезло. У поэтессы Григорьевой есть строки: «он так меня любил, но был до отвращения не мил». Вот и я оказывался пять раз не мил. Возможно до отвращения. А Марина Цветаева оставила такие строки: «змеиным укусом кончается женская страсть». Я весь в змеиных укусах, не пойму, как жив остался и инфаркта не схватил. Теперь со мной только fascinettika, эта меня не бросит. Да она и не жена мне, а дочь. Живу я, как ты видишь, в одиночестве и отшельничестве. Теперь у меня появилась радость – ты и Денис. Я вас обоих полюбил.

– Мы Вас, Юлиан Юрьевич, тоже полюбил. И мы Вами восхищаемся. А про себя знаю абсолютно, что я с Вами навсегда.

– Это радует. И хочется, чтобы наш союз продолжался до самой моей смерти, сколько бы ни осталось мне жить. Но есть ведь и потребности, вот в чём беда. Я, несмотря на мои семьдесят лет, физически ощущаю себя вполне ещё в полёте, а не на излёте. И потому время от времени разыгрывают инстинкты. Ты понимаешь теперь, как они разыгрывают... – он помолчал. – Была у меня приходящая подруга, по сравнению со мной совсем молода, сорока лет. Преподаёт социальную психологию в университете. И всё бы ничего, меня связь с ней устраивала вполне, да она не выдержала, давай убеждать, что влюблена и хочет стать моей женой. А мне этого близко не надо. Сыт по горло. Не хватало ещё один змеиный укус заполучить. Может даже фатальный. Закончилось тем, что она взяла да и вышла замуж за какого-то влюблённого в неё бизнесмена. И прекрасно! Я всё это тебе выкладываю как другу, чтобы ты знала и не нервничала, если кого-то у меня ненароком встретишь. А пока я побуду один, не хочется мне этой бабьей нервотрёпки, сыт по горло. Вот так-то, Альфа. Не весело, но не смертельно. – он мягко посмотрел Альфе в глаза. – Поняла?

Альфа кивнула. Её глаза увлажнились:

– У Вас же теперь сексшпионка. Ей лет двадцать семь-восемь. И чертовски хороша.

– Не будем о ней, Альфа. Это случайное.... Всё это не для биографии, а для тебя я рассказал. Но у тебя, раз ты задумала стать моим биографом, непременно возникнет множество вопросов. Биографий ведь без деталей не бывает. Мы же с тобой уже договорились, что всё будешь обсуждать со мной. Абсолютно всё. Хорошо?

Альфа опять молча кивнула.

– Пять жён – это факт и его в биографии не скроешь. Для обывателя это конфетка. После Фрейда биографы и читатели первым делом в сексуальные щели лезут – нет ли у героя каких-то извращений. Я придумал, как мы можем решить эту задачку. Не описывать же мои с ними отношения! Тут и десять биографий не выдержат, столько было наворочено. Но много было забавного, весёлого. Ведь они все выходили замуж за меня по любви и были молоденькими, девятнадцатидвадцатилетними девственницами, романтичными, живыми, яркими...

– Статуэтками... – не удержалась добавить Альфа.

– То-то и оно! А иначе я и не влюбился бы. Пять-шесть лет и крах. Как рок какой-то. Пять-шесть – и уход. Следующая, спустя три-четыре года, опять девятнадцатилетняя статуэтка, и снова любовь – до угроз повеситься или под трамвай броситься, если я её разлюблю. И вот в те годы, когда любовь пела бесаме мучо, было много весёлого и забавного. В биографии это может быть сквозной нитью на фоне науки и быта. Понимаешь?

– Живой поющей струной.

– Вот! Прекрасно поняла. Я тебе эти забавности буду рассказывать, у меня даже много сохранилось всякой ерунды, вроде вещественных доказательств. Даже их записочки храню, в них много забавного. Одна из жён пришла ко мне на первое наше свидание в кирзовых полусапожках с дырками. А была осень, ноги промокли, представляешь? Я эти полусапожки храню, потом покажу тебе. Хочешь, сразу что-нибудь расскажу, чтобы ты увидела, как это может выглядеть в биографии?

– Да, да, расскажите, Юлиан Юрьевич.

– Н-ну-у... вот хотя бы о второй жене. Библиотека у меня, сама видишь, какая. Тысячи книг. Тогда было поменьше. Она почти ежедневно читала. Увлечённо, с захваченностью! Но только одну книгу – «Трёх мушкетёров». Все шесть лет нашего супружества. Только «Трёх мушкетёров» и ничего больше. И кажется до конца так и не дочитала. Читала-то перед сном.

– Прямо анекдот! – рассмеялась Альфа.

– Вот и запиши. Будет читателю забава. И это же не выдумка, а факт. Только «Трёх мушкетёров» целых шесть лет. Я эту книгу тоже сохранил как память, на ней караули дочурки. Всю мировую литературу она разделила на две неравные части: «Три мушкетёра» и всё остальное. С книжными вкусами жён мне особенно везло. Четвёртая жена презирала Пушкина, хотя его не читала. За то его люто ненавидела, что он очень женщин любил, а для неё это было высшим из грехов. Что не помешало ей стать отменной блудницей после развода. Она, по моей настоятельной просьбе почитать Булгакова, взяла-таки в руки «Мастера и Маргариту». Дочитала до 35 страницы. Закладка осталась. И конец. С ней я жил пять лет.

– Потрясающе! Тысячи книг, роскошная библиотека и такая глухота!

– Разрешаю использовать.

– Ну, а Ваши-то произведения читали?

– Ноль! Но это извинительно, я же писал научные тексты. Скучнейшее чтиво.

– Но они же такие интересные, Юлиан Юрьевич! Я Ваш сайт всю ночь не отрываясь читала.

– Не сравнивай. Ты – альфа, а они, как я теперь со всей отчётливостью понимаю, были просто прелестные пустышки-омеги.

– Как же Вы могли их любить?

– Романтик я, Альфа. Мечтатель и фетишист.

– Фетишист?

– Это я тоже поздно понял, уже когда фасцинетику изобрёл и эссе написал об Афродите Каллипиге.

Альфа задорно посмотрела на Арбелина

– Фетишист прекрасных ягодиц?

– Каюсь, Альфа. Как магнитом притягивают. Неподвластно разуму. Людмила Гурченко очень остроумно как-то сказала: «В какие-то моменты у женщин полностью отключается голова и диктовать поступки начинает другая часть тела». У мужчин то же самое и даже сильнее. Эйнштейн своей падчерице в письме написал, что в человеке верхняя часть думает и планирует, а судьбу определяет низ. Вот меня низ и завораживал так, что я ничего не видел в них, кроме одурманивающих каллипиговых сигналов. Захваченность, сужение сознания. Обманываться был рад. Я вот у той, что Пушкина ненавидела, не обращал внимания даже на её приличный мужской кадык. Уже после развода удивился.

– Кадык у женщины – это же что-то неладное с гормонами...

– Возможно излишние андрогены. У неё и вокруг сосков на груди волосы росли. Весьма оригинально... Как-то помню, её отец начал рассказывать о каких-то отклонениях у неё в детстве, но жена его резко оборвала: «Нечего Юлиану мозги засорять!» Так и не узнал, что с ней было. А может как раз и были какие-то эндокринные неполадки и кадык вырос.

– Вообще-то при заключении брака мужчина и женщина должны друг друга информировать о состоянии здоровья.

– Ну, а я как-то это всегда пропускал... Но всё же не все они такие. Третья была даже поэсска. Та самая, что в дырявых полусапожках пришла ко мне. Фильм «Собачье сердце» помнила наизусть, поразительно! Я о ней потом расскажу презабавные истории. Кстати только после развода задумался об отклонениях в её психике. Стихи у неё были какие-то кроваво демонические. У неё мать больна шизофренией, а у отца маниакально-депрессивный психоз.

– Ужас! Это же вполне вероятная опасная наследственность!

– Характерец у неё был ещё тот! Но обещала быть истинной мусульманкой.

– Мусульманкой?!

– Это после очередной её атаки, когда я был доведён до белого каления. Умела она это проделывать со мной. К утру опомнилась. А я ей как-то рассказал в шутку совет, который лет десять до женитьбы на ней дал мне один знакомый киргиз. У нас, сказал он, у мусульман, ценится жена здоровая и весёлая. Вот она мне и написала утром: обещаю быть истинной мусульманкой. Хватило её, однако, ненадолго. И ускользнула. Хорошо ещё, что ребёнка не родила.

– Не знаете, что с ней?

– Года через два – звонок в дверь. Открываю – она. Спрашиваю, что случилось? Отвечает: «Поговорить не с кем»... До слёз смеялась над моими шутками. – Арбелин грустно улыбнулся: – Много чего можно вспомнить. Все мои жёны при абсолютных телесных достоинствах имели один существенный психический недостаток – они в меня влюблялись. Но впрочем изживали этот недостаток, нанося мне мстительные змеиные укусы. И при этом ускользали от меня в роскошных норковых шубках. Очень яркий змеиный прикид.

– У них был общий мерзкий недостаток – они не понимали, кто Вы. – сверкнула глазами Альфа и категорично объявила. – Так и напишу.

– Нет, нет! Мы же договорились – только смешное. Без нравственных и интеллектуальных оценок. Вроде бытовых анекдотов.

– Повинуюсь. Хотя жалко.

– Знаешь, если честно, я даже доволен, что остался на старости лет одинок. – Арбелин почесал переносицу, смущённо улыбнулся. – Ребяток только жалко, а то, что все жёны меня бросили, лучше не придумаешь. Никогда в жизни так не трудился, как сейчас, с радостью и остервенением. Круглые сутки. И никто над душой не стоит, истерик не закатывает, всякой ерунды не навязывает. Полная свобода. Теперь только понимаю, почему Пушкин советовал Гоголю: «Живи один». А Дарвин в автобиографии с горечью написал, что учёному не надо бы заводить семью. Ньютон, видимо, это понял ещё в молодости и не женился. И вот ещё что вспомнил! Все они, как одна, при расставании произносили одни и те же слова: «Тебе надо жить одному». Удивительно. Одни и те же фразы. А когда влюблялись, то пожив какое-то время со мной говорили «Ты не от мира сего». Все как одна!

– Просто Вам ужасно не повезло. – хмуро проворчала Альфа.

Арбелин вдруг повеселел:

– Я вот ещё почему доволен своим одиночеством. Представь, все мои жёны-статуетки превратились в таких габаритных дам шестидесятого размера. Лучше не видеть!

– Шестидесятого?! – изумилась Альфа. – Это же как... как... – она искала и не находила сравнения.

– Если сложить таких, как ты, четверых. – засмеялся Арбелин. – Антифасцинация. С ума бы сошёл. Уж лучше жить одному.

– Какой ужас... шестидесятый размер... – повторяла Альфа.

– Ладно, Альфуша, как говорят христиане, бог им судья, если он есть. Сделай вот что, позвони папе, пусть сейчас заглянет минут на десять. Надо посоветоваться, что делать с жучком. Не прятаться же постоянно.

Арбелин задумался.

– Да, и вот ещё что посоветую тебе – заведи дневник и ежедневно его заполняй. Сейчас покажу, какой дневник у меня.

Он включил компьютер и открыл дневник, который вёл уже двадцать лет.

– Видишь, как выглядит? День недели, когда встал, какая погода с утра. Затем всё, что происходило в течение дня, быт, проекты, встречи, идеи. Конец дня – во сколько отвалился ко сну, какова статистика сайта. Веду изо дня в день. За год набирается 100-120 страниц в «ворде». Очень дисциплинирует. И всегда можно посмотреть, когда и что в моей жизни происходило.

Арбелин пробежался по дневнику, нашёл, что искал.

– Вот апрель и день, когда ты вошла в мою квартиру. Я записал: «С небес спустилась звезда Альфа Центавра».

– Хочу посмотреть! – воскликнула Альфа.

– Посмотри.

Арбелин показал страницу, но быстро и убрал, так что Альфа успела прочесть только произнесённую Арбелиным строчку.

– А ещё? – взметнула она умоляющие глаза на Арбелина.

– Больше ни строчки. Это дневник для самого себя. В нём и вся история фасцинетики – день за днём. Он для тебя будет бесценным источником. Вот когда умру, он будет в твоих руках. Все тысячи страниц. Я его тебе завещаю. А сейчас

– ни-ни! Заведи свой и записывай ежедневно. Каждый день что-то да будет происходить для фиксирования в истории. Задавай мне вопросы, записывай, что я буду тебе диктовать. И – ни дня без строчки.

– Да, буду как Вы сказали. – тихо произнесла Альфа.

На её глазах выступили слёзы.

Отец приехал через полчаса.

Арбелин встретил Истомина тем же жестом, что и Альфу. Затем показал ему жучок.

На кухне спросил:

– Как быть с жучком? Я хочу его оставить, поиграть с полковником, пусть наслаждается. Кое-что я ему подброшу через жучок для размышления. Но при этом сделать надо так, чтобы наши сокровенные разговоры в прослушку не попадали. Это возможно?

– Элементарно, Юлиан Юрьевич. – ответил Истомин. – Я утром привезу Вам меховой приклеивающийся колпачок, когда надо, будете жучок им накрывать. И можно ведь в другую комнату уходить или на лоджию. Как вот сейчас на кухне разговариваем.

– Но тихим голосом? – спросила Альфа.

– Да, не громко.

– Годится. – решил Арбелин. – Какое-то время поиграем в предложенную мне игру. А там посмотрим. Сегодня вот мы с Альфой полковнику спели песни Окуджавы.

– Я бы посоветовал, Юлиан Юрьевич, сменить все окна на непробиваемые евро и лоджию так же застеклить. У моего однокашника фирма по еврозастеклению, сделает в лучшем виде.

– Юлиан Юрьевич, соглашайтесь. – сказала Альфа. – Папа всё это организует.

Арбелин почесал затылок, улыбнулся смущённо:

– Накладно получится.

– Никаких расходов, Юлиан Юрьевич! Это мой вклад в безопасность академии. – сказал Истомин.

– Когда сделаете?

– За три дня.

Так академия обрела броню. Ляушину был поставлен непробиваемый заслон.

Вернувшись домой, Альфа первым делом принялась себя ещё раз измерять и делать подсчёты, как показал Учитель. Потом полезла в Интернет смотреть на Брижит Бардо, о которой ничего не знала. Брижит ей очень понравилась и она убедилась, насколько точно определил совпадение их фигур ЮЮ.

Это подняло настроение.

А заснуть долго не могла. За сутки она получила огромной важности урок. Учитель раскрылся ей новой сокровенной и неожиданной стороной, и у неё сжималось сердце от жалости и нежности. И чёрт с ними с этими сексагентами, коль инстинкты взрыгивают! Рассказ Арбелина она записала слово в слово. А в компьютере в папке «биография» создала подпапку «жёны». Пять жён, пять статуюток и забавности жизни гения с пустышками. Это предстояло ей ещё освоить и понять. И описать в весёлом ключе.

На следующий день Альфа стояла у Арбелина за экраном в бикини-стринге и воочию видела своё совпадение с силуэтом Брижит Бардо.

– Талия только у меня толще. – пробурчала она, надув губы.

– Совпала с символом Франции и секс-идолом Европы и ещё недовольна! – рассмеялся Арбелин. – У тебя всё идеально. Радуйся и живи сто лет в таком вот виде.

– Надо срочно выправлять ногу.

– Так ты ведь уже почти не прихрамываешь.

– Всё, начинаю специальные упражнения на растяжку! Обленилась.

– Вот видишь, даже ты сразу же вышла на коррекцию! Мы с тобой этот способ отшлифуем до абсолютной точности. Тело в жизни не всё, но без красивого здорового тела всё остальное как-то меркнет. Я трудно себе представляю, как живут толстяки. По 30-40 килограммов на себе носят дополнительно, а потом стонут, что суставы болят.

– Знаете, какую я обнаружила мужскую шутку в Интернете? Мужчина говорит другу: «У неё такая прекрасная душа и остальные части тела».

– Да, для мужчины тело женщины – абсолютный фасцинирующий индикатор. Это отлично понимал Лев Толстой. В «Крейцеровой сонате» написал, что женщины очень хорошо знают, что самая возвышенная, поэтическая любовь зависит не от нравственных достоинств, а от физических, и что все кавалеры врут о высоких чувствах – им нужно только тело. Поэтому женщины из кожи вон лезут, только бы телесно соблазнительно выглядеть: пускают в ход оголенные руки, плечи, груди, обтягивание выставленного зада, джерси, камешки, разные нашлапки... Цинично сказано, а по сути точно.

– А живи Лев Толстой сейчас, то добавил бы, что женщины пускают в ход обнажение пупков, мини-юбки, накачивание силиконом груди и губ, шлифовку ботоксом морщин, эротическую татуировку. – вставила Альфа.

– Вот-вот! И это же не для потехи делается, цель-то самая что ни на есть прозаическая – загнать намеченного мужика в капкан. А он обманываться рад. Эволюция так устроила для мужского соблазна, ничего не поделаешь. Вложила в женское тело мощнейшую сексуальную фасцинацию. Недаром тонкий ценитель женщин пророк Мухаммед придумал для мусульман скрывать от мужских взоров женское тело с головы до пят.

– Так-то оно так. Но при этом женщины сплошь и рядом жиреют, как поросята! – добавила Альфа довольно едко.

– Так попробуй-ка устоять, когда центр удовольствия приказывает: «Жри и наслаждайся!» – сказал Арбелин. – Я давно заметил, что почти все женщины то и дело достают из своих сумочек шоколадные конфетки.

– Кроме меня! – засмеялась Альфа.

– Вот поэтому у тебя и талия 56 сантиметров!

Часть семнадцатая

СТРЕССЫ ГАРГАЛИНА И ОЗОРСТВО АРБЕЛИНА

Через десять дней после покушения Денис был на ногах и сел за руль «Нивы». Машина была хороша и слушалась так, будто ждала настоящего своего хозяина. Со столовой в колледже Денис распрощался. Денег теперь хватало на всё и он принял решение целиком погрузиться в учёбу и кулинарные эксперименты, лишь изредка отвлекаясь на пингвинчика и на интересные заказы по кулинарному обслуживанию.

И надо было завершить проект школьного питания. Август, срок сдачи проекта, подходил к концу.

Кукуев же, дождавшись, когда Денис встанет на ноги, повёз академию обмыть договор в «Три кита» – лучший ресторан Бурга, входивший в его корпорацию..

Когда подъехали к ресторану и вышли из внедорожника, Кукуев обратился к водителю:

– Федя, запомни эти лица. Всюду, где их увидишь, смотри, нет ли близко какой опасности и чуть чего – сигналй мне. – Арбелину с ребятами он пояснил: – У Феи зрительная память как у фотоаппарата.

На следующий день все в Бурге, кто отслеживает жизнь Романа Кукуева, Дениса, Альфы и Арбелина, обладали информацией об их тесной дружбе.

Сделал об этом донесение и Ляушин.

Бедняга скрежетал зубами от злости, что не может вот так запросто, как его «клиенты», прошагать в ресторан, занять столик и насладиться ресторанной роскошью. Денег на такие подвиги Гаргалин не отпускал, а потому пришлось причалить на своём «мерседесе» в поле видимости входа в ресторан и поджидать, когда тёплая компания изволит выйти. Дождался. И был удивлён, что олигарх отвёз троицу к Арбелину.

У дома Арбелина Ляушин вновь погрузился в ожидание. «Опель» Альфы и «Нива» Дениса стояли во дворе, поскольку собрал их и увёз в ресторан Кукуев на своём внедорожнике. В час ночи Скелет с нимфой вышли, сели в свои тачки и уехали.

А Ляушин в прескверном настроении отчалил домой к своей хромоногой великанше. В эту ночь он напился вдрызг и с донесением явился к Гаргалину только к обеду.

К тому, что троица посетила вместе с Кукуевым ресторан, Гаргалин отнёсся равнодушно. Это был всего лишь дополнительный штрих к уже зафиксированной информации об их тесной связи, секрет которой предстояло разгадать.

Он вызвал Никшанова.

– Как насчёт телефонных разговоров? Всё зафиксировал? Есть что-нибудь интересное?

Никшанов поморщился:

– Сплошь о погоде. Но последнее время какие-то у них короткие фразы и только. Типа «надо», «в двенадцать», «занят», «завтра». Похоже, они перешли на какой-то свой код.

– С заграницей переговоры были?

– Два звонка. Из Штатов и Израиля. Пустые разговоры. О фасцинетике ни единого слова. О погоде.

Гаргалин недоумевал и сомневался, слежка пока что не давала никаких особых зацепок, чтобы подозревать Арбелина в черных помыслах. Всё было чисто, как и договаривались. Распорядился продолжать:

– Потерпим. Если что-нибудь не то замышляет, где-то да проколется.

А прокололся Ляушин.

Гений подозрительности мечтал о том, как в один момент определит опасность и двумя ударами выведет из строя злоумышленника. Такие картины ему снились ещё с конвойных времён.

И вот момент исполнения мечты настал! Следуя как банный лист за Арбелиным, идущим в своём утреннем прогулочном-исследовательском моционе по мусоркам, Ляушин чуть замешкался, а когда догнал креатина, выйдя из-за угла дома к очередной мусорке, увидел криминальную картину: какой-то жутко потрёпанный и грязный мужик наставил на Арбелина пистолет. Ляушин мгновенно оценил смертельную опасность, почудилось ему, что этот мужик – переодетый террорист, и в долю секунды в молниеносном броске ударом ноги вышиб пистолет из руки террориста, ударом по шее свалил его, тут же мгновенно перехватил руку, крутанул и мужик превратился в мешок с дерьмом. Но что это! В саквояже, стоявшем у ног бомжа, мелькнул ещё один пистолет. Нет ли там и гранаты?

Ляушин вспотел.

– Да что выделаете! – крикнул опешивший Арбелин. – Что Вы делаете!

– Скажи спасибо, что жив. – зло бросил ему Ляушин. И стал вызывать по мобильнику спецназ. – Сейчас мы с ним, – он кивнул головой на лежащего у его ног и нечленораздельно мычащего террориста, – разберёмся.

Примчался уазик и из него выскочили трое спецназовцев. Бездыханного террориста кинули на заднее сидение. Гордый Ляушин прихватил саквояж и револьвер с пистолетом. Арбелина взяли с собой как свидетеля и потерпевшего. Ляушин был уверен, что переодетый бомжем некий агент или заказной убийца собирался Арбелина пристрелить. Арбелин твердил: «Да не виноват он, это же в мусорном баке».

Ляушин его вразумлял:

– Специально так подстроено.

Выяснилось все в отделе милиции. Террорист оказался бомжем. Он пришел в себя и спутано рассказал, что заглянул в мусорный бак, увидел саквояж, открыл его и обнаружил два пистолета. Арбелин же разъяснил более четко, что тот, кого Ляушин принял за террориста или бог знает ещё за кого, обыкновенный бомж, его знакомый, что когда он, Арбелин, подошёл к мусорке, тот доставал саквояж, а потом вынул из него пистолет и показал его, при этом пошутил, направив дулом в него.

Ляушин растерянно хлопал глазами. До него, наконец, дошло, что он раскрылся, завалил задание Умника. Арбелину же стало яснее ясного, что спаситель его был ищейкой и приставлен к нему для слежки.

Не без мстительного удовольствия Арбелин позвонил по мобильнику Гаргалину.

– Тут, Станислав Анатольевич, такая оказия случилась. Ваш агент прокололся.

И рассказал ему в иронических красках, как всё произошло.

Гаргалин был взбешён.

– Ты совсем уж в идиота превратился? – накинулся он на поникшего Ляушина, когда тот явился в кабинет. – На кого ты там набросился?

– Станислав Анатольевич, он же на креатина пистолет наставил! Кто мог знать, что пистолет не заряжен?

Гаргалин съездил в отделение милиции. Пистолеты были настоящие. Попахивало уголовным делом. Предстояло разобраться, чьи они и как попали в мусорный бак. Но к Арбелину всё это никакого отношения не имело, как не имело и к бомжу. Бомжа допросили и отпустили. В результате Гаргалин получил головную боль: его агент раскрылся, а Арбелин теперь точно знал, что глаз с него не спускают.

Заменить Ляушина было нечем.

Помахав кулаками, Гаргалин смилостивился:

– Ладно, не смертельно. Пускай знает, что мы не лапти и следим за ним. А ты, любезный, перекрой свой имидж. Да так, чтобы мать родная не узнавала. Ты это умеешь.

Ляушин это умел и любил. Чего только не выдумывал. Одних только париков было у него двадцать штук на любой стиль. Кроме этого усы, фиксы, бородавки и чего только ещё у него не было.

Через день он был уже не он. Никшанов потешался:

– Тебе, Гедалий, надо было брюнером родиться. Вылитый цыган.

Ляушин был польщён.

Гаргалин утвердил перемены облика. Ляушин изменился неузнаваемо. Даже походку изменил – стал семенить.

Ляушин поклянчил было и новую машину, но Гаргалин был непреклонен. Пошутил:

– Ты свой «Жигуль» перекрась, только и всего.

Арбелин в своих походах по мусоркам уже не замечал прежнего привычного мужичка, который ринулся его ещё и спасти. А в новом семенящем брюнете опасности не почуял.

Альфе с Денисом Арбелин рассказал о своём чудесном спасении от «пули террориста» на следующий день, предусмотрительно уведя их от жучка на кухню.

Посмеялись.

– Теперь вы, друзья мои, окончательно поняли, что я под колпаком? Значит и вы тоже. Но у Гаргалина ничего против нас нет, кроме иллюзий, так что это не опасно, не те времена, слава небесам. Я был у Петрова. Оказывается, наш пингвинчик побывал в его руках, Гаргалин ему привёз на экспертизу насчёт обнаружения какой-нибудь психотропики. Хорошо, что мы вовремя перешли на плацебо. А то бы Петров пищевую добавку раскусил и расписал в своём заключении.

– Юлиан Юрьевич, добавка-то совершенно безвредная, вкусовая. – сказал Денис.

– Пошутил я, Денис. Понятно, что Петров так бы и написал – вкусовая. И всё же будем осторожнее. Мы затеяли эксперимент не шуточный, его как угодно можно интерпретировать. В том числе и как психотропную диверсию. Начнут в городе жители ни с того ни с сего веселиться. Это же непременно будет Гаргалиным отмечено и нам припаяно. И надо сделать всё филигранно, чтобы была массовая фасцинация, но не было ничего противозаконного.

– Аж дрожь пробирает, как интересно. – отреагировала Альфа.

– Ещё с недельку поразмышляю и сядем за проект. А пока читайте о нейропептидах. Изучите как следует окситоцин, открытое буквально недавно его свойство побуждать к дружелюбию и повышать либидо. Мы и окситоцин включим в нашу разработку. И, возможно, фенилэтиламин. Ещё поштудирую Александра Шульгина, он лучший в мире специалист по фемилэтиламинам, и у Петрова спрошу о возможности такого сочетания.

И выиграло в Арбелине озорство, придумал он весело поиграть с Гаргалиным в предложенную им игру. Решил провести с академиками семинар по массовой фасцинации, но не столько для своих соратников, сколько для любознательного Гаргалина – жучок превращал его в виртуального студента и позволял запустить в его сознание парочку-другую свежих идей-мемов для размышления о необходимости фасцинетики в ФСБ. Пусть мемы проделывают свою работу в подсознании полковника.

Усадив Альфу с Денисом за журнальный столик вплотную к жучку, Арбелин начал семинар.

– Сегодня мы с вами поразмышляем о феномене массовой фасцинации. Теорию массовой фасцинации я в целом закончил и скоро издам книгу. Но вам надо освоить азы пораньше.

И он начал диктовать специально для Гаргалина, чётко делая акценты и ударения.

– Слушайте меня внимательно, не пропускайте ни одного слова, всё будет иметь для вас значение.

Сказав это, он подмигнул Альфе с Денисом и показал под журнальный столик, где был прилеплен жучок.

– Удивительно, но создаётся у меня такое впечатление, что люди в основном только тем и занимались тысячи лет, как бы эффективнее и надёжнее друг друга одурманивать, околпачивать и обьегоривать. Придумали магию, потом религию во множестве вариантов, затем политические доктрины, а теперь и технологии психологической манипуляции и НЛП. Полюбопытствуйте как-нибудь в Интернете. Сплошь и рядом идут сайты, книги, семинары и тренинги «Как манипулировать», «Как соблазнять», «Как зомбировать» и так далее. Помешались на манипуляции. И что удивительно, ведь не только профессиональные мошенники этим увлечены, вроде картёжных шулеров и колдунов, те и без книг всё осваивают в лучшем виде, но и политики, банкиры, бизнесмены. О пиарщиках и политехнологах и говорить нечего, все они изучают техники манипулирования как базовые для своей деятельности. Я это знаю и по себе, ведь мне приходится зарабатывать на хлеб с маслом обслуживанием избирательных кампаний. Без фасцинации выборных кампаний не бывает по определению. Все пиарщики интуитивно и стихийно применяют для очаровывания избирателей и шельмования противников фасцинирующие средства. И среди них ищут всегда главное средство воздействия – то, что должно зацепить и понравиться избирателю. Скажем, доведённому до нищенства пенсионеру в России ужасно нравится, когда о нём много говорят, обещают ему манну небесную, снабжают разного рода обещаниями и подачками. Кто этот фасцинирующий психику пенсионеров механизм точнее запускает, тот и выигрывает. Был в моей практике такой забавный случай. Я вёл предвыборную кампанию одной дамы. А среди её соперников была тоже дама – жена богатенького пройдохи. Она была главным соперником. И вот мне доносят, что ейный муж организовал бесплатную кормёжку пенсионеров в кафе и раздачу им продуктовых наборов. Что делать? Ведь каждый день десятки пенсионеров устремлялись в это кафе, а на выборах бывает перевес в десяток голосов решает исход борьбы. Советую моей даме – открывайте и вы бесплатную кормёжку и продуктовые подачи. Как мне рассказали, получился комедийный театр. Пенсионеры бегали из одного кафе в другое, получая пищевое удовольствие сразу в двух местах. Вот он какой бывает предвыборный пиар на пище-вкусовой фасцинации нищих пенсионеров.

– А кто победил? – спросила нетерпеливая Альфа.

– Мы победили с перевесом всего в тридцать голосов. Но если бы не открыли контр-кафе, проигрыш был бы обеспечен.

– Но это же подкуп избирателей, Юлиан Юрьевич.

– Альфа, конечно подкуп. Но попробуй докажи. Ведь кормили-то в кафе не кандидатки в депутаты. Это же только негласно афишировалось, кто кормит. Подкуп в том или ином виде – такова картина всех выборов в России. Причём заметьте такую деталь. Я ведь и не думал запускать подобный ход. Но соперники вынудили, иначе нам маячил проигрыш. Вот она сермяжная правда политики на всех уровнях. Грязный приём провоцирует грязный ответ. С древнейших времён.

Арбелин прошёлся по кабинету и продолжил:

– Но лучше всего, конечно, фасцинация в чистом виде, такая фасцинативная атака позитивными чарующими средствами. Как это делается, я и хочу вам показать на примере одной очень удачной избирательной кампании, которую я сконструировал исключительно по принципам фасцинации. Готовы слушать и внимать?

Денис Альфой кивнули.

Арбелин с наслаждением представил, что всё им произносимое Гаргалин уже слушает как истинный студиоз.

– Удалось мне лет десять назад с триумфом провести депутатом в городскую думу директора зоопарка. Фамилию не называю, потому как она вовсе не играла почти никакой роли, многие избиратели её не знали и не запомнили. Расскажу во всех деталях, чтобы вы увидели, какие интриги бывают и как работают сигналы массовой фасцинации по великому фасцинирующему принципу «нам нравится».

Директор был чиновник и бизнесмен и ни о какой думе не думал и не мечтал. До печки она ему была. Но его призвал мэр города и сказал «Иди!» Приказ есть приказ. Директор ослушаться не мог даже в мыслях, а мне сказал: «Сможете провести кампанию так, чтобы не осрамиться и проиграть достойно?» Он был убеждён, что кампания будет проигрышная. Основания для такого вывода были и основания серьезные. Дело в том, что выборы по его избирательному округу проходили повторно. На предыдущих оказалась низкая явка избирателей, менее положенных в те годы 25%, и в таких случаях выборы признавались несостоявшимися, назначали повторные. А на этих-то выборах, признанных несостоявшимися, с громадным перевесом в 60% фигурировал некто Игорь Тарасов. И этот Тарасов, парень из бывших номенклатурных комсомольцев, выдвинулся снова и стал соперником директора зоопарка. Было от чего предсказывать себе проигрыш. Особенно если присовокупить ещё два фактора. У Тарасова кампания была выстроена на поддержке пенсионеров и с этой целью тот самый Матвеев, которого вы видели за круглым столом, придумал ему мощный выигрышный ход – «Фонд поддержки пенсионеров», с которым он и набрал 60%. Это ещё не всё. Его также продвигал вице-мэр, руководивший в мэрии идеологией и всяческим пиаром, у которого в руках была вся городская пресса и команда пиар-консультантов во главе с местным пиарпаханом Кисельчуком. Вице-мэр этот тоже был из бывших номенклатурных комсомольцев-функционеров. Чуете интригу? Мэр двигает директора зоопарка, а его вице-мэр за его спиной комсомольца Тарасова тащит в думу, и, значит, будет ставить палки в колёса директору зоопарка. Всё это я узнал и взвесил. Картина проигрышная. А проигрывать я не люблю. Подумав пару дней, говорю директору: «Хорошо, берусь вам помочь. И мы выиграем. Но надо притвориться, что у нас кампания заваливается в пух и прах, чтобы конкурент и его сторонники радовались». Он не совсем понял. Пришлось объяснить: раз вице-мэр будет мечтать о нашем проигрыше, надо ему подыграть, усыпить бдительность, иначе запустят такую чернуху, что света не увидим. Нарисуют заседание думы в зоопарке среди зверей. А мы развернем кампанию на светлой и радостной любви ребятишек к животным. Поняли? Я выстроил кампанию не на раскрутке личности директора, а на пиаре животных и детей. Изобрёл агитгазету в полноцвете, сияющую красками и изображениями

зверей и птиц зоопарка. Во всю ширину двух полос сияла шапка «Зоопарк несёт детям радость!». Ребятишки эту газету в квартирах клеили в своих детских комнатах и уголках. По району в детсадах и школах организовали походы в зоопарк и участие в конкурсах «Живой символ зоопарка» и рисунков «Мой любимый питомец зоопарка». Представляете с каким энтузиазмом дети участвовали во всём этом, впервые развёрнутом в городе и зоопарке? Праздник! Вот в таком радующем ключе поработали полтора месяца. А Тарасов по инерции привычно охмурял пенсионеров разными подарками и обещаниями манной небесной. Политконсультанты вице-мэра проводили регулярно блиц-опросы электората, которые давали убажашающую для них картину: Тарасова народ знал и любил, а директора зоопарка напрочь не знал. Соотношение было 10:2 в пользу Тарасова. Политконсультанты и Кисельчук хихикали в наш адрес: «Вас же народ даже не знает!» Хихикание закончилось в день выборов после подсчёта бюллетеней. Директор зоопарка одержал победу с 70% голосов. Был совершенно потрясающий факт в день голосования. В обед наши наблюдатели с участков собрались в штабе перекусить, и одна из женщин, чуть не плача, поделилась огорчительной, на её взгляд, новостью. Подходит, говорит она, ко мне дедушка, и спрашивает, где тут проголосовать за зоопарк. Услышав этот рассказ, я рассмеялся, и понял, что мы выиграли. Народ выбрал фасцинацию радости и оптимизма детей, отодвинув на второй план заботу о пенсионерах. Вице-мэр и Кисельчук скрежетали зубами от злости. А Тарасов прибежал, как рассказывали, к вице-мэру с претензией: «Вы же обещали выиграть!» Поняли, какая мощь заложена в сигналах фасцинации, если они точно подобраны и сконструированы? И попадают в сладкое чувство «нам это нравится».

Денис с Альфой восторженно внимали рассказу Учителя.

– Потрясающе! – воскликнула Альфа. – Как по нотам!

– Сам директор был ошеломлён своей абсолютной победой. Не очень-то желая того, исполнил поручение своего начальника! Кампания была выиграна исключительно благодаря применению фасцинофикации.

Альфа восторженно оценила:

– Как методическое руководство в учебник!

– Один политконсультант, Абелинскас, так и сказал – классика. А теперь послушайте другую историю. Но сначала давайте посмотрим на фотографию одного человека мужского пола. Сейчас я его покажу, а вы с ходу, не думая особо, выскажите своё впечатление – то, что в голове возникнет.

Арбелин включил компьютер и открыл фотографию. С экрана смотрел серьёзного вида мужчина лет пятидесяти.

Экстравертивная Альфа высказалась, как всегда, первая:

– Он какой-то блёклый.

Денис определил несколько иначе, но в том же духе:

– Неконтактен, улублён в себя.

– Лицо какое-то маскообразное, неживое. – добавила Альфа.

– А теперь представьте себе этого человека в качестве кандидата в депутаты Государственной Думы по одномандатному округу величиной в половину города Бурга, пятьсот тысяч избирателей. – сказал Арбелин. – Не от партии какой-

нибудь, а сам по себе и в окружении пяти конкурентов, каждый из которых тоже сам по себе. Тогда ещё выборы были не по партийным спискам. Как вы думаете, насколько он может вызвать симпатию у избирателей?

– Не симпатию, а уныние! – рассмеялась Альфа.

Денис высказался осторожнее:

– Разве что у таких же серьёзных, вдумчивых. – и добавил – Но таких ведь мало.

Арбелин потёр руки от удовольствия:

– Очень точная оценка. Для кандидата в политики такое лицо – антифасцинация, оно вряд ли остановит на себе внимание. Особенно если рядом повесить изображения его соперников с живыми эмоциональными глазами и лицами. И скажу вам: то, что вы увидели, это лучшее, что из него получилось сделать фотоаппаратом и фотошопом. В реальности он совсем серый, никакой. А теперь слушайте, что и как происходило. Этот товарищ, совсем неглупый, с высшим юридическим образованием, но вот с этим не совсем, скажем так, коммуникабельным лицом, решил стать депутатом Государственной Думы. К лицу добавлю: сорока пять лет, ростом под метр восемьдесят, что очень неплохо для женского восприятия, но с несколько заторможенной пластикой, вяловат, малоэкспрессивен, хорош для президиума, но не для трибуны или выступления перед людьми, где бы то ни было. И фамилия к этому облику – Лазарь.

– Лазарь? – звонко засмеялась Альфа.

– Именно так. И вот гражданину Лазарю вздумалось идти в Думу. Да ещё и с мистической подсказкой свыше. По его рассказу, в ночь под Новый год он в трезвом виде лёг спать. Компании не было. Лежит, дремлет и слышит вдруг откуда-то сверху, но не с потолка, а издалека, с неба, негромкий и твердый голос «Иди». Без расшифровки. «Но я, – говорит он, – сразу понял – это Бог сказал мне, чтобы я шёл в Думу». То есть, получается, что он о Думе думал, думал, и на тебе – Бог выдал ему решение.

– Слуховая галлюцинация? – Альфа удивлённо посмотрела на Арбелина.

– Вполне возможно. Но ведь какая! И завертелось-закрутилось. Небольшая денежка у него была, но рассчитывать на чью-то поддержку не приходилось. Политических связей – ноль. Никогда нигде в политических баталиях и тусовках не участвовал. И вот на мою голову его друзья посоветовали нанять в качестве политтехнолога меня. Пришли сначала ко мне без него, чтобы договориться. Рассказали о его страстном желании. Я был тогда перегружен, у меня уже было два клиента – в городскую думу. Я отказал. Они насели. Тогда я попросил их познакомить с фигурантом. Увидев его, я тут же оценил – ни при каких условиях ему депутатом быть с такой фактурой не светит. Тем более, я знал главных его конкурентов по избирательному округу, пройдох и денежных мешков. Древние китайцы мудро говорили, что без умения улыбаться даже и не помышляй завести лавку. Без живой морды лица нечего лезть и в политику. Этого я ему, понятное дело, не сказал, но всё же выразил сомнение в успешности предприятия. Вот тогда-то он мне и рассказал про голос Бога «Иди» и свою уверенность. Я снова отказал, сославшись на загруженность сверх всякой меры. Да и не люблю проигрывать. Даже за большие гонорары. Друзья его снова насели. Им заработать на нём захотелось. И я, дурень, уступил. Любопытно стало, сколько процен-

тов этот лазарь наберёт. А на чём играть, какую фишку для «нравится» запустить? С такой-то физиономией, полным отсутствием коммуникативного таланта и при малом финансовом ресурсе. Он и говорит мне: «Пора народу иметь в Думе человека чести». Я оторопел. Давай на пальцах разъяснять, что худшего варианта для кампании в наш расхристанный плутовской век не придумать. Он ни в какую. Честь и только. Паранойя чистейшей воды. Глас Божий, унылая морда лица, двух слов связать не может, минимум финансов и честь. Опять его друзья насели, нам мол что, пусть себе прёт с честью, немного на этом осле заработаем. Ладно, попробовал я высокий идеал чести раскрутить. Интересная задача. Хотя знал – проигрыш гарантирован.

В чем ошибка этого Лазаря? Он впал в иллюзию, будто народ будет идеей чести очарован, будто народу это должно нравиться. А народу это понравится ну ни за какие коврижки не могло, потому что в чём, в чём, а в чести, накормленный честью тысяч мошенников и прихвизаторов по всей России, он крепко разуверился, да к тому же сам в огромном большинстве почти ежедневно помелкому бесчестен, участвуя в разного рода потаённой экономике, обмане, фальсификациях и так далее. Втянули народ наш в бесчестье, а тут на тебе, появляется рыцарь чести с унылой физиономией на белом коне. Одним словом, Бог не помог. Два процентика и ауфвидерзеен.

– Пролетел фанерой над Бургом! – рассмеялась Альфа.

– Пролететь-то пролетел, но, гад такой, продув кампанию, отказался выдать мне причитающуюся при окончании работы часть гонорара, 70 тысяч рублей. Каков рыцарь чести и любимец бога? А его помощник, хмырь с постоянно багровой физиономией, Субрицкий, – я его красноречивым про себя звал, – умудрился у меня ещё и секундомер украсть! А секундомер мне нужен позарез для тренингов, на часах замерять время плохо получается. Как приступаю к тренингу, так его красное воровское рыло вспоминаю и проклинаю. Вот такие антифасцистские истории на выборах бывают. Антифасцинация ведёт к краху.

– А много было у Вас, Юлиан Юрьевич, избирательных кампаний? – поинтересовался Денис.

– Штук тридцать.

– А сколько выиграла? – полюбопытствовала Альфа.

– Так вот с такими лазарями разве может быть много? А были и того хуже. Шли исключительно для засветки, для пыли в глаза. Бывали и забавности. Замечали вы по телевизору, как депутаты Государственной Думы России в носу пальцем ковыряются? Видели такие казусы? Телеоператоры народ дотошный, наблюдательный, забавности тотчас вытаскивают на экран.

– Видела. Противно было смотреть. – сморщила носик Альфа.

– Антифасцинация во всей красе! – засмеялся Арбелин. – Вижу однажды, когда показывали заседание Думы, знакомую физиономию, манипулирующую пальцем в носу. Ба, да это же мой клиент! Пиарил я лет десять назад одного охлопуса на Дальнем Востоке. Предприниматель, сорока лет, энергичный, жизнерадостный, старикам помогал по доброй воле, одно удовольствие было с ним работать. Сидим как-то, обсуждаем ход кампании, и он пальцем в нос полез. Я ему и говорю: «Андрей, только на столешницу не мажь». А у него платка-то но-

сового нету! Он, не долго думая, палец вытер о пиджак изнутри. Несколько всё же сконфузился. Я ему мини-лекцию прочитал о желательности для депутата иметь носовой платок и не ковырять в носу. И вот вижу – сидит в Думе и ковыряет. Это же автоматизм, заложенный ещё в детстве. Уйма российских мужланов носовых платков не носит. Поразительно, но факт. Мой отец носовые платки имел всегда только идеально чистые и менял ежедневно. У него их было с полсотни. И все батистовые, нежные. Мама ворчала, что каждый день приходится стирать. Платки должны быть из мягкого хлопка, не те дерюги, что сейчас в магазинах продают, может потому их и не носят, а батистовых не сыщешь? Я вот их сам шью, кусок батиста к концу подходит. Метра полтора осталось. Это от отца наследство. Он с войны трофеем такой привёз – рулон французского фирменного батиста. Маршал Жуков прихватил из Германии пару эшелонов добра, а мой отец, гвардии капитан, – батиста метров двадцать. Мама ему и всей семье платки из него шила. Где увидите, купите метра три. Сами-то носовые платки имеете?

– Конечно, – кивнула Альфа, – и тоже батистовые. Я это знаю.

– А ты, Денис?

– У меня магазинные дерюги. Теперь замену. Только где батист купить?

– Найдём. – успокоила Альфа.

– Вот видите, какие бывают тонкости в избирательных кампаниях? Вплоть до ковыряния в носу. Но для меня что главное было? Я на этом поприще не только зарабатывал, что тоже неплохо при моей нищете, а экспериментировал, наблюдал, исследовал и пришёл к заключению, что без фасцинации во всём многообразии её средств, успеха в избирательных кампаниях и в политике не бывает и быть не может. Это и натолкнуло меня на разработку теории массовой фасцинации. И на технологию массовой фасцинофикации.

Арбелин приложил палец ко рту и закончил шёпотом:

– Мы с вами и займёмся этим. Надо отыскать некие сигналы, которые всем понравятся и закрутят мозги. Как с пингвинчиком. Только ещё очаровательнее.

Жучок работал надёжно. Никшанов мгновенно принёс Гаргалину «лекцию» Арбелина.

Гаргалин прослушал.

– Что думаешь Виталий Кутайсович?

– Думаю – хитрейший жук.

– Я насчёт фасцинации.

– Так и я о том же. Может хоть всю страну построить по типу зоопарка. Дай такому только волю.

– Следи.

И осенило: «Значит Тагда с пингвинчиком у креатина – экспериментальный полигон!». Долго соображал полковник ФСБ, с какой такой стати Арбелин занялся изобретением нового мороженого. Делать нечего? Или бизнесом решил заняться? Дошло наконец! Раз весь город Тагда с ума сошёл в пристрастии к пингвинчику,

значит в пингвинчике заложен какой-то секрет. Плюс великолепный, радующий глаз дизайн, слоганы и впечатывающаяся в память оригинальность. Вспомнил и торт «Адам и Ева». Точно – эксперимент на тему «как свести город с ума»!

Вызвал Ингу.

– Надо тебе, голубушка, снова прыгнуть в объятия нашего горбуна. Смотри, какая загогулина высветилась: он ведь уже сумел свести с ума один город. Точнее сказать – городок.

Он рассказал Инге о том, как подсел на изобретённое креатином с верными его поделеньниками мороженое город Тагда.

– Что мне выпытывать? – повеселела Инга.

– Всё то же – нет ли у него какого-нибудь веселящего психотропика. А ещё выпытай, какой секрет он заложил в мороженое, что весь город только его и покупает. Прикинься, что бывала в Тагде и ела удивительное мороженое пингвинчик. Он непременно на этот крючок отреагирует.

Инга обрадовалась заданию. Уже с неделю её томила тяга обнять Арбелина и она искала повод, а повод сам прискакал – от Умника. Соскучилась она по ласковым рукам Арбелина. Её, как и Ляушина, тоже понесло, и ей стало даже наплевать на всё, только бы вновь окунуться в волнующее общение с креатином.

Она позвонила Арбелину:

– Соскучилась, хочу повидаться. – произнесла она как можно чувственнее.

Понял сразу природу её скуки бывший Арбелин. Да и любопытно было увидеть, как Инга поведёт себя на этот раз.

– Приезжай вечером, попозже. – разрешил он, зная, что она останется до утра.

Инга была столь же хороша. Она дарила себя Арбелину нежно и со всей искренностью влюблённой. И никакой службы – только личное!

На этот раз надувной матрац Арбелин заранее отнёс в библиотеку. А про жуток опрометчиво вспомнил только тогда, когда они разговорились в кабинете. Спohватившись, он увёл ничего не подозревающую разведчицу сначала на кухню, а после кофе и рюмочки коньяка – на футбольное поле.

И она ни слова не произнесла о «сведении города с ума». Будто её это не интересовало. А её это и в самом деле совершенно не интересовало! Ей нужен был только он. Она даже не стала играть игру для Гаргалина, хотя была уверена, что он осерчает, почему не выведывала у креатина секреты.

Не заводила Инга речь и о своём фотоагентстве и фотомоделях. Будто и не было их.

Жаловалась только, говорила, как ей всё осточертело, как мечтает она забросить ателье и заняться своей мечтой – модельным дизайном.

О том, почему именно ей ателье осточертело, не разъясняла. Арбелин понимал, о чём речь, но ни одним движением не намекнул, что знает, кто на самом деле Инга. Здесь-и-сейчас перед ним была прелестная молодая женщина, пожелавшая по свободному выбору и страстному желанию быть его возлюбленной. Пусть так и остаётся, думал Арбелин, с иронией вспомнив о жучке.

Удивило его, что Инга была откровенна и словно не знала о существовании жучка, который сама же и поставила. Что-то с ней творится странное, подумал про себя Арбелин, ведь в ФСБ для допустившего халатность агента шутки плохи.

Инга и не шутила. Она выплёскивала Арбелину наболевшее. Дурь закончилась уже в прошлом году, когда ей исполнилось двадцать семь и она задумалась о будущем. Не было у неё ни единого человека в мире, кому она могла бы довериться, поплакаться в жилетку, спросить совета. Одиночество начинала тревожить. И начали посещать её неглупую голову невесёлые думы – куда себя в жизни пристроить уже через три-четыре года. Арбелин со своим сайтом, наукой, учениками, которых ей удалось посмотреть на видеозаписях, открывали ей совершенно иной мир, чистый от тупости, зависти, хитрости и дикости, в которых она купалась ежедневно. И она не видела выхода.

Сами собой полились слёзы. Но поплакав, всё же удержалась, не выдала себя, хотя так и тянуло рассказать Арбелину о своей плутовской роли и плутовской профессии.

Расстались совсем уж нежно.

Гаргалин на следующий день встретил Ингу сердито. То, как она появилась у креатина, жучок зафиксировал. Но минут через десять жучок умолк. Это его насторожило.

– В чём дело, почему жучок молчал?

– Он увёл меня в свою библиотеку, показывал альбомы и книги. – ловко парировала Инга.

– А ты что, простофиля? Не могла вытащить его обратно к жучку?

– Не смогла.

Гаргалин начал сомневаться в своём лучшем сексагенте. Чувал: что-то в её поведении было нечисто.

Часть восемнадцатая

ТАНЕЦ, ПОТ И АЙВЕСЕЛИН

В самом начале сентября Бург преподнёс Денису дополнительную пакость. Но спасла чуткая Виолетта Аркадьевна.

Лажакوف отказался оплатить расчёт Денису, сославшись на его утопические дизайнерские и прочие загибы.

– Он что, в небе витает? Кто позволит менять посуду и прочие причандалы в школьных столовых? – строго посмотрев на Виолетту Аркадьевну, начальственным выдал решение Лажаков. – Никаких ему пятидесяти тысяч!

На самом деле он воспользовался обрушившейся на Дениса бедой и, прикрывшись надуманным аргументом для отказа, умело переместил полагавшийся

Денису расчёт в свой широкий бездонный карман опытного взяточника и коррупционера.

Капитан Лажаков был прилежным учеником и верным помощником генерала Иосифа Шварца, командира артиллерийского училища, организовавшего грандиозную систему поборов с курсантов. А Лажаков был при нём тем, кто непосредственно кошмарил юнцов, собирая дань для генерала, и в этом «мастерстве» достиг уровня, о котором есть точное обозначение в фольклоре – «на ходу подмётки рвёт». Длилась крепкая спайка с генералом два года, но как только над Шварцем сгустились правоохранные тучи, Лажаков тотчас от него сбежал и ловко пристроился к телу главы администрации Н-ского района Бурга. Энергичный импозантный офицер с нагловатыми глазами поручика Ржевского пришёл по душе главе района Татьяне Шмарлиной, упитанной даме лет сорока с хвостиком, давно забывшей, что такое талия, если она вообще у неё когда-нибудь была, и имевшей ненасытный сексуальный аппетит. Аппетит вызвал к поиску мужчины соответствующего темперамента и неутомимости, а где в наш инфантильный век с тотальной мужской импотенцией такого отыщешь. И вот он, розовощёкий кавалер, да ещё и капитан. Как только он явился в свите генерала на одном из юбилейных банкетов, Шмарлина в один миг сказала себе «Этот!» и посмотрела ему в глаза повелительным алчным взглядом, не оставлявшим ему никаких сомнений в его назначении. Капитан был понятлив и смел, он прижал могучим натиском её тоже неслабое тело, как только банкет перешёл в развесёлую стадию танцев. И Шмарлина сделала его своим любовником, а по совместительству назначила заместителем, прозорливо решив, что так будет ближе к телу и надёжнее – очень уж хорош и безотказен оказался жеребец, не какой-нибудь инфантильный хлюпик! Капитан стал для неё находкой двойного назначения: и тело исправно ублажал, и неиссякаемый финансовый поток организовал. Через год все без исключения предприниматели района от мелкой рыбёшки до крупных акул исправно несли Лажакову дань по негласному разработанному им преискуранту, утверждённому Шмарлиной. В живописном уголке местного пейзажа, на берегу популярного водоёма, росла не по дням, а по часам, грандиозная фазенда капитана, а Шмарлина устраивала дважды в год вояжи по курортам земного шара. В сопровождении своего милого друга.

Так они и зажили в свое удовольствие. Хлебнув пивка, капитан, обнимал до родную начальницу и фальцетом пел на известный мотив переименованную им песенку: «Бабки, бабки, бабки, всюду бабки без конца, а без бабок жизнь х...ва, не годится никуда».

– Ты всё же аккуратнее с бабками, – наставляла его Шмарлина, – не жадничай сверх меры.

Однако алчный капитан эти наставления пропускал мимо ушей и изрядно жадничал. Любое ошибочное движение, любой просчет у предпринимателей он ловил и использовал для увеличения дани. А тем, кому надо было платить за работу по договорам, не доплачивал, как только опять же случался у них какой-нибудь подходящий для этого сбой или ошибка. Узнав, что Денису проломили голову, он тут же смекнул, что можно обвинить его в ненадлежащем выполнении проекта и оставшуюся сумму не платить, а переместить плавным движением

в свой карман. Спонсировал проект школьного питания кирпичный завод, деньги были доставлены и лежали у Лажакова в сейфе. «Пусть и лежат», – удовлетворенно хихикнул про себя экс-капитан и экстра-любownik.

С Шмарлиной они проект обсудили и Шмарлина пришла от него в восторг.

– Нас мэр на пьедестал поставит с этим проектом.

Сначала Лажаков не понял её восторга, он и в самом деле предложение сместить дизайн школьных столовых принял за невыполнимый утопизм.

– Дурачок! – пожурела его опытная Шмарлина. – Мы же не из бюджета деньги на это бросим, а привлечём спонсоров. Ну кто откажет улучшить дизайн и питание для ребятшек? А это выльется в миллионы. Понял? Наши двадцать процентов на блюдецке.

Дошло до экс-капитана; и был он в ту ночь неутомим.

Руководительнице проекта Виолетте Аркадьевне, нежно влюблённой в мастерство Дениса, умильно улыбаясь и хваля её профессионализм, Лажаков заплатил сполна, и даже добавил премию в 5 тысяч рублей, – из причитавшегося Денису гонорара, – полагая, что она прогнётся и стерпит отказ рассчитаться с Денисом.

Узнав о таком решении Лажакова, Виолетта Аркадьевна была взбешена. Денис внёс в проект изюминку не только оригинальным решением дизайнера школьного питания, он дал несколько прекрасных рецептов блюд для ребят, помог ей сконструировать удобные и аппетитные детские мини-перекусы, внёс в питание детей весёлость, и на тебе – отказ оплатить такую полезную работу. Но она знала, что Лажакова уже ничем не прошибёшь, Денис остаётся без гонорара. Что ей делать? Заткнуться? А потом сгорать наедине с собой от стыда за малодушие. Да, она была зависима от этого скота, к тому же тянула без мужа семью с двумя детьми и престарелой матерью. Тут не до восстания. На это и рассчитывал Лажаков.

И она приняла единственное для неё приемлемое в сложившейся пакостной ситуации решение: получила свой расчёт и премию, приехала к Денису, поздравила его с успешной сдачей проекта и отсчитала ему положенные пятьдесят тысяч. Иначе она поступить не могла, хотя в домашний свой бюджет и принесла на сорок пять тысяч рубликов меньше. Не в деньгах счастье, совесть дороже денег.

Денис был обрадован, о низости же Лажакова так никогда и не узнал.

А Лажаков со Шмарлиной потирали руки от очередного гнусного увеличения своих доходов на весёлую жизнь.

После потрясений и пауз Академия снова была в сборе и готова к новым свершениям.

Закрылись на кухне.

– Что ж, друзья мои, двинемся дальше. – открыл заседание Арбелин. – Нам теперь надо вплотную заняться изобретением того, что сведёт город с ума, как изволил выразиться наш закадычный друг полковник Гаргалин. Но сначала небольшой тест. Пушкина в школе изучали?

Оба кивнули утвердительно.

– Прекрасно. Сейчас проверим. Буду называть строчку из Пушкина, а вы, если знаете, будете говорить продолжение. Приготовились, настроили мозг на Пушкина. Начали.

Арбелин озорно посмотрел на адептов.

– Я помню чудное мгновенье...

Тотчас продолжила Альфа:

– Передо мной явилась ты, как мимолётное виденье, как гений чистой красоты...

– Довольно, довольно. – остановил Арбелин и посмотрев на Дениса, произнёс.

– Мой дядя...

Денис со смехом продолжил, не давая Арбелину проговорить до конца строчку:

– Самых честных правил, когда не в шутку занемог, то уважать себя заставил...

Вступила и Альфа:

– Его урок другим наука, но, боже мой, какая скука...

– Хватит, хватит! – остановил Арбелин. – Молодцы! И достаточно. Я этот маленький тест с вами провёл вовсе не для того, чтобы проверить ваши познания и память. Это поможет вам понять природу нейропептидов и их роль в регулировании поведения. По сути нейропептиды – это мини-слепки, короткие аминокислотные цепочки, которые запускают гормональные и нейрофизиологические процессы в организме. Как ключики-стимуляторы, открывающие дверцы в комнаты и подвалы дворца. «Мой дядя» – это и есть ключик, вы сразу включаете целую строфу, а то и главу «Евгения Онегина». Так и пептид. Коротенькая цепочка аминокислот, иногда даже как бы обрывков, слогов и букв, и мгновенно начинается некий нужный процесс в организме. И вот я предположил, что для запуска весёлости и радости существуют нейропептиды весёлости и радости, маленькие ключики, индикаторы гормонов радости и эйфории, эндорфинов, серотонина и дофамина в первую очередь. Ключики к этой группе гормонов и нейротрансмиттеров. Будем думать, будем искать. С недельку потерпите, мне надо как следует всё обмозговать. С Петровым я побеседовал на эту тему и он загрузился. И не отступится, пока не расколет проблему. Я его знаю.

– Выходит фасцинация имеет и пептидную основу? – спросил Денис.

– Думаю да.

– Это же в клинической фасцинетике будет замечательное ядро! – воскликнула Альфа.

Арбелин ласково ей улыбнулся:

– Причем научно обоснованное. Фундамент исцеления от депрессий и апатии. А возможно и от аутизма. Полковнику нужен факт. Мы его создадим с помощью пептидов весёлости. Превратим город в массовый весёлый карнавал. Для этого надо изобрести фасцинирующую добавку с пептидами весёлости. Нужна сыворотка весёлости, суспензия, порошок. Из них Денис создаст добавку, приводящую человека в состояние безудержно весёлого блаженства.

Арбелин ходил по кухне и говорил, размышляя:

– Но откуда, из чего извлечь пептиды? Кровь исключается, никто нам её не позволит собрать в достаточном количестве. Животные? Но где их веселящихся взять? И я пришёл к мысли, что есть только одна субстанция для получения пептидов весёлости – пот веселящихся людей. Остаётся придумать, как заполучить

этот пот. Патрицианки в Древнем Риме использовали пот гладиаторов. Они посылали своих рабов на тренировки гладиаторов, чтобы вытереть с них пот полотенцами, и этими полотенцами натирали себя. Это их сексуально возбуждало. Но гладиаторы сражались и их пот был насыщен тестостероном и норадреналином, гормонами энергии, храбрости и агрессии. У женщин на это следует реакция в виде сексуального возбуждения и вожделения. А нам нужен пот веселья. Много пота. Ведро пота. Давайте подумаем, где и как его взять. Причём пот должен быть трезвый, а не пьяный. И не агрессивный или трудовой.

– Проще простого! – ни секунды не раздумывая, весело воскликнула Альфа.
– От танцоров, Юлиан Юрьевич!

Арбелин уставился на неё:

– Интересно. Подробнее.

– Я в танцевальной студии два года занималась. Бывало, так растанцуемся, что мокрыми становимся. Хоть майки выжимай.

Дошло до Арбелина. Хоть майки выжимай! Если у двадцати человек выжать майки, то что-то да соберётся. Ай да Альфа!

– Сколько вас в студии плясало?

– Человек тридцать посещали. А танцевали по-разному. Бывало все, а чаще небольшими группами.

– Какие танцы?

– Всякие. Народные. Бальные. Вальсы, фокстроты, танго...

– А самые зажигательные какие?

Альфа задумалась, перебирая в уме.

– Латино, пожалуй. И народные... Юлиан Юрьевич, если зажечь двадцать танцоров на полную отдачу под латино, взмокнут через полчаса как под дождём. И если одеть всех в хлопковые футболки и трико, пот будет ещё тот, знай выжимай в ведро.

– Слышал, Денис? В ведро. А лучше в какую-нибудь канистру, которую можно плотно закрыть. И мчаться к Петрову. У-ух! Дух захватывает. Ай да Альфа!

Он восторженно смотрел на сметливую ученицу.

– А как таких танцоров заполучить, где?

– Я поговорю с Нинель Геннадьевной, она танцевальной студией руководит. Я у неё была любимой ученицей. Думаю, она согласится на такой эксперимент. Ради науки. Объясним ей задачу. И ребятам тоже.

– Замечательно! А футболки где достать?

– Купим, сейчас это не проблема. Из чистого хлопка, чтобы хорошо впитывали пот.

На следующий день Альфа была в танцевальной студии. Нинель Геннадьевна обрадовалась встрече. Поговорили, вспомнили былое. Альфа рассказала о своей инвалидности. И поведала о замысле.

Нинель Геннадьевна замысел поняла.

– Ради науки отчего же не сплясать. – засмеялась она. – До седьмого пота.

Обговорили детали: музыку, темп, время.

Альфа предложила одеть всех в хлопчатобумажные трико и как только танцоры взмокнут, тотчас трико скидывать и отжимать в два эмалированных тазика, отдельно для мужчин и для женщин. А потом слить в канистру.

Нинель Геннадьевна обещала подобрать зажигательную музыку и так сформатировать её на магнитофоне, чтобы темп ускорялся до бешеного ритма.

– Через полчаса будут мокрые. – заверила она.

Альфа ещё раз приехала к Нинели Геннадьевне с Арбелиным.

Арбелин Нинель Геннадьевну очаровал, они быстро подружились. Учёный доходчиво разъяснил ей суть проблемы – собрать как можно более веселый азартный пот, из которого биохимики попробуют вытящить пептиды весёлости и помогут создать лекарства от депрессии.

Нинель Геннадьевна, осознав грандиозность замысла, пообещала, что танец будет супер потный.

Альфа с Денисом объехали магазины и склады, отыскиали то, что нужно – белоснежные отличного хлопка футболки и трико. Доходы от пингвинчика позволяли, поэтому закупили с лихвой, чтобы всем достались их размеры.

Танцевальный эксперимент назначили на воскресенье.

Арбелин прихватил видеокамеру на треноге. Настроил её так, чтобы она охватила всё пространство танца. Идея была проста – запечатлеть действие, как если бы снимался эпизод для кинофильма.

Все, кроме танцоров, изрядно волновались. Танцоров было двадцать – по десять парней и девушек, стройных, подтянутых, жизнерадостных.

Нинель Геннадьевна собрала всех в круг. Альфа присоединилась к танцорам, она среди них была своя.

Арбелин с Денисом встали чуть в сторонке.

Танцоры поглядывали на них с любопытством.

Нинель Геннадьевна окинула своих питомцев строгим взглядом и произнесла короткую речь:

– Мальчики и девочки! Внимание! Сегодня у нас необычная репетиция. И даже не репетиция, а показ, что мы умеем. На максимальной отдаче. Мы поработаем сегодня на науку. Профессор Юлиан Юрьевич Арбелин специально пришёл, чтобы попросить нас об одолжении. Послушаем его. Юлиан Юрьевич, скажите нам об эксперименте.

Арбелин улыбнулся своей обворожительной улыбкой, оглядывая гипнотическим взглядом огненных глаз всех танцоров в лицо.

– Друзья мои, эксперимент прост. Вы танцуете зажигательный эмоциональный танец. Я зафиксирую на видеокамеру. Копию передам Нинели Геннадьевне. Посмотрите. Танцуете так, что взмокнете и с вас пот польётся ручьями. Чем больше, тем лучше. Одеты будете в хлопок, в трико и футболки. Будет хорошо впитывать пот. После танца быстроенько раздеваетесь. И отжимаете что есть сил

трико в эмалированные тазики. Денис, мой помощник, – Арбелин показал на скромно стоящего рядом Дениса, – забирает пот и увозит в лабораторию. Там специальной технологией сделают из пота вытяжку пептидов, гормонов веселья, радости и страсти, чтобы выяснить их молекулярную структуру. Возможно, получим в итоге лекарство от апатии и депрессии. Это делаем впервые в мире и с волнением будем ждать результата.

– А нам потом расскажете? — спросила задорная смуглая девушка.

– Обязательно. Вот и всё, о чём я хотел вас попросить. – Арбелин засмеялся. – Мне нужен позарез ваш замечательный пот.

Засмеялась, заражая питомцев весельем, и Нинель Геннадьевна.

– Всё поняли? Послужим науке? Попотеет? Альфа с нами тоже будет потеть. Тридцать минут и по максимуму!

Всех охватил азарт.

– Не будем резину тянуть. Начинаем. Переодевайтесь и покажем Юлиану Юрьевичу, на что мы способны.

Денис раскрыл два саквояжа с белоснежными футболками и трико. Парни и девушки ушли за свои перегородки. Минут через десять в зале были уже совсем другие танцоры — обтянутые трико и футболками фигуры были изумительно рельефны, спортивны и пластичны, какими бывают тела только у танцоров и акробатов.

Альфа тоже в трико и с тросточкой заняла место в центре зала, остальные расположились вокруг неё парами.

Глядя на них, одетых в белоснежные трико, молодых и красивых, Арбелин радовался – пот будет самого весёлого качества.

Нинель Геннадьевна включила музыку. Это была зажигательная бразильская карнавальная самба с последующим переходом в ещё более эмоциональную колумбийскую сальсу.

С первых же волнующих аккордов самбы время сдвинулось в иное измерение, ритмы и звуковая гармония захватили мозг каждого, отодвинув и вычеркнув всё постороннее, ненужное. Двадцать один человек слились в единый пульсирующий, ритмично животрепещущий организм, живущий только чувственным ритмом и радостью движений. Началось волшебство, какого Арбелин не видывал.

Темп Нинель Геннадьевна подобрала почти африканский, тамтамовый, точный и нарастающий. Но начала с незначительной громкости, чтобы добавлять её по мере нарастания темпа. Так аборигены Африки доводят себя до группового экстаза и транса. Нинель Геннадьевна это знала и замысел Арбелина поняла очень верно.

Арбелин одобрительно посмотрел на неё. Она ответила понимающим взглядом. При этом она и сама уже была в движении, душа профессиональной танцовщицы просилась в круг, но этого ей нельзя было делать и она пританцовывала у аппаратуры, а там, в круге, центром импульса и эмоций была Альфа, уж в ней-то Нинель Геннадьевна была абсолютно уверена.

Альфа была божественна. Арбелин впился в неё заворожённым взглядом. Боже, что она выделялась, как она двигалась, как изумительно она выглядела в обтягивающем тело трико!

Альфа танцевала для него, для своего Учителя, вкладывая в движения и ритм всю свою радость. Движения тела её были одновременно изумительно пластич-

ны и порывисто неожиданны. Только что по телу проходила ритмичная судорога, как вдруг она сменялась змеиной извилистостью, чтобы в следующий миг сменить её вздрагиванием некоего трепетного движения из танца живота. Она импровизировала, пела, выдумывала телесную симфонию, помогая телу тросточкой, то опираясь на неё, то слегка постукивая в ритм, а то выделявая ею невообразимые, рискованные скользкие пируэты. Хромота не то чтобы исчезла, она настолько органично впаялась в найденный ею стиль, что даже привносила некий шарм танцевальной иронии, элемент весёлого пластического юмора.

Необычность её пластики и горящие глаза действовали на всю группу, все пары ринулись в импровизации и у каждой пары выходило по-своему, но весь этот калейдоскоп импровизаций сплетался в удивительный по энергетике карнавальный ансамбль. Это было поразительное телесно-пластическое творчество, одновременно индивидуальное и групповое, центром которого пульсировала Альфа.

Денис заворожённо, не отрывая глаз, смотрел на музыку её тела. Он представлял, какой в этом ансамбле могла быть Альбина и с удовольствием фантазировал, что она-то со своей гуттаперчивостью была бы под стать Альфе.

«Фасцинация, фасцинация. В чистейшем и первозданном виде, – подёргиваясь в такт музыке шептал Арбелин, восхищенно внимая происходящему на его глазах волшебству. – Где же тут информация? Ноль! Одна волнующая до печёнки фасцинация, пульсация животной радости. Экстаз, транс, упоение. Да, танец – это язык богов».

Арбелин вспомнил о камере, ринулся к ней и быстро изменил ракурс съёмки, сделал наезд на Альфу. Ему нужна была теперь только она, в нём вспыхнул исследовательский азарт, он уже предвкушал, как дома со скрупулёзностью анатома будет разлагать пластику её тела на кинесические атомы, создающие волшебство визуальной фасцинации.

Это было невыносимо восхитительно! Арбелин не выдержал, начал пританцовывать. И вдруг его подхватила какая-то неведомая волна восторга и он помимо воли начал выделять такие коленца, что вся группа одобрительно засмеялась, а Нинель Геннадьевна, поймав настроение, взвинтила темп. Нужен был пот!

Увидев внезапный каскад замысловатых движений Арбелина, у Альфы как у ребёнка потекли слёзы умиления и радости. И вдруг она отбросила тросточку! Боль исчезла, её полностью сняла и вытеснила волна обезболивающих эндорфинов восторга.

Денис не знал, что предпринять, его тело тоже ходило ходуном и он что есть силы сдерживал себя, чтобы не присоединиться к Арбелину.

Арбелин же отбросил всякие тормоза и с наслаждением предавался импульсам биологической первобытности. Он присоединился к Альфе и они образовали пару, столь необычную в симбиозе, что вся группа ахнула от изумления. Вспомнив молодость, Арбелин откалывал такие иронические коленца, что залюбуешься. Альфа подладилась под его стиль и свою импровизацию превратила в забавное шаржевое латино.

Когда все взмокли и оборвалась музыка, на какой-то миг наступила мертвая тишина, все как будто оцепенели. Нинель Геннадьевна скомандовала:

– Быстренько, быстренько, пока пот не высох!

И все с шумом и смехом бросились переодеваться.

Через две-три минуты две небольшие плотно закупоренные канистры Денис с Альфой мчали в лабораторию Абрамзона.

Арбелин остался выразить благодарность участникам эксперимента и особенно прекрасно всё организовавшей Нинели Геннадьевне.

– Вы обещали мне диск. Не забудете? Очень будет интересно нам посмотреть. – попросила она на прощанье.

Арбелин заверил её, а про себя прикинул, что свои кренделя надо будет вырезать.

И был ещё один зритель волшебства, он смотрел на танцующих как на бесноватых и прилежно записывал происходящее бесовство на свою портативную камеру. Этим зрителем был Ляушин. Выследить он выследил, приклеился, но вахтёрша встала перед ним непрошибаемой стеной и внутрь клуба не пустила: ей Нинель Геннадьевна запретила пускать кого бы то ни было в зал репетиций.

Минут двадцать уламывал внушительного размера старушку Ляушин, пока не сломал её упорство элементарной взяткой в три тысячи рублей.

– Только тихо-тихо, – напутствовала старуха, – а то меня уволят.

Она провела его на галёрку, где он в темноте сжался, как паук, и смотрел сверху на зрелище. Заснять ему удалось как раз с той минуты, когда со своими курбетами присоединился к танцорам Арбелин.

И как только танец закончился, Ляушин мгновенно и незаметно исчез, помчался к Гаргалину показать небывалый факт. Но сначала заскочил домой и перегнал заснятое на компьютер, чтобы любоваться невероятно соблазнительной в танце Альфой.

Гаргалин ждал.

Посмотрев отснятое действо, он воззрился на Ляушина:

– Что это?!

Ляушин пожал плечами:

– Какое-то сумасшествие. Вроде пляски трясунов.

Гаргалин недоумевал. Танцующий горбатый Арбелин был для него новой загадкой.

– Никому об этом. – приказал он Ляушину. – Я разберусь.

Ляушин кивнул, хотя не представлял, в чём надо разбираться: пляска есть пляска. Причём в трезвом виде.

Гаргалин прикидывал и так и эдак, и пришел к заключению, что Арбелин всё же немного не в своем уме. Такие пируэты может выделять в его возрасте только бесноватый безумец. А поскольку уговор был погрузить город в массовое веселье, то подумал, что Арбелин устраивает мини-репетицию. Веселье однако же было действительно радостное и значит неопасное. «Ладно, посмотрим, – решил Гаргалин, – пусть себе пляшут».

Позвонила Альфа.

– Литр! – произнесла она радостным голосом.

– Быстро ко мне. – отрезал Арбелин, переходя на код.

Альфа сконфузилась: на радостях забыла о бдительности.

– Мчусь.

Приехав, радостно доложила:

– Сделали сыворотку. Петров с лаборантами помогли. Он в восторге, мы ему чуточку оставили, будет исследовать. Денис увёз в своем холодильнике.

От сердца отлегло, Арбелин волновался, ждал неудачи.

– Завтра утром приезжайте оба. Будем соображать.

Созвонился и съездил к Петрову.

Тот выразил своё удовольствие.

– Очень остроумно ты, Юлиан, придумал. Посмотрим, что получится. Во всяком случае, материал отменный. Это что-то вроде спермы, только больше по объёму, работать легче. Ничего, что я вашего материала немного прихватил для себя?

– Дмитрий, какой разговор. Конечно. И что получится, мне подробненько расскажешь. Я же в химии тюфяк.

– Все бы такими тюфяками были! Вытяжку из пота сочинил. Преклоняю перед тобой выно.

– Не я сочинил, а древние патрицианки Рима. Я только вспомнил про их сексуальные проделки.

– В мужском поте недавно откопали ещё андростадиенон, он-то и возбуждает женщин. Ну и тестостерон, экстроген и норадреналин. Проказницы!

– Заметь – две тысячи лет назад! Ни о каких андростадиенонах, тестостеронах и экстрогенах не знали. А про вождение от мужского пота знали.

– Гениально. Но скажи, как вы весёлый пот получили? Что, в какую-то игру играли? Футбол? Волейбол?

– Проще, Дима. Двадцать юношей и девушек самозабвенно танцевали латинно. Я сам не вынес пытки, пустился в пляс.

– Потрясающе! Значит и твой пот привезли?

– Я был в рубашке. Но взмок.

– Это хорошо. А то эксперимент пришлось бы корректировать. Смех смехом, но придумано замечательно. И если результат будет хороший, давай продолжим. Сможешь уговорить их ещё на один сеанс?

– Поговорю. Думаю, не откажутся. Мне тоже ужасно любопытно, что получится.

Дмитрий Петров был профессионалом высочайшего класса и смекнул, что Арбелин зацепил его в эксперимент, сулящий нешуточные открытия. Дал Арбелину немножко окситоцина для смеси.

Открытия ждал и Арбелин. Вся надежда была теперь на талант Дениса – сумеет ли он вылепить из полученного пептидного материала с окситоцином в придачу fasciniрующую добавку и какую именно. Вспомнил об опытах гениального Александра Шульгина с фенилэтиламином и мелькнула мысль о его

добавке к пептидам весёлости, но он тотчас её отбросил – фенилэтламин грозил изменением сознания, наркотическим воздействием.

Веселящую сыворотку с минимальной примесью окситоцина Денис привёз к Арбелину на следующий день к вечеру.

– А как проверить? – спросил он Арбелина.

– Во все времена изобретатели проверяли действие на себе. – засмеялся Арбелин. – Знаете как гениальный химик Хофман наркотик ЛСД открыл? Совершенно случайно, допустив халатность. И сразу на себе испытал. И описал, как на него подействовало.

Арбелин добавил принесённую Денисом сыворотку в два стакана с дистиллированной водой, которой его снабдил Петров – для проб.

– А мне? Я тоже хочу. – взволновалась Альфа. – Или я не соучастник?

Арбелин почесал затылок:

– А вдруг у тебя начнётся что-нибудь непредсказуемое? Мы же не знаем, как подействует, рискуем.

– Юлиан Юрьевич, не дискриминируйте меня. – умоляюще смотрела на Учителя Альфа влажными глазами газели.

Арбелин наполнил водой наполовину третий стакан и добавил чуточку смеси.

Все трое, волнуясь, медленными глотками выпили и стали ждать.

Действие добавки началось минут через пятнадцать и сначала у Альфы. Она побледнела и испуганно ойкнула, ощутив волнение, какого никогда в ней не случалось.

– Не пойму, что это во мне... вот тут. – Альфа погладила низ живота.

Арбелин, поймавший в себе прилив приподнятого настроения, засмеялся:

– Вот видишь, я же предупреждал. Женщины чувствительнее на любую гормональную стимуляцию. Нам с Денисом только весело, а у тебя уже что-то вышло. Впервые?

– Впервые... Я...я же девственница!

– Но женщина. Так что эта добавка для тебя первый и последний раз. Превратишься в нимфоманку, академии только этого не хватало. Рано. Должно всё происходить естественно, без ненужных стимуляторов. А ты, Денис, в эту добавку афродизиаки никакие больше не добавляй. Веселья достаточно. Там, где веселье, сексуальность появится неизбежно. Это эволюционный закон. Центры в мозге близки и волна веселости захватит и сексуальные структуры. Это человечество знало уже тысячи лет назад. Иначе не существовали бы вакханалии, сатурналии и другие оргазмические празднества у всех древних народов земного шара.

Денис кивнул. Но про себя упрямо решил, что Саньке Дубу добавит. Он сразу понял, что в руках у него появилось орудие мести. Куда и как его приладить, он ещё не знал, но это было уже, как говорится, делом техники.

Добавка действовала всё сильнее и все трое как-то необычайно и весело разговаривались, начали шутить, вспоминать забавные истории, разбавляя всё это смехом. Началось то, что называют «кайф».

Альфа вдруг выскочила на середину ковра и начала пританцовывать, повторяя недавнее латино.

– Юлиан Юрьевич, помните, как мы танцевали?

Арбелина пронзила догадка: раз пептиды извлечены из пота танцующих, стало быть они стимулируют сразу и веселье, и ритмическую подвижность, желание ритмического движения? Когда люди радуются, они же прыгают, скачут. Особенно дети и женщины. Можно будет привести в весело танцующее состояние хоть целый город.

Арбелин порозовел от нахлынувшего волнения. Они держали в руках открытие! Эксперимент с пептидами весёлости удался. Окситоцина же можно добавлять самую малость, а то и вовсе не добавлять, понял он. Могут быть интересные сочетания и с другими эротическими стимуляторами, с тем же фенилэтиламином. Но нужна проверка.

– Вот что, друзья. Мы изобрели мощнейшее средство воздействия на психику. Использовать его надо с великой осторожностью. Настроение поднимает, радость формирует, весёлость зашкаливает. Это уже похоже на средство против ипохондрии, агедонии и депрессии. Но понадобятся экспериментальные проверки. Сегодняшняя проверка не в счёт. Нужны эксперименты на людях, которым ничего о нашем инструменте неизвестно. А как мы его назовём?

Альфа потёрла лоб, выдумывая:

– Может веселин?

– Очень неплохо. А, Денис?

– А я предлагаю назвать «ай-веселин». – засмеялся Денис весело. – Есть антигрустин, а у нас получился ай-веселин.

– Да, да! – захлопала в ладоши Альфа. – Айвеселин.

– Пусть между нами так и будет. Весёлое имя. Теперь надо придумать, где мы можем произвести достаточно массовый вброс айвеселина. Где это можно выполнить?

Денис уверенно произнёс:

– В столовых или кафе.

Арбелин задумался, перебирая в голове возможные варианты, и согласился, что столовые – лучшее место для эксперимента.

– Да, пожалуй. Значит надо тебе, Денис, приклеиться в какую-то столовую.

– К нам, в университет! – подсказала Альфа, присев в кресло. – Студенческая столовая то, что надо. Едоков много и все молодые.

– Точно. – согласился Арбелин. – Развейдите, не нужны ли помощники в университетскую столовую.

На следующий день Денис с Альфой поехали по университетским точкам питания. Их оказалось четыре, в каждом из корпусов университета. И в главном корпусе в столовую требовался помощник повара.

Денис предстал перед заведующей. Напрашиваться не пришлось, слава Дениса крылом своим коснулась и заведующей, моложавой женщины внушительных габаритов, – видела и она «Адама и Еву».

– Сможете делать выпечку?

– Нет проблем.

– Завтра и приступайте.

Учебный год был уже в разгаре, все факультеты работали по полной программе, студенты заполняли столовую.

Выпечка Дениса нравилась, заведующая была довольна приобретением мастера.

А мастер ждал сигнала для атаки.

Арбелин с Альфой дважды посетили столовую, присмотрелись. Убедились, что лучшего места для эксперимента не придумать. Добавку решили подмешать в выпечку и, если Денису удастся, в компот – излюбленный напиток студентов. Выпечка и компот могли обеспечить процентов семьдесят, а то и больше, «подопытных».

Часть девятнадцатая

АЙВЕСЕЛИН ДЕЙСТВУЕТ И ЗАЖИГАЕТ!

И сигнал был подан.

В день вброса добавки в назначенное время в столовую вошли и скромненько заняли один из столиков Арбелин с Альфой. Увязавшийся за ними Ляушин занял место от них подальше, чтобы ненароком не узнали. В камуфляже с бородкой и усами узнать его было сложно. Был он сыт и потому для вида взял поесть только салат и кофе. Арбелину же не до того было, чтобы выискивать шпика, они с Альфой были поглощены наблюдением за поведением едоков.

Неожиданно появился в столовой профессор Миринков в сопровождении миловидной пышнотелой особы, обладавшей выдающейся крутизной форм и крутым шнобелем. Это была его аспирантка Ирочка Серова, наделённая неодолимой страстью воровать книги всюду, где они были: в книжных магазинах, библиотеках, на кафедрах университета и у друзей. У Миринкова она ловко стащила взятую им в университетской библиотеке книгу «Принципы самоорганизации», за которую ему пришлось краснеть перед заведующей библиотекой. Однажды Ирочка исхитрилась утянуть какую-то детскую книжицу с книжного расклада у уличных торговцев, но была поймана и получила пять мощных ударов коленом под зад. На Ирочку Серову Миринков обратил внимание в руководимой им гимназии, где она служила завучем по внеклассному воспитанию и привлекла его не только пышными формами, но и его обожествлением. Оттуда он и взял её в аспирантуру.

Их Арбелин мгновенно зафиксировал, но не подал вида, что узнал Миринкова. И проследил взглядом, как парочка прошла по линии заказа и принесла на свой столик обед, в том числе по пирожку, стакану кофе и компота. «Любопытно, – прикинул в уме Арбелин, – кто из них выпьет компот».

В столовой играла негромкая лёгкая музыка.

В это время началось действие добавки у студентов, приступивших к еде раньше Миринкова с дамой. Студентов было всего двадцать четыре, как подсчитал Арбелин, плюс какой-то старичок – этим старичком был Ляушин – и Миринков, – в самый раз для наблюдения.

То, что произошло в этот день в столовой, стало шоком и темой обсуждений и домыслов для всего университета.

Картина, развернувшаяся перед глазами Арбелина, была столь же неожиданной для такого заведения, как студенческая столовая, сколь и невероятной.

– Ой–ой–ой! – вскрикнула тоненькая худощавая студентка философского факультета Оленька Очеретина. – Ой! – и вдруг рассмеялась безудержно и звонко.

Все воззрились на неё, но всего лишь на пару секунд, потому как в другом конце зала, где сидели два закадычных друга, всем известные в университете «голубые» Макс с Ником с биофака, раздался уже хохот, а потом они вдруг выскочили из-за стола и, прижавшись друг к другу, принялись исполнять какой-то невообразимо эротичный танец.

Через несколько минут в столовой танцевали и смеялись уже почти все, кроме старичка, Миринкова с дамой и Арбелина с Альфой.

– Идём и мы. – шепнул Арбелин Альфе, догадавшись, что выдадут себя, если окажутся белыми воронами.

Они начали выписывать пируэты вокруг своего столика, на ходу импровизируя нечто ироническое.

И как только они вышли на открытое место, вдруг странно ойкнула и выскочила к танцующим сопровождавшая Миринкова Ирочка Серова. И начала так эротично извиваться пышными телесами, что Миринков оторопело воззрился на неё, не в силах шелохнуться от шока. Сам он был к разгоравшемуся веселью безучастен, так как выпил кофе, а не компот.

Пока он собирался с разумом, танцующая Оленька Очеретина схватила себя за низ живота и завизжала так, что зазвенели стёкла.

Все замерли.

– Аааааааааааааа! Ойаааааааааааа! – разнёсся по всем этажам университета её эротичный визг, значение которого все до единого, услышавшие его, правильно однозначно расшифровали.

«Неужто Денис подмешал сексуальной добавки?» – сердито подумал Арбелин, переглянувшись с Альфой.

Миринков пришёл в себя, вскочил, схватил Ирочку за руку и потащил к выходу. Она же, покорившись ему, всё ещё смеялась и извивалась на ходу.

Сексуальный визг Оленьки Очеретиной перечеркнул всеобщий экстаз. А она, вздрагивая, прихватила сумочку и выпорхнула из столовой вслед за Миринковым с аспиранткой.

И все тихо-мирно разошлись, будто минуту назад и не было никакой вакханалии. О ней рассказывал потом всем только обслуживающий персонал столовой. При этом каждая из рассказчиц, как и положено, добавляла детали и приукрашивала, так что на следующий день университет переживал свершившееся как некое чудо массового самовнушения вроде плясок святого Витта или экспериментальной диверсии инопланетян – уфологов в университете хватало. Денис не

оставался в стороне и тоже присочинял, а про себя ругал себя последними словами за то, что не удержался, нарушил приказ Учителя и подмешал-таки в компот немного окситоцина.

Арбелин с Альфой тоже тихо удалились.

Последним, чуть задержавшись, вышел Ляушин и ринулся к Гаргалину показывать видеозапись: он сумел незаметно заснять всё происходившее в столовой.

Гаргалин мгновенно вспомнил танец и тотчас понял, что всё, зафиксированное на камере, не иначе как дело рук Арбелина, хотя он с хромоножкой тоже участвовал в плясках и даже выписывал такие кренделя, что и молодой позавидует. Увидел Гаргалин и профессора Миринкова, наметив завтра же встретиться с ним и расспросить о свершившемся на его глазах, и особенно о том, не рассказывала ли ему сопровождавшая его дама чего-нибудь сокровенного.

Только на следующий день утром пронзила Гаргалина мысль о необходимости проверки еды в столовой университета: вдруг в еду подмешали какой-нибудь стимулятор? Выругав себя за утерю хваленной интуиции и прихватив с собой Ляушина, он помчался в университет и появился в кабинете заведующей столовой, перепугав женщину до транса.

Но перед тем, как войти к ней, он прошёлся по столовой и по раздаче. И увидел Дениса. Э, да шайка-лейка была вчера тут вся в сборе, мгновенно оценил он. Эх, сейчас бы провести молниеносный обыск у всех троих, тоскливо подумал Гаргалин, вспоминая не такие уж далёкие времена, когда это он мог проделать элементарно. Увы, времена иные, а повода для обысков не было, танцы не повод подозревать государственную опасность.

— Дошли до нас слухи, что случилось у вас вчера невероятное веселье. — начал мягко Гаргалин, представившись заведующей сотрудником ФСБ, однако глаза его выдавали эмоции совсем не мягкие.

Заведующая, икнув с перепугу, кивнула:

— Сама не пойму, что это такое. Давай вдруг все смеяться и плясать.

— Алкоголя не было в продаже?

— Что Вы, что Вы! — замахала руками женщина. — У нас же студенческая столовая. Преподаватели ходят.

— Мужчина-повар у вас интересный работает, как Вы его охарактеризуете, не пьяница?

— Очень хороший парень. Просто умелец. Он же победитель кулинарного конкурса. — одобрительными интонациями начала описывать заведующая Дениса.

— Это с тортом про Адама и Еву?

— Ну да. На весь Бург прогремел.

Расспросы ничего не дали, но то, что в столовой работает Денис, Гаргалина насторожило.

Он приказал Ляушину организовать пробы со всей еды и отвезти на анализы к Петрову. А заведующую предупредил, чтобы она, ни секунды не мешкая, звонила ему, если вновь произойдёт нечто неординарное.

Спустя день в руках у него было заключение Петрова: всё чисто, ни в едином блюде ничего подозрительного.

А спустя два дня грянуло ещё одно «чудо», на этот раз имевшее неприятные последствия.

В столовой скромно появилась Оленька Очеретина. Заказала четыре пирожка и четыре стакана компота. Пропадала она три дня после взбудоражившего всех сексуального визга, переживая огромный сексуальный подъём и беспрерывно мастурбируя. В тот чудесный для неё день открытия в себе могучей сексуальности она заказала только пирожок и стакан компота. И ей стало ясно, как дважды два, что секрет её метаморфозы в пирожке и компоте. Усевшись за столик в стороне от всех, она как кобра уставилась на пирожки и компот, глотая слюну от предвкушения, а потом начала поедать пирожки и запивать компотом. Ничего, кроме ожидания желанного эффекта, для неё не существовало. На третьем стакане и произошло то, чего она ждала. Однако на этот раз реакция оказалась ещё мощнее. Она взвизгнула, ухватила себя за промежность, не усидела на стуле и рухнула на пол, извиваясь в конвульсии и взвизгивая. Все, кто был в столовой, повскакали из-за столов. Оленька не унималась.

Выбежавшая на визги заведующая тотчас оценила ситуацию: позвонила Гаргалину и прихватила со столика оставленные Оленькой пирожок с компотом.

Гаргалин же вызвал скорую, направив её в столовую университета, и сам помчался туда же с Ляушиным.

Оленьку спеленали и увезли прямым в психдиспансер.

Пирожок с чаем Гаргалин лично повёз к Петрову.

С нетерпением ждал он результатов из психдиспансера и от Петрова. К его огорчению и удивлению, ничего криминального не было обнаружено. Психиатры сошлись в мнении, что девушка подвержена приступам странной, непонятной природы гиперсексуальности. А анализ пирожка и компота был совершенно безобидным.

Оленька настолько уверовала и внушила себе, что пирожок с компотом вернёт ей сексуальное неимоверное блаженство, что с ней элементарно сыграл злую шутку эффект плацебо.

Встретиться с Миринковым Гаргалину не удавалось целую неделю. Миринков с Ирочкой Серовой куда-то запропал.

А запропал он на их секретное гнёздышко, однокомнатную квартирку, где они уже год предавались тайной любви, сокрытой от глаз сотрудников, жены Миринкова и мужа Ирочки. Добавка подействовала на Ирочку столь непредсказуемо властным образом, что превратила её на целую неделю в яростную нимфоманку. Миринкову не оставалось ничего, как её изолировать. Но не оставлять же в охватившем её безумии одну. И аспирантка целую неделю настойчиво истязала любимого научного руководителя. Появились они на работе врозь, один за другим с интервалом в день: сначала Ирочка, потом Миринков. Каждый придумал свою отмазку, но оба попали под подозрение зорких сотрудниц пожилого возраста. И

было на чём разыграть подозрению. Оба страшно осунулись, а пышнотелая Ирочка сбросила не меньше десяти килограммов и одежда на ней болталась.

Когда Гаргалин встретился наконец с профессором, тот молчал как бревно. Мог ли он рассказать полковнику об удивительной сексуальной метаморфозе, произошедшей со своей аспиранткой!

Своё расследование предпринял и Арбелин. Уже вечером того экстремально-го дня, когда всё на его глазах происходило, он расспрашивал Дениса наедине.

– Ну, озорник, рассказывай, зачем ослушался и что именно подмешал в компот.

Денис уже в столовой осознал всю пропасть своей вины и потому не только не запирался, но поник головой.

– Юлиан Юрьевич, простите, если можете. Чёрт попутал. Не удержался, решил проверить, как подействует. Добавил-то чуть-чуть и только в компот.

– Что именно добавил?

– Только чуточку окситоцина, что же ещё.

Арбелин потёр лоб, как делал всегда, когда задумывался над решением сложной задачи. Получалось, что добавка окситоцина к пептидам весёлости может давать эффект не только весёлого дружелюбия, но ещё и гиперсексуальности. Впрочем, этого и следовало ожидать. Если весёлость, создаваемая пептидами, вызывала вздёрнутость и смех, а значит потенциально пробуждала и сексуальные структуры, то окситоцин мгновенно эту связку укреплял и взрывал в благодушные и эротические тягу. Это крепче виагры и прочих возбудителей эрекции и вожделения. И, похоже, действует особенно на женскую сексуальность. Не случайно у Альфы, – а она девственница! – и то разыграло либидо, тогда как ему с Денисом стало только весело.

– Скажи, зачем тебе стукнуло делать такую проверку? – спросил Арбелин, устремив свой гипнотический взгляд прямо ему в зрачки. – Я же запретил.

– Хотел посмотреть, как это может подействовать, если подмешать в пиво. – понурил голову Денис.

«Вот оно что! Парень вспомнил о мести и решил, что нашёл орудие возмездия» – понял Арбелин.

– Убедился? Подумал, что пора братья за мщение?

– Да, Юлиан Юрьевич.

– Что ж, вольному воля, ты изобрёл, тебе и решать. Но с одним условием – никаких иных экспериментов без моего разрешения. Или мы расстаёмся. Максимум ответственности, дорогой мой!

У Дениса отлегло. Он думал, что Учитель его прогонит. А что он без Учителя даже и с добавкой? Ноль. Пептиды закончатся, окситоцин без них всего лишь щекотка. Он и собирался поклясться, что никогда больше своеволия не допустит.

– Юлиан Юрьевич, больше никогда! Клянусь. Чёрт дёрнул, так захотелось убедиться, что наконец отомщу.

– С этим оружием воистину отомстишь. Но надо ещё поработать. Итог сей басни таков: примесь окситоцина к пептидам весёлости даёт гремучую смесь.

Скорее всего происходит какой-то регрессивный сдвиг в лимбической системе мозга и сцепка на гиперсексуальность. Очень опасная штука. Я боюсь даже Петрову сказать. Не наша это задача. Потом, позже возьмёмся за неё. Вместе с Петровым. Высвечивается из мрака мозга какая-то великая тайна. Не случайно же тысячи лет люди в плясках, подпитии и стимуляторах разного рода пускались в промискуитет. А секта трясунов эту сцепку использовала как мощно фасцинирующий религиозно-эротический акт спайки своей секты. Языческие празднества у всех народов соединяли веселье и повальный грех. Христианство две тысячи лет выбивало всю эту языческую муть и не сумело выбить. Эволюционная фасцинация сильнее любого христианства. Ты нащупал мощное средство.

– Не я, Юлиан Юрьевич, а Вы. Ведь Вы привели к созданию вытяжки пептидов весёлости, и Вы говорили о чудодейственности окситоцина. Я только смешал их. Да ещё и наугад.

– Ну хорошо, хорошо. Пусть наугад, но нащупали. Теперь надо очень осторожно действовать. Гаргалин начеку, а тут такой переполох. Чего доброго с обыском к тебе нагрянет.

Арбелин не знал об Ирочке Серовой и Оленьке Очеретиной. А если бы узнал, то и укрепился бы ещё более в своих догадках.

Вспомнил о Наташе и подумал, что изобретённая гремучая смесь скорее всего сможет выдернуть её из асексуальности.

Но Наташа не звонила.

Гаргалин так ничего, что говорило бы об опасности экспериментирования Арбелина, не узнал.

Ни грамма взрывающей весёлое вожделение добавки Денис больше никуда не запускал. Все анализы, организованные Гаргалиным, давали абсолютную пустоту.

Оленьку Очеретину прилежно лечили и кажется вылечили, если не считать, что она провалилась в безудержную мастурбацию.

Аспирантка Ирочка Серова вела себя столь целомудренно, что её за недельную отлучку простил даже муж. Проснётся ли в ней и когда всплеск нимфомании, не ведал даже аллах.

Только её любовник профессор Миринков ходил какой-то понурый, озираясь, как нашкодивший кот, по сторонам, будто ждал нечаянной встречи с Арбелиным. Он учуял, что Арбелин был в тот день в столовой неспроста. Его преследовали кошмарные сны.

Часть двадцатая

ЛЮБВЕОБИЛЬНАЯ БИЗНЕСВУМЕН УМНИКОВА, САНЬКА ДУБ И ЧЕБАЧОК К ПИВУ

На ловца и зверь бежит. Вам нужны подопытные кролики? Пожалуйста, вот вам крольчихи.

Денису позвонила бизнес-вумен, Лионелла Францевна Умникова, бывшая школьная учительница, с приходом плутовского капитализма заработавшая миллионы на китайском текстильном ширпотребе.

– Денис, у меня к Вам пикантный дорогой заказ. Не погнушайтесь заглянуть ко мне. Я машину за Вами пошлю.

«Пикантный и дорогой» зацепило. Денис согласился встретиться и назвал адрес.

Через час он сидел в обставленном в евростиле офисе у вумен, аппетитной и уверенной дамы сексуально активного балзаковского возраста.

Лионелла Умникова относилась к разряду женщин, которые не могут жить спокойной и размеренной жизнью, в ней пульсировала пассионарная энергия преобразования, она постоянно что-нибудь организовывала и выдумывала. Поэтому, как только в Россию пришла новая эпоха с предпринимательством и свободой самовыражения, при которой даже дебил получил право запросто взбираться на любую трибуну и произносить идиотские речи, она оставила скучную учительскую работу в школе и ринулась в бизнес. А год назад выдумала себе даже учёную степень, подслушав на одной высокой бизнес-конференции, куда приобщилась из любопытства, что настоящий бизнесмен должен ездить на супервнедорожнике и иметь корочки кандидата, а ещё лучше доктора наук. Это солидно и престижно.

Уже на другой день нашла то, что требуется – прощелыгу с подпольным бизнесом по выпечке кандидатских и докторских дипломов на любой вкус. Вкус свой Умникова быстро определила: раз она закончила педагогический, стало быть надо становиться кандидатом педагогических наук. На докторскую степень решила пока не замахиваться, рановато, не по ранжиру шапка, вот достигнет уровня олигарха, тогда, ясное дело, надо будет становиться докторшей. Каждому сверчку свой шесток.

Прощелыга Кирилл Безгодков, организатор подпольной организованной банды учёных со степенями и званиями, бизнесом которой была выпечка учёных степеней, поставленную задачу понял и получив от Лионеллы Францевны аванс, тут же приступил к выполнению. Созданная им интеллектуальная мафия могла выдать на гора любую диссертацию на любую тему. В состав банды входили проверенные годами знакомства и тесного сотрудничества и заработка учёные всех специальностей из университетов и академий, плюс пять журналистов бойкого пера и широкого диапазона. Под задачу выпечь кандидата педагогических наук быстроенько собрали команду из двух докторов, – педагогических и психологических наук, – присоединив к ним одного журналиста. Подобрать научного руководителя не составило труда – все члены банды состояли при кафедрах и учёных советах. Тему диссертации определили весьма современно звучащую – «Коммуникативная компетентность школьного учителя как фактор педагогического профессионализма». Диссертация должна была быть готова через год. За это время доктора организовывали несколько публикаций в надлежащих науч-

ных журналах и сборниках. Учёный совет выбрали в педагогическом университете. Все стадии должны были пройти как по маслу и в итоге на свет появится кандидат педагогических наук Лионелла Францевна Умникова. И главное в этой отлаженной процедуре было то, что ни одна свинья на свете, даже если бы ей и вздумалось сунуть своё свиное рыло в истоки учёной степени Лионеллы Умниковой, ничего, кроме уважения и почтения к её диссертации и интеллекту, не отыскала бы. В этом и был секрет эффективности организованной Безгодовым учёной мафии. Диплом заказчик получал наичистейшей пробы – как золотой слиток из госхрана. Можно было бы купить диплом и это было бы дешевле, таким бизнесом промышляло руководство университетов и академий. Но он таил в себе опасность разоблачения фальшивости. Лионелла Умникова решила переплатить, зато комар носа не подточит к её учёной степени.

Единственно рискованным звеном в отработанной Безгодовым и бандой технологии была процедура защиты, и даже не защиты, – в ней тоже всё от оппонентов до голосования было отлажено и хорошо промазано долларами, – а выступление на защите самого диссертанта. Без этого, к большому сожалению и огорчению, обойтись было нельзя. Диссертант обязан был предстать в живом виде и произнести некий соответствующий теме диссертации текст и ответить на два-три вопроса членов учёного совета. Текст был заранее приготовлен, как и вопросы и ответы, но вся загвоздка заключалась в том, что диссертанту надо было читать по бумажке то, о чём он чаще всего не имел ни малейшего представления, а в тексте и ответах его на вопросы встречались научные термины: по минимуму, но всё же несколько терминов обязано было быть для научного камуфляжа. И вот в этом-то звене случались иногда конфузы, так как произносить незнакомые слова правильно (хотя в тексте и проставлены ударения) не каждому диссертанту бывало по силам. Из-за этого на одной из защит удалось проташить диссертацию с трудом и только сфальсифицировав протокол голосования. А на другой защите и вовсе случилась комедия: на трибуну перед учёным советом вышел самый настоящий уголовный пахан с наколками и характерной криминальной мимикой и сиплой дикцией. Это был весьма успешный бизнесмен с уголовным прошлым, которое впечаталось в него навеки целой гаммой символов и знаков в его облике и пластике. Вообще говоря, можно было бы его подменить кем-нибудь пристойным, но он воспротивился, ему померещилось, что он уже учёный и уж прочитать текст для него не проблема. Текст он действительно прочитал вполне правильно, но лучше бы не читал. Однако, к удивлению учёной банды и Безгодова, учёный совет проголосовал единогласно. Всё решил внимательный взгляд диссертанта после его заключительного текста со словами благодарности, которым он обвёл весь учёный совет и каждого его члена в глаза персонально.

Так что Лионелле Францевне с её образованием и отличным голосом нечего было волноваться.

Вот и девичник придумала, да не простой, а замысловатый и весёлый.

– Денис, после Вашего торта с Адамом и Евой спать спокойно не могу, мечтаю устроить небольшой девичник с подружками, и чтобы Вы оформили его как кулинарный праздник.

– Отчего же не помочь. – улынулся Денис. Множество разных заказов он уже обеспечил своей фантазией, но девичник появился впервые.

– Заказ мой необычный. Буду откровенна, мы ведь с вами не детки малые. Мне нужна эротическая кулинарная аранжировка.

Это было неожиданно и не совсем понятно.

– Какая именно? – спросил он.

– Фаллическая. Чтобы было много-много фаллосов, самых разных, какие только можно выдумать из продуктов и выпечки. Но не натканных в виде гвоздей, а в какой-нибудь замысловатой художественной композиции, со вкусом и ассоциациями. И, само собой, разнообразных поз. Нас будет восемь женщин моего возраста и энергичного тонуca. И мы должны на полную катушку расслабиться и устроить себе эротический кайф. Сможете? Оплата – какую скажете. Готова сразу выложить аванс тысячу зелёных.

Пока вумен говорила, Денис прикидывал, как может выглядеть исполнение столь пикантного заказа, чтобы не впасть в откровенную скабрёзную пошлятину. Отказываться и не думал – вумен давала возможность проверить действие айвеселина.

– Хорошо. Когда девичник?

– Через неделю. Успеете?

– Если оперативно, то можно. Завтра же надо будет закупить продуктов, какие скажу.

– Никаких проблем. Машина с водителем в Вашем распоряжении.

– Я на своей управлюсь.

– Значит договорились?

Она подошла к секретеру, достала пачку долларов.

– Вот аванс. Хватит? А всю сумму назовёте завтра. Хорошо?

– Да, я подумаю. И завтра же дам Вам сценарий, как я представляю себе оформление Вашего праздника.

– Ах, как хорошо вы сказали. – звонко рассмеялась вумен. – Праздника, именно праздника я хочу. Необыкновенного весёлого праздника. Скучно живём, хочется повеселиться и поплясать.

«Будет тебе праздник» – усмехнулся про себя Денис, глядя на преисполненную успешности и любвеобилия даму.

И поехал тотчас к Арбелину. Альфе звонить не стал, пусть Арбелин решит, подключать ли её.

Выслушав Дениса, Арбелин расхохотался.

– Ну и времена настали! Строгих нравов российские женщины пустились в эротические девичники. Что ж, давай придумаем им эротический шок. И плюс айвеселинчик. Вот тут можно немножко, самую малость, и окситоцинчика подпустить. Пусть побеснуются. Им этого как раз и хочется. Очень было бы любопытно хотя бы одним глазком посмотреть на действие добавки.

– Юлиан Юрьевич, а какой им сценарий придумать? Не натывать же фаллосов по всему столу, стенам и креслам. Смешно и пошло.

– Тут и думать нечего, Денис. За нас придумали такие праздники древние римляне. Я уже вам с Альфой рассказывал об их Боге Фасцинусе. Сейчас я его

тебе покажу. Замечательный Бог! Он у них был символом мужской производительности, римской мощи и одновременно служил главным оберегом против злых сил и сглаза. Фаллосами был утыкал весь Рим везде и всюду. Как символами и предметами быта.

Арбелин включил компьютер и открыл папку «Фасцинус». И взору Дениса предстал набор статуэток римского бога и амулетов-фаллосов в невероятном их разнообразии из музеев Италии.

– Давай флэшку, скачаю тебе эти картинки. По ним и вылепишь для вумен всё это разнообразие. В центре стола водрузишь вот этого Фасцинуса с огромным до подбородка удом. – он показал фото скульптурки Фасцинуса – По углам стола водрузишь фаллосы внушительных размеров из чего-нибудь крепкого, чтобы не увяли и не завалились. А дальше смотри на весь этот набор картинок и выдумывай композицию и продукты, из которых их вырезать и выпекать. Скажем, длинный тепличный огурец. Приладить к нему два ярких помидора, вот уже эротический образ. Приделать наконецник из красного болгарского перца – и уже хоть глаза закрывай. Понятно, что потребуется уйма шоколада. Да ты сам всё знаешь, что потребуется. Я бы предложил вылепить ещё и Адама с Евой, размерами в полметра высотой. Обомлеют дамы, особенно глядя на Адама в виде Фасцинуса. А?

Денис не выдержал, засмеялся:

– Адам как Фасцинус. Это невероятно! Альфе будем рассказывать?

Арбелин озорно посмотрел на Дениса:

– У нас в академии тайн никаких. Верно? Значит надо Альфе не только рассказать, а и подключить её к заказу. Пусть осваивает эротическую фасцинетiku на практике, ей полезно. Тебе же помощник нужен. Такая махина! Одному не справиться.

– Пожалуй. – согласился Денис. – Я как раз подумал привлечь мою соседку.

– Нет, нет, никаких соседок. Заказ остросюжетный, лучше, если никто о нём знать не будет. Вы разве с заказчицей секретность не обсуждали?

– Нет ещё. Встреча завтра.

– Обязательно обсуди с ней секретность. И Альфа в этом предприятии в самый раз. Ей полезно будет окунуться в мир порочной скоморошной фасцинации в кулинарном исполнении. Давай-ка её призовём.

Он набрал номер Альфы:

– Жду.

Через полчаса Альфа была у Арбелина.

– Готова ли ты, дочь моя, окунуться в дерьмо на пользу фасцинетики? – картинно воздев руки к потолку торжественным тоном произнёс Арбелин.

Мгновенно уловив некую тайну, Альфа включилась в игру:

– Ради фасцинетики и президента академии я на всё готова. – произнесла она не менее торжественно и склонила голову.

Она и представить себе не могла, во что её окунут Учитель с Денисом.

А когда всё уразумела и оторопь от лицеизрения Бога Фасцинуса прошла, рассмеелась.

– Значит и это надо пройти?

– Надо, Альфа, надо. – сказал Арбелин. – И это ещё не самое неприятное из всего, что тебя ждёт в фасцинетике. Фасцинация ведь не только красива, но и скабрезна, когда обслуживает базовые инстинкты.

– Готова, Учитель. – со всей серьёзностью произнесла Альфа и её слова прозвучали как клятва.

Назавтра сценарий был готов. Денис привёз показать Лионелле Умниковой и картинки с Фасцинусом, чтобы она представила себе всю необычность и яркость кулинарного изыска, предлагаемого для фаллического девичника.

– В Древнем Риме патриции так праздновали. – важно уверил её Денис, показывая набор изображений Фасцинуса.

Посмотрев и уяснив всё, вумен ахнула и всплеснула руками в изумлении.

– Это выше всех моих ожиданий. Денис, называйте любую сумму гонорара.

Денис назначил три тысячи долларов и вумен тут же их ему выложила.

О секретности бизнесвумен оказывается тоже подумала. Девичник будет за городом, в её коттедже. Там есть абсолютно всё для поварских дел, огромная кухня, печь, микроволновки, плиты и прочие причандалы.

Денис вызвался посмотреть и был удовлетворён – технически всё было в самый раз. Кое-что придётся всё же испечь на кондитерской фабрике. По дороге обговорили участие Альфы в качестве помощницы. Сценарий требовал подмоги, она это поняла.

– Сколько ей заплатить?

– Пятьсот долларов будет достаточно.

– Хорошо. – согласилась Умникова и, достав из сумочки пять стодолларовых купюр, подала Денису.

– А когда мы всё расфасуем, выложим, сконструируем, кто будет обслуживать? – задал Денис вопрос, который всё время его беспокоил.

– А не смогли бы Вы с Вашей помощницей оставаться с нами подольше? Может даже до утра? На кухне. Чтобы вовремя горячее подавать. А выносить на стол я сама буду. Со своей лучшей подружкой. Вам выходить не надо. Разве что Вашей помощнице, если она согласится.

– Нет, ей тоже не надо. – отказал Денис.

– Ну и договорились.

Денис согласился оставаться при исполнении, очень уж хотелось увидеть действие своего кулинарного дизайна и айвеселина.

На покупку продуктов и всяческих нужных ингредиентов выложила вумен триста тысяч в рублях.

Денис ринулся исполнять заказ, созвонившись с Альфой. К вечеру, объехав рынки и супермаркеты, они свезли в коттедж всё необходимое и приступили к изготовлению кулинарной эротической симфонии.

Трудиться пришлось изрядно и накануне девичника началось самое ответственное – варить, запекать, вырезать самое быстро портящееся из фруктов и овощей. От Дениса с Альфой пар шёл от перегрева. В весёлой захваченности они подружились ещё ближе, как истинные единомышленники.

– Денис, давай будем между собой звать Юлиана Юрьевича ЮЮ – предложила Альфа.

– ЮЮ – отлично. Смотри, что ЮЮ выдумал.

Он начал выстраивать конструкцию из огурца, двух помидорок и болгарского красного перца.

Альфа расхохоталась. И тут же принялась выдумывать забавные эротические детали. После кошмарно сексуального сна Учителя о сатурналиях и срамного «Калигулы», осознав необходимость осваивать сексуальную тактильно-телесную фасцинацию от «высокого» до «низменного», она преодолела барьер отвращения и ринулась в озорство: к фаллосам приделывала бантики, галстучки, ордена-звёздочки, превращая их в невообразимо развесёлые образы, приводящие Дениса в весёлый восторг.

– Дамы рехнутся. – предсказал он.

Фигуру бога Фасцинуса без фаллоса Денис свозил выпекать на кондитерскую фабрику. Фаллос изготовили и прилепили на месте.

Успели.

Лионелла Умникова была хитра. Осмотрев стол и придя в состояние шокового оцепенения от представшей её взору фаллической роскоши, она решила подруг поддержать в неведении ровно столько, пока все не соберутся, и только потом открыть дверь в гостиную и впустить их сразу всех к столу.

Она правильно рассчитала – эффект был оглушительный. Подруги вошли и замерли. Такого они не только не видывали, но и представить себе не могли. Это был какой-то фантастический эротический фильм. А потом последовали восторженные возгласы и дамы ринулись в мир этой кулинарной порочной фантастики. Их окружали фаллосы. Огромные, большие, поменьше и миниатюрные. В центре стола возвышался Фасцинус и он потряс воображение дам. Рядом, поменьше по высоте, но тоже внушительного размера, в некоем райском садике расположились Адам с Евой в столь эротических позах, что одна из дам не выдержала и воскликнула:

– Он что, её сейчас тр..... ть начнёт?

Хозяйка со смехом остроумно отреагировала:

– Он же Адам, Нюра! Его ещё Ева не соблазнила!

Началась весёлая женская вакханалия, пересказать которую не хватит слов.

Денис с Альфой подглядывали в щелку и едва сдерживались, чтобы не расхохотаться.

Дамы, к балзаковскому возрасту сексуально надёжно утрамбованные, после двух чарок коньяка раскрепостились и уже не сдерживали себя. Тут была и развесёлая ирония, и самая откровенная срамота, они упражнялись в выдумках по поводу фаллосов, кто-то вгрызался в них с остервенением, кто-то облизывал, кто-то пытался конструировать порочные композиции, одним словом, выделывали с ними, кто во что горазд. Одна из дам, самая вульгарная, засунула в вырез кофточки за бюстгальтер сразу пять фаллосов с бантиками.

Спустя час начала в полную силу действовать добавка. Дамы хохотали, плясали и начались побуждения к сексу. Одна из них попыталась взобраться на стол и использовать Фасцинуса, но её всё же сумели удержать.

– Девочки, ещё рано. – призвала Лионелла. – Потерпим немного и будет нам всем великое наслаждение. Я заказала на час ночи мальчиков.

Услышав это, Денис с Альфой переглянулись. Этого в уговоре с вумен не значилось.

Как только вумен появилась на кухне за очередным блюдом, Денис сказал ей, что в час ночи они с Альфой уедут.

Вумен поняла.

– Хорошо. Все в восторге, я довольна. В час ночи вы свободны. Согласна, не надо вам видеть, что тут начнётся. Их, – она показала рукой на гостиную, – уже не остановит и святая инквизиция.

Последняя картина, которую подсмотрели Денис с Альфой, были эротические манипуляции дам с мороженым, которое Денис изготовил в виде палочек-фаллосов с шоколадными головками. Дамы, рисуясь друг перед другом, продельвали минет с мороженками столь смачно и вульгарно, что Денис с Альфой отпрянули.

– Животные. – брезгливо пробурчала Альфа.

В час ночи они вышли, сели в «Ниву» и отчалили.

Во двор как раз в это время въехала «Газель», из которой повыскакивали атлетического вида жизнерадостные парни в костюмчиках. Это были мальчики по вызову из фирмы «Всегда готовы!». Они источали веселье и воинственную готовность очаровывать дам. И не знали, что их ждёт. А ждала их мощная эротическая атака многоопытных и энергичных самок, взвинченных до животного вожделения айвеселином с примесью окситоцина.

Утром газель увозила полутрупы. Один из жизнерадостных юношей попал в психлечебницу, где его приводили в норму целый месяц. Двое других уволвились и вернулись к строго нравственному образу жизни. Позже один из них и вовсе ушёл в иной мир – в мир православных священнослужителей.

Эксперимент с бизнесвумен ещё раз показал, что смешивать айвеселин даже с таким безобидным дружерасполагающим пептидом, каким является окситоцин, опасно. Получается вакханалия.

– Веселья совершенно человеку достаточно, чтобы в нём пробудились все приятно зажигающие инстинкты. – пришёл ещё раз к заключению Арбелин. И добавил. – От дружелюбной улыбочности до продолжения рода. Нам именно этого и надо.

В голове его зрело продолжение эксперимента. Денис же был несколько обескуражен. Его волновала задача, как соединить с найденным средством Саньку Дуба. Он ясно сознавал, что добавление айвеселина к пиву приведёт к безудержному потреблению, к зависимости. Но пиво в розлив не продаётся, оно в банках и бутылках. Если и добавлять, то на пивзаводе. Но это грозило эпидемией массовой пивомании в городе, многократно увеличивающей уже существующий на настоящий момент пивной алкоголизм.

Решить задачу помогла остроумная Альфа.

Когда Арбелин завёл речь о том, как найти способ fascинировать массы и Денис проворчал, что лучше всего годилось бы пиво, но как в него ввести добавку, если оно в банках, Альфа рассмеялась.

– А почему обязательно в пиво? Разве не лучше в закуски к пиву? Я видела, что закусывают сухариками. Они солоноватые, вроде рыбки.

Арбелин в который раз восторженно смотрел на Альфу, поражаясь остроте её ума.

– Понял, Денис? Сухарики к пиву!

– А можно что-то вроде леденцов. По-моему, ещё приятнее. Некоторые любители пива рыбок вяленых обсасывают. – рассуждала Альфа.

– Леденец в виде рыбки? – прикинул образ Арбелин.

И тут Денис произнёс фразу, которая решила задачу и стала девизом.

– Чебачок к пиву!

Арбелин с Альфой устремили взгляды на него, потом переглянулись и весело хором проговорили:

– **Чебачок к пиву!**

Это и стало новым проектом fascинирования массовой весёлости. Логика проекта была элементарно проста. Пиво пьют если не все, то почти все, за малым исключением, вроде Дениса, Арбелина и Альфы с папой. Молодое поколение, студенты, предприниматели, рабочий класс, обслуга всех отраслей не живёт и дня без бутылки пива, а то и двух-трёх. А к пиву нужна соответствующая закуска. Потому и изобрели сухарики. Обворожительный чебачок-леденец со вкусом натурального чебачка будет ярче и привлекательнее сухарика.

Денис предложил:

– Можно слепить маленькую рыбку, придать ей расцветку чебачка, добавить дымок и получится фишка. У меня есть отличная форма для рыбок.

И проект был запущен в разработку.

Спустя три дня Денис привёз чебачки к Арбелину на пробу, прихватив и две банки пива – для него и Альфы. Сам пиво пить не стал.

Выложенные на стол полсотни чебачков выглядели как золотисто-зеленоватые миниатюрные рыбёшки.

Арбелин с Альфой приступили к дегустации. Делая два-три глотка пива, брали в рот чебачок. Пришли к выводу, что вкус чебачка хорош, но можно и поострее. И сделать его чуточку крупнее и рыхловатым.

Оставалось ввести в чебачок веселящую добавку и приступить к эксперименту.

Дениса потряхивало от нетерпения. Был сделан шаг к месту. Если дегустация с добавкой, которую наметили на завтра, пройдет успешно, наступит время встречаться с Дубом и осчастливить его оружием мщения.

На следующий день вечером Денис привёз чебачки с добавкой. Арбелин с Альфой ждали.

– Надеюсь ты в него окситоцина не подмешал? – пошутил Арбелин.

– Только айвеселин, Юлиан Юрьевич. Но пропорцию сделал минимальную. Надо посмотреть, как подействует.

– Сам не пробовал?

– Я же пива не пью. А если выпью и чебачком закушу, вряд ли что почувствую, отвращение к пиву всё испортит.

– Верно рассуждаешь, логично. – согласился Арбелин. – Что ж, приступим, Альфа?

Началась новая дегустация.

Выпив по стакану пива и употребив по четыре чебачка, Арбелин и Альфа стали ждать результата, прислушиваясь к своим телам.

И результат наступил! Волной поднялось настроение, появилось благодушие, оба стали улыбаться, посмеиваться и ... разговорились, причём разговор был ни о чём, вернее, о чём придётся. Вспомнили пингвинчик, танцы, Петрова. Денис во все глаза смотрел на разговорившихся, раскрасневшихся Арбелина и Альфу. Чебачок действовал!

Арбелин уловил настроение Дениса.

– Ну что, Денис, действует? Видишь, как мы раскраснелись и воодушевились? Разве плохо быть хоть чуточку радостнее в этом невесёлом мире? За такого чебачка в Латинской Америке любители коки или пейотля любые деньги выложат.

Изобретение состоялось.

Теперь следовало разработать стратегию и тактику сведения города с ума, как в шутку назвал их эксперимент Гаргалин.

– Пусть город порадуется два-три дня. – сформулировал задачу Арбелин.

Как это реализовать, он ещё не представлял.

А Денис планировал заход с чебачками к Саньке Дубу.

Проект обрастал деталями.

Альфа предложила приступить к массовому производству чебачков, расфасовывая их в пакетики по десять штук. С надписью «Чебачок к пиву».

Экспериментальную небольшую партию она предложила запустить возле пивных баров, раздавая сначала пакетики бесплатно, как рекламу.

– Не торопись, Альфуша! – отрезвил её порыв Арбелин. – Проверить надо очень осторожно на тех, кто не побежит доносить Гаргалину. Потом продумать, где и как тиражировать чебачка. Не на кухне же у Дениса. Тираж понадобится в десятки, если не сотни тысяч. Это же целое производство, мастерская, поточная линия.

– Я проверю на одном приятеле. – усмехнулся Денис, посмотрев на Арбелина, и тот понял, о ком идёт речь.

– Проверь, время настало. – согласился он.

– А я на папе, – засмеялась Альфа, – ему поднять настроение не помешает.

Появиться у Саньки Дуба проблем не составило. Денис позвонил ему и выразил желание повидаться, посмотреть, как он живёт. Санька обрадовался:

– Давно жду. Приезжай.

Условились вечером, часов в семь.

Жил Санька Дуб в пятикомнатной, под евростандарт отделанной квартире в одном из престижных районов Бурга.

На звонок в прихожую вышла встретить Дениса вся семья Дуба: Людмила и двое рыжих мальчуганов-погодков – святое семейство в полном составе и рыжем великолепии.

– Ну ёма-ёма, я уж заждался тебя. Проходи, проходи.

Светясь дружелюбием, несколько раздавшийся вширь Дуб повёл Дениса в большую гостиную, в которой уже был накрыт стол с яствами и винами.

– Пойду пельмешек свеженьких сварю. – засуетилась хозяйка.

Денис чувствовал себя скованно и неудобно. Вот он, обидчик его, перед ним, добродушный, домашний, в окружении семьи. Где она злоба и низость, заложенная в этом звере? В наружности только доброта и благодущие. А где-то там, внутри – низость и агрессия.

Разговор не клеился и после рюмки коньяка.

Денис не удержался, спросил о работе Саньки у Романа Кукуева.

– Да руковожу у него мордобойной бригадой. На что я ещё годен? – с какой-то невесёлой интонацией проговорил Санька. – Вся от меня польза только в этом, а то бы он и не держал меня. Он ведь прожжённый жлоб.

Людмила принесла гору пельменей, присоединилась к ним, весело заговорила о своих ребятишках. Денису стало легче. Была Людмила всё так же отменно хороша, блистая своей рыжим великолепием и весёлостью. Было во что втрескаться Саньке Дубичеву на всю жизнь.

Минут через десять Людмила вышла, оставив их вдвоём:

– Пойду ребят накормлю.

Пива на столе не было.

Денис усмехнулся, понял, что Санька помнит о его отвращении к пиву.

– Пива на столе не вижу. Ты же любитель пива. Не бросил?

– Это во мне навсегда...А ты так и не пьёшь? – Санька чуть не добавил «мочу», но удержал язык.

Денис усмехнулся:

– Мочу не пью.

Он посмотрел в упор в зрачки Дуба. Тот отвёл глаза.

– Ладно, Денис, кто старое помянет... Не простил?

– Это на всю жизнь. Вот тут застряло. – он постучал пальцем по лбу.

– Виноват я перед тобой, признаю. – проговорил Санька. – Ладно, видно друзьями мы не станем. Так хоть про армию давай вспомним.

– Я тебе маленький презент к пиву привёз. На пробу. Изобрёл по просьбе одного доброго знакомого. Подумал, дам тебе, как оценишь.

Денис достал пакетик чебачков, высыпал на стол.

Санька удивлённо их разглядел, взял одного в пальцы.

– Людка, иди сюда, посмотри.

Людмила вернулась в гостиную, посмотрела на чебачки.

– Какие красивые рыбки. – оценила она чебачки. – Что это? Леденцы?

– Денис говорит, что закуска к пиву. Принеси пару бутылок, попробуем.

Людмила принесла три бутылки. О том, что Денис пива не пьёт, она не знала, муж об унижительной экзекуции над Денисом ей не рассказывал.

Денис решил стакан пива всё же выпить за компанию и парой чебачков закусить. Но не рассчитал. Только сделал глоток, как вкус пива всколыхнул в мозгу картину унижения в душевой и его чуть не вырвало. Спас чебачок, перебив позыв к рвоте.

Санька действие чебачков ощутил в себе уже минут через пять.

– Ух ты, как хорошо! – удивлённо посмотрел он на Дениса. – Нутро пробирает.

– Мне тоже. – поддакнул Денис, подыгрывая.

Людмила же, отведавшая всего одного чебачка на пробу, заливисто рассмеялась:

– Настроение поднялось!

Через минуту наступила та легкая дружеская весёлость, которой ждал Денис. Он притворился, чтобы попасть в унисон. Чебачок на Саньку с Людмилой подействовал отменно.

– А где чебачков доставать? В продажу запустишь? – спросил Санька.

– Пока нет, надо ещё поработать, отшлифовать, чтобы сразу два кайфа были по полной программе – от пива и от чебачка.

– Блеск! Принесёшь мне?

– Раз понравились, привезу.

Так Санька Дуб, не зная того, подписал себе приговор.

Веселье супружеской пары разрасталось и Денис видел, что им до него уже дела нет. Поблагодарив за гостеприимство, уехал.

И правильно сделал. От природы гиперсексуальные Дуб с Людмилой уложили малышей своих спать пораньше и набросились друг на друга, будто не виделись целый год. Сам того не подозревая, Денис подарил им праздник. Чебачок взорвал несколько поостывшую в супружестве былую их страсть. Как-никак жили они в мире и согласии уже почти четыре года, родили двух сыновей, законы снижения либидо от привычки всеобща. И вот они снова в экстазе, Людочка, рыжая бестия, снова впилась зубами в подушечку Романа, которую предусмотрительно прихватила в постель.

На другой же день Санька позвонил Денису.

– Денис, чебачки Людке так понравились, что она просто в кайфе. Ни одного не осталось. Умоляет подбросить ещё. Дашь штук двадцать?

Денис рассмеялся приятной неожиданности. Понял, что у Людмилы разыгралась сексуальность.

– Я сам завезу завтра.

То, что к чебачку приобщится Людмила несколько огорчало. Но она же не пивоманка, а сексуальность свою пусть разогревает сколько угодно, в конце концов они два сапога пара, успокоил Денис заговорившие укоры совести. И привёз им чебачков, уменьшив добавку окситоцина.

– Вы особенно не налегайте, у меня запасов нету.

– А когда в продажу запустишь? – смущаясь, спросила Людмила. – Мы с Сашей будем первыми покупателями.

– Скоро, скоро. – успокоил её Денис. И пообещал подбрасывать время от времени.

Столь эффектный результат воздействия чебачка Денис не скрыл от Арбелина.

– Что ж, месть твоя состоится, уписается мочой твой обидчик. Жену его только жалко.

– Юлиан Юрьевич, она же не пивоманка. У неё другая радость – эротика.

– Верно! – Арбелин рассмеялся. – Я об этом и не подумал. Значит всё чисто. Жена будет при веселье и оргазмах, а муж провалится в неодолимую пивоманию и мочеиспускание, чего он и заслуживает. Сам напросился. Его не жалко, за всё надо расплачиваться. Но, Денис, пока чебачки только им и никому больше. Нам надо всё как следует проверить. К Петрову поедem, он же соавтор, от соавтора грех скрывать результат. А кроме того, он гениальный химик, попробует раскрыть секрет воздействия.

Альфа проверила действие чебачка на папе. Секретов между ними не было, отец ежедневно выслушивал от Альфы новости академии, всё сильнее погружаясь в увлечённость дочери. О чудодейственной добавке он уже от Альфы знал и даже намерен был попросить её. Поэтому его несколько не удивила просьба Альфы испробовать действие изобретённого академией чебачка.

– Сейчас, папулечка, мы повеселимся. – засмеялась счастливым смехом Альфа, доставая из сумочки пакетик и две банки пива. – Чебачок к пиву, давай выпьем.

Истомин послушно откупорил банку и выпил половину.

– А теперь закусывай. – Альфа дала отцу два чебачка. Сама тоже сделала несколько глотков и положила в рот чебачок.

– Вкусно?

– Очень оригинально, будто вяленая рыбёшка.

– А теперь прислушивайся, что в тебе будет происходить. – сказала Альфа.

Через пять минут отец с дочерью изрядно повеселели.

Альфа вскочила и закружилась.

– Здорово, папа?

– Поразительно. – ответил удивлённый Истомин. – И ведь не водка и не праздник, а весело. И так хорошо, легко.

– Папа, это Юлиан Юрьевич придумал. Будет в перспективе лекарство от депрессии и всяческой хандры.

– А без пива можно?

– Конечно! Мы первый раз попробовали с водой. А чебачка придумали для эксперимента.

– Тогда ты попроси для меня немного. В таблетке или порошком. Мне от моей вечной хандры неплохо бы полечиться. А пиво я не пью, ты же знаешь.

Мелькнула у Альфы озорная мысль принести папе добавку с примесью окситоцина, но отогнала от себя эту диверсию. Достаточно папе и веселья. Главное – действует и отлично.

Долго в этот вечер они счастливо щебетали на кухне.

А когда Альфа ушла в свою комнату спать, папа исчез. Предварительно кому-то позвонив...

Часть двадцать первая

БЕЗУМНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ АРБЕЛИНА НАД САМИМ СОБОЙ

К Петрову поехали через два дня.

Арбелин рассказал ему о первых проверках действия айвеселина.

Петров был потрясён:

– Юлиан, это же спасение человечества от депрессий и хандры. Нобелевка у тебя в кармане.

– У нас, Дима, у нас. Но давай не будем торопиться, пусть подождёт, никто ведь наше открытие не украдёт. Надо исследовать механизм воздействия и точнее проанализировать химию. Так я понимаю?

– Очень точно. А пот ещё будет?

– А как же, непременно.

Арбелин достал бутылку с напитком, приготовленным Денисом. Напиток был нехитрый – обыкновенная дистиллированная вода, в которую Денис добавил айвеселин.

– Вот водица с пептидами. Попробуй, выпей стаканчик и проследи, что в тебе произойдёт.

Петров послушно выпил.

Разговор о предстоящем исследовании продолжали, Петров расспрашивал Дениса, что он проделал с пептидной вытяжкой, и похвалил за находчивость. Было над чем им поработать, чтобы довести получение добавки до потока.

– Но, Юлиан, ты же понимаешь, что нужны клинические испытания. Это долгая и дорогостоящая морока.

– Это оставим на потом, Дима. Мы ведь не фармацевты. Наша задача создать эффект массовой фасцинации, яркой и в то же время абсолютно безопасной, чтобы не обвинили в диверсии. Пусть город пару дней повеселится и попляшет. Большого нам пока не надо.

Прошло минут десять и Петров поймал момент, когда пептиды начали действовать – ему становилось благодушно и весело.

Он усталился на Арбелина и произнёс, как наркоман:

– Идёт приход!

Арбелин засмеялся, Альфа с Денисом переглянулись.

– Что, захватывает? – спросил Арбелин.

– Потрясающе! Мне легко и приятно. И я, пожалуй, начну смеяться ни с того ни с сего. Как у Хофмана при открытии ЛСД. Только без галлюцинаций. Нобелевка, Юлик, нобелевка! Нужен пот! – он засмеялся весело и непринуждённо.

– Будет пот? – спросил Арбелин Альфу.

– Хоть залейся. – ответила Альфа. – Дадим ребятам по стакану лимонада и будут плясать как папуасы.

– Слышал? – повернулся Арбелин к счастливо улыбающемуся Петрову.

– Жду. Я в вашем распоряжении и молчу как кирпич.– сказал Петров.

Несмотря на охлаждающее предупреждение Петрова, идея проверить действие пептидов весёлости в сочетании с фенилэтиламином засела гвоздём в мозгу Арбелина и, подогретая изучением экспериментов с фенилэтиламином Александра Шульгина, разрослась до степени неотступной захваченности – страстного азарта учёного. Но поскольку он ни разу в жизни не пробовал на себе никакого наркотического зелья, даже ни единой сигареты не выкурил, разве что чуточку алкоголя ввел в свою жизнь, то потому немного трусил, сомневался, стоит ли рисковать. Александр Шульгин сомнения развеял. Остановил его внимание текст в книге «РІНКАЛ»: «Я определяю активность препарата самым старым и проверенным способом. Он был введен в практику давным-давно, и на протяжении тысячелетий к нему прибегали знахари и шаманы, когда им нужно было узнать воздействие растений, которые могли оказаться полезными при врачевании. Этот метод станет очевиден любому человеку, кто хотя бы ненадолго задумается над самим предметом разговора. Хотя большинство соединений, которые я исследую, создается в лаборатории и я редко испытываю растения или грибы, найденные в природе, есть все же только один способ определить активность полученного вещества. Этот способ сводит риск к минимуму и одновременно позволяет получать максимум полезной информации о наркотике. Я принимаю препарат сам. Я проверяю особенности его физического воздействия на своем собственном теле и внимательно фиксирую любые психические эффекты, которые могут иметь место».

Прочитав это, Арбелин воскликнул «Что это я трушу? Чем я хуже Хофмана?» И ринулся к Петрову.

Фенилэтиламина у Арбелина не было ни молекулы, амфетамин как производное фенилэтиламина он мог бы достать без труда, но такой эксперимент был некорректен. Он и поехал к Петрову за чистым фенилэтиламином.

Выпалил с порога, как только появился в лаборатории, где застал Петрова:

– Дима, мне нужно чуточку фенилэтиламина. В чистом виде.

Горячность, с какой Арбелин без каких-либо предисловий это выпалил, насторожила Петрова, понял он, что друг провалился в исследовательский азарт и выдернуть из него не удастся, характер Арбелина он знал.

– Решил-таки? – только и спросил он.

– Решил, Дима. Надо проверить, надо. – он иронично усмехнулся. – Чем я хуже того же Хофмана или Шульгина? Надо на себе испытать. Как с окситоцином.

– Юлиан, я же тебе уже говорил, что фенилэтиламин опасен, с ним нужно обращаться очень осторожно.

– Да понимаю я это, Дима, понимаю! Но не смертельно же. Хофман по неосторожности заглотнул, и то ничего. ЛСД открыл. А Шульгин с его фанатизмом поиска оптимальности изменённого сознания какие только варианты с фенилэтиламином не выдумывал! И опять же, вспомни, фенилэтиламин уже и в шоколад добавляют, а недавно и в пиво начали примешивать. В пиво, Дима! – Арбелин рассмеялся.

– Убедил. Но договоримся: как только введёшь в себя дозу и начнётся воздействие, при опасном развороте тотчас мне звони, я примчусь.

– Идёт, – согласился Арбелин, – а сейчас дай мне чуточку. И научи, сколько, по-твоему, можно добавить для безопасного действия.

– У меня фенилэтиламина буквально несколько граммов, дам тебе два грамма, но это лошадиная доза. Для добавки в сыворотку я тебе сейчас отмерю и упакую. – Петров иронично сощурил глаза и улыбнулся. – Очень любопытно, как такая смесь подействует на особь мужского пола семидесяти лет от роду. Предполагаю, что будешь не только плясать, но и самка тебе потребуется. Так что готовься к подвигам. Найди предварительно телефон какой-нибудь фирмочки сексуальных услуг по вызову.

– Даже так?! – удивился прогнозу друга Арбелин.

– Вполне возможно. Фенилэтиламин входит в группу очень активных половых пептидов, закручивающих процесс сексуального вождения. Он в системе сексуальности основной.

Эксперимент над самим собой наметил Арбелин на следующий день. Настроился и часов в пять вечера смешал полученную от Петрова дозу с айвеселином и выпил. Про рекомендованную Петровым подстраховку не думал серьёзно, надеялся на привычную выдержку.

И напрасно понадеялся. Уже минут через двадцать начались в нём такие метаморфозы, что глаза на лоб полезли. Получившаяся сексуально-фасцинирующая смесь схватила его в свои тиски и бросила в постыдное скотство: вождение стремительно разрослось в безудержную похоть, хоть на стену лезь.

Пронеслась мысль о Наташе, но мгновенно была отторгнута ещё не исчезнувшей цензурой трезвого разума. Инга только Инга с её бесстыдством и вумбилдингом ему сейчас нужна, только эта bestia!

Арбелин набрал её телефон.

Инга будто ждала его звонка.

– Я в Вашем распоряжении, Юлиан Юрьевич. Нужна? – нежно проворковала она, будто слышала совет Петрова.

Арбелин пылко бросил короткую фразу, прозвевшую в её ухе как приказ:

– Ты нужна! Ты!

Опытной самке Инге разяснять было не нужно, что означает эта пылкость. Через полчаса она была у Арбелина, а он, сгорая от нетерпения, уже приготовил футбольное поле. Его трясло как наркомана от ожидания блаженства.

И Арбелин в пылу охватившего его сексуального безумия обрушил на бывалую сексшпионку такой сексуальный натиск, что жучок, о котором он в своей захваченности начисто позабыл, четыре часа фиксировал бесконечную сексуальную акустику Инги.

Инга не только не сдерживала себя в своих телесно-оргастических параксизмах, но даже несколько усиливала их, играя на чувствах Гаргалина, представляя, как он будет завтра прослушивать запись. Она-то о жучке не забыла!

– Какой Вы сегодня необычный. – сказала Арбелину удивлённая Инга, когда натиск Арбелина к утру наконец утих и он обессилено распластался на футбольном поле, приходя в человеческий вид.

– Животное я сегодня, Инга, форменный скот. Прости меня, не смог устоять, сам себя загнал в скотское состояние. Решил попробовать изобретение, сводящее с ума. Видишь, что получилось.

До Инги дошла причина ненасытности Арбелина.

– Так Вы придумали какое-то средство?!

– Оно оказалось похлеще всякой виагры, хотя я виагрой никогда не пользовался. А ты стала спасительницей.

Рассмеялась Инга:

– Вы же и без виагры что ни на есть виагровый. Но то, что я получила, вообще выше всяких похвал. Я, наверное, и ходить не смогу дня два. – она звонко захохотала. – Впервые в жизни такое.

– Бес попутал, Инга. Захотелось испытать, подействует ли на старика и как именно. Видишь, что получилось. Хорошо ты спасла, а то хоть на стену лезь.

– Зовите меня почаще, с огромным удовольствием буду спасать.

– Нет уж, достаточно одного раза. Больше к изобретению не прикаснусь.

– И не будете меня звать? – картинно обиделась Инга.

Арбелин обнял её:

– Как же не буду, конечно буду. Только без этой «виагры», будь она неладна.

– Вы её для лечения импотентов запатентуйте, Юлиан Юрьевич. Миллионы импотентов благодарны будут. Памятник Вам поставят на центральной площади Бурга. – веселилась, сполна утолённая Инга. И добавила, – Звоните мне почаще, я как птичка буду прилетать к Вам без промедления.

Расстались с шутками, весело, как давние друзья-любовники.

Инга была довольна, ей показалось, что теперь у неё с Арбелиным будет та тесная интимная дружба, о какой она мечтала.

Благополучно вышел Арбелин благодаря сексшпионке из захватившей его одурманивающей воронки. Проводив Ингу, проклинал себя за то, что не внял предупреждению Петрова и провёл над собой столь постыдный эксперимент. Впрочем, отрицательный результат – тоже результат. Теперь он точно знает, что фенилэтиламмин в сочетании с пептидами весёлости разжигает скотскую похотливость и если уж добавлять его к айвеселину, то только для импотентов и фригидных женщин, да и то в максимально минимальных дозах. Другое дело окситоцин. Но даже и он достаточно опасен в сочетании с айвеселином, что проявило себя в университетской столовой. Агрессию он не вызывает, и это хорошо, но вполне может спровоцировать поварных грех, к которому гомо сапиенса очень даже легко склонить.

Набрал номер Петрова. Условным текстом сказал:

– Всё о'кей. Приеду.

До Петрова добрался только к вечеру и со всей искренностью и точностью передал, что сотворила с ним смесь айвеселина с фенилэтиламином.

– Вот видишь, я же предупреждал. – проворчал Петров.

Арбелин рассмеялся в ответ:

– Зато теперь мы знаем, куда ветер дует! Разве не поучительно?

– Ты прав, – согласился Петров – смесь очень-очень интересная. Буду иметь в виду. На будущее.

– Да, Дима, именно на будущее. Могут быть интересные открытия. Импотентов-то и слабосильных мужичков – миллионы! А пока ограничимся окситоцином.

– А я всю нацелен на получение синтетических пептидов. Уже вот-вот должно получиться. Тогда никакого пота не надо.

– Потрясающе! Это же будет открытие вселенского масштаба!

– Буду стараться. – заверил Петров.

Он верил в успех.

Гаргалин, получив от Никшанова запись ночных ахов-охов Инги, был взбешён. Вызвонил её по мобильнику, призвал на ковёр.

– Где ты, почему не у меня?

– Как же я могу быть у Вас, Станислав Анатольевич, после такой трудной ночной работы? Имейте жалость, я же не железная. Четыре часа трудилась не покладая ног. Хожу нараскоряку, ноги не сходятся. – дерзко скоморошествовала Инга, и вправду занемогшая в области нижних конечностей. – Дайте, Станислав Анатольевич, передохнуть.

Гаргалин не сдержался, выдал нецензурную тираду. И приказал:

– Как только сойдутся ноги, быстро ко мне. Мы же не на курорте!

А когда к вечеру Инга появилась перед его гневные начальственные очи, первым вопросом его было недоумение.

– Ты зачем к нему ездила?! Разве я тебя посылал?

Инга, играя скромницу, парировала.

– Станислав Анатольевич, Вы что, забыли? Вы же сказали, чтобы я к нему прилипла. Вот я и прилипла. И разве плохо то, что я выведала?

– Что ты выведала?! Я слышал только твои вопли.

– Ну как же! Вы не обратили внимание?! Он изобрёл средство, действующее сильнее виагры. Четыре часа с меня не слезал.

– Так тебе и сказал?

– Ну да! Послушайте запись.

Слышать четыре часа акустические эротические вариации и святой инквизитор не смог бы, поэтому утром, когда Никшанов принёс ему запись, он через полчаса её выключил. А соль-то, оказывается, была в самом конце. Гаргалин включил.

Инга обомлела, впервые в жизни услышав свою конвульсивную эротическую акустику.

– Какой ужас! Это я так?! – поразились она.

– А кто же ещё! Как обезьяна верещишь.

– Почему обезьяна? – обиделась Инга.

– Зоологи открытие сделали, что самки обезьян при совокуплении визжат и орут. Недавно в журнале одном вычитал.

– Вон оно что. – засмеялась Инга. – А я всегда недоумевала, чего это меня так разбирает, что кричать хочется и не могу сдержаться. Мы же от обезьян, как говорят учёные, произошли.

– Вот и визжите, как резаные. – проворчал уже не сердито Гаргалин.

– А самцы у обезьян как себя ведут?
– Молчат, Инга, молчат. Они же трудятся!
– Ага, логично. – согласилась Инга и добавила. – В самый конец прогоните запись, Станислав Анатольевич, когда мои обезьянны вопли закончатся.

Гаргалин прогнал запись почти до конца. И убедился, что Арбелин действительно проговорился о некоем средстве, действующем сильнее виагры.

– Ну и что? – всё ещё не врубился он.

– Как что, Станислав Анатольевич! Представьте себе, что он подмешает это средство в водопровод, – пустилась фантазировать Инга, – город сойдёт с ума, начнётся массовый групповой секс, вакханалия.

Гаргалин в свои пятьдесят начал замечать за собой некоторое угасание функций и несколько раз уже применял виагру. Что-нибудь более сильное, чем виагра, маячило ему в перспективе. Слова Арбелина упали на благодатную почву.

– Ладно, хватит, не фантазирую... В водопровод...

И вдруг молнией пронеслось в мозгу: так вот отчего в столовой университета девушка кричала! Подмешали ей в еду! Однако почему же профессор Петров ничего не обнаружил...

В любом случае, получалось, что Инга добыла полезную информацию.

– Хорошо. Будем с виагрой разбираться... – смилостивился Гаргалин, поощрительно улыбнулся Инге. – Приклейся к нему покрепче. Иди отдохни, залечи производственную травму.

Очередную порцию пота получили через неделю. До этого Альфа отвезла диск с заснятыми Арбелиным танцами Нинель Геннадьевне. Та огорчилась, что Арбелин вырезал себя. Но запись ей очень понравилась и она показала своим подопечным. Те пришли в восторг и вызвались ещё поплясать, если надо. Вот Альфа и приехала договориться о повторении. И рассказала о получении добавки.

– Дадим выпить по стакану лимонада с добавкой и веселья у ребят будет в два раза больше.

Нинель Геннадьевна насторожилась.

– А не опасно?

Альфа ждала такого вопроса. Достала небольшую бутылочку лимонада, которую предусмотрительно прихватила с собой.

– А давайте, Нинель Геннадьевна, попробуем на себе, выпьем по стаканчику.

Выпили. Через двадцать минут смеялись и танцевали.

– Отлично. Пьём и танцуем. – воскликнула Нинель Геннадьевна, весёлая и счастливая.

В воскресенье танцевали, одевшись в те же трико и футболки, выстиранные предусмотрительной Альфой сразу после первого сеанса.

На этот раз танец походил на некий африканский там-там какого-нибудь первобытного племени, доведённого до экстаза. Пот лил ручьём. Альфа и Нинель Геннадьевна танцевали со всеми. Восторг был необыкновенный. Танцевальная группа подседа на пептидное веселье.

Теперь источник пота был надёжный и постоянный.

Часть двадцать вторая

ЭКС-КОМСОМОЛЫЦЫ БЕЗУМСТВУЮТ С ПИОНЕРВОЖАТЫМИ

В проверку действия айвеселина внес неожиданный нюанс новый кулинарный заказ Денису. На этот раз заказ исходил от ностальгирующих по былому бывших комсомольских функционеров.

Близился их праздник, отмечаемый ежегодно: 29 октября – очередная годовщина создания комсомола. Один из бывших комсомольских функционеров, Аркадий Карелов, строивший в комсомольские времена знаменитые МЖК, а в новые времена сделавший крупный бизнес на жилищном строительстве и превратившийся в олигарха, решил после трафаретных приевшихся торжеств собрать в воскресенье узкий круг друзей, нечто вроде комсомольского мальчишника, у себя в загородном особняке. Круг был человек в пятнадцать, самые закадычные, надёжные и нужные сотоварищи, все как один при капиталах, регалиях и власти. А чтобы всё было оригинально и увлекательно, решил олигарх денег на эту затею не пожалеть, хоть и был прижимист. На мысль эту навела его давняя подруга Лионелла Умникова, рассказавшая, как устроила фаллический девичник и как с него выносили мальчиков по вызову в бездыханном состоянии. Запомнил Карелов рассказ. Созвонился с ней, узнал телефон Дениса, приказал своему помощнику по особым поручениям Васе Тажханову связаться и заполучить повара.

Вася Дениса отыскал, встретился с ним и объяснил страстное желание шефа.

Денис предварительное согласие дал, отложив окончательное решение на завтра. Надо было посоветоваться с академией.

Собрались вечером, Денис рассказал о заказе. Заказ был грандиозный: выполнить кулинарное прославление комсомола на комсомольском мальчишнике, а о комсомоле знал Денис только то, что он когда-то был при коммунистической партии.

– Дьявол его знает, как его прославить в кулинарном виде.

Арбелин ласково посмотрел на учеников.

– Счастливые вы, миновали вас времена тотального загона всех, кто старше 14 лет, в это идеологическое стадо. Только представьте – 28 миллионов комсомольцев! Тьма! Девяносто девять процентов этой тьмы никакие не комсомольцы, а просто парни и девушки, загнанные туда режимом под страхом преследования. Попробуй не вступи! Но один процент в стаде – это ого-го! Это верные прихлебатели и надсмотрщики. Присмотритесь к теперешней России – и вы увидите их везде и всюду, где власть, деньги, коррупция, разврат. Это всё тот самый один процент, сплочённый орден иезуитов, готовых предать и смять кого угодно ради успеха. Я их отлично повидал на Севере, когда обслуживал тамошние выборные кампании. Там меня чуть на тот свет и не спровадили, я вам рассказывал.

Весь Тюменский Север был и до сих пор остаётся под бывшей комсомольской номенклатурой. А обслуживал я в качестве политехнолога нефтяную компанию. У неё своё телевидение, газета, издательский комплекс. Богатые. Пиарил её кандидата. Команда большая и в общем-то достаточно умелая. Я создавал для неё идеологию и технологию. Захожу как-то в редакцию, в кабинет к главному редактору. А там у них семейный праздник. Поскольку я свой, зовут к столу. Сажусь, рюмку дёрнул. А они уже разгорячённые и все провалились в сладостные грёзы комсомольских воспоминаний. И начались их ритуальные песнопения. Репертуар стандартный до одури, я им «услужал» свои уши по всей России: как где-нибудь их тусовка и я приглашён, вынужден слушать этот песенный набор. Особенно их умиляет песня «Как молоды мы были...». До слёз прошибает. Любят также песню «Ленин такой молодой и юный Октябрь впереди». И вот эту... где слова «не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым». Маразм, а для них – святое. Они и сейчас всё это поют 29 октября. Это у бывшей комсомольской номенклатуры ритуальный праздник, священные заклинания. И не тихие, а громкие, в огромных залах, с речами, воспоминаниями и концертами. Своя жизнь. И заметьте, какой парадокс: комсомол распущен, его в российской реальности нет с 1992 года, а он вот он – в празднике и песнопениях, на глазах у всех, как чирый на лбу! И по телевидению кажут. И слёзы на глазах у кого? У действующего мэра, у его замов и начальников почти всех отделов и служб. Вся верхушка плачет от умиления на глазах у десятков тысяч совершенно равнодушных к их воспоминаниям жителей Бурга. И так по всей России, по всем крупным городам. Водораздел: безразличная многомиллионная народная масса и несколько тысяч расппевающих комсомольские гимны идеологических мошенников. Они же все теперь в церковных храмах истово крестятся!

Арбелин картинно показал, как, путаясь, часто неправильно кладут крестное знамение бывшие марксисты-ленинцы.

– Теперь понял, Денис, чем их фасцинировать в годовщину комсомола? Вылепи им Ленина, вышагивающего впереди комсомольского стада. Дальше. Любили они пионервожатых. А форма у пионервожатых – загляденье! Белоснежная кофточка, темносиняя или чёрная юбочка, алый галстук и алый комсомольский значок на упругом девичьем бюсте. Красивее, чем стюардессы Аэрофлота. Девочки все как на подбор, спортивные, энергичные, весёлые. Подбирали их, черти. Вот и вылепи им пионервожатых. Слёзы прольют от умиления. Из пионервожатых комсомольские вожакИ себе любовниц рекрутировали, ублажались ими до одури.

– Неужели так и было? – в удивлении округлила зелёные глаза Альфа.

– Было, было. Из первых рук знаю, сами бывшие функционеры рассказывали... Но для нас главное – проверить на них действие айвеселина. Чебачка им не давай, не разжигай интерес, а запусти айвеселин, но без окситоцина, в еду и закуски, и пусть пляшут. Тем более они же алкоголя во всех видах налакаются, водку хлещут как ребятишки кока-колу. И пиво наверняка. Этого в дополнение к айвеселину будет с лихвой. Так что соглашайся, Денис, мы с Альфой благословляем тебя на сей подвиг во славу фасцинетики. А что получится, расскажешь.

– Значит, без окситоцина? – переспросил Денис.

– Без. Пусть пляшут. Секс они себе наверняка запланировали.

– А я? – спросила смущённо Альфа.

– А ты будешь дома или со мной. Тебе туда ну никак нельзя. Эти маразматика гиперсексуальны как альфа-самцы в стаде, ты возбудишь в них сладостные воспоминания об аппетитных пионервожатых. Да к тому же, ты ведь слышала – там мальчишник. Если и появятся женщины, то только шлюхи. Это у комсомольцев завсегда.

Заказ был скучный, но решение академии Денис исполнил в точности. Много чего навдумывал. Но главным номером стал огромный торт. Пошёл Денис по стандартному пути, вспомнил футболистов. Вместо футбольного поля раскатал комсомольский значок, в центре поставил Ленина в кепке, а вокруг него пионервожатых с ритуальным пионерским жестом «Всегда готов!». Запекать торт снова пришлось на кондитерской фабрике. И опять кондитеры и директриса диву divились. Альфа помогала лепить пионервожатых и поехала с Денисом посмотреть, что получится. И хлопала в ладоши от восхищения. Не торт, а произведение искусства! Хоть в музей ВЛКСМ.

Квадратный, кривоногий, кучерявый и картавый экс-комсомолец Аркаша Карелов, увидев торт, впился в него буравящим взглядом, а секунд пять спустя заржал, придя в дикий необузданный восторг. И запел:

– Ленин-то какой молодой!

Торт поместили на огромный стол посередине, чтобы вид его услаждал комсомольские взоры.

Друзья олигарха окружили стол, на котором водружён был торт, и веселились, высказывая остроумные ассоциации. Все как один сошлись на том, что торт великолепен. Единственное сомнение высказал генерал-таможенник: «Ленина как-то неудобно будет кушать». Это его сомнение встречено было прожжёнными циниками – а в комсомольской номенклатуре другие не задерживались! – хохотом. Но все же решили Ленина на кусочки не резать, для услады хватало пионервожатых, которые сами просились в рот, настолько аппетитными вылепили их Денис с Альфой.

Через пару часов возлияний и закусок мальчишник достиг той мужской разухабистости, когда в стороне оставлены всякие приличия, тем более женщин в застолье не было ни одной. Их олигарх припас на час ночи.

Но айвеселин начал действовать, подвыпившая комсомольская братия пустилась в буйное веселье и пионервожатые с торта стали им мерещиться как живые. К полуночи начались и эротические фантазии, а генерал вдруг скинул не только мундир, но и рубашку, явив товарищам дюжие телеса, и прижал к груди выхваченную из композиции пионервожатую.

– Вот бы! – воскликнул он и добавил сочные эпитеты и междометия.

У олигарха налились глаза кровью и он заорал, что есть мочи:

– Хочу пионерочку! Вася!!

Из-под земли вырос верный его помощник и раб Вася Тажханов.

– Чтобы через полчаса были пионерки!

Шлюшки были заказаны на час ночи, но не пионерки. Васе предстояло решить сразу две задачи: заполучить их на час раньше и одеть в пионерскую форму.

Комсомольцы все как один вскричали:

– ХоЧем пионерок!

Вася бросился исполнять.

Для подобных утех своего гиперсексуального шефа у Васи на связи были три «мамы», державшие подпольные притоны. У всех троих были стайки проституток любого возраста и комплекции – на вкус заказчика. Вася заранее с одной из «мам» договорился на поставку пятнадцати штук аппетитного телосложения к часу ночи. Передвинуть на час раньше в общем-то труда не составило, «мама» для виду поворчала:

– Девочки ещё не привели себя в порядок.

– Фая, – сказал Вася, – какой ещё порядок! У них что, задницы не покрашены? Тут другое дело, сообрази, как выкрутиться. Шеф пожелал, чтобы девочки были одеты в черные мини, белые блузки и с пионерскими галстуками на шее. В общем, чтобы были пионервожатыми.

– Ну вы даёте! – ругнулась Фая. – Где я вам галстуки ночью возьму?

– Фая, не выдрючивайся! – выругался в ответ Вася. – Найди кусок красной материи и нарежь ножницами. Всё, давай! «Газель» у тебя во дворе стоит.

И помчалась по Бургу «Газель» с мигалкой, как гоголевская Русь-тройка расшвыривая всё, что двигалось в этот час по трассе, ведущей к особняку Карелова.

Нервничал Вася, не хотелось получать подзатыльник тяжёлой рукой шефа.

Успели.

Раскрылась дверь в гостиную и вошли гурьбой пятнадцать кокетливых пионервожатых.

Умолкла разбитная компания, встали мальчики как вкопанные и уставились молча на девушек. Девочки были точь-в-точь как на столе, только живые и трепетные.

– Музыку! – крикнул олигарх, и Вася включил марш «И Ленин такой молодой!»

Айвеселин зацепил уже за самое нутро и полуголые экс-комсомольцы с поизгибающимися жизнерадостными псевдо пионервожатыми устроили половецкие пляски. И начался комсомольский бедлам.

– Всё, я пас. – сказал Денис Васе.

Вася понял и задерживать не стал. Кулинария уже не требовалась, комсомол перешёл к сексуальным утехам.

Всё до утра смешалось в доме олигарха. Пионервожатые были пущены по кругу, переходя от одного мальчика к другому, а олигарх, тиская их одну за другой, плакал от счастья.

Слопали и торт, не пожалев Владимира Ильича, но отдали его девчонкам.

К утру измождённых пионервожатых «Газель» увезла к их «маме».

Олигарх был счастлив, как младенец.

Денис рассказал академии то, что успел увидеть.

– Это было так дико, что я сбежал.

Он даже усомнился, подействовала ли добавка.

– Мне показалось Юлиан Юрьевич, что их взвинтили пионервожатые и Ленин.

– Но ведь они были веселы?

– Не то слово. Они были безумно веселы.

– Значит все фасцинации сошлись в фокусе. Действие пептидов веселости соединилось с действием алкоголя и шлюх. И хорошо, что не добавили им окситоцина. Их тогда дня три было бы не унять.

Всё-всё в этом мире связано замысловатым и непредсказуемым образом. Сотни мудрецов всех времён размышляли над этим, да так и не разгадали тайну до сих пор.

Чебачки совершенно случайно попали на глаза Роману Кукуеву.

Появился он у Саньки по своим делам – по вышибанию долга из одного жлоба. И Шиву с собой прихватил, чтобы как следует обмозговать процедуру вышибания.

Пива у Саньки – упейся. И на столе – россыпь чебачков.

– Это что за штуковины? – поинтересовался Кукуев, взяв в пальцы одного чебачка.

– Закусон к пиву. Скелет привёз.

Роман в мгновение понял: раз привёз Скелет, значит скрыт какой-то секрет.

– И что, хорош закусон?

– Кайф, Рома. Попробуй.

Роман попробовал, взял пробу и бывалый Шива.

Чебачок на обоих подействовал и очаровал.

И это решило проблему его массового производства.

На другой же день с парой чебачков, прихваченных у Саньки, Роман появился у Дениса.

– Денис, мы же договорились, как что придумаем, первому рассказываешь и показываешь мне. А я у Дуба обнаруживаю. Рассказывай. – он показал Денису чебачки.

Денис поведал Роману почти всю историю чебачка, не сказал ему только об окситоцине. Окситоцин к пептидам весёлости разрешено было Арбелиным при-мешивать только Саньке Дубу, а Кукуеву было совершенно достаточно понимания веселящего предназначения айвеселина. На себе он у Дуба это испытал и мог себе представить, какой был бы массовый ажиотаж, выпусти он на пивной рынок миллион чебачков. Его гениальный коммерческий мозг мгновенно выдал и образ переполненного чебачком рынка, и миллионные прибыли.

– У вас не группа, а суперфирма по изобретениям. – потирал руки от великого удовольствия олигарх и авторитет Роман Кукуев. – Предлагаю организовать крутой бизнес с миллиардным доходом.

– Расскажи, что ты имеешь в виду. – попросил Денис.

– Ну как же! Сколько народу хлещет пиво? Миллионы. Вся страна! Каждому к бутылке четыре чебачка. Умножь на миллионы, а потом умножь ещё вдвое. В среднем каждый выпивает в день две бутылки, так? Получается много миллионов чебачков. Пусть один чебачок стоит рубль. Получается много миллионов рублей в день. В году 365 дней. Умножь на 365. Что получится? Сумасшедшая цифра. Вот что у вас в руках!

Всё было очень просто.

– Грандиозная картина. – оценил Денис.

– Но нужна база. Цех по выпуску чебачков. Пакетики. Продавцы. Это могу организовать только я. На том же хладокомбинате. А? Как тебе проект?

Кукуев весело и настойчиво смотрел на Дениса.

– Я вас миллионерами сделаю. И себя не обижу. – засмеялся он.

Денис почесал затылок:

– Красиво. Но надо посоветоваться с Юлианом Юрьевичем. Он главный, это его изобретение. Я только исполнитель по кулинарной части.

– Это само собой. – согласился Роман. – Организуй встречу. В любое время. Хоть завтра.

Денис созвонился с Арбелиным. Сказал ему кодовым текстом:

– Есть информация.

– В пять. – ответил Арбелин и это означало, что приехать к нему надо в семь.

– Поеду вечером к ЮЮ. – сказал он Роману. – перезвоню тебе. Если скажу о'кей, значит приедешь ко мне завтра, в любое время.

Роман уехал, радостно сияя. Новое прибыльное предприятие сваливалось словно с неба. Такие повороты жизни он любил. Пингвинчик давал стабильный возрастающий доход. Чебачок сулил в сто раз больше. Было чему радоваться.

Но он не учитывал одной очень тормозящей реализацию такого грандиозного проекта детали – айвеселин был явным стимулятором и его безобидность ещё предстояло доказать, а без доказательства чебачок проваливался в нарушение. Гаргалин был начеку.

Об этом и говорил Арбелин Денису с Альфой вечером, когда Денис рассказал ему об эйфории Кукуева.

– Откуда он узнал о чебачке? – сердито спросил Арбелин.

– Совершенно случайно. Приехал к Саньке Дубичеву, своему помощнику по рейдерским делам, а у того на столе чебачки. Он попробовал и обалдел. И рванул ко мне.

Арбелин всё понял. Винить Дениса не приходилось, он был мстителем. А из случайностей жизнь соткана.

– Что ж, – констатировал Арбелин, – что случилось, то случилось. Бизнес, безусловно, может быть таким, как нарисовал Кукуев. Но для этого добавку надо запустить в медико-биологическую экспертизу. Значит, описать технологию получения пептидов весёлости. Это нам не нужно. Петрову тоже. Пока не стоит афишировать открытие. Придёт ему час, а сейчас нам нужен эффект массовой фасцинации. И у нас в руках её главный инструмент. В то же время чебачок необходим в большом количестве. Не миллионы, но тысячи штук. Его же надо дать пивоманам. Не одному, двум, трём, а сотням и тысячам. Всему Бургу. Вот над этим надо подумать. Не миллионы, но тысячи. Как много ты мог бы изготовить чебачков за месяц? – обратился Арбелин к Денису.

Денис начал прикидывать в уме. Спустя полминуты ответил:

– Тысяч пять.

– Неплохо. Для начала столько и потребуется. Но ведь нужны пептиды, пот. Сможем еще раз организовать?

Теперь он смотрел на Альфу.

– А почему нет? Танцоры ждут команды. – ответила Альфа.

– Хорошо. Значит, мы пока и без Кукуева с нашей задачей справимся. А там посмотрим. Потом он нам будет нужен обязательно, а сейчас его надо спустить на землю. Денис, скажи ему, что встретимся послезавтра у меня. Приезжайте вместе. А мы с Альфой будем вас ждать... Часов в шесть вечера. Не люблю деловые разговоры с утра.

Как только Роман появился и после приветствий был посажен в кресло в кабине, Арбелин приложил палец к губам, показывая, что надо молчать, и подал Роману листок с напечатанным текстом.

В недоумении Роман прочитал: «Разговор предстоит очень секретный. Боюсь прослушки. Предлагаю всем сесть в Ваш внедорожник и отчалить куда-нибудь. В машине и поговорим».

Прочитав, Роман кивнул головой.

Молча вышли, сели в машину Романа и в сопровождении двух его охранных внедорожников поехали со двора Арбелина.

– Жмите, что есть духу, чтобы любой хвост отстал. – попросил Арбелин.

Помчались и повезло – не встретили ни одного гаишника.

Выехали за город, свернули в лес.

Арбелин кивнул головой на водителя.

Кукуев понял.

– Федя, оставь нас, посиди у ребят. Я просигналю, когда вернуться.

– Вот теперь можно поговорить. – сказал Арбелин. – Дело в том, Роман, что за мной идёт слежка, ФСБ не дремлет. Полковник Гаргалин позволил мне провести сеанс массовой фасцинации, но не более того. Стимулятор, причём любой, будет для него сигналом размазать меня и фасцинетику по стенке как мошку. Нужна бдительность. Чебачок, который мы изобрели, это бомба. И он понадобится только тогда, когда будет как-то оправдан его массовый запуск для любителей пивка. Я пока такого способа не вижу. И пока его нет, мы залегли на дно. Шлифуем добавку, ищем варианты. Это работа упорная и не скорая. Так что с запуском чебачка в бизнес надо повременить. Размажут всех нас и не вытрут. Зачем Вам такие риски?

– Не нужны. Гаргалина я знаю, он садист. – подтвердил Кукуев.

– Но раскрою Вам, Роман, ещё один секрет. Оптимистический. Чебачки – это хороший бизнес, но есть ещё более интересный и долговременный. Фармацевтика, Роман, выпуск антидепрессанта. Наша добавка не просто веселит, она переключает в мозгу активность структур и цепочек грусти и подавленности. Это мощнейший антидепрессант. И я предполагаю, что совершенно безвредный. И если окажется, что добавка безобидна с медицинской точки зрения, то её как акула рыбку заглотит фармацевтическая промышленность. Вы сможете организовать выпуск антидепрессанта, громадный на всю планету рынок. Треть населения земного шара трепыхается в депрессиях.

Кукуев восхищённо смотрел на Арбелина:

– Я так понял, Юлиан Юрьевич, что проект мой принимается, но откладывается. Пока не надо спешить, надо потерпеть. Правильно?

– Абсолютно и я рад, что Вы поняли. Но есть и сегодняшняя задача. Найти вполне легитимный способ заброски нашего чебачка в народные массы Бурга. Присоединяйтесь к решению этой задачи. Её решение откроет путь к следующему этапу – внедрению добавки, а затем и к бизнесу.

– Понял. Буду думать.

Роман спустился на землю, но с большим удовольствием. Он увидел Арбелина в деле и готов был склонить голову перед величием его интеллекта. Иметь дело с таким человеком было подарком судьбы. Кроме этого, его проект бизнеса был по существу одобрен, только отодвигался во времени. И, наконец, Арбелин дарил ему идею огромного фармацевтического бизнеса. Это было грандиозно и было от чего вскружиться его коммерческой голове.

Тем же путём вернулись к Арбелину.

С радостным настроением расстался Роман Кукуев с академией.

Часть двадцать третья

ИСЦЕЛЕНИЕ И ТРИУМФ НАТАШИ

У подъезда их ждал зоркий глаз и видеокамера Ляушина. Проследить куда уезжала шайка-лейка он на своём «мерседесе» не смог, безнадёжно отстал и потерялся. И вернулся к подъезду Арбелина ждать.

Гаргалину стремительный отрыв Кукуева с Арбелиным от Ляушина неизвестно куда не понравился, он наводил на мысль об опасной игре. И он даже готов был удовлетворить желание Ляушина пересечь на что-нибудь пошустрее его «мерседеса».

Но тут смешал все карты Арбелин.

Он позвонил Гаргалину на следующее утро и попросил встречи.

– Есть очень важная для нас вами информация, хочу поделиться. Не по телефону. – сказал Арбелин.

Звучало интригующе. Гаргалин ответил коротко:

– Приезжайте сейчас, жду.

Арбелин вошёл в кабинет, лучезарно улыбаясь. Присев, достал из портфеля лист с текстом, подал его Гаргалину и произнёс:

– Решил снять с Вас и с себя груз ответственности, о которой недостаточно подумал, когда писал своё обращение о создании центра.

Недоумевая, Гаргалин принялся читать.

Это был отказ Арбелина от своего обращения. Адресован он был в Москву с присовокуплением – «копия: в региональное отделение ФСБ».

Текст был короткий и лаконичный: «Все те аргументы, которые я привёл в своём обращении о создании при ФСБ научно-практического центра антиэкстремисткой фасцинетики, я теперь рассматриваю как недостаточные для столь ответственного государственного проекта и прихожу к выводу, что прежде необходимо экспериментальное подтверждение существования феномена массовой фасцинации и её практического воздействия на человеческую психику. Поэтому обращение своё отзываю и прошу считать его моим добросовестным заблуждением».

Когда Гаргалин прочитал и поднял глаза на Арбелина, тот сказал:

– Впал в иллюзию. Творческая фасцинация. Теперь я понимаю, что не готов к столь грандиозному проекту. И, думаю, это моё заявление снимает все Ваши и мои проблемы.

Гаргалин лихорадочно соображал: «Что это? Игра? Или искреннее раскаяние? Но как же пляски? А этот внезапный вчерашний отрыв от Ляушина во внедорожнике Кукуева? А пингвинчик, взбудораживший население Тагды?». Что-то было не так, но в голове Гаргалина не склеивалось в систему. Всё отменить, этого креатин добивается? А самому продолжать в том же ключе? Нет, милый, так просто ты нас не обведёшь вокруг пальца.

Гаргалин решил продолжать игру, притворившись, что удовлетворён заявлением Арбелина.

– Что ж, – столь же лучезарно улыбнулся он Арбелину, – жаль, но раз Вы так решили, не в наших правилах настаивать и уговаривать. Закрываем Ваш проект. Спасибо, что так мудро поступили.

Он знал, что из Москвы получит распоряжение снять проверку с Арбелина, значит он обязан будет убрать от слежки Никшанова, Ляушина и Ингу, дел и без Арбелина у их регионального отделения хватало, не один он находился в разработке. Арбелин своим заявлением перечёркивал слежку.

Расстались с улыбками, думая каждый о своём.

Арбелин был убеждён, что Гаргалин не поверил в его отступление от идеи создания центра. Он будет ждать и искать подтверждения искренности Арбелина.

И для «подтверждения искренности» Арбелин принял решение окончательно залечь на дно, оставив только извлечение пота для пополнения запасов пептидного материала для будущего размаха.

Денис принялся за тихое подпольное производство чебачков и снабжение ими исключительно Саньки Дуба. Альфа тщательно продумывала будущую фасцинативную рекламную атаку чебачка. Кукуев вместе с академией размышлял о легитимном способе массового вброса чебачка в население Бурга, который принесёт ему баснословный барыш.

Жучок Арбелин снял, просигналив таким способом Гаргалину, что слежка бесполезна. И поместил его в стеклянную банку – как экспонат.

– Я его сфотографирую, – сказал он Альфе, – и ты опубликуешь снимок и описание в истории фасцинетики.

Альфа мгновенно отреагировала юмором:

– А как жучок появился в Вашем кабинете можно будет описать?

– Напиши, что исхитрились проникнуть в квартиру и поставить. – Арбелин смущённо почесал затылок. – Давай всё же про сексшпионку промолчим. Не стоит основателя fascino превращать в казанову.

– Жалко, такой был бы детективный колорит в истории. К тому же это ведь исторический факт, Юлиан Юрьевич.

– Не все факты вписываются в историю наук. Альфа, прекрати издеваться. Будет ещё много всяких фактов для истории.

Арбелин как в воду глядел.

Неожиданно позвонила Наташа. Арбелин её звонка давно уже перестал ждать, и вот она – объявилась.

– Юлиан Юрьевич, мне надо к Вам. Я уже не могу так жить.

Арбелин понял, что девушка на грани срыва.

– Наташенька, приезжай завтра же.

Он дал адрес и назначил встречу на шесть вечера.

С момента их разговора в лаборатории он часто думал о том, как вытащить её из асексуальности. Перечитал уйму самой современной литературы об избавлении от этой аномалии тех, кто ею озабочен и страдает. Ничего толкового не отыскал. С удовлетворением узнал только, что и в России сформировалось сообщество асексуалов и их тысячи. Оставалось одно средство, к которому он всё более и более склонялся – айвеселин с примесью окситоцина. Этот способ давал маленькую надежду на исцеление. На уровне наития. Он складывал в уме воедино своё собственное возбуждение от айвеселина, то волнение в тазовой области, о котором призналась Альфа, разыгравшую гиперсексуальность у бизнесвумен и жены Саньки Дубичева. Всё говорило за то, что айвеселин влияет на усиление либидо. Но может применить ту смесь, которая привела его в состояние бурной похоти? Этот вариант Арбелин, однако, сначала отогнал как слишком непредсказуемый. Только окситоцин! Но вспомнил, как интенсивно и неодолимо приходил от фенилэтиламина в вожделение, скорее всего дозу принял чрезмерную. А что если Наташе, асексуалке, никогда в жизни в вожделение не проваливавшейся, добавить всё же чуточку фенилэтиламина к айвеселину и окситоцину?

И он решил пойти на риск, подключить девушку к айвеселину с фенилэтиламином, но только после фасцинативного гипноза, которым снимет с неё гнетущую напряжённость и заикленность. Гипноз он давно не практиковал, но был в себе уверен. Достал свой предназначенный для гипноза голубенький стеклянный шарик на ниточке. Отутюжил эзотерический костюм глубокого темносинего цвета с блёстками, в котором был похож на средневекового мага. И приготовил айвеселин с окситоцином для растворения в стакане дистиллированной воды. Фенилэтиламина взял буквально несколько молекул. Не имея под рукой инструментария Абрамзона, испльзовал хитрость. Подцепил на кончик скальпеля крошечку фенилэтиламина и растворил в стакане воды, а затем каплю этого раство-

ра добавил в стакан воды с айвеселином и окситоцином. Вряд ли может быть хуже, чем получилось у меня, подумал Арбелин, отгоняя тревожность риска.

Наташа явилась точно в шесть вечера и была бледна.

Арбелин усадил её в кресло и мягко, потихоньку разговорил, снимая напряжение.

Девушка чуть не плакала:

– Не пойму, что со мной творится. Перестала быть безучастной. Всё волнует, всего боюсь. Не высыпаюсь. Нервничаю. Места себе не нахожу. С ума наверное сойду.

Вид её был неважнецкий, поникший, далеко не тот, каким она очаровала его при первой встрече.

Надо было создать настрой на восприятие всего, что Арбелин будет ей внушать.

– Готова ли ты, Наташенька, мне помочь?

Это как-то поразило Наташу. Она и помочь? Странно. Она удивленно смотрела на Арбелина. Удивление – это хорошее начало для вытеснения тревожности.

– Я хочу тебе помочь. Но чтобы я смог тебе помочь, надо, чтобы ты не отрицала того, что я буду говорить и делать, а принимала как должное. Это и будет твоя мне помощь.

Заковыристая тирада Арбелина её убедила, она впервые улыбнулась.

– Конечно. Я же за этим и пришла к Вам, Юлиан Юрьевич. Что мне делать?

Она чуточку оживилась.

– Давай сначала попробуем снять в тебе напряжение. Ты прямо как натянутая струна, вот-вот лопнет. Верно?

– Точно, лопнет. – кивнула головой девушка.

– Вот мы сейчас твою струну ослабим, пусть звенит, но не лопаётся. – мягко улыбнулся ей Арбелин, сосредоточивая свой магнетический взгляд на её переносице. Тихим повелевающим голосом произнёс: – Сядь поудобнее, подвигай седалищем, расслабься и смотри мне в глаза. Старайся не мигать. Просто смотри в мои зрачки. Смотри, смотри...

Он поймал её остановившийся взгляд, достал шарик, поднёс его на расстояние сорока сантиметров перед её лицом.

– А теперь переведи глаза на шарик и внимательно смотри на него. Видишь, он чуть покачивается. Покачивайся так же с ним, чуть-чуть, не сильно... покачивайся, смотри, не спускай с него глаз, тебе становится тепло, тепло, разливается тепло по телу, хорошо, хорошо, ты засыпаешь, засыпаешь, засыпаешь...

Наташа провалилась в транс, можно было приступить к внушению.

– Ты забываешь свои тревоги, ничто тебя не беспокоит, тебе сладко и ты хочешь спать, спать, отдохнуть, отдохнуть. Ты себе нравишься, ты хорошая, ты добрая и нежная, ты умная и красивая, тебе не о чем беспокоиться, у тебя появился близкий друг, Юлиан Юрьевич, скажи «Мой друг Юлиан Юрьевич».

Наташа тихим голосом повторила:

– Мой друг Юлиан Юрьевич.

Скажи:

– Юлиан Юрьевич мне поможет, я ему верю.

– Юлиан Юрьевич мне поможет, я ему верю.

Еще три раза скажи: – Я ему верю, верю, верю.

– Я ему верю, верю, верю. – повторила Наташа.

Щёки её порозовели, она совсем расслабилась.

Спустя пять минут такого внушения Арбелин провёл ладонью по её лицу и тихо прошептал:

– Как хорошо я поспала, я просыпаюсь.

– Как я поспала, просыпаюсь. – повторила Наташа и раскрыла глаза.

Через минуту она вышла из транса.

– Я спала? – улыбнулась она Арбелину.

– Ты прекрасно выспалась и помогла мне. – улыбнулся Арбелин. – Как ты себя сейчас чувствуешь?

– Мне лучше... Можно я у Вас останусь? – неожиданно попросила Наташа.

– Конечно, можно. Но я тебе ещё не до конца помог. Я только ослабил твою натянутую струну и снял напряжённость. Сейчас ты выпьешь вот этот стакан святой воды и в тебя вошёл новая жизнь. Это мой чудесный эликсир жизни. Он придаёт человеку волнующие желания и влечения. Эликсир этот магический. Он сделает тебя полноценной женщиной. Вызовет волнение. Готова?

Наташа внимала словам Арбелина, как замороженная, транс ещё не полностью прошёл.

– Готова, готова. – сказала она, не отводя оживающих глаз от глаз Арбелина.

– Выпей.

Арбелин подал ей стакан воды с айвеселином, окситоцином и минимальной дозой фенинэтиламина.

– А после того как выпьешь, закрой глаза, и прислушивайся, как в тебя будет вливаться новая жизнь. А я буду держать твою руку.

Наташа послушно выпила раствор и закрыла глаза.

Арбелин взял её правую руку и посмотрел на часы, засекая время.

– Мне так хорошо. – тихим голосом произнесла Наташа и по её щеке прокатилась слезинка.

«Хоть бы подействовало», – чуть ли не с мольбой подумал Арбелин.

Через десять минут Наташа открыла глаза и широко улыбнулась.

– Я хочу кушать. – сказала она внятно и весело.

– Вот видишь, – сказал Арбелин, не отпуская однако же её руки, – уже появилось одно желание. Сейчас я тебя накормлю.

– А ещё я хочу веселиться.

– Включить музыку?

– Да, да, хочу музыку.

Арбелин встал и включил испытанное средство – бесаме мучо.

Щёки Наташи пылали:

– Хочу танцевать. С Вами, Юлиан Юрьевич. Я Вам верю, верю, верю. – как заклинание повторила Наташа и упруго вскочила с кресла.

Это была уже другая Наташа. Она отличалась и от той колдовской, но холодной, какой её описывал Невпопад и какую видел Арбелин в её лаборатории.

Арбелин приобнял её за талию и повёл под ритм бесаме мучо.

Наташа вдруг прижалась к нему.

– Обнимите меня крепче. – страстно произнесла она.

Арбелин покорно исполнил её желание, с удивлением наблюдая чудодействие своего эликсира.

В следующий миг Наташа впилась своими губами в его губы и долго не отпускала в страстном поцелуе.

Арбелин отпрянул:

– Так ты совсем живая?

– Я живая, я живая, я живая! – громко запела Наташа и закружилась. Потом остановилась, пристально и нежно посмотрела на Арбелина и произнесла совсем уж неожиданное:

– Я хочу Вам принадлежать.

Она смотрела на него настойчиво и испуганно, боясь отказа.

Арбелин понял, что отступать нельзя, возрождение девушки должно состояться, иначе она погибла.

Он обнял её, нежно прижал и шепнул:

– Раздевайся. А я приготовлю постель.

Он отнёс надувной матрац в библиотеку, расположил его и застелил, а когда вернулся в кабинет, его глазам предстала удивительной красоты обнажённая нимфа.

– Я всё время хочу. – сказала она Арбелину, будто на уроке математики решила задачу и решила правильно.

В Наташе проснулась женщина и женщина эта оказалась прекрасна. Она светила от счастья.

– Теперь я человек! – не без юмора произнесла она, когда свершилось то, о чём она думала со страхом и навязчивостью долгие годы девичества. И добавила. – Я хочу быть Вашей любовницей.

Она звонко засмеялась.

Исцелитель стал в одно мгновение любовником. Такова была плата Арбелина за стремление спасти девушку от асексуальности. На большее он не замахивался.

– Мне через месяц будет семьдесят лет. И я горбат. – сказал Арбелин, словно оправдываясь.

– Какая ерунда. – отмахнулась Наташа. – Ты мой, ты мне нужен, я без тебя погибну.

В мгновение её психика изменилась и исцелитель стал ей «ты».

Так она думала и чувствовала в этот момент. Она ещё не знала, что стала не просто другой, а стала женщиной, значит обрела весь огромный арсенал женских инстинктов, повадок и влечений. Она ещё не знала, что будет происходить в ней и с ней завтра и послезавтра. Она упивалась радостью исцеления.

Уже на следующий день, пробегая по длинному институтскому коридору, она подпрыгивала, как козочка, веселилась и источала живую искромётную сексуальность. Сотрудники диву дивились. Но долго им её видеть не пришлось. Через месяц она уволилась из института, весело распрощавшись с лабораторией. И начала новую жизнь, закружилась в вихре молодых тусовок и удовольствий. Никто в институте не знал, что у Наташи прекрасный певческий голос, она поёт в церковном хоре и мечтает когда-нибудь выйти на сцену. Мешала асексуальность, страх публичности. Теперь эти страхи и барьеры были отодвинуты в прошлое, она словно проснулась от долгого сна и упивалась успехом.

От Альфы исцеление Наташи Арбелин скрывать не стал: ученица должна приобщаться ко всем тонкостям фасцинетики, в том числе и рискованно экспериментальным.

– Я ведь, Альфуша, чуть преступление не совершил. Взятся быть клиническим фасцинетиком. А кто ж позволил бы! Вот я тайно и провёл одну целительную операцию. Рисковую до умопомрачения! Но закончилось, слава небесам, успешно. А боялся страшно. Как хирург при операции на сердце.

И он подробно описал, как у него появилась пониженная Наташа Нестерова, как он составил смесь из айвеселина, окситоцина и фенилэтиламина, провёл с Наташей фасцинативный гипноз и после него дал ей выпить эту смесь, внушив девушке, что это эликсир жизни, влияющий в человека волнующие желания.

Альфа внимательно впитывала рассказ Арбелина, но недоумённый вопрос у неё всё же возник:

– Значит, Вы ей правильно диагноз поставили, асексуалка она? У неё что, с сексуальными желаниями проблема была?

– О, ещё какая! Жить не хотела, в клиническую фрустрацию завалилась. При её-то телесных данных! Ты же видела, какая она изумительная, златокудрая и синеокая. Я при знакомстве у Невпопада дал ей свой телефон. И вот она, как говорится, дозрела, измучилась и пришла просить помощи. А как помочь? Женской виагры ещё не придумали, никак физиологи не наткнулся на механизм стойкой фригидности женщин. Ну, а я авантюрист. Да и кто ей поможет! И знаешь – ожила!

Альфа несколько сконфузилась от возникшего вопроса:

– Юлиан Юрьевич, а как Вы поняли, что она исцелилась и ожила?

Вопрос был, что называется, в десятку. Арбелин растерялся, а отвечать надо:

– Так... так она же, Альфуша, меня в средство проверки превратила...

– Понятненько, – мило улыбнулась Альфа, – не устояли.

– Да как устоишь при её-то данных... И я же экспериментатором оказался, надо было проверить.

– Проверка подтвердила успех?

– В высшей степени, Альфуша. Она действительно превратилась из айсберга в огненный вулкан. Я Петрову рассказал. И знаешь, что он мне ответил? У тебя, говорит, получилась женская виагра, а то и что-то покрепче. Опаснейшее средство.

– Почему опаснейшее, если успешное?

– Так это же с асексуалкой получилось успешно. А если, говорит Петров, дать такое средство обычным фригидным женщинам, которых миллионы, они же в нимфоманок могут превратиться.

– Так они может и мечтают об этом! – засмеялась Альфа.

– До поры до времени. А когда захватит, на стену полезут.

О том, как он сдуру привёл себя фенилэтиламином в скотское состояние и полез на стену, он ученице не рассказал.

Альфа отреагировала как истинный клинический психолог:

– Просто надо подобрать безопасные дозы, вздёргивающие либидо, но без чрезмерности. Я так думаю.

– Так же и мы с Петровым решили. Но это задача на будущее. Я тебе рассказывал именно для будущего анализа... А Наташу теперь не удержать. Она ведь даже из института уже уволилась, позвонила недавно.

Альфа всё запомнила. Про себя иронично подумала: «Знаем мы, как Вы, Юлиан Юрьевич, желания в женщинах пробуждаете». Это была ирония понимающей ученицы. Ведь главное – спасти человека, и Арбелин спас, причём новаторским способом, с риском. Слава Учителю, даже если его и возжелали! Но и тут не удержалась, чтобы не поиронизировать:

– Осторожнее с ней, Юлиан Юрьевич. После асексуального застоя в ней такой демон проснётся, что спасу Вам не будет.

Ай, да девчонка, ведь всё понимает, ничего не скроешь!

– Ей уже не до меня, Альфа, – лукаво посмотрел он ей в глаза, – не представляю, куда её занесёт. Она ведь, оказывается, все годы, что работала у физиков, тайно от всех пела в церковном хоре. И мечтала петь на сцене. Представляешь, какая девица и какое долготерпение? Теперь ей прямая дорога на эстраду. Будет звезда Наташа Нестерова.

Повезло Наташе! К её счастью в Москве жил родной дядя Серёжа, старший брат отца. Был он не богат, но и не беден, и статус имел вполне приличный – служил чиновником среднего масштаба в департаменте культуры и, стало быть, имел вполне достаточно связей и знакомств, которые могли стать полезными Наташе. А он в племяннице души не чаял. И когда она появилась у него и поделилась с ним и его женой своей мечтой петь на сцене, они с жаром принялись убеждать её, что лучше Москвы для старта в любой артистической карьере не сыскать. Столица, центр России, все пути дороги здесь в узел сплетены! Дядя Серёжа верил, что при красоте и артистизме у Наташи может всё получиться. «Поживи у нас, попробуй, попытка – не пытка», – предложил он. Для Наташи это было подарком судьбы. Дядя привёл в движение свои скромные связи, остальные сделали красота и талант Наташи. У всех, кому дядя её с гордостью представлял как свою талантливую племянницу, она вызывала симпатию и готовность помочь. А когда она показывала, как умеет петь и танцевать, возникала не только симпатия, но очарование, а против очарования нет защиты, будь ты хоть мизантропом.

Красота, голос божественно грудного тембра и изумительная пластичность тела сделали своё чарующее дело: появились доброжелатели, полезные знакомства, творческие предложения. Дядя был счастлив и звонил отцу Наташи, своему брату, который был недоволен выбором дочери оставить институт и ступить на скользкую дорогу эстрады: «Игорь, не ворчи, из неё получится звезда, вот увидишь!»

Желающих приобщиться к будущей звезде становилось всё больше. При Наташиной скромности, приветливости и мягкости, вызывавшими у всех доброжелательный отклик, она обладала замечательным качеством, сформированным

годами асексуальности и отрешённости, — она была непреклонна и тверда в решениях. Это и помогло отсеять тех, кто, облизываясь, как кот на сметану, планировал затащить её в постель, приручить, сделать игрушкой и доходным средством для собственного эгоистического успеха. Зато появились молодые талантливые единомышленники-музыканты, и продюсер, причём, что удивительно, трезвенник и вегетарианец. Он тоже только начинал восхождение и в Наташе увидел свой шанс, а поскольку был умён и коммуникабелен, ему быстро удалось сколотить дружный инструментальный ансамбль из молодых выпускников музыкальных училищ. Через месяц новый коллектив уже смог показать себя, и первые же его выступления были замечены и отмечены.

Наташа с упоением окунулась в новый творческий мир и работала над собой с таким фанатизмом, что жена дяди пыталась её несколько остудить: «Наташенька, не перенапрягайся, миленькая». На что Наташа со смехом отвечала: «Я же всё делаю с огромным удовольствием, тётя Ирина. Надо много чего осваивать». Осваивать, действительно, надо было многое: и артистизм шлифовать, и голос тренировать, и найти для себя сценический образ, и репертуар подобрать оригинальный, fasciniрующий, и даже псевдоним себе подыскать звучный. Так к весне она стала певицей Наташей Изумрудной, изумляющей всех своим телом, голосом, артистизмом и песнями. И необыкновенными, чарующей красоты, фиалковыми глазами, изумительно сочетающимися с её златокудрым обликом.

Талант её не могли не оценить; знаменитая примадонна российской эстрады прилюдно её благословила на одном из певческо-музыкальных конкурсов. Первые же гастроли по Тюменскому Северу принесли Наташе и её ансамблю оглушительный успех и о ней заговорили в шоу-бизнесе.

В Бурге Наташа появлялась изредка, и как только прилетала, на другой же день мчалась к своему спасителю, обрушивая на него нежность и новости. Но больше, чем на три часа не задерживалась.

И она безмерно радовала Арбелина, как спасённая от смерти дочь, которой он вернул жизнь.

— Замуж года два не выходи, успеется. Сексуально себя чрезмерно не расходуй. Все силы брось на шлифовку своей fasciniрующей уникальности, дарящей людям радость. — наставлял он её.

— Как жаль, что ты не в Москве! Я принадлежала бы только тебе. — обнимая его, заливисто смеялась Наташа.

Все попытки Гургалина обнаружить хоть какую-то активность Арбелина со товарищи закончились нулевым результатом. Только стойкий Ляушин продолжал прилежно фиксировать утренний моцион учёного по мусорным площадкам и ждать появления Альфы.

Академия надёжно затаилась.

Арбелин благословил своих помощников и учеников на учёбу в университете. Альфа, восстановленная на факультете после академотпуска, ринулась просвещать факультет.

– Юлиан Юрьевич, что если я возьму для курсовой тему «Фасцинация в клинической психологии и психотерапии»?

– Альфа, это же тема для докторской диссертации! Не выдержат учёные гуси, общипают тебя, только перья полетят.

– Но это же должно всех на факультете заинтересовать.

– Правильно мыслишь, но экстремально. Учёные мужи и дамы любят скромность. Озаглавь «К вопросу о значении феномена фасцинации для клинической психологии» или «О возможном применении фасцинации в клинической психологии». Не надо дразнить гусей. Ведь наша задача не революционная, а эволюционная. Постепенное приучение психологов к феноменологии фасцинации.

Так Альфа и поступила, скромненько попросив профессора Громова разрешить ей курсовую о фасцинации. Поморщившись, профессор, ничего о фасцинации не знавший, великодушно разрешил.

А к Петрову Альфа напросилась слушать его лекции по органической химии.

Петров взял под покровительство и Дениса. Денис его удивил отличными познаниями в химии и он открывал ему дорогу на химический факультет. Решили, что этот учебный год он будет посещать лекции как вольнослушатель, – Арбелин с Петровым обратились к декану и добились его согласия на это, – а на следующий год поступит на учёбу на платной основе.

К Петрову относились на факультете с долей иронии. Уважая его высочайший профессионализм и энциклопедические знания, тем не менее прозвали его алхимиком – за то, что постоянно выдумывал новые и новые исследовательские проекты и проводил рискованные эксперименты. Исследование пота не укрылось от любопытных коллег и они шутили между собой, что скоро Петров изобретёт какую-нибудь антипотовую микстуру для подмышек и промежностей. Откуда и какой у Петрова был материал для исследования, они даже не догадывались, а зачем он ему нужен – тем более.

Петров уклончиво, с юмором о подмышках, подыгрывал коллегам, не раскрывая секрета.

Ежедневно по несколько часов Денис штамповал чебачков, отшлифовывая технологию штамповки. Вспоминал добрым словом двоюродного деда, подарившего ему разнообразные формы для выпечки и формования, в том числе и форму для маленьких леденцов-рыбок. Для чебачка она оказалась в самый раз.

Попросил Романа заказать несколько копий формы – на будущее. Через неделю у него было уже десяток форм – хоть мастерскую открывай.

– Денис, мы же на хладокомбинате можем автоматическую линию сконструировать, зачем вручную коряжиться. – недоумевал Роман.

– Рано. Пока вручную, для эксперимента. Вот когда на поток поставим, тогда и запустим автомат. – охладил его Денис.

Кукуев был терпелив. Он искал возможность легального массового вброса чебачка в народ.

Тем временем рынок изобретённого академией пингвинчика разрастался. Кукуев запатентовал название мороженого, Альфа развернула потрясающую по фасцинации рекламу, подмигивающий пингвинчик полюбился потребителю и стал узнаваемым брендом. Игнат Баранов осваивал уже Курганскую, Новосибирскую и Омскую области. Народ с удовольствием смаковал пингвинчика во всём разнообразии его вариантов.

Роман исправно привозил Денису долю академии с нарастающей прибылью.

Часть двадцать четвёртая

ТРАГЕДИИ АЛЬБИНЫ

Последний, выпускной учебный год начался для Альбины грустно. Тянуло поехать к Денису, узнать, выздоравливает ли, но она запретила и заглушила в себе это желание, знала, что это только распалит воображение парня и даст ему надежду. О себе она не думала, давно записав себя в категорию пропавших шлюх.

Роковая зависимость, впаянная в её психику мерзким патологоанатомом Федоренко, властно и неодолимо провоцировала в ней неодолимую животную похоть и призывала к оргазму. И Альбина срывалась в поиск подходящего самца, чтобы после телесной улады провалиться в жуткую депрессию, в которой манила её исковерканную душу петля.

Вдруг, как всегда внезапно, будто вихрь, нахлынула волна скотского желания, от которого можно было сойти с ума. Бросилась из общежития, побежала к трамвайной остановке, чтобы успеть отъехать подальше и поймать какого-нибудь жеребца. И увидела на обочине, в сторонке от уличного движения и пешеходов, машину ГАИ. К ней как раз подходил бравый лейтенант, видимо, на время отлучался по какой-то надобности. Не долго раздумывая, Альбина кинулась к нему. Была она столь хороша, что ни один мужчина любого возраста не мог бы равнодушно пройти мимо, не повернув голову в её сторону. Лейтенант заметил её порыв, остановился, и этого было достаточно, чтобы Альбина встала перед ним с блудливой улыбкой, и игриво, как ею было отработано за годы порока, приступила к обольщению. Через три минуты автомобиль гаишника уже ритмично раскачивался. И все бы ничего, пронесло бы, хотя Альбина и пошла на риск от жуткого нетерпения, нарушила своё неукоснительное правило не предаваться пороку вблизи общежития. А в этот момент проходили мимо два парня, студенты колледжа. Ритмичное раскачивание автомобиля обратило на себя их внимание и вызвало соответствующую ассоциацию. Подкрались осторожно по кустам, чтобы подсмотреть, что там происходит, и ошарашенно переглянулись, хмыкнув. В автомобиле торчали женские ноги, и сверху энергично действовал гаишник. Вауэризм разыграл, разгорячил парней. В любопытстве увидеть обладательницу вздёрнутых ног досмот-

рели до конца. Каково же было их удивление, когда девица выскочила из автомобиля и помчалась бегом к их общежитию. Они узнали в девице Альбину!

На следующий день общежитие кормилось пикантной новостью, что Альбина Арипова занимается любовью с гаишниками прямо в их машинах.

Одна из ехидных и зловредных студенток, Катя Реутова, остановила её в коридоре и сладеньким голоском проворковала:

– Алька, ну как тебе гаишник, понравился?

Альбина позеленела, поняла, что те парни, которых она краем глаза увидела, когда выскочила из машины, были из колледжа и всё видели.

Она вбежала в свою комнату, зарылась от стыда в подушку и зарыдала. Не будь в комнате Ирины, на этот раз она наверняка бросилась бы в петлю.

Так в её жизнь добавилась ещё одна беда, запрограммированная педофилом Федоренко, – позор.

К позору добавился грандиозный скандал.

Служил в колледже заместителем директора по хозяйственным делам сорокалетний донжуан и казанова Алексей Борисович Фомин. Был он смазлив, а блудлив – за пределами. Любимой его шуткой в пьяных мужских компаниях была: «Всё, что движется, должно быть покрыто». Вместо «покрыто» он, само собой, употреблял более ёмкое словцо. Мужики смеялись и задавали ему какой-нибудь вопрос в тему, вроде «А если, к примеру, слониха?», на что находчивый казанова отвечал: «Проблема только в лестнице». В своих сексуальных подвигах дошёл он до того, что на дне рождения жены, пока в гостиной усаживались за стол, умудрился на кухне «покрыть» приятельницу жены, на чём был схвачен её мужем и крепко бит.

Никто не считал соблазненных им студенток колледжа, это был, как он бахвалился перед друзьями-субутыльниками, его «курятник». И в этом-то курятнике он давно приметил гуттаперчивую соблазнительную Альбину, но никак не мог сообразить, с какого боку к ней подступиться, выглядела она недотрогой. И вот час его настал! Кто-то из зависимых от него студенток-наложниц со смехом поделился с ним новостью о грешке Альбины с гаишником. «Ага, вот ты какая у нас птичка!», – воскликнул с радостью Фомин и начал прикидывать план атаки. Понял он, что Альбина гиперсексуальна, а с такими верный способ придумал ещё поручик Ржевский – не рассусоливая долго, хватать покрепче и заваливать. Диван в кабинете служил этому надёжно. Оставалось завести девушку в кабинет и закрыть дверь. Именно так он и поступал бесчисленное число раз. А для привода в кабинет разработан был безотказный приём – вызов на ковёр за нарушение правил внутреннего распорядка и ненадлежащего пользования имуществом общежития. Устраивал Фомин инспекционную проверку комнат, подвластные ему контролёры придирались к нарушениям в комнате намеченной жертвы, заноса их в протокол, вызывал жертву в кабинет, наводил на бедную провинциалку – а в колледже учились на 90 процентов девочки из провинциальных посёлков и малых городов Урала! – страх исключения из колледжа, после чего заваливал на диван и затем великодушно прощал.

Всё было разыграно и на этот раз как по нотам. В комнате Альбины с Ириной и ещё одной девочкой отыскалось множество нарушений, но особенно в кровати, тумбочке и стене, к которой прилегала кровать Альбины: беспорядок, пыль-грязь, царапины на стене.

Альбина была вызвана на ковёр на следующий день. Фомин, плотоядно оглядывая Альбину, начал накручивать страхи. Да не на ту попал! По его глазам опытная Альбина, повидавшая десятки таких героев, поняла, что надо от неё этому самцу. И вскипела, потому как при всём своём пороке, выбирала партнёра всегда сама и терпеть не могла хамов и насильников, давая им крутой отпор.

Сначала она всё же попыталась распалившегося заместителя директора вразумить.

– Алексей Борисович, Вы же мне в отцы годитесь, куда лезете. – сказала она строгим голосом.

– Туда и лезу, куда тебе хочется. – весело хохотнул Фомин. – Не ломайся, чем я хуже гаишника.

Потемнело в глазах Альбины от ударившей в голову крови. И как только ничего не подозревающий Фомин, исполнив свой испытанный ритуал устрашения, подошёл к Альбине вплотную, произнёс заученную фразу «Но мы можем с тобой поладить и забыть» и попытался Альбину завалить, получил пощёчину, а затем и того хуже – Альбина крикнула: «Пошёл на , вонючий козёл!» и запустила в его физиономию ногти. Брызнула кровь. Фомин от неожиданности и боли заорал. Раздался стук в дверь – секретарша услышала крик, но дверь-то была закрыта. Альбина рванулась к двери, повернула ключ и выбежала, чуть не сбив с ног секретаршу. И убежала от колледжа прочь. Её колотило от ненависти.

Вернулась к вечеру. Общежитие гудело.

Фомину надо было как-то выкручиваться и он не нашёл иного способа, как обвинить Альбину во вспышке дикой агрессии на его справедливые замечания о беспорядке в её комнате. Нависла угроза отчисления. Но улеглось: слава о подвигах Фомина гуляла по колледжу и директор был даже доволен, сочувственно разглядывая поцарапанную физиономию своего блудливого заместителя. Он бы и расстался с ним давным-давно, но был Фомин коммерчески изворотлив и помогал директору приворовывать. Так что пронесло, ограничились выговором. Альбина внутренне приготовила себя к расставанию с колледжем, и потому только усмехнулась, когда ей объявили о принятом решении. А в студенческой среде о позоре с гаишником тут же забыли и девчонки смотрели на Альбину как на героиню.

Впрочем, времена наступили позорные, в общеаге, кроме Ирины, верной подруги ушедшего служить в армию любимого, её одноклассника Кольки, девственниц не было, все девочки, оторванные от родных семей и родных мест, предавались на свободе сексуальным излишествам по нарастающей.

Быть может случай с гаишником и скандал с заместителем директора и подвёл к Альбине трёх сокурсниц, предложивших ей заняться сексуальным заработком. Подружки завели любовников, работавших клерками в банке, и щеголяли

нарядами и дорогой косметикой. Пожалели Альбину, бедную безденежную провинциалку, одетую чуть ли не в обноски. А уже вот-вот наступят холода.

Разбитные девушки поделились своей успешностью, рассказали, что в банке, где завели себе богатеньких бойфрендов, есть одинокий мужчина лет сорока с хвостиком, большой любитель скромных девочек, с которыми он чувствует себя настоящим мужчиной. И этим мужчиной был не какой-нибудь занюханный оператор или компьютерщик, а сам управляющий банком, бывший музыкант и фанатик игры на клавишине. Парни с хохотом рассказывали своим подружкам, что их начальник любит девушек учить сексу и медленно, со смаком, развращать их по Камасутре.

– Аля, ты же не девочка, зачем простаивать? Тебе нужна хорошая одежда, сапоги, косметика. Охмури этого папашу и всё у тебя будет, как у нас. Чего стесняться, селяви, все студентки сейчас под кем-нибудь лежат. Притворишься девочкой из деревни, он от тебя потащится. Ты же не какая-то лапотная уродина, ты же красавица. Тебя только приодеть и все ахнут.

Эти прельстительные порочные речи подействовали. Мрачно посмотрела Альбина на девиц и согласилась. «Может такая постоянная связь поможет», – подумала она. Постоянных связей она не заводила, сердце ни к кому не звало.

Как только у подружек случилась очередная гулянка, они свели Альбину с управляющим банком. Смущавшаяся, гибкая и симпатичная Альбина сразу ему понравилась. Альбина же, глянув на коротенького плотного мужичка, презрительно хмыкнула про себя, но ей было всё равно.

В этот же вечер банкир захотел везти Альбину к себе, но она, по правилам принятой на себя роли, испуганно потупила глазки и отказала.

– Может завтра... или послезавтра. – смущённо сказала она банкиру, кокетливо посмотрела на него понимающим взглядом и отвела глаза.

Это банкира распалило. Так завязался их порочный роман, который Альбина завела исключительно для проверки себя, даже и не помышляя о какой-то плате. Но плата была положена, банкир не мог этого не сознавать. И как только их встречи начались, дал Альбине денег на расходы.

– Купи себе что-нибудь приличное из одежды. – важно произнёс он, подчёркивая её бедность и свою значительность.

Денег, однако, дал не настолько много, чтобы купить по-настоящему приличное, оказался жадноват.

Встречи их были не частыми, особой сексуальностью банкир похвастаться не мог, ему достаточно было предаться ритуалу раз в неделю. Альбину это вполне устраивало. Он купил Альбине мобильник, звонил, когда приехать, отправлял за ней к общаге машину, и она ехала к нему за город, в импозантный коттедж с охранником у ворот.

Поиграв ей на клавишине, он приступал к развращению. Открывал Камасутру, в роскошном издании с картинками сексуальных поз, и читал Альбине сцену, которую они сегодня освоят. Дорогое вино с шоколадом и сладостями расслабляло, Альбина прилежно выполняла урок. Эта её разыгрываемая школьная дисциплинированность и талантливая понятливость доводила банкира до экстаза. Он с наслаждением взирал на плоды своего «труда», любуясь нежным гуттаперчивым телом девушки. Закончив очередную порцию её развращения, он бросал-

ся к ещё одной своей утехе и страстно терзал верный клавиесин, исторгая каскад невероятных диссонансов. Длился их сеанс разврата не больше двух часов, на большее банкира не хватало. Он расслаблено плюхался в кресло, а Альбину водитель увозил обратно в общагу.

– Как прошла случка? – бросал ей какой-нибудь парень. Все прознали, куда и зачем увозят Альбину.

Альбина даже не огрызалась. Она ждала результата. Прошел месяц, и неодолимая похоть не просыпалась. Это её радовало и тревожило.

Но тут произошёл срыв и допустил его распалившийся в учении банкир. Он задел ту струну в психике Альбины, которую нельзя было задевать ни в коем случае. Но он-то этого не знал!

Альбина ненавидела минет. Он ассоциировался с растлившим её педофилом, особое наслаждение находившим в лицецернии оральных манипуляций девочки.

Как только обнажились, банкир взял в руки Камасутру и произнёс, похабно хихикнув:

– А сегодня, детка, нам предстоит освоить минет. Знаешь, что такое минет?

Альбина знала. В голову прилила кровь, и она вспыхнула от злобы, как недавно с заместителем директора. Банкир не ожидал её реакции и потому оказался незащищен. Альбина что есть силы вмазала ему коленкой в пах. Банкир сложился пополам, второй удар коленкой пришёлся в скулу и банкир вырубился, свалившись на ковёр.

Альбина быстро накинула платье, не надев даже трусики и куртку, схватила сумочку и стремительно бросилась из коттеджа.

Охранник у ворот недоумённо воззрился на неё, бежавшую в одном только платье, но она на бегу уже придумала, как от него отбиться.

– Беги скорей, Эльдару Ивановичу плохо. – крикнула она, подбегая.

Охранник кинулся в коттедж, а Альбина выскочила за ограду и стремглав побежала к трассе. Дорогу он выучила, поэтому рванула к трассе через лесок, по кратчайшей траектории.

Выбежав на трассу, подняла руку, пытаясь остановить кого-нибудь и скорее уехать от опасности.

Машины проносились одна за другой, Альбина выглядела слишком непрезентабельно в своём платье, хотя погода была совсем не летняя, даже почти морозная, ноябрь на Урале уже подмигивал снежком, все одевались потеплее.

Альбину трясло от холода.

Наконец притормозила иномарка и выглянувший парень спросил:

– Тебе куда?

– В город. – ответила Альбина. На секунду мелькнула тревога, лицо парня выглядело нагловатым, но желание как можно скорее уехать, перебило бдительность.

Парень вышел из машины, открыл заднюю дверцу и сел рядом с Альбиной.

– А что тебя трясёт? Замёрзла что ли? – посмеиваясь, спросил он и попытался обнять Альбину.

Альбина откинула его руку.

– Только без этого!

Машина мчалась, стекла были затемнённые, она оказалась в ловушке.

– Ну, раз села, не трепыхайся.

Парень был не только нагл, но и силен. Он завалил Альбину и сунул руку под платье.

– Серёга, она без трусов! – сообщил он другу. – Причаль где-нибудь.

Друг съехал на обочину и остановился.

Альбина отбивалась, как могла, но два яростных насильника не дали ей ни единого шанса выскочить из машины.

Сорвав с неё платье и исполнив надругательство, включили скорость, и тот, что остался на заднем сидении, на ходу вышвырнул обнажённую Альбину и её сумочку на дорогу.

Альбина ударилась головой об асфальт и потеряла сознание.

Время было позднее, машин было мало.

Её распластанное на обочине голое тело заметила возвращавшаяся с дачи супружеская пара пенсионеров. Подняли в свои «Жигули» на заднее сидение. У пенсионеров было одеяло, женщина закутала в него Альбину, пощупала пульс.

– Живая. Давай быстрее в скорую. – бросила она мужу.

Женщина прихватила и сумочку Альбины, увидев её на дороге метрах в трёх от неё. Она открыла сумочку, достала студенческий билет.

– Студентка, Павел. Из колледжа культуры.

В скорой быстро осмотрели Альбину и тотчас вызвали милицию.

Когда приехала милиция, врачам удалось вернуть Альбине сознание, но была она вся в синяках и царапинах и не могла говорить.

Пенсионеры не уехали, ждали. Рассказали, где и в каком виде подобрали девушку.

Врач, осматривавший Альбину, констатировал:

– Явное изнасилование.

Так трагически закончилась для бедной провинциальной девчонки попытка спастись от своего порока.

Проведя осмотр и выполнив процедуры экспертного заключения о факте сексуального насилия, Альбину отвезли на лечение в травматологическое отделение больницы.

Только к вечеру Альбина пришла в себя настолько, что могла говорить, и сразу позвонила по мобильнику подруге Ирине.

Когда утром приехал дознаватель, Альбина ему не сказала о банкире и своём ночном от него побеге. Придумала версию, что её схватили трое неизвестных, бросили в машину, увези за город, изнасиловали и выбросили на ходу из машины.

Подобное в милицмейской практике случалось и потому копать дальше не стали, понимая, что получили ещё одно не раскрываемое преступление – ведь ни лиц насильников, ни номера автомобиля потерпевшая не помнила.

На всём свете не было дела до Альбины никому, кроме верной подруги Иришки. А Ирина тотчас вспомнила о Денисе и решила рассказать ему о беде – может он поможет чем-нибудь. Адрес его она запомнила, телефон был у неё записан.

Она позвонила и приехала к нему на другой день после посещения Альбины в больнице. И со слезами рассказала Денису о случившейся с Альбиной беде.

– Какой-то лихач сбил и не остановился. Её прохожие подобрали и скорую вызвали.

Ни минуты не раздумывая, Денис посадил Ирину в «Ниву» и ринулся в больницу.

Альбина Дениса вовсе не ждала, Ирина ей не сказала, что решила подключить парня. И обрадовалась как родному.

Денис приезжал к ней ежедневно. Пожилые женщины, соседки Альбины по палате, прониклись к нему любовью, он и им помог с нужными дорогостоящими лекарствами. Медсестры при встрече с ним доброжелательно улыбались. Он стал всем свой. Альбина нежно смотрела на него, в постигшей беде он был для неё спасением. К ней не приехала даже мать. Только верная Ирина и Денис поддерживали её.

Через неделю Альбине позволили прогуливаться, выходить в коридор. Присев в коридоре на лавочку, они увлечённо разговаривали. Говорил больше Денис, Альбина слушала. Денис рассказывал ей о фасцинетике, об Юлиане Юрьевиче и академии, о том, как изобрели мороженое пингвинчик, о перспективах создания кулинарной фасцинетики. Всё это нравилось и отвлекало Альбину от чёрных мыслей, чуточку выводило из депрессии.

В один из приездов Дениса засиделись в коридоре на лавочке, переусердствовали, заговорились, не принимая во внимание состояние Альбины. У неё внезапно закружилась голова и она повалилась с лавочки. Денис едва успел её подхватить, поднял на руки и отнёс в палату на кровать.

Увидев эту картину, старушки всполошились. Денис положил Альбину и успокоил старушек:

– Голова закружилась.

Спустя пять минут Альбина пришла в себя. Виногато улыбнулась:

– Видишь, какая я развалина.

Прибежала сестра. Строго выговорила Денису. Денис понурил голову и спросил:

– Скажите, какие ещё лекарства купить.

Сестра подобрела и назвала еще три, прибавив:

– Они дорогие.

– Ничего. – успокоил её Денис. – Главное ведь на ноги поставить.

Альбина во все глаза смотрела на Дениса и по лицу её потекла слезинка.

– Ну-ну, всё, на этом сегодня свидание закончено. – приказала медсестра. – Несите лекарства.

Денис пожал руку Альбины:

– Держись. Завтра утром лекарства привезу.

Долго в этот день он не мог заснуть.

Пролежала в больнице Альбина две недели и молодой организм справился и с ушибами, и с сотрясением мозга. Куда серьёзнее была психическая травма. Альбина провалилась в клиническую депрессию и не хотела жить.

Денис надумал поделиться бедой с Альфой и посоветоваться с ней, не стоит ли показать Альбину Арбелину. Затеplилась у него надежда вывести Альбину из депрессии с помощью целительной фасцинетики.

– Понимаешь, Альфа, я ведь влюбился по уши, а с девушкой произошла страшная беда, её машиной сбило.

И он рассказал Альфе всё как есть, ничего не утаив. Только о пороке Альбины и об изнасиловании он не мог рассказать, так как об этом не знал: ни Альбина, ни Ирина ему не сказали об этих её страшных бедах.

– Она жить не хочет, понимаешь, в каком она состоянии. Её должны вот-вот выписать, а куда ей деваться в таком виде. В общагу? Она не выдержит. Я хочу ей предложить пожить у меня. Поможешь её убедить?

Альфа, подумав, сказала:

– Боюсь, что она не согласится ехать к тебе. Познакомь меня с ней, съездим к ней в больницу. И я приглашу её к себе. Это будет логичнее.

Из бесед с Денисом о существовании Альфы Альбина знала и заочно прониклась к ней симпатией. К радости Дениса девушки буквально с ходу подружились. Было в Альфе природное чутьё и лёгкая располагающая к себе аура. Проявленное ею сострадание и участие оказали на Альбину благотворное действие, стало на душе не так муторно. И Альфе не составило труда уговорить Альбину пожить после больницы у неё, пока не окрепнет. Возвращаться в общагу Альбине было страшнее смерти, и она согласилась.

Через три дня её выписали и Альфа привезла её к себе. Рассказала про Альбину отцу и предупредила его, чтобы был с ней как можно деликатнее.

Окружённая заботой Дениса и Альфы, Альбина понемногу оттаивала.

С ужасом думая о возможном приступе неконтролируемого вождения, решила, что надо поделиться своей девичьей бедой с Альфой, предупредить её, что может сорваться. Да и потянуло к Альфе её так, что она увидела в ней подругу, старшую сестру, которой можно доверить все свои сокровенные тайны.

И она рассказала Альфе о том, как сосед по дому, хирург и патологоанатом, развратил её и довёл до сексуальной аномалии, от которой она страдает и не может избавиться. Рассказала и о своих похотливых приступах и как она их утоляет, а после этого мучается и думает о самоубийстве. Обо всём рассказала Альфе, утаила только изнасилование.

Альфа была не только женщиной и симпатизирующей подругой, но начинающим клиническим психологом и фасцинетиком, и в ней заговорило чувство профессиональной обязанности помочь Альбине избавиться от впаянной в неё сексуальной аномалии. И первое, что она предприняла, это разъяснение Альбине, как образуются в организме подобные и любые иные зависимости.

– Послушай меня, Альбина, я расскажу тебе, почему в тебе происходит то, о чём ты рассказала, в чём заключены корни сексуальной гиперзависимости. Тебе надо понять, что именно с тобой произошло, это поможет найти способ исцеления. Юлиан Юрьевич говорит, что понимание механизма аномалии в организме уже первый шаг к избавлению от неё. Готова послушать?

– Да, да, Альфа. Я ведь много чего почитала, но так и не нашла ничего толкового про этот порок. Очень хочется понять.

– Всё дело, Альбина, в эволюции и лимбической системе, жёстко повязанной на базовых инстинктах.

Альфа взяла лист чистой бумаги и нарисовала схему мозга, лимбической системы мозга и её связи со всеми рецепторами организма, специально выделив сексуальные. Схема, выполненная фломастером и авторучкой от руки, была, конечно, грубоватой, зато очень наглядной.

– Вот смотри. Самые древние структуры – это рецепторы восприятия запаха и опасности, обонятельная луковица и миндалина. Луковица вообще с сознанием не связана, сама по себе, она самая изначальная в нервной системе. Не было ещё ни слуха, ни зрения, ориентировались живые существа по запахам. А миндалина сформировалась почти в то же время и в ней заключён громадной важности регулятор поведения – запоминание опасных сигналов и яростная реакция защиты от опасностей. Очень эмоциональный центр в мозге, он вбирает в себя всю агрессию и страстные эмоции. И даже сексуальные страсти-мордасти. Дальше: вот гипоталамус, через него буквально все эмоциональные реакции проходят, в том числе сексуальное возбуждение. А вот тут, – Альфа обвела кружками, – центры удовольствия и наказания. Как только организм воспринял что-нибудь полезное, зажигается лампочка в центре удовольствия и человек испытывает приятное волнение и приятные эмоции, а если воздействует опасное, скажем удар или горькое что-нибудь, зажигаются лампочки в миндалине и в центре наказания, возникает отторжение, отвращение. И ярость, если надо защищаться, чтобы выжить. Видишь, какие образуются завязки в мозгу, причём очень древние, глубинные, не в коре больших полушарий, а в среднем мозге, в глубине мозга. Его ещё называют эмоциональным мозгом. Он-то и опасен для всякого рода зависимостей. Скажем, нежное поглаживание. У моей подруги сынишка когда родился, она ему нежно пяточки щекотала. Так у него наслаждение на лице было написано: замрёт, ротик расквасит, забавно смотреть. Когда приятно, образуется нейрофизиологическая сцепка в гипоталамусе, структурах тактильного восприятия и замыкается в центре удовольствия. Повторить несколько раз – и сцепка создаётся навсегда и организм ждёт такого поглаживания. Я вот до сих пор помню, как папа в детстве мне массаж делал. Такое удовольствие! Замуж выйду, заставлю мужа массаж мне делать. – засмеялась Альфа.

– Мне педофил массаж делал. – прошептала Альбина. – Папы у меня не было.

– Как не было? Или ты его не знала? – спросила удивлённо Альфа.

– Он в тюрьму загремел, когда мне ещё годика не было. И там пропал навсегда.

– Вот видишь, – отреагировала Альфа на горькую новость, – педофил и этим воспользовался! Девочки без отца – первые жертвы педофилов. К мужчине их тянет. И в ход пускают сладости и тактильные касания. Но одно дело массаж от рук папы, а другое – от чужого мужчины. Как начинал касания к твоему телу педофил?

– Он надевал стетоскоп, снимал с меня платице и прослушивал лёгкие и сердце. Он же доктор, я и позволяла. А потом начал делать мне массаж, вроде как для профилактики.

– Хитрая скотина! – сказала Альфа. – И сладости тебе давал, так ведь?

– Да, сникеры и батончики. – подтвердила Альбина.

– Прямо по Павлову, формировал в тебе условные рефлексы, дрессировал, как собачку.

– Точно. А я же не понимала. Было всё так приятно. Как по твоей схеме.

– Представляю, – грустно улыбнулась Альфа. – Стетоскоп, массаж, сникеры, потом всё ближе и ближе к запретным местам...

– Вот и добился своего, сволочь. – заплакала Альбина.

Альфа обняла её, посидели с минуту молча.

– Вот так и действуют педофилы. Создают у ребёнка эти приятные сцепки, как бы натренировывают их, закрепляют намертво в центре удовольствия, доводя до эротических приятностей, а потом и до сексуального оргазма. И возврата назад уже нет и быть не может, организм ребёнка проваливается в эту бездну навязанных ему удовольствий и жаждет их повторять без конца. Это и есть развращение малолетнего. Для ребёнка же всё новое, в первый раз, поэтому и закрепляется легко и прочно, он не может оказать волевого сопротивления. Этим педофилы и пользуются. А ребёнок растёт и всё больше и больше зависит от навязанных ему порочных удовольствий, они для него не порочные, а желанные. Это хорошо, когда приходит осознание порока и повзрослевший ребёнок начинает понимать, что у него ненормальность, зависимость. Вот как у тебя. Сначала ведь ты совершенно не понимала, что педофил впаял в тебя порок, так ведь?

– Совершенно не понимала. – кивнула Альбина. – Мне было тревожно и приятно. И я позволяла ему моим телом манипулировать. Я поняла, что со мной случилось, только в пятнадцать лет. А потом стала себя ненавидеть.

– Вот что с тобой сделал этот взрослый негодяй. – сказала Альфа. – Поняла, какую он в тебя впаял нейрофизиологическую сцепку? Какой узел завязал?

– Да. Это ужасно. И раскрутить назад невозможно?

– Очень трудно. Тут два пути, считает Юлиан Юрьевич. Либо отсекают, подавляя структуру в мозге, где произошла сцепка, либо перечёркивают сцепку сильнейшей вытесняющей fascinaцией и собственной волей. Иногда сцепки получаются такие, что вообще невозможно их разрушить. У педофилов, кстати, именно такие сцепки образуются в лимбической системе – абсолютная зависимость от наслаждения исключительно с малолетними. По этой же схеме. – Альфа кивнула на листок со схемой. – Твой растлитель потому и охотился за тобой, что у него самого с кем-то до тебя ещё образовалась подобная улаждающая зависимость.

– Получается, что у него порочная сцепка и он мне такую же порочную сцепку впаял?

– Очень точно сформулировала! Именно так. Но есть отличие. С тобой всё же есть шанс вернуться в сексуальную норму, а у него нету. Юлиан Юрьевич пришёл к выводу, что педофила может спасти от порока только кастрация, то есть насильственное удаление сцепки. Либо физическая кастрация, либо химическая.

Альбина закрыла лицо ладонями. Когда несколько секунд спустя отняла ладони, Альфа увидела слёзы.

– Альфа, я ведь убийца. Я ему отомстила... Я ему хуже, чем кастрацию сделала, я его сына убила.

– К...к...как убила?! Ты что?

– Я не хотела, не знала...так получилось. Вот с этим грехом и живу. Поэтому ещё ненавижу себя.

Альфа прижала Альбину к себе. Зная, что в подобных ситуациях человеку лучше всего дать выговориться, попросила:

– Расскажи.

– Понимаешь, когда я подросла, случилось со мной то, о чём я рассказала. Бросилась в такой блуд, что мама моя поседела. Перебрала всех парней в посёлке, удержу не знала. Педофила бросила, он мне уже не был нужен. В пятнадцать лет я почти вот такая стала, как теперь, всё во мне сформировалось, ухажёров море. Чуть из школы не исключили, спасло только то, что училась хорошо. И вот заметила, какими глазами смотрит на меня его младший сын, Илюха, он на два года меня младше. Просто глаз с меня не сводит. И ударила мне в голову дурость. Ага, подумала я, ты меня развратил, а я тебе отомщу и сына твоего развращу. И сделала. Совратить мальчишку ведь пара пустяков, ещё легче, чем девочку. Вот точно по этой схеме, как ты нарисовала. Альфа, это я сейчас понимаю, какая это была с моей стороны низость, а тогда я думала только отомстить. Нашла момент, пригласила парнишку к себе и запросто совратила. А ему тринадцать лет, он влюбился в меня до сумасшествия. Папаша, конечно, это просёк и ко мне бросился. Альбина, говорит мне, оставь его, прошу тебя. А я ему говорю: «Когда ты меня совращал, о чём думал?». Он чуть не ревьёт, просит «Оставь». А у меня, поверишь, какое-то сладкое чувство от его униженного вида. А о сыне его и не думаю. Но потом совесть меня прихватила, решила, что надо парнишку оставить. И сказала ему: «Илюха, больше ко мне не лезь. Папа твой запрещает с тобой встречаться». А Илюха размечтался, что на мне женится! Дура я набитая, каких свет не видывал, ничего-то не знала и не думала. Отец его решил от греха подальше увезти сына, задумал уехать из нашего посёлка вообще. Сын об этом узнал и повесился. Вот как месть моя обернулась, Альфа. С этим грехом и живу.

История была страшная, что и говорить.

Помолчали, думая каждая о своём. По лицу Альбины текли слёзы стыда и раскаяния.

Альфа обняла её, прижала к себе.

– Не ты убила парня, а его сволочной отец. – сказала она убеждённо. – За тобой грех только тот, что ты бросилась мстить, не подумав о парне. А убийца – он, а не ты. Где он сейчас?

– Не знаю. Они дом продали и уехали куда-то.

– Ну вот что, Альбина, надо тебе выкарабкиваться, как бы трудно ни было. Денису обо всём рассказывала?

– Нет, боюсь рассказать.

– А ведь он тебя любит. Ты это знаешь?

– Вижу. – улыбнулась Альбина. – Только зачем я ему такая. Я и себе такая не нужна... Вот бы быть нам с ним как брат и сестра.

Она снова заплакала.

Спустя несколько минут, когда всхлипывания Альбины утихли, Альфа решительно произнесла:

– Ну вот что, девочка, прекратим нюни распускать. Давай соберём себя в кулачок и начнём выпутываться. Главное, чтобы у тебя в мозгах решимость была.

– Да как, как! – в отчаянии воскликнула Альбина. – Ведь когда захватывает, я отключаюсь и превращаюсь в скотину. Понимаешь? Я просто животное. Разве ты не знаешь, что это такое оргазм? Голову теряешь, так затягивает повторить. Ты же нарисовала.

– Я ещё не знаю. – спокойно, будто речь не о ней, ответила Альфа.

Это произвело на Альбину такое действие, будто холодной водой окатили.

– Ты не знаешь?!

– Да, я не знаю.

– Но ты же такая красивая и сексуальная. Я уверена, что куча парней от тебя без ума.

– Это их проблемы. – улыбнулась Альфа.

– А почему?

Альбину зацепило и звучало ей укором, она не понимала, как такое может быть.

Альфа мягко и доходчиво ей разъяснила:

– Был у меня жених. Мы были помолвлены. Но случилась со мной беда, видишь хромаю. В горы полезли и лавиной накрыло. Сначала в коляске передвигалась. Женишок мой и сказал «Не хватало, чтобы я на инвалидке женился». Я его послала. Так вот и осталась девственницей.

– А...а...а... И ты с ним не спала?

– Я же сказала – были помолвлены. А помолвка, дорогая моя, это воздержание и проверка на прочность в течение года. Он не выдержал.

– И значит ты вообще ни с кем не...

– Ни с кем.

– Разве такое возможно? – удивилась Альбина.

– Вполне. – улыбнулась ей Альфа.

– Но ведь... трудно же. Разве не хочется?

– Хочется чего, если я не знаю ещё? Всему своё время, придёт – всё испытано. – она улыбнулась, словно предчувствовала это время, и продолжила: – Я ведь в университете учусь на клинического психолога, так что все тонкости секса мне давно известны, голубушка. В том числе и всяческие патологии и извращения. Человечество на этом фронте постаралось за тысячи лет. И вот что я тебе скажу: секс – это далеко не всё в жизни. Его значение преувеличивают, его надо бы отодвинуть на второе или третье место. Как обычную приятную физиологическую потребность. Эволюция её придумала для продолжения рода, а человек ухватился и начал по-другому использовать. До одури.

Альфа выложила Альбине то, что взяла и приняла от Учителя.

– Куда важнее разум и служение. А секс – в меру, без экстрима и наворотов камасутры. Природа и эволюция этого вовсе не запланировала. Это человек с извращённым воображением и подхлестнутый сексуальной fascinaцией напридумывал всякой сексдребедени. И вполне можно с ней совладать, остановить себя. Так что сейчас есть у меня дела поважнее этих биологических вздрагиваний. И приятнее.

То, что она услышала из уст Альфы, в голове Альбины не укладывалось. И было шоком. И закурилось тут же в мозге: Альфа, красавица, умница и не тре-

вожиться о сексе, а я, хоть и не уродина, но всё-таки уступающая в красоте Альфе, а в уме тем более, бросаюсь на мужиков как кошка, будто ничего другого слаще в жизни нет, и не могу удержать себя от скотской потребности.

Её охватил стыд.

– Прости меня, Альфа, за мою дикость.

Альфа снова обняла и прижала её к себе.

– Ну что ты. У каждого своё. У меня жених оказался сволочью, тебя сволочь превратил в нимфоманку. – Альфа улыбнулась грустно. – Трудно нам, красивым девушкам, живётся на этой планете. Не знаешь, откуда пинок очередной получишь. Недавно одной девчонке, фотомодели, криминальный авторитет в лицо кислотой плеснул. Отказала она ему... Я спаслась по-своему, тебе тоже надо спастись по-своему.

– Как ты спаслась?

– Ты знаешь, у меня депрессия была вроде твоей, жить не хотелось, зависла до ничтожества гусеницы. Спасла фасцинетика и Юлиан Юрьевич. В один момент всё перечеркнуло и вытеснило. Просто чудо!

Альфа рассказала, как с ней произошло просветление и спасение.

– Понимаешь, депрессию, апатию, разочарование в женихе и факультете вытеснила новая и неожиданная для меня фасцинация – целительные слова Юлиана Юрьевича и наука фасцинетика. Она стала смыслом моей жизни, моей радостью и счастьем. Какие там оргазмы и женихи?

– И твой жених не делал попыток вернуться? – щёки Альбина горели от волнения. – Ты ведь теперь не в коляске.

– Подходил, просился. Мы же в университете пересекаемся. Я ему популярно объяснила, кто он и попросила никогда ко мне на расстояние трёх метров не подходить. Зашибу. Я же каратэистка.

– Альфа, ты просто святая. Вот бы мне такую волю!

– Ладно, обо мне хватит. – пресекла ассоциации Альфа. – Давай о тебе. Если хочешь избавиться от зависимости, в какую тебя загрузил педофил, надо применить две вещи, как учит Юлиан Юрьевич. Найти вытесняющую фасцинацию и соединить её с решимостью. Это очень трудно, я тебе объяснила почему. Но возможно. Давай сходим к Юлиану Юрьевичу. Вдруг он возьмётся тебе помочь.

– Да, да, Альфочка! Я хочу избавиться. Одной мне не справиться, я это знаю.

– Договорились. Я с Юлианом Юрьевичем поговорю. А пока набирайся сил и не зависай. Разрешаешь ему всё до подробностей о тебе рассказать?

– Да, да. Всё-всё Расскажи. И скажи, что я сделаю всё, как он скажет.

Разговор с Альфой и охладил, и взволновал.

Альбина жила теперь надеждой на исцеление и ждала встречи с Арбелиным.

И решила Альбина поговорить начистоту с Денисом. Это надо было сделать, чтобы внести ясность в их отношения.

Альфа, предупреждённая Альбиной, что хочет поговорить с Денисом с глазу на глаз, оставила их, сославшись на срочные дела в университете.

Разговор был долгий.

– Денис, ты меня прости, я должна тебе это сказать. Я знаю, ты в меня влюбился, весь колледж об этом говорит. Но ты не знаешь, какая я. Мне надо тебе во всем признаться, как на духу. Иначе я вообще не смогу с тобой даже разговаривать... Я буду тебя избегать. А я не хочу тебя избегать.

– Но почему?! – удивился Денис.

– Я расскажу. Только не перебивай, а то разревусь. Слушай до конца. Я тебе как на исповеди всё выложу про себя, без утайки... всё-всё.

Она помолчала, собираясь с духом. Нелегко было выкладывать потаённое, пакостное, болезненное. Но она решилась. Только Денису она и могла рассказать, и только ему, потому что знала, что между ними залегла неодолимая пропасть её исковерканной судьбы.

Рассказала, как стала в десятилетнем возрасте жертвой растления соседом, как стала нимфоманкой, как удовлетворяет себя с первым встречным, а потом чуть не лезет в петлю, как ничто не помогает, а психотерапевт сразу полез в трусы, как пыталась покончить с собой, но её вынимали из петли, как страшно ей думать, что ждёт её в будущем с таким пороком.

Но далеко не всё рассказала Альбина Денису. Да и как могла она рассказать те подробности, которых стыдилась. О том, что тринадцатилетний паренёк из-за неё повесился, тоже не рассказала. Не рассказала о банкире и об изнасиловании. И разве могла рассказать Альбина, как в родном посёлке превратилась в шлюху, с которой не побывал только ленивый или старик.

– Денис, пойми меня, я не смогу быть с тобой. Но я так тебя уважаю, так близко у сердца держу, что просто мечтала бы быть твоей сестрой. А ты был бы мне братом. Согласен ты стать моим братом?

Денис понял, что Альбине с её пороком иначе нельзя. Если они станут мужем и женой и она не одолеет болезнь, а он будет принимать её с её подвигами, то Альбина просто не выдержит, сойдет с ума или покончит с собой. Ведь попытки уйти из жизни у неё уже были даже наедине с собой, а с ним она точно не вынесет.

Брат и сестра. Эта невеселая мысль сверлила мозг Дениса. И постепенно отлегло, стало хоть и горше, но спокойнее. Да, он будет ей заботливым братом, он не оставит её в беде и станет её опекальщиком.

Денис подарил Альбине простенький, но надёжный мобильник.

– Сестрёнка будем на связи. Да и вообще, чем ты хуже других девчонок, ну-ужен ведь он тебе.

Теперь он ежедневно слышал её голос. Родной для него голос любимой сестрёнки.

Однако, время шло и зима просигналила первым снегом. Денис с содроганием смотрел на почти нищенскую одежку Альбины.

Строго начал разговор.

– Ты мне сестра или не сестра?

– Сестра. – сказала Альбина, не понимая, к чему этот вопрос.

– А раз сестра, слушай. Как твой брат, я обязан о сестрёнке позаботиться. У меня приличные гонорары, хочу сделать тебе подарок. Давай завтра сходим в маркет, Альфу с собой возьмём, она поможет. Хочу купить тебе дублёнку и сапожки.

Альбина зарделась и стала отказываться. Но Денис был настойчив и сломил её упрямство.

Отыскивали то, что нужно. В лёгкой дублёнке и сапожках Альбина преобразилась и необыкновенно похорошела.

Альфа восхищённо воскликнула:

– Да ты же у нас красавица! Хоть в глянецвый журнал!

И сама собой пришла Денису мысль – не поможет ли избавить её от болезни Арбелин, он же кудесник. Но как подойти к нему с такой патологической проблемой? Только Альфа может помочь.

Он завёл разговор на эту тему с Альфой.

– Я всё знаю, Денис, – остановила его Альфа, – Альбина мне рассказала. И решила рассказать о себе ЮЮ. Вся надежда на ЮЮ, так ведь? Я с ним поговорю.

Альфа не стала оттягивать и, созвонившись, приехала к Арбелину уже на следующий день. И рассказала ему всю историю Альбины.

Арбелин задумался. Девчонка росла без отца, стало быть, мужская ласка была для неё как магнит. Педофил этим и воспользовался, приласкал, стал ей сначала как заботливый отец, потом перешёл к растлению с помощью фасцинирующих приманок, в первую очередь заморских сладостей, которых девчушка в бедной семье не видела. Раз педофил её склонил к растлению, значит девчонка внушаема, можно применить к ней словесное внушение и фасцинативный гипноз. И, возможно, после этого понадобится ещё и рауш-шок.

Но сначала Арбелин решил попробовать раскатать сознание девушки иронической беседой о великом исцеляющем слове «Нет». Если западёт ей в душу, тогда можно будет надеяться на избавление от порочной страсти, раз она сама в себе её презирает, и он включит её разум и волю, насколько это ему удастся и насколько это её сфасцинирует.

Альфе сказал:

– Купи ей в аптеке бромкамфору, она снижает либидо. Ещё возможно использование оральных контрацептивов, они снижают выработку тестостерона и тоже понижают либидо. Но это потом.

Альфа купила бромкамфору. Подала лекарство Альбине:

– Вот, пока принимай эти таблетки, Юлиан Юрьевич посоветовал. Это бромкамфора, она уравнивает гормональный баланс. Юлиан Юрьевич сказал, что непременно вытащит тебя из зависимости. Немного потерпи, он скажет, когда приехать к нему.

Часть двадцать пятая

ИСЦЕЛЕНИЕ АЛЬБИНЫ

Призвал их к себе Арбелин через три дня – ровно через такое время, в котором ожидание Альбины должно было достигнуть максимума, того предела, за которым может наступить перегорание. Три дня возрастания напряжённости и настройки психики на оптимальную внушаемость.

Весело встретил их Арбелин. И только провел в кабинет и усадил в кресла, как сразу обрушил на них свою весёлость, которую отрепетировал в уме, специально заготовив для фасцинофикации Альбины.

Волновался, чтобы не промазать, – ведь он Альбину знал только по рассказу Альфы! – и волнение придало тембру его голоса дополнительный магнетизм и страстность.

– Я вот сегодня начал себя корректировать. Пристрастился к халве, вкусная штука. Но калорийная и прибавил в весе целый килограмм. Ужас! Вовремя спохватился. Приказал себе воздержание великим целительным словом «Нет!»

Альфа, уловив направление логики Учителя, подыграла:

– Юлиан Юрьевич, но вроде как надо применять технику «Да», этому сейчас психологов учат. И вообще всех.

– Да, это так, этому учат. К сожалению. Особенно после книг Эрика Берна, который ввёл технику «поглаживания». Подкрепление похвалой, поощрением. Получилось правильно – на тебе конфетку. Не получилось – ничего страшного, надо тебя по головке погладить и сказать «Главное участие, а не победа». Позабыта диалектика «да» и «нет». Эволюционная диалектика, которая и создала человечество. Первобытный человек придумал великую систему дисциплинирования социального поведения – систему непреложных запретов, табу. Что-то безусловно разрушительное для выживания и стабильного существования сообщества, опасное, объявлялось табу и нарушение табу грозило смертью. Или изгнанием, что хуже смерти. И не было ни суда, ни полиции, ни надзирателей. Все знали табу и умели сказать себе «Нет!», воздержаться, как бы ни тянул соблазн нарушить табу. Запретный плод сладок, потому и тянет. А нельзя! Нравственность человеческая – это ведь, в первую очередь, не «да», а «нет!». Для «да» много ума и мозгов не надо, само прёт. А вот осознать и сказать себе «нет» – необходимы и мозги, и разум. Об этом сейчас забыли, любое порицание считается чуть ли не антипедагогичным. Ринулись в педагогике отбрасывать вообще оценки. Только поощрения. А человек, выросший исключительно на поощрениях, становится таким изнеженным инфантильчиком, при столкновении с суровыми перепетиями жизни очень быстро ломается, попадает в тиски фрустрации и депрессии. Он же не приучен встречать отказ, попадать на последнее место, получать щелчок по лбу за ошибку или грешок. Об этом очень убедительно написал Лоренц в своём эссе «Восемь смертных грехов цивилизованного челове-

чества». Нужна соразмерность из «да» и «нет». Но ещё важнее – умение самому себе самостоятельно сказать «Нет!», внутри самого себя и без всякого принуждения со стороны, не под страхом, а под действием ясности своего разума и использования тормоза своей воли. Вот я сейчас попал под влияние улады, она ужасно притягательна, эта чертовка халва. И затянула меня в маленькую зависимость. Но я вовремя схватил себя за загривок, щёлкнул по носу и приказал сам себе «Нет!» Видите на столе халву? Это я вам к чаю поставил. А сам не прикоснусь, хотя хочется. И справлюсь, и буду халву кушать только изредка, без опасности. Но мне сказать себе «нет!» ничего не стоит, так, забава, я и не такое в жизни выдерживал. В детстве, когда мальчишки начали курить, какой был напор внушения на меня со всех сторон, ого-го! Но я сумел сказать «Нет!» и за всю жизнь не выкурил ни единой сигареты. А вот я вам расскажу другой пример, который меня буквально потряс в своё время. Случилось это тридцать лет назад с моей старшей дочерью, когда ей было девять лет. До сих пор удивляюсь, как это у неё получилось. Как все малые ребятки, пристрастилась она к мороженому. Папа купи, папа купи. Штуки три в день. А я был далеко не богат, воспитывал её без жены, бабушка только помогала, моя мама. Говорю ей: «Дочурик, я не против, но три в день – это многовато, да и денежки на это у папы нет. Давай попробуем узнать, какая у тебя сила воли. Сможешь ли ты сказать себе «нет» и не гоняться за мороженками?» Она серьёзно так на меня посмотрела и говорит «Смогу». И что вы думаете! Проходит три дня, она не просит. Я всполошился, предлагаю ей: «Дочурик, на купи мороженое». А она мне – «Не хочу, папа». Как отрезало. Я был поражён. С тех пор мороженое ест только за компанию. Вот оно волшебное «Нет!». Те, кто не может сказать себе «нет», слабаки, охлопусы. Потому ведь, кстати сказать, и жиреют, и наркоманами становятся, и в сексуальные приключения проваливаются с потрохами, блудоманами становятся. А без «нет» у человека нет иного тормоза против захваченности зависимостями. Эволюция не предусмотрела. Она снабдила всё живущее алчностью на удовольствия, страстью к удовольствию. Чем слаще удовольствие, тем сильнее хочется повторить, центр удовольствия в мозгу сигнализирует «Давай, давай, жми!». Вот человек и попал в тиски чрезмерности наслаждений. О том, что чрезмерность вредна и даже смертельна, не думает. А когда спохватывается, уже поздно, уже дама с косой за спиной маячит. Или с ума сходит. И спасти может только разум и магическое «нет». Великий ограничитель для аномального поведения. Даже девятилетний ребёнок способен сказать себе «нет» и скорректировать поведение. Удивительные мысли и слова приходят детям. Юлечка в десятилетнем возрасте мне как-то сказала: «Папочка, ты слишком добрый, со мной надо построже». Малышка учила меня педагогике «Нет!». Кстати, вот и папа Альфы смог преодолеть зависимость. Можно рассказать? – посмотрел Арбелин на Альфу.

– Конечно. – кивнула она.

– Как он мне рассказывал, пил, не просыхая. Но пришло время сказать себе «Нет!». И он сказал. И с тех пор не берёт в рот даже капли пива. А ведь был запойным пьяницей, без водки ни дня не жил. Да что там говорить. Величайший из злодеев Адальф Гитлер сказал себе «Нет!» и бросил курить, употреблять алко-

голь и есть мясо. Злодей, а смог! А миллионы вполне порядочных людей гибнут в разного рода усадлах, как безвольные кролики.

Всё время, пока он произносил свой страстный гимн великому слову «Нет!», Арбелин краем глаза следил за Альбиной и видел, как она постепенно внутренне сжималась и на лице её проступила не только серьёзность понимания, но и решимость. Значит попал, оценил он ситуацию, и перешёл к расслабляющей технике.

– Что это я вас утомляю, давайте чаёк попьём. С халвой и мёдом. Альфа, поставь чайник.

Альфа ускользнула на кухню.

Арбелин обратился к Альбине:

– Альфа мне о Вашей беде рассказала. Это действительно беда и Вы в ней нисколько не виновны. Ваш растлитель действовал, можно сказать, профессионально и зацепил Вас на усадлах и поглаживании, а потом довёл до сексуальных удовольствий, против которых у человека защиты нет, они природой в него впаяны. Педофилы все эту технику и применяют. В результате в Вашем мозгу образовалась эта нимфоманная сцепка. Вытеснить её очень трудно, поскольку она спаяна с инстинктом. Но возможно. И я Вам помогу. Начните с малого. Скажите себе сегодня же, вот сейчас, «Нет!». И запустите волю, воздержание. Но сделайте это без напряжения, не сжимая челюсти, а даже с иронией. Скажите себе: «А ну-ка посмотрим, кто кого!» И потом мне расскажете, сколько получилось выдержать.

Арбелин смотрел в зрачки Альбины своим заворачивающим взглядом блестящих угольно-чёрных глаз.

И Альбина прошептала:

– Нет.

Альфа принесла чайник.

Арбелин перешёл к весёлой части сценария, рассказывая разные забавные истории из жизни шимпанзе – как они понимают справедливость и несправедливость, как умеют воздерживаться, как учатся друг у друга чему-нибудь полезному.

Альфу попросил:

– Познакомь, Альфуша, Альбину с моим сайтом и разъясняй, что не поймёт.

– Уже начали, Юлиан Юрьевич.

– Молодцы!

И вдруг как-то легко, сама собой, прилетела в голову Арбелина идея расстаться с библиотекой и подключить к этому Альбину.

– Вот что, девушки мои дорогие. Раз Альбина библиотекарь, займитесь-ка моими книгами. Я давно решил от них избавиться, да всё руки не доходят. И не на мусорку же выбрасывать. Прозондируйте, не нужны ли мои книги библиотекам. Составьте список и показывайте, скажем, собрания сочинений Гёте, Лескова, Чехова и так далее – всё, что у меня есть. Серии «Библиотека поэзии», «Литературные памятники», «Большая всемирная литература» уж точно возьмут. Надо только поездить, может даже в окрестные городки. Сможете?

Альбина такого предложения не ожидала и оторопела.

– Юлиан Юрьевич, у Вас же такая роскошь, смотреть завидно.

– Альбина, всё это у меня теперь в компьютере в лучшем виде. Оставлю только альбомы, некоторые справочники и самые любимые книги. Остальное уже не нужно, только место занимают и пыль собирают.

Альбина вопросительно посмотрела на Альфу.

– Мне тоже жалко, – улыбнулась ей Альфа, – но Юлиан Юрьевич прав. Поможем?

– Да, конечно... Можно я завтра приеду и составлю список?

– Вот и отлично! Так и надо – не откладывать в долгий ящик. – похвалил Арбелин.

Расставаясь, Арбелин задержал на минуту Альфу.

– Всё поняла? Ей сейчас надо побольше внимания, чем-нибудь постоянно занимать, отвлекать.

– Поняла, Юлиан Юрьевич.

– А я тем временем продумаю процедуру избавления её от нимфомании, хочу надеяться, что удастся.

– Ой, хоть бы удалось. Тогда они с Денисом поженятся.

На следующий день Альбина приехала вместе с Альфой.

Арбелин уже начал откладывать те книги, которые решил оставить себе.

– Начинайте с библиотечной комнаты, а потом пошерстим и кабинет. Самое первое и лёгкое – сразу откладываете стопками собрания сочинений, прямо на пол, стопками. Потом мы их запакуем в картонные коробки, я принесу с мусорных площадок, их туда видимо-невидимо выносят.

– Юлиан Юрьевич, а можно будет мне для себя что-нибудь взять? – смущаясь, спросила Альбина.

– Какой разговор! Любые, кроме тех, что я себе оставляю.

– Я тоже несколько книг возьму, Юлиан Юрьевич. – улыбнулась Альфа.

– Конечно. Да, и вот ещё что, пока вы не принялись за работу. – Арбелин взял в руки заготовленный конверт с деньгами, достал тысячерублёвые купюры.

– Вот вам аванс по пять тысяч, а когда закончите, будет ещё по пять.

Он подал пять тысяч сначала Альбине.

– Нет, нет! Я не возьму. – отшатнулась Альбина. – Я без денег буду.

Альфа обняла её:

– Альбина, ну что ты! Мы же будем трудиться в поте лица. Придётся книги разобрать, сгруппировать по авторам и жанрам, по библиотекам ездить. Не меньше недели уйдёт на работу. Возьми.

В её голосе прозвучала нотка повеления.

– Альбина, это большая работа и я не могу принять её как подарок, – добавил Арбелин, – бесплатно я вас к книгам не допущу.

Альбина робко взяла деньги.

– Хорошо, только я бы и без оплаты согласна.

Взяла свой аванс и Альбина. Она сразу поняла, что Арбелин привёл в действие психотерапию, погружает Альбину в отвлекающий от депрессии процесс.

Альбину прижали, можно сказать, к стенке. Сознание, что она будет помогать Юлиану Юрьевичу, будет трудиться, получит такие деньги, каких она ни разу в жизни не держала в руках, повергло её в радостный ступор, она буквально оцепенела.

– За работу! – выдернула её из оцепенения Альфа.

Арбелин вспомнил, что Альбина учится в колледже культуры.

– Кстати, вы могли бы предложить книги библиотеке колледжа, в котором Альбина учится. Есть в нём библиотека? – обратился он к Альбине.

– Есть. Мы в ней учебники берём. И читальный зал есть.

Альбина обрадовалась, что сможет сделать своему колледжу доброе дело.

Альфа предложила вариант.

– Ты составь список побольше, мы можем сегодня же и съездить к заведующей библиотекой.

Так они и сделали, и начало оказалось отличным: заведующая была поражена и обрадована, при нищем бюджете она и не мечтала о таком подарке, а в списке, который ей подала Альбина, значилось три сотни первостатейных книг по психологии, искусствоведению и культуре, то, что неплохо бы иметь в любом колледже культуры. На следующий день она приехала к Арбелину поблагодарить его за дар, и три сотни книг на «Опеле» Альфы отвезли в колледж.

Встретил их сам директор колледжа, которому заведующая позвонила.

Альбина была счастлива.

На избавление Арбелина от книг девушки потратили десять дней, ежедневно разъезжая по библиотекам Бурга и близлежащих городов. В первую очередь поехали в полюбившуюся академию Тагду; городская библиотека взяла «Библиотеку всемирной литературы» и несколько собраний сочинений. Но в целом дело расставания с библиотекой Арбелина оказалось довольно сложным, редкие библиотеки радовались такому дарению, спрашивали другое – детективы и Дарью Донцову с Устиновой.

Альбина настолько погрузилась в работу, что забыла обо всём на свете, горячо обсуждая с Альфой план на каждый следующий день. Её радовало уже не только то, что она помогает Юлиану Юрьевичу, но и та несомненная польза, которую она приносит нищим провинциальным библиотекам, в ней заиграл библиотечный профессионализм, постигаемый ею в колледже.

Общее дело сближает; за две недели девушки крепко сдружились. Раза три к их поездкам присоединялся и Денис. Альбина прикипала к академии.

За неделю до дня рождения Арбелина кабинет и библиотечная комната от книг опустели. Себе Арбелин оставил всего пару сотен книг. Библиотека в пять тысяч книг, которую собирал всю жизнь, полвека, перекочевала в библиотеки Бурга и области. На мусорную площадку одну за другой он вынес и все ставшие ненужными книжные полки. Освобождённая от стеллажей, комната засветилась.

«Надо будет покрасить стены в какой-то более приятный кремовый цвет», – прикинул Арбелин. Обои он давно отверг.

После плавного подключения Альбины к академии, дружбы её с Альфой и увлечённой до захваченности работы над избавлением от книг, Арбелин решил, что настал момент для целительного фасцинативного гипноза.

Ничего нового Арбелин не стал придумывать и повторил в основном то, что с успехом получилось на Наташе: облачился в колдовской костюм, приводивший его облик в образ мага, достал гипнотизирующий голубой шарик.

– Как только я произнесу «Нет!», ты забудешь о своём сексуальном перевозбуждении, перестанешь быть нимфоманкой и станешь обычной нормальной девушкой. Прислушайся к моим словам. – сказал он и начал внушение.

Однако, когда Альбина погрузилась в гипноз, Арбелин сказал ей другие ключевые слова, чем Наташе: «Тебе спокойно на душе и хорошо, всё тревожное ушло, отодвинулось, исчезло. Ты хорошая и красивая, ты хочешь быть умной и начала изучать фасцинематику. Тебя любят Альфа и Денис, они твои друзья. Тебе приятно, что они тебя уважают и любят. Ты достойна их дружбы».

Спокойным гипнотическим тоном Арбелин вбивал в мозг Альбины маленькие гвоздики позитивных эмоций и конструктов, и когда почувствовал ту блаженную расслабленность психики, какая нужна для восприятия отторжения, громче и повелительнее произнёс **«Нет** уже в тебе порочного вожделения, **нет** в тебе нимфомании!»

Через пять минут он, как и Наташе, провёл ладонью по лицу Альбины и произнёс «Просыпайся, просыпайся, просыпайся».

Альбина встрепенулась, открыла глаза и смотрела на Арбелина как на родного ей человека.

Арбелин решил пойти на более сильное воздействие, почуял, что мозг Альбины к саморегуляции готов. Он повелительно и строго приказал: «Встань!», и как только Альбина оторвалась от кресла, внезапно, не сильно, но всё же достаточно крепко, толкнул Альбину шариком в лоб и вскрикнул повелительным приказом **«Навсегда нет!»**

Альбина от этой внезапности крика и толчка выключилась и рухнула в кресло. Арбелин такой реакции и ждал, зная, как от такого приёма Иоанна Кронштадтского падали на пол собора кликуши, а спустя минуту поднимались и уходили, начисто забыв о своих навязчивых приступах кликушества. С тревогой Арбелин ждал, что произойдёт с Альбиной. Прошла минута, и она очнулась.

– Всё? – удивлённо спросила она, как ни в чём не бывало. То, что совершал с ней Арбелин, впалялось и ушло в подсознание.

Арбелин одобрительно улыбнулся. Он внимательно приглядывался к её лицу и глазам, проявится ли и у неё, как произошло с Наташей, всплеск лёгкости и эндорфинной эйфории, как чаще всего и бывает у пациентов при выходе из фасцинативного и рауш-гипноза, этакое «шампанское» опьянение. И с радостью увидел, как Альбина порозовела и в глазах её зажглись огоньки.

– Вот и всё. – сказал он – Идём на кухню пить чай.

Альбина поймала себя на том, что ей удивительно легко и она совершенно ни о чём не думает.

- Я хочу чай с халвой. – весело произнесла она.
- И я немного попробую. Чутьочку. За компанию.

«Кажется, подействовало, – удовлетворённо подумал Арбелин, – но подождём радоваться, посмотрим. Мозг – штука заковыристая».

К тайнам мозга Арбелин относился с пиететом, как астроном ко Вселенной, но одновременно и с изрядной долей скептицизма. О мозге человечество знало ещё очень мало, хотя в последнее десятилетие и произошёл стремительный прорыв благодаря применению позитронно-эмиссионной, магнитно-резонансной томографии и других новейших инструментов и методик.

Затейливая эта конструкция в полтора килограмма весом и сотней миллиардов нейронов с триллионами связей! У одного мозг проткнёт металлический штырь и хоть бы что – вынули штырь и живёт, будто ничего и не было, а у другого произойдёт всего лишь сотрясение от какого-нибудь не очень-то и сильного удара, – а он эпилепсию заполучил. Или вдруг обнаруживается, – и это только благодаря томографу! – что китайка прекрасно живёт и хорошо учится в школе, а у неё нет правого полушария мозга. Или попал англичанин в автоаварию и вдруг заговорил прекрасно на незнакомом языке.

Арбелина корбило, однако, что нейрофизиологи до сих пор не обратили внимание на процессы фасцинации, не сделали их объектом и предметом скрупулёзного исследования, тогда как в них скрыты огромного значения тайны человеческого поведения и, в первую очередь, связанного с инстинктами. А проблема лежит буквально на поверхности и есть уже сотни подтверждений тому, как приходят в возбуждение структуры лимбической системы и центры удовольствия и наказания при предъявлении испытуемым разных сигналов фасцинирования: фотографий привлекательных красоток или возлюбленных, комедийных или ужасающих сцен из кинофильмов, услаждающих или отвратительных запахов, и т.д. и т. д. Остаётся заглянуть глубже, дифференцировать методики экспериментов, вычленив сигналы фасцинации по их глубинной феноменологии и проследить, какие именно структуры и связи в мозгу они образуют. Он был убеждён, что именно в этом глубинно мозговом хитросплетении и скрыты механизмы фасцинации и сопровождающих её эмоций, значит тут находятся и пути к нейрофизиологической и психофизиологической коррекции психики и поведения человека, вплоть до избавления от аутизма, шизоидности и шизофрении, большинства неврозов и психопатий, и, конечно, от депрессивных состояний во всём многообразном спектре их проявлений. О лаборатории нейрофизиологических исследований фасцинации он мечтал, год за годом убеждаясь, что мечта его неосуществима и разбивается о бюрократические барьеры и непонимание. Тот иронический факт, что когда-то идеи Эйнштейна об относительности пространства-времени поняли всего пять человек на земном шаре, мало успокаивало. Эйнштейну было всего-то двадцать пять лет, можно было подождать признания, а ему семьдесят и время пребывания в живой жизни стремительно сокращается. Своё предложение в ФСБ он отправлял именно с надеждой достучаться, а всё закончилось трагикомедией.

Как поведёт себя мозг Альбины после полученных ею стрессов (и Арбелин не знал об изнасиловании!) и его корректирующего воздействия? Оставалось только ждать и надеяться.

Часть двадцать шестая

ЮБИЛЕЙ И БОЛЕЗНЬ АРБЕЛИНА

Наступил декабрь и 19-го нагрянул на Арбелина юбилей – семидесятилетие.

Откуда они взялись эти семьдесят лет? Кажется, вчера только вышел на пенсию, а уже десять лет промелькнуло. Как кот к мышиной норе неслышно подкрался юбилей, схватив Арбелина за шиворот.

Тяжести лет Арбелин нисколько не ощущал, был подвижен и бодр. Ежедневные четыре-пять километров пешком, контрастный душ, вегетарианская еда, общение с молодыми учениками, неожиданно-негаданно появившиеся молодые прелестные любовницы – что ещё можно пожелать для благодушия и уверенности в своих силах! Арбелин снова и снова задавал своему телу и духу программу – дожить до ста лет. Как минимум.

Накануне предупредил Альфу и Дениса, что юбилей будет скромный и только с академией. Попросил Дениса придумать вегетарианский торт с семьюдесятью свечками.

Празднование юбилея назначил на пять вечера.

Дочери и сыну, которые жили в Бурге, позвонил, чтобы пришли завтра.

Альфа попросила позволения приехать с Альбиной.

Альфа с Альбиной, Леонид Леонидович и Денис приехали все вместе ровно в пять.

Пока, стряхивая снег, раздевались в прихожей и девушки ловко приводили себя в праздничный вид, надевая туфли на шпильках, Арбелин в кабинете ещё раз осмотрел большой раздвижной стол – всё ли на месте, не забыл ли что поставить. Сервировка была проще некуда: столовые приборы, салфетки, сухое вино и бутылочка коньяка.

Первое, что его поразило, как только все вошли в кабинет, – восхитительный вид Альфы с Альбиной. Альфа была одета в вишнёвого цвета длинное до щиколоток роскошное платье с блёстками, облегающее её изящную фигуру, а на шее у неё висел сапфировый медальон на золотой цепочке. Выглядела божественно. Хороша была и Альбина. Строгое черное платьице на ней было попроще, но настолько ладно прилегало к её гибкой фигуре, что создавало эффект романтического очарования. «Сальма Хайек!» – искрой пронеслось в мозгу Арбелина, но глаза его устремились опять к Альфе.

Он шутливо выставил перед собой ладонь, закрывая лицо и зажмуривая глаза:

– Откуда эти ослепительные звёзды прилетели в моё скромное жилище? Уж не из созвездия ли Альфы Центавры? Ведь все форточки закрыты.

Артистизм жеста и интонаций Арбелина вызвал весёлый смех.

Альфа с Альбиной смущённо переглянулись.

– Альфа, а где твоя тросточка?! – воскликнул Арбелин.

– Я её в машине оставила, решила попробовать без тросточки. Вроде не заваляюсь.

– Выглядишь ослепительно! Глаза не выдерживают смотреть. Да ты ещё и на шпильках!

– Отвыкла, но вроде ничего, не запинаюсь.

– А вот мы сейчас посмотрим, как ничего. Прошу вас, девушки, продефилируйте по кабинету как по подиуму, покажите, какие вы красавицы.

Альбина было засмущалась, но Альфа включилась в предложенную Учителем игру, взяла её за руку и устроила артистичный показ, иронично имитируя дефиле топ-моделей. Альбина тут же ловко подстроилась к игре Альфы и при её гибкости у неё тоже получилось замечательно.

Девушки смотрелись настолько эффектно и весело, что им устроили овацию.

– Вас обеих хоть в Монте-Карло выпускай! – воскликнул Арбелин.

– А я и гитару прихватила, Юлиан Юрьевич, хочу Вам Окуджаву спеть. Можно?

– Ещё спрашиваешь! Я подпою.

В это время раздался дверной звонок.

– Кто бы это мог быть? Вроде никого больше не приглашал. – удивился Арбелин и пошёл открывать.

– Это, наверное, Роман. – догадался Денис. – Вчера он звонил и я сказал ему о Вашем юбилее.

Это был и в самом деле Роман Кукуев.

– Юлиан Юрьевич, прошу извинить, что без приглашения. Очень захотелось Вас с юбилеем поздравить.

– Проходите, проходите, какие извинения. Вы же в нашей команде.

И посыпались на юбиляра подарки один краше и нужнее другого.

Денис подарил чудесную с тонкой гравировкой подарочную авторучку с тремя стержнями – запомнил произнесённое как-то признание Учителя, что любит он ручки с тремя цветами и, к досаде, свою любимую где-то посеял.

Альбина, смущаясь, подала коробку, и когда Арбелин открыл её и достал подарок, то это оказалась кофейного цвета жилетка из чистой ангорской шерсти. Альбина купила её на заработанные «библиотечные» деньги.

– Как это Вы угадали, Альбина? Это же моя мечта! – пришёл Арбелин в восторг. – Когда в квартире прохладно, хочется что-то потеплее, но в то же время и полегче. Как раз то, что мне надо!

Альбина смущённо улыбнулась:

– Когда мы с Альфой с Вашими книгами работали, было у Вас прохладно и я заметила, как Вы ёжились.

Роман Кукуев вынул из фирменного кейса царский подарок – новенький чёрный ноутбук.

– Вашему гениальному мозгу, Юлиан Юрьевич, нужен надёжный помощник. Как мне сказали компьютерщики, это последняя самая лучшая модель.

Отец Альфы подарил новейший мобильник.

– У Вас, Юлиан Юрьевич, мобильник допотопный, пора сменить на новый. Он удобнее во всех смыслах.

– А это Вам, Юлиан Юрьевич, от меня обещанное. – Альфа подала Арбелину свёрток с батистом. – Десять метров, достаточно?

– На всю оставшуюся жизнь. – рассмеялся Арбелин.

Арбелин радовался подаркам как дитя. Его поразило то, что все они были для него оптимально функциональными.

– Ай, какие все вы молодцы! – восхищался он. – Не подарки, а мечта!

Денис раскрыл большую коробку и явил компании грандиозный вегетарианский торт с семьюдесятью свечками.

Сели за стол, приступили к юбилейной трапезе.

Арбелин под восторженные восклицания ловко задул все семьдесят свечей и весело провозгласил.

– Хотя все мы почти вегетарианцы, коньячку по рюмочке всё же дёрнем. Коньяк у меня первосортный, не поддельный.

Первый тост за здоровье Арбелина произнёс, как самый старший после юбиляра, Леонид Леонидович.

– Юлиан Юрьевич! Я выражу общее мнение всех, кто здесь. Мы счастливы, что Вы включили нас в свой жизненный круг. Мы восхищены Вашим интеллектом, Вашей личностью, наукой, которую Вы создали. Вовсе не в шутку мы называем Вас национальным достоянием. И желаем Вам жить как минимум до ста лет и воплощения всего, что Вы задумали.

Этот настрой передался всем и каждый сказал задушевные слова, желая Арбелину и fascinетике успеха и долголетия.

А завершая торжественную часть Арбелин произнёс свою импровизацию.

– Друзья мои! Теперь, благодаря вашим подаркам, как только я на какой-нибудь важной тусовке появлюсь в этой прелестной жилетке, да раскрою царский ноутбук, достану инкрустированную авторучку трёх цветов, выну сверкающий мобильник и вытру батистовым воздушным платком пот со лба, все умрут от зависти! И будут шептать про себя «И я такое же хочу!» – Арбелин окинул восторженным взором компанию. – Очень признателен вам, друзья мои!

Чутьочку помолчав, он добавил импровизированный монолог о зависти.

– Подарки ваши всколыхнули во мне весёлые ассоциации о зависти. Вот послушайте две небольшие зарисовки с натуры. Вчера сходил в центр, иду домой, устал немного. Срезал дорожку по дворам, как-никак километров семь отшагал туда и обратно. И вот, прохожу мимо мусорной площадки и вижу картину, хоть в кино показывай. День, солнце, снежинки сверкают алмазами, прелесть! А на моём пути торчит бомж и плачет. Тот, что пистолеты из мусорного бака достал летом. Помните, я вам рассказывал о нём? – обратился он к Денису и Альфе. И пояснил, посмотрев на Романа. – Достал этот бомж летом из мусорного бака сумку и вынул из неё пистолет и револьвер, показал мне с неописуемым восторгом...

– Из мусорного бака?! – не сдержал удивления Роман.

– Ну да! Кто-то, возможно, кого-то пристрелил и по ненадобности выбросил... – иронично усмехнулся Арбелин. – Да, так вот, вижу, слёзы текут, физиономия пропитая и горестная, а глаза устремлены на мужичка, который из бака достаёт одну за другой пивные банки, бросает их рядом с баком и плющит ногой. Я этого мужичка тоже узнал, он хромой, с тростью ходит. Банки плющит здоровой ногой, тросточка к баку прислонена. На земле уже банок двадцать, а он с фанатизмом кладоискателя продолжает доставать банки. Это же целое состояние, сдаст в пункт металлолома, на бутылку наберётся. Вот бомж и плачет, бутылка уплывает, и в глазах такая тоска и зависть, хоть сам с ним реви. Его Фёдором звать. Федя, говорю ему, брось реветь, сегодня ему повезло, а завтра тебе. Он на меня с таким озлоблением посмотрел, что у меня аж мурашки по позвоночнику, махнул рукой и пошёл прочь. А кладоискатель знай себе плющит банки, он завистника и не заметил в своей захваченности. Какова картина, а?

Кукуев отреагировал шуткой:

– Будь у него тот пистолет, застрелился бы.

– Или кладоискателя застрелил и банки его забрал. – поправила Альфа.

– Или меня за глупое сострадание пристрелил. – рассмеялся Арбелин и продолжил рассказ: – У меня память мгновенно высветила другую картину, тоже хоть в кино показывай. Лет двадцать пять назад это случилось, ещё при советской власти. Я ведь среди вас динозавр. Я тогда в тунейдках ходил, скрытым диссидентством баловался. Ну, и по этой причине многие ко мне тянулись, хотели со мной дружить. Этакая фронда была при коммунистах – дружить с диссидентами. Дружен со мной был и профессор Кругман, знаменитый социолог и юморист. У меня телефона не было, так он за мной заехал и позвал присоединиться к нему с женой в гости. А в гости их пригласил секретарь горкома КПСС по идеологии, шишка. Он вселился в новую квартиру в элитном по тем временам 16-этажном доме в самом центре Бурга. Отчего ж не поглазеть. Я быстренько облачился и поехали. Секретарь и его жена чуть не лопались от гордости и тщеславия, показывая свои хоромы. А посмотреть было на что. Прихожая метров в пятнадцать, пять комнат, гостиная никак не меньше тридцати метров. Два туалета. И что особенно их радовало – небольшая комната для собаки. Это, как я потом понял, и добило жену профессора, хотя собаки у них не было. Выпили, закусили, профессор, как водится, рассказал смешные байки, пославословили секретаря с женой. Поехали домой уже часов в девять вечера. А лето, светло ещё. Профессор меня к себе назвал, на чаёк. И вот развернулась передо мной картина вселенской зависти жены профессора. А надо сказать, что она была вовсе не какая-нибудь тупая тумба, а красивая, элегантная дама лет сорока с хвостиком, кандидат химических наук и доцент, вполне под стать мужу. И эта культурная умная женщина заплакала, друзья мои. Я сквозь землю готов был провалиться, что стал свидетелем маразматической семейной сцены. Не постеснялась моего присутствия! И говорит мужу: «Неужели же ты, Лёва, не заслужил такую же квартиру. Смотри, мы втроём на кухне едва помещаемся». А кухня и в самом деле небольшая. Зато квартира тоже в центре, в доме сталинской застройки с высоченными потолками, четыре комнаты, кабинет у профессора вот такой же, как у меня. А страна живёт в хрущёвках и развалюхах. И она ревет. Он принялся

её успокаивать. Она махнула рукой на него, точь-в-точь как Федя на меня, и выскочила из кухни. Вот как прорвало её от зависти. Что Федя, что кандидат наук – один чёрт. Так эти две картинки и сидят у меня в голове, введу их в книгу «Апокалипсис от зависти». Всё чаще думаю, что вид гомо сапиенс, к которому к нашему несчастью и мы принадлежим, взорвёт и уничтожит не ядерное оружие или какой-то непредсказуемый астероид из глубин космоса, а вот эта ничтожная и могучая по силе разрушения мозговая аномалия – зависть. Когда зависть превращается в человеке в фасцинирующую доминанту, он становится безумцем, неменяемым, от него можно ждать любой мерзости.

– Завистники уже киллеров нанимают. – добавил Денис.

– Вот я и говорю – убийственная фасцинация! Ввергнет во вселенскую перестрелку.

Арбелин вдруг весело посмотрел на девушек:

– Да вот возьмите хотя бы Альфу с Альбиной! Появись они сейчас где-нибудь на элитной тусовке, какой бы начался переполох. Сколько бы устремилось на них завистливых глаз.

– Все мультимиллионеры бросились бы к их ногам! – воскликнул Роман.

– Да там бы и остались. – засмеялась Альфа.

Арбелин иронично, словно сожалел, проговорил:

– Я вот судьбой и генетикой спасён от зависти – никогда никому не позавидовал, хотя хотел бы иметь те совершенства, какие были у других.

– А я, Юлиан Юрьевич, в шестнадцать лет ужасно завидовала. После фильма «Агора». – поделилась Альфа.

– Гипатии Александрийской?

– Да, ей. Я этот фильм и сейчас время от времени смотрю. Влюблена в Гипатию. И в актрису Рэйчел Вайс, которая её сыграла.

– Гипатия была изумительна! Красива, умна, обаятельна. Я её внёс в свой пантеон высшей женской фасцинации, где у меня замечательные красавицы и умницы рода человеческого. Редчайшие создания эволюции. Гипатия ведь ещё и изобретательница. Это она астролябию изобрела. И много ещё чего.

– Вот я и завидовала. Целых три года. Хотелось стать такой же умной.

– Ну, слава небесам, умственный дар они тебе ниспослали. А открытия и ты совершишь, я уверен. У тебя впереди громадное поле для открытий. А зависти скажи «Нет!» и отбрось её от себя бритвой нарровинга.

– Я теперь никому и не завидую. Абсолютно никому. А кого Вы ещё в свой пантеон включили?

– Из древних времён Аспазию и Фрину, потом нашу несравненную Веру Холодную, потрясающе обаятельную актрису Хэди Ламар, которая изобрела в 1942 году секретное средство связи, оно затрудняло перехват немцами торпед, а теперь используется в мобильной связи и WiFi во всём мире. Гениальное изобретение! А недавно включил в пантеон первую жену композитора Сергея Прокофьева Каролину Кожину, испанскую аристократку и талантливую красавицу. Он привез её в СССР, да и бросил её с двумя детьми ради молоденькой вертлявой комсомолочки. Каролину тут же в ГУЛАГ упекли. Я музыку Прокофьева люблю, гениальная музыка, а вот после того, как узнал о его предательстве жены и детей, с досадой о

нём вспоминаю. Комсомольская чёртяка его опутала, а кэзбешники подыграли. После ГУЛАГа Каролина жила ещё долго, скончалась в 1989 году, прожив 91 год, и всю жизнь любила Прокофьева. Печальная история... Продолжаю искать умниц и красавиц... Молодчина, что никому не завидуешь.

– Я поняла, что это бессмысленное занятие. Просто надо над собой постоянно работать.

– Верно, правильно. – подтвердил Арбелин. – Пушкин очень точно сказал: «Старайся в просвещении быть с веком наравне». Вот и старайся, не отставай. И даже обгоняй.

Арбелин встряхнулся, провёл рукой по лбу, словно отгоняя наваждение.

– Что это мы о грустном. У меня же как-никак юбилей. Альфуша, где твоя гитара? Спой нам что-нибудь.

Альфа выпорхнула в прихожую и вернулась с гитарой. Присела, попробовала струны и объявила.

– Моцарт на маленькой скрипке играет.

И запела Окуджаву.

Как точно угадала Альфа! Это была любимая песня Арбелина из Окуджавы.

Он подпевал припев.

*– Ах, ничего, что всегда, как известно,
наша судьба – то гульба, то пальба...
Не оставляйте стараний, маэстро,
не убирайте ладони со лба.*

Потом последовала «Виноградная косточка», «Про портного», «Синий троллейбус».

Чарующий голос Альфы и точность её интонаций завораживали, Альфа раскрылась ещё одним своим талантом.

Альбина, не отрывая глаз, с обожанием смотрела на Альфу.

На лице отца сияла гордость.

– Альфа, а давай-ка сбацим «Оркестрик», а?

Альфа тут же настроилась и они с энтузиазмом запели искромётную песню Окуджавы.

*Когда внезапно возникает
Ещё неясный голос труб,
Слова, как ястребы ночные,
Срываются с горячих губ.
Мелодия, как дождь случайный,
Гремит и бродит меж людьми,
Надежды маленький оркестрик
Под управлением любви.*

Вдруг подключился и Леонид Леонидович. Все песни Окуджавы он знал – дочь исполняла их ему много-много раз, начиная с пятнадцати лет, когда выучилась гитарным аккордам и приобщилась к движению авторской песни.

Арбелин восхищённо посмотрел на Истомина. Глаза его страстно сияли. Трио запело ещё жизнерадостнее.

*Кларнет пробит, труба помята,
Фагот, как старый посох стёрт,
На барабане швы разлезлись,
Но кларнетист красив, как чёрт.
Флейтист, как юный князь изящен,
И в вечном сговоре с людьми
Надежды маленький оркестрик
Под управлением любви.*

Когда закончили, растроганный до слёз Арбелин достал – батистовый! – платок и вытер увлажнившиеся глаза.

– У меня, как у Льва Толстого, глаза на мокром месте, когда слушаю музыку. Боже мой, какая удивительная фасцинация в музыке и пении! Кнорозов считал, что это чистая, не замутнённая информацией фасцинация. Меня долго изумляло, как это певцы и певицы могут петь часами и ежедневно, причём ещё и с настроением. Мне казалось это чем-то ненормальным. Годами поют и не устают. А когда научился бренькать на гитаре и запел Окуджаву, Галича, и прочие полюбившиеся песни, поймал себя на том, что могу петь хоть сутками и каждый день. И меня ведь слушали по два-три часа! С моим-то слухом.

– У вас, Юлиан Юрьевич, эмоциональность необыкновенная и удивительный завораживающий тембр. Буквально околдовывает. Особенно, я думаю, женщин. – поделилась своей оценкой Альфа. – Правда, Альбина?

Альбина, которая сидела окаменев, как загипнотизированная, кивнула:

– Я в трансе.

– Вам, Юлиан Юрьевич, запросто на эстраде можно выступать. – добавил и Роман.

– Я вот думаю, не заложен ли в человека ген акустической мелодики, как у соловья. Возможно первобытный наш предок сначала научился мычать мелодии и на этой физиологической базе у него развилась гортань до способности к речевой артикуляции. Он ходил и пел, пел, мычал, мычал... Я вот когда шагаю на прогулке или еду в трамвае, всегда про себя пою. Атавизм должно быть. И не могу не петь, как заводной – безостановочно. Всегда. Какая-то музыкальная шизофрения.

– Я тоже часто мычу про себя. – засмеялся Денис.

Арбелин благодушествовал – не юбилей у него получился, а задушевный праздник.

Подключённый в Интернету компьютер работал и пришлось несколько поздравлений от давних друзей из США, Киргизии, Лондона. Арбелин их зачитал вслух.

Роман Кукуев, ещё раз поздравив Арбелина, уехал, сославшись на срочные дела. Дань уважения он выразил, общение же в академии было для него, привыкшего к совсем другим контактам, непривычным, и он несколько растерялся и скис.

Вдруг один за другим, словно по стартовому сигналу, пошли телефонные звонки. Причем, поздравления были неожиданные, удивившие Арбелина: от двух бывших жён и Наташи. Мелькнула мысль, что не хватает ещё только звонка Инги. Но Инга не позвонила.

Зато, словно точка в финале гимна, пришёл от Зиновия Ушакова из Питера стихотворный экспромт. Стихи были неумелые, но живые.

Арбелин прочитал их в компьютере, тут же распечатал на принтере, и, встав в позу памятника, продекламировал с ироническими акцентами.

*Арбелин, что там говорить!
Ты памятник себе воздвиг нетленный, вечный.
Зажжёт волшебную лампаду Аладдина –
Светильник фасцинетики волшебной.
И джина выпустил из тайного кувшина.
Я восхищён! Салют тебе и слава!
И песни пой всегда как Окуджава!*

– Как здорово! – прошептала Альбина.

– Он слышал, как я пою, лет этак пятнадцать назад. – пояснил Арбелин.

На этой иронической ноте он и закончил юбилей, пожелав академии красивых снов.

Альбина увиденным и услышанным у Арбелина была потрясена. Затаённо дрожала она от восхищения, впитывала в себя обрушившуюся на неё чарующую новизну небывалого для неё общения, а юбиляр казался ей богом.

– Ну как тебе юбилей? – спросила её Альфа, когда они вернулись домой.

– Я слов не нахожу, Альфа. Потрясающе! А Юлиан Юрьевич – ну просто бог!

Альфа обняла Альбину.

– Да, да, как ты хорошо сказала. Он – Бог. И гений!

– Я хочу быть с вами. Я хочу учиться фасцинетике. – тихим голосом, как молитву, произнесла Альбина.

– И хорошо. Главное – не останавливайся. Отбрось прошлое и шагни в будущее с фасцинетикой. А мы тебе поможем.

– А кинофильм про Гипатию покажешь мне?

– Завтра, завтра. На сегодня достаточно, давай спать... – и добавила. – Ты Юлиану Юрьевичу понравилась.

Альфа погасила свет.

Альбина долго не засыпала, прокручивала в голове юбилей Арбелина. Лицо её было мокро от слёз, но слёзы были не от горя, а от радостного сознания начала новой жизни. Жизни с фасцинетикой и волшебным словом «Нет!»

Счастливый Арбелин блаженно возлежал на своей суворовской лежанке и предавался сладостным фантазиям. С удовольствием воспроизводил в памяти ироническое дефиле ослепительной Альфы и гуттаперчивой Альбины. Не спало.

В полночь вдруг раздался звонок.

Звонила Инга:

– Юлиан Юрьевич, я тоже хочу поздравить Вас с юбилеем. – и добавила уверенным и чуть ли не приказным тоном. – И ужасно хочу ещё раз спасти Вас.

– Откуда узнала про юбилей?

– Всё расскажу.

С радостью встретил её Арбелин, обнял, спросил с иронией:

– Как поживает наша проказница?

Инга вспыхнула:

– Плохо. Скучаю. Хочу уволиться. Осточертело притворяться.

На этот раз и Арбелин не стал скрывать, что расшифровал её роль в первый же приход. Показал жучок в банке:

– Это у меня экспонат от тебя.

– Так Вы всё знаете... А я как раз хотела Вам рассказать об этом. И просить прощения.

Арбелин произнёс торжественно:

– Передай своему шефу, что я чист как ангел небесный и ничего опасного для безопасности отечества не замышляю. – и хитро прищурился. – Виагра ведь не опасна для отечества?

– Как здорово! – Инга вскочила и закружилась. – Не надо притворяться!

Эта их встреча, очищенная от притворства друг перед другом, была светлой и радостной.

Теперь ничего не мешало хоть изредка встречаться, задание для Инги исчезло, растворилось.

Когда она на следующий день предстала перед Умником, поспешила с иронией передать ему слова Арбелина.

– Вот дьявол! – выругался Гаргалин. – Он и тебя раскусил. Была у него?

– Навестила по старой дружбе. Соскучилась по умному человеку.

Ещё раз понял Гаргалин, что в создавшейся после заявления Арбелина ситуации, да ещё при провале своей агентуры, слежка попросту бессмысленна.

Только Ляушин не обрадовался приказу прекратить слежку и послушался. Он уже не мог жить, не созерцая своего идеала. За Арбелиным он перестал следить. Зато почти ежедневно выслеживал появление Альфы у его подъезда и с тоской и вожделением смотрел на её сводящую с ума прихрамывающую походку.

У беды есть одно пакостное свойство – она приходит неожиданно-негаданно. Где-то Арбелин за два дня до Нового года подхватил заразу и его свалил не то грипп, не то ОРВИ, а возможно что-то другое, похожее, вроде ринита. К вечеру температура поднялась до 39, бросило в жар, жутко разболелась голова, ломало кости.

Арбелин слёг, но врача вызывать не стал, позвонил Альфе:

– Альфа, у меня что-то похожее на грипп. Загляни в аптеку, купи парацетамол и две защитные повязки на лицо, тебе и мне. А когда приедешь, то ещё в лифте повязку надень, боюсь тебя заразить.

Альфа встревожилась, созвонилась с Денисом и они примчались.

Арбелин открыл им дверь, быстро ушёл в кабинет и прилёг на лежанку:

– Проходите и садитесь в кресла, ко мне близко не подходите.

– Юлиан Юрьевич, а врача вызвали? – спросила взволнованная Альфа.

Арбелин выпалил гневно:

– Никаких врачей, Альфуша! Запрещаю! Не волнуй больного, пожалуйста. – И, снизив эмоциональность, добавил. – У меня ятрофобия, я врачей боюсь как чёрт ладана. Николай Амосов правильно предупреждал: «Бойтесь врачей, залечат!» Как-нибудь без них обойдусь, не впервой. Вы с Денисом поможете. Не смертельно.

Как знать смертельно или нет, когда человеку семьдесят лет, и моложе умирают. Но Альфе не оставалось ничего иного, как покориться. И она быстро принялась соображать, как максимально помочь Учителю выкарабкаться и встать на ноги.

– Может какой-то антибиотик? Чтобы температуру сбить.

– Нет, нет, только не антибиотик. И температуру сбивать не надо, вирусы от неё гибнут, это организм так с ними сражается. Выдержу. Голова только трещит. Раздави таблетку парацетамола до порошка и дай полстакана воды запить.

Альфа быстро всё сделала, Арбелин вобрал порошок в рот и запил водой:

– Парацетамол для меня – первый помощник. Всю жизнь только на него опираюсь.

Арбелин описал свои симптомы, предположил, что подхватил вирусы в маркете от какого-то неопрятного мужика, который чихал, и слабым голосом втолковывал ученикам свою медицинскую концепцию:

– Я всю жизнь общения с врачами остерегаюсь. Недоверие к ним крепко в мозг засело. Вот два года назад я решил произвести профилактическую проверку организма. Возраст у меня уже опасный, надо посмотреть, не завелась ли какая пакость. Пошёл в поликлинику. Первый заход, как полагается, к участковому терапевту. Врач высшей категории, лет под пятьдесят, вызывает доверие. Сел перед ней, она похвалила меня, что решил профилактику произвести, давление смирilo, чуточку высокое, и понятно почему – от похода в поликлинику не-большой стресс. А она меня и спрашивает, когда наклоняетесь, голову обносит? Нет, отвечаю, не обносит. Странно, говорит, в вашем возрасте должно обносить. Каково? Должно обносить. И это врач высшей категории. Сваи такими врачами забивать на дорогах. Кровь и лёгкие проверил, всё нормально, и убежал. Никаких врачей! Организм справится. Или вот история со стоматологом. Год назад на одном из передних зубов эмаль крошилась немного, некрасиво. Вот на этом.

Арбелин привстал и, подняв верхнюю губу, показал зуб.

– Он же красивый, Юлиан Юрьевич! – удивился Денис.

– Это он сейчас красивый. – усмехнулся иронично Арбелин – Слушайте дальше. Я пошёл в свою районную стоматологическую поликлинику. Стоматолог, милая полная дама посмотрела, сейчас, говорит, подправим. Одним словом, включила свою сверлилку, пошлифовала зуб и сделала заклёпку, виниром, кажется, в стоматологии называют.

– Да, виниром. – подтвердила Альфа.

– Посмотрел в зеркало – красота, лучше и не надо. Красота эта слетела через две недели! И обнажила яму на зубе том. Хуже, чем до моего прихода к стоматологу. Я бегу к ней, показываю. Странно, – говорит, – сейчас поправим. Снова отнаждачила мне зуб и новую заклёпку приладила. Опять красиво – лучше некуда. На этот раз продержалась заплатка четыре месяца и улетела. Чуть не проглотил. Глянул в зеркало и обмер. Яма в ползуба. Вот как она мне зуб «поправила»! А что делать? Снова иду в стоматологию. Озабоченно смотрит, говорит, что у меня отторжение сильное и делает заключение: теперь зуб спасёт только коронка. А коронку установить – это десять тысяч рубликов выложить. И другого выхода нет, как к стенке прижат. Выложил, поставили, красиво. Но ведь зуб-то был целый и здоровый! А теперь красивый, но инвалид. Как знать, что будет с ним под коронкой. А может и коронка слетит. Я даже подозреваю, что они в этой поликлинике изобрели откаты. Стоматолог-терапевт доводит зуб до состояния «под коронку», коронку ставят за 10 тысяч, а то и дороже, это для фирмы хороший доход, с него терапевту откат пару тысяч. При теперешнем медицинском цинизме вполне возможная схема выкачивания денег из зубострадающего населения.

– Это ещё что! – подхватил тему Денис. – У моей мамы стоматолог здоровый зуб вместо больного выдернул – и хоть бы что. У неё зубы были прекрасные, но в одном из коренных завёлся кариес, образовалось дупло. Врач посмотрел и говорит, что надо удалять. Сделал укол и выдернул. А зуб розовый, целый, как мама рассказывала. Он ей здоровый вместо больного дерганул, осёл. Она к заведующему. Тот высверлил ей больной зуб и поставил пломбу. И ни извинения, ни компенсации.

– Зубодёры-живодёры! – гневно проворчала Альфа. – Хорошо у меня все зубы целы.

– Ужас! Я свою живодёршу на всю жизнь запомнил, у неё фамилия забавная – Петька. – Арбелин улыбнулся. – Да, да, это не имя, а фамилия у неё такая. – и добавил. – Так что боюсь этих петек всех мастей. Потому и изобрёл для себя светский аскетизм, соединив его с вегетарианством. Лучшее средство от всех болезней. Авось и с этим гриппом справлюсь, будь он неладен. Новый год испортил, я намечал новогодний вечер с вами устроить.

Альфа сказала с улыбкой:

– А мы на Новый год к Вам приедем, отпразднуем. Вы через два дня встанете.

– Неплохо бы. Но это оптимистический прогноз. Скорее всего, с неделю проваляюсь. Но рад буду видеть вас у себя в Новый год.

– Чем я могу помочь Вам, Юлиан Юрьевич? – спросил Денис.

– Сгоняй-ка в магазин и на рынок, купи рыбки хорошей и зелени. У меня, как на грех, вся еда закончилась, холодильник пуст.

Денис тотчас поехал.

– А ты, Альфуша, поставь, пожалуйста, чайку зелёного. Жидкость нужна, потею.

Денис через час вернулся с продуктами и занялся приготовлением ужина.

К десяти вечера Арбелину стало чуточку легче, парацетамол унял немного головную боль.

Альфа ухватила за это облегчение, попробовала убедить Учителя вызвать врача:

– Юлиан Юрьевич, вот Вы против медицины выступили, а парацетамол помог. Это же лекарство. Мне кажется, медицину нельзя отбрасывать из своей жизни, она необходима. Вот не будь врачей, разве бы я после травм ходила? Спасли мне жизнь врачи.

Арбелин понял хитрость Альфы, улыбнулся:

– Альфуша, дорогая моя, не считай меня ихтиозавром. Конечно, нужна, я ведь тоже был бы не жилец, а с помощью медицины только горбом отделался. Не отрицаю я, а побаиваюсь врачебного непрофессионализма. А его, к великому сожалению, хоть отбавляй. А теперь ещё добавилось во врачебную касту и жуткое корыстолюбие, и даже взяточничество. А у меня всего-навсего грипп. Организм справится.

– А вдруг не грипп, а что-то сложнее? – не унималась Альфа.

– И не уговаривай. Потерпим до завтра, хорошо? Поезжайте-ка, друзья мои, домой, а я посплю. Сон – лучшее лекарство, так ведь? Ты, Альфа, возьми ключи, чтобы мне не вставать, когда ты завтра приедешь. Приезжай часов в девять утра, ночь покажет, в каком направлении решил двигаться мой организм. Потерплю. А утром решим, как мне выкарабкаться.

– А я Вам, Юлиан Юрьевич, привезу что-нибудь вкусное и полезное. – пообещал, прощаясь, Денис.

Заснуть Арбелину долго не получалось, терзала ломота и жарило до пота.

Альфа всю ночь не смыкала глаз, мерещилось плохое, боялась, как бы с Учителем не случилось беды, а рядом с ним ни души. Утром с тревогой помчалась к нему.

Арбелин тяжело дышал, но всё же спал.

Почти весь день Альфа пробыла у него. А к вечеру решительно объявила:

– Юлиан Юрьевич, хоть казните, но я от Вас не уеду и буду с Вами, пока не выздоровеете. У вас же есть где мне ночевать.

Арбелин такого поворота событий не ожидал и потому несколько опешил. Но тотчас понял, что Альфа права. В самом деле, как знать, что может вытворить болезнь, а ему как-никак семьдесят.

– Хорошо, – согласился он, – в той комнате, где была библиотека, и устраивайся. На лоджии раскладушка, одеяло и постельное бельё в комод. Телевизор там есть. И ноутбук свой привези, чтобы мозг не простаивал.

Новый год Арбелин решил отметить с академией первого января днём. Встретил его в постели. Но академию в гости собрал. А детям позвонил, чтобы поздравлять не приезжали до выздоровления.

Головная боль немного унялась и Арбелин чувствовал себя вполне сносно.

Альфа хлопотала на кухне. Денис с Альбиной и Леонид Леонилович приехали в три часа. Арбелин хоть и чувствовал себя лучше, головная боль совсем утихла, всё же за стол садиться с лежанки не поднялся. Академия придвинула к ней журнальный столик и расположилась вокруг. Сервировку организовали простую и вкусную.

Разлили по фужерам шампанское.

И Арбелин произнёс задушевный тост.

– Друзья мои, не будем предаваться унынию, я жив, кризис миновал, мне даже смерть весело платочком помахала, я её сегодня во сне видел, с косой. Я ей язык показал. Ещё два-три дня и я снова вспрыгну в седло жизни и поскачу вместе с вами. Академия наша встречает Новый год впервые. Полгода мы вместе и сдружились, даже трудности и барьеры преодолевали. И кое-что интересное изобрели. Хочу пожелать всем нам любви и успеха в задуманном эксперименте во славу фасцинетики.

Один за другим последовали звонки с новогодними поздравлениями: от Инги, Наташи, Нинели Геннадьевны, Петрова.

Болезнь на этот раз развивалась тяжелее, чем Арбелин предполагал, такого упадка сил и головной боли у него давно не бывало. И всё же организм Арбелина был ещё достаточно силен, через неделю он уже довольно энергично и весело ходил по квартире.

– А ведь ещё крепок мой иммунитет, а, Альфуша! – радостно воскликнул он, когда на седьмой день с утра сошлись на кухне. – Выстоял, рано умирать. Будем жить дальше!

Но струхнул. «Ты что, старый пень, забыл мудрое изречение Воланда? Ведь дело же не в том, что человек смертен, а в том, что он внезапно смертен! – проворчал в свой адрес Арбелин, – Где гарантия, что следующая инфекция не отправит тебя к праотцам?» Он осознал, что иммунитет хоть и спас его, но всё же он у него уже не столь крепок, как раньше, надо браться за укрепление, а то чего доброго трахнет что-нибудь потяжелее гриппа и коньки отбросишь. Решил добавить упражнений с эспандером и гантелями.

И ещё понял Арбелин, что болезнь в одиночестве страшна и самым целебным для его выздоровления оказалось присутствие в квартире, рядом с ним, Альфы, родственной и сострадающей души, её забота и сочувствие.

Часть двадцать седьмая

АЛЬФА ОРГАНИЗУЕТ ЗАБОТУ ОБ УЧИТЕЛЕ

Альфа от болезни Учителя не только, как и сам Арбелин, струхнула, но буквально содрогнулась. Посетившие её раздумья были невеселы и прагматичны. Она представила себе, что было бы, если бы болезнь Учителя привела к его

смерти. И её пробрала дрожь ужаса и безысходности. Ведь только-только она начала набирать высоту, чтобы лететь, и пришлось бы падать на землю и расширяться. Его смерть была бы концом её мечты стать профессионалом-фасцинетиком, возвращала бы её в сети нелюбимого кислого факультета и скучной клинической психологии в том виде, какой предлагал своим студентам факультет. Хотя в петлю лезь!

Этот лейтмотив грустных размышлений выплеснулся в сон, забросивший её в панику.

Утром она рассказала сон отцу:

– Папа, я видела сегодня ужасный сон. Вот послушай. Вижу себя древней старухой, лет под сто. Мне помогают, везут в моей коляске, в той самой, в какой ты возил меня после переломов. Сажает меня в президиум. Идёт какой-то грандиозный научный конгресс о фасцинетике. Кругом слышится «Фасцинетика.... Арбелин». Выходят с докладами китайцы, арабы, негры... А ЮЮ нигде нет. Праздник фасцинетики, а ЮЮ присутствует на нём только как имя. А я – древняя старуха, к которой все относятся с уважением и пиететом. А его нет. Просто жуть меня охватила. Это же, папочка, пророческий сон, сон-предостережение!

– В чём ты видишь предостережение? – спросил Истомин.

– Ну как же! Его нет, понимаешь, его уже нет. А фасцинетика блистает на весь мир. И я – живая археологическая кукла в инвалидной коляске.

– Так и хорошо! Фасцинетика есть, ты есть, а Юлиан Юрьевич обожествлён.

– Это не то, не то, папочка. Это само собой, это фон. А суть вот в чём: надо Юлиана Юрьевича беречь, делать всё возможное и невозможное, чтобы он жил как можно дольше, чтобы конгресс, когда он в будущем будет организован, был бы с его участием. Понял, папочка?

– Пожалуй, ты права. – Истомин почесал затылок, озорно глянув на дочь – Его надо беречь как интеллектуальное сокровище.

– Как национальное достояние, папа! – поправила серьёзно и страстно Альфа. – ЮЮ мне нужен, я этот сон рассматриваю как законченная эгоистка. Пока ЮЮ жив, я расту, развиваюсь, совершенствуюсь. При каждой с ним встрече и беседе я получаю столько полезного, что потом суток двое хожу, как оглушённая, а то и целую неделю, перевариваю, осваиваю. Он в меня буквально какие-то интеллектуальные инъекции вливает. Он мне нужен.

– И прекрасно, дочура. Значит и мне нужен, раз тебе нужен. Он – прекрасный человек. Пусть живёт до ста лет.

– Этому-то и надо помочь!

– Но мы же помогаем.

– Я о другом... Папочка, я эгоистка. Мне выгодно, чтобы ЮЮ жил 100 лет. Понимаешь? Сто и не меньше.

Истомин иронично посмотрел на дочь:

– Очень понимаю.

– Ладно, я ещё как следует всё обмозгую, потом посоветуемся. Ему, папа, нужна особая тонусная фасцинация.

– Не понял, уточни.

– Потом, потом. У меня в башке всё кипит, это не сон, а подсказка, но пока на ум ничего толкового не приходит.

Прагматична и решительна была девушка Альфа Истомина. Сон её подогнал и она лихорадочно искала решение. И нашла!

Призвала Дениса и папу и они втроем собрались вечером на кухне.

Альфа встала и торжественно объявила:

– Господа, позвольте открыть внеочередное чрезвычайное заседание академии «Альфа».

Денис не скрыл удивления:

– Без ЮЮ?

– Да, без него. И вы сейчас поймете, почему без него и почему у нас, а не у него.

Истомин с Денисом переглянулись, всё ещё не понимая, куда Альфа клонит.

Альфа продолжила:

– Вопросы очень серьёзные и требуют серьёзного решения. – и она произнесла речь: – Господа члены академии! Что показала болезнь президента академии, какой мы должны извлечь урок из его болезни и выздоровления? Я была целую неделю с ним, ухаживала, помогала, как могла. Он очень сильно страдал от головной боли и жара. Возможно был менингит. Мне было страшно, я боялась инсульта. Но он выстоял. Без врачей. Только сам и с небольшой нашей с Денисом помощью. Я даже подумала, что он смог бы и без нас выстоять, такая у него воля. Ну, может быть, позвонил бы дочери, чтобы парацетамол купила. Кроме парацетамола ничего не принимал. Только постоянно чай пил зелёный. И я поняла, что так дальше продолжаться не может и не должно, раз мы есть. Нам нужно как следует организовать, чтобы обезопасить ЮЮ максимально. Прежде всего от опасности заражения всякого рода инфекциями. Он же ежедневно ходит в магазины за продуктами, оплачивает коммуналку, интернет, телефон, иногда ездит в общественном транспорте, а это всё сотни контактов, огромная опасность заразиться. Носителей инфекций сейчас тысячи. Туберкулёзников сколько! У нас с вами в руках есть абсолютно всё, чтобы все эти его контакты устранить. Я предлагаю такую стратегию. Закупать ему продукты. Это можем мы с Денисом за просто делать. Оплату всех квитанций я беру на себя. Если ему надо куда-нибудь съездить, любой из нас, кто свободнее, тут же к нему примчится. Юлиан Юрьевич не только наш Президент и Учитель. Он национальное достояние России и должен жить долго-долго. Мы просто обязаны его беречь. Поддерживаете?

В один голос отец с Денисом, восторженно глядя на раскрасневшуюся Альфу, зааплодировали.

Истомин сказал:

– Отдельный автомобиль с водителем я мог бы вообще к нему прикрепить. Я ему и предлагал, но Юлиан Юрьевич напрочь отказался.

Денис планом Альфы был потрясён. Как он сам не додумался!

– Альфа, продукты я буду покупать, на рынок сгоняю, супермаркеты знаю самые лучшие.

– Да, согласна, ты же профессионал. А когда надо будет, меня подключишь.

Так академия в отсутствие её президента приняла ответственное решение о сбережении национального достояния – Юлиана Юрьевича Арбелина.

Альфа прилежно оформила это протоколом заседания и решили завтра же съездить и предъявить протокол Арбелину.

На другой день Альфа созвонилась и академия в полном составе явилась к Арбелину в час дня, как он назначил.

Все трое волновались и это не ускользнуло от внимания Арбелина.

– Что-то случилось? – обеспокоенно спросил он, как только они зашли в кабинет и сели.

Альфа подала ему протокол:

– Прочитайте, Юлиан Юрьевич, и всё поймёте.

Недоумевая, Арбелин взял лист с протоколом и начал читать.

Протокол внеочередного чрезвычайного собрания академии «Альфа».

Повестка дня.

1. Об оптимизации жизнедеятельности президента академии Арбелина Юлиана Юрьевича.

2. Разное

По первому пункту повестки дня выступили:

Альфа Истомина с обоснованием проекта оптимизации.

Леонид Истомин и Денис Захаров с полной поддержкой предложенного проекта.

Решено:

1. Избавить президента академии от посещения людных мест, рассадников инфекций, как-то: общественного транспорта, магазинов, и прочих человекоумравейников.

2. Организовать закупку продуктов в маркетах и на рынках. Обеспечивают Денис Захаров и Альфа Истомина.

3. Избавить президента академии от пользования общественным транспортом. Передвижение по городу академия обеспечивает президенту всеми своими автомобилями в любое время.

Арбелин читал протокол и глазам своим не верил. Протокол был весёлый, однако же и вполне серьёзный, касающийся его жизни. После перенесённой болезни он видел в протоколе заботу о нём. И Арбелин был растроган до слёз. Ничего подобного в жизни он не ждал и не мог даже об этом мечтать.

– Родные вы мои! Как вы до такого додумались. Я же ещё вполне в силах и в здравом уме.

Леонид Леонидович почему-то встал, как на собрании, и сказал то, что хотели бы сказать и Альфа с Денисом.

– Юлиан Юрьевич, не обижайтесь и нас не обижайте. Мы от чистого сердца пришли к такому решению. Вспомните, как Вас скрутила болезнь. А где Вы подхватили её? Ясное же дело, где-то в людном месте. Любая болезнь опасна для продолжения жизни. А мы Вас можем запросто от этого обезопасить. Мы же хотим, чтобы Вы жили долго-долго и не болели. И это ведь необходимо для развития фасцинетики. Вы и только Вы обеспечиваете её развитие, Ваш мозг и интеллект. Не сопротивляйтесь, Юлиан Юрьевич. Для нас удовольствие Вам помогать.

Альфа с Денисом прочувственную речь Леонида Леонидовича сопроводили возгласами одобрения.

Арбелин, слушая Истомину, хотел было сопротивляться, но фраза о фасцинетике его пронзила убедительностью и прагматизмом. Он вскинул руки вверх:

– Сдаюсь и повинуюсь решению академии! Придётся походы по магазинам и разные поездки в общественном транспорте отбросить, согласен. Как показала моя болезнь, это для меня довольно опасно. Не хочу больше инфекций.

Денис попросил:

– Юлиан Юрьевич, Вы мне список продуктов составьте, я по нему буду покупать.

– Хорошо. Вегетарианское, Денис, ты же знаешь, побольше зелени, фруктов, рыбку хорошую... Напишу список, а ты откорректируешь.

Альфа была счастлива, она добилась своего.

Альфю всё ещё не оставлял страх потерять Учителя. Её мозг не успокоился и продолжал искать ещё более значительную оптимальность «сохранения национального достояния».

Долго она думала и прорезался проект неожиданный и оригинальнейший. Она чуть не бросилась плясать от радости. Но всё зависело от отца, поймёт ли он её и поддержит ли.

Вечером, когда он появился дома и она его накормила, Альфа изложила ему свой проект:

– Папа, есть такая закономерность, что после пятидесяти лет человек очень редко чего творческого выдаёт. Он уже и не размножается, и не обладает тем творческим потенциалом, какой имеет человек молодой. Получается, что с биологической точки зрения лет в пятьдесят люди превращаются в некий балласт человечества. А ЮЮ создал фасцинетику в 65 лет. И поразительно продуктивно её развивает, ни дня без какой-нибудь новой идеи. Фонтан! Уникум! Мы просто обязаны взять на себя функцию сберечь здоровье и силы великого учёного Юлиана Арбелина.

Истомин от такого патетического вступления дочери несколько растерялся:

– Но ведь мы и так ...

Альфа перебила, не дослушав:

– Да, мы приняли решение и это хорошо. Но этого мало, папочка. Сейчас мы с ним в доверительно-функциональных отношениях. Он меня и Дениса учит, мы

вместе проводим исследования, заняты потрясающим экспериментом. Всё это прекрасно. А вдруг его завтра не станет? Папа, он мог умереть! И что тогда? Всему крах. И дело даже, папочка, не в том, что мы с Денисом станем недоучками. Не умрём, будем и дальше карабкаться по жизни. Но не будет главной энергии для развития фэсцинетики, папа.

– Понял. Ты права. Что нужно делать, говори.

– Я придумала такой план, папа. Без тебя он невыполним. Вот послушай. Надо мне переселиться поближе к ЮЮ, лучше всего в его дом, а ещё лучше – в его подъезд. Чтобы быть всегда начеку. И он будет знать, что рядом есть человек, который в любую минуту придёт и поможет. Сможешь ты купить однушку в его доме?

Истомин при его деловой хватке мгновенно всё понял и не стал делать никаких подсчётов, а сразу утвердил идею Альфы:

– Смогу.

– Папочка, ты вот так с лёту, надо как следует посмотреть на свои финансовые возможности.

– Дочь, о чём ты! Какие ещё могут быть возможности? Есть только одна возможность – купить однушку. А может и двухкомнатную, ты ведь у меня уже взрослая, и если от меня отселяться, то уж в квартиру покрепче, чем однушка. А деньги я найду, если своих не хватит. Возьму в долг, друзья не откажут. Ищи варианты. Я буду искать финансы. В конце концов, мы же вкладываем деньги в недвижимость, это всегда выгодно.

Тут уже пришел черёд Альфе удивиться, как реалистично и точно мыслит отец. Не однушка, а двушка. Это круто. Значит, не откладывая, вперёд!

На следующий день Альфа выложила план переезда Арбелину. У того глаза на лоб полезли от удивления и неожиданности. И он мгновенно оценил все достоинства задуманного, поразившись альтруизму и прагматизму отца и дочери. Если уж они решили разъехаться, почему бы, действительно, Альфе не поселиться в его доме?

– А представляете, Юлиан Юрьевич, если нам с папой удастся приобрести квартиру в вашем подъезде! – радовалась Альфа, хлопая в ладоши.

– Даже так?! – поразился Арбелин.

– Но это же идеально! Раз уж в ваш дом, то ещё лучше в ваш подъезд!

– В самом деле. – согласился Арбелин. – А получится?

– Если папа возьмётся, да с моей помощью, всё получится. Времени только займет побольше. Возможно придётся применять многоступенчатые покупки и обмены. Но в таких делах всё решают деньги. Разведем, кто в вашем подъезде живёт, у кого какие проблемы. Если исключить первые два этажа, то квартир штук тридцать. Из них с десятков двухкомнатных... в общем проблема решаема.

Проблема оказалась трудно решаемой.

Но помогло простодушие Дениса и хватка Романа Кукуева.

При встрече Денис, абсолютно не думая о чём-то просить Романа, поделился с ним новостью о том, что Альфа надумала приобрести двухкомнатную квартиру в доме Арбелина и они с её отцом ищут варианты, особенно квартиру в подъезде ЮЮ.

Кукуев замысел сразу понял:

– Чтобы быть рядышком с Учителем?

– А главное, – пояснил Денис, – чтобы в любой момент ему помочь, особенно если заболеет, как на новый год случилось.

– Понял, – сказал Роман, – кто-то должен быть рядом, вдруг инфаркт.

Тут же сработала его железная логика: Арбелин с его гениальными мозгами и проектами нужен ему позарез. И Кукуев, к радости Альфы, подключился к решению проблемы. А поскольку его возможности были несравненно богаче, то процедура закрутилась стремительно. Он вызвал хорошо знакомого риэлтера, находившегося в деловой связи с его корпорацией, и дал ему поручение: чтобы через месяц Альфа имела квартиру в подъезде Арбелина на любом этаже с третьего по пятнадцатый, а стоимость её была бы стандартной для такой квартиры в этом районе города.

Задача, поставленная риэлтеру, была очень сложной, но Кукуев его знал и был уверен, что он её решит. Разве что придётся немного дополнительно раскошелиться, учитывая трудность поиска.

И риэлтер задачу решил! Проведя целую цепь обменов и продаж, в итоге спустя месяц он вывел Альфу на приобретение двухкомнатной квартиры двумя этажами ниже квартиры Арбелина в его подъезде. А ещё через месяц Альфа, отремонтировав квартиру на свой фасциноэкологический вкус, переселилась и справилась весёлое новоселье. И забрала с собой Альбину.

Теперь Арбелин был как у Христа за пазухой – под постоянным приглядом. Альфу же радовало ещё и то, что общение с Учителем становилось чаще. Единственное препятствие оставалось – ключи у неё Арбелин забрал, как только выздоровел. Но об этом она вспомнила с юмором.

Ляушин переезд Альфы зафиксировал и Гаргалину донёс. Гаргалина переезд озадачил. Мотивацию такого поступка он не подыскал. Зато подыскали её Ляушин с Никшановым, и была их догадка пошлой до скабрёзности.

Часть двадцать восьмая

СВАДЬБА ДЕНИСА И ЗАХВАЧЕННОСТЬ АЛЬФЫ

С наступлением марта светлая коммерческая мысль посетила, наконец, голову Романа Кукуева. При этом он крепко выругал себя за то, что мысль эта не пришла ему раньше. Она лежала, что называется, на поверхности, бери – не хочу. Этой мыслью был День пивовара, отмечаемый в России всеми российскими пивзаводами во вторую субботу июня. Оставалось только соединить День пивовара с праздником пива наподобие того, как давным-давно заведено в той же Германии с её пивным праздником Октоборфест в Баварии в конце сентября-начале октября. В Баварии в начале октября ещё тепло, можно в лёгких костюмчиках и куртках ходить, на Урале прохладнее, того и гляди заморозки нагрянут.

Стало быть, праздник пива надо организовать в тёплое время, ближе к лету, лучше всего в начале лета, в июне, в самую набирающую тепло погоду перед летними отпусками, когда народу уже не до пива. Вот День пивовара как раз и подходит. А самое клёвое место для пивного раздолья – парк на берегу реки.

С этим проектом Кукуев и предстал перед академией в кабинете у Арбелина на следующий день. На такое важное заседание пригласили и Леонида Истомина.

– Замечательная идея! – пришёл в восторг Арбелин: – Это же как раз то, что требуется для массового вброса чебачков. Но ведь на праздник пива потребуется разрешение властей. Это как организовать? Получится? – обратился он к Кукуеву.

– Так ведь День пивовара – Всероссийский профессиональный праздник. Никому ничего доказывать не надо, наш пивзавод его проводит худо-бедно всегда. Надо только развернуть вишь, наполнить его всенародным звучанием. А это, мне кажется, тоже нетрудно сделать, любителей пива – каждый второй, если не больше.

– Гораздо больше, – подхватила Альфа, – процентов восемьдесят взрослого населения. Юнцы вовсю хлещут, школьники. Даже девчонки.

– Включим пиар на полную мощь, – развивал идею Кукуев, – под идею культуры потребления пива. Закрутим депутатов, газетчиков, телевидение. Если вы одобряете.

Кукуев посмотрел в глаза каждому из академиков.

– Одобряем? – спросил в свою очередь Арбелин.

– Ещё как! – звонко рассмеялась Альфа.

– Полностью! – подтвердил и Денис.

– За! – поднял руку Истомин.

И все вчетвером принялись за детальную разработку проекта праздника пива. Кукуев принёс находку, о которой Арбелин мечтал.

Пролетал день за днём, а порок в Альбине не давал о себе знать. От этого ей было хорошо на душе, но и тревожно.

Было ли это следствием перенесённых потрясений, изнасилования и сотрясения мозга, или хорошо исполняемого Альбиной внушённого Арбелиным подавления по принципу «Нет!», или итогом применённой Арбелиным фасцинативной гипнотической техники, как знать. Скорее всего, все эти факторы в сплетении со страстным желанием самой Альбины исцелиться и дали позитивный эффект, но факт оказался налицо – прошло почти два месяца, срок для порочного всплеска похоти небывалый для Альбины, а он заглох, будто его и не было у неё целых пять лет, начиная с пятнадцатилетнего возраста.

Более того, она теперь другими глазами воспринимала Дениса, погружаясь от прежнего обожаемого уважения в любование.

И решила сходить к Арбелину.

Рассказала ему о тех переменах, которые с ней происходят, и поделилась тревогой:

– Юлиан Юрьевич, а вдруг снова как шарахнет и я не смогу удержаться. Это же как шквал, вырубает напрочь, превращаешься в блудливую кошку. Я тогда повешусь. Может меня кастрировать?

Что и говорить, проблема серьезнейшая, Арбелин это знал. Но двухмесячное воздержание, причём без особых усилий, обнадеживало. Чего только не бывает с мозгом и психикой! Всегда помнил он то ошеломляющее впечатление, какое получил ещё в аспирантские годы от описания у Гегеля случая исцеления от шизофрении. Причём больного вылечил не врач, а сотоварищ по несчастью, такой же, как и он, узник психбольницы. Заиклено было сознание бедняги на идее, будто у него отрезана голова. Он и ходил так, словно держал отрезанную голову в руках. В конце-концов один из пациентов, не потерявший способности к логическим умозаключениям, выпалил ему с гневом: «Как же ты говоришь, если у тебя голова отрезана?» Этого гневного логического вывода хватило, чтобы отрезанноголовый пришёл в норму и его через два дня выписали как излечившегося. Шокирующая фасцинация поставила все нейросвязи в мозге на место. Вдруг фасцинативный гипноз и шок оказали на Альбину такое же вытесняющее нормализующее действие. Плюс техника самовнушения «Нет!», если она глубоко проникла и фасцинировала её сознание.

– Похоже, ты пришла в норму, Альбина. – проникновенно сказал Арбелин. – Но надо тебе, как я думаю, изменить жизнь, чтобы норма укрепилась и срослась с твоим сознанием и душой накрепко и навсегда. Ты ведь женщина и притом жила активной сексуальной жизнью. Желание повторить даст о себе знать, это закон эволюции, от него не убежишь. Я советую тебе вот что. Выходи замуж, роди ребёнка, погрузи себя в заботу и служение. Это самый лучший образ жизни, отрезающий женщину от любых пороков и зависимостей. Да и некогда будет в них проваливаться. Будешь верная супруга и добродетельная мать. А замуж выходи за Дениса, надёжнее его тебе не сыскать. Он ведь любит тебя?

– Да, я это знаю. Но боюсь сорваться. Тогда в петлю.

– А не срывайся, только и всего. Думай о хорошем, делай доброе и нужное, плохое и дурное и отскочит. А если какая-то закрутит тебя пакость, приходи ко мне, прогоним её.

В тот же вечер Альбина сказала Денису:

– Альфа наверняка от меня уже устала. Денис, я готова переехать к тебе.

Дениса слова Альбины ошеломили. И он был счастлив.

А буквально через неделю оба созрели для свадьбы.

Роман, узнав, что Денис женится, пришёл в восторг. И сразу предложил помощь:

– Значит так, Денис. И не сопротивляйся! Свадьбу организуем в «Трёх китах», на полную катушку. Там есть малый зал, в нём и отпразднуем. Расходы беру на себя.

Подарок был царский. Бросилась помогать и стремительная Альфа. Съездила к матери Альбины, сумела её убедить приехать на свадьбу:

– Вот увидите, она теперь совсем-совсем другая. А муж у неё будет просто золото!

И она рассказала матери подробно о талантливости Дениса, об Арбелине и академии, о том, что Альбину они приняли как родную и будут ей помогать во всём.

На свадьбу поздравить молодожёнов собралось всего-то человек двадцать. Как раз для малого зала ресторана. Зато Роман с Альфой организовали всё как надо – шик и блеск!

Кукуев хотел было пригласить на свадьбу и Дуба с Людмилой, но Денис отрезал – «Никогда!». Роман сказал «Понял» и больше не заикался.

А ЮЮ блеснул замечательным тостом:

– Друзья мои! Браки ведь свершаются на небесах. Так положено думать. Возле бога всегда лежит кучка самых разных ниточек. Время от времени он берёт, не глядя, две из них, связывает в узелок и бросает на землю. Достигнут ниточки земли – в брак вступает новая пара. И всё зависит от того, какие ниточки связаны в узелок. Если хорошая связана с гнилой, получается несчастливый брак. Две гнилых нитки – тогда хоть вешайся. Но изредка под пальцы бога попадают две золотые нитки и тогда на земле сочетаются брачными узами два золотых человека, мужчина и женщина, достойные счастья. Сегодня мы видим как раз такую пару, связанную на небесах из двух золотых ниточек. Выпьем же за счастье Дениса и Альбины и пожелаем им пройти по жизни до самого конца в согласии и радости!

От необычного тоста Арбелина все замерли. А в следующую секунду все как один встали, устремили свои взгляды на Альбину и Дениса и закричали, как положено, – «Горько!»

У верной Ирины потекли слёзы радости за подругу.

Мать Альбины и бабушка Дениса, сидевшие рядышком, умиленно переговаривались.

– Какое счастье моему внучку! – делилась бабушка. Альбину она полюбила.

– Даже не верится! – говорила мама Альбины. Уж ей-то, знавшей о «подвигах» дочери, точно не верилось...

Если человеку и свойственно ошибаться, то Арбелин был прекрасным тому образцом, тем более, что он-то знал, что большинство ошибок провоцирует как раз фасцинация – фасцинация захваченности. «Обманываться рад», – говорил Пушкин. Таков любой гомо сапиенс, будь он хоть идиотом, хоть гением.

С того дня, как он увидел необыкновенный танец Альфы, не давала покоя Арбелину мысль подключить её к задуманному ещё два года назад проекту издания иллюстрированной книги «Фасцинация женского тела» – журнального формата на отличной бумаге. И не выдержал, пролистав в голове все детали проекта, решил рассказать ей о задуманном.

И это была его роковая ошибка, от которой спасения ему уже не было.

– Альфа, когда я увидел тебя в танцах до седьмого пота, то мгновенно сказал себе – вот кто мне нужен для книги! Ты была изумительно, волшебной пластична. Я сразу представил тебя, как образец. Книга будет иллюстрированная и называться «Фасцинация женского тела». Улавливаешь идею?

Альфа идею уловила и была приятно изумлена:

– Юлиан Юрьевич, но я же хромая.

– Какая ерунда! – возразил Арбелин: – На моём юбилее, кстати, ты несколько не хромала. Да и кто это увидит, мы же с тобой не хромоту будем показывать, а пластику твоего изумительно выразительного тела. Ты будешь образцом, иллюстрирующим фасцинацию женского тела. Ты фотомодель божией милостью. В твоём теле всё есть и всё соединено в гармонию. Надо показать человечеству истинную красоту тела без ожирения и истинную фасцинацию без вульгарности.

– А кто будет фотографировать?

– Сейчас покажу тебе свой фотоальбом. Оценишь моё творчество.

Арбелин включил компьютер, открыл папку со своими работами.

– Смотри всё подряд. А я кофейку сварю.

Он специально ушёл на кухню, чтобы Альфа наедине прониклась идеей стать фотомodelью.

Альфа погрузилась в мир творчества Учителя и была поражена оригинальностью его стилистики. Что значит быть фасцинетиком, подумала она, мгновенно уловив fasciniрующие акценты и нюансировку фотографий.

Через полчаса они пили кофе и Арбелин подробно рассказывал Альфе о задуманном проекте.

– Fascинация женского тела поразительно эффектна и целесообразна. Это по существу эволюционное сексуальное кокетство, демонстрация телесных сигналов соблазна. На этом поле играют все гляцевые журналы, в первую очередь «Плейбой». Сумеешь изображать пластику кокетства?

Альфа засмеялась:

– Если надо, я и пластику отъявленной путаны покажу.

– Вот-вот! Именно это и надо! Но я придумал другое, не показ ради показа, а исследование, подкрепляемое показом. И этого не сделает пока никто в мире, кроме меня. Но мне нужна фотомодель, без неё проект невыполним. Я пробовал, приглашал. Всё не то, не было той изюминки, энергии и пластики, которые мне хотелось. И вот, как только я увидел твой танец, я понял – наконец-то! Но всё не решался тебе предложить стать моим партнёром в этом проекте. Да и дел у нас было не впрокорот. Теперь момент наступил. И я предлагаю тебе стать не просто моделью, картинкой, а соавтором исследования fascинации женского тела. Будем вместе думать, искать, создавать фотообразцы. Для тебя это будет также и учёбой, постижением закона демонстрация тела и внешнего облика в fasciniрующем режиме. Будем искать более точный индекс fascинации женского тела. Сogласна включитьcя в такую научную авантюру?

У Альфы перехватило дыхание:

– Юлиан Юрьевич, ещё спрашиваете! Об этом можно только мечтать.

Надо сказать, что предложениями стать фотомodelью Альфа была накормлена по макушку. Мать тащила её в своё фотоагентство с двенадцати лет. Посмотрев раза два на девушек, фотографов и съёмки, Альфа сказала себе «Нет!» и прекратила об этом думать, хотя лет до семнадцати порой по-девичоночь и прикидывала в воображении, как бы она выглядела на страницах журналов и на подиуме. И вот предложение Арбелина! Оно буквально взорвало её эволюционную женскую тягу покрасоваться. Но она поняла, насколько то, что предложил Учитель, неизмеримо выше и масштабнее красования. Это действительно была меч-

та и тем более, что она станет профессионалом-фасцинетиком и все секреты демонстрирования тела ей просто необходимо узнать и практически освоить.

– А где Вы будете меня фотографировать?

– Придётся нам смастерить в моей бывшей библиотеке небольшую фотостудию. Кое-что у меня есть. Прикупим светильники получше и начнём. А иногда будем ходить в профессиональную студию. Есть у меня неплохой знакомый фотограф, мы с ним кооперировались в избирательных кампаниях.

Альфе уже не терпелось:

– Когда начнём, Юлиан Юрьевич?

– А вот обустроим студию и начнём. А пока поразмышляем, что и как будем показывать. Я ведь над индексом fascinации женского тела тружусь три года. Материала собрал выше крыши. Я же тебе показывал. И под коррекционным экраном ты стояла. Давай ещё раз посмотрим мою галерею.

Он включил компьютер.

– Задачей я себе поставил показать в красивейших образцах женских тел земного шара их fascinативные детали и гармонию. Ножки, талию, грудь, ягодичи, золотое сечение фигуры, композицию всего этого в обаяние и сексапильность... Вот несравненная Мэрилин Монро, первозданная. Самая её популярная, облетевшая весь мир фотография, где она, двадцатилетняя, лежит обнажённая на красном фоне. Изумительная свободная пластика девичьего тела. Присмотрись внимательнее. Дело не только в красоте тела и его изгибах. Казалось бы, куда уж эротичнее. Но вся прелесть фотографии этой заключена в целомудрии. Если так можно выразиться, она здесь – обнажённое целомудрие. Живая, трепетная с прекрасными пропорциями и удивительной пластикой изгибов, но эротики ровно столько, чтобы мужчина любовался, не превращаясь в скота. Дженифер Лопез безусловно идеальна. Но нет в ней этой мягкой эротичности, спортивно-холодновата, несмотря на отменные ягодичи. А вот посмотрим на наших шоу-див... Вот... Видишь, известнейшая эротичностью тела певица, Наташа, не помню фамилию... ну неважно. Тело потрясающе сексуальное. Но при этом навязчиво источает свою предельную гормональность, так и просится выскочить из фотографии и прыгнуть постель.

Арбелин прогнал одно за другим тела певиц. Остановился.

– А вот эти? При всех приятных пропорциях, какая срамота в позах и изгибах! Всё тут уж точно рассчитано на скотство и похоть. Удивительно, но большинство девиц сцены стараются выставлять себя в позах обезьян периода течки, а не изящных телодвижений, как у Мэрилин Монро. Одним словом, методом сравнения, вычислений и подгонок, мы с тобой найдем индекс чарующей fascinации женского тела. Вот такую задачу я ставлю перед нашим проектом. Три года ждал свою Мэрилин Монро для задуманной книги. Из тебя будем лепить точные иллюстрации.

– У меня мурашки по коже! – прошептала Альфа. – Смогу ли я, Юлиан Юрьевич? Задача-то небесная.

– Ты, именно ты и сможешь. В тебе всё есть для такого проекта. Я это понял из твоего танца. Ты поразительно пластична и артистична. Удивительно, что при таких телесных данных и таланте ты убереглась от подиума и кино, куда все девицы, во сто крат хуже тебя, безудержно прут косяками.

– У меня сберегающая интуиция исправно работает... А кроме того я с детских лет насмотрелась на всю эту срамоту, мамочка моя постаралась.

– Где она сейчас?

– В Штатах.

– Папа, папулечка, я с ЮЮ с ума сойду! Но от счастья. Знаешь, что он придумал? Истомин рассмеялся:

– Знаю.

– Уже знаешь? Откуда?

– Что-нибудь оригинальное и сводящее с ума.

– Точно! Он придумал издать книгу-альбом с полноцветными иллюстрациями под названием «Фасцинация женского тела».

– Очень интересно.

– Папочка, миленький, он хочет использовать меня в качестве фотомодели!

Тут Истомин не мог не выразить удивления:

– Фотомодели!? А как хромота?

– Он считает, что это ерунда. Не по стойке же смирно мне стоять. Главное – пластика, движение, fasciniрующие ракурсы. Папочка, об этом можно только мечтать. Я согласилась.

– А кто будет фотографировать?

– Он сам. Он и это умеет. Я посмотрела его фотографии. Некоторые просто изумительны, хоть в профессиональный фотожурнал посылай. Мы создадим небольшую студию. Поможешь?

– Какой разговор. Говорите, что надо. Наверняка разные осветители?

– Да, да, папа. Это моя мечта. Не в каких-нибудь агентствах сниматься, куда, помнишь, мама меня тащила, а для книги о fascинации. Это мне понадобится, это тоже учёба. Я научусь конструированию истинной телесной fascинации.

– Юлиан Юрьевич ерунды не предложит. Включайся и учись.

– Папа, я уверена, получится не книга, а сказка. И она будет нужна всем-всем, кто стремится к красоте и радости.

Через неделю студия была готова и, изрядно волнуясь, Арбелин с Альфой приступили к первым съёмкам.

Это была увлекательная и трудная работа. Одного только не учёл мудрый Учитель – что он мужчина, а Альфа прелестнейшая девушка двадцати двух лет от роду, и им никто не мешает не только работать, но быть абсолютно свободными в творческом поиске. А творчество обладает двумя fascинациями – гипер захваченностью и безудержным воображением, отбрасывающим в сторону даже приличия и скромность. В творческой захваченности и культурнейшие художники способны матюгаться как извозчики, причём и от ошибок, и от радостных находок. «Ай, да сукин

сын!» – ругнулся Пушкин, закончив «Бориса Годунова». Вполне возможно, что сказано было покрепче. Творчество – страстное и яростное состояние.

Арбелин крутил Альфу, отыскивая точную позу, Альфа стремительно меняла изгибы тела и мимику, это было похоже на пантомиму, перемежаемую восклицаниями, шутками, смехом и рычанием. Несколько раз Альфа была названа балдой, что её ужасно развеселило.

– Туповатая?

– Талантливо туповатая. – смеясь, поправил Арбелин. – Мгновенно исправляешься.

Первая их фотосессия была посвящена тренировке, подладке и копированию поз Мэрилин Монро.

Нет, копирования не вышло, разной конструкции были тела Мэрилин Монро и Альфы. Альфа это поняла.

– В следующий раз потренируемся на образе Брижит Бардо. С ней вы почти один к одному.

Часть двадцать девятая

ЧЕБАЧОК ОЧАРОВАЛ КОНСТАНТИНА КИСЕЛЬЧУКА

Дмитрий Петров работал не покладая рук над разгадкой химического состава пептида весёлости. И добился своего – ему удалось создать синтетический аналог в виде порошка, который прекрасно растворялся в жидкости.

Призвал Арбелина.

– Юлиан, попрыгай от радости! Мне удалось сварганить синтетический аналог твоих пептидов.

– Ты гений, Димка! Синтетический айвеселин – это гениально.

– Это значит, что пот уже не нужен. И можно иметь пептидов хоть завались. А ещё вот что очень важно для твоего эксперимента – пептид этот при экспертизе не выявляется. Нет пока маркера для его улавливания. Так что можешь хоть весь город им напичкать.

Это было ошеломительно. Гаргалин был теперь абсолютно не страшен.

– Я на себе проверил, действует. Займись и ты проверкой со своими соратниками.

Арбелин собрал Альфу с Денисом, поведал им новость.

– Надо проверить. И не только самим, но и на ком-нибудь ещё.

Альфа сказала.

– У меня подопытный только папа.

– А у меня один приятель. – сказал Денис.

– Что ж, и это неплохо для проверки. А начнём с себя, как всегда. Готовы?

Академики кивнули.

Арбелин размешал в поллитровой банке с водой миллиграмм порошка, разлил в стаканы.

Выпили по полстакана, стали ждать, прислушиваясь к своим телам. Через двадцать минут все трое готовы были петь и плясать. Синтетический айвеселин подействовал не хуже того, что был получен из пота.

На другой день Арбелин с Денисом съездили к Петрову.

– Дмитрий, порошок действует замечательно. Сколько ты сможешь произвести?

– Сколько надо?

– Давай посчитаем. На каждый чебачок полмиллиграмма. Достаточно?

– Можно и поменьше для начала, по 0,1 миллиграмма.

– Хорошо. Чебачков сделаем миллион. Перемножаем, получается около килограмма.

– Смогу и больше. – сказал уверенно Петров.

С собой Арбелин взял пятьдесят граммов – столько было у Петрова. Себе оставил граммов десять, остальное отдал Денису.

– Начинай, Денис. По 0,1 миллиграмма на чебачок.

Бывает же везенье! Появился у Дениса Кукуев.

– Еду к Дубу на день рождения Людмилы. Заехал к тебе за чебачками, там же куча народа соберётся, проверим, как действует. Присоединяйся.

Людмила Денису звонила и пригласила на день рождения, так что он был готов и быстро собрался. Взял с собой 300 чебачков с синтетическим айвеселином, но без окситоцина: 100 штук Людмиле – как подарок, 200 штук – для поздравляющих.

Поздравить Людмилу пришли её сослуживицы из супермаркета корпорации Кукуева, заведование которым Роман ей доверил, и пятеро ближайших бойцов-соратников из бригады Саньки. Собралось человек пятнадцать. Отличная для эксперимента группа, отметил про себя Денис.

– Денис, мой кореш, вместе служили в армии. – представил Роман Дениса.

Это означало для всех, что Дениса нужно любить и уважать.

– Вместе служили. – горделиво добавил Санька.

Появлению Дениса они с Людмилой были обрадованы.

Началось поздравительное застолье.

Денис дал Людмиле пакет с сотней чебачков, остальные высыпал на середину стола.

– Чебачки к пиву. Угощайтесь.

Начали, разумеется, с водки, коньячка и шампанского. Но дошла очередь и до пива.

После чебачка все, кто пришёл поздравить Людмилу, в том числе и бравые бойцы, превратились в весёлую добродушную компанию. Эта метаморфоза произвела на Дениса и Кукуева впечатление. Особенно на Романа, прекрасно знающего совсем не добродушный состав своей боевой дружины. Он воочию увидел, насколько ценным продуктом является чебачок, начинённый изобретённой Арбелиным добавкой.

А Денис удовлетворённо констатировал веселящее действие синтетического айвеселина.

У Кукуева разыгралось воображение.

– Это же какой праздник получится, Денис! А? Надо наштамповать миллион чебачков.

– Точно. – согласился Денис.

Уже перед концом застолья Людмила отвела Романа в одну из комнат, закрыла дверь.

– Рома, я тебя хочу попросить о помощи. – грустно посмотрела она ему в глаза. – Понимаешь, Саня спивается. Пьёт, пьёт и пьёт подряд, бутылок десять и больше за день выпивает. И никаких тормозов. Я уже устала. Ты же заметил, как он растолстел. Я боюсь, как бы у него сахарный диабет не начался. Запрети ему. Прикажи меньше пиво хлестать.

Кукуеву увеличение габаритов Саньки бросилось в глаза и он даже сказал ему шутя: «Ты прямо в борца сумо превращаешься».

– Да что с ним сделается, Люда, он же бугай. Чебачками закусывает?

– Он без них не пьёт, только с ними.

– Ладно, поговорю с ним. – успокоил её Роман Кукуев.

Он сообразил, что Денис добился своего и Санька изойдёт в конце-концов пивом. Что ж, сам напорсился. Жалости к Дубу у него не было.

Праздник дело непростое, требуются организаторы-специалисты и профессиональные пиарщики. Кукуев решает привлечь к проекту бывшего пиарщика Константина Кисельчука, услугами которого в маркетинге и рекламе пользовался уже года три. И всё же сначала спросил мнение Арбелина:

– Юлиан Юрьевич, Вы же всех пиарщиков в городе знаете. Подойдёт нам Кисельчук, если поручить ему пиарить праздник?

Арбелин привычно потёр переносицу, соображая, насколько уместен в проекте Кисельчук. Уж кого-кого, а этого хмыря он изучил давным-давно по участию в избирательных кампаниях и разного рода имидж-проектах администрации города и губернатора.

Константин Кисельчук относился к плеяде интеллектуалов, уже защитивших к начавшемуся в России буму демократических выборов кандидатские диссертации по философии, психологии, политологии и новой, быстро набирающей престижность специальности, которую называли «связи с общественностью», попросту «пиар». Эта остепенённая гильдия быстро превратилась в политконсультантов и политтехнологов и набросилась на обработку выборов как волки на вкусную кость, сулящую жирные гонорары, как оно и случилось по всей стране. Кисельчук оказался в этой стае самым оборотистым и хитрым. Но пришлось и ему крепко переориентироваться. Дело в том, что защитил он кандидатскую диссертацию на тему «Взаимосвязь морали и политики в эволюции взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса» и был страстным приверженцем идеи благоустройства

политики нравственностью. Но этого нравственного заряда хватило ему ровно на одну избирательную кампанию. Окунувшись в аморальный политический беспредел России, хитроумный кандидат наук раньше всех сообразил, что нравственное насыщение политики и политиков – не более чем российская интеллигентская утопия, и если продолжать свой пиар-бизнес, то надо срочно перекраивать мозги, что ему и удалось выполнить с собой без особого напряжения. Логика изменения ядра его личности была предельно проста. «Нравственно всё то, что ведёт к победе коммунизма» – завещал великий пиарщик Владимир Ленин. «Нравственно всё, что приближает победу национал-социализма» – поправил другой великий пиарщик Адольф Гитлер. Третий, самый изощрённый, пиарщик Йозеф Геббельс сказал короче и циничнее: «Нет нравственности, есть только победа или поражение!» «Победа или поражение! – воскликнул в экстазе перековки ядра личности пиарщик Константин Кисельчук. – Аминь!» И во второй волне избирательных кампаний он уже не знал сомнений и всюду применял то, что называли «чёрным пиаром», а он, затушёвывая чернуху, изобрёл термин-прикрытие – «деструктивные технологии». Вот они-то и стали стержнем его пиар-деятельности. И он пошёл в гору, так как именно такие «профессионалы» и требовались доморощенным российским политикам: перекрасившимся бывшим коммунистам и комсомольским функционерам, криминальным бизнесменам и прочей шушере, готовой для достижения цели шагать по трупам, но понимающей, что наступили времена демократических декораций и антуража и требуется с доверчивым и неискушённым российским избирателем играть в демократию, искусно камуфлируя волчьи клыки и тигриную алчность. Когда Кисельчук сварганил первую на Урале подмётную газету «Правда» и, демонстрируя свой уровень, дарил её соратникам по пиар-цеху, лицо его лопалось от тщеславия и гордости: он напрочь забыл о канонах нравственности и максимально точно удовлетворял любые заказы. Потому-то Роман Кукуев и выделил его и частенько привлекал к своему маркетингу и рекламе.

Арбелин после некоторого раздумья, всё взвесив, сказал:

– Роман, Кисельчук – грандиозный мудака и охлопус, но работает профессионально, набил руку. При надлежащем присмотре вполне годится для пивного праздника, тем более он на кого только не работал и со всеми в Бурге вась-вась. А это потребуется. Вряд ли ошибусь, что он и у Гаргалина в тайной агентуре. Очень ценный кадр для Гаргалина.

– Так Вы, Юлиан Юрьевич, и будете у нас главным контролёром! Чуть что не так – я его в шею!

– Консультантом. – поправил Арбелин. – А контролировать будете Вы, Вам сподручнее. И может это и хорошо, что Вы его привлекаете. Будем через него сливать Гаргалину информацию о народном празднике пива. Чтобы не переживал понапрасну и не впадал в болезненное воображение. А о чебачке с айвеселином – ни гу-гу.

– Замётано. – сказал Роман Кукуев.

– А Денис с Альфой будут вести свои линии. Альфа – дизайн и организацию пиар-акций, а Денис – разработку главного оружия успеха – чебачка. Кисельчук же пусть обрабатывает VIP-публику и конструирует сам праздник как массовое народное гуляние. И комар носа не подточит: народное гуляние на Руси – дело святое и для государ-

ства абсолютное безопасное, даже полезное. С древних времён власть устраивала для народа увеселения и зрелища. Сам Макиавелли это завещал государям.

Обсудить стратегию и сценарий праздника Кукуев собрал всех в ресторане «Три кита» в отдельном номере.

Арбелин кивнул Кисельчуку, но руку ему не подал. Он навсегда запомнил адресованную ему циничную запись Кисельчука на интернет-форуме: «Не устраивай балаган, старый дурак. В твоём возрасте о душе пора думать, а не о пиаре». И Кисельчук был ещё им не отмщён, хотя в своём списке лиц, подлежащих отмщению, занесён был Арбелиным в третью строку сверху.

Арбелин сформулировал своё видение праздника и предложил его команде, в том числе Кисельчуку.

– Предлагаю много не мудрить, а запустить проверенный ещё при советской власти формат массового народного гуляния. Очень люди любили такие гуляния, это было что-то под стать западным народным карнавалам. Этакая массовая гулянка. С играми, конными скачками, аттракционами, борьбой, выступлениями гиревиков и всяческих силачей. На высоченный столб обязательно взбирались за призом. Но всё это бывало не под пиво, а под водочку или самогон. Под пиво может получиться культурнее и веселее. Пиар-группа и должна сочинить подобного рода калейдоскоп весёлых игр и манипуляций. Плюс весело обыграть пивную тему, насытить народ всякими забавами, скоморошеством. А стратегический лейтмотив праздника – культура питания. Не нализаться, а повеселиться с друзьями. Пиво – как средство дружеского общения. Наш фирменный чебачок объединит всё и создаст благодушное настроение. Его Альфа с Денисом сделают максимально задорным и юморным.

Кисельчук почтительно и внимательно слушал. Ему не стоило никакого труда понять, кто будет главный. И он мгновенно подстроился:

– А можно мне увидеть чебачок?

– Можно и попробовать. – засмеялся Кукуев и достал экспериментальный бумажный пакетик, уже сконструированный Альфой с Денисом.

Кисельчук зорким глазом бывалого пиарщика рассмотрел пакетик.

На пакетике красовался чебачок и выдуманный Альфой слоган «7 чебачков – к счастью!»

– Хорошо, ничего не скажешь. – искренне похвалил Кисельчук. – Но можно ведь и прозрачный пакетик сделать, чтобы видно было, что внутри?

– В проекте. – кивнула Альфа. – А ещё я думаю сейчас о пакетике из 10 штук для vip-публики под названием «Чебачок элитный». У нас ведь все хотят быть элитными, а не сермяжными.

– Умница! – похвалил Арбелин.

Кисельчук раскрыл пакетик и достал чебачки.

– Очень хороши. – он взял один чебачок в рот. – О, вкус вяленой рыбки. Жаль пивка нет.

Чебачка и его вкус он оценил как истинный пивоман, каким и был уже лет пять.

– Сейчас организуем. – сказал Кукуев и вызвал официантку. – Принеси нам, Люба, по бутылочке нашего «Бургского».

Когда Кисельчук выпил пива и закусил парой чебачков, глаза его засветились:

– Кайф! Праздник с такой закуской будет улётный.

Академики переглянулись и каждый подумал одинаково: «Хорошо, что чебачки без айвеселина». Кукуева Денис снабдил десятком пакетиков исключительно для рекламного показа нужным людям. Дали и Кисельчуку десяток – пусть порезвится!

После ресторана Кисельчук не упустил возможности встретиться с Гаргалиным и выложил ему идею праздника пива. И дал ему пакетик чебачков. Гаргалин идею праздника оценил как безопасную и даже усмехнулся: уж не такое ли сведение с ума Бурга Арбелин замыслил. Это показалось ему верхом наивности.

Сказал Кисельчуку, повторив фразу Арбелина:

– Праздник – дело святое. Постарайся, чтобы народ вволю повеселился.

Но чебачки решил на всякий случай проверить на психотропику и на следующую день отъез пять штук профессор Петров (сам чебачка попробовал и был очарован).

Петров, посмеявшись про себя, выдал ему через день заключение: чебачки настолько чисты, что чище трудно придумать. И это была истина, а не подыгрывание академии.

Кисельчук включил на полную катушку охмурение властей идеей репрофилирования Дня пивовара Бургского пивзавода в общегородской всенародный праздник пива. В ход пошло и сравнение с германским Октоберфестом.

– Чем мы хуже немцев? – изычно нажал он на клавишу патриотизма и это возымело дружный отклик в администрации города, в депутатском корпусе и у самого мэра Бурга. Один только депутат Фёдор Коромыслов, трезвенник и пропагандист безалкогольного образа жизни, оказал было сопротивление, напомнив всем о стремительном росте пивного алкоголизма, но Кисельчук умело парировал его горячность, вложив в уста нескольких его коллег-депутатов вышибающий аргумент: «Праздник и будет учить культуре питания!». А Кукуев усилил аргумент тысячей зелёных. И наш трезвенник надёжно заткнулся.

Так мэр, администрация города и городская дума дружно одобрили превращение Дня пивовара в городской праздник пива и назначили его на 14 июня. И передали руль управления организацией праздника Роману Кукуеву как главному спонсору.

С нескрываемым энтузиазмом подхватили пропаганду пивного праздника СМИ города. Особенно журналистам, почти поголовно большим любителям пивка, понравилась выложенная Кисельчуком идея «Наподобие немецкого Октоберфеста». Идею мгновенно заглотили, и тут же запустили красочные материалы об Октоберфесте, а корреспондентка Анфиса Запрудная, побывавшая в прошлом году на Октоберфесте в Мюнхене, разрисовала во всех красках немецкий праздник пива в еженедельнике «МК-Урал» на целой полосе.

Напоминания о том, что 14 июня горожан ждёт великолепный пивной праздник, теперь не сходили с газетных полос, интернет-сайтов и телевизионных передач. Энергичный Кисельчук добился, что пропаганда праздника шла как волна, с каждой неделей усиливая рекламный напор. К середине мая в городе не было ни одного человека, который бы не знал о предстоящем Дне пивовара и празднике пива.

Альфа разработала проект визуальной фиксации – задорного подмигивающего чебачка, который появился всюду: на рекламных щитах и бигбордах по всему городу, в телеклипах, на пивных банках и бутылках бургского пивзавода, на вывесках в барах и на киосках. Как и с пингвинчиком, эта картинка полюбилась горожанам и её стали даже копировать все кому не лень.

В конце апреля Кукуев открыл на хладокомбинате у Баранова поточную линию по производству чебачка. Денис передал свои формы для тиража.

И решено было в Первомайские праздники запустить экспериментальный вброс чебачков на проверку восприятия образа – без добавки айвеселина, но с отменным вкусом вяленого чебачка.

Забросили чебачка в продажу в пивных барах и киосках.

Любители пива мгновенно отреагировали на новинку и начинали раскупать чебачок, предпочитая его сухарикам и прочим закускам: оригинальный вид и вкус чебачка пьющему пиво народу явно понравился.

После этого всюду разместили впечатывающийся в память слоган: «Чебачок к пиву – это ваше блаженство!», который психологически готовил горожан к воздействию чебачка с айвеселином.

Часть тридцатая

АЛЬФА БЬЁТ ЛЯУШИНА И ЖЕНИТ НА СЕБЕ АРБЕЛИНА

Ляушин пивом баловался и наткнулся на чебачки в пивном баре. Купил паке-тик «7 чебачков – к счастью!», привёз Гаргалину.

– Видел я их! – небрежно бросил ему Гаргалин. И приказал: – Прекрати тащить мне всякую ерунду! Мы же их вычеркнули из слежки. Забыл?

Да, слежка за шайкой-лейкой Умником была давно уже снята, но никто в мире не мог бы выкинуть из головы Ляушина хромоножку. Ляушин дневал и ночевал у подъезда Арбелина. От его зоркого глаза не укрылось, что хроможка живёт теперь в одном подъезде с креатином, хоть и на разных этажах. На каком именно поселилась нимфа, он выследил. И его охватила страстная мечта хотя бы раз в жизни обнять её и получить райское наслаждение. А там хоть стреляйся!

Попал славный боец невидимого фронта в сети фиксации порочной захваченности, имя которой сексуальная животная похоть, та самая, что повелела отцу Сергию у Льва Толстого отрубить топором палец, чтобы перешибить её властный приказ.

Свою службу он свёл к выслеживанию Альфы, а любование ею вылилось в нечто непотребное – глядя, как она выходит из машины и идёт к подъезду, он лихорадочно начинал мастурбировать. И настолько впал в безумие охватившей его страстной зависимости, что удовлетворять свою похотливость в полной мере уже не помогало ни созерцание заснятых на видеокамеру сценок с Альфой, ни мастурбация тайком от могущественной супруги.

Вот и в этот вечер насмотрелся по видеку на нимфу, выхлестал бутылку воды, и ударил ему в голову бес. Ринулся Ляушин к своему «мерседесу», оседлал его и помчался к подъезду Арбелина. Только небесам известно, как ему в пьяном виде на скорости под 90-то удалось доехать целым и невредимым. И второй раз повезло: буквально через двадцать минут появилась нимфа.

«О, боги, как она прекрасна!» – обуреваемый слепой пьяной страстью воскликнул влюблённый, и, выскочив из «мерседеса», двинулся петляющим шагом к Альфе, настигнув её в трёх метрах от двери в подъезд.

От него несло перегаром. Альфа оглянулась и отшатнулась.

Привычка, никогда не дававшая сбоев, не мешкая переходить к делу, выработанная от знакомств с хромыми шлюхами, ущербными стареющими дамами и всеми покинутыми одиночками, подправленная водочной храбростью, двинула Ляушина в атаку.

– А давайте, девушка, познакомимся поближе. – заплетаясь, произнёс Ляушин и попытался галантно взять Альфу за локоть.

Ах, если бы бойцу знать, с кем он имеет дело!

В следующий миг он уже распластался у подъезда как тренировочный мешок с опилками, столь стремительны были удары Альфы кулаком и ногой. Навыков каратэ она никогда не забывала и понемногу, хотя бы по полчаса, тренировалась дома почти ежедневно.

Увидев краем глаза, что ненормальный пьянчуга рухнул и лежит, Альфа не стала рассматривать результатов своей оборонительной реакции, проскользнула в подъезд.

Кого она уложила, Альфа не знала.

Кто Ляушина уложил, никто не видел.

Удары Альфы были столь молниеносны и точны, что Ляушин просто-напросто вырубился и остался недвижимо лежать у подъезда.

Хуже для него было дальнейшее развитие событий. Выбитый из нормальной подвижности водкой и ударами Альфы, он никак не мог подняться и встать на ноги. Подошедшие к подъезду чуть позже пожилые супруги позвонили в скорую. Ляушин не мог устоять на ногах и бормотал что-то несвязное. Скорая вызвала патруль. Ляушин оказался в руках бдительных милиционеров, а поскольку служебное удостоверение было при нём, то им не составило труда сообщить дежурному ФСБ. Свои Ляушина у милиции забрали и это стало его концом.

Когда его привели в чувство и привезли домой, Синютина впала в такую ярость, что схватила ремень с бляхой и отдубасила Ляушина по первое число. Это была гневная и властная орлица Анфиса Синютина, а не жалостливая курица Зина Никшанова.

Гаргалин Ляушина, несмотря на вскрывшийся маразм, не стал бы гнать со службы, слишком хорош был Ляушин как агент. Но тонко и умело наябедничал куда надо Никшанов. И Ляушин в расцвете сил и нахлынувшей на него, как неодолимый рок, любви был вышвырнут на улицу по профнепригодности. Это был крах и конец. Хоть вешайся.

Стройная, отлаженная годами команда Гаргалина разваливалась. Инге он уже давно не доверял. Ляушин и вовсе был потерян.

Эх, Арбелин, Арбелин, сумасшедшая твоя голова. Снова посетила тебя фасцинация захваченности, ослепила, зашорила разум, затянула в силки, из которых не выпутаться. Ну как ты сможешь оставаться беспристрастным и рациональным, глядя на столь изумительное женское тело? Тут и святого затрясёт от волнения.

Любовь вырастает из любования и восхищения. Фотосъёмки сделали своё коварное дело и с Альфой, и с Арбелиным.

Должно быть именно любование Альфой спровоцировало подсознание и увидел Арбелин сказочный, ностальгический сон. Во всей красе всплыла из подсознания изумительная Лолита Торрес. Пятьдесят лет о ней даже в бодрствующем состоянии ни единым штрихом в памяти не вспоминал, не то что во сне. И вдруг возникла она во всём своём звёздном великолепии середины прошлого века. Фильмы с её участием очаровали тогда всю страну. Её в СССР любили, пожалуй, больше, чем в Аргентине, что её саму удивляло. Арбелин был в неё влюблён, как и миллионы юнцов по всему миру. И вот всплыла она во сне как живая, прелестная, с осиной талией, и зазвучала её коронная песенка «Коимбра, чудесный наш город, нет милей тебя и краше. Мы позабудем не скоро свет из окон старых башен...». И запел он с ней во сне, бесконечно повторяя этот куплет... Нахлынула светлая ностальгическая радость. С какой стати этот сон выплеснулся из подсознания? Никогда о Лолите Торрес не вспоминал, а уж о песне и подавно. И вдруг – она во всём артистическом великолепии и точные слова первого куплета песни. Во сне долго сомневался, правильно ли назвал город, проснувшись, полез в Интернет, и ведь точно – Коимбра! Ну и память! Загадка аутофасцинации! А может этот сон – подсказка сравнивать Альфу не с Брижит Бардо, а с Лолитой Торрес? Но Лолита – жгучая брюнетка, а Альфа – золотистосветлая шатенка...

Весь день прошёл у Арбелина под впечатлением загадочного сна, весь день он находился в приподнятом эйфорическом тоне и пел про себя «Коимбра, чудесный наш город...».

На следующий день призвал Альфу.

– А скажи-ка мне, Альфуша, что означает слово «коимбра». Слышала такое слово? – спросил он её.

Альфа наморщила лоб, пытаясь вытянуть из памяти названное Арбелиным слово. Ничего память не подсказала:

– Не знаю, и не слышала. Может это растение или животное?

– Это название города. – ласково улыбнулся Арбелин.

И рассказал Альфе сон во всех деталях.

Альфа о Лолите Торрес, понятное дело, абсолютно ничего не знала, в те далёкие времена ещё и её мамы с папой не было на свете, но сам факт подобного сна, вытаскивание из подсознания во всех деталях, вплоть до песни, её мелодии и точного названия города, её потряс.

– Как бы ты такой сон разгадала?

– Ой, с лёту не получится, надо подумать. Но это какая-то подсказка, ведь полсотни лет Вы о Лолите Торрес и песне не вспоминали, напроць было стёрто, а оказывается где-то в закоулках Вашего подсознания это шевелилось. Поразительный образец аутофасцинации.

– Вот и я так же определил. Сигнал фасцинации для меня из прошлого. Живая картина и – «Коимбра».

Арбелин пропел Альфе песню, если какие-то слова и были им переиначены в сравнении с оригиналом, то незначительно. Два куплета и припев он запомнил, оказывается, навсегда.

– Какая песня красивая. – восхитилась Альфа. – Обязательно сегодня же посмотрю всё о Лолите Торрес в Интернете. Может и разгадаю сон... Она каллипига?

– О, ещё какая! Всё в ней идеально скроено, поэтому от неё все и были без ума.

Альфа лукаво посмотрела Арбелину в глаза и засмеялась иронично:

– Ну, если она ещё и каллипига, то разгадка уже напрашивается. Тоскуете, Юлиан Юрьевич, по такой каллипиге, как Лолита Торрес.

– Но ведь ничего эротического во сне не было, ни единого намёка! Только ностальгический восторг и недоумение. – сопротивлялся Арбелин. – И сомнение, правильно ли мы с ней пели название города.

Вернувшись домой, Альфа стремительно ринулась в Интернет. Через пять минут перед ней Лолита Торрес блистала во всём великолепии, более того, нашла Альфа и песню в её исполнении. И была настолько очарована, что так же, как и Арбелин, сравнила себя с ней. Масть у них была разная, Лолита брюнетка, а она светло каштановая шатенка, а вот телесно – точь-в-точь. Эх, жаль параметров Лолиты нигде нет, как у Брижит Бардо, но судя по осиной талии, то же самое. И отчётливая каллипига!

Альфа разделась и посмотрела на себя в большое зеркало в прихожей – во весь рост, сзади. «Да я же тоже каллипига!» – воскликнула она.

И сама собой выскочила разгадка сна, как она сконструировалась в её воображении. Арбелин не просто тоскует, он уже заморожен какой-то каллипигой. Кто она? Сексшпионка? Да, та тоже несомненная каллипига. А может... может это она, Альфа Истомина волнует мужское воображение Юлиана Юрьевича? Ведь не раз уже ловила она на съёмках его мужской восхищённый взгляд. И разве можно, глядя на её тело, не восхититься, особенно ежели ты поклонник каллипиг, фетишист и поэт этой части женской фасцинации?

Альфа запела «Коимбра, чудесный наш город, нет милей тебя и краше...». Боже, ведь это подсказка им обоим, она тоже влюблена и тоже изо всех сил стремится удержать себя и не переступить грань, за которой её ждёт омут. И он тоже держится, сопротивляется.

Она готова была тут же бежать к Арбелину с разгадкой сна. Но сумела сдержать эмоциональный порыв, ещё раз подумать трезво и рационально, как привыкла делать.

Восхищение, забота, страх потерять Учителя, подхлестнутый сном о конгрессе, фотосъёмки, всё это не могло пройти даром, Альфа неуклонно и надёжно, как маг-

нитом, втягивалась из сетей романтического обожания в сети любви. Возраст любви и лимбическая система мозга совершали над ней своё властное дело. И вот этот толчок Лолиты Торрес, возбуждавший пептиды сексуального желания, тягу, мечту о счастье в любви, так цинично и грубо опрокинутую её женихом.

Альфу взволновало и озарило новое восприятие Арбелина, она осознала, что хочет быть с ним всегда, быть рядом, заботиться о нём, радоваться его шуткам, слышать его голос, ощущать волнующий запах его тела, быть не только другом и соратником, но его женой. Сердце трепетало, она прикрыла глаза и прислушивалась, как в её теле и душе пробегают такие импульсы волнения, которых она никогда не знала, даже когда была влюблена и собиралась замуж за альпиниста.

Она стала пристальнее приглядываться к Арбелину, ловила его интонации и взгляды, и укрепилась в давно пойманном ею любовании Арбелина её телом. «Ведь и он меня полюбил, – сказала она себе, – только таится, старается не выказывать своего чувства».

Любовь её стремительно мчалась к той точке, за которой наступает страстная фасцинация слияния с любимым навсегда.

И рациональная решительная Альфа пошла на безумный шаг; она решила не ждать у моря погоды.

Утром, придя на кухню, Истомин был удивлён: Альфа варила кофе и ждала его. Значит приехала к нему пораньше и это неспроста, понял Истомин.

– Что-то случилось? – спросил он дочь.

– Я тебя жду. Хочу рассказать тебе о своём решении.

– Ты, Альфунча, как всегда внезапна. – рассмеялся Истомин: – Но я тобой приучен к этому и заранее согласен. У тебя опрометчивых решений не бывает

– Папочка, то, что я решила, очень-очень важно. Понимаешь, я выхожу замуж.

Привыший ко всему Истомин был повержен в шок. Уж чего-чего, а этого он никак не ждал.

– За кого же? Вроде никого у тебя не было.

– За Юлиана Юрьевича.

Истомин поперхнулся и уставился на Альфу изумлённым взглядом, растерянным и вопрошающим одновременно:

– Он сделал тебе предложение?

– Он ещё об этом не знает.

– Не знает? – Истомин завис. – А откуда же ты знаешь?

– Как откуда, папа? Я же решение приняла, не Пушкин. Пора, мне ведь уже двадцать два года.

– Извини, ничего не понимаю и не соображаю. Он ничего не знает, а ты выходишь за него замуж. Разыгрываешь отца?

– Папочка, сядь поудобнее и смотри на меня, не отрываясь. Разве ты не заметил, что я приехала без тросточки?

Только при этих словах Истомин обратил внимание на то, что Альфа стоит, а тросточки нет.

И он обрадовался:

– Альфуша, ты можешь ходить без тросточки? Как здорово! Добилась?

– Это не всё. Смотри дальше.

Сказав это, Альфа сделала мостик, ещё больше изумив и обрадовав отца. Но что это! Из мостика она вышла в стойку на руках!

Истомин вскочил, чтобы подстраховать. Но этого не потребовалось: Альфа плавно опустила на ноги.

– Ну как? – торжествующе смотрела она на отца.

– Потрясающе! Как до травмы.

– Я вчера потренировалась и поняла, что я в форме. Чутьочку в коленке отдаёт, но это пройдёт. Начала уже приседать, разработаю сустав.

– Ты просто чудо, дочурка!

– А теперь скажи, только честно-честно, сможет ли устоять передо мной хоть один мужчина, если только он не полинезиец, араб или турок? Они толстых любят.

– Да и любой турок не устоит. – Истомин расцвёл в улыбке до ушей.

– А Юлиан Юрьевич не турок. И он на наших фотосессиях мною восхищается. А я от него вообще без ума. И я уверена, папа, что он меня тоже любит. Но никогда не скажет. А я по глазам вижу, что любит. Значит, я должна взять инициативу в свои руки и объявить себя его женой, а его – моим мужем. Логично?

– Логично-то логично, а вдруг откажет?

– Пусть только попробует, папочка. – Альфа несколько нервно, но однако же и весело, рассмеялась. – Я его загипнотизирую.

Истомин посерьёзnel:

– И как ты думаешь своё решение реализовать?

– Скажу ему и докажу, что у нас с ним выхода нет. Папа, я ведь на себе уже крест поставила. И вдруг как понесло меня, как захлестнуло, я чуть не свихнулась. Влюбилась! И это же такое чудо любить Юлиана Юрьевича. Это на всю жизнь, папа. Навсегда. Я просто счастлива.

Много трезвых мыслей закрутилось в голове отца. Но он смолчал. Знал свою дочь, и знал, что нет таких аргументов, какие могли бы её остановить. Даже громадная разница в возрасте между ней и Арбелиным. Уж об этом она, конечно же, думала, принимая решение.

– Что ж, – сказал он, нежно обняв дочь, – вольному воля. Я буду счастлив, если у тебя получится, как ты задумала. Вот пойдёт ли Юлиан Юрьевич на такой шаг, даже если и любит тебя. Есть у меня сомнения. Он человек мудрый и волевой.

Решить-то решила, а как заговорить об этом, какими словами? Трижды Альфа собиралась начать разговор с Арбелиным о женитьбе, и трижды отступала, не осмеливалась, трусила. Но знала, что надо именно ей сказать, Арбелин никогда не решится на такой шаг, хотя видела, чувствовала каждой клеточкой, что он её любит.

Помог случай. По весне Арбелин слегка простудился, даже покашливать начал.

– Вот не было печали, так черти накачали. – ворчал он, наливая в грелку горячей воды для прогревания груди и горла.

И Альфа решилась:

– Юлиан Юрьевич, вот что я Вам скажу. Я ведь разгадала сон про Лолиту Торрес. Вы пятьдесят лет живёте с тоской по Лолите Торрес. Вам нужна именно такая и никакая другая жена, такая же каллипига, и чтобы была всегда рядом с вами и заботилась о Вас, была бы весёлая и пела вам песни.

Арбелин вскочил, уронив грелку:

– Чур-чур! Ты что, Альфуша, забыла страницы моей биографии? Что я с ног до головы в змеиных укусах?

– Юлиан Юрьевич, жена Вам нужна без змеиных укусов, мягкая, нежная, заботливая, преклоняющаяся перед Вашей гениальностью.

Арбелин поднял и приладил грелку, проворчал:

– Где такую найти? У тебя что, есть на примете?

Альфе вдруг стало как-то бесшабашно весело:

– Да, есть на примете!

– И кто же?

– Она перед Вами.

– Не понял. Где?

– Это я, Юлиан Юрьевич.

– Ты?!

Арбелин привстал, посмотрел на Альфу широко раскрытыми глазами и повторил:

– Ты?!

– Я, я, Юлиан Юрьевич. Вы что слепой? Не видите, что я Вас люблю? К тому же я каллипига и пою.

Арбелин машинально отодвинул грелку и прикрыл глаза. В один миг произошло то, о чём он боялся даже помыслить, всеми силами сдерживая себя, чтобы не выдать разрастающегося чувства к Альфе.

Не ждал и не думал о любви учёный-отшельник, списал себя в архив, все силы свои бросив на развитие фасцинетики. А коварная фасцинация как раз и подвела, перечеркнула все архивы и взорвала воображение и страсть. Допустил Арбелин, сам того не подозревая, губительную ошибку, приманив сексуальную фасцинацию, – запустил проект книги о фасцинации женского тела, привлёк к нему Альфу, начал съёмки для иллюстраций. И пропустил удар по своей психике и физиологии – сигналы её чудного женственного тела взорвали гормональную систему и выплеснули заряды тестостерона и адреналина. Если начиная с первой встречи в мае, он Альфой любовался как удивительным экземпляром женского рода, посланным ему судьбой для развития фасцинетики, то после танца в клубе у Нинели Геннадьевны зашевелилось любовное инстинктивное свойство, волнующее его как мужчину, но всё же ещё не более как любовное, и вот, как только она предстала перед ним в трепетно-живом обнажённом виде, разум выключился, фасцинация захлестнула и отодвинула разум и рационализм, и он уже не мог ими владеть, а только проваливался день за днём в омут, в котором любовное стремительно перерастало в сексуальное волнение и любовь. Крепился, сопротивлялся, держал себя в узде, однако природа уже взяла над ним власть и он не мог не думать об Альфе как о

желанной и единственной женщине, с которой ему хотелось бы быть навеки вместе. И всё же он смог бы устоять и не перейти черты, воли ему было не занимать.

И вот она сама разорвала его отстранённость и немоту, сама всё решила. О, небеса, где вы отыскиали это сокровище! По щеке Арбелина прокатились слезинка. Это были слёзы истомлённого одиночеством мыслителя, которого на склоне лет прихватило неожиданное счастье.

У Альфы тоже появились слезы. Молча ждала она, что ответит Учитель.

Арбелин открыл глаза, вытер слёзы:

– Я не слепой, Альфуша, я всё вижу. Но я терпеливый. Жизнь научила долготерпению. Учёному без этого невозможно. Уже почти полгода как я понял, что влюблён в тебя. Но разве мог я хоть одним движением это показать?

– А я чувствовала. Поэтому и говорю Вам – возьмите меня в жёны. Мне кроме Вас в этом мире никто не нужен. Только Вы. Я это поняла.

– Согласись, что для меня это так неожиданно, я не нахожу слов. Я знаю только одно – не надо спешить. Хорошо? Давай подумаем. Я боюсь. Я не хочу тебя терять. Мы должны заниматься наукой. Брак – это такая непредсказуемость! Страшно мне.

Альфа подошла к Арбелину, прижала его голову к груди:

– Не надо ничего бояться. Мы будем идти вместе и навсегда.

– Я старею, Альфуша, видишь, простудился на ровном месте.

– Вы будете жить до ста и дальше. Я буду Вас защищать от всех болезней и бед. Я Вам нужна, Юлиан Юрьевич. Лучшей жены, чем я, Вы во всём свете не найдёте.

Арбелин улыбнулся:

– Я искать и не собираюсь. Думал доживать в одиночестве.

– Но ведь вдвоём нам обоим будет легче и веселее. Будем смеяться и плясать.

– С тобой уж точно не соскучишься...

Арбелин недомогал и от волнения покрылся потом.

– Давай вот что сделаем. Мне что-то нездоровится, голова мутная. Это дня два-три. Отложим разговор и хорошенько всё взвесим. Потом сядем и как следует покумекаем. Чтобы не ошибиться.

– Юлиан Юрьевич, о чём Вы! Какая может быть ошибка, если мы друг друга любим? Или Вы меня не любите?

– Ты же моя несбывшаяся мечта. Люблю, люблю, Альфуша. И не могу, чёрт подери, остановиться. «Нет» не помогает. Но речь ведь идёт о браке. Любовь и брак – разные штуковины, как ни крути. Вот я о чём. Может стоит подождать, не торопиться с женитьбой?

То ли чутьё подсказало матери Альфы вынырнуть из Штатов и нагряться в Бург, то ли кто-то из подруг донёс ей об амурах дочери с Арбелиным, но, как бы там ни было, она появилась и позвонила Альфе. Мать есть мать, хоть и презренная шлюха. Альфа, согласилась увидеться.

Мать повезла её в «Три кита».

Исполнив ритуал женской болтовни о том о сём, она приступила к главному. Целью её появления было увезти дочь в Америку. Проект для этого, как она себе представляла, был просто идеален. В Штатах она подыскала Альфе выгодную партию, сорокалетнего миллионера с прекрасными перспективами, красавца и жизнелюба. Увидев фотографии Альфы, миллионер был очарован.

Мать начала оболыщение дочери с показа фотографии мачо.

– Посмотри на этого красавца. Правда хорош?

Альфа без всякого интереса глянула.

– Жеребец! Твой новый бойфренд? Вроде моложе тебя лет на десять.

– И не жеребец, и не бойфренд. А влюблённый в тебя американский миллионер. – обиженно проговорила мать.

– В меня?! Он? Откуда же он меня знает?

– Я ему твои фотографии показала.

В самых радужных красках мать расписала Альфе перспективы замужества и роскошной жизни на Западе.

Забавна была Альфе психология родной матери, совсем растворившейся в мире престижности и зависти.

– Голову на отсечение, мамочка, даю, ты с ним переспала. – усмехнулась Альфа.

Сконфузилась от неожиданного удара мать:

– Ну какое это имеет значение, Аля? Да и спала я с ним всего только два раза. Надо же было проверить. Вдруг импотент.

Совсем скучно стало Альфе:

– Мама, извини, но я уже другому отдана и буду век ему верна.

– Уж не за того ли учёного старика, с которым связалась? – вспыхнула мать, негодуя.

Хитра была мать Альфы, разузнала о теперешней жизни дочери.

Сдержала себя Альфа, только побледнела:

– Мама, я с ним наукой занимаюсь. Мне это интересно. И я его полюбила. Он гений.

– Горбатый гений! – язвительно хохотнула мама. – И наверняка уже импотент.

И это хамство матери Альфа стерпела. И даже повеселела:

– Скажи мне, мамуля, не знакома ли тебе фотомодель Инга Мигачёва?

Смешком встретила мать названное Альфой имя:

– Кто ж эту б.... не знает. А тебе откуда она известна?

– Увидишь если её, поинтересуйся, понравился ли ей горбатый гений.

– Неужто она и к нему в постель прыгнула? А ты стерпела?

– До меня прыгнула. Теперь отпрыгалась. – усмехнулась Альфа. И сказала чётко, не оставляя матери ни единого шанса продолжать беседу: – Извини, мне ужасно некогда. Желаю тебе всяческих успехов в твоей бурной жизни. Этому огурчику своему – она показала на фотографии мачо – передай физкультпривет.

Альфа встала и быстрым шагом ушла, покинув раскрасневшуюся от негодования и растерянности мать.

Отцу Альфа о встрече с матерью не сказала.

Мать больше не возникала.

Арбелин делал последние защитные усилия, попытку удержаться на краю бездны, куда его толкала Альфа. Он обязан был попытаться оставить всё как было: он и она – соратники, он учитель, она ученица. И обратился, как всегда делал в трудные минуты жизни, к великому своему учителю Льву Толстому. Быстро нашёл в его дневниках всплывший в памяти текст о трагизме брака и сделал закладку, чтобы дать его Альфе – в слабой надежде, что Лев Толстой её образумит и удержит от рокового для обоих шага.

Решил ухватиться за соломинку.

То, что дал Арбелин прочитать Альфе при встрече через два дня, было выдержкой из дневника Толстого от 13 октября 1899 года.

«1) Главная причина семейных несчастий та, что люди воспитаны в мысли, что брак дает счастье. К браку приманивает половое влечение, принимающее вид обещания, надежды на счастье, которое поддерживает общественное мнение и литература, но брак есть не только не счастье, но всегда страдание, которым человек платится за удовлетворение полового желания, страдание в виде неволи, рабства, пресыщения, отвращения, всякого рода духовных и физических пороков супруга, которые надо нести, – злоба, глупость, лживость, тщеславие, пьянство, лень, скупость, корыстолюбие, разврат – все пороки, которые нести особенно трудно не в себе, в другом, а страдать от них, как от своих, и такие же пороки физические, безобразие, нечистоплотность, вонь, раны, сумасшествие... и пр., которые еще труднее переносить не в себе. Все это, или хотя что-нибудь из этого, всегда будет, и нести приходится всякому тяжело. Главная причина этих страданий та, что *ожидается то, чего не бывает, а не ожидается того, что всегда бывает*. И потому избавление от этих страданий только в том, чтобы не ждать радостей, а ждать дурного, готовясь переносить его. Если ждешь пьянства, вони, отвратительных болезней, то упрямство, неправдивость, пьянство даже можно не то что простить, а не страдать и радоваться, что нет того, что могло бы быть, нет сумасшествия, рака и т. п. И тогда все доброе ценится».

Внимательно прочитав текст, Альфа помолчала.

Арбелин не торопил.

– Наверное так и есть... – Альфа посмотрела Арбелину в глаза, грустно улыбнулась. – Я ведь замужем не была, ничего не знаю... Заставляет задуматься.

– Старик прав, он сам через это прошёл и вокруг наблюдал. Секрет, Альфа, ведь в чём? В сочетании фасцинации и антифасцинации. Любовь, как мы с тобой уяснили, форма максимальной фасцинации, доходящей до фанатизма, до сумасшествия. Потому что неразделенной любви вешаются, бросаются из окон, травятся. Влюблённые никогда не убеждают «Я такой-то, обладаю такими-то замечательными качествами, поэтому ты меня должна или должен любить». Так ведь? Попробуй по такому сценарию действовать, смеху не оберёшься. Влюбляясь, человек запускает на полную катушку фасцинативные средства и приёмы, частенько жульничает, притворяется, действует как артист: прихорашивается, мило улыбается, подтягивает живот, делает модную причёску, сыплет компли-

ментами, всячески подлаживается к объекту любви. Разве не так? Превращается в павлина. Очаровали друг друга, выполнили положенный ритуал обольщения и бракосочетания, наутро начинаются проблемы. Выпивоха, притворявшийся трезвенником, припадает к водке. Лентяй, притворявшийся деловым и энергичным, дрыхнет до обеда. И так далее. А если он или она храпят? Альфа, я один выдающийся храп помню всю жизнь, начиная с тридцатилетнего возраста! На всю жизнь застрял! Сорок лет прошло, а содрогаюсь.

– Жена так храпела?! – удивилась Альфа.

– Это меня миновало, ни одна из жен храпом не пугала. Вот тётушка моя храпела будь здоров. А жёны – ни-ни. Я тогда докторскую диссертацию заканчивал, надо было текст на обсуждение дать. И немного подработать с литературой. Поехал в Москву, устроили меня в гостинице МГУ. Там, в двухместном номере, на портативной машинке я и допечатывал текст. И вот, на третий день моих трудов, подселили в мой номер соседа. Наступила ночь. И раздался его вселенский храп. Такого я не слышивал. Стены сотрясались. Да что я. Начали из соседних номеров стучать. По всему этажу его храп проникал сквозь стены и перегородки. Утром чуть ли не восстание на этаже устроили. Выселили храпуна. Но ведь он живой человек и чей-то муж и отец! А? С ума сойти. Или вот забавный пример. Я всю жизнь баловался тренингами и семинарами о партнёрском общении. На одном из них милая девушка поделилась своей бедой. Как примером антифасцинации. Её любимый муж, когда ест, чавкает. Рефлекс у него такой. И как только она на него не влияла! И каков результат, как ты думаешь?

– Перестал чавкать?

– Кабы так. Посмеивался и продолжал чавкать. И она его разлюбила. И ничего не подлаешь. Антифасцинация вызывает отвращение, при постоянном повторении отвращение гасит фасцинацию любования, без которой любви не бывает, начинается фасцинация ненависти. Так что Лев Николаевич – великий фасцинетик.

– Юлиан Юрьевич, я не чавкаю и не храплю. И если что-то Вам не понравится, я мгновенно исправлюсь.

– Альфа, я ведь Толстого только для того тебе дал, чтобы ты ещё раз как следует подумала. Вот одну из моих жён раздражало, что я всё время лежу. С точки зрения трудового кодекса я же надомник, работаю только дома. А работаю я как Пушкин или Лев Ландау, почти всегда лёжа. И не могу по-другому. Я в детстве лёжа запоем книги читал, сутками. Закрепилось в мозге. А её это раздражало, как говорит, ни посмотришь, ты всё лежишь и лежишь. А я действительно, лежу, то читаю, то пишу, и пишу тоже лёжа, а то, прикрыв глаза, фантазирую и размышляю. А со стороны – лентяй-лежебока, трутень. Для неё это была антифасцинация. Она даже опустила до обвинения: ты, говорит, не работаешь, а притворяешься.

– Грандиозная дура!

– Всё поняла?

– Понять поняла, но остаюсь при своём.

– Я так и знал! Ты с потрохами захвачена фасцинацией... – он, прищурясь, озорно посмотрел на Альфу. – Впрочем, и я тоже. Хорошо давай поженимся.

– Вы согласны? – Альфа восторженно хлопала в ладоши. – Согласны?

– Ну, я же не чурбан! Но поженимся по-другому, чем ты это себе представляешь.

Альфа недоумённо смотрела на Арбелина.

– По-другому... это как?

– Пойми меня, Альфуша, очень прошу. Мне семьдесят. Я прошёл через пять голгоф. Я не выдержу ещё одной.

– Её не будет, Юлиан Юрьевич! Клянусь!

– Клятвы в любви ничего не стоят. Извини, я их слышал пять раз. И даже угрозы покончить с собой.

– Не будет, не будет!

На глазах Альфы выступили слёзы.

– Не плачь... Ты же рационалистка, а не нюня. Давай всё обмозгуем, чтобы не обмшуриться. У нас с тобой фасцинетика и нам ведь идти рука об руку долгие годы... пока я жив буду.

Арбелин обнял Альфу и привлёк к себе. Она как ребёнок приникла к нему, зарылась лицом в грудь, всхлипывая.

Арбелин мягко отстранил её:

– Давай спокойно посидим и подумаем. Вытри слёзы.

Альфа достала платочек.

– По-другому – это пробный брак, прекрасное изобретение современности. Замена помолвки. Пробный, то есть дающий обоим сторонам время для притирки, для подгонки. Или для открытия несовместимости. Точь-в-точь по Льву Толстому. Он, кстати, Софью Андреевну, а ей было тогда восемнадцать, в первую же ночь про себя фарфоровой куклой обозвал, «не та» оказалась. И терпел потом до самого бегства из Ясной Поляны в 83-летнем возрасте. Нахлебался от неё.

Альфа женитьбу представляла себе иначе. В её голове давным-давно сложилась другая форма самозащиты, изобретенная людьми сотни лет назад и теперь забытая, – помолвка, год проверки избранника. Это и спасло её от ненадёжного альпиниста. Альфа лихорадочно думала. С Арбелиным помолвка отменялась. Но в её мозге она засела как некая модель предбрачного поведения. То, что предложил Арбелин, как бы накладывалось на эту модель, правда с существенным отличием: при помолвке она остаётся девственницей, пробный брак – это постель. Но и здесь Толстой прав, подумала Альфа, – вдруг «не то», вдруг Арбелин разочаруется в ней как в женщине и обзовёт фарфоровой куклой. О том, что и она может разочароваться, Альфа не думала по простой причине – никакого сексуального опыта у неё не было.

Арбелин молча ждал, понимая, что сейчас происходит у Альфы в голове. Он помнил о помолвке Альфы с пройдохой-альпинистом.

Альфа вдруг стремительно приникла к Арбелину:

– Да, да, я согласна. Пусть пробный брак. – она засмеялась. – Вот увидите, я Вас, Юлиан Юрьевич, не разочарую. У нас все будет как надо.

Отлегло на сердце у Арбелина. Он стиснул Альфу, потом поднял её голову, улыбнулся и нежно поцеловал.

Альфу обдало жаром. Она ответила так страстно и сладко, что у Арбелина чуть сердце не остановилось.

Он взял себя в руки, отстранил опять Альфу:

– Давай теперь обсудим детали.

Альфа округлила глаза, как бы вопрошая, «какие ещё могут быть детали?!»

Арбелин засмеялся счастливым смехом мужчины, которого полюбила восхитительная женщина-мечта:

– Детали совместной жизни. Как отнесётся к твоему решению папа? Он знает?

– Да, я ему сказала. Ты знаешь, что он сказал? А вдруг Юлиан Юрьевич откажется... Ой! – Альфа испуганно посмотрела на Арбелина, поймав себя на том, что сказала ему «ты».

Арбелин захохотал, поймав её «ты» и поняв «ой!».

– Можно, можно! Теперь только на «ты». А вот как ты будешь называть меня по имени?

Альфа ласково посмотрела ему в глаза:

– Можно «Юлик»?

– Тебе теперь всё можно, как придумаешь, так и называй. А при народе?

Альфа приняла серьёзный вид:

– При народе ты будешь «Вы, Юлиан Юрьевич».

– Запутаешься ведь.

– Не запутаюсь. Я же прожжённая рационалистка, у меня мозг всё вокруг держит под контролем.

– Это точно. Удивительная рационалистка, я это при первой же встрече определил. И как ты при таком мозге в меня влюбилась?!

– Это потому, что ты – сплошная и неодолимая фасцинация. В тебя невозможно не влюбиться. Ты – как магнит. Меня рядом с тобой колотит, а мозги вырubaются.

– Ладно, ладно, вырубаются... У всех бы так вырубались... Продолжим о деталях. Папа как отнесётся?

– Как я решила, так и отнесётся.

– Уверена?

– На сто процентов. Он тебя тоже любит. А мне желает счастья. А моё счастье – это ты.

– Очень логично. Только договоримся, спать в разных комнатах.

– Почему?!

– Я работаю до двух ночи, а то и до утра бывает. И в полном уединении. Привычка.

– Как скажешь. Но иногда...

– Иногда можно. – согласился Арбелин. – Свои носки и носовые платки стирать буду сам.

– Но я же умею стирать!

– Вот видишь, Толстой прав...

– Понято, будешь стирать сам.

– Питание моё будет аскетическое, вы с Денисом это видели.

– Принимается без звука! Я и сама такая.

– Я чихаю так, что дом трясет. В маму.

– Буду смеяться.

– Если я заболею, как было в новый год, надо будет меня немножко жалеть. Мне понравилось.

– Буду жалеть, заботиться и любить.

Альфа приникла к груди Арбелина и уже ничто не смогло бы её от него отстранить. Он и не пытался, бережно прижимая к себе и целуя её в макушку.

И наступил их праздник. И стали они мужем и женой. И узнала Альфа, как это удивительно сладко, стать женой любимого мужчины, с которым будешь делить все горести и радости жизни – до самого её конца.

Свадебного ритуала решили избежать. В фотостудии организовали небольшое застолье, пригласив папу, Дениса с Альбиной и Романа Кукуева. Вот и всё торжество.

Дня через три позвонила Инга:

– Соскучилась, Юлиан Юрьевич, жду приказа спасать.

– Приказа не будет, Инга. Я женился, а когда я женат, то абсолютно моногамен. Извини меня. Мне с тобой было хорошо.

– Кто эта счастливица, Юлиан Юрьевич?

– Альфа, моя сотрудница и ученица.

– Завидую ей. Что ж, раз приказано не появляться, повинуюсь. И буду о Вас помнить всю жизнь.

Расставание с Арбелиным прошло для Инги тяжело. Она снова ощутила себя страшно одинокой и покинутой в этом мире и впала в затяжную депрессию. Она мучительно искала выход и всё чаще подумывала сбежать из всесильной организации. Но как?

Спустя неделю вдруг позвонила из Москвы Наташа. Словно почувствовав на расстоянии перемену в жизни Арбелина, она снова перешла на «Вы». А узнав о женитьбе Арбелина, сказала об Альфе, хотя о её существовании не знала и никогда её не видела.

– Счастливая.

Часть тридцать первая

ФАСЦИНОФИКАЦИЯ ЧЕБАЧКА

Кисельчук креативно фонтанировал, придумывая новые и новые приманки к празднику. И вдруг вспомнил о юмористическом стихотворчестве своего научного наставника, под мудрым руководством которого стал кандидатом философских наук. Его научный руководитель, доктор наук, профессор, академик и заведующий кафедрой истории философии Ефим Арнольдович Лабутин имел любопытное пристрастие, веселившее весь философский факультет, особенно же студентов, – он сочинял смешные куплеты, за основу для которых взял песенку

медвежонка Вини-Пуха в знаменитом мультфильме: «на то оно и утро». Это стихотворчество превратилось у него в своеобразную зависимость и так его захватило с потрохами, что он выдавал ежедневно два-три стишка, которыми взахлёб делился с любым первым встречным на факультете, когда приходил на работу, будь то коллега-профессор, аспирант или студент. Новый куплет тут же с быстротой кометы проносился по факультету и все делились друг с другом новой выдумкой профессора.

«Это же находка! – воскликнул Кисельчук, – Куплеты про пиво, городской конкурс!» И помчался к Лабутину.

Всю сознательную жизнь Ефим Лабутин подвергал утрамбовке классическую немецкую философию, подвергая её марксистско-ленинской кастрации, и стал на этой мякине доктором философских наук, а недавно и академиком РАЕН.

Выбор свой в философской науке пугливый и осторожный от природы Ефим Лабутин сделал по принципу максимальной безопасности и надёжности. Занятие философией в СССР было делом небезопасным, философская когорта постоянно подвергалась идеологическим и антисемитским чисткам и головы летели исправно. Для еврея Ефима Лабутина, прекрасно понимающего, куда суётся, первым делом стало нащупать безопасную тематику. Магистрально безопасными были два направления: «руководящая и направляющая роль коммунистической партии» (в чём угодно – от международной политики до подъёма животноводства!) и «критика буржуазной философии», которая объявлялась априорно сплошь идеалистической, гнилой и враждебной марксизму-ленинизму. В этом втором безопасном направлении супербезопасным было подвергать кастрирующим манипуляциям классическую немецкую философию, особенно её столпов Гегеля и Канта. И тому было прекрасное основание, заложенное самим Марксом. Не кто иной как создатель марксизма объявил немецких философов своими классическими предшественниками, без которых ему было бы невозможно сделать качественный прыжок к высотам истинной и навсегда верной философии. Таким образом, Маркс оставил советской коммунистической философии завещание: немецких философов-классиков не только критиковать, как и сам он проделал, но уважать и любить, а особенно Гегеля, вооружившего его диалектикой, и Канта, с его агностицизмом и обширной материалистической научностью: как-никак, а именно Кант создал материалистическую гипотезу возникновения Вселенной. Тех, кто правильно понял завещание Маркса и любовно кастрировал немецких классиков и, кастрируя, выражал им почтение, коммунистическая партия никогда не трогала, а, напротив, поощряла и осыпала степенями и званиями. Вот Ефим Лабутин и присосался к Канту, и Кант его возвёл на олимпийские философские высоты и надёжно и исправно кормил всю жизнь. А поскольку был Иммануил Кант огромен и бесконечен, то и десяток жизней не хватило бы его обсасывать и кастрировать, что Ефим Лабутин и проделывал профессионально, достигая марксистско-ленинской эквилибристической бессмысленности. А кому нужен смысл? Если нужен, читай самого Канта.

Но был Лабутин достаточно умён, чтобы понимать бессмысленность манипулирования наследия гения, и потому всю жизнь его преследовал когнитивный диссонанс, взывающий к какой-нибудь отдушине для снятия душевного нравст-

венно-стрессового дискомфорта. И он нашёл даже не одну, а две отдушины, отлично подружившиеся в его черепе. На уровне идейности он натянул на себя личину интеллектуального фрондёрства и выставил на щит этакое показное почтение к Иосифу Виссарионовичу, когда положено было того ругать или хотя бы о нём молчать. В маленьком его домашнем кабинете над диваном висел огромный портрет Иосифа Виссарионовича в кителе генералиссимуса, а рядом – портрет поменьше, основателя философского факультета, философа-патриарха Михаила Руткевича. Получилось замечательное фрондирующее сочетание для восприятия любого, кого Лабутин приглашал в гости или по делу. Отлично дополнял эту идейную фронду залихватский ёрнический юмор куплетами Вини-Пуха и анекдотами собственного сочинения. Сталин, Вини-Пух и анекдоты создавали Ефиму Лабутину репутацию независимого оригинала и фрондёра, не страшасьегося никакого идеологического осуждения. Да и за что осуждать! Иммануил Кант, изящно им препарированный, был непробиваемой бронёй.

Уговаривать Лабутина не пришлось по двум причинам. Первая, конечно, страсть профессора к фрондёрской публичности своей креативности. А вторая исходила от другой не менее захватывающей зависимости – он любил пиво, даже точнее надо сказать – он обожал пиво всеми фибрами своего округлого тела сильнее женщины и секса. Впрочем, о сексуальности профессора говорить было бы уже трудно, так как к шестидесяти пяти годам он превратился в упитанного плотного колобка с пивным животиком, разросшимися, как у полненькой дамы, бёдрами и торчащими женскими грудками, являя собой классический образ хронического пивомана. Услышав от своего любимого ученика Костика предложение участвовать в городском юмористическом конкурсе «Чтобы не было вам дурно – надо пиво пить культурно!», стишки и пиво мгновенно соединились в его мозгу в зажигательный образ поющего про пиво Вини-Пуха и он весело загоготал от удовольствия:

– И печатать будешь?

– В газете «Вечерний Бург» дают четверть полосы под конкурс стихов и рисунков.

С «Вечерним Бургом» Кисельчук ещё о таком проекте не говорил, но был абсолютно уверен, что заглотят, тем более с главным редактором Митей Реутовым пиво пили вместе много-много раз.

– Завалю куплетами! – поощрительно засмеялся Лабутин.

Объявление конкурса было читателями «Вечернего Бурга» встречено с пониманием, тем более редакция сразу же обрушила на горожан песенку о пиве и пару куплетов Лабутина.

Тряхнул стариной академик Ефим Арнольдович Лабутин, сочинил не четверостишия, а целую поэму – весёлый гимн пиву. За что и получил первый приз – бочонок пива от Бургского пивзавода с двумя немецкими фирменными пивными кружками.

По плану в мае дан был Арбелиным старт запуска чебачка в пивные народные массы уже и с айвеселином. Пора было проверить, как действует айвеселин и как на него реагируют любители пива.

Кукуев вновь организовал продажу чебачков в двух пивных барах и нескольких ларьках.

И с быстротой молнии по городу разнёсся слух о чудодейственном веселящем чебачке, и его начали искать даже те, кто его ещё не видел и не пробовал.

Продавали десять дней. Этого хватило для возникновения ажиотажа. Эксперимент был успешен и продажу чебачков прекратили – до праздника.

Любители пива спрашивали в барах и ларьках:

– Чебачков нет? А когда появятся?

Рекламная кампания продолжалась и набирала обороты. На рекламных плакатах, щитах и в роликах на телевидении привлекал внимание бренд предстоящего праздника пива «Чтобы не было вам дурно – пиво надо пить культурно!» и подмигивающий озорной чебачок на банке пива.

В начале июня, за неделю до намеченного старта праздника пива Альфа попросилась в Москву.

– Юлик, мне надо срочно в Москву слетать, папе рекламный проект откорректировать с московским партнёром. Я же у него пиаром руковожу. Отпустишь? Всего на два дня.

– Какой разговор! Раз надо – лети. Но будь осторожна.

Альфа вернулась из столицы действительно через два дня.

И чуть не с порога обрушила на мужа сенсацию:

– А ты знаешь, что я в Москве учудила? Никогда не догадаешься. Я побывала на концерте Наташи Изумрудной.

– Наташи Изумрудной? Это кто такая? Пианистка?

Задорно засмеялась Альфа, продолжая разыгрывать Арбелина:

– Она, между прочим, считает тебя богом.

Резануло слух Арбелина слово «бог» и мгновенно память выплеснула ассоциацию «Ты – мой бог!»

– Наташу, которую я вылечил?!

– Вот именно. Она теперь Наташа Изумрудная, восходящая звезда, поёт, Юлик, божественно, а выглядит – ты сам знаешь как. Умопомрачительно! – Альфа картинно потупила глазки. – Я с ней познакомилась. Когда познакомились, она мне и сказала, что ты – Бог.

– Ну и жену подарили мне небеса! Тебя хоть из дома не выпускай. – шутливо проворчал Арбелин. – Ну-ка, давай посмотрим, какой я бог.

Он подошёл к зеркалу в прихожей и встал в горделивую позу:

– Не на бога я похож, а на горбатого чёрта с рогами!

Альфа прыгнула ему на шею:

– На колдуна ты похож! Но для Наташи ты – бог, так она сказала. Без тебя её не было бы. А теперь она – Наташа Изумрудная.

– Тоже мне выдумала... Изумрудная... Цыганский псевдоним.

– Не ворчи. Это же эстрада, а не опера. И он ей идёт. Она себе такой изумрудный прикид придумала – закачаешься.

– Что ж, вполне возможно. Надо увидеть.

– Да увидишь, увидишь... – с каким-то тайным смыслом произнесла Альфа. – Она же по стране гастрوليрует. Когда-нибудь и к нам заглянет.

За два дня до праздника решили запустить ещё один массовый экспериментальный вброс чебачков в пивных барах и ларьках.

Чебачки мгновенно раскупили.

Поточная линия штамповала их круглыми сутками. Миллион штук. И все с айвеселином. Веселись народ на полную катушку!

Накануне праздника Роман Кукуев собрал Санькину бригаду. Строго оглядев братву, сказал:

– Праздник пива – наш, пиво наше, чебачки наши. Надо так проконтролировать, чтобы всё в парке было как у немцев на празднике пива в Мюнхене. Чтобы ко мне и пивзаводу никаких претензий. После праздника за проявленную стойкость всем будет премия и оторвётесь с пивом и чебачками по полной. Рассредоточьтесь по всему парку по двое и наблюдайте, чтобы не было драк и каких-нибудь дикостей. Усмиряйте тихо.

Всё было справедливо, братва это признала и приняла.

– За дисциплину с тебя спрошу. – сказал Кукуев тихо и жутко, как он умел, Саньке Дубу.

– Всё будет о'кей. – ответил Санька. – Не впервой.

Действительно, разного рода охранные дежурства у бригады бывали и порядок всегда был чёткий. Это они умели.

Кукуев раздал всем небольшие круглые значки оранжевого цвета величиной с пятирублёвую монету с контуром рыбки в центре кружка. Их придумала и заказала Альфа специально для бригады.

– Значки прицепите на грудь, по ним вас будут узнавать менты. – разъяснил Кукуев: – С милицией я договорился, что мы им поможем. И чтоб ни капли в рот! Потом отопёетесь по полной.

Часть тридцать вторая

ВЕСЁЛОЕ ДРУЖЕЛЮБНОЕ БЕЗУМИЕ – КАК И БЫЛО ОБЕЩАНО!

И вот наступил тот исторический момент, о котором мечтала академия! Во вторую субботу июня, как заведено в России, пришёл в Бург День пивовара и в 10 часов утра был дан старт намеченному на этот день грандиозному празднику пива.

Длившаяся целый месяц красочная реклама, обещала горожанам не просто День пивовара, а грандиозный праздник. Народ праздника ждал.

День выдался как на заказ – ни облачка, плюс 22 градуса по Цельсию, лёгкий ветерок, сплошная летняя идиллия.

С утра бургцы повалили в парк в одиночку и группами.

У входа в парк их встречала разносившаяся из репродукторов бравая музыка.

Ровно в десять утра, как и запланировали, состоялся ритуал открытия праздника. В центре парка на эстраде появился мэр города с многочисленной свитой, в которой заняли скромное место и Роман Кукуев с директором пивзавода.

Мэр произнёс заготовленную короткую речь и поднял в конце её бутылку пива «Бургское Улётное».

– Поздравляю всех и желаю культурно повеселиться!

Столпившийся у эстрады народ ответил дружными одобрительными восклицаниями.

Красочные киоски с пивом, сладостями и чебачками размещались по всему парку, но две трети – в центральной части.

В центре парка рядом с танцплощадкой гроыхал духовой оркестр.

Сумели натянуть несколько больших палаток со столами и скамьями, сбитыми из толстых гладко обструганных досок. Палатки были метров по тридцать в длину, внутри их во всю длину располагались столы и скамьи – по обе стороны от каждого стола. В торцах палатки – киоски с пивом, сладостями и пакетиками чебачка. Удобно: купил и сядешь, наслаждайся пивком под дуновение ветерка.

Пиво в пределах парка решили продавать в два раза дешевле, чем в обычные дни, и только бургского пивзавода. Другое пиво запретили. Праздник-то бургского пивзавода, он организатор и хозяин, нечего лезть на халяву. Но если ты купил пиво в городе и пришёл с ним в парк, пожалуйста, присоединяйся, будь как дома, покупай чебачков и хоть упейся.

Пиво всегда даст о себе знать! Поэтому в дополнение к двум парковским туалетам установили десяток бесплатных биотуалетов.

Аттракционы, опять же, парковские, летние, были все проверены дирекцией парка и городской администрацией по приказу мэра на безопасность: смотровое колесо, карусели, самолёты, качели.

Добавили для веселья залезание по высоченному столбу за подарочной пивной кружкой, удары по наковальне и другие народные ярмарочные аттракционы.

Придумал Кисельчук и лотерею с выигрышем пяти бутылок пива и сотней чебачков. Лотерейные билеты стремительно раскупались.

Мэр в сопровождении свиты прогулялся по парку, убедился, что всё о'кей, зашёл в одну из палаток, выпил пивка, закусил чебачком и отбыл, веселея, из парка. Его приближённые рассказывали, что по дороге в свою загородную фазенду Михаил Аркадьевич пришёл в такое прекрасное расположение духа, что всю дорогу пел «Мурку».

И закутилось-завертелось народное гуляние под пиво с чебачком.

Поток в парк не иссякал и от часа к часу увеличивался. Народ ликовал.

К шести вечера чебачки закончились – миллиона не хватило, промазали Кукуев с академией.

Но тут, как по волшебству, когда ажиотаж пивоманов чебачки бургского пивзавода словно метлой вымел, настолько они мгновенно прониклись его прелестью, вдруг хлынули в парк новые чебачки, очень похожие, однако же отличающиеся по цвету – чуть светлее, с желтизной.

Роману новые чебачки показала братва:

– Какие-то они другие.

Роман сравнил и сразу уловил подделку.

Длинно шёпотом выругавшись, тотчас вызвонил Дениса, который прогуливался по парку, зорко наблюдая за действием чебачка, и они помчались к Арбелину.

Роман выложил на стол фальшивые чебачки:

– Юлиан Юрьевич, смотрите, уже пошла фальсификация. Что делать? – растерянно проговорил он. – Просчитались мы, надо было не миллион запускать, а два.

Арбелин взял в руку один чебачок, повертел, пригляделся к нему со всех сторон:

– Неплохо сумели подделать. Конечно, нашему уступает, но беды особой я не вижу.

– Как же! – воскликнул Денис. – Ведь завалят весь город. Удар по нашему бизнесу.

– Да хоть все города вокруг пусть завалят! – Арбелин усмехнулся, но не ехидно, и сказал жизнерадостно: – Это же пример того, что мы попали в десятку, добились ажиотажного спроса. Потребитель на чебачка подсел и кто-то это мгновенно просёк и решил заработать. Скорее всего, хитрые китайцы, они большие мастера подделывать всё на свете. Во Франции недавно два миллиона таблеток китайского поддельного аспирина изъяли. В таблетках нет ничего лечебного, только мел с глюкозой, плацебо, пустышки. И то хорошо – всё же безвредно. Где-нибудь сейчас в подвале штампуют и наши чебачки.

– Разведать кто и накрыть? – сказал Кукуев.

– Ну, поймать с поличным неплохо, чтобы убедиться, кто такой хитрец. Может и не китаец. Но это не к спеху, успеется. Хотя... подключите разведчиков, пусть выследят, откуда приносят.

Кукуев тотчас вызвонил Шиву:

– Николай Иванович, быстро ко мне. Я у Юлиана Юрьевича, во дворе жди. – и задал вопрос: – Юлиан Юрьевич, а как быть сейчас с нашими чебачками?

– Вы же, Роман, гениальный организатор. Дайте прямо сейчас, отсюда, команду штамповать чебачки непрерывно. Все данные, включая подделку, говорят мне о том, что праздник сегодня не закончится и народ будет пить и плясать ещё два-три дня, пока не иссякнет действие айвеселина и плацебо.

Денис обеспокоенно сказал:

– Юлиан Юрьевич, но у меня айвеселина осталось всего с полкилограмма. Весь ушёл.

Арбелин улыбнулся:

– И прекрасно! Эти полкилограмма постарайся распределить по минимуму, по 0,05 миллиграмма, по чуть-чуть. Этого будет теперь вполне достаточно. Айвеселин свою функцию исполнил максимально хорошо, показал, насколько чудесно fasciniрует психику человека. Нам ведь надо было узнать его действие в массовом масштабе и устроить с его помощью научный факт всёёлой массовой fascinations. Друзья мои, результат эксперимента превзошёл все мои предположения. Город погрузился в радостное благодушное веселье, как я увидел в теле-новостях. И на этом мы добавку айвеселина в чебачки прекращаем.

Для Кукуева такой поворот прозвучал, как удар грома в ясном небе.

– Совсем-совсем? – растерянно спросил он Арбелина.

– Абсолютно! – ответил Арбелин. – Чебачок, Роман, закуска к пиву, а не лекарство от уныния и депрессии. Он народу понравился. Его теперь будут без айвеселина покупать. Хоть по всей России.

Отлегло немного, но до конца ход мысли Арбелина Кукуев ещё не понял. Как и Денис.

Арбелин разъяснил:

– Айвеселин задуман как пептидный стимулятор хорошего настроения для снятия напряжённости, апатии, грусти и ипохондрии. И я предполагаю, что он сможет вытеснять депрессивные состояния. Но нужны клинические исследования. Этим мы с Петровым и займёмся. И это будет выход на изобретение лекарства «айвеселин» с вселенским фармакологическим рынком. Помните, я вам говорил об этом?

Денис с Кукуевым кивнули. До них начало доходить.

Арбелин продолжил разъяснение:

– Это займёт какое-то время, фармакология дело тонкое, почти как Восток. Но без исследований и клинических проверок нас на рынок никто не пустит. И в то же время без соответствующего разрешения применять айвеселин опасно, в конце-концов, хотя сейчас айвеселин не выявляется, как сказал профессор Петров, всё же научатся рано или поздно выявлять, застукают и привлекут. Зачем рисковать, когда в руках такой бизнес? Надо просто-напросто раскручивать теперь чебачок, создать ему всероссийскую рекламу, быстренько запатентовать его как закуску к пиву и его образ, чтобы любого фальсификатора можно было прижучить в суде. – он задорно засмеялся. – Тогда, Роман, фальсификаторы сами к Вам побегут договариваться. Они ведь как тараканы, во всех щелях. Теперь их уже не остановить. Нам надо идти на опережение. Конкуренция, господа, конкуренция! Необходимо опережение.

– Точно! – восхитился Кукуев. – Это же бизнес!

Он вызволил Баранова и дал распоряжение собрать немедленно ночную смену на хлебокомбинате и запустить на полную мощь линию по штамповке чебачка.

– Чтoб к утру был миллион штук! – приказал он. И повернувшись к Арбелину, сказал: – После праздника сразу запущу регистрацию чебачка!

– Правильно, теперь не следует мешкать, стремительно вперёд! И двигать чебачок на всю Россию. Да и в Европу. Где пива много пьют? В Германии?

– И в Чехии, Италии, Бельгии, Англии... – начал перечислять Денис.

– Да во всё мире! – засмеялся Кукуев.

– Вот на весь мир и накиньте сеть чебачка к пиву. Это стратегия! Продукт-то лёгкий, красивый и захватывающий. И кроме нас рецепта никто не знает. Как у кока-колы. Кроме айвеселина в него Денис добавил целый вкусовой букет, он же воспринимается вкусовыми рецепторами как настоящий вяленый чебак. Роман, начинайте думать, как завоевать Европу. И не мешкайте, фальсификаторы народ ушлый, обгонят, потом доказывай, что ты не верблюд.

– Замётано! – со всей серьёзностью произнёс Кукуев, с восхищением взирая на Арбелина. Арбелин дарил ему вселенский бизнес с миллиардными доходами. Он мгновенно перемножил в голове десять чебачков в день на миллиарды пьющих ежедневно пиво на земном шаре, а затем на 365 дней в году. Мозг затрещал от астрономической цифры. – Рванём в Европу! Через Израиль. У меня там мама.

Арбелин удовлетворённо потирал руки.

Альфа, всё это время, умилённо взирающая на мужа и слушавшая разговор, напомнила Арбелину:

– Юлиан Юрьевич, пора, мы же собирались в парк съездить.

Альбина, которая с утра была у Альфы, добавила:

– Так хочется посмотреть!

– Да, да, – откликнулся Арбелин, – надо своими глазами вблизи посмотреть...

– Я подвезу. – предложил Кукуев.

– Нет, нет, мы поедem на своей. Нам же потом домой через весь город.

– Тогда мы с вами. – сказал Денис.

Увидев, что Альфа приделась в чёрный брючный костюмчик и не взяла тросточку, Арбелин удивился:

– Тросточку оставляешь дома?! Не рисковано?

Альфа нежно ему улыбнулась:

– Пора переходить к прямохождению.

Во дворе Кукуева ждал верный Шива. Кукуев объяснил ему задачу:

– Выследи этих хе...ху...ха...хы...хо...в. – длинно и смачно назвал фальсификаторов Кукуев. – Но не бей. Потом с ними разберёмся. Пусть пока порезвятся.

– Да, Роман, вот ещё что. – сказал Арбелин. – Предполагаю, что раз не хватило чебачков, не хватит и пива. Завтра начнётся дефицит и это плохо.

Кукуев не на шутку растерялся. Информации о нехватке пива пока у него не было. Но день ещё не кончился и он сразу осознал, что Арбелин прав:

– Сейчас дам приказ, чтобы ночь работали. – сказал он и вызвонил директора пивзавода: – Кирилл, проблема такая – пива может не хватить. Не останавливай линию, пусть вкалывают ночь. Премия будет.

Директор что-то говорил и Кукуев мобильник не отключал:

– Молоток! Двигай. Премия заработал.

Он отключил мобильник и, не скрывая гордости, произнёс:

– Оказывается, он сам догадался. Вот это кадр!

– Я бы, Роман, подстраховался на Вашем месте. – предложил Арбелин. – Вдруг будет такой ажиотаж, что народ всю вашу продукцию сметёт. Договоритесь с конкурентами, пускай продают своё пиво в парке. Это только добавит чебачку славы. А Вам – прибыли.

– Вы, Юлиан Юрьевич, не только гениальный учёный, но и гениальный маркетолог. – Кукуев улыбнулся. – Замётано! Договорюсь с парочкой фирм, они перед праздником просились, да я отказал.

Сели в машины и помчались в парк.

Праздник достиг кульминации, к семи вечера в парке и окрестных кварталах Бурга творилось уже нечто невообразимое по масштабам весёлости и радостного оптимизма. Казалось, даже воздух был наэлектризован неведомой энергией бодрого жизнерадостного энтузиазма и в нём посвёркивали искорки электрических разрядов.

Ляушин пиво любил и ноги к вечеру, когда дневная жара схлынула, сами принесли его в парк. «Мерседеса» теперь у него не было, приходилось пользоваться общественным транспортом и пешим ходом.

Праздник был в разгаре, пивом накачали себя все без исключения, чебачки тоже испробовали и оценили все, наступило всеобщее благодушие и веселье – ни малейшего намёка на агрессивность и грубость. Опытный глаз Ляушина это сразу отметил и решил приобщиться. Что ему теперь, он же не на службе, его вышвырнули как котёнка! Купил пару банок пива и пакетик чебачков. И через полчаса уже тихонько смеялся вместе со всеми и готов был плясать. И понял: шайка-лейка совершила-таки диверсию. Но диверсия его изумила – пока ничего опасного, а от благодушия и веселья кому бывает плохо. Свёл-таки креатин Бург с ума!

Народ был благодушен и счастлив. Ко всеобщей карнавальной весёлости, само собой разумеется, добавилась и гиперсексуальность, проявляемая во всех её формах, в зависимости от уровня темперамента исполнителей. Одни только нежно касались друг друга, других потянуло на объятия с поцелуями, а кое-кто умудрялся спрятаться с глаз в кусты, чтобы оторваться по полной.

Ляушин одинок, ни единого приятеля, немного всё же грустновато. «Прогуляюсь-ка я по парку, поглазею на народ», – решил он.

Но что это? В закоулке парка, куда он машинально забрёл, навстречу ему по аллее мчался небольшого роста бородатый голый мужичок на коротеньких толстых ножках при изрядном брюхе и с перекошенным от страха лицом. Вслед за ним метрах в пятнадцати бежал огромный, тоже бородатый, мужик, но одетый. В правой руке у него болтались штаны, должно быть с оголённого, и он, скорее всего, намеревался его догнать и приодеть.

Ляушин остановился. Мужичок бежал явно к нему и, подбежав, умоляюще проговорил, еле дыша: «Спасите!».

Ляушин мгновенно узнал подбежавшего – по лицу, естественно. Круглое лоснящееся лицо в обрамлении рыжей бородки принадлежало Константину Кисельчуку. Кисельчук же, в свою очередь, уже издали узнал Ляушина, – не раз видел его в ФСБ, куда частенько наведывался к полковнику Гаргалину с доносами на коллег, –

и обрадовался спасению: он знал, что тот, кто гнался за ним, будет жесток. О том же, что Ляушин в ФСБ уже никто, информация до Кисельчука ещё не дошла.

Польщённый оказанным ему доверием, Ляушин принял стойку, загородив Кисельчука.

Подбежавший преследователь тоже знал Ляушина и потому остановился, как вкопанный. Глаза его сверкали яростью и лицо, тоже рыжее и бородатое, исходило готовностью к безжалостной расправе. Ляушин и этого узнал, да и как не узнать, если его физиономия не слезает с экранов местных телеканалов. Это был знаменитый в Бурге пиарщик, Вадим Витальев, служивший при губернаторе и славившийся непотопляемостью и готовностью уже завтра доказывать, что бывшее вчера белым и пушистым, сегодня стало чёрным и ершистым. И наоборот, если надо, – софистикой он владел филигранно.

О причинах разыгравшейся на глазах Ляушина неординарной сцены можно было строить какие угодно догадки.

– В чём дело? – строго рявкнул Ляушин, как делал в недавние ещё времена.

Витальев в приступе гневной захваченности, потеряв от ярости контроль над собой, выпалил:

– Эта скотина, – он кивнул на прижавшегося к Ляушину Кисельчука, – в кустах с каким-то таджиком любовью занялся! Вот, – он потряс штанами, – вещественное доказательство!

Витальев с презрением бросил брюки в лицо Кисельчуку. Тот быстро-быстро схватил их и натянул.

Великий знаток человеческих сексуальных пороков Ляушин понял, что стал свидетелем гейской разборки.:

– Ну вы, мужики, даёте! – расхохотался он. – Другого места не нашли? А ну быстро миритесь и валите отсюда.

Кисельчук, готовый вылизать прощение, умоляюще посмотрел на своего могучего бойфренда. Он и в самом деле был виноват.

Всё этот чебачок, будь он неладен!

Денис по ошибке дал ему на пробу десяток чебачков с айвеселином из той порции, которую заготовил для Саньки Дуба. Тонкая сексуальная чувственность Кисельчука уловила воздействие пептидов весёлости с такой максимальной отдачей, что у него к нахлынувшему блаженству случилась ещё и оглушившая его до селезёнок сладкая поллюция. С первой же пробы закрепилась в лимбической системе Кисельчука неведомая ему ранее сексуальная зависимость. Кто бы мог подумать – сразу два наслаждения в единстве: пиво и оргазм. Чудо! «Ооооооооооо», – простонал он конвульсивно, и с тех дней выклиничивал у Дениса чебачков с айвеселином. Плацебо на него не действовало, он сразу раскусил различие. «Ты, Денис, не жадничай, я же свой, дай мне тех... весёлых», – убеждал он подобострастно Дениса, сразу осознав, кто автор чебачка.

Денис понял, что допустил халатность и в суете не отследил пакетики. Делать было нечего, он стал давать пиарщику пакетики с айвеселином, предупредив шёпотом:

– Это только для внутреннего употребления. Кукуеву не говори – голову оторвёт.

Кисельчук о возможностях Кукуева оторвать голову был прекрасно осведомлён и потому прижал язык. Да и что такого, если об этой сладостной прелести не будет знать тот же Гаргалин. От чудодейственного чебачка он уже не мог отказаться ни за какие страхи и коврижки. И вот в эйфории празднества, своим магическим крылом коснувшегося и его, он отбросил тормоза, приник к любимому напитку, одного за другим бросил в рот пять чебачков, и погрузился в ставшее ему привычным блаженство; а рядом за столом в пивной палатке расположился приятный во всех отношениях улыбчивый таджик, по двум-трём изгибам тела которого Кисельчук мгновенно, как это произошло с графом и дворецким в знаменитом романе Марселя Пруста, распознал собрата. А любимого Вадика не было, хотя и договаривались о встрече в парке. Дальше было, как говорят в подобных ситуациях, дело техники. Свершилось коварство фасцинации: она отключила цензуру разума и рациональности и бросила талантливого пиарщика в объятия немытого гастарбайтера, наделённого той же ориентацией.

Вадим Витальев пришёл с опозданием, огляделся, выпил банку пива, закусил чебачком, ощутил прилив весёлой бодрости и с энтузиазмом ринулся искать Костика. Тревога разрасталась. Куда он запропастился? Набрёл на шевеление в кустах, раздвинул, ради любопытства, ветки и обомлел от открывшейся ему картины позора: какой-то смуглый мужик страстно обнимал его возлюбленного Костика! Это было такое унижение, какого невозможно представить ни одному нормальному герою. Витальев схватил мужика и что есть силы вмазал ему кулаком в скулу, завалив в кусты. Схватить Костика не успел, тот проворно вынырнул из-под него и помчался прочь, зная точно, что расправа будет безжалостна.

Был Константин Кисельчук перед Вадимом Витальевым на сто процентов виноват. Подлая измена их лучезарной, длящейся уже три года любви.

Отрезвляющие слова Ляушина произвели действие, Витальев утих.

Спустя минуту, отойдя от Ляушина в сторону и перекинувшись понятными только им двоим фразами, они взялись за руки и пошли в сторону пивных палаток – залить недоразумение.

Ляушин, смачно ругнувшись, продолжил прогулку.

Часть тридцать третья

НАТАША ИЗУМРУДНАЯ, ТУМ-БАЛАЛАЙКА, СМЕРТЬ САНЬКИ ДУБА И ТРИУМФ ЭКСПЕРИМЕНТА АРБЕЛИНА

Вовсю разогрелся очередной духовой оркестр – военный, щёки оркестрантов пылали, глаза сверкали. Они перешли к бравурным маршам и в воздухе гремела «Прощание славянки».

К эстраде подъехал автобус и из него на сцену стали выносить музыкальные инструменты и цветосветовое оборудование. Немногочисленная труппа высыпа-

ла из автобуса и с нескрываемым интересом оглядывала происходящее, улавливая настроение публики и настраиваясь на эмоциональную синхронность с ней.

Под жизнерадостные марши духового оркестра, который гроыхал неподалеку, возле танцплощадки, всё установили на сцене очень быстро. Сели за инструменты, настроились.

И вот раздалась первые аккорды и мгновенно смолк духовой оркестр – администратор парка дал им сигнал.

Народ наострил уши – зазвучало необычно, прибывший ансамбль играл профессионально и начало было интригующим.

Зазвучала великая мелодия бесамэ мучо.

Но ни певец, ни певица ещё не появились, и это тоже привлекло внимание, стали переглядываться – кто же выйдет на сцену.

И вот тут из автобуса вышла и поднялась на сцену столь эффектная исполнительница, что в праздничной толпе прокатилась волна восторженного вздоха. Она выглядела как роскошная черноволосая латиноамериканка, эффектная, темпераментная, гибкая.

Это была Наташа Изумрудная, восходящая звезда эстрады, о которой в Бурге пока мало кто знал.

А когда она повернулась к публике и начала петь, все замерли.

Бархатный грудной голос её был столь же божествен, как и внешний вид. Перед народом стояла очаровательнейшая латиноамериканская колдунья и в её устах бесамэ мучо звучало как гимн, как призыв к любви.

Это была любимая песня и мелодия Арбелина. Он впился глазами в певицу.

– Кто это? – спросил он Альфу, которая крепко сжимала его руку. – Откуда?

Как словами передать всё то, что начало твориться в парке и городе с этой минуты? Тут нужен бы мощный видеокомплекс, который всё это фиксировал и показывал. Впрочем, один из местных телеканалов, будто кем-то оповещённый о предстоящем чуде, прислал операторов и они установили камеру. Но всего один!

Если с утра под действием пива, айвеселина и прекрасной погоды поведение нахлынувших в парк масс напоминало скорее хаотичное броуновское движение молекул, то теперь наступило время какой-то стихийной, но в то же время всё более слаженной сингергетики – молекулы стали объединяться в группки и группы.

«Бесаме, бесаме мучо», разрывал пространство парка чарующий грудной голос, захватывающий слушающих до глубин души. Остановилось всё, пивоманы отставили банки и бутылки и впались восхищёнными глазами в сексапильную блистательную певицу, сумевшую слиться с гениальной песней.

Подтанцовка из двух пар подчёркивала ритм песни, но не выделялась, а дополняла только роль скромного ненавязчивого фона.

– Боже мой, вот бы записать. Впервые слышу такое исполнение. – сказал Арбелин, чуть ли не впадая в транс от волшебного голоса певицы.

Альфа отреагировала странно:

– Ещё запишем, успеем. – сказала она шёпотом.

Арбелин хоть и услышал, но, упиваясь исполнением, не придавал значения её словам.

Восторженная толпа прибывала. Уже были заняты все скамейки перед эстрадой и образовалось разрастающееся кольцо вокруг них, заполняя всю площадь, примыкающую к эстраде.

– Подойдём поближе к сцене. – попросила Альфа и потянула Арбелина за руку. За ними последовали и Денис с Альбиной.

Они подошли почти вплотную к эстраде.

Певица порывисто обратила взор к нему, будто именно ему пела «обними и целуй меня крепче». Искорка догадки мелькнула в мозгу, но тут же и погасла, отторгнутая восприятием песни и чудного голоса. Арбелин пения Наташи никогда не слышал, а выглядела она жгучей брюнеткой в латиноамериканском наряде – неузнаваемо.

Альфа загадочно улыбалась.

И вот, когда песня подошла к концу, прозвучали последние аккорды и раздался шквал восторженных аплодисментов и возгласов «Бис!», произошло у всех на глазах невообразимое перевоплощение певицы и всего ансамбля. Ещё звучал в ушах последний звук мелодии бесаме мучо, а уже загремела, доставая до неба, другая мелодия, гениально ритмичная, узнаваемая, никогда и ни в одной стране мира не оставляющая никого равнодушным. Сразу, без паузы и перехода – «тум-балалайка!». Уже этот контраст вздёрнул так, что кто-то отключился и пришлось поднимать его или её на скамейку. Но это ещё цветочки! Латиноамериканка, повернувшись спиной к публике и картинно покачивая бёдрами, двинулась к оркестрантам, на ходу сбрасывая с себя парик и платье, а когда подошла вплотную к скрипачу и, крутнувшись на каблуках, резко повернулась к народу, раздался вздох восторга: на сцене явила себя не менее прекрасная, чем только что латиноамериканка, ещё более ослепительная белокурая бестия с совершенно роскошными формами, тонкой талией, точёными ножками и сверкающими фиалковыми глазами колдуньи в лёгком, алого цвета платьице. И эта обворожительная бестия, опять же без паузы и перехода, запела «тум-бала, тум-бала, тум балалайка...», оркестранты лихо задвигались в такт ритму, а подтанцовка столь темпераментно запустила невероятные курбеты, что получился не контраст даже, а некое ошеломляющее магическое зомбирование и, на секунду оцепенев, вся площадь включилась в этот экспансивный ритм.

*Думает парень всю ночь напролёт,
Ту ли девчонку он в жёны берёт.
Можно влюбиться и ошибиться,
Ах, если б правду знать наперёд!
Можно влюбиться и ошибиться,
Ах, если б правду знать наперёд!*

После второго куплета публика уже хором, причём слаженно, голосила припев вместе с ансамблем:

*Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка
Тум-бала, тум-бала, тум-балала,*

*Тум-балалайка, сердцу сыграй-ка
Пусть веселится вместе с тобой!*

Арбелин закрыл глаза. Он узнал Наташу, спасённую им лаборантку Наташеньку Нестерову, о которой так увлечённо рассказывал на круглом столе физик Невпопад.

Он ничего не сказал.

Альфа крепко сжимала его руку.

Тум-балала! – гремело над парком.

Песня закончилась. Все сидящие повскакали со скамеек и вместе с подсобравшимися уже не менее чем до двух, а то и больше, тысяч человек, устроили овацию, что означало, само собой разумеется, призыв к исполнителям повторить.

И снова закрутилась ещё стремительнее подтанцовка, а Наташа вдруг сменила пластику с сентиментально-лирической на иронично-шуточную, задорную и даже выдала чечётку.

И запела совсем другие слова, внезапные и, что называется, «в тему»: ведь все, кто её слушал, праздновали сегодня День пивовара, пили с наслаждением пиво «Бургское Улётное» и закусывали чебачком! И Наташин голос соединился со словами про пиво и чебачок!

*Где же ты, где же ты, где же, мой милый,
Я сбилась с ног – потеряла тебя.
Я ж тебе, милый, пива купила
И кое-что ещё для тебя.
Я ж тебе, милый, пива купила
И кое-что ещё для тебя.*

Наташа приставив ладонь козырьком ко лбу, выискивала «потерявшегося милого». По рядам прокатился весёлый смех, послышались возгласы одобрения, а какая-то девица крикнула «Эй, где ты?»

А как только куплет перешёл в припев, праздничная толпа услышала изменённые Наташей и слова припева:

*Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка
Тум-бала, тум-бала, тум-балала,
В день пивовара песню сыграй-ка,
Пусть веселится и пляшет народ!*

Слова эти всех невероятно развеселили и пришлось припев повторить уже вместе с народом.

Второй куплет и вовсе разогрел публику. Наташа изобразила некую панику, продолжая выискивать «милого»:

*Жду тебя, жду тебя, жду тебя, милый,
Я же купила не для себя.*

*Ты отгадай-ка, ну отгадай-ка,
Что я купила ещё для тебя.
Ты отгадай-ка, ну отгадай-ка,
Что я купила ещё для тебя.*

Развесёлая публика грянула ещё мощнее:

*Тумбала, тум-бала, тум-балалайка
Тум-бала, тум-бала, тум-балала,
В день пивовара песню сыграй-ка,
Пусть веселится и пляшет народ!*

И вот когда настала очередь третьего куплета, на сцене произошёл новый ошеломительный трюк.

Альфа, пока гремел припев, наклонилась, произвела какие-то манипуляции над сумочкой, потом, не глядя на Арбелина, сунула её ему, шепнула:

– Юлик, смотри, что будет. – и оторвалась от него, выскочив на сцену.

А как раз настал миг начала нового куплета.

Выскочившая на сцену Альфа была в чёрном брючном костюмчике, а на верхней губе у неё красовались чёрные усики. Это был мужчина, юнец! Её светло-каштановая короткая стрижка подчёркивала мужской карнавальный образ.

Арбелин, ничего не соображая и зажав в руке сумочку Альфы, наблюдал, как загипнотизированный, за происходящим.

Альфа более низким, чем у Наташи, голосом запела не менее восхитительно:

*Ты мне купила «Бургского» пива,
К пиву купила семь чебачков.
Как хорошо, что ты пива купила!
Ай молодчина – и семь чебачков!*

Наташа, изобразившая бурную радость от появления «милого», подхватила и они вместе под овации закончили куплет:

*Как хорошо, что ты пива купила!
Ай молодчина – и семь чебачков!*

А закончив куплет, обе запустили восхитительную чечётку под припев, который восторженно пел ансамбль и вся публика:

*Тумбала, тум-бала, тум-балалайка
Тум-бала, тум-бала, тум-балала,
В день пивовара песню сыграй-ка,
Пусть веселится и пляшет народ!*

Последний куплет по-новому звучащей песни Наташа и Альфа пели вместе, образуя столь удивительный по пластике и созвучию дуэт, что публика уже бесновалась от восторга.

*Ты же, мой милый, самый любимый,
Самый любимый мой чудачок.
Ты мой любимый – самый красивый,
Ты и, конечно же, наш чебачок!
Ты мой любимый – самый красивый,
Ты и, конечно же, наш чебачок!*

И тысячеголосый припев накрыл весь город:

*Тумбала, тум-бала, тум-балалайка
Тум-бала, тум-бала, тум-балала,
В день пивовара песню сыграй-ка,
Пусть веселится и пляшет народ!
В день пивовара песню сыграй-ка,
Пусть веселится и пляшет народ!*

По лицу сентиментального Учителя текли слёзы. Плакала и Альбина, прижавшись к Денису. Посмотрела на него:

– Я умру.

Она мысленно была там, на сцене, пела и танцевала вместе с Альфой...

Пока ансамбль исполнял куплет за куплетом, потом ещё и ещё раз повторял всю песню о пиве и чебачке, вокруг эстрады происходили любопытные метаморфозы.

Молодёжь группками принялась пританцовывать – кто во что горазд! – и в этот танцующий водоворот втягивались всё новые и новые группки.

Вдруг, как с неба свалился казачий самодетельный танцевальный ансамбль. Видимо, наступило время выступить по сценарию праздника, а наткнулся на занятую эстраду. Красочно разодетые казаки и казачки, однако же не расстроились такой неожиданности, а устроили возле эстрады свою подтанцовку к тумбалалайке, да так славно, с таким юморком, что это только добавляло очарования во всеобщее веселье.

Появился откуда-то аккордеонист, очевидно тоже приглашённый профессионал, и так мастерски подыграл ансамблю, что вызвал аплодисменты.

В разгар повторов, подстроились и подошедшие к эстраде духовики. Они были профессионалами как-никак, всё мгновенно поняли и каждый из них внёс в музыкальную аранжировку струю своего инструмента, причём очень гармонично: вывел точно и звонко мелодию трубач, за ним исполнил соло саксофонист. Это тоже добавляло прелести, вносило изюминку в композицию тумбалалайки.

Народ преобразился. Люди уже не внимали каждый сам по себе, их захватила волна синергетического единения, они взялись за руки, образовали цепочки и в такт музыке начали раскачиваться – точь-в-точь как немцы на их знаменитом на весь мир пивном празднике Октоберфест в Мюнхене.

Раскачивались и пели припев все, кто собрался на площади, а это все те, кто пришёл к этому часу в парк – уже тысячи! Присоединились и наши герои: Костя с Вадиком, мрачный Ляушин, трезвая как стёклышки, братва, нахлопавшийся Санька Дуб, Вася Тажханов, большой любитель пивка Пётр Замошкин с юной женой, Яша Вьюгин с такими же, как он, циничными друзьями-журналлогами, и многие-многие другие. Всех сплотили в добрую, весёлую, самозабвенно поющую тысячеголосую массу чарующие голоса Наташи с Альфой, и колдовской ритм тум-балалайки.

И парк ведь был в городе – не за непроницаемой стеной. Уже когда громыхнул первый припев «тум-балала», близлежащие городские кварталы встрепетались и наострили уши. К концу песни про пиво и чебачок припев уже сотрясал всё пространство в округе, и первыми его подхватили опять же близлежащие кварталы, а от них, как в эффекте домино или кругами по воде от брошенного камня, волны восторженного «тум-балала» покатились по всему Бургу от края до края, достигнув самых последних домов на окраинах.

К этому добавилась ещё одна волна – невидимая, но столь же массовая. Телеканал, который наострил камеру в парке, был самый популярный и смотримый в городе, а руководство его мгновенно сообразило, что надо запустить прямую трансляцию, – ведь городской праздник! – так что значительная часть Бурга и окрестностей увидела совершающееся в парке весёлое безумие, и все, кто смотрел телевизор, включились в массовый психоз припева, отплясывая в квартирах тум-балала, да так, что некоторые дома сотрясались.

Город накрыло цунами весёлости и восторга.

Когда «пивную» тум-балалайку пропели десятый раз, Арбелин вдруг вспомнил, как нечто подобное произошло на концерте удивительной певицы Александра Стрельченко в далёком 1982 или 83 году в Большом кремлёвском дворце. Он видел это по телевизору и на всю жизнь запомнил. Александра Стрельченко в сопровождении такого же, как у Наташи, небольшого инструментального ансамбля, божественно спела «По муромской дороге стояли три сосны...». Эффект был взрывной, весь зал вскочил с кресел и начались безудержные овации под вскрики «бис». Двадцать раз подряд пела Александра Стрельченко. Публика слушала стоя и, как только песня заканчивалась, вновь гремели овации. Двадцать раз!

И вот когда Наташа с Альфой спели в двадцатый раз, обе они и ансамбль вмиг прервали исполнение и от такой неожиданной концовки публика растерянно смолкла.

А Наташа улыбнулась и произнесла:

– Друзья! Мы немного утомились. На сегодня хватит, продолжим завтра. В два часа дня.

Толпа постепенно, с печатью блаженства на лицах, начала рассасываться: кто ещё побродить по парку, кто по домам. Было уже как-никак десять часов вечера!

Наташа подошла к Арбелину и порывисто приникла к нему.

– Спасибо, что позвали меня. Я этого никогда не забуду.

Арбелин всё понял: это проказница Альфа сгоняла в Москву специально за Наташей, да ещё и придумала, будто он её позвал.

– И песню ты сочинила? – спросил он, иронично посмотрев на жену.

– Я... – картинно потупила глазки Альфа.

Наташа засмеялась:

– Альфа гениальный сценарист и режиссёр. Это ведь она всё до мелочей выдумала. И мы отрепетировали. Мои парни от неё в восторге и хотели сагитировать к нам в ансамбль.

– Не отпускай! – засмеялся Арбелин и прижал Альфу к себе. – А ты, Наташа, бесподобна. Мы с Альфой теперь твои фанаты. Представляю, какое будет столпотворение завтра.

– Да. – подтвердила Наташа. – Из Москвы несколько телеканалов прилетит, уже звонили. Это всё благодаря Альфе. А песню наверное весь мир запоёт.

– На пивных праздниках уж точно. – согласился Арбелин.

– А чебачков мне дадите?

Арбелин посмотрел на Дениса:

– Дадим великой певице Наташе Изумрудной?

– Юлиан Юрьевич, зачем спрашиваете? Сколько скажете, столько и дадим.

Наташа рассмеялась:

– Нам в Москве Альфа немножко дала. Так мы были в улёте. Это же будет культовая закуска к пиву. И не только.

Подошёл Роман Кукуев. Его функция в организованном Альфой пиаре была очень важной: обеспечить транспорт, гостиницу, охрану, авиабилеты. От гонорара Наташа отказалась, она с радостью откликнулась на просьбу Альфы и её приезд был подарком спасителю. Её поддержал в этом и весь ансамбль.

– Не помешаю? – спросил Роман.

– Присоединяйтесь. – ответил Арбелин. – Судя по бойцам, которые стоят на охране, я чувствую, что вы уже знакомы.

– И я просто счастлив такому знакомству! – эмоционально воскликнул обычно сдержанный Кукуев. – И хочу пригласить Наташу выступить на моём дне рождения. – он посмотрел на Наташу. – Гонорар – миллион в долларах.

– Ого! – посмотрел на Наташу Арбелин.

Наташа улыбнулась:

– Я вообще-то на корпоративах не выступаю, Роман... Если только Юлиан Юрьевич попросит.

Арбелин кивнул:

– Попрошу, попрошу. К Роману на день рождения и мы с Альфой, и Денисом и Альбиной появимся. Когда у Вас день рождения, Роман?

– Ещё не скоро. В конце сентября.

– Предварительное согласие даю. – сказала Наташа. – Но... миллион – это многовато... Созвонимся.

Альфа подала Арбелину ключи от машины:

– Поезжайте, Юлиан Юрьевич, домой и Дениса с Альбиной подбросьте. А я с Наташей ещё пообщаюсь.

Вернулась домой она за полночь, усталая и счастливая.

Арбелин обнял её:

– Какая ты у меня умница и проказница!

Над городом, где-то далеко-далеко в небе, тихо-тихо звучало нежное бесаме мучо, словно желая наплясавшимся бургцам «спокойной ночи»...

Первый день праздника, однако, не обошёлся без серьёзного происшествия и происшествием этим была нелепая гибель Саньки Дуба.

В те самые минуты, когда Арбелин с Денисом и Альбиной ехали из парка домой, по другой дороге домой мчался Санька Дуб. Так его разобрало от пива с чебачком, массового веселья и тум-балалайки, что не терпелось схватить поскорее Людмилу в объятия.

Ослушался Санька Романа Кукуева, не удержался, прилип к пиву и купил пару пакетиков чебачка. И принял. И пел вместе с народом тум-балалайку. И не выдержала психика — крепко его от всего этого повело. И шарахнул скорость под 100 км, подписав себе тем самым приговор — на одном из крутых поворотов его верный БМВ занесло и он врезался в столб.

Смерть его была страшной, но мгновенной.

Знакомые гаишники сразу позвонили Кукуеву. Кукуев приехал, посмотрел и уехал, бросив гаишникам:

— Делайте, что положено.

И позвонил Денису.

— Я ведь запретил бригаде пиво пить и чебачками закусывать. А он... Туда ему и дорога.

Финал грешного существования Саньки на планете был непредсказуем и внезапен, но логичен.

Денис, услышав новость, был потрясён. О чём угодно он думал, только не о таком исходе. Мсть свершилась, но так, будто ещё кто-то желал Саньке более значительной кары, чем безудержная мочегонная пивомания.

На другой день праздник продолжался, не утихая и не снижая всеобщего энтузиазма. Погода благоприятствовала настроению: так же грело солнце и на чистом небе — ни облачка. Пива было вдосталь, — добавилось его и от других фирм, Кукуев разрешил, — чебачков было вволю, в том числе и подделок, пингвинчик всё так же приманивал подмигивающим глазком, работали все парковские аттракционы, публика валила валом и наслаждалась неожиданным щедрым подарком городской администрации и пивзавода. Чебачков с айвеселином было совсем немного и к часу дня они закончились, в продаже остался только чебачок-плацебо. Но это уже не имело никакого значения, весёлость, казалось, каким-то чудодейственным образом проникла и в тех, кому айвеселин достался, и в тех, кто купил чебачки без него. Действовала уже одна только чарующая массовая фасцинация, вызывавшая в каждом природный гормональный всплеск радости.

А в два часа дня перед эстрадой уже яблоку негде было упасть. Горожане, которые видели вчерашнее представление по телевизору, устремились в парк

увидеть Наташу Изумрудную вживе. Многие примчались из пригородов. Пришла и часть вчерашней публики – ещё раз насладиться небывалым концертом и полюбившейся ироничной песенкой про пиво с чебачком.

На этот раз перед эстрадой выстроилась целая цепь телевизионных камер. Прилетели – кто ночным, кто утренними рейсами – столичные тележурналисты. Всё это обещало Наташе и её ансамблю такую рекламу, о какой могла только мечтать любая популярная знаменитость. Наташа пока только набирала высоту и ажиотаж возбудил её необычайно. Это был успех. И этот успех обеспечила ей находчивая Альфа. Да к тому же и участие самой Альфы в тум-балалайке оказалось сказочной находкой.

Народ жаждал тум-балалайку сразу, без раскачки. Наташа и ансамбль это поняли и потому никаких вступлений не стали делать, буквально с ходу обрушили на собравшихся полюбившийся ритм.

И всё вчерашнее повторилось в ещё более грандиозном масштабе.

Весь этот искрящийся весельем и буйством страсти многотысячный поющий и пляшущий сход жителей Бурга с удивлением и ошеломлённостью смотрела через телевидение почти вся страна.

Закончился концерт Наташи однако раньше, чем хотелось бы разгорячённому народу. Её ждал самолёт, в Бург Альфа вырвала её только на полтора дня, Наташе надо было успеть на запланированные гастроли в Красноярск.

Закончила выступление она песней бесаме мучо. И бургцы не пожалели – финал её выступления был лиричен и прекрасен.

– На всю жизнь запомню этот праздник. – со слезами сказала она, приткнувшись к Арбелину и прощаясь с академией.

– И мы тоже. – обнял её Арбелин. – Мы тебя любим и мы твои фанаты.

Эта проникновенная сценка не укрылась от десятка телекамер, нацеленных на несравненную Наташу. Тележурналисты пытались прорваться к ней с вопросами, но бойцы Кукуева стояли стеной. Однако от телеобъективов не скроешься! Так Арбелин попал во все телевизионные новости и сюжеты о безумии, творившемся в Бурге на празднике пива.

«Кто этот горбатый? Что за старика целует Наташа Изумрудная?» – звучали вопросы по всей стране и воображение выдавало самые разные догадки. Большинство их сводилось к банальности – это её дедушка пришёл послушать. И только в Бурге телевизионщики быстро пронюхали, что это не кто иной, как учёный, создатель фасцинетики Юлиан Арбелин. Но информации о нём было поразительно мало, никто толком не знал о его научном подвиге, а термин «фасцинетика» вызывал не более, чем недоумение. И оставалось много загадок: с какой стати его обнимает молоденькая певица? а кто эта очаровательная девушка с мальчишеской стрижкой, певшая вместе с Наташей? а какое отношение ко всем им имеет Роман Кукуев? И т. д. Разворачивался в головах дотошных журналистов чуть ли не детективный сюжет и каждый планировал его раскрутить.

В пятом часу Наташа со своим ансамблем уже мчалась в аэропорт в сопровождении охранного эскорта Романа Кукуева.

Позвонила по мобильнику Инга:

– Юлиан Юрьевич, Вы, как и обещали, свели город с ума. Я пела со всем городом тум-балалайку. Я в восторге. Я Вас люблю.

Чуть позже последовал звонок Петрова:

– Юлиан, это грандиозно! Ты возвращаешь человечество в золотой век Сатурна. Прогнозирую рождаемость в Бурге и окрестностях процентов на пятьдесят.

Позвонил Григорий Невпопад:

– Юлиан Юрьевич, был в парке, пил пиво, закусил чебачком и всё лицезрел. Бесподобно! Препоклоняюсь перед Вами и фасцинетикой. От Наташи с её подружкой без ума. Орал тум-балалайку вместе со всеми как безумный.

Прислал коротенькое письмо по электронной почте Зиновий Ушаков из Петербурга: «Пою тум-балалайку. Влюбился в Наташу Изумрудную. Славлю фасцинетику и её гениального создателя Юлиана Арбелина! Чёрт подери, а что за красotka с тобой рядом с короткой стрижкой? Уж не очередная ли жена? Завидую».

В эту ночь никто не спал, весь город высыпал на улицы и дворы, радостно обнимаясь и распевая песни. Это было никогда в таком масштабе невиданное в Бурге массовое народное гуляние, весёлое и дружелюбное, захватившее всех без исключения от мала до велика.

И вновь, как и вчера, где-то высоко-высоко в небе тихо звучало нежное бесаме мучо...

А перед самым восходом солнца бургцы стали свидетелями удивительной небесной картины: над городом зависла едва различимая голубая тарелка, которая медленно плыла на восток – к восходу солнца; и когда солнце появилось своей сияющей кромкой, голубая тарелка начала таять и потом вовсе растворилась, а солнце выплыло невероятно огромным красным диском. У всех, кто видел эту поразившую глаз картину, тотчас мелькнула мысль о НЛО.

Двое суток пивного изобилия, подкреплённого веселящим блаженством от чебачка, не прошли даром: воображение у многих бургцев обрело ту парадоксальную свободу и фантазийность, какую дарит человеческой психике лёгкое опьянение и сладостная умиротворённость, переводя фантазии и иллюзии в святую веру.

ЭПИЛОГ

Безумное праздничное веселье продолжалось в Бурге целую неделю.

Средства массовой информации захлёбывались от восхищения и выдавали самые невероятные интерпретации феномена невероятного народного веселья в Бурге

— от массового психоза (наподобие средневековых плясок Витта) до телепатических инъекций инопланетян. Свою оценку произошедшего в Бурге весёлого безумия давали все кому не лень: колдуны, экстрасенсы, шоумены всех мастей, уфологи, психиатры и шизофреники, порнозвёзды и даже один дрессировщик шимпанзе, у которого подневольные приматы время от времени устраивали плясовой бунт.

Милицейская отчётность констатировала: за все дни праздника в парке не было ни одного преступления. Только один разбитый в щепки киоск по продаже чебачков и ДТП, в котором погиб Александр Дубичев.

Взлетела в выси шоу-бизнеса изумившая всех Наташа Изумрудная. Её даже пригласил на своё московское культовое ток-шоу «Дуэль» Владимир Скворцов. Он вознамерился запустить обсуждение феномена массового веселья, случившегося в Бурге. Она дала согласие участвовать, но только вместе с Альфой.

Кукуев не упустил случая заработать побольше на ажиотаже с чебачком и запустил поточную линию по выпуску чебачка-плацебо на полную мощь, загоняя фальсификаторов в угол. Но и те не унимались.

Чебачка раскупали в обоих вариантах, но дотошные пивоманы быстро уловили разницу и покупали только чебачки бургского пивзавода. Неискущённым любителям пива годились любые.

То тут, то там вспыхивали весёлые гульбища. Плацебо на тех, кто успел чебачка с добавкой изрядно употребить, действовал как красная тряпочка на быка и они впадали в интенсивную весёлость как миленькие уже при одном только его виде; на остальных безотказно производило веселящее действие подражание.

Пиво раскупалось второе и это вызвало беспокойство в медицинских кругах. Кто-то сумел убедить депутата-трезвенника Коромыслова попробовать стаканчик пивка с чебачком. Чебачок попал ему с айвеселином и депутат пристрастился к пиву. Но только с чебачком!

Торговля была счастлива.

Однако без добавки айвеселина, которую академия отклонила, закончив эксперимент, постепенно всё вошло в обычный режим потребления. И озорной чебачок стал в Бурге и окрестностях просто привычной любимой закуской у любителей пива.

Денис, потрясённый смертью Саньки Дуба, взял с собой бабушку, мечтавшую повидать перед смертью родные места, и Альбину и съездил в родной город к дяде Асхату.

Ляушин запил горькую и окончательно свихнулся. Два раза его ловили на том, что он мастурбировал прямо на улице, глядя на окна квартиры Арбелина в надежде увидеть Альфу. Беспощадная Синютина упрятала его с глаз долой в психушку. Так закончил свою сознательную жизнь славный боец невидимого фронта Гедалий Петрович Ляушин.

Гаргалина уволили из ФСБ за неспособность адекватно анализировать сложные действия креатинов. Стал он главной жертвой эпидемии неразгаданной весёлости бургцев и доноса Кисельчука, раздосадованного на Арбелина с Денисом за то, что они лишили его чебачков с айвеселином. О тайне айвеселина он ничего не знал, но веселяще-сексуальное воздействие, какое он испытал от чебачка, навело его на догадку, что в него что-то «этакое» добавлено и оно, это «этакое», развеселило и Вадика, и весь город. А это диверсия. Донос улетел в Москву. Москва сделала выводы: Гаргалина выгнали, а для исследования чебачка и буйного веселья бургцев прислали команду чётких специалистов.

Команда трудилась целый месяц, беседовала, разумеется, и с Арбелиным и Денисом, пытаясь выудить у них признание о некой «веселящей субстанции», как она её обозначила по наводке Кисельчука, но вернулась в столицу ни с чем: чебачок был чист и безупречен, как слеза ангела. Более того, команде его вкус очень понравился. В руки к ним попал раскупаемый в Бурге и окрестностях чебачок-плацебо и несколько чебачков-подделок. Арбелин с Денисом артистично возмущались при беседах с комиссией: «Подделывают, гады!»

Комиссия увезла обоих чебачков с собой для дальнейшего детального химико-биологического анализа.

Кукуев взял Гаргалина к себе в разведслужбу – профессиональные сыщики в дополнение к Шиве ему нужны были позарез, бизнес его разрастался. Обозлённый на ФСБ Гаргалин согласился.

Новый начальник, присланный из Москвы вместо Гаргалина, оказался толстым бурбоном и страшно разочаровал Ингу тем, что с лёту полез к ней под юбку, да ещё удивился, что она, – сексагент!, – от него, своего начальника (!) брезгливо отстранилась. В этот же день Инга приняла долгожданное решение смотаться из ФСБ. Но зная, что так просто из этой организации не уходят, она срочно превратила в любовника вице-губернатора и с его помощью выскользнула из могущественных лап. И занялась бизнесом, перепрофилировав своё агентство на обслуживание рекламы и глянцевого журналов.

Для Романа Кукуева неожиданная смерть Дуба оказалась его «удачным поступком», открывающим дорогу к сердцу Людмилы. С того самого дня, когда она подарила ему сексуальное счастье при проверке своей «профпригодности», он грезил её телесами, а веснушки по всему телу часто ему снились.

Людмила его предложение соединиться в дружный союз не отвергла. Она была чеховской Душечкой, тем более Санька её доканал, а Роман был миллиардером.

Арбелин ждал реакции научной общественности страны на экспериментально вылепленный им факт массовой фасинации.

Но учёные морщили многоумные лбы и упорно молчали, словно получили контузию. Только профессор Миринков был сверхактивен: он, исходя желчью, совсем рехнулся в ненависти к Арбелину и договорился до того, что объявил его замаскированным агентом вражеской инопланетной цивилизации и призывал

компетентные органы подвергнуть его тело медикобиологическому и физикохимическому обследованию.

Для учёной гвардии России фасцинетика всё ещё не существовала.

Петров с Арбелиным опубликование информации об открытии пептидов весёлости решили пока придержать. Арбелин убедил друга, что ещё рано, надо понаблюдать за развитием событий с чебачком. О проекте завоевания Европы он ему рассказал, чем привёл друга в весёлый восторг:

– Заставим Европу петь и плясать!

– С этого начинали когда-то восхождение к разуму кроманьонцы – предки европейцев. – ухмыльнулся Арбелин.

– Убедил, Юлиан! Я с вами. Европа достойна чебачка и айвеселина. Возьму на полгода отпуск и оторвусь куда-нибудь туда. Мои сокурсники по всей Европе в университетах трудятся, один я бургский домосед. Пора на старости лет немного порезвиться.

– Вот там ты и обнародуешь открытие! И запустишь фармакологию. У нас это застрянет поперёк горла.

– Отлично. Но только с тобой. Без тебя не поеду.

– Я тоже прокачусь. Теперь можно. У меня жена по-аглички шпарит как американка. Будет переводить с моего чукотского.

Леонид Истомин, убедившись, что от государства помощь фасцинетике придёт когда рак на горе свиснет, с энтузиазмом пассионария ринулся создавать неправительственный общественный фонд содействия развитию фасцинетики. И даже сумел приобщить к своей инициативе двух уральских инновационно мыслящих миллионеров: Бахова и Косицина.

Альфа долго билась над переводом на английский слова «чебак», в английских словарях его не оказалось. Тогда она нашла прекрасную замену, назвав чебачок к пиву «золотой рыбкой» к пиву – goldfish for beer. Вполне по-европейски!

Сплочённой командой академия «Альфа» в союзе с олигархом Романом Кукуевым и профессором Дмитрием Петровым вступила на путь продолжения своего веселящего человечество эксперимента.

продолжение

том второй

GOLDFISH FOR BEER IN EUROPE

ЧЕБАЧОК В ЕВРОПЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю	3
Часть первая	
ФАСЦИНАЦИЯ МСТИ	4
Часть вторая	
ДЕНИС СТАНОВИТСЯ КУЛИНАРОМ	29
Часть третья	
БЕЗУМНЫЙ ПРОЕКТ УЧЁНОГО ЮЛИАНА АРБЕЛИНА	35
Часть четвёртая	
МИСТИКА ВСТРЕЧ	50
Часть пятая	
ДОЛГОЖДАНЫЕ УЧЕНИКИ	60
Часть шестая	
ВЕСЁЛОСТЬ ДУХА, ВЕСЁЛАЯ КУХНЯ И МУСОРКИ	91
Часть седьмая	
КАК ТОРТ «АДАМ И ЕВА» ОЧАРОВАЛ БУРГ	114
Часть восьмая	
ЭКСКУРСИЯ ПО МУСОРКАМ И УСТРАШАЮЩАЯ ФАСЦИНАЦИЯ	120
Часть девятая	
ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЙ ОЗОРНОЙ ПИНГВИНЧИК	127
Часть десятая	
УЧЁНЫЙ АРБЕЛИН И ПОЛКОВНИК ФСБ ГАРГАЛИН	141
Часть одиннадцатая	
КРУГЛЫЙ СТОЛ БРОСИЛ АРБЕЛИНУ ПЕРЧАТКУ	158
Часть двенадцатая	
САТУРНАЛИИ РИМА, ЕЛЕНА ТРОЯНСКАЯ И СЛЕЖКА ФСБ	171
Часть тринадцатая	
ПОКУШЕНИЕ НА ДЕНИСА И РАССЛЕДОВАНИЕ КУКУЕВА	188
Часть четырнадцатая	
НИНОЧКА ЧЕРНАВИНА И ПЕПТИДЫ ВЕСЁЛОСТИ	203
Часть пятнадцатая	
АРБЕЛИН РАЗОБЛАЧАЕТ СЕКСАГЕНТА ФСБ ИНГУ МИГАЧЁВУ	210
Часть шестнадцатая	
АЛЬФА ПИШЕТ БИОГРАФИЮ АРБЕЛИНА И ОСВАИВАЕТ ФАСЦИНАЦИЮ ЖЕНСКОГО ТЕЛА	230
Часть семнадцатая	
СТРЕССЫ ГАРГАЛИНА И ОЗОРСТВО АРБЕЛИНА	244
Часть восемнадцатая	
ТАНЕЦ, ПОТ И АЙВЕСЕЛИН	255
Часть девятнадцатая	
АЙВЕСЕЛИН ДЕЙСТВУЕТ И ЗАЖИГАЕТ!	267
Часть двадцатая	
ЛЮБВЕОБИЛЬНАЯ БИЗНЕСВУМЕН УМНИКОВА, САНЬКА ДУБ И ЧЕБАЧОК К ПИВУ	272

Часть двадцать первая	
БЕЗУМНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ АРБЕЛИНА НАД САМИМ СОБОЙ	284
Часть двадцать вторая	
ЭКС-КОМСОМОЛЦЫ БЕЗУМСТВУЮТ С ПИОНЕРВОЖАТЫМИ	291
Часть двадцать третья	
ИСЦЕЛЕНИЕ И ТРИУМФ НАТАШИ	298
Часть двадцать четвёртая	
ТРАГЕДИИ АЛЬБИНЫ	308
Часть двадцать пятая	
ИСЦЕЛЕНИЕ АЛЬБИНЫ	323
Часть двадцать шестая	
ЮБИЛЕЙ И БОЛЕЗНЬ АРБЕЛИНА	330
Часть двадцать седьмая	
АЛЬФА ОРГАНИЗУЕТ ЗАБОТУ ОБ УЧИТЕЛЕ	342
Часть двадцать восьмая	
СВАДЬБА ДЕНИСА И ЗАХВАЧЕННОСТЬ АЛЬФЫ	348
Часть двадцать девятая	
ЧЕБАЧОК ОЧАРОВАЛ КОНСТАНТИНА КИСЕЛЬЧУКА	355
Часть тридцатая	
АЛЬФА БЬЁТ ЛЯУШИНА И ЖЕНИТ НА СЕБЕ АРБЕЛИНА	361
Часть тридцать первая	
ФАСЦИНОФИКАЦИЯ ЧЕБАЧКА	374
Часть тридцать вторая	
ВЕСЁЛОЕ ДРУЖЕЛЮБНОЕ БЕЗУМИЕ – КАК И БЫЛО ОБЕЩАНО!	378
Часть тридцать третья	
НАТАША ИЗУМРУДНАЯ, ТУМ-БАЛАЛАЙКА, СМЕРТЬ САНЬКИ ДУБА И ТРИУМФ ЭКСПЕРИМЕНТА АРБЕЛИНА	385
ЭПИЛОГ	394

художественное издание

Рим Фиктор

Чебачок к пиву. История одной мести.

Роман

Корректор: М. Е. Иванова

Дизайн и вёрстка автора

Подписано в печать 20. 06. 2013 г. Формат 60х84 1/16

Тираж 100 экз.

самиздат

Отпечатано в типографии

ООО «Издательство УМЦ УПИ»

620078 г. Екатеринбург, ул. Гагарина, 35а, оф. 2

Тел: (343) 362-91-16, 362-91-17

заявку на 2–й том можно послать на vmms@mail.ru